

МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

С. Э. Поляков

**КОНЦЕПТЫ
И ДРУГИЕ
КОНСТРУКЦИИ
СОЗНАНИЯ**

ББК 88.32
УДК 159.922
П54

Поляков С. Э.

- П54 Концепты и другие конструкции сознания. — СПб.: Питер, 2017. — 624 с.: ил. — (Серия «Мастера психологии»).
ISBN 978-5-4461-0363-8

Данная книга, как и предыдущая, написана в традициях классической психологии. Однако то, что автор пришел в психологию из медицины и психиатрии, позволило ему предложить новый взгляд на многие нерешенные проблемы психологии и разработать целый ряд неожиданных подходов и оригинальных решений, многие из которых меняют привычные фундаментальные представления, казавшиеся незыблемыми целым поколениям ученых. Автор обнаружил и описал сложные психические феномены человеческого сознания, которые назвал «психическими конструкциями», создал новую и стройную систему психической феноменологии. Им же описана под названием «объективная психическая реальность» совершенно новая область психологии, которую можно считать решением одной из глобальных проблем не только психологии, но и социологии и ряда других гуманитарных наук.

Книга посвящена вопросам психологии, но в ней на базе психической феноменологии рассматриваются в том числе философские, социологические, лингвистические и гносеологические проблемы. Поэтому она будет полезна представителям всех этих дисциплин.

12+ (В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ.)

ББК 88.32
УДК 159.922

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Оглавление

Предисловие	6
-------------------	---

Часть I. Понятия и концепты

Глава 1.1. Чувственный уровень репрезентирования реальности	8
1.1.1. Некоторые доминирующие в современной психологии представления	8
§ 1. Об основной парадигме когнитивной психологии	8
§ 2. «Кредо» современного психолога	25
1.1.2. Чувственное репрезентирование реальности	31
§ 1. Что такое моделирование и репрезентирование	31
§ 2. Понятие <i>образ восприятия</i> в отечественной и зарубежной психологии	33
§ 3. Ощущения как разновидность образов восприятия	38
§ 4. Соотношение репрезентации и предмета	42
§ 5. Чувственные психические конструкции	59
1.1.3. Модели-репрезентации как чувственные концепты	63
§ 1. Модель-репрезентация как типичная психическая конструкция	63
§ 2. Модели-репрезентации предметов	70
§ 3. Модели-репрезентации как психические инварианты	79
§ 4. Модели-репрезентации свойств	83
§ 5. Модели-репрезентации движений и изменений	85
Глава 1.2. Символический (вербальный) уровень репрезентирования реальности	89
1.2.1. Понятия и концепты	89
§ 1. Понятие и концепт в смежных с психологией науках	89
§ 2. Понятие и концепт в отечественной и зарубежной психологии	95
§ 3. Предлагаемые определения понятия и концепта	99
§ 4. Функции понятий и концептов	101
§ 5. Роль редуцированных понятий в формировании концептов	102
§ 6. Слово — понятие — концепт	110
1.2.2. Концептуализация реальности	115
§ 1. Мы познаем мир не предметно, а сущностно	115
§ 2. Что такое концептуализация реальности	123
§ 3. Концептуализация, язык и «странные» части речи	140
1.2.3. Вербальные психические конструкции и концепты	144
§ 1. Чувственная основа вербальных репрезентаций реальности	144
§ 2. Вербальные конструкции	153

Глава 1.3. Концепты	166
1.3.1. Феноменология концептов	166
§ 1. Структура концепта с позиций смежных с психологией наук	166
§ 2. Возможные подходы к типологии концептов	168
1.3.2. Концепты как репрезентации сущностей реальности	173
§ 1. Концепты, конституирующие и конструирующие сущности реальности.	173
§ 2. Гипостазирование сущностей, создаваемых сознанием с помощью концептов.	183
§ 3. Историческая динамика концептов	187
§ 4. Аморфность концептов	190
1.3.3. Этническая специфика концептов	197
§ 1. Теория лингвистической относительности Сепира — Уорфа	197
§ 2. Специфика национальных концептосфер	203
§ 3. Непереводаемость понятий и несоизмеримость конкурирующих теорий	214
§ 4. Существуют ли «фундаментальные концепты»	220
Глава 1.4. Понятия	224
1.4.1. Виды понятий	224
1.4.2. Общие понятия (универсалии)	231
1.4.3. Категоризация	238
§ 1. Категории	238
§ 2. О теориях категоризации	240
§ 3. Об относительной ценности «естественных» классификаций.	246
§ 4. О прототипах и прототипичности	252
§ 5. Категории базового уровня и феноменология концептов.	257
1.4.4. Усвоение понятий	262
1.4.5. Формирование понятий (и концептов)	275
§ 1. Формирование концептов с точки зрения физиков	275
§ 2. Механизмы формирования понятий	280

Часть II. Сложные психические явления

(авторы — С. Э. Поляков, А. С. Буреломова)

Глава 2.1. Структурированность психического содержания	290
Глава 2.2. Идеи, предшествовавшие появлению теории психических конструкций	301
2.2.1. Общие соображения	301
2.2.2. Схемы Ф. Бартлетта (1938)	302
2.2.3. Фреймы М. Минского (1975)	316
2.2.4. Когнитивные карты Э. Толмена (1948)	321
2.2.5. Личные конструкты Дж. Келли (1955)	323
2.2.6. Идеальные типы М. Вебера (1920)	328
2.2.7. Психические конструкты	331
2.2.8. Идеализированные когнитивные модели Дж. Лакоффа (1987)	343

Глава 2.3. Психические конструкции С. Э. Полякова (2004)	347
2.3.1. О феноменологии психических конструкций	347
2.3.2. Не является ли психическая конструкция очередным конструктом исследователя?	358

Часть III. Объективная психическая реальность

Глава 3.1. История теорий, имеющих отношение к проблеме объективной психической реальности	368
Глава 3.2. Об объективной реальности	374
3.2.1. Объективность в психологии	374
3.2.2. Реальность и ее виды	379
3.2.3. Объективная предметная физическая реальность	382
3.2.4. Психическая реальность	387
3.2.5. Может ли психическое быть объективным?	395
Глава 3.3. Две стороны окружающей нас физической реальности	399
Глава 3.4. Социальная реальность как еще одна часть ОНР	426
3.4.1. Что такое социальная реальность?	426
3.4.2. Главные компоненты социальной реальности	430
3.4.3. Морально-нравственные конструкции человеческого сознания	441
Глава 3.5. Представления о психике и индивидуальном сознании как о третьей части ОНР	448
Глава 3.6. Объекты и другие сущности ОНР	459
3.6.1. Объекты ОНР	459
3.6.2. Прочие сущности ОНР	466
Глава 3.7. Знание и ОНР	478
3.7.1. Определение знания и соотношение знания с ОНР	478
3.7.2. Вербальные репрезентации, являющиеся научным знанием ...	484
Глава 3.8. Верификация вербальных конструкций, участвующих в формировании ОНР	498
3.8.1. Объективизация субъективного психического содержания ...	498
3.8.2. Истинность вербальных конструкций	501
3.8.3. Вербальные конструкции не истинные и не ложные	507
Глава 3.9. ОНР и время	511
3.9.1. Время и концептуализация реальности	511
3.9.2. Сущности ОНР, которые могут пребывать только во времени ..	514
3.9.3. Разное понимание и «видение» времени в ОНР разных обществ	521
Глава 3.10. Роль ОНР в жизни человека	528
Глава 3.11. Вместо заключения. Что же все-таки такое объективная психическая реальность?	533
Примечания	547
Литература	574
Предметный указатель	615

Моей жене и музе посвящаю

Предисловие

Эта книга является логическим продолжением моей предыдущей работы «Феноменология психических репрезентаций» (2011). Первоначально я предполагал подготовить две отдельные книги. Одну — посвященную понятиям и психическим конструкциям, вторую — объективной психической реальности (ОПР). Однако время идет слишком быстро, а работа — слишком медленно, поэтому пришлось ограничиться одной книгой. Отсюда проистекает смысловой разрыв между частями предлагаемой вашему вниманию работы.

Выражаю благодарность моей семье за помощь в подготовке книги и ценные советы.

**ПОНЯТИЯ
И КОНЦЕПТЫ**

Чувственный уровень репрезентирования реальности

1.1.1. Некоторые доминирующие в современной психологии представления

§ 1. Об основной парадигме когнитивной психологии

Предлагаемая вниманию читателей книга не опирается на собственные экспериментальные исследования автора, хотя в ней учитываются и даже обсуждаются многие психологические эксперименты. **Книга является результатом интроспекции, которая, по моему мнению, остается незаслуженно забытой, что не идет на пользу психологии.**

Надо с сожалением признать, что современная психология, основным научным направлением которой считается сегодня когнитивизм, уступила многие свои важнейшие области (например, учение о понятиях и концептах, о вербальных конструкциях, о механизмах мышления и т. д.) другим, смежным наукам (лингвистике, семантике, информатике, науке об искусственном интеллекте, логике и даже философии). Она фактически не занимается сейчас психической феноменологией, что реально тормозит развитие представлений о человеческой психике.

Главной причиной этого можно назвать то, что **когнитивизм — полонправный и достойный наследник бихевиоризма. Формально признавая наличие психических феноменов, он не готов согласиться с тем, что именно они являются непосредственно рефлекслируемой каждым человеком и субъективно очевидной для него формой выражения человеческого разума¹.** Когнитивизм неправильно понимает роль психи-

¹ «Разум... — понимание — качество психики, состоящее из способности адаптироваться к новым ситуациям, способности к обучению на основе опыта, пониманию и применению абстрактных концепций и использованию своих знаний для управления окружающей сре-

ческих явлений, а потому и занимается ими во вторую очередь, отдавая приоритет материальным процессам, протекающим в мозге.

Он по-прежнему пытается объяснить человеческий разум, используя электрофизиологические и биохимические процессы, и полностью игнорирует тот факт, что проявления разума легко прослеживаются в психических явлениях. Нет даже смысла расценивать это в качестве недостатка когнитивизма, потому что **он не психология, а психофизиология или, точнее, физиологическая психология**. Он безуспешно, но настойчиво пытается продолжать строительство «объективной» психологии, отказываясь признавать и принимать то, что в принципе не может быть «объективного» изучения такого предельно субъективного и недоступного экспериментальным методам исследования объекта, как сознание и его феномены.

Когнитивизм не готов принять то, что **нейрофизиологические и нейрохимические процессы в мозге при всей их важности соотносятся с психикой совершенно неясным пока образом и их влияние на принятие рациональных решений и на разумное поведение опосредовано психикой**. Следовательно, эти материальные процессы не могут прямо объяснить человеческий разум. По крайней мере, они не могут быть использованы для этих целей сейчас, когда сами психические феномены в когнитивной психологии плохо очерчены и недостаточно четко определены, так как не являются для нее приоритетным предметом исследования.

Казалось бы, бог с ней, с когнитивной психологией. В психологии много направлений, поэтому можно развивать альтернативное, признающее главную роль за психическим явлением. И если оно докажет свою эффективность, то и замечательно. Однако не все так просто. Когнитивизм — это не только одно из направлений психологии. Это главное направление, претендующее на то, чтобы не просто доминировать в психологии, но подобно бихевиоризму в XX в. заменить собой эту науку.

Безусловно, странно было бы сомневаться в необходимости и важности изучения материальных процессов, протекающих в мозге, однако они не могут заменить психику. Кстати, ни нейрофизиологи, ни нейропсихологи еще не связали ни одного конкретного психического феномена с конкретными формами материальной мозговой активности, то есть с нейрофизиологическими или биохимическими феноменами. Впрочем, в рамках когнитивизма подобную связь и невозможно установить хотя бы потому, что для этого надо в дополнение к нейрофизиологическим возможностям иметь еще детально разработанную психическую феноменологию, которой когнитивизм не имеет, так как ею никогда не занимался.

дой» (Разум [Электронный ресурс] Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Разум>).

Несмотря на то что гуманитарные науки уже тысячи лет обсуждают ведущую роль суждений, умозаключений, мыслей, мнений и выводов, то есть конструкций из понятий в рассудочной, разумной деятельности человека, современная когнитивная психология не готова принять эти очевидные, казалось бы, факты. Она по-прежнему фактически рассматривает психику как феномен, лишь сопровождающий работу мозга, ответственную за человеческий разум. В любом случае как что-то вторичное и гораздо менее существенное, чем мозг.

Между тем **наличия психических феноменов вполне достаточно для объяснения разумного человеческого поведения и разума вообще.** В отличие от мозга они не требуют для этого введения дополнительных сущностей. Анализируя их динамику, можно, например, легко проследить процесс принятия человеком решения. Удивляет то обстоятельство, что огромная группа когнитивных психологов предпочитают не обращать внимания на содержание собственного сознания и не замечать того, что их собственные мысли являются очевидной демонстрацией наличия у них разума.

Думаю, это объясняется в первую очередь невозможностью исследовать мысли «объективно», так как сведения о них можно получить лишь благодаря дискредитированной бихевиоризмом интроспекции. Однако если мы хотим заниматься психологией, а не изучением поведения, даже разумного, то никаких других прямых методов изучения человеческих психических репрезентаций больше нет и лишь интроспекция является ключом к нашему разуму.

Представляется более чем странным, что исследователи, которые не верят в значимость феноменов собственного сознания применительно к предмету своего научного интереса — психологии, целиком и полностью полагаются на эти же феномены в собственной повседневной жизни. Вне своей профессиональной деятельности они ежесекундно принимают в расчет эти «ментальные эпифеномены», «сомнительность» которых не побуждает их, однако, усомниться, например, в реальности репрезентируемого ими окружающего мира. Эти исследователи не сомневаются также в разумности и здравости собственных психических построений (состоящих из психических феноменов) и разумно действуют, исходя из них. Причем мысли о самих себе и своих переживаниях, возникающие у них в процессе рефлексии и самонаблюдения, не кажутся им ни ничтожными, ни бессмысленными, несмотря на «эпифеноменальность» этих их психических явлений.

Феномен сохранения необихевиоризма в когнитивной психологии просто удручает. Возможно, сильнейшим аргументом в пользу отказа когнитивистов от признания определяющей роли психических феноменов является для них то, что в отрыве от нейрофизиологической мозговой активности психика как бы висит в воздухе. Она не имеет очевидных всем точек

соприкосновения с мозговым субстратом в том смысле, что ни один конкретный психический феномен нельзя прямо и однозначно причинно-следственно связать с конкретными материальными процессами в мозге. Но это не отменяет их безусловной субъективной реальности, а главное, никак не влияет на очевидность их связи с разумом и с разумным поведением.

В процессе ознакомления с работами когнитивистов складывается впечатление, что для них психология началась только с XX в., с бихевиоризма, который воспринимается ими не как наука о поведении, лишь имеющая определенное отношение к психологии, а как важная часть современной психологии. И это несмотря на то, что многие представители когнитивизма неоднократно декларировали свое отмежевание от бихевиоризма. Впрочем, одних заявлений недостаточно. **Для преодоления бихевиоризма мало утверждать, что он ошибочен, следует радикально поменять базовые психологические концепты и теории.**

Необходим отказ от основополагающих бихевиористских в своей основе взглядов на психику и методы ее исследования, а этого как раз и не наблюдается. Недаром само признание большинством исследователей одного лишь факта наличия ментальных образов сопровождалось грандиозной многолетней дискуссией в когнитивной психологии и целой революцией в мировоззрении большинства когнитивистов в последней четверти XX в.

Учитывая последнее обстоятельство, даже если когнитивизм сделает своей основной задачей поиск соответствий между нейрофизиологическими процессами в мозге и психическими феноменами, ему предварительно придется всерьез заняться изучением психической феноменологии, которой он внимания не уделяет. Невозможно результативно соотносить материальные процессы в мозге с плохо дифференцированными и недостаточно внятно описанными психическими феноменами. Впрочем, у нас пока нет особых оснований полагать, что когнитивизм вообще займется психическими явлениями, так как до сих пор он не особенно стремился к этому.

Между тем в классической психологии конца XIX в. странно было бы даже дискутировать по поводу наличия психических образов. Оно было для психологов очевидным и совершенно бесспорным. Так же как то, что прямой доступ к психическим феноменам возможен лишь путем интроспекции — наблюдения собственных психических феноменов. Большинству исследователей было понятно, что эксперименты могут играть в психологии лишь вспомогательную роль, ибо без результатов интроспекции в психологии нет и не может быть самого предмета исследования.

Радикальный бихевиоризм изъясил из психологии предмет исследования — психику. Он декларировал, что за человеческий интеллект ответственна нейрофизиологическая активность мозга, психические же феномены не важны. Они лишь сопровождают эту основную, материальную мозговую активность в качестве ее вторичных и несуществен-

ных проявлений — пара- или эпифеноменов. **Когнитивизм**, формально отказавшись от этих крайних утверждений, по сути, стоит на сходных, пусть и существенно модифицированных, позициях. Его **следует** поэтому **отнести к методологическому бихевиоризму**¹.

Я не сомневаюсь в том, что роль физических и химических процессов, протекающих в мозге и обеспечивающих функционирование человеческого сознания и разумное поведение человека, важна и бесспорна. Смешно было бы это отрицать. Тем не менее из важности их роли не следует, что именно процессы в мозге ответственны за наличие у человека разума². Если встать на позиции редукционизма, то нельзя не признать, что за человеческий разум и интеллект³ в не меньшей степени ответственна, на-

¹ «Методологический бихевиорист допускает, что психические явления и процессы — это реальность, однако считает, что они недоступны научному изучению. Научные факты, говорит методологический бихевиорист, должны быть публичными и открытыми явлениями, такими как движения планет или химические реакции, которые могут наблюдать все исследователи. Сознательный опыт, однако, неизбежно оказывается сугубо личным и внутренним; интроспекция может его описать (часто неточно), но не способна сделать его публичным и открытым для всеобщего обозрения. Следовательно, чтобы стать наукой, психология должна заниматься изучением только публичного и открытого поведения и отвергнуть интроспекцию. Отсюда сознание, несмотря на всю свою реальность и привлекательность, с методологической точки зрения не может быть предметом научной психологии. Метафизический бихевиорист высказывает еще более радикальное утверждение: точно так же, как физические науки отвергли демонов, духов и богов, показав мифичность их существования, так и психолог должен отвергнуть — как мифические — психические явления и психические процессы.

Это вовсе не означает, что такие ментальные понятия, как “идея”, лишены всякого смысла (хотя это может быть так), ведь и понятие “Зевс” также не является совершенно бессмысленным. Мы можем описать Зевса и объяснить, почему люди верили в него, не утверждая при этом, что имя “Зевс” имеет отношение к чему-то, что когда-либо существовало. Сходным образом, говорит этот радикальный бихевиорист, мы можем описать условия, при которых люди используют “идею” или любое другое ментальное понятие, объяснить, почему они верят в то, что обладают разумом или душой (психикой), и при этом утверждать, что “идея”, “разум” и подобные понятия не имеют отношения к чему-либо, что существует в реальности, за исключением, пожалуй, определенных действий и определенных стимулов. Следовательно, поскольку нельзя исследовать то, что не существует (психика), психология должна быть бихевиористской: все, что реально существует, — это поведение. ...Основными видами необихевиоризма являются формальный Б., включая логический Б. и целевой (или когнитивный) Б.; неформальный Б.; радикальный Б. Все они, за исключением последнего, — формы методологического Б.; радикальные бихевиористы стоят на позициях метафизического Б.» (см.: Т. Г. Лихи, 2006, с. 60).

² Я вполне отдаю себе отчет в том, что понятие *человеческий разум* обозначает всего лишь плохо понятный, аморфный конструкт. То же следует сказать в отношении понятия *интеллект*. Одной из проблем когнитивной психологии как раз и является отсутствие эффективной и разработанной психической феноменологии и терминологии.

³ «Интеллект (от лат. *intellectus* — “ощущение”, “восприятие”, “разумение”, “понимание”, “понятие”, “рассудок”) — качество психики, состоящее из способности адаптироваться к новым ситуациям, способности к обучению на основе опыта, пониманию и применению абстрактных концепций и использованию своих знаний для управления окружающей

пример, работа сердца, кишечника, других органов, даже просто наличие определенного уровня глюкозы в крови. Без них не могло бы быть никакой мозговой активности, а в результате — и самого человеческого интеллекта. Несомненно, мозг играет основную роль в обеспечении функционирования человеческого сознания. *Но что дает психологии констатация данного обстоятельства? Это как-то приближает нас к пониманию сущности нашего разума и его процессов?* Нет.

Мне поэтому представляются правильными посылки, которые исходят из классической психологии XIX в.

1. **Собственные психические явления (или феномены) — это самая очевидная и бесспорная реальность, какая только может существовать для человека. Они не менее очевидны для него, чем внешний мир, хотя бы потому, что они же его и репрезентируют.**
2. **Психические явления репрезентируют нам окружающую нас «реальность в себе», состояние нашего тела и даже содержание нашего сознания, то есть самих себя.**
3. **Психические явления не только составляют содержание человеческого сознания, но и само сознание только в них и проявляется; без или вне психических феноменов человеческий разум, любая человеческая интеллектуальная активность невозможны; психические явления и есть единственный субстрат и форма выражения человеческого разума, и именно они, а не некая материальная мозговая активность ответственны за него.**
4. **Психические явления непосредственно доступны самонаблюдению в процессе интроспекции и могут быть изучены в интроспективном эксперименте.**
5. **Без интроспекции психолог в большинстве случаев просто не в состоянии сформулировать гипотезы, подлежащие проверке в психологическом эксперименте, так как у него нет материала для их конструирования; эксперимент в психологии лишь подтверждает или отвергает теории, обычно выстраиваемые исследователями на основании интроспекции.**
6. **Человеческий разум проявляется в форме сменяющих друг друга в сознании последовательностей психических феноменов — мыслей, которые доступны рефлексии.**
7. **Безусловно, материальные «объективные» процессы в мозге важны, но они обеспечивают лишь появление психических феноменов,**

средой. Общая способность к познанию и решению трудностей, которая объединяет все познавательные способности человека: ощущение, восприятие, память, представление, мышление, воображение» (Интеллект [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Интеллект>).

то есть обеспечивают субъективно очевидные проявления человеческого разума, которые и должна изучать психология. Все разговоры о якобы разумной мозговой активности или об ответственных за человеческое рациональное и разумное поведение процессах в мозге — не более чем редукционизм, приносящий психологии вред.

Наличие и особенности разума у объекта, как предполагают многие исследователи, могут быть установлены внешним наблюдателем по признакам, проявляющимся в поведении объекта. Однако внешнему наблюдателю недоступна психика в качестве объекта исследования. Он изучает не ее, а совершенно другой объект — поведение организма, по изменениям которого делает опосредованные выводы о психике. И, как нам демонстрируют успехи современной робототехники, эти внешние поведенческие признаки легко могут ввести наблюдателя в заблуждение.

Когнитивистскую психологическую литературу переполняют необычные и причудливые объекты, которые нельзя отнести ни к психике, ни к физиологии. Это объясняется тем, что, уйдя из классической психологии в психологию физиологическую, когнитивизм еще и смешивает психологическую и физиологическую плоскости анализа функционирования человека. В результате он рассматривает и описывает не психические феномены, а некие мифические конструкты исследователей, обозначаемые, например, понятиями *паттерны, сигналы, формы, стимулы*¹ и т. д. и т. п.

Не вызывает сомнений необходимость попыток соотнесения психологии с нейрофизиологией. Но столь же очевидно, что **на современном уровне развития науки невозможно связать психическое и физиологическое, а потому исследователям не следует пытаться их причудливо объединять в собственных теориях и рассуждениях.** Безусловно, одно неразрывно связано с другим и они мощно влияют друг на друга. Но у нас нет пока ни способов, ни возможностей для изучения их реальных связей, поэтому **недопустимо смешивать физиологические и психологические понятия, конструируя из них некие странные и нежизнеспособные гибриды.**

Даже весьма уважаемые мною исследователи, которых можно рассматривать уже как классиков когнитивизма, пишут, например, не о психических феноменах, а о неких «схемах репрезентации, полностью лишенных чувственной основы» (см.: Л. Барсалу, 2011, с. 127), о «перцептивных символах, представляющих собой активацию группы связанных друг с другом нейронов» (с. 131) и т. п. Наличие нейрофизиологической и нейрохимической активности нейронов в головном мозге очевидно и не вызывает

¹ Везде в книге примеры понятий, концептов и вербальных конструкций я выделяю курсивом. В выделенных курсивом предложениях они, наоборот, напечатаны обычным текстом.

возражений. *Но при чем здесь символы?* Символ появляется только в сознании. В физиологии и нейрохимии нет и не может быть символов. Там только электрохимические процессы.

Психические явления в противовес этим причудливым конструктам каждый человек легко может наблюдать в собственном сознании. Они есть, и, несмотря на свою мимолетность и бесплотность, они абсолютно реальны для любого человека. Главное, они понятны и вполне доступны ему, в отличие, например, от некоей якобы «представленной в мозге информации»¹ (см.: С. М. Косслин, 2011, с. 98) или якобы существующих в мозге «физических наглядных репрезентаций» (с. 101). Подобные странные конструкты можно было бы списать на неточности изложения и перевода или на увлеченность исследователей, если бы они не отражали общую позицию когнитивизма.

В когнитивизме, например, общепринятый и широко используемый для обозначения конкретных психических феноменов психологический термин «репрезентации» может применяться почему-то для обозначения электрофизиологических феноменов и компьютерных моделей электрической активности мозга — «мозговых карт». А психические образы почему-то сопоставляются с компьютерными изображениями участков мозга, отличающихся повышенной активностью. И между этими разными явлениями проводятся непонятные аналогии.

Какое отношение мозговое картирование может иметь к ментальным образам? Ответу: такое же, например, как и пики на электроэнцефалограмме, или вызванные потенциалы, или даже колебания уровня гормонов в крови и моче, то есть никакого. Все это столь же «информативно» для анализа и понимания психических феноменов, как, например, цвет волос и рост больного для установления ему диагноза или средняя температура по больнице как показатель эффективности лечения в ней.

На данном этапе развития психологии психические и физиологические феномены необходимо исследовать, не отдавая предпочтения ни тем ни другим, но уж никак не исключая психическую феноменологию из сферы интересов психологии. Психическое содержание сознания не нуждается для доказательства своего существования в физиологическом подкреплении и подтверждении. Достаточно просто обратить внимание на собственные мысли. И в очередной раз повторяю, что нельзя успешно изучать связи плохо выделенных и нечетко определенных феноменологически психических явлений с мозговыми структурами и процессами.

¹ Информация — одна из многочисленных сущностей ОПР. Это совокупность психических феноменов, или некое психическое содержание, репрезентирующее людям какой-то аспект «реальности в себе». Данное психическое содержание потенциально доступно передаче от одного человека к другому с помощью языковых конструкций или других знаковых систем.

Психические феномены легко доступны каждому человеку в процессе интроспекции. Они ему более или менее понятны. К тому же они легко трансформируются в человеческую речь, а чужая речь, в свою очередь, будучи воспринятой человеком, легко трансформируется в психические явления его сознания. Кроме и вместо психических феноменов нет ничего ответственного за появление и функционирование человеческого разума и того, в чем разум может выражаться столь очевидно для самого человека. Однако бихевиористское наследие не позволяет принять несомненный факт того, что именно и только психические феномены и есть основной и важнейший предмет, который психология должна и может изучать. Изучать потому, что лишь они представляют собой единственную форму проявления и существования человеческого разума. Разума, так же доступно интроспекции, как внешний мир доступен наблюдению исследователя.

Изучать психические феномены можно и нужно в первую очередь с помощью интроспективного наблюдения и описания собственных психических явлений. Хотя, как пишет К. Лоренц (2012), «...многие ученые часто выражают недоверие и плохо скрываемое пренебрежение, когда... исследование начинается с наблюдений и описаний, вместо обращения к экспериментальным методам и определению понятий в стиле, который называют “точным” и “научным”. Никому из подобного рода теоретиков не приходит в голову, что Ньютон и Кеплер открыли законы движения небесных тел исключительно на основе наблюдений и описаний, не проведя ни единого эксперимента. Тем более им невдомек, что эти методы привели к открытию принципов, гораздо менее доступных экспериментальной проверке, чем закон всемирного тяготения, — принципов, которыми руководствуется наше собственное морально-этическое поведение. Итак, путь к человеческому самопознанию остается напрочь заблокированным» (с. 96).

Человек в процессе интроспекции легко регистрирует собственные мысли. Многие из них он затем экстерииоризирует, то есть высказывает в виде слов во время коммуникации с другими людьми. Только психические феномены отображают нашу интеллектуальную деятельность и связаны с ней совершенно очевидным образом. Исключительно в виде психических феноменов выражаются и существуют не только человеческий разум, но и репрезентированные в них же «объективный» физический мир и «субъективный» внутренний мир.

Еще раз повторю, что нет человеческого разума в виде некоей якобы бессознательной разумной физиологической или электрохимической активности мозга. Его нет без и вне психических феноменов. Разум проявляется не только в форме разумного поведения, но в первую очередь в форме упорядоченных последовательностей психических феноменов, которые возникают в человеческом сознании и очевидны для каждого человека.

Однако данный факт для современного когнитивистского методологического бихевиоризма по-прежнему неочевиден.

Психические феномены доступны интроспекции и представляют собой преимущественно чувственные образы, понятия и конструкции из них. При этом их самих по себе вполне достаточно для понятного и убедительного психологического объяснения функционирования человеческого разума. **Взаимосвязанные психические феномены, наблюдаемые интроспективно, являются для каждого индивидуума, с одной стороны, субъективным доказательством наличия у него разума и сознания. С другой стороны, они же суть проявления самого разума и сознания.** Более того, **никакого другого разума и сознания без этих психических феноменов или вместо них у человека просто нет.**

Собственные психические явления мы всегда осознаем, хотя и не всегда столь же хорошо понимаем. Они доступны нам и как репрезентации реальности, и как объекты нашего самонаблюдения. Чудесно то, что мы способны не только переживать их в своем сознании, то есть мыслить, но и рефлексировать по поводу своих мыслей. Это позволяет нам описывать и обдумывать не только воспринятое в окружающем мире, но и переживаемое в собственном сознании в процессе интроспекции. Мы способны делать это так же, как делали люди сто и тысячу лет назад. И для объяснения разума нет необходимости создавать надуманные и лишние конструкты. Мы просто можем наблюдать за подтверждающими нам наличие у нас разума феноменами своего сознания так же, как наблюдаем за внешним миром.

Доминирующие в когнитивной психологии положения о недопустимости интроспекции и второстепенной роли психических феноменов сегодня не просто неадекватны и странны. Они уже смешны. Дело в том, что сам когнитивизм демонстрирует нам, как, немного модифицировав интроспекцию (подробнее об этом см.: С. Э. Поляков, 2011, с. 15–67), вполне можно преподнести ее в форме «объективного» психологического эксперимента. Для этого достаточно лишь соблюсти некоторые формальные условия. Например, предложить нечто вроде экспериментальной методики и ввести в интроспекцию элементы измерения каких-либо параметров. Главное, не называть все это интроспекцией.

Так, один из основоположников когнитивизма, Дж. Андерсон (2002, с. 122–123), приводит в своей основополагающей монографии по когнитивной психологии в качестве вполне «объективного» эксперимент Р. Мойера (R. S. Moyer, 1973, с. 180–184). Автор измерял в нем время, необходимое для мысленного сравнения ментальных образов разных объектов. Испытуемым предлагалось оценить по памяти относительные размеры двух животных, например лося и таракана, волка и льва. Многие испытуемые сообщали, что, давая оценки, они представляли образы объектов

и действительно мысленно сравнивали их размеры. Исследователь установил, что увеличение разницы в размере объектов уменьшает время реакции испытуемых. Наибольшие трудности возникали при сравнении близких по размерам объектов.

Вопрос: *что «объективно» изучалось в этом эксперименте?* Ответ: «объективно» не изучалось ничего. Несмотря на то что когнитивизм включает возможность использования данных интроспекции, Р. Мойер (там же) прямо использует результаты интроспекции испытуемых. Основываясь на гипотезе, выстроенной, по-видимому, на основе собственной интроспекции, экспериментатор успешно и «объективно» доказывает в интроспективном эксперименте, что задача на различение визуальных образов представления двух объектов будет решаться быстрее, если объекты различаются в большей степени. «Объективность» же, вероятно, заключается в факте измерения исследователем времени получения от испытуемых интроспективных самоотчетов и формальной возможности воспроизвести этот эксперимент.

Таким образом, **стоит только добавить в интроспективный эксперимент чуть-чуть видимости математики или физики** (в виде процедуры измерения), **как когнитивизм уже готов считать его не только достоверным, но и «объективным»**. Из сказанного мною не следует, что я не согласен с автором эксперимента или против подобных легко воспроизводимых интроспективных экспериментов. Наоборот, я лишь демонстрирую, что это не «объективная» психология, а попытка объективизации, точнее, даже формализации результатов интроспекции исследователя и его испытуемых. Следовательно, **интроспективные приемы, которые, как неоднократно провозглашалось основателями когнитивизма, не соответствуют его базовым положениям, теперь уже негласно признаются и принимаются им, а их использование рассматривается даже в качестве его достижений, в то же время официально интроспекция по-прежнему отвергается**. Это лишь свидетельствует о глубоком кризисе данного направления.

Такого же рода «объективные» интроспективные эксперименты стали уже новой классикой когнитивизма. Отличаются они друг от друга лишь большей или меньшей маскировкой факта использования интроспекции. Так, в широко известном эксперименте Р. Финке, С. Пинкера и М. Фараха (R. A. Finke, S. Pinker & M. J. Farah, 1989, с. 50–78), который тоже расценивается Дж. Андерсоном (2002, с. 125) как «объективный», авторы предлагали испытуемым создавать мысленные образы, а затем осуществлять их трансформации. Например, предлагалось представить заглавную букву N, а затем провести линию от верхнего правого угла к нижнему левому углу. Затем вообразить заглавную букву D, повернуть ее на 90 градусов влево и поместить снизу заглавную букву J. Испытуемые осуществляли

эти преобразования с закрытыми глазами и отвечали, что у них в первом случае получились песочные часы, а во втором — зонт.

По мнению авторов, их коллег и самого Дж. Андерсона (там же), данный «объективный» эксперимент продемонстрировал, что испытуемые способны строить в своем сознании визуальные образы представления и трансформировать их. Испытуемые, безусловно, способны строить в своем сознании визуальные образы представления и трансформировать их, но мы с вами имеем здесь дело с обычной интроспекцией, даже не особенно замаскированной под традиционный «объективный» эксперимент.

Больше замаскировано участие интроспекции в «объективных» экспериментах С. Косслина и соавторов (S. Kosslyn, 1973, с. 90–94; S. Kosslyn, 1975, с. 341–370; S. Kosslyn, 1976, с. 291–297; S. Kosslyn, 1978, с. 217–257; S. Kosslyn, T. Ball & B. Reisser, 1978a, с. 1–20). Например, в одном из них (S. Kosslyn, T. Ball & B. Reisser, 1978a, с. 1–20) испытуемым показывали карту воображаемого острова с различными объектами: зданием, деревом, лугом, колодцем и т. д. Затем предлагали мысленно восстановить образ острова и называли два объекта (например, здание и луг), между которыми испытуемые должны были мысленно провести линию. Было установлено, что время, необходимое для этого, прямо пропорционально расстоянию между данными точками. По мнению авторов, то же самое имело бы место, если бы испытуемые проводили конкретную линию на реальной карте. Авторы заключили, что мысленные образы можно сканировать и для этого требуется примерно то же время, что и для сканирования реальных картин, а также то, что существуют параллели между мысленными образами (зрительными образами представления и воспоминания) и зрительными образами восприятия.

В экспериментах по мысленному сканированию расстояний между разными частями зрительных образов представления и воспоминания С. М. Косслин и соавторы (там же) «доказали», что мысленные образы все же существуют, несмотря на изначально скептическое отношение самого автора к такой возможности. Собственно говоря, проведенные опыты лишь тем и интересны, что демонстрируют обращение необихевиористов в новую веру, так как и без подобных опытов для противников бихевиоризма ответы на рассмотренные авторами вопросы совершенно очевидны. Для этого достаточно секундной интроспекции.

Продемонстрированная когнитивными психологами в этих и других экспериментах тщательность проверки самого факта наличия ментальных образов вызывает у меня лично лишь недоумение. С одной стороны, эти использующие интроспекцию эксперименты не доказывают (тем более «объективно») факта наличия субъективных по своей природе ментальных образов. К тому же они и не являются, да и не могут являться «объективными» с точки зрения стандартов «объективной на-

уки». С другой стороны, можно и нужно, конечно, проверять факты, представляющие ценность для науки, но пытаться проверять и перепроверять факт наличия собственных субъективных психических явлений, которые с античности считались самым очевидным для любого человека фактом, да к тому же еще и в «объективных» экспериментах, — это уже чересчур.

Для Р. Декарта (1994а, с. 276) сам факт наличия психических феноменов являлся настолько бесспорным и первичным, что снимал у автора сомнения в его собственном существовании — «мыслю, следовательно, существую». Для когнитивистов тем не менее этот факт перестал быть такой бесспорной очевидностью. *Они пошли «дальше» (!) Р. Декарта в своих попытках «объективно» доказать наличие предельно «субъективных» явлений?* Можно, разумеется, с энтузиазмом исследовать не только вопрос существования ментальных образов, но и другие столь же «неизвестные» и «важные» вопросы. Например: *есть ли у нас руки и глаза? Существуют ли мы сами в реальности, и где доказательства этого?* Но вряд ли это разумно через 400 лет после Р. Декарта, а потом еще и Э. Гуссерля, тоже подвергнувшего все сомнению.

Сказанное выше лишний раз свидетельствует о том глобальном вреде, который нанес и продолжает наносить психологии бихевиоризм. Недаром Л. Барсалу (2011, с. 129) пишет о «затянувшейся паранойе» у современных психологов, «вызванной атаками бихевиористов», так как даже в его собственных работах ярко проявляются ее следы.

Лично я не сомневаюсь в том, что ментальные образы существуют, а испытуемые могут их измерять, вращать, сканировать и т. д., так как моя собственная интроспекция легко подтверждает данные факты. Но легализация в когнитивизме подобных экспериментов — не что иное, как контрабандное использование интроспекции и заведомо необъективных экспериментов в якобы «объективной» психологии. Я полагаю, что авторы приведенных экспериментов тоже не сомневались изначально в существовании ментальных образов, но ставили соответствующие эксперименты, чтобы «объективно» доказать другим своим «неверующим» коллегам факт их наличия. Парадоксально, но они действительно многим это доказали. Впрочем, данное обстоятельство скорее огорчает, чем радует, так как свидетельствует лишь о зашоренности и стереотипности взглядов сторонников когнитивизма и неадекватности их представлений об «объективности» собственных экспериментально-психологических исследований.

Давайте еще раз рассмотрим, на чем же основываются «научная убедительность» и «объективность» экспериментальных «доказательств» факта наличия ментальных образов. Первое «доказательство» заключает-

ся в самом факте проведения «научного эксперимента». Второе — в формальном измерении «объективных» физических параметров, например времени. Третье — в воспроизводимости полученных данных в рамках новых подобных «объективных» экспериментов. Что касается собственно факта наличия ментальных образов, как и факта мысленного оперирования ими, то они-то как раз и не регистрировались «объективно», так как это в принципе невозможно, а постулировались в исходных гипотезах экспериментаторов и косвенно выводились ими из этих же гипотез.

Подобные интроспективные, но якобы «объективные» эксперименты не были бы приняты американским психологическим сообществом даже к рассмотрению, пояись они лет на 20–30 раньше. Однако во второй половине XX в. радикальные бихевиористские установки, потерпев крах, эволюционно трансформировались в когнитивизм в более умеренные. Пришло время для появления и принятия новых взглядов. Для когнитивизма в конечном счете сейчас уже не важно, насколько факт наличия психических феноменов подтвержден «объективными» экспериментальными данными. Необходимо лишь «соблюсти приличия», так как большинство исследователей и без «объективных» экспериментов понимают, что ментальные образы — реальность, потому что давно обнаружили их в собственном сознании интроспективно. Для многих исследователей вопрос лишь в том, что это их понимание противоречит существующей в психологическом сообществе официальной парадигме, с которой они не могут не считаться.

Итак, когда упорное неприятие наличия психических явлений выглядит уже очень странным, когнитивизм готов признать и факт их наличия, и даже использование интроспекции. Просто он стыдливо называет слегка модифицированную интроспекцию «объективным психологическим экспериментом». Если когнитивизму необходимы эти игры для сохранения лица, можно, конечно, даже назвать интроспекцию «объективным экспериментом». Для этого достаточно лишь стандартизировать ее и построить по образцу «объективного» эксперимента, то есть обеспечить подобие ее воспроизводимости. Очевидно, что и главенствующая роль психических явлений в обеспечении функционирования человеческого разума, и необходимость интроспекции в их изучении будут признаны когнитивизмом завтра. Но хотелось бы, чтобы это случилось еще вчера.

В то же время не следует бросаться и в другую крайность, отказываясь от объективного психологического эксперимента. Необходимо учитывать, что интроспекция, как и эксперимент, имеет очевидные ограничения. Из того факта, что сознание способно в процессе рефлексии как бы наблюдать со стороны за возникающими в нем же психическими явлениями, не следует, будто человек может как-то «прямо» познать возникающие в его сознании феномены и в результате глубоко проникнуть в их сущность. Это также не означает, что сознание обладает каким-то особым

пониманием собственных психических феноменов, что собственное психическое содержание познается в процессе рефлексии непосредственно, что оно совершенно открыто для сознания, имеющего к нему приоритетный доступ, как полагали интроспекционисты в XIX в. **Собственные психические феномены доступны сознанию лишь в той же мере, в какой доступен наблюдателю любой внешний объект наблюдения.**

Вся приоритетность и исключительность самонаблюдения за содержанием собственного сознания заключается только в том, что другому (внешнему) наблюдателю это же психическое содержание чужого сознания недоступно вовсе. Но из этого ни в коем случае не следует никакой особой открытости собственного психического содержания для познания и тем более особого понимания этого содержания, якобы возникающих в процессе интроспекции. **Человек может наблюдать и регистрировать во время интроспекции наличие собственных психических явлений, но ничего в них не понимать**, как, например, ребенок, наблюдающий за работой биржи. Такое непонимающее наблюдение в психологии нередко ошибочно называют бессознательным. Хотя правильнее было бы говорить о непонимании собственных вполне осознанных психических феноменов. О непонимании их причинно-следственных связей, особенностей их возникновения, развития и результатов.

Мне кажется, что психологам пора наконец задуматься о событиях, происходящих в психологии последние 100 лет, и о негативном влиянии на ее развитие бихевиоризма, которое по-прежнему сохраняется. *Может быть, имеет все же смысл признать, что «объективистская» революция в психологии, начатая В. Вундтом и продолжаемая до сих пор его последователями, пытающимися создать на базе изучения мозга «объективную» психологию — науку о человеческом разуме по образцу физики, провалилась?*

Хуже того, она породила антипсихологию — современные разновидности бихевиоризма — обанкротившегося научного направления, претендовавшего на то, чтобы называться наукой о человеческом разуме, но без психических явлений. И все обещания бихевиористской психологии раскрыть механизмы человеческого разума оказались пустыми. Гора родила мышь.

Не пора ли осознать, что объяснить человеческий разум без признания определяющей роли психических явлений невозможно и попытки преуменьшить роль и значение психических явлений — это путь в никуда; что сторонники преуменьшения роли и значения психических феноменов мало что дали психологии, но они захватили в ней власть почти на век и их позиции по-прежнему сильны? Они контролируют журналы, кафедры, лаборатории и научные общества. Их фундаментальные идеи, пусть и в видоизмененном виде, все так же преподаются во всех университетах, и их изучают

студенты, превращающиеся в новых сторонников мертвого вероучения. В результате и в последующие десятилетия разные варианты необихевиоризма будут по-прежнему определять пути развития психологии.

П. Фейерабенд (2007, с. 298) пишет о том, что большинство исследователей в любой науке предпочитают сохранять существующее в ней положение дел. Их критика направлена лишь против мнений их противников, но никогда — против самих фундаментальных идей. Фундаментальные верования науки защищаются с помощью «табу»-реакции, как «табу» в примитивных обществах. А все то, что не охватывается обоснованной категориальной системой или считается несовместимым с ней, рассматривается как нечто совершенно неприемлемое либо просто объявляется несуществующим. Наука не готова сделать теоретический плюрализм основанием научного исследования. Между наукой и мифом существует поразительное сходство, заключает он.

Добавлю, что шоры, наложенные обучением, трудно преодолеть. Тем не менее отрицающий интроспекцию когнитивистский необихевиоризм уже поставил себе на службу интроспективный метод и относит его результаты к своим достижениям. Вспоминаются слова П. Фейерабенда (2009, с. 260) о том, что ошибки в научных исследованиях не просто встречаются, но повсеместно распространены. Их распространенность — не историческая случайность, не временная утрата интеллекта, а образец. Некомпетентность, будучи стандартизированной, превратилась в существенную часть профессионального превосходства. У нас больше нет некомпетентных профессионалов, у нас есть профессиональная некомпетентность.

Подведу предварительный итог.

- 1. Человеческое сознание и разум нельзя познать без признания необходимости изучения переживаемых человеком психических феноменов, то есть сознание и разум нельзя изучить на физиологическом уровне. Психические феномены — единственный ключ к их пониманию. Психические феномены самоценны, самодостаточны и нуждаются в изучении сами по себе и даже без их связи с нейрофизиологическими процессами. По крайней мере на данном этапе развития психологии и естествознания это вполне оправданно.**
- 2. Психические феномены надо изучать с помощью новых стандартизованных, воспроизводимых и проверяемых методик интроспекции с одновременным привлечением экспериментальных методов.**
- 3. Процессы, обеспечивающие человеческий разум, следует рассматривать на физиологическом уровне, а ответственные за разум — на психологическом уровне. На физиологическом уровне присутствуют**

одни сущности¹: нейроны, электрические импульсы, синапсы, нейромедиаторы и т. д. На психическом уровне — другие, причем только те, которые мы в состоянии обнаружить в своем сознании интроспективно. Категорически недопустимо смешивать эти уровни.

При попытках их совместного рассмотрения и обсуждения возникает нелепая и бессмысленная каша из терминов. Даже в процессе построения аналоговых метафор, моделирующих человеческое познание, недопустимо объединять разные уровни и, перескакивая с одного на другой, создавать из несопоставимых элементов некие гибридные конструкторы².

4. **Ничего, кроме того, что мы способны интроспективно «увидеть» в собственном сознании, в нем нет и не может быть. Там нет, например, «неосознаваемых репрезентаций» или «амодальных репрезентаций», а также других странных конструкторов, широко представленных в когнитивистской психологической литературе. Все то, что мы не можем обнаружить в сознании непосредственно в процессе интроспекции, — не более чем создания разума исследователей, вроде троллей и эльфов, которые «где-то живут».**
5. **Используемая исследователями терминология должна быть максимально четкой. Каждое вводимое понятие должно быть квалифицировано: это психический феномен, это физиологическое явление, это полезная для понимания данной сущности метафора, это конструктор исследователя и т. д. Нельзя обсуждать некий создаваемый исследователем спорный конструктор безотносительно к месту его возможного приложения и вне связи с его предполагаемой функцией.**
6. **Компьютерная аналогия неадекватна для моделирования психики человека, так как наша психика функционирует по совершенно иным принципам, не имеющим никакого отношения к ЭВМ³. Компьютерная метафора — вредное и ошибочное заблуждение, тоже порожденное необихевиоризмом.**

Не следует рассматривать человека как черный ящик и искать в этом ящике скрытые сущности. Наоборот, человеческое сознание с его психи-

¹ Я ни в коем случае не призываю отказаться от изучения материальных процессов в мозге. Речь не об этом, а лишь о том, что психические явления должны занять в психологии главное место, должны перестать быть придатком физиологических явлений в мозге.

² Например, обсуждать «перцептивный символ, определяемый как нервная репрезентация» (Л. Барсалу, 2011, с. 132), «типы символов, хранящиеся в соответствующей им зоне мозга» (с. 133), «нервные репрезентации» (с. 130) и т. п.

³ Человек лучше всего понимает то, что создал сам, поэтому он пользуется соблазнительной возможностью попытаться применить для объяснения функционирования своего сознания компьютерную метафору. Но это путь в никуда. Не надо вести себя как пьяный, который потерял часы в темных кустах, но ищет их под фонарем, «потому что там светлее».

ческими феноменами — это открытая книга, которую нужно просто пытаться учиться читать. И для этого надо хотя бы вспомнить об интроспекции и достижениях классической психологии XIX в.

§ 2. «Кредо» современного психолога

Позиции когнитивизма, господствующего сегодня в американской и европейской психологии, в российской психологии гораздо слабее, так как советская психология не приняла в полной мере западного бихевиоризма и оставалась гораздо ближе к классической психологии XIX в. Однако объективистская парадигма, напротив, выражена в современной российской психологии в большей степени¹, чем в зарубежной, хотя и в западной психологии объективизм широко распространен. По словам Дж. Лакоффа (2004, с. 245), классическая, или объективистская, точка зрения становится сейчас все более популярной в гуманитарных науках. Она разделяется большинством исследователей и «сегодня принимается не просто как истинная, но как очевидно и несомненно истинная» (с. 16).

Казалось бы, за два с лишним века, прошедших после смерти И. Канта², в результате влияния его идей представления о роли сознания человека в конституировании окружающей физической реальности должны были радикально измениться. Однако, как это ни парадоксально, именно в психологии, в отличие, например, даже от физики и тем более философии, господствуют сегодня взгляды, на которые учение И. Канта оказало минимальное влияние. Конечно, большинству психологов сейчас и в голову не придет оспаривать идеи И. Канта, из чего можно заключить, что они с И. Кантом согласны. Но, формально признавая, что в физической реальности есть не предмет, а лишь «вещь в себе», психологи на практике легко отождествляют последнюю с физическим предметом, который существует в окружающем мире и репрезентации которого возникают в человеческом сознании.

¹ Результат доминирования в советской философии (1917–1991 гг.) диалектического материализма.

² И. Кант (1994, с. 205) говорит, что не знает, каковы «вещи сами по себе», и ему незачем это знать, так как вещи могут предстать перед нами только в явлениях. Из его учения (с. 205–206) вытекает, что вещь конституируется именно сознанием. Вне сознания есть нечто совершенно иное, недоступное нашему пониманию, трансцендентное — «вещь в себе». Следовательно, сознание человека уже не просто лишь отражает в себе или репрезентирует себе независимый от него внешний вещественный мир. Оно способно в этом своем репрезентировании влиять на физическую реальность. Наши образы восприятия не просто «копируют», а конституируют предметы окружающего физического мира.

В современной психологии господствует «здравый смысл¹». Тем не менее нельзя не отметить, что, например, об окружающих нас предметах зарубежные исследователи говорят очень осторожно, стараясь не вдаваться в эту крайне неопределенную и плохо очерченную наукой область. Отечественные авторы, напротив, почему-то предпочитают более откровенно придерживаться наивно-реалистической² позиции. Вряд ли следует предполагать, что они не знают работ И. Канта или считают репрезентации психическими копиями окружающих предметов. Тем не менее в своих работах многие из отечественных авторов используют выражения, которые могут ввести в заблуждение людей, впервые знакомящихся с психологией.

Чтобы у читателей не возникло впечатления, будто я приписываю психологам точку зрения, которую они не разделяют, приведу лишь несколько случайно отобранных цитат из современных учебников, словарей и монографий, подтверждающих факт доминирования в психологической литературе указанных представлений (см. Примечание 1).

В своей известной книге Дж. Лакофф (2004, с. 11–14) формулирует доминирующие в науке объективистские воззрения, а М. Бунге (2009, с. 6–7) в своей книге приводит «заповеди», составляющие, по его мнению, «кредо наивного физика», которые разделяли в XX в. большинство физиков. Сформулирую по аналогии «кредо наивного психолога», разделяемое большинством современных исследователей (что не равнозначно истинности этих положений).

- I. Существует два независимых и не проникающих друг в друга мира: физический окружающий мир и психический внутренний мир человеческого сознания. Первый существует вне человека и независимо от него. Он объективен и предметен. На него не влияет то, что люди думают о нем, как его воспринимают и понимают. Он имеет четкую структуру, которая включает в себя предметы и явления, их свойства, признаки, действия и отношения. Кроме предметов, в нем присутствуют категории, например естественные виды и роды животных

¹ Здравый смысл — гипотетическая психическая сущность, присутствующая у большинства людей, ответственная за достаточно адекватное репрезентирование реальности и успешные в большинстве случаев стратегии поведения, которые можно ожидать от людей без необходимости обоснования.

² «Наивный реализм — эпистемологическая позиция в философии и в обыденном сознании, согласно которой реально все, что нормальный человек воспринимает в нормальных условиях и описывает общепринятым и соответствующим фактам языком. С точки зрения наивного реалиста, реальность — это то, что он лично воспринимает при помощи своих органов чувств, а также то, что он думает и знает о чувственно воспринимаемом мире» (Наивный реализм: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Наивный_реализм).

и растений. Категории — это множества, определяемые общими признаками и свойствами входящих в них предметов.

- II. Субъективный, или внутренний, психический мир сознания человека лишь отображает в себе с разной степенью точности объективный предметный внешний мир. Правомерна следующая схема: физический предмет во внешнем мире — его психический образ в сознании — вербальная мысль о предмете в сознании. Образы восприятия, или перцепты, лишь с большей или меньшей точностью соответствуют существующим в окружающем физическом мире предметам. Благодаря им человек устанавливает правильные соотношения между внешним миром и собственной символической системой, с помощью которой он мыслит.
- III. Существует правильная категоризация вещей в окружающем мире, независимая от человеческих особенностей, специфики человеческого восприятия и познания. Ее можно назвать «божественным видением» мира или «взглядом ниоткуда». Окружающий мир исходно должен быть правильно разделен человеком на реально существующие в нем категории. Тогда символические структуры человеческого сознания смогут правильно соотноситься с категориями мира. Символы — это понятия (и концепты), которые получают свое значение посредством соотнесения с предметами и категориями окружающего реального или возможного мира. Чем лучше символы соответствуют сущностям, присутствующим в мире реальном или возможном, тем лучше человек понимает окружающее. Естественные классификации физических предметов и прочих сущностей отражают объективно присутствующую реальную картину мира, а потому могут или соответствовать ей, то есть быть истинными, или не соответствовать, то есть быть ложными.
- IV. Восприятие может накладывать ограничения на концептуализацию реальности, но не может приводить к созданию концептов, не соответствующих чему-либо объективно присутствующему в мире. Концепты не зависят от особенностей людей и их когнитивных процессов. Концептуальная категория — это символическая репрезентация категории реального мира. Ее члены — это символические сущности, которые соотносятся с предметами в соответствующей категории внешнего мира и не зависят от особенностей людей. Концептуальные категории, как и реальные категории окружающего мира, являются множествами, которые тоже определяются свойствами своих членов. Категории концептуальные должны соответствовать категориям окружающего мира, существующим в нем независимо от людей, а потому они зависят только от характеристик входящих в физические категории предметов, но не от людей.

- V. Между чувственными и вербальными психическими феноменами нет каких-либо очевидных связей. Язык является самостоятельным «модулем», независимым от чувственных репрезентаций. Все люди используют одну и ту же понятийную систему. По крайней мере, существуют универсальные понятия, общие для всех культур.
- VI. За рациональные решения и разумное человеческое поведение ответственны человеческий мозг и материальные процессы, протекающие в нем. Человеческий разум представляет собой «черный ящик», и его изучению может помочь компьютерная метафора¹.
Психические феномены существуют, но они не ответственны за человеческий разум и не являются его основным и единственным проявлением. Психические феномены не связаны естественной и очевидной причинно-следственной связью с разумом. Они лишь сопровождают ответственные за человеческий разум нейрофизиологические и нейрохимические процессы, протекающие в мозге.
- VII. Объективное наблюдение и объективный эксперимент — основные и единственные источники психологического знания. Интроспекция — бесполезный, неприемлемый и даже вредный для психологии метод исследования. Математическая физика — идеальный образец для научной психологии. Научные теории отображают объективную реальность мира и являются знанием о нем, основанным на опыте и синтезе экспериментальных данных. Психологические законы, как и законы физические, не создаются человеком, а открываются им. Они могут быть прослежены в множестве эмпирических данных.
- VIII. Во Вселенной существует трансцендентная рациональность, выходящая за пределы человеческого ума. Она определяется логическими отношениями, существующими между вещами и категориями в мире. Человеческое мышление точно, когда символы, используемые в нем, правильно соотнесены с сущностями и категориями в мире и когда воспроизводят логические отношения, объективно существующие между предметами и категориями в физическом мире. Мышление — это логическое оперирование абстрактными символами, поэтому оно может быть смоделировано посредством систем, подобных системе математической логики. Правильное мышление — это логическое оперирование символами, точно отражающее рациональную структуру мира и его логику.
- IX. События, факты и их истинность не могут зависеть от способа концептуализации и когнитивных способностей людей, их мнений, знаний, теорий, веры или специфики человеческого познания.

¹ VI и VII пункты в большей степени характерны для западной когнитивной психологии, чем для отечественной психологии.

- Х. Знать нечто означает правильно репрезентировать предметы и категории окружающего мира, существующие в нем. Истинность знания зависит от мира, от того, насколько точно человек отображает его в своем сознании, от правильной категоризации и концептуализации им сущностей окружающего мира, но не от человека.

Нет сомнений в том, что не все психологи разделяют эти положения целиком. Но я говорю о доминирующих в современной психологии представлениях и о преобладающей в ней объективистской парадигме. К тому же взгляды отечественных и зарубежных психологов пока еще немного различаются. Приведенные выше положения могут встречаться у исследователей в разных сочетаниях, порой даже причудливо противореча друг другу. Впрочем, большинство исследователей обычно и не формулируют собственные представления в завершенной форме и столь определенно. И выводы приходится делать на основании анализа их публикаций.

Представленные постулаты, конечно, сильно упрощают реальную картину взглядов, доминирующих в современной психологии, но тем не менее отражают многие ее основные положения. Более того, в психологии сегодня нет, например, ни общепринятых теорий, охватывающих все перечисленные выше проблемы и выстраивающих целостное представление о функционировании психики, ни даже признаваемой всеми психической феноменологии понятий и вербальных конструкций. Общетеоретические построения, репрезентирующие психику в целом, носят, как правило, фрагментарный характер и детально структурированы лишь в области собственных научных интересов конкретных исследователей. Думаю, однако, что большинство из них скорее согласятся с приведенными выше положениями, чем отвергнут их. Я же постараюсь далее доказать, что **все перечисленные выше положения ложны**.

Человека окружает «реальность в себе», частью которой является и он сам. Но человек обладает психикой и сознанием. Психика — это создаваемая нервной системой живого организма особая сущность, среда, сфера, область, в которой психическими средствами, отличными от средств «реальности в себе», репрезентируется окружающая живой организм часть «реальности в себе». Репрезентирование «реальности в себе» — это нечто вроде ее специфического представления психическими средствами. При этом репрезентации, аналоги которых отсутствуют в «реальности в себе», непонятным образом соответствуют ее особенностям и свойствам. В результате репрезентирование, во-первых, позволяет организму жить в «реальности в себе», то есть ориентироваться и действовать в ней, а во-вторых, эффективно приспосабливаться к ее постоянным изменениям и даже предвидеть некоторые из них.

Психика и ее репрезентации «реальности в себе» ответственны за интеллектуальную, разумную, или рациональную, активность живого организма. Эта активность выражается в появлении в сознании стройных последовательностей психических феноменов, доступных рефлексии, а также целесообразной адаптивной деятельности организма в «реальности в себе», способствующей лучшему его выживанию. Специфически человеческая разумная активность дополнительно выражается в гораздо более глубоком и широком, чем у животных, репрезентировании «реальности в себе» и использовании своих психических репрезентаций для целенаправленного изменения окружающей «реальности в себе» в нужном для удовлетворения потребностей человека направлении. Главным отличием человеческой психики от психики животных является способность создавать и использовать для репрезентации «реальности в себе» символические репрезентации, то есть понятия (и концепты) и конструкции из них.

Тезисы для обсуждения

1. Психические явления — самая очевидная и бесспорная для человека, их переживающего, реальность, так как даже окружающий мир дан ему в форме его собственных психических феноменов.
2. Психические явления — единственный субстрат и главная форма выражения человеческого разума. Человеческий разум проявляется в виде упорядоченных последовательностей сменяющих друг друга в сознании психических феноменов — чувственных и вербальных репрезентаций окружающей человека «реальности в себе», состояний его тела и даже содержания его сознания.
3. Материальные процессы, протекающие в мозге, при всей их несомненной важности ответственны лишь за появление психических феноменов и соотносятся с ними неясным пока образом. Следовательно, они не могут быть использованы для объяснения проявлений разума, по крайней мере на данном этапе развития науки. Психических же феноменов вполне достаточно для объяснения механизмов функционирования разума.
4. Современный когнитивизм, хотя и признает факт наличия психических феноменов, не готов принять, что именно они являются непосредственно рефлекслируемой каждым человеком субъективной формой выражения его разума.
5. Несомненно то, что психические и физиологические феномены неразрывно связаны между собой и мощно влияют друг на друга, хотя мы и не понимаем пока механизмов этой связи и влияния. Однако недопустимо пытаться их причудливо объединять в научных теориях, конструируя из физиологических и психологических понятий некие странные нежизнеспособные гибриды.

6. Психические явления могут быть непосредственно рассмотрены человеком лишь в процессе интроспекции. Когнитивная психология продолжает официально отвергать интроспекцию, тем не менее активно использует ее.
7. Содержание собственного сознания доступно наблюдателю в той же мере, в какой доступен любой внешний объект наблюдения, но не более того. Приоритетность и исключительность самонаблюдения заключается лишь в том, что внешнему наблюдателю психическое содержание чужого сознания недоступно вовсе.
8. Интроспекцию необходимо вернуть в психологию в форме новых стандартизованных, воспроизводимых и проверяемых методик, не отказываясь одновременно от «объективного» психологического эксперимента.

1.1.2. Чувственное репрезентирование реальности

§ 1. Что такое моделирование и репрезентирование

Э. Шредингер (2000, с. 42) указывает, что выражения «модель» и «картина» стали использоваться для концептуальных построений науки во второй половине XIX в.». В. А. Штофф (1966, с. 19) определяет модель как мысленно представляемую или материальную систему, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об объекте. По его (1978, с. 114) словам, между моделью и оригиналом имеется отношение сходства, форма которого явно выражена и точно зафиксирована (условие отражения или уточнения и аналогии); модель замещает изучаемый объект (условие репрезентации); изучение модели позволяет получать информацию об оригинале (условие экстраполяции).

В. А. Штофф (1978, с. 114–116) разделяет модели на материальные (вещественные) и мысленные (воображаемые). Мысленные модели отличаются, по его мнению, тем, что конструируются в форме мысленных образов, существующих лишь в голове исследователя. Они могут фиксироваться с помощью языка, знаковых средств, чертежей, рисунков и других материальных средств выражения, но от этого, как считает автор, не становятся материальными. Оперирование мысленными моделями представляет собой форму мысленного эксперимента, а сами модели являются его мысленными орудиями и средствами. Надо сказать, что не только философы, но и психологи, например Ф. Н. Джонсон-Лэйрд

(2011, с. 344), активно используют в своих работах понятие *психические* или *умственные модели*. При этом, однако, почти не обсуждаются имеющие принципиальное значение различия между психическими моделями и психическими репрезентациями.

Дело в том, что понятие *модель* обязательно предполагает наличие чего-то первичного и уже присутствующего во внешнем мире либо в психике. Следовательно, если мы говорим о восприятии как о психическом моделировании реальности, то изначально встаем на позицию объективизма, предполагающую бесспорное признание факта первичного и независимого от человеческого сознания существования предметного физического мира вне нас, который и моделируется человеческим сознанием. Однако у нас более чем достаточно оснований сомневаться в совершенно независимом от человеческого сознания существовании предметного физического мира, поэтому в психологии уже давно доминирует репрезентационная теория. Согласно ей человеческое сознание особым образом репрезентирует¹, то есть отображает, воспроизводит, имитирует, представляет в себе самом своими психическими средствами окружающую «реальность в себе», совершенно иную сущность.

М. Вартофский (1988, с. 18) полагает, что функция репрезентации заключается в замещении чего-то находящегося за ней, а не в простом обозначении этого, то есть в представлении некоторой вещи таким образом, чтобы мы смогли понять ее.

Действительно, уже из трудов И. Канта (1994) можно сделать вывод, что наши психические репрезентации не моделируют окружающий нас мир, а конституируют его особым образом, отличным от этого «мира в себе». Причем сознание может делать это только специфически антропоморфными средствами, используя психические феномены, которые без человека отсутствуют в «реальности в себе». Как пишут У. Матурана и Ф. Варела (2001, с. 20), наш опыт теснейшим образом связан с нашей биологической структурой. Мы не видим «пространство» мира или его «цвета», а проживаем поле нашего зрения и наше собственное хроматическое пространство. Когда мы пытаемся разобраться в том, каким образом мы познаем мир, мы неизменно обнаруживаем, что не можем отделить историю наших действий от того, каким этот мир нам кажется.

Учитывая все сказанное, можно утверждать, что **репрезентирование — это психический процесс, с помощью которого сознание создает своими психическими средствами и в себе самом специфические сущности и формы, отображающие в нем и для него «реальность в себе».**

¹ «Репрезентация — ...представление, представительство, изображение» (Г. В. Осипов, 1998, с. 301).

Сознание делает это с помощью собственных психических феноменов, отсутствующих в «реальности в себе» без человека.

Отличие психических моделей от репрезентаций заключается в том, что **психическая модель по-новому представляет в сознании уже репрезентированную в нем сущность**. Например, вербальная конструкция может моделировать чувственную репрезентацию какой-то воспринятой человеком сущности. Тогда как сама перцептивная репрезентация первична, то есть представляет в сознании то, чего ни в нем, ни в «реальности в себе» еще не было в таком виде, то, что приобретает возможность существования для человека лишь в форме этой психической репрезентации. Репрезентации не копируют элементы «реальности в себе», не изоморфны им, так как представлены психическими феноменами, которые существуют лишь в сознании. Репрезентируя доступные восприятию элементы «реальности в себе», сознание создает своими специфическими психическими средствами новые сущности, в частности предметы.

Одни психические репрезентации представлены чувственными феноменами, которые обычно соотносятся человеком с предметами и явлениями, их свойствами и действиями. Другие репрезентации являются символическими, или вербальными¹, и часто лишь неясным образом соотносятся с «реальностью в себе», конституируя в окружающем мире сущности лишь гипотетические либо даже явно отсутствующие в нем. Впрочем, и те и другие репрезентации в своей основе являются чувственными (С. Э. Поляков, 2011, с. 582). Все же имеет смысл придерживаться традиционного разделения, так как вербальные репрезентации феноменологически сильно отличаются от чувственных.

Итак, понятия *психическая модель* и *психическая репрезентация* различаются не просто нюансами. Между ними есть принципиальные различия.

§ 2. Понятие образ восприятия в отечественной и зарубежной психологии

В советской, а теперь и российской психологии принято выделять и исследовать образы восприятия, или перцептивные образы, что восходит еще к работам основателей классической психологии. Так, Г. Гельмгольц (1999), в частности, пишет: «Будем относить выражение “образ в представлении” только к отвлеченным от текущих чувственных впечатлений реминисценциям наблюдавшихся ранее объектов; выражение

¹ Символические, или вербальные, психические конструкции могут быть как репрезентации, которые репрезентируют, например, сущности «реальности в себе», недоступные восприятию, так и моделями, которые моделируют, например, чувственные репрезентации.

“перцептивный образ” — к восприятию, сопровождающемуся соответствующими чувственными ощущениями; выражение “первичный образ” — к совокупности впечатлений, формирующихся без каких бы то ни было реминисценций прежнего опыта и не содержащих ничего, кроме того, что вытекает из непосредственных чувственных ощущений. Теперь нам ясно, что один и тот же перцептивный образ может иметь различную чувственную основу, то есть образ в представлении и актуальные впечатления могут входить в самых различных отношениях в перцептивный образ» (1999, с. 30); «...прежний опыт и текущие чувственные ощущения взаимодействуют друг с другом, образуя перцептивный образ» (с. 31).

В другом месте автор использует для обозначения образов восприятия термин «зрительные восприятия»: «Ощущения, вызываемые светом в нервном аппарате зрения, используются нами для формирования представлений о существовании, форме и положении внешних объектов. Представления такого рода мы будем называть зрительными восприятиями» (с. 21). Далее Г. Гельмгольц (1999) подробно разъясняет, что речь идет не о предметах внешнего мира, воспринимаемых нами, а именно об их зрительных образах, которые представляют собой лишь «символы или знаки предметов» (с. 36). Автор (там же) подчеркивает, что образ предмета и сам предмет принадлежат к двум различным мирам, которые даже не допускают сравнения друг с другом.

В. Вундт (2007) использует понятия *восприятия* и *представления восприятия*. Он пишет: «Впрочем, еще и в настоящее время многие психологи обозначают словом “представление” лишь те образования, которые не вызваны непосредственными внешними впечатлениями, то есть лишь так называемые “образы воспоминания”; представления же, обусловленные идущими извне впечатлениями органов чувств, называются в этом случае “восприятиями”» (с. 42); «...чувства зрения и слуха порождают, таким образом, в высшей степени разнообразные и богатые комбинации, во-первых, качеств простых ощущений, во-вторых, тех сплетений представлений, в которые могут соединяться эти ощущения» (с. 44–45).

В. Вундт (2007) полагает даже, что «вообще нет каких-либо общезначимых различий между образами воспоминания и так называемыми восприятиями органов чувств. Образы, возникающие во время сновидений, обыкновенно бывают столь же живыми, как и восприятия органов чувств в бодрственном состоянии, почему они сплошь и рядом принимаются нами за действительно пережитые события» (с. 43).

Нельзя не отметить, что позиция, согласно которой выделяется предмет вне нас и образы восприятия этого предмета в сознании, локализуемые сознанием тоже вовне, легко может быть подвергнута жесткой кри-

тике. Наш здравый смысл уверен в существовании предмета вне нас, но, соглашаясь с наличием образа его восприятия, он удваивает сущности. Получается, что есть физический объект и еще его психический образ восприятия. Подобный вывод не может не смущать психологов, что вынуждает их либо не углубляться в эту проблему (отечественные психологи), либо просто не использовать понятие *образы восприятия* (зарубежные психологи).

У многих исследователей не вызывает сомнения правота И. Канта (1994, с. 306), утверждающего, что предметы не имеют существования сами по себе, вне нашей мысли. А. Бэн (1998) пишет: «Всякое восприятие, всякое познание есть факт духовного порядка. Восприятие есть акт духа; что бы мы ни думали о воспринимаемом предмете “в нем самом”, мы никак не можем отделить его от воспринимающего духа. Восприятие дерева есть духовное явление; дерево познается как воспринимаемое и никак иначе. Деревя совершенно отдельно от восприятия мы не знаем, а говорить мы можем только о том, что знаем» (с. 490).

Получается, что, с одной стороны, мы не должны удваивать сущности без нужды. С другой стороны, «вещь в себе» — не то же самое, что предмет и наш образ восприятия предмета.

А. Бэн (1998) так пытается описать существующие противоречия: «Различие между внешним восприятием и субъективным сознанием основывается обычно на предположении о существовании внешнего мира, который сначала существует отдельно от восприятия, а затем воздействует на дух и им воспринимается. Этот взгляд содержит в себе внутреннее противоречие. Согласно общему признанию дерево есть нечто существующее само по себе, отдельно от всякого восприятия; отражая свет, оно производит световое впечатление, и тогда мы воспринимаем его; все люди уверены в том, что восприятие есть следствие, а дерево, независимое от восприятия, есть причина. Однако дерево известно нам только по восприятию, и мы не можем ничего сказать о том, что оно представляет из себя до восприятия или независимо от него: мы можем мыслить дерево только как воспринимаемое нами, а не как нечто не зависящее от восприятия» (с. 491).

Адекватного решения данной проблемы предложено не было. Психологи в СССР по-прежнему использовали восходящее к классикам понятие *образы восприятия*. Победа бихевиоризма в начале XX в. сначала в американской, а затем и во всей зарубежной психологии вообще сняла для нее проблему использования понятия *образы восприятия*. Все ментальные феномены были просто объявлены там «вне закона» и исчезли из психологической литературы. Р. Хольт (1981) пишет: «Образы, внимание, состояния сознания и другие основные понятия старой психологии

были преданы анафеме как “менталистские” и выдворены из светлицы в ночную мглу» (212, с. 19).

Ч. Осгуд (2002, с. 144–156) и Ф. Х. Олпорт (2002, 67–76), например, описывая в первой половине 1950-х гг. свои классические характеристики перцептивных феноменов, вовсе никак не обозначают перцептивные феномены, свойства которых обсуждают. Ч. Осгуд (2002), правда, пытается использовать хотя бы конструкт, обозначаемый понятием *зрительное поле*. Он цитирует Дж. Брауна и А. Вога (J. F. Brown, A. C. Voth, 1937): «Под зрительным полем мы подразумеваем пространственную структуру (конструкт), в которую могут быть упорядочены феномены зрительного поля» (с. 144).

Только в начале 70-х гг. XX в. в США стали появляться и рассматриваться всерьез психологическим сообществом работы, в которых их авторы вновь стали обсуждать и анализировать ментальные образы. Это, впрочем, никак не отразилось на принятии и тем более признании понятия *образ восприятия*. Даже принятие самого факта наличия психических феноменов для большинства когнитивистов до сих пор не бесспорная и важнейшая очевидность, а скорее вынужденная необходимость.

Вероятно, поэтому **в зарубежной психологической литературе по-прежнему не используют понятие образ восприятия**. Обычно описывают и обсуждают лишь *ощущения* и *восприятие*. Большинство исследователей рассматривают восприятие как процесс и предпочитают обходить вопрос о результатах этого процесса. Они изредка упоминают о *восприятиях* (например, Х. Шиффман, 2003; М. Д. Хоровиц, 2005, с. 10–32), *феноменах восприятия* (например, Ж. Годфруа, 1999), *перцептах* (например, У. Найссер, 1981; Р. Л. Солсо, 1996), *перцептивных символах* (например, Л. Барсалу, 2011, с. 125–138), *гештальтах* (например, Д. Майерс, 2001), *перцептивных репрезентациях* (например, Л. Барсалу, 2011, 125–138) или *паттернах* (например, Д. Майерс, 2001; Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др., 2003; Д. Кун, 2007), не раскрывая детально значения данных понятий.

Д. Майерс (2001), например, в своем учебнике психологии ограничивается следующим пояснением: «В начале XX века группа немецких психологов заинтересовалась, каким образом наш разум организует наши ощущения и превращает их в восприятия. Человек, воспринимающий сенсорные сигналы, организует их в “гештальт”. Чтобы превратить сенсорную информацию в значимое восприятие, мы должны организовать ее...» (с. 255).

Дж. Андерсон (2002) в своей монографии много говорит о восприятии, но нигде не упоминает о его результатах. Тем не менее он вынужден писать о «репрезентациях, основанных на восприятии» (с. 111 и далее), имея в виду фактически то, что я называю образами представления, но

так и не использует понятие *образ восприятия*, даже просто понятия *перцепты* или *восприятия*. Между тем от признания факта наличия образов представления, или ментальных образов, которые автор обсуждает, до признания образов восприятия — даже не шаг, а полшага. Однако наследие бихевиоризма преодолеть непросто. Дж. Андерсон (2002) спрашивает: «Похожи ли зрительные образы (образы представления. — *Авт.*) на зрительное восприятие (образы восприятия. — *Авт.*)?» (с. 125) — и сам же отвечает: «Зрительные образы имеют много общих свойств с продуктами зрительного восприятия, но реинтегрировать зрительные образы не так легко, как фактические изображения» (с. 127).

При этом он не поясняет, что представляют собой феноменологически эти «фактические изображения».

В монографии Р. Солсо (1996) я нашел всего два упоминания о перцептах.

Порой вызывают улыбку изобретательность и языковые уловки, применяемые авторами, чтобы хоть как-то обозначить образы восприятия, так как без упоминания этих важнейших психических феноменов трудно описывать психологические исследования. Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001), например, пишут, обсуждая историю изучения восприятия: «Локк и Беркли (философы-эмпирики) полагали, что органы чувств пассивно накапливают эти простейшие ощущения, которые, в свою очередь, затем склеиваются воедино при помощи ассоциаций, образуя при этом более сложные феномены — “перцепции”» (с. 252).

Но, обсуждая дальше на протяжении целой главы феномены восприятия, авторы предпочитают вообще не касаться феноменологически спорных вопросов: «...перед тем как решить, является ли разглядываемый нами объект яблоком (или бейсбольным мячом, или головой человека, или чем-либо еще), мы должны организовать мир ощущений в виде понятной нам картины, в которой находятся реальные объекты и происходят реальные события» (с. 253).

Тем не менее скрываемое все равно нет-нет да и прорывается: «Мы рассмотрели несколько этапов, составляющих процесс восприятия объекта: мы обнаруживаем признаки поля, а затем анализируем это поле так, что идентифицируем фигуру, выделяющуюся на фоне. ...Мы должны выяснить, что собой представляет этот объект, является ли он буквой А, или жирафом, или яблоком, или чем-то еще. Эта стадия процесса восприятия объекта называется распознаванием образа (подчеркнуто мной. — *Авт.*)» (с. 272–273).

Возникает вопрос: *получила ли зарубежная психология какие-то преимущества в результате своего отказа от использования понятия образ восприятия?* Думаю, нет. Во-первых, она тем самым игнорирует важнейшие психические феномены. Во-вторых, она не акцентирует внимание на

очевидных отличиях образов восприятия реальности от самой «реальности в себе», хотя еще классики психологии установили тот, казалось бы, очевидный теперь для всех исследователей факт, что появляющиеся у нас образы восприятия не только не идентичны, но даже не всегда соответствуют воспринимаемой нами «реальности в себе».

Порой это несоответствие очень «демонстративно». Р. Грегори (2011, с. 220) пишет, например, о том, что если рассматривать с расстояния больше метра внутреннюю поверхность маски, то она кажется выпуклой. Здесь знание о форме лица противостоит сенсорному сигналу. Знание или сенсорная информация получают преимущество в зависимости от расстояния между маской и наблюдателем. В результате выпуклое лицо превращается в вогнутое или наоборот¹.

Под влиянием работ американских психологов даже в российской психологии в последние годы стали меньше писать, а то и вовсе не упоминают об образах восприятия (см., например: учебник В. В. Нурковой и Н. Б. Березанской, 2005). К счастью, это скорее исключение, чем правило. Но вернемся к обсуждению того, что есть большее зло: применение понятия *образ восприятия* или отказ от его использования.

Если **зарубежные психологи**, отказываясь от удвоения сущностей, впадают в одну крайность и **пытаются не замечать, по крайней мере не обсуждать образы восприятия**, то **большинство российских психологов** впадают в другую крайность. **Признавая наличие образов восприятия**, они **придерживаются одновременно объективистских положений здравого смысла о том, что окружающий воспринимаемый мир наполнен предметами, которые человек воспринимает**. Мало кто задумывается о том, что такая позиция удваивает сущности и не согласуется с принимаемой ими же кантовской (1994, с. 306) теорией о «вещи в себе».

Можно ли примирить представления нашего здравого смысла, согласно которым нас окружают предметы, воспринимаемые нашими органами чувств, с кантовской идеей о «вещи в себе»? Думаю, да, если мы предварительно откажемся от двух догматов: 1) от того, что физические сущности противоположны психическим, то есть имеют совершенно иную природу; 2) от того, что наше сознание создает только психические феномены. Но к этому вопросу мы еще вернемся.

§ 3. Ощущения как разновидность образов восприятия

Что такое перцептивные феномены — ощущения и образы восприятия?
Не буду даже пытаться давать сложных определений, потому что ощущение

¹ Подробнее об этом и других сходных феноменах, например об удивительных трансформациях зрительного образа восприятия при применении псевдоскопа, см.: С. Э. Поляков, 2011, с. 249–251.

ния и образы нельзя вербально описать так, чтобы они стали понятными для человека, лишенного, например, соответствующих органов восприятия. В этом и заключается неповторимая специфика чувственных репрезентаций¹. Предлагаю сделать проще: проведите пальцами по поверхности стола, кресла, любого другого предмета. То, что вы испытываете, — тактильное ощущение. Лизните языком крупинку соли или сахара. То, что вы чувствуете, — вкусовое ощущение. Сдавите и понюхайте лимонную корку, то, что вы ощутите, — обонятельное ощущение. То, что вы чувствуете, приближая руку к огоньку горящей спички, — ощущение тепла, а при прикосновении к огню — ощущение боли от ожога. Закройте глаза и поверните лицо к солнцу или сильному источнику света. То, что вы испытываете даже с закрытыми глазами, — зрительное ощущение света. Возьмите в руку лед, и вы почувствуете ощущение твердости и холода, через некоторое время вы почувствуете и ощущение наличия жидкости в руке.

Разные органы чувств обеспечивают формирование разных репрезентаций одного и того же объекта: его визуальный образ, его запах, издаваемый им звук, вызываемые им тактильные и другие ощущения. **Среди перцептивных репрезентаций можно выделить репрезентации, позволяющие сознанию конституировать предметы физического мира, — образы восприятия, и репрезентации, не позволяющие их конституировать в завершенном виде, — ощущения.** До сих пор в психологии принято считать ощущения элементами образов восприятия. Представление о том, что образы восприятия складываются из более простых психических явлений — ощущений, восходит к работам основоположников психологии. Однако для того, чтобы разобраться, как ощущения и образы восприятия соотносятся друг с другом, необходимо понять, какие функции они выполняют, а главное — что они собой представляют феноменологически.

Нетрудно заметить, что конкретное **ощущение позволяет нам лишь выделять в окружающей реальности определенное множество объектов, обладающих способностью вызывать у нас это специфическое психическое явление.** Например, множество кислых, множество светлых или множество теплых объектов. В отличие от ощущения **образ восприятия уже позволяет выделить конкретный объект из множества сходных с ним объектов, точнее, выделить завершенную репрезентацию из множества сходных с ней репрезентаций той же модальности.** Например, зрительный образ дает возможность выделить конкретный предмет из множества кислых, множества светлых или множества теплых предметов.

¹ Для более подробного ознакомления с проблемой см.: С. Э. Поляков, 2011, с. 101–126.

Следовательно, ощущение, будучи вполне самостоятельной репрезентацией предмета в отдельной чувственной модальности, все же менее информативно, чем образ его восприятия. Оно позволяет человеку лишь заметить нечто в окружающем мире, то есть обратить внимание на факт существования этого нечто. При этом оно конституирует не предмет, а нечто. Целое множество неясных сущностей, сходных в данной сенсорной модальности. Образ восприятия же, являясь более информативной репрезентацией, конституирует в сознании определенный предмет, сразу выделяя его из множества прочих сущностей, даже очень сходных с ним в тех же модальностях.

И ощущения могут конституировать предмет, но лишь если появляются дополнительные ощущения в иных модальностях, то есть сознание из разномодальных ощущений (пахнущий лимоном, шероховатый, желтый и т. д. объект) создает комплексную репрезентацию предмета, своего рода полимодальный образ восприятия.

Различия в информативности для человека между образами восприятия и ощущениями обусловлены разной степенью развития у него анализаторов и мозговых структур, участвующих в создании соответствующих перцептивных репрезентаций, например зрительного образа и вкусового ощущения. То, что **и ощущения, и образы восприятия — перцептивные репрезентации, различающиеся лишь модальностью и степенью своей сложности**, дифференцированности, подтверждается тем, что у людей с выраженными дефектами органов зрения и слуха вместо образов восприятия могут возникнуть лишь ощущения, зрительные или слуховые.

Эти зрительные или слуховые ощущения не позволяют больным людям дифференцировать воспринимаемые ими сущности среди множества других, сходных с ними. Получается, что ощущение отличается от образа восприятия своей меньшей субъективной информативностью, и это не позволяет ощущению сформировать полноценную перцептивную репрезентацию предмета, которая дала бы возможность воспринимающему конституировать и выделить предмет среди прочих сходных с ним в той же модальности.

Зависимость информационной насыщенности (дифференцированности) образа восприятия от возможностей конкретных рецепторных аппаратов проявляется, например, в различиях результатов зрительного восприятия у человека с хорошим зрением и близорукого или у человека с обычным зрением и дальтоника. Чем лучше развит анализатор, тем больше новых элементов предмета он позволяет репрезентировать. Выявление новых сторон предмета является мерилем и критерием эффективности и органа чувств, и создаваемой сознанием с его участием целостной психической репрезентации.

Отличие ощущения от образа восприятия в том, что в ощущении есть лишь сенсорный регистр (модальность), интенсивность и чувственный тон (приятное — неприятное), но нет других составляющих, которые можно назвать «направлениями репрезентирования» или «ощущениями», тогда как в образе восприятия их много. Например, в слуховом образе восприятия отдельно репрезентируются интенсивность звука, его тембр, удаленность, локализация, направление движения и т. д. В зрительном образе специально и независимо репрезентируются локализация, цвет и форма предметов, градиенты его поверхностей и углы их наклона, фигура и фон, яркость и затемненность и т. д., которые в итоге и формируют детальный образ предмета.

Образ восприятия — это «полноценная» чувственная репрезентация, конституирующая отдельный предмет. «Полноценная» в том смысле, что ее «достаточно» для выделения данной сущности из множества сходных с ней даже в той же модальности. Образ восприятия не просто конституирует сущность. Наш здравый смысл отождествляет его с ней, а в языке он обозначается существительным. Ощущение же — это «неполная» или «недостаточная» репрезентация, так как она не способна конституировать определенную сущность, хотя и позволяет сознанию регистрировать множество сходных в конкретной модальности сущностей. Наш здравый смысл связывает ощущение с внешним миром. В языке оно обычно обозначается прилагательным, реже — существительным.

Очевидно, что ощущение и образ — это близкие психические феномены, различающиеся лишь степенью своей сложности. **Правильнее поэтому говорить о единых перцептивных феноменах, различающихся лишь степенью своей дифференцированности, или об образах восприятия разной модальности и разной степени информативности, которая обусловлена особенностями развития соответствующих органов чувств.**

Можно предположить, что зрительный анализатор, позволяющий нам получить наиболее «полную» репрезентацию предмета — зрительный образ, объединяет в нем сразу несколько зрительных ощущений, вызываемых объектом: яркость, цвет и текстуру поверхностей, их градиент, углы наклона и т. д., которые и формируют целостный зрительный образ. По крайней мере, гипотеза о таком объединении зрительных ощущений не вызывает отторжения. Зрительный образ в результате как бы замещает собой сразу множество более «простых» репрезентаций предмета (визуальных ощущений), аналогичных по «уровню» — глубине репрезентирования ощущениям иной модальности, создаваемым другими менее развитыми у человека сенсорными анализаторами. При этом образ восприятия органично объединяет все то, что можно условно назвать зрительными ощущениями, в целостную репрезентацию, или гештальт. Количество здесь переходит в качество,

позволяющее сознанию конституировать в визуальной модальности конкретный физический объект и отличать его при этом от сходных объектов.

Ощущения, вызываемые элементом «реальности в себе», который сознание конституирует в форме предмета или явления, как и образы его восприятия, — это разномодальные репрезентации самого предмета, а не каких-то дополнительных сущностей, то есть его (предмета или явления) свойств, как принято считать. Но это дополнительные и второстепенные по отношению к зрительному образу восприятия репрезентации предмета, так как не позволяют выделить данный предмет из прочих. Они превратились поэтому для человека в то, что принято называть чувственно воспринимаемыми свойствами предмета.

У «реальности в себе» потенциально огромное множество свойств, которые, вероятно, могут быть конституированы иными формами сознания¹, но человеческое сознание в состоянии репрезентировать лишь некоторые. Следовательно, нет ни одного свойства, приписываемого нашим сознанием предмету, которое можно расценить как «внутренне присущее» ему и независимое от человека. **Все свойства, как и сам предмет, конституированы в таком специфически человеческом (антропоморфном) виде именно человеческим сознанием, взаимодействующим с элементом «реальности в себе».**

§ 4. Соотношение репрезентации и предмета

Все предпринятые на протяжении последних веков многочисленные попытки разделить физическое и психическое завершились полным провалом. С. Л. Франк (1995, с. 77) пишет, что теория дуалистического реализма возникла, когда заметили, что воспринимаемое есть нечто идеальное, данное в акте познания. При этом сам предмет мыслился независимым от его восприятия. Это могло быть истолковано только одним способом: восприятие предмета есть точное отображение, копия самого предмета.

Автор (с. 78) указывает, что нам дан только образ восприятия, но наш здравый смысл умудряется удвоить его, превратив в предмет и образ предмета. Автор говорит о возникновении неизбежной дилеммы: «... Либо в восприятии нам вообще дан не “сам предмет”, а только его образ, так что все, что мы противопоставляем “образу” в качестве самого предмета, или вообще есть нечто невозможное, или же, поскольку оно возможно, есть тоже только образ, — либо же нам каким-либо образом доступен или дан

¹ Известно, например, что животные обладают чувствительностью к электрическим полям, магнитному полю Земли, ультразвуку, инфразвуку и т. д.

сам предмет и у нас нет и нам не нужно никакого образа, который духовным воспроизведением предмета делал бы его доступным нам» (там же).

Мне представляется очевидным, что дуализм появился в результате осмысления человеком одновременного наличия в его сознании образов представления и воспоминания предмета наряду с образами восприятия того же предмета. Б. Рассел (2001а, с. 247) тоже говорит, что, обсуждая «коренное различие между духом и материей», люди в действительности имеют в виду различие между зрительными или осязательными восприятиями и «мыслью» в виде воспоминания, чувства удовольствия или волнения. То есть они имеют в виду различия внутри мира сознания, так как восприятия являются такими же психическими явлениями, как и «мысль». Ж.-Ф. Лиотар (2001, с. 64) тоже полагает, что дело здесь в психической феноменологии.

Данная проблема, впрочем, настолько сложна, что даже великие порой терялись в ее лабиринтах. Например, Э. Шредингер (2005, с. 85–88) отмечает противоречия в высказываниях самого Б. Рассела по этому вопросу.

Я полагаю, что нас сильно запутала декартовская парадигма. Декартовская парадигма (а его дуализм материи и сознания — именно парадигма) — это глобальная концептуализация реальности, которая рассекла в XVII в. человеческую реальность на две половины. Все следующие века она определяла пути развития гуманитарных наук. Правильнее даже сказать — науки вообще. Мы и сейчас дуалисты, хотя уже начали осознавать, что эта парадигма неверна и ее следует менять.

Многие исследователи сегодня искренне декларируют отказ от декартовского дуализма. Но заявления ничего не меняют. Чтобы на самом деле отказаться от него, надо радикально изменить собственные представления о реальности, так как идеи Р. Декарта по-прежнему составляют базис нашего мировоззрения, хотя мы чаще даже не отдаем в полной мере себе в этом отчета. Идеи о необходимости разделения реальности на психическое и физическое настолько глубоко проникли в наши представления о мире, что мы не можем просто заявить об ошибочности теории Р. Декарта. Я и сам, утверждая о неправомерности деления на психическое и физическое, постоянно пишу о физической и психической реальности. *Что это, как не декартовский дуализм, сохраняющийся в моей концептуализации мира?*

Смена дуалистической парадигмы — это титаническая работа, которую следует провести во всех областях науки с радикальной ревизией основных концептов в каждой из них. Для начала возможно надо отказаться от глобального концепта *физическое*, заменив его иным — например, *чувственно репрезентируемое* или *воспринимаемое*. Я пытаюсь сделать

это ниже. Отказаться и от старого концепта *психическое*, резко расширив его для охвата реальности вообще. Я уверен, что работа по замене этих глобальных концептов и их производных приведет к решению множества неразрешимых пока вопросов, существовавших веками в каждой науке, и обнаружению выходов из множества тупиков.

Как следует объяснять или хотя бы описывать соотношение «реальности в себе» и человеческих репрезентаций этой реальности?

Множество авторов безуспешно пытались ответить на этот вопрос. Вполне понятны попытки здравого смысла отождествить чувственные репрезентации с окружающей реальностью, которую они репрезентируют. Г. Вейль (2004, с. 12–13) пишет, что, обладая натуралистической установкой, которой мы руководствуемся в нашей обыденной жизни, мы противопоставляем свое восприятие вещей самим физическим вещам. Мы приписываем вещам реальное существование и считаем их в основном такими (так устроенными, так окрашенными и т. д.), какими они нам являются в нашем восприятии.

Анализ нашего восприятия, однако, убеждает нас в том, что **человеческое сознание не просто не копирует «реальность в себе», но создает нечто весьма отличное от нее** (подробнее об этом см., например: С. Э. Поляков, 2011, с. 127–160). Причем именно **это созданное сознанием нечто мы и считаем физической предметной реальностью**. То, что наши чувственные репрезентации не являются ни «отражениями», ни «копиями» объектов физического мира, было очевидно выдающимся мыслителям еще в античности. Например, А. Эйнштейн (2008) цитирует Демокрита: «Условно сладкое, условно горькое, условно горячее, условно холодное, условен цвет. ...Объекты чувств предполагаются реальными, и в порядке вещей рассматривать их как таковые, но на самом деле они не существуют. Реальны только атомы и пустота» (с. 166).

Э. фон Глазерсфельд¹ пишет, что аргумент Секста Эмпирика уже более 2000 лет не дает философам покоя. Секст Эмпирик рассматривает восприятие яблока, которое наши органы чувств репрезентируют как гладкое, ароматное, сладкое и желтое. Но не факт то, что оно в действительности обладает этими свойствами. Мы лишь способны сравнить ощущение, вызываемое яблоком, с другими своими ощущениями.

¹ Глазерсфельд Э. фон. Введение в радикальный конструктивизм / Пер. выполнен по: *Glaserfeld E. von. Einführung in den radikalen Konstruktivismus / Glaserfeld E. von // Die erfundene Wirklichkeit: wie wissen wir, was wir zu wissen glauben? / hrsg. und kommentiert von Paul Watzlawick. — 10. Aufl., ungekürzte Taschenbuchausg. — München u.a.: Piper, 1998. — S. 16–38 [Электронный ресурс]: Эрнст фон Глазерсфельд; Пер. С. А. Цоколов. — Режим доступа: <http://toptatarica.ru/palsh/rk.htm>.*

Тем не менее большинство исследователей предпочитают отождествлять репрезентации реальности с окружающим миром. На протяжении веков соотношение предмета и его репрезентации рассматривали как отношения реальности и картины или реальности и чего-то вроде ее психической копии. Х. Патнэм (2002, с. 80–81) пишет, что уже приблизительно 2000 лет существует форма корреспондентской теории истины, которую античные и средневековые философы приписывают Аристотелю. Автор называет ее теорией референции как подобия. Согласно ей отношение между внешними объектами и их репрезентациями представляет собой буквальное подобие. Х. Патнэм указывает, что лишь в XVII в. эта теория стала сдавать свои позиции.

Получается, что изоморфизм объекта и образа его восприятия восходит к Аристотелю. И до сих пор отнюдь не все исследователи готовы признать, что психика не «отражает» окружающую реальность «как зеркало». Что она сложным непрямым образом репрезентирует «реальность в себе», и репрезентации эти не только не являются копиями «реальности в себе», но и вообще как-то сложно и не вполне понятно лишь соотносятся с миром кантовских «вещей в себе». Тем не менее представления об изоморфности сохраняются, несмотря на то что множество выдающихся ученых убедительно доказывали отсутствие изоморфизма «реальности в себе» и ее образов, возникающих в человеческом сознании.

Г. Гельмгольц (1999, с. 37), например, полагает, что представление (то есть чувственная репрезентация — *Авт.*) и объект принадлежат к двум совершенно разным мирам, которые так же не допускают сравнения друг с другом, как цвета и звуки или буквы в книге и звучания слов, которые они обозначают. Автор склонен считать чувственные репрезентации символами, или знаками, предметов. По его мнению (с. 36–37), нет смысла говорить о какой бы то ни было истинности наших представлений, кроме практической. Вопрос об истинности представления о столе (его форме, твердости, цвете, тяжести и т. д.) независимо от его практического использования бессмыслен. Как и вопрос о том, какой цвет имеет данный звук — красный, желтый или синий. Г. Гельмгольц замечает: «То, что представления не равны вещам, заложено в природе нашего знания» (с. 40).

Можно ли вслед за автором считать чувственные репрезентации символами физических вещей? Я полагаю, что нет. Во-первых, потому что без репрезентаций нет «физических вещей». Во-вторых, чаще всего понятие *символы* используется применительно к словам языка, и речь тогда идет уже о вербальных репрезентациях предметов. Невербальные символы — это чувственные репрезентации дополнительных предметов, которые замещают собой чувственные репрезентации основных (более важных для людей) предметов (подробнее см.: С. Э. Поляков, 2011, с. 141–143).

Б. Рассел (2001а, с. 213) вообще полагает, что между нашими восприятиями и их внешними причинами так мало сходства, что трудно понять, как из восприятий можно получить знание о внешних объектах. По его (2009, с. 52) мнению, даже если физические объекты имеют независимое от чувственных данных существование, они соответствуют друг другу, как каталог вещей самим вещам. Мы не знаем ничего по поводу истинной, внутренне присущей физическим объектам природы. И если найдутся существенные доводы в пользу их ментальной природы, то нельзя отвергать этот взгляд на том основании, что он странен.

Один из основоположников радикального конструктивизма Э. фон Глазерсфельд замечает¹, что наше знание не может интерпретироваться как изображение, скорее его можно сравнить с ключом, открывающим один из возможных путей. И если в традиционной теории познания и в когнитивной психологии соотношение знания и действительности трактуется как в большей или меньшей мере образное (иконическое) соответствие, то радикальный конструктивизм придает ему значение приспособленности в функциональном смысле.

Применительно к отношениям предмета и образа его восприятия со второй половины XX в. вместо понятий *копирование* и *отражение* все шире используют понятие *соответствие*. Э. фон Глазерсфельд (там же) сравнивает понятия *соответствует* и *подходит*. Первое, по его мнению, означает, что нечто передает изображаемое и в какой-то мере является с ним однообразным. Конкретные свойства, по которым устанавливается однообразие, могут меняться от случая к случаю. Нередко не играют никакой роли размер, вес, цвет либо расположение в пространстве и времени; и все же в таких случаях говорят о точной передаче, воспроизводстве пропорции, порядка либо основного плана строения. Это называют гомоморфизмом.

По словам автора, в господствующих теориях познания мы постоянно находим явные или подразумеваемые указания на то, что наши знания гомоморфно отображают независимый и самодостаточный мир хотя бы в каком-то одном аспекте. Когда мы говорим, что нечто «подходит», то имеем в виду лишь то, что это нечто справляется с возложенным нами на него назначением. Ключ, например, подходит, если отпирает замок. Понятие пригодности относится к ключу, но не к замку. В качестве метафоры Э. фон Глазерсфельд вспоминает о профессиональном взломщике, имеющем множество разных ключей, которые тем не менее открывают нашу дверь. С точки зрения радикального конструктивизма мы, живые существа, соотносимся с окружающей средой в такой же

¹ Глазерсфельд Э. фон. Указ. соч.

мере, как взломщик с замком, который он должен отпереть, чтобы добраться до добычи.

В. А. Иванников (2010, с. 37), обсуждая вопрос о степени соответствия образа объекта самому объекту, рассматривает три ответа на этот вопрос: 1) наши образы — чисто субъективные образования, за которыми не стоит никакой реальности; 2) психика — система символов, знаков, иероглифов, кодов внешнего мира, между ней и миром существуют изоморфные¹ отношения, но психика ничего не говорит о мире; 3) психические образы — более или менее верное отражение объектов внешнего мира, то есть психика — это адекватное знание о мире.

Автор полагает, что первое положение доказывается, например, так: галлюцинации для больного — такая же реальность, как нормальные образы внешнего мира. Второе утверждение основывается на наличии иллюзий и на несовпадении ощущений с воздействиями внешнего мира. Так, ощущение звука или красного цвета не совпадает с сущностями внешнего мира (колебаниями воздуха или электромагнитными излучениями). Третье утверждение доказывается тем, что наши образы адекватны окружающему миру, поэтому мы не садимся мимо стула, не наталкиваемся на стены и обходим деревья и лужи как реально существующие объекты. В. А. Иванников (2010, с. 32) считает, что психика является одной из форм отражения.

В отечественной психологии доминирует точка зрения здравого смысла, восходящая к Аристотелю и Р. Декарту: есть физические объекты (пусть даже они и представляют собой «вещи в себе», тем более что никто не знает, что это такое) и есть психические образы их восприятия, или их репрезентации. Странно, что противоречивость и неясность этих доминирующих в психологической литературе представлений не привлекает к себе внимания исследователей. Например, с одной стороны, считается, что образ восприятия, или перцептивная репрезентация предмета, — это психический феномен. Но тогда, как и все ментальные феномены, он существует в особом психическом пространстве восприятия. С другой стороны, принимается как очевидность, что одновременно с последним вокруг нас существует еще реальное физическое пространство, заполненное предметами (пусть даже они называются «вещами в себе»), которое

¹ «Греческий корень “изо-” означает “равный, одинаковый, подобный”, а “морф-” значит “форма, конфигурация, организация или структура”. ...Теоретики гештальта использовали его (изоморфизм. — *Авт.*) для характеристики своего особого подхода к вопросу об отношении разума и мозга: они утверждали, что объективные мозговые процессы, которые лежат в основе конкретного феноменологического опыта и коррелируют с ним, изоморфны субъективному опыту (то есть имеют функционально ту же форму и структуру)» (Изоморфизм: справ. ст. [Электронный ресурс]: ВСловаре.Ру. Психологический словарь: сайт. — Режим доступа: <http://vslovar.ru/slovo/psihologicheskii-slovar/izomorfizm/230506>).

мы воспринимаем. Сущности удваиваются, при этом не обсуждается, как соотносятся психическое пространство восприятия и физическое предметное пространство¹.

Я не встречал серьезных возражений психологов против теории И. Канта (1994, с. 205–206) или следующих из нее очевидных выводов о том, что в окружающем мире без человека нет предметов или вещей, а есть лишь нечто называемое «вещами в себе». Только некоторые исследователи задумываются над тем, что «вещь в себе» — это и не вещь вовсе. С. Л. Франк, например, говорит, что понятие трансцендентного предмета, непознаваемой вещи в себе подлежит устранению.

Сам И. Кант так и не объяснил, что же он понимает под своей «вещью в себе». Э. Шредингер (2000) пишет: «...Кант шокировал нас полным отказом: мы никогда не узнаем абсолютно ничего о его “вещи в себе”» (с. 49).

Добавлю, что из-за этой недосказанности возникло множество неясностей, сохраняющихся до сих пор. Г. Г. Шпет (2010, с. 116), например, считает «вещь в себе» предметом, а мы постоянно сталкиваемся сейчас в литературе с попытками «удвоения», а то и «утроения» сущностей. Кроме «вещи в себе» и вещи в форме психической репрезентации этой самой «вещи в себе», в окружающем мире появляется и более понятная здравому смыслу третья вещь — предмет. И все же вещь, как можно заключить из теории И. Канта, появляется лишь в сознании человека.

Повторю, что кантовская «вещь в себе» — это вовсе не предмет, к которому мы привыкли. Это непонятное и почти трансцендентное, то есть недоступное нам никак, кроме как в форме наших же психических репрезентаций, нечто, которое превращается в предмет лишь в процессе взаимодействия с человеческим сознанием и лишь для него. Именно сознание трансформирует в предмет это амодальное, аморфное нечто². Следовательно, вне сознания нет предмета, а есть лишь фрагмент кантовской почти трансцендентной «реальности в себе».

С. Л. Франк (1995, с. 86) пишет, что человеческое сознание не копирует предмет, а «некоторым образом владеет “самим предметом”, объемлет его и включает в себя», «предмет есть особый момент в строении самого сознания». Далее автор (с. 87), однако, высказывает мысль о том, что «сознание включает в себя черту объективности или “предметности”», и предлагает «расширить сознание до пределов всего мыслимого бытия».

¹ Впрочем, Б. Рассел (2001а, с. 234–242), например, разделяет физическое и зрительное пространство.

² Э. Шредингер (2000) упоминает об изумлении, возникающем, «когда выясняется, что наша картина мира “лишена цвета, холодна и нема”. Цвет и звук, тепло и холод являются нашими непосредственными ощущениями; неудивительно, что их не хватает в модели мира, из которого удалена наша собственная ментальная персона» (с. 39).

Скажу еще определеннее: там нет дублера предмета, а есть сам единственный и отсутствующий где-либо еще оригинал, то есть сам предмет. Перефразируя У. Оккама (цит. по: Смирнов, 2010, с. 142), напомним, что не следует умножать сущности без нужды. В окружающем мире есть нечто, взаимодействующее с нашим телом, в результате чего в нашем сознании возникает антропоморфная репрезентация этого нечто, отличающаяся сущностно от того, что есть вне нас. Но именно она и является для нас предметом, который мы считаем частью окружающего физического мира.

Повторю, что **психическая репрезентация, данная нам в виде предмета, сущностно отличается от «вещи в себе»**. Так, ощущение красного или зеленого цвета — это не электромагнитные волны. Но для нас именно наша психическая репрезентация становится настоящим и единственным предметом физического мира. Общим для «вещи в себе» и ее репрезентации в сознании является лишь понятие *вещь*, которое и вводит нас в заблуждение. Правильнее было бы поэтому «вещь в себе» называть, например, частью «реальности в себе», так как она еще и не вещь вовсе. В вещь же превращается лишь ее чувственная репрезентация в сознании, конституированная к тому же понятием, обозначающим данную вещь.

Этот мой, кажущийся новым вывод на самом деле совсем не нов. Э. Шредингер (2000), например, пишет: «Мир дается мне лишь единожды, а не один существующий и один воспринимаемый» (с. 50). «Разум построил объективный окружающий мир философа-натуралиста из своего собственного материала. Разум не мог справиться с этой гигантской задачей, не воспользовавшись упрощающим приемом, заключающимся в исключении себя — отзыве с момента концептуального создания. Поэтому последний не содержит своего создателя» (с. 42–43).

Добавлю: не только «не содержит создателя», но и создатель не понимает, что создает окружающий мир из элементов самого себя. Но здесь не следует впадать в другую крайность, утверждая, что такая позиция есть отказ от реальности внешнего мира. Вовсе нет. Странно даже сомневаться в том, что «реальность в себе» существует вокруг нас и мы от нее полностью зависим.

У образов восприятия есть еще одна важная особенность. Со времен Р. Декарта и даже раньше принято полагать, что содержание сознания идеально и противостоит материальному миру. Это положение опроверг нейтральный монизм, основоположником которого следует, видимо, считать У. Джеймса, так как у Э. Маха, во-первых, своя оригинальная «теория элементов», тесно смыкающаяся с монизмом, а во-вторых, я находил в его работах ссылки на У. Джеймса, свидетельствующие о том, что Э. Мах, который даже посвящал свои книги У. Джеймсу, скорее просто охотно

согласился с теорией своего американского коллеги. К монистам следует отнести и Г. Геффдинга с Р. Авенариусом, о которых упоминает Э. Мах (2003, с. 46).

У. Джеймс (1997, с. 362–363) предлагает рассмотреть в двух аспектах комнату, в которой вы сидите с книгой. Сначала как коллекцию физических вещей, выделенных из окружающего их мира других вещей. А потом как то, что воспринимает сейчас ваш разум. В итоге реальность, кажущаяся единой, занимает два места: одно — во внешнем пространстве, а другое — в вашем уме. В одном случае одна и та же комната с вещами будет вашим «полем сознания». В другом — предметом, в котором вы находитесь. Причем в оба контекста комната входит целиком, так что нельзя сказать, будто она принадлежит сознанию одной своей частью, а внешней реальности — другой.

Таким образом, в зависимости от того, в какую психическую конструкцию, созданную нашим сознанием, входит наше актуальное психическое содержание, то есть образы восприятия и ощущения, их можно рассматривать либо как содержание сознания (психические репрезентации предметов), либо как внешний физический мир (сами предметы). Образы восприятия являются в результате одновременно и нашими психическими явлениями (содержанием нашего сознания), и вещами. Эту странную двойственность образов восприятия У. Джеймс (1997) достаточно убедительно разъясняет. Автор даже пробует распространить в своей книге те же закономерности на прочие психические явления, в том числе и на понятия.

Он полагает, что «любой единичный неперцептуальный опыт может, подобно перцептуальному опыту, быть рассмотрен дважды». Как физический объект или совокупность объектов в одном контексте и как состояние ума — в другом. В одном контексте «неперцептуальный опыт» представляет собой, по его (с. 365) мнению, целиком сознание; в другом — его содержание. Причем нигде не замечается никакого внутреннего саморазделения на сознание и содержание сознания.

Можно, однако, возразить автору, что содержание сознания не всегда репрезентирует физическую реальность, а часто — и вовсе не ее. Тут в рассуждениях У. Джеймса (1997) есть слабое место, которое, впрочем, он и сам замечает: «Пока все чрезвычайно ясно, но мое положение, вероятно, покажется читателю менее убедительным, когда я перейду от восприятия к понятиям или от вопроса о наглядно представимых вещах к вещам, непосредственно нами не воспринимаемым» (с. 364).

И он совершенно прав. Более того, к понятиям он так и не перешел, потому что не смог бы доказать применительно к ним свою точку зрения, ибо многое из того, что обозначается понятиями, просто невозможно най-

ти в окружающей физической реальности или отнести к ней явно. Следовательно, понятия не могут, как образы восприятия, в разных контекстах выступать то психическими, то физическими сущностями. Меня здесь интересует не то, насколько был не прав этот замечательный мыслитель, пытаюсь распространить свою теорию на понятия, а то, насколько он был прав, рассматривая образы восприятия в зависимости от контекста то как явления сознания, то как физические явления.

Б. Рассел тоже принимает постулаты монизма. Он (2009, с. 237) соглашается с У. Джеймсом и пишет (с. 214), что нет такой простой сущности, на которую вы могли бы указать и сказать, что она является физической, а не ментальной. Сам он (1999, с. 121) вообще считает, что мир состоит не из вещей, а из событий. Если причинно-следственные взаимосвязи одного рода, то соответствующая группа событий может быть названа физическим объектом, а если они другого рода, то соответствующая группа событий может быть названа сознанием. Любое событие, протекающее в голове человека, будет принадлежать к группам обоих видов. Сознание и материя являются просто удобными способами организации событий.

Г. Г. Шпет (2010, с. 179–180) указывает, что никакой принципиальной разницы между психическими и физическими явлениями не существует.

Итак, казалось бы, монизм преодолел пропасть между психическим и физическим, доказав, что образ восприятия превращается то в психическое содержание человеческого сознания, то в физический предмет в зависимости от плоскости, в которой мы его рассматриваем. Однако, как это ни парадоксально, открытие монистов мало повлияло на доминирующие не только в естественных науках, но даже в психологии дуалистические представления, а сама теория была фактически проигнорирована.

В своей экологической теории прямого восприятия Дж. Гибсон (1988, с. 336–374) тоже пытается, как мне представляется, отождествлять репрезентации с предметами, хотя этот аспект проблемы он нигде прямо не обсуждает.

Несмотря на то что наука так и не нашла достоверных различий между психическими и физическими явлениями¹, наш здравый смысл не готов отказаться от привычной дуалистической картины мира. Тем не менее нельзя не признать доводы монизма (см. У. Джеймс (1997, с. 362–363)), который доказал, что образы восприятия трансформируются в физические объекты и наоборот в зависимости от контекста. То есть заставил нас задуматься об ошибочности дуалистической теории. Продолжим рассуждения.

¹ Подробнее см. об этом: С. Э. Поляков, 2011. — с. 156–160.

Получается, что если образ восприятия это и есть физический предмет, то сознание выстраивает и психические, и физические сущности. Этот вывод порождает неожиданную мысль: сознание способно, репрезентируя «реальность в себе», чувственно конституировать своими психическими средствами физические сущности — предметы. Следовательно, **сознание — это не просто и не только нечто психическое. И либо оно формирует и психическую, и предметную физическую реальность, либо такое разделение неадекватно.**

Попробуем замкнуть логическую цепь и начать на практике разрушение дуалистической парадигмы.

В «реальности в себе» нет предметов и явлений, их свойств и действий. Она внечувственна, то есть без человека или другого существа, наделенного сознанием, невидима, безмолвна, не имеет запаха, вкуса, температуры, шероховатости или гладкости и других чувственных качеств. «Реальность в себе» доступна человеческому познанию лишь в форме его же чувственных либо символических репрезентаций. В результате взаимодействия с «реальностью в себе» **сознание строит в себе самом, но в месте локализации «реальности в себе» свою психическую по механизмам формирования, но физическую по форме предметную реальность, которую здравый смысл привычно и обоснованно заставляет нас считать окружающим предметным физическим миром.**

Еще классическая психология установила, что формируемые сознанием чувственные репрезентации «реальности в себе», или образы восприятия предметов, **обладают всеми свойствами предметов:** предметностью, реальностью, полнотой или завершенностью, целостностью, достоверностью, дистальным характером по отношению к наблюдателю, находятся во внешней реальности и т. д. (см.: С. Э. Поляков, 2011, с. 277–300). Это еще раз свидетельствует о том, что **образ восприятия объекта не просто «как бы картинка в голове», а единственно реальный, то есть оригинальный, подлинный предмет, чувственно конституируемый и располагаемый нашим сознанием во внешнем конституированном им же физическом мире.**

Другого физического предмета просто нет, и не может быть нигде больше. Наш образ восприятия и представляет собой единственный реальный предмет¹. И вещественность² этому предмету придают исключительно наши же разномодальные психические его — предмета — чувственные репрезентации.

Наше чувственное репрезентирование предоставляет нам истинную, но антропоморфную версию «реальности в себе» в единственно возмож-

¹ См. Примечание 2.

² О вещественности см.: С. Э. Поляков, 2011, с. 629–633.

ной для нас форме. При этом мы должны понимать, что это лишь один из бесчисленного множества возможных вариантов репрезентирования «реальности в себе», каждый из которых потенциально может быть столь же достоверным, как и человеческий, то есть «реальность в себе» имеет столько ипостасей — репрезентаций, сколько существа, обладающие сознанием, способны создать.

Итак, наше **сознание не отражает и не копирует, а созидает в специфически антропоморфном виде и в себе самом, но во внешнем пространстве сознания окружающий предметный физический мир, являющийся репрезентацией «реальности в себе».**

Об этом так или иначе и в разном контексте говорят многие исследователи. Э. Шредингер (2000, с. 44), например, полагает, что картина мира человека является и всегда остается построением его разума. У. Р. Матурана и Ф. Х. Варела (2001, с. 149) пишут, что нервная система создает мир. Е. Н. Князева (2008, с. 242) тоже считает, что мы создаем мир, в котором живем, в процессе коммуникации, познавательной и преобразующей деятельности.

Во многом верно, но надо постоянно помнить об опасности впасть в другую крайность. **Не «мы создаем мир». Он есть вне нас и независимо от нас как «реальность в себе». Мы создаем в своем сознании и для себя лишь антропоморфную, понятную только нам и пригодную только для человека специфическую психофизическую репрезентацию «реальности в себе».** А это уже совсем другое дело. Да, наши психические репрезентации конституируют в сознании предметы. Говоря метафорически, они «лепят» из «теста» «реальности в себе» то, что мы считаем затем предметами и более сложными сущностями реальности. Но эти предметы являются предметами только для нас, а не для «реальности в себе». Мы творцы человеческого предметного мира, мира для нас самих, а не «реальности в себе».

Предметная физическая реальность существует только в индивидуальном сознании, но из этого не следует, что создаваемый сознанием физический мир иллюзорен, что он — фикция. Напротив, индивидуальная чувственная репрезентация предметного физического мира совершенно материальна, точнее, вещественна, достоверна и бесспорна, но эту вещественность ему придают свойства чувственных психических репрезентаций человеческого сознания. И вне сознания нет ни чувственной вещественности, ни предметности.

Из-за доминирования дуалистической парадигмы в нашем мировоззрении кажется странной и даже нелепой мысль о том, что наша психика конституирует и преподносит нам «реальность в себе» в вещественной, материальной, предметной форме, которую мы привыкли называть

физической, что именно психика ответственна за появление окружающих предметов.

Мы привыкли к тому, что материя и сознание — антагонистические сущности, и поэтому не можем принять очевидный вывод о том, что эти наши представления не соответствуют реальности. Философские определения материи¹ и сознания действительно превратили их в противостоящие друг другу сущности. И эти философские представления распространились на научные представления. Тем не менее, научные представления о материи и сознании резко отличаются от философских, к тому же научными средствами невозможно обнаружить бесспорные доказательства противоположности и несовместимости материи и сознания.

Материю сегодня понимают в науке как некий несотворимый и уничтожимый субстрат, представленный, например, в виде физического вещества, обладающего свойствами иметь форму, химическую структуру, вес, протяженность, способность к превращениям, движению и т. д.; субстрат, воздействующий на органы чувств, переходящий из одной формы в другую, даже в формы, недоступные восприятию, пребывающий в пространстве-времени; субстрат, из которого состоит окружающий человека предметный физический мир. Мало у кого из исследователей вызывает поэтому сомнение материальность предметного физического мира. При этом в науку из философии перешло убеждение о противоположности и несовместимости материи, а, следовательно, и предметного физического мира, с одной стороны, и сознания, с другой.

Усвоенная наукой идея об антагонизме материи и сознания порождает в исследователях уверенность в том, что сущности окружающего мира бывают либо материальные, то есть предметные и физические, либо психические, и пропасть между ними непреодолима. Материальное «отражается» или является человеку с помощью его психических феноменов, но и только, так как психические явления нематериальны и принципиально отличаются от материи и материальных предметов окружающей человека физической реальности. «Психический мир» «противостоит» «миру вещей». Именно эта форма дуалистической парадигмы доминирует в современной науке, несмотря на то, что раздается все больше голосов исследователей, призывающих отказаться от дуализма.

Можно сказать, что Р. Декарт (цит. по: Дж. Реале, Д. Антисери, с. 321) лишь заложил основы дуализма своим утверждением, что материя и сознание (*res extensa* (вещь протяженная) и *res cogitans* (вещь мыслящая)) — это принципиально разные субстанции. Но он рассматривал философские

¹ См. Примечание 3.

сущности. То есть современная дуалистическая парадигма, возможно, и началась с идей Р. Декарта, но пошла гораздо дальше и в другую сторону. И сейчас вызывает возражения не столько философский, сколько научный дуализм. Упрощая существующую картину, можно сказать, что большинство исследователей считают сейчас материей сущности, лежащие, по их мнению, в основе окружающего нас предметного физического мира: вещество, поле и вакуум. И даже идею антагонизма последних с сознанием можно с оговорками принять. Нельзя принять идею о том, что сознание лишь репрезентирует предметный физический мир, существующий вне сознания, и к формированию физических предметов сознание не имеет отношения, так как за предметный мир ответственна материя. Я полагаю, что сознание имеет самое непосредственное отношение к конституированию физических предметов, так как оно выстраивает их в себе самом. Предметный физический мир — это предметно оформленная сознанием в сознании же человеческая репрезентация материи, которую вполне можно назвать «реальностью в себе». При этом само сознание полностью зависит от «реальности в себе».

Я пытаюсь показать, что **психические перцептивные репрезентации (ощущения и образы восприятия) существуют в вещественной, материальной форме, создавая для нас предметы окружающего физического мира.** Данное положение противоречит всей истории развития идей о психическом и физическом, а потому кажется странным и неадекватным. Однако принятие этого факта позволяет на практике не только отказаться от декартовского дуализма, но и многое объяснить.

Если «вещь в себе» — это не вполне физическая вещь, точнее, вовсе не вещь, то что же она такое? А если предмет создается сознанием, то как он может быть материальным?

Мы привыкли к идее о том, что «материя (мозг) порождает нематериальное сознание». *Но получается, что и сознание порождает материю, по крайней мере, в том предметном, вещественном виде, в котором мы традиционно ее себе представляем?*

Пусть не порождает, а лишь конституирует, но в материальной форме. *Однако как такое возможно?*

Последовательность должна выглядеть так: элемент «реальности в себе» (вне сознания) — ее психическая репрезентация в форме физического (парадокс!) предмета (или образ восприятия предмета в сознании, но в месте локализации элемента) — психические образы воспоминания и представления предмета.

Возникает очередной вопрос: *а куда делась в этой схеме «объективность» физического предмета, ведь предмет в ней субъективен, уникален и неповторим, так как создается конкретным сознанием?* Мы-то

«знаем», по крайней мере мы привыкли к тому, что предмет «объективен», так как доступен всем, кто его сейчас воспринимает. Получается, что физический предмет субъективен, а объективно только то, что позволяет конкретному сознанию порождать его субъективную репрезентацию. То есть **объективна лишь «реальность в себе», являющаяся нам в виде наших субъективных психофизических репрезентаций или предметов.**

Признание того, что предмет дан нам в нашем сознании, но в физической форме, сразу на практике разрушает дуализм, так как физическое дано нам в психическом и через психическое, а следовательно, мало того, что физическое и психическое неразделимы, эти сущности просто нет смысла выделять. Сформулирую несколько постулатов.

- **От концептов (и понятий) *физическое*¹ и *психическое* в их привычном смысле необходимо отказаться, так как они неопределимы и неразличимы.**
- Если «**физическое**» существует в сознании, то оно **отнодь не более «объективно», чем «психическое», а вербальные репрезентации не менее реальны и «объективны», чем то, что мы считаем «физическим» миром.** Соответственно, **понятия, например, ничем не отличаются в смысле их «объективности» и реальности от окружающих предметов, представленных в сознании в виде чувственных репрезентаций.**
- Для человека именно **психические феномены и есть первичная реальность, так как «реальность в себе», традиционно рассматриваемая как бесспорно объективная и материальная, дана ему лишь в форме его же психических феноменов.**
- **Психические явления — не эпифеномены, а реальность, так как даже «реальность в себе» дана человеку лишь в форме их.**
- **Психика — это, говоря метафорически, воплощение, устройство, трансформирующее «реальность в себе» в доступную человеку предметную психофизическую форму.**

¹ Я широко пользуюсь далее термином «физическое», который в моем понимании означает общее свойство всех перцептивных чувственных репрезентаций человеческого сознания. Физическое — то, что репрезентируется нашими образами восприятия и ощущениями. Оно объединяет такие ярко выраженные специфические признаки, как вещественность, предметность, реальность, константность, тождественность, инвариантность и т. д., которые заставляют человека безусловно верить в подлинность и наличие вокруг него независимого от него предметного мира. Используя здесь и далее термин «физическое», я имею в виду только то, что репрезентируется в человеческом сознании с помощью образов восприятия и ощущений, то есть я не вкладываю в этот термин никакого дополнительного значения, широко распространенного, например, в философии и естествознании. Я не считаю правильным рассматривать данный термин как аналог «материального» в противовес «идеальному», или «психическому», так как считаю такую дихотомию устаревшей и ошибочной.

- **Образы восприятия = окружающие физические предметы — не что иное, как особая разновидность человеческих психических феноменов.**

Повторю, что нам необходимо отказаться от старых концептов (и понятий) *психическое* и *физическое*. Полагаю, что принципиально возможна и допустима замена в том числе глобальных концептов (и понятий), имеющих вековую и даже тысячелетнюю историю и от того представляющихся нам неоспоримыми, естественными и мировоззренческими. Порой такая замена просто необходима и идет только на пользу, так как ее отсутствие тормозит развитие науки.

Но вернемся к сознанию и его репрезентациям. Говорить, что сознание создает предметы, все же не совсем верно. **Роль сознания сводится скорее к тому, что оно как бы «помещает» в специфическую антропоморфную предметную «упаковку» элементы «реальности в себе».** В результате человек оказывается в глобальной антропоморфной репрезентации «реальности в себе». «Реальность в себе» дана нам в очень специфическом и явно не изоморфном ей психофизическом варианте, как не изоморфна, например, самолету светящаяся точка на мониторе радара. Впрочем, об изоморфности и соответствии точки и самолета можно долго и безуспешно спорить.

Меняет ли что-то антропоморфная форма репрезентирования сознанием «реальности в себе» для нашего понимания последней? Думаю, для нас непринципиально, что точка на радаре или кривая записи магнитографа не копируют самолет или землетрясение, а лишь как-то сложно и опосредованно соответствуют им. Во-первых, точка и кривая показывают нам, что некие сущности реально присутствуют в мире. Во-вторых, они соответствуют им настолько, что позволяют нам предвидеть дальнейшие трансформации сущностей в реальности, что нам, собственно, и надо. Сама данная метафора, впрочем, достаточно условна, так как модели в ней — точка на радаре и кривая на ленте самописца — сами являются физическими объектами в отличие от наших психических¹ репрезентаций. Но некоторая общая аналогия все же прослеживается.

Можем ли мы говорить о том, что наши репрезентации не изоморфны «реальности в себе»? Имеет ли вообще смысл обсуждение их изоморфности, если «реальность в себе» и является-то нам только в форме этих наших репрезентаций и никак иначе явлена нам быть не может; если, наконец, эти репрезентации и есть для нас единственно абсолютно реальными и бесспорными физическими предметами? Если мы не представляем себе и не можем

¹ От дуализма мы еще долго не избавимся.

представить, что такое «реальность в себе», о какой изоморфности репрезентаций вообще можно говорить?

Полагаю, что, рассматривая вопрос о соотношении элемента «реальности в себе» и его репрезентации, мы должны говорить здесь лишь об использовании термина «подходит», предложенного Э. фон Глазерсфельдом¹.

Критики конструктивистского подхода, например Е. Я. Режабек и А. А. Филатова (2010), так формируют свою позицию: «...Характеристики реальности, которая существует сама по себе, от нас не зависят. Иначе нам никогда не приходилось бы наткнуться на сопротивление той жизни, которую мы ведем, нашим желаниям. Именно сопротивление природных вещей человеческому насилию заставляет людей пожалеть о своем неразумии. Остается наивный вопрос: неужели adeptам конструктивизма никогда не приходилось сталкиваться с неудачей в повседневном поведении, а возможно, и с катастрофами в личной жизни? Неужели провалы наших начинаний — в особенности в общественном масштабе — ничему нас не учат? Можно ли быть настолько риторичными хоть в теории, хоть на практике?» (с. 216–217). «Ни один серьезный ученый не примет рекомендаций философа-конструктивиста. ...Приняв конструктивистскую доктрину, современный человек никогда не сможет отличить науку от научных домыслов, граничащих с шизофреническим маниакальным бредом» (с. 300–301).

Думаю, что конструктивисты не хуже цитируемых авторов понимают зависимость человека от окружающей «реальности в себе» и ее господство над нами. Однако из этого отнюдь не следует, например, необходимости признания ее предметного характера. Со времен Д. Беркли его оппоненты спорили с его сторонниками, чаще всего находясь на разных уровнях понимания реальности. Идеи Д. Беркли касались более глубоких уровней понимания соотношений человека и реальности, чем большинство идей его противников. Мне кажется, что и с критикой конструктивизма происходит нечто подобное.

То, что наше сознание конституирует для себя окружающий мир в физической предметной форме, во-первых, никак не влияет на «реальность в себе», во-вторых, никак не мешает «реальности в себе» определяющим образом влиять на нашу жизнь. Тут нет никаких противоречий и непонятно, о чем вообще может идти спор. Из признания того, что предметный физический мир, конституированный нашим сознанием, является репрезентацией «реальности в себе», отнюдь не следует, что «реальность в себе» зависит от человека.

¹ Глазерсфельд Э. фон. Указ. соч.

§ 5. Чувственные психические конструкции

Важное значение для психической феноменологии имеет понятие *психическая конструкция* (С. Э. Поляков, 2004; 2011). Этим понятием я предложил обозначать сложные психические образования, состоящие из относительно простых психических феноменов. Они представляют собой особую разновидность психических явлений, их отдельную самостоятельную форму. **Психическая конструкция** — более **сложный** по сравнению, например, с ощущением и мгновенным образом¹ **психический феномен, состоящий из многих жестко ассоциированных между собой мгновенных образов и ощущений**. В отличие от ощущения и мгновенного образа **психическая конструкция не существует в сознании в каждый конкретный момент времени целиком**, а проявляется в нем лишь теми или иными своими элементами, которые метафорически можно сравнить с выступающими над водой частями вращающегося деревянного многогранника с разноцветными гранями.

Психическая конструкция разворачивается в сознании во времени.

В каждый следующий момент в сознании появляется ее новая часть так же, как над беспокойной водой появляется новая грань многогранника. Каждая психическая конструкция уникальна, самостоятельна и независима от других психических конструкций, хотя и связана с ними. **Психическая конструкция — это отдельная форма психических феноменов**, самостоятельное сложное целостное психическое явление. Это не просто ассоциация образов и ощущений, не просто набор связанных между собой относительно простых психических явлений, который обладает лишь суммой свойств этих явлений, а новый психический феномен, приобретенный в результате их ассоциации новые свойства. Эти сложные феномены возникают благодаря особому свойству сознания, описанному И. Кантом (1994, с. 100–106), которое автор назвал единством апперцепции или единством сознания: «Синтетическое единство сознания есть, следовательно, объективное условие всякого познания; не только я сам нуждаюсь в нем для познания объекта, но и всякое созерцание, для того чтобы стать для меня объектом, должно подчиняться этому условию, так как иным путем и без этого синтеза многообразное не объединилось бы в одном сознании» (с. 103). «Многообразное, данное в чувственном созерцании, необходимо подчинено первоначальному синтетическому единству апперцепции, потому что только через него возможно единство созерцания» (с. 106).

Психические конструкции² репрезентируют в сознании самые разные сущности, относимые человеком к физическому и психическому

¹ См. Примечание 4.

² Более подробно о психической конструкции см. гл. 2.3.

миру. Типичным примером чувственной психической конструкции является, например, модель-репрезентация предмета¹.

Чувственная психическая конструкция возникает в сознании обычно как удивительный синтез разномодальных и уже поэтому радикально различающихся между собой, а потому, казалось бы, принципиально несопоставимых друг с другом психических явлений — разных сенсорных репрезентаций одного и того же аспекта «реальности в себе». Можно напомнить в связи с этим слова Д. Беркли (2000, с. 7) о том, что воспринимаемые зрением движение, форма и протяжение отличны от идей того же названия, воспринимаемых осязанием. По мнению автора (2000, с. 82), у нас не больше оснований доказывать, будто видимые и осязаемые квадраты принадлежат к одному и тому же роду, исходя из того, что они называются одним и тем же именем, чем доказывать, что осязаемый квадрат и слово, которым он обозначается, принадлежат к одному и тому же роду, потому что оба они называются одним и тем же именем.

Тем самым Д. Беркли (2000, с. 39–40) указывает, что человеческие представления о том, что мы будто бы видим то же самое протяжение и ту же самую форму, которые мы осязаем, — не более чем иллюзии. То, что видится, есть одна вещь, а то, что осязается, — совершенно другая вещь. Однако из того, что видимые форма и протяжение не тождественны осязаемому форме и протяжению, еще не следует, что одна и та же вещь имеет разные формы и разные протяжения. Следствием будет только то, что объект зрения и объект осязания суть две отдельные вещи.

Я бы уточнил: репрезентации разной модальности действительно конституируют совершенно разные сущности. Проще говоря, **в нашем сознании возникают репрезентации одного и того же элемента «реальности в себе» в разных несопоставимых и несравнимых сенсорных плоскостях. И лишь сознание в акте апперцепции объединяет эти разномодальные репрезентации в единую сущность.** Д. Беркли точно фиксирует тот факт, что в сознании возникают совершенно разные по своей форме, содержанию, а часто и по времени возникновения репрезентации одного и того же элемента реальности. Эти репрезентации не просто различаются. Они несопоставимы и несоизмеримы. Нельзя, например, никак сопоставить желтый цвет и кислый вкус или ощущение гладкости и запах лимона. Тем не менее сознание объединяет их в единую чувственную психическую конструкцию, конституируя новый предмет — лимон.

Эти разномодальные психические феномены объединяются в новую целостность благодаря «единству сознания». Слова И. Канта (1994, с. 101 и 104) можно трактовать так: **не предмет обуславливает связь своих репрезентаций в сознании. Их связь — результат действия сознания, которое способно связывать многообразное содержание представлений в целостную репрезентацию предмета.**

¹ Более подробно о модели-репрезентации см.: раздел 1.1.3 и С. Э. Поляков, 2011, с. 209–276.

Наше сознание обладает способностью накапливать множество разных, в том числе и разномодальных чувственных репрезентаций одной и той же части «реальности в себе», формируя в итоге психическую конструкцию, представляющую собой типичный гештальт¹. Такая психическая конструкция репрезентирует обычно предмет и, что особенно удивительно, локализует его вне нашего тела. Э. Кассирер (2009), обсуждая мысли И. Канта, пишет: «Предмет, стало быть, достигается и познается... путем объединения в замкнутое целое всей совокупности наблюдений и данных в опыте измерений» (с. 43).

Не все психические конструкции — гештальты, так же как не все гештальты — психические конструкции. Гештальтпсихология рассматривает, например, образы восприятия как гештальты. В моем понимании, однако, образы восприятия — это не психические конструкции. По крайней мере, это какие-то очень специфические психические конструкции либо даже вообще другие, хотя тоже сложные психические явления. Образ восприятия — психический феномен, растянутый во времени, занимающий часто не одну секунду. Он не типичная психическая конструкция, а скорее поток однородных психических феноменов — мгновенных образов (восприятия, представления и воспоминания), репрезентирующих воспринимаемую в данный момент часть «реальности в себе» и множества сходных с ней элементов реальности, воспринятых человеком в прошлом.

Следовательно, **образ восприятия — сложный психический феномен, но все же не психическая конструкция**. Правильнее было бы называть его как-то иначе, например психический комплекс, психическое образование, перцептивный психический процесс и т. п. К тому же образ восприятия всегда навязывается сознанию «реальностью в себе». Он неразрывно связан с ее элементами и исчезает при прекращении их восприятия. Психическая конструкция, напротив, относительно «свободный» от окружающей реальности психический феномен, который может появиться в сознании и исчезнуть из него вне явной связи с актуально воспринимаемым окружающим миром. Элементы образа восприятия иначе

¹ «Гештальт — немецкий термин, который... не имеет точного английского/русского эквивалента. Было предложено несколько терминов, таких как “форма”, “конфигурация”, однако здесь “суть” или “способ” также допустимые варианты перевода. Этот термин... используется для обозначения единого целого, полной структуры, множества, природа которого не обнаруживается с помощью просто анализа отдельных частей, его составляющих. Афоризм, порожденный этой идеей, — “целое (то есть гештальт) отличается от суммы его частей”» (А. Ребер, 2000, с. 176).

По словам Б. Г. Мещерякова и В. П. Зинченко (2009, с. 99), гештальт — основное понятие гештальтпсихологии, обозначающее целостные (то есть не сводимые к сумме своих частей) структуры сознания. Примерами гештальтов являются кажущееся движение, инсайт, восприятие мелодии, не сводимое к сумме ощущений звуков этой мелодии, и т. д. В гештальтпсихологии гештальты рассматривались как единицы сознания и психики на всех ступенях психического развития. В Лейпцигской школе они считались единицами анализа сознания.

ассоциированы между собой, чем составные части психических конструкций, поэтому появление в сознании образов воспоминания предмета, например, не может вызвать появление в сознании мгновенных образов его же восприятия. Элементы же типичных психических конструкций, появляясь в сознании, способны актуализировать ее в целом.

Сознание создает сложные и целостные психические конструкции, репрезентирующие сущности окружающего мира и самого сознания, которые затем сохраняются в сознании в качестве его объектов и изобретений. Оно способно формировать гипотетические и даже совершенно умозрительные сущности, явно отсутствующие в реальности. Например, новые технические устройства (телефон, ракета, автомат), образы будущих произведений искусства или новые формулы химических веществ (известный пример — модель бензола Кекуле), репрезентации атома или электрона, математические уравнения и пр. Интересный и показательный пример такой психической конструкции, описанный В. А. Моцартом, приводит Р. Пенроуз (2010, с. 362) (см. Примечание 5).

Тезисы для обсуждения

1. Вне человека существует объективная непредметная «реальность в себе», не зависящая от него, но целиком определяющая его жизнь. В ней нет предметов и явлений, их свойств и действий. Без репрезентирующего ее сознания она невидима, безмолвна, не имеет запаха, вкуса и других чувственных качеств. Ее элементы доступны познанию лишь в форме репрезентаций, конституируемых сознанием в виде физических сущностей.
2. Предметный физический мир — это человеческая преимущественно чувственная глобальная репрезентация «реальности в себе», формирующаяся в пространстве сознания и с помощью его феноменов, но в месте локализации «реальности в себе». Эта глобальная чувственная репрезентация имеет свойства, заставляющие людей верить в ее независимость от них, то есть в первичность возникающего в их сознании физического предметного мира.
3. Сознание не отражает, не воспроизводит и не копирует «реальность в себе», а своими психическими средствами конституирует и конструирует, то есть созидает ее репрезентацию в себе в соответствии с ней. На возникающие в сознании репрезентации «реальности в себе» влияет как она сама, так и сознание.
4. «Идеальное», как принято считать в соответствии с доминирующей в науке парадигмой, сознание создает психическую по происхождению, но предметную по форме глобальную перцептивную чувственную репрезентацию «реальности в себе», то есть оно формирует не только психические, но и физические сущности.

5. Образ восприятия предмета и есть предмет, то есть единственный оригинал, подлинник того, что человек привык считать предметом. Этот образ существует в месте локализации репрезентируемого им элемента «реальности в себе», но в сознании, обладая всеми свойствами предмета: предметностью, реальностью, целостностью и т. д.
6. Психические явления можно разделить на относительно простые и сложные. Простые психические явления — это то, что невозможно разложить далее, например ощущения и мгновенные образы (восприятия, воспоминания и представления). Сознание ассоциирует их благодаря особому свойству — единству сознания, образуя сложные психические феномены, или психические конструкции. Простые психические феномены могут возникать и существовать в сознании самостоятельно, не нарушая этим единства психических конструкций, в которые входят в качестве структурных элементов.
7. Психические конструкции — это устойчивые совокупности ассоциированных между собой простых психических явлений, в которых целое, возникающее в результате такой ассоциации, больше, чем сумма составляющих его частей, и способно выполнять в сознании новые репрезентативные функции.
8. Психическая конструкция обычно не существует в сознании в каждый конкретный момент целиком, а разворачивается во времени, проявляясь в сознании лишь отдельными своими элементами, каждый из которых способен представлять конструкцию в целом.

1.1.3. Модели-репрезентации как чувственные концепты

§ 1. Модель-репрезентация¹ как типичная психическая конструкция

Э. Мах (2005, с. 68–69) почти полтора века назад сделал важнейший и для физики, и для психологии вывод, что не тела вызывают ощущения, а комплексы ощущений (комплексы элементов) образуют тела. Э. Мах (с. 49) замечает, что наши сенсорные впечатления бывают самыми разнообразными, а постоянными оказываются лишь их комплексы. Комплексы представляют собой функционально связанные в пространстве и времени сенсорные впечатления. Комплексы получают особые названия, и мы называем их телами. Но и они не бывают абсолютно постоянными.

¹ Я предложил термин «модель-репрезентация» (С. Э. Поляков, 2011, с. 209–276), не найдя лучшего, хотя он не очень удачен.

Как пишет автор, тела кажутся чем-то постоянным, действительным, а составляющие их элементы — чем-то мимолетным, преходящим отражением. И тем не менее тела — лишь абстрактные символы для комплексов элементов, которые образуют их основу. Э. Мах (с. 52) указывает, что можно отделять от комплекса каждую его составную часть, но оставшееся продолжает представлять весь комплекс, который по-прежнему может быть узнан. Вещь, тело, материя — ничто, помимо связи их элементов, цветов, тонов и т. д., помимо так называемых признаков.

Вообще-то мысль о том, что предмет — это лишь совокупность представлений, восходит как минимум к И. Канту, который, например, пишет: «Объект есть то, в понятии чего объединено многообразное, охватываемое данным созерцанием. Но всякое объединение представлений требует единства сознания в синтезе их» (1994, с. 102). Г. Риккерт отмечает, что «вещь, которая для наивной метафизики есть субстанция — носительница свойств, стала для Канта правилом соединения представлений» (1997, с. 128).

Удивительно, но психологи не обратили внимания на эти идеи И. Канта и Э. Маха. Как, впрочем, и на то, казалось бы, очевидное обстоятельство, что **вещь, о которой мы думаем, полноценно существует для нас в этот момент, даже если мы ее не воспринимаем.** *В какой форме она существует в нашем сознании, если мы не определяем ее понятием, то есть не используем в мышлении вербальный образ? Может, как принято считать, в виде образа представления или образа воспоминания вещи?* Не всегда.

Вернемся к Э. Маху, который пишет: «Тело, комплекс элементов, или основное ядро, основную сущность этого комплекса, я считаю существующими постоянно, независимо от того, влияет ли оно в данный момент на чувства или нет. Держа постоянно наготове при себе мысль об этом комплексе или выражающий этот комплекс символ, имея всегда наготове мысль о сущности данного комплекса, я тем самым обладаю преимуществом провидения...» (2005, с. 273).

Автор явно говорит о существовании в сознании комплекса, репрезентирующего некую сущность даже тогда, когда человек ее не воспринимает. Этот «комплекс» находится, естественно, не в «реальности в себе», а в сознании человека, воспринимающего соответствующий ее элемент или думающего о нем.

Один и тот же элемент «реальности в себе» не только разные люди, но даже один человек в разных условиях воспринимает порой совершенно по-разному. *Каким же образом нам удастся, воспринимая часто очень разные «наборы» ощущений и образов, все же выделять в окружающем мире одни и те же предметы, явления, их свойства и действия?* А. Эддингтон (2003, с. 180) приводит хороший пример. Автор держит перед собою пред-

мет и видит в нем контуры Британии. Другой наблюдатель, сидящий напротив, видит вместо контуров Британии изображение монарха. Третий, сидящий сбоку от них, вообще видит только узкий прямоугольник. Что же держит в руках автор на самом деле? Все описанные наблюдения объясняются, как только выясняется, что наблюдатели смотрят с разных сторон на монету в один пенс.

Так каким же образом нашему сознанию удастся репрезентировать конкретный предмет, если на протяжении своей жизни мы видим лишь огромное количество его очень сильно различающихся между собой образов?

Если бы наше сознание не имело описанного И. Кантом (1994, с. 100–106) «единства апперцепции» — способности объединять разные образы одного или множества сходных предметов и создавать из них целостную и понятную репрезентацию предмета, например монеты, мир оставался бы для нас неясной мешаниной чувственных репрезентаций и мы не смогли бы в нем существовать.

Подобное соединение постоянно происходит в каждом человеческом сознании. Вспомним слова Э. Маха (2003, с. 66) о том, что множество сиюминутных ощущений восприятия сплетаются с предшествующими переживаниями памяти и гораздо больше определяют наше поведение, чем это могли бы сделать одни данные ощущения. В результате мы не только видим красновато-желтый шар, но нам кажется, что мы воспринимаем некоторую телесную вещь, мягкую, с приятным запахом и освежающим, кисловатым вкусом. В другом случае мы видим не желтоватую вертикальную и блестящую плоскость, а, например, шкаф.

Наше сознание непрерывно создает множество чувственных репрезентаций предмета. Причем большинство из них сильно различаются между собой, так как мы видим, например, предмет то спереди, то сзади, то снизу, то издали, то в полумраке, то в свете солнца и т. д. В результате в нашей памяти накапливается множество его образов, многие из которых настолько сильно отличаются друг от друга, что, будучи предъявленными нам для опознания вне определенного единого контекста, были бы, безусловно, расценены как образы разных предметов. В то же время возникающие в нашем сознании образы разных, но сходных в чем-то предметов, будучи предъявленными нам одновременно, вполне могли бы быть расценены нами как репрезентации одного и того же предмета. И тем не менее **в результате накопления в памяти разных репрезентаций, формирующих предмет А, в сознании в конечном счете возникает нечто узнаваемое и однозначно расцениваемое нами как известный нам предмет А, отличный от других даже сходных с ним предметов В и С. Это «нечто» и есть тот психический инвариант, та сложная психическая сущность, точнее, та устойчивая психическая конструкция, которая**

чувственно репрезентирует известный нам предмет А. Эту психическую сущность я называю «моделью-репрезентацией» определенного предмета.

В. Декомб (2000, с. 64) пишет, что нельзя увидеть все шесть граней куба одновременно, поэтому, когда мы говорим: «Это куб», мы говорим о большем, нежели видим. Мы предвосхищаем свое будущее восприятие скрытых сторон куба, которые могли бы увидеть, встань мы с другой стороны. Во всяком нашем актуальном восприятии содержится ссылка на другой опыт, прошлый или будущий. Вещь, предстающая перед нами, никогда не является полностью открытой. Мы предполагаем, что скрытые грани куба наличествуют с другой стороны, с той стороны, где нас нет, хотя на самом деле в настоящий момент мы о них ничего не знаем.

Автор должен был бы сказать не «не знаем», а «не воспринимаем», так как мы как раз знаем. И это предшествующее восприятию **знание, выражающееся в наличии в сознании моделей-репрезентаций всех знакомых предметов, сопровождает человеческое восприятие и участвует в нем.** Более того, **имеющаяся в нашем сознании модель-репрезентация позволяет нам мысленно увидеть знакомый предмет сразу в целом как единую сущность,** хотя мы и видим обычно лишь его часть. Ж.-П. Сартр (2001, с. 59–60) пишет, что, когда он мыслит куб в конкретном понятии, он мыслит шесть его сторон и восемь углов одновременно, мыслит его углы прямыми, а стороны — квадратными. Он находится в центре своей идеи, сразу схватывая всю ее целиком. Он может мыслить конкретные сущности в одном акте сознания.

Я тоже легко представляю себе сразу все шесть граней куба как бы в одном, едином его мысленном образе. На деле это, конечно, не один, а множество мгновенных образов представления и воспоминания куба, которые калейдоскопически сменяют друг друга, формируя тем не менее некий единый объект. В этом объекте невидимые обычно грани куба проступают сквозь закрывающие их видимые грани. Причем представляемый мною куб то прозрачный, как из стекла, то окрашенный, медленно вращается в моем сознании. Но это не модель-репрезентация конкретного знакомого мне куба. Это собирательная модель-репрезентация куба вообще — умозрительного объекта, синтезируемого моим сознанием из множества виденных мной на протяжении жизни разнообразных кубов.

В сознании никогда не возникают одни и те же, то есть тождественные самим себе, чувственные репрезентации, в лучшем случае появляются очень похожие репрезентации той же грани реальности, но чаще присутствуют довольно сильно различающиеся ее репрезентации. Тем не менее в итоге каким-то непонятным образом сознание формирует репрезентации конкретных уникальных предметов. *Что заставляет нас считать разные*

репрезентации элемента «реальности в себе» той же самой вещью? Кажется, Б. Рассел писал про пальто, которое было куплено много лет назад и за прошедшие годы превратилось совсем в другую, старую и поношенную вещь, но мы по-прежнему считаем это пальто одним и тем же предметом. Почему? То же касается людей, например одноклассников, которых мы не видели десятки лет и, случайно увидев, не узнали. Это действительно те же люди или мы просто почему-то считаем их теми же?

Мы считаем и знакомых людей, и знакомые предметы теми же, потому что они даны нам в виде наших моделей-репрезентаций, или психических конструкций, чувственно конституирующих в нашем сознании конкретные сущности внешнего мира. Именно **модель-репрезентация обеспечивает не только наличие целостной репрезентации предмета в сознании при отсутствии его восприятия, но и субъективную тождественность предмета самому себе**. Только благодаря наличию модели-репрезентации карандаша, например, его излом, возникающий при погружении в воду, воспринимается нами как иллюзия. Дело в том, что имеющаяся у нас модель-репрезентация карандаша в воздухе не соответствует новому образу восприятия карандаша в воде. И у нас немедленно возникает вопрос: «Что произошло с карандашом?» Извлечение и повторное погружение карандаша в воду свидетельствуют, что его изменение — иллюзия.

Красивые эксперименты Ж. Пиаже с младенцами (подробнее см.: С. Э. Поляков, 2011, с. 225–230) показали, что для очень маленького ребенка в окружающем мире существует лишь то, что в данный момент находится в его зрительном поле. Вера же в продолжение существования уже невидимых в данный момент предметов появляется у него только в результате формирования в его сознании их моделей-репрезентаций. И эта вера в существование ранее воспринятых предметов, как пишет П. Вацлавик (2001, с. 107), в конечном счете ведет к началу процесса конструирования ребенком действительности.

Если мельком бросить взгляд на знакомого и незнакомого человека, то можно заметить, что мгновенный образ восприятия знакомого сопровождается чем-то делающим этот образ «наполненным», тогда как образ восприятия незнакомого, метафорически выражаясь, «пустой». Образ восприятия знакомого человека актуализирует его модель-репрезентацию в нашем сознании. Образу восприятия незнакомого человека просто почти нечего актуализировать в сознании. В образе восприятия незнакомого человека мы тоже сразу распознаем, во-первых, человека, во-вторых и в-третьих — его пол, возраст, расовую принадлежность и т. д. Но наличие модели-репрезентации знакомого человека радикально меняет для нас воспринимаемый нами образ этого человека. Даже в образах восприятия

звука голоса знакомого человека, доносящихся, например, из-за двери, мы, благодаря наличию модели-репрезентации, буквально «видим» его визуальный образ — то, что просто не могли реально сейчас увидеть.

Лежащая передо мной фотография знакомого человека вызывает в моем сознании представление не о ней, а о совершенно другом объекте — самом этом человеке. Происходит это потому, что образ восприятия данного искусственного объекта — фотографии, выступающей как иконический знак изображенного на ней человека, актуализирует в моем сознании устойчивую психическую конструкцию — модель-репрезентацию конкретного человека. Без нее фотография была бы для меня фотографией незнакомца. Я не обсуждаю здесь то, что модель-репрезентация, конечно, ассоциируется с понятиями, например образом слова, обозначающего имя человека, и т. д.

Модель-репрезентация известного человеку предмета не является чем-то раз и навсегда данным ему, неизменным и статичным. Она постоянно видоизменяется в течение жизни и в процессе взаимодействия человека с репрезентируемым ею элементом «реальности в себе». Даже всплывая в сознании, она в отличие от мгновенного образа восприятия или ощущения не является феноменологически чем-то однородным. **Появившись в сознании какой-то своей частью, она как бы «течет», так как составляющие ее элементы сменяют друг друга.** Удачной метафорой для нее мне представляется видимая часть вращающегося в воде деревянного многогранника с разноцветными гранями. Скрытая его часть прячется где-то в памяти, а видимая часть все время меняется. Его элементы один за другим появляются в сознании, сменяя друг друга. Однако полностью психическая конструкция не помещается в поле сознания из-за своих «размеров» (если можно говорить о размерах психической конструкции).

Например, возникающая в моем сознании модель-репрезентация моей собаки репрезентирует мне непрерывно движущийся объект, который то бежит, то играет с мячом, то лежит, то ест и т. д. Даже модель-репрезентация неподвижного объекта — моего дома — тоже изменяется. Он поворачивается ко мне разными сторонами: то входом, то верандой, видится то рядом, то как бы издалека, то снаружи, то изнутри. Как будто его снимают разные камеры, причем изображение все время перескакивает с одной его стороны на другую без всякой системы и независимо от моей воли. Хотя я все же могу при желании остановиться на какой-то его части, как бы выделить субобъект в этом большом объекте и мысленно рассмотреть его внимательнее.

Таким образом, можно заключить, что **модель-репрезентация знакомого предмета представлена совокупностью образов воспоминания**

и представления этого и даже, возможно, сходных с ним предметов, с которыми человек уже сталкивался в прошлом, в динамике их возможных изменений. А в формировании вновь возникающего образа восприятия предмета непосредственно участвуют не только перцептивные впечатления, но и модель-репрезентация воспринимаемого предмета, если она уже сформировалась к моменту этого восприятия.

Появление в сознании ребенка моделей-репрезентаций упорядочивает для него калейдоскопически меняющиеся сенсорные репрезентации окружающего мира. Формируя в окружающей ребенка реальности конкретные предметы, их модели-репрезентации делают для ребенка мир относительно стабильным и узнаваемым, доступным познанию. В его сознании упорядочивается процесс постоянного движения неопределенных чувственных форм. Без этого сознание утонуло бы в нескончаемой череде меняющихся сенсорных репрезентаций даже одного объекта реальности. Благодаря единству апперцепции сознание строит из бесконечных рядов мгновенных чувственных образов относительно завершенные чувственные же репрезентации вычленяемых и конституируемых сущностей — предметов. Тем самым оно формирует вокруг себя относительно инвариантный для самого сознания предметный физический мир. Хотя мир внешний, «мир в себе самом» не содержит инвариантов и постоянно меняется.

Сознание формирует моно- и полимодальные модели-репрезентации, которые репрезентируют и конкретные объекты (например, ваш дом, вашу собаку, вашего друга Петю и т. д.), и множества сходных объектов, обозначаемых универсалиями (например, *дом, дерево, лодка* вообще). Визуальная модель-репрезентация конкретного объекта представляет собой множество зрительных образов воспоминания и представления именно этого объекта. Ее можно условно назвать также собирательным образом воспоминания и представления данного объекта. Собирательная модель-репрезентация сходных объектов одного вида включает в себя множество образов воспоминания и представления конкретных объектов данного вида. Например, всех стульев, или всех треугольников, или всех врачей, которые встречались человеку на протяжении его жизни.

У каждого человека, сидящего за общим столом, есть своя уникальная перцептивная репрезентация данного стола, а также уникальная модель-репрезентация стола вообще. Общность доступного всем предмета «стол», да и сам этот «объективный» предмет существуют лишь благодаря общему воспринимаемому элементу «реальности в себе», сходству его сенсорных моделей, возникающих у разных людей, и наличию общего для всех людей понятия *стол*.

Вспомним известный вопрос, поставленный кажется Б. Расселом: остается ли от воспринимаемого нами стола что-нибудь еще, что не является

чувственными данными, когда мы выходим из комнаты? Формулируя вопрос иначе, можно спросить: *действительно ли стол лишь продукт человеческого сознания, исчезающий, если человек перестает его воспринимать?* В форме образа восприятия привычного нам стола, в форме субъективной модели-репрезентации этого предмета, а также в виде вербальной символической репрезентации, или понятия *стол*, он действительно только продукт человеческого сознания. И как только мы прекращаем воспринимать стол, он превращается из стола в элемент «реальности в себе», в нечто иное, нечто, которое бессмысленно даже обсуждать в силу его непонятности и недоступности нам.

Модель-репрезентация объекта — это не просто чувственная репрезентация предмета и его изменений во времени. Это еще и репрезентация отношений данного предмета к другим предметам.

§ 2. Модели-репрезентации предметов

Б. Рассел (331, с. 225) пишет о том, что вещи выглядят по-разному даже в зависимости от того, в какой части сетчатки локализуется образ. По мнению автора, обыденный здравый смысл научается отличать эти преходящие изменения в восприятии от тех изменений, которые вызваны изменениями в самих предметах.

Думаю, однако, что здесь надо благодарить не наш здравый смысл, а способность сознания создавать устойчивые психические конструкции — модели-репрезентации каждой воспринятой нами вещи¹ — и сохранять их затем в памяти. Любое столкновение в будущем с «реальностью в себе», образы восприятия которой ассоциативно связаны с определенной моделью-репрезентацией, немедленно актуализирует данную модель-репрезентацию в сознании. Модель-репрезентация вещи обеспечивает ее инвариантность для нас и то, что любые изменения вновь возникающего образа восприятия вещи становятся нам заметны. Полагаю, что модель-репрезентация нового предмета формируется у нас после первого же или нескольких первых его восприятий.

Э. Мах (2003, с. 144) описывает процесс формирования даже у животных того, что я определяю как модели-репрезентации, и называет их

¹ «Вещь — целостная и относительно устойчивая часть объективной действительности, обладающая определенностью, выраженной в структурных, функциональных, качественных и количественных характеристиках» (Г. В. Осипов, 1998, с. 40). «Предмет — вещь, конкретный материальный объект» (Предмет: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Предмет>). Я понимаю вещь как отдельную часть физического мира, эквивалент предмета.

«понятиями» и «типическими представлениями». Следовательно, его «типические представления» и есть модель-репрезентация, возникающая и постепенно обогащающаяся в процессе жизни человека или даже животного. Собирательных моделей-репрезентаций сходных предметов (кочанов капусты, людей, коров и т. д.) животному вполне достаточно для адаптации и выживания. Опыт наблюдения за животными исключает, как мне кажется, сомнения в том, что животные способны формировать модели-репрезентации конкретных объектов и собирательные модели-репрезентации многих сходных предметов.

Например, собаки и кошки имеют модели-репрезентации своих хозяев, других животных, а также способны запоминать и узнавать объекты им приятные или неприятные. Тем не менее модели-репрезентации у животных никогда не включают в себя образы слов, обозначающих данные объекты. Можно поэтому сказать, что у животных модели-репрезентации никогда не превращаются в концепты, то есть не становятся «завершенными». Так я называю модели-репрезентации, в структуру которых включились образы соответствующих слов, обозначающих репрезентируемые ими предметы.

Нельзя согласиться с Б. Расселом (1999, с. 39–40), который полагает, что очень многие из наших повседневных убеждений основываются на «законе животных привычек». Что наши ожидания восхода солнца завтра, яблочного вкуса у яблока или появления второй половины объекта после появления его первой половины — результат нашего опыта, вероятно откладывающегося в «привычках тела».

Опыт «откладывается» у нас не «в привычках тела», а в формирующихся моделях-репрезентациях окружающих нас сущностей. Мы верим в то, что солнце взойдет снова, потому что у нас есть соответствующие модели-репрезентации разных сущностей, в том числе солнца и его регулярных изменений, например восхода, заката, затмения и т. д.

Модели-репрезентации предметов начинают создавать новорожденные, еще не владеющие речью. В их сознании модели-репрезентации формируют сущности, выделяющиеся из прочего потока чувственных репрезентаций. Сущности эти способны привлекать к себе внимание детей. Дети их отличают и с ними взаимодействуют. Но сущности эти еще не стали для детей конкретными предметами, которые известны взрослым. Модель-репрезентация превращается в концепт, репрезентирующий предмет, только после ее связывания с образом слова, обозначающего данный предмет. С этого момента модель-репрезентация становится значением соответствующего слова, то есть превращается в полноценный, сформированный концепт. И ее можно назвать завершенной моделью-репрезентацией.

Модель-репрезентацию, в отличие от образов воспоминания и представления предмета, следует рассматривать как сенсорную психическую репрезентацию следующего по сравнению с ними уровня сложности. С момента появления моделей-репрезентаций начинается конституирование сознания в окружающей реальности чувственно репрезентируемых им предметов. Мир на чувственном уровне постепенно становится для ребенка предметным и тем самым более ясным для него.

В каком бы ракурсе человек ни увидел знакомый ему предмет, благодаря наличию соответствующей модели-репрезентации он его, как правило, неизменно узнает, даже несмотря на то, что возникающие при этом образы восприятия могут сильно различаться. В то же время, видя, например, фотографии незнакомого предмета в тех же ракурсах, он, напротив, может быть уверен, что видит разные предметы. Мы узнаем знакомый предмет, даже если тот предстает перед нами в самом неожиданном виде, потому что в нашем сознании есть его **модель-репрезентация. Она включает в себя бесчисленное множество визуальных образов воспоминания и представления, сформировавшихся в прошлом в процессе нашего взаимодействия с элементом «реальности в себе» и восприятия его с разных позиций и в разных условиях. Эта психическая конструкция актуализируется затем любыми, даже сильно различающимися между собой перцептивными впечатлениями, вызываемыми у нас тем же или сходным фрагментом «реальности в себе».**

Модель-репрезентация предмета представляет собой совокупность множества взаимосвязанных мгновенных образов воспоминания и представления, репрезентирующих некую сущность. В каждый следующий момент она проявляется в сознании разными образами воспоминания и представления репрезентируемого предмета, образами его внутренней структуры, его связей с другими предметами, этапов его возможных трансформаций и т. д. Модель-репрезентация разворачивается и существует во времени. Как сложное психическое явление она не может появиться в сознании сразу и целиком в силу ограниченности его объема. Тем не менее даже отдельные ее элементы, возникающие в сознании, ассоциированы со всем ее содержанием и выступают как нечто большее, чем эти изолированные фрагменты, полноценно представляя ее в целом.

Феноменологически мономодальная, например визуальная, модель-репрезентация предмета включает в себя не только множество визуальных образов воспоминания воспринятого нами в прошлом объекта, но и результаты аналитической деятельности сознания в форме «итоговых», иллюстрирующих предмет в целом образов его представления. Они репрезентируют нам то, как предмет должен выглядеть, даже если мы никогда не видели его таким. Например, мы способны мысленно видеть куб со всеми шестью его гранями. Или видеть телевизор как бы целиком. Хотя ни куб,

ни телевизор мы никогда не видели сразу со всех сторон, а всегда воспринимали только их часть, повернутую к нам. Итоговые образы представления, входящие в модель-репрезентацию, конституируют соответствующий предмет так, что невидимые обычно для глаза задние и даже внутренние его части «видны» нам столь же хорошо, как и непрозрачные передние поверхности, и как бы сквозь них. Из множества образов воспоминания и представления формируется трехмерный стереометрический итоговый собирательный образ предмета. В результате мы как бы «видим» многие непрозрачные предметы насквозь, «видим» их изнутри.

Обсуждая ту же проблему всегдашней неполной представленности в нашем восприятии любого предмета, Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 521–522) замечает, что у всякой вещи, как у Луны, две стороны и к нам обращена только одна. В сущности, никто никогда не видел сразу всего самого обыкновенного яблока, так как у него две стороны, а в восприятии налицо только одна. Больше того, если на одно яблоко одновременно смотрят два человека, то каждый замечает только свою сторону, всегда отличную от той, которую видит другой. Мы, конечно, можем походить вокруг яблока или повертеть его в руке. Тогда нам откроются разные его стороны. Увидев обратную сторону яблока, мы мгновенно прибавляем ее к увиденной только что.

Но, по словам автора, подобное сложение того, что мы помним, с тем, что мы видим, не дает нам права сказать, что мы охватили взором все стороны яблока. Яблоко не явлено нам с бесспорной очевидностью, а предстает в конечном счете лишь с очевидностью второго порядка, соответствующей простому воспоминанию. Следовательно, к действительному присутствию того, что составляет лишь часть вещи, автоматически прибавляется все остальное, но оно не присутствует, а только со-присутствует. Автор напоминает, что идеей со-присутствия (которое сопровождает всякое присутствие) мы обязаны Э. Гуссерлю. И она помогает нам выяснить, как появляются в нашей жизни вещи и мир, в котором они находятся.

Мне думается, что здесь нам следует обсуждать особые образы представления, интегрирующие множество разных образов воспоминания и представления объекта. Благодаря этим репрезентирующим предмет в целом, итоговым, или обобщающим образам представления предмет сразу и во всех ракурсах и разрезах становится доступен сознанию, что позволяет нам, например, «увидеть» мысленно закрытые стенами части дома вместе с реально видимыми наружными его элементами. Такие образы весьма удачно описывает М. Мерло-Понти (1999, с. 103) на примере дома, который превращается в его мыслях в проекции множества возможных перспектив: дом, видимый ниоткуда, точнее, дом, видимый

отовсюду. По словам автора (с. 105), в завершенном виде дом сверхпрозрачен, пронизан наличной бесконечностью взглядов, которые перекрещиваются в его глубине и ничего не оставляют там скрытым.

То, что М. Мерло-Понти (с. 103) называет «домом, видимым отовсюду», есть мономодальная визуальная модель-репрезентация предмета «дом», в которой сознание дополнительно формирует из множества проекций (образов воспоминания и представления) дома итоговый целостный образ воспоминания-представления дома, некий умозрительный объект.

Благодаря имеющейся у меня модели-репрезентации дома вообще трансформируется и возникающий у меня, например, видимый мной в данный момент за окном образ восприятия соседнего дома. Это совершенно не тот объект, который репрезентируют мне образы восприятия сейчас. Я «вижу» нечто иное в качестве конкретного известного мне дома только потому, что уже много раз видел прежде его изнутри и с обратной стороны, а также похожие на него дома. И все эти образы воспоминания, включенные в мою модель-репрезентацию данного дома, участвуют в формировании моего теперешнего образа восприятия конкретного дома.

Образ дома, который я сейчас вижу перед собой, — это не то, что увидел бы человек, никогда прежде не имевший дела с домами. Не некая изогнутая рельефная поверхность, а видимый и, самое главное, одновременно вспоминаемый и представляемый мною дом. Дом, существующий в моем сознании в виде объема, включающего в себя множество самых разных других объектов: комнат, окон, коридоров, ламп, стен, лестниц, людей, кроватей, водопроводных труб и т. п. Образы его представления создаются сознанием на основе образов воспоминания этого и других домов, измененных дополнительным знанием об объектах данного типа.

Сенсорная полимодальная модель-репрезентация конкретного предмета — это устойчивое множество ассоциированных образов воспоминания и представления данного предмета, а также воспоминаний и представлений ощущений разной модальности, вызванных им в прошлом. Актуализируется она в сознании обычно образом восприятия или воспоминания данного предмета или обозначающего его слова. Присутствие в сознании модели-репрезентации определенного предмета до его восприятия может облегчить и ускорить его восприятие или даже привести к ошибочному восприятию иного элемента «реальности в себе» в качестве этого предмета.

Именно модель-репрезентация знакомого предмета, всплывающая в сознании, когда человек думает об этом предмете, обеспечивает ему тождество данного предмета. Она не зависит от того, воспринимает человек

предмет в данный момент или нет, от положения предмета в пространстве и даже от изменения предмета.

Модель-репрезентация предмета обеспечивает его тождество до тех пор, пока вследствие неких внешних или внутренних причин элемент «реальности в себе» не начал меняться сущностно, то есть пока трансформации образов актуального восприятия предмета укладываются в изменения, допустимые в рамках существующей у человека модели-репрезентации предмета. До тех пор, пока изменения возможны и привычны, так как соответствуют тому, что нами воспринималось или было нам известно о предмете ранее, а потому вполне нами ожидаемо.

Модель-репрезентация предмета существует в сознании как некая психическая сущность, некое чувственное знание о предмете и его окружении, наконец, как сам этот предмет. Модель-репрезентация конкретного предмета занимает определенный «объем» в глобальной модели-репрезентации физической реальности, или внутренней картине мира человека. Это позволяет человеку легко обнаруживать во вновь воспринимаемом им уже знакомом окружающем мире «пустые места», которые раньше занимали известные ему предметы. Глобальная модель-репрезентация мира в целом включает в себя, как матрешка, модели репрезентации все более и более мелких субобъектов, являющихся для человека самостоятельными предметами и сущностями.

Даже чувственные репрезентации сущностей, обозначаемых такими понятиями, как *ничего, ничто, отсутствие* и т. п., представляют собой модели-репрезентации пустых мест, просветов в череде, в последовательности, в группе, в списке и т. д. Это своего рода специфические дефекты, пропуски в более общей, чем этот просвет, модели-репрезентации той или иной грани реальности. Такое пустое место в большей модели-репрезентации, пробел там, где должна находиться модель-репрезентация некоего конкретного объекта (дома на улице, книги на полке, вещи в шкафу, человека в ряду и т. д.), мы легко регистрируем, так как модели-репрезентации окружающего нас мира структурированы системно.

Глобальные модели-репрезентации окружающей реальности, которые со временем формируются в сознании каждого человека, задают контекст, в котором разворачиваются репрезентируемые сознанием события и пребывают более мелкие сущности. Такие все более общие или глобальные модели-репрезентации реальности описываются в литературе под разными названиями — «понятийные схемы», «картина мира» и т. д. Г. Мерфи и Д. Медин (2011, с. 359) пишут, что Зиф (1972) привел несколько удачных примеров важности понятийных схем для понимания реальности. Кажется разумным сказать: «Гепард может обогнать человека», но вряд ли это верно в отношении новорожденного гепарда, или старого гепарда, страдающего

артритом, или здорового гепарда с добычей на спине. По словам авторов, данное утверждение верно лишь при некоторых, с трудом поддающихся определению условиях, которые Зиф определяет как понятийную схему, доказывая, что люди понимают друг друга, лишь когда имеют общие понятийные схемы.

Эти «понятийные схемы» и есть более масштабные, более общие модели-репрезентации реальности, которые достаточно сходны у людей, находящихся в сходных условиях существования.

Как организм не есть сумма его частей, так и **модель-репрезентация — не сумма входящего в нее множества образов представления и воспоминания разной модальности. Ее элементы выступают как части некой целостности, гештальта, имеющего дополнительное качество, которое сложно феноменологически определить. Заключается оно, например, в том, что любая часть модели-репрезентации полноценно представляет ее в сознании целиком как строго определенную сущность. Каждая часть эффективно выполняет функцию репрезентирования соответствующего предмета.**

Модели-репрезентации присутствуют в сознании как самостоятельные, отличные от других, сложные психические феномены, существующие в сознании наряду с множеством более простых явлений. Каждая **модель-репрезентация — не просто устойчивая совокупность множества ощущений, образов воспоминания и представления, не просто самостоятельный сложный феномен. Она — особая репрезентация той или иной выделяемой сознанием сущности внешней реальности, способная после своего возникновения к самостоятельному, относительно независимому от этой реальности бытию в сознании и даже развитию и изменению.**

Мы способны, например, помещать модели-репрезентации знакомых предметов в вымышленную реальность, заставляя их изменяться в ней не так, как, например, репрезентируемые ими предметы изменялись в прошлом в реальности физической. Например, мы можем мысленно заставить бомбу, взорвавшуюся в Хиросиме, упасть в океан или вовсе не взрываться. Способны мысленно оживить последнего российского императора или Пушкина и заставить их действовать иначе, чтобы избежать смерти. Я говорю об этом не потому, что сомневаюсь в определяющей значимости для нас именно физических трансформаций объектов, а лишь для того, чтобы показать самодостаточность и относительную независимость наших моделей-репрезентаций от представляемых ими элементов «реальности в себе».

Модели-репрезентации являются психическими объектами, с которыми манипулирует человеческое сознание, основными содержательными чувственными единицами сознания, имеющими для человека ясный

смысл. Сознание конституирует и даже конструирует модели-репрезентации разных физических сущностей, даже явно фантастических. Поэтому модели-репрезентации окружающих нас предметов соседствуют в сознании с моделями-репрезентациями выдуманных сущностей (например, кентавр, русалка, горгона и т. п.).

Модель-репрезентация предмета проходит в сознании человека разные этапы своего развития. После своего появления это просто чувственная психическая конструкция, репрезентирующая доступный восприятию элемент «реальности в себе», нечто существующее вне человека. Лишь после ассоциации с образом слова, обозначающего данное нечто, она превращается в чувственный концепт и начинает репрезентировать определенный предмет. В конечном счете она может ассоциироваться с вербальной конструкцией, представляющей собой вербальный концепт, репрезентирующий тот же предмет.

Модели-репрезентации не обязательно должны конституировать конкретные предметы. Они **могут конституировать и сущности, обозначаемые общими понятиями (универсалиями)**, такими, например, как *стол, лошадь, человек* и т. д. В этом случае **собирательная модель-репрезентация, обозначаемая общим понятием, формируется из многих моделей-репрезентаций конкретных сущностей**. Например, сущность, обозначаемая общим понятием *собака*, репрезентируется собирательной моделью-репрезентацией, включающей в себя модели-репрезентации множества конкретных живых собак, их изображений, собак из фильмов и т. д., повстречавшихся человеку на протяжении его жизни.

Каждый из нас видел за свою жизнь бесчисленное множество различных собак и других похожих животных. В результате собака, которую вы себе представляете, то есть ваша собирательная модель-репрезентация собаки вообще, отличается от всякой собаки, которую вы когда-либо видели. То, что представляет себе каждый из нас, думая о собаке вообще, и есть собирательная модель-репрезентация собаки, которая отличается от каждой конкретной собаки, представленной в нашем сознании конкретной моделью-репрезентацией.

Собирательная модель-репрезентация объекта представляет собой то, что Дж. Локк называл «общей идеей»: «...Общая идея треугольника, который должен быть ни прямоугольным, ни равносторонним, ни равнобедренным, ни разносторонним, а каждым из них сразу и ни одним из таковых в отдельности» (цит. по: У. Джеймс, 2003, с. 330).

Однако «общая идея» в данном случае и не идея вовсе, а именно собирательный образ¹ воспоминания и представления множества увиденных

¹ Собирательный образ объекта — это не единственный образ, а множество мгновенных

ранее треугольников, которые и есть то, что называют абстрактным образом треугольника вообще.

Кроме предметов физической реальности, сознание способно чувственно конституировать и гораздо более сложные сущности физической и психической реальности. Например, физические явления¹.

Чтобы облегчить читателю понимание того, что такое модель-репрезентация, предлагаю задуматься над тем, как вы мысленно репрезентируете себе своих родных и близких, вообще любых знакомых вам людей. **То в сознании, что репрезентирует вам на чувственном уровне известного вам конкретного человека, и есть ваша модель-репрезентация этого человека.**

Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 551) подчеркивает, что большая часть нашего чувственного мира не явлена нам, так как присутствующая его часть заслоняет собой остальное, превращая его в со-присутствующее. Так, комната, где мы находимся, скрывает от нас город. Но мы тем не менее знаем, что эта комната находится в городе, а город — в государстве, а государство — на Земле и т. д. По его словам, также и «другой» человек явлен нам лишь частично. Мы воспринимаем его тело и жесты, но его характер, его «Я», его «другая» человеческая жизнь открыты нам только как реальность истолкованная, как догадка, гипотеза.

Слова автора можно отнести в том числе и к моделям-репрезентациям других людей, которые представляют собой для нас отнюдь не только и даже не столько внешние образы этих людей, но и чувственные репрезентации их поведения, их отношения к нам, наши воспоминания о проведённом совместно с ними времени нашей жизни и т. д. и т. п.

Несмотря на то, что мы всегда воспринимаем лишь какие-то части видимых нами предметов, людей и даже окружающего нас мира, все они остаются для нас целостными сущностями потому, что в нашем сознании имеются их модели-репрезентации. Образы восприятия отдельных частей этих сущностей немедленно актуализируют в нашем сознании соответствующие модели-репрезентации в целом. Поэтому всякий раз, когда мы воспринимаем или вспоминаем какие-то фрагменты предметов или, например, жесты, слова, глаза, имена других людей, эти фрагменты вызывают в нашем сознании соответствующие модели-репрезентации данных сущностей, превращаясь для нас в соответствующие целостные объекты предметного физического мира.

образов воспоминания и представления объекта или сходных объектов, часть которых может существовать в сознании даже одновременно.

¹ Явление — это: 1) глобальное изменение состояния окружающей реальности или ее крупных блоков, например погоды (закат, дождь, затмение, похолодание, засуха и т. д.); 2) нечто репрезентируемое сознанием при непонимании его природы.

§ 3. Модели-репрезентации как психические инварианты

Классический объективизм на протяжении тысячелетий не позволял поставить под сомнение наличие объективного физического предметного мира. Учение И. Канта заставило исследователей усомниться в наличии предметов в «реальности в себе» и понять, что предметы конституируются человеческим сознанием. Что вне сознания нет предметов, а есть лишь недоступная человеку никак иначе «реальность в себе». Складывается, однако, странная ситуация. Сознание разных людей создает сходную, даже вообще единую, то есть общую, как принято думать, физическую реальность. *Как это происходит?*

Э. Шредингера (2005, с. 93), например, удивляет совпадение глубоко личных и никому другому непосредственно не доступных субъективных миров разных людей. По его словам, многие пытаются устранить это удивление, объясняя совпадение существованием мира физических тел, являющегося причиной восприятия и создающего у каждого примерно одно и то же впечатление. И М. Борн (1973, с. 125) пишет об удивлении и даже шоке, который испытывает мыслящий человек, когда вдруг понимает, что индивидуальное чувственное впечатление чисто субъективно, так как не может никак быть передано никому другому в процессе коммуникации.

Наличие дальтоникиков среди людей с бесспорной очевидностью свидетельствует, например, что субъективные миры могут сильно различаться, хотя это порой и сложно выявить. У конкретного человека могут даже не формироваться индивидуальные репрезентации какой-то значительной части «реальности в себе». Например, вовсе нет больших фрагментов субъективной реальности в мирах людей слепых, глухих или не имеющих обоняния.

Кстати, существует множество данных о влиянии разных факторов на результаты человеческого восприятия, то есть на те самые репрезентации предметов. В своей истории психологии М. Хант (2009, с. 591), например, упоминает об исследованиях Дж. Брунера и Л. Постмана, которые начиная с 1940-х гг. изучали влияние на восприятие психических факторов, в частности потребностей и установок. Они показывали маленьким детям игрушки и простые кубики высотой три дюйма и просили определить их размер. Детям казалось, что игрушки выше кубиков. Еще выше они казались, если дети не могли их получить.

М. Хант (с. 591 и 592) сообщает, что другие исследователи изучали восприятие голодных и сытых испытуемых. Голодным людям съедобные объекты казались большими по размеру, чем сытым. Привычка и ожидание заставили 27 из 28 испытуемых видеть необычные карты как стандартные, однако,

как только испытуемые узнавали об особенностях экспериментальной ситуации, их установка менялась и они совершали гораздо меньше ошибок при опознании карт. М. Хант (с. 592) информирует также об исследованиях, в которых доказывалось, что на восприятие влияют этнические предрассудки и феномен, названный перцептивной защитой — психическое сопротивление тому, чтобы видеть нечто озорчатильное. Эффект оказывался наиболее выраженным, когда испытуемыми были женщины, а экспериментатором — мужчина.

Эти и многие другие данные подтверждают тот факт, что **в сознании каждого человека формируются собственные уникальные репрезентации окружающих предметов. И они могут сильно различаться у разных людей.** Могут возразить, что это не подтверждает наличия реальных различий в субъективном восприятии окружающего мира у здоровых людей в одних и тех же условиях. Однако я думаю, что дело тут лишь в отсутствии эффективных инструментов и методик, способных экспериментально продемонстрировать наличие таких субъективных различий.

Как расценивать указания некоторых авторов на наличие инвариантов в физическом мире? М. Борн (1973, с. 151–152), например, пишет, что чувственные ощущения — это признаки или сигналы внешнего мира, посредством которых мы узнаем об объектах с инвариантными свойствами. По мнению автора, набор этих инвариантов является физической реальностью, которую наш разум конструирует подсознательно. Стул, например, визуально меняется с каждым поворотом головы, но воспринимается как тот же самый. Наука — это попытка конструировать эти инварианты там, где они неочевидны. Например, если вы, не имея научной квалификации, смотрите в микроскоп, то ничего не видите, кроме пятнышек света и цвета. Лишь умело применяя методы биологической науки, вы сможете понять, что видите ткань с клетками рака или что-то подобное.

Дж. Гибсон (1988, с. 434–436) прямо указывает, что в физической реальности существуют глубинные инварианты, скрывающиеся за изменением оптического строя. Он выделяет четыре вида оптических инвариантов: инварианты изменения освещения; инварианты изменения точки наблюдения; инварианты частичного наложения выборок; инварианты локальных возмущений структуры. Кроме того, автор выделяет инварианты, «существующие также в потоках акустической, механической и, возможно, химической стимуляции».

Представляется заманчивым попытаться вслед за Дж. Гибсоном выделить инварианты в физическом мире. *Но можно ли их там найти?* **Проблема инвариантов в физической реальности теснейшим образом связана с проблемой тождественности физических объектов.**

Первым и очень подробно исследовал возможность тождества физических объектов Д. Юм. Он (1996, с. 299) называет идеей тождества, или

одинаковости, отчетливую идею объекта, существующего неизменно и непрерывно при предполагаемом изменении времени. Д. Юм (с. 305), однако, приходит к выводу, что тождество — это не что-то реальное, а лишь качество, которое мы приписываем собственным восприятиям. Тождество, по его мнению, зависит от одного из трех отношений: сходства, смежности и причинности. А наши представления о личном тождестве целиком порождаются беспрепятственным и непрерывным продвижением мысли вдоль ряда связанных друг с другом идей.

Э. Мах (2005, с. 274) вслед за Д. Юмом полагает, что постоянства, а следовательно, и тождества одного и того же объекта даже самому себе в окружающем мире нет. Мы достигаем этого постоянства, только абстрагируя и недооценивая некоторые условия. Есть только один род постоянства — постоянство связи (или соотношения). Л. Витгенштейн (1994, с. 166; 2008, с. 99) и У. Куайн (2010, с. 104, 115–116) тоже сомневаются в реальном наличии тождества.

У. Куайн (с. 115–116) обсуждает различия в объяснении конкретных сущностей (река Кестр) и сущностей, обозначаемых общими понятиями (*квадратное*). В первом случае, например, при остенсивном¹ объяснении реки мы указываем на несколько ее гипотетических срезов и каждый раз говорим: «Это — река Кестр». Тождественность указанного объекта все более осознается с каждым следующим случаем. При остенсивном объяснении понятия *квадратное* мы указываем на различные вещи и каждый раз говорим: «Это — квадратное», но не утверждаем тождественность всех объектов. Таким образом, в первом случае объекты отождествляются, а во втором — нет. Во втором случае тождественным предполагается не объект, а лишь признак квадратности, которым совместно обладают указанные объекты.

Другой пример приводит Г. Рейхенбах (2003, с. 301), который пишет о лодке, ремонтируемой несколько раз так, что в итоге заменяется каждая ее деталь. Тем не менее все совершенно правомерно называют ее той же самой лодкой, хотя она уже иная. То же самое происходит, по мнению автора, с рекой, вода в которой меняется все время. Он полагает, что река, таким образом, генетически тождественна самой себе скорее в функциональном, чем в субстанциальном отношении. У меня возникает вопрос: *что же в лодке и реке тождественного?* По всему выходит, что тождественны не физические сущности, которые соотносятся между собой, а нечто репрезентирующее эти сущности в нашем сознании.

Мне представляется, что кажущееся тождество внешних объектов возникает в результате того, что человеческое сознание с помощью собственных моделей-репрезентаций вводит в физическую реальность, создаваемую им в качестве глобальной чувственной репрезентации «реальности в себе»,

¹ Остенсия — способ определения путем прямого указания (например, пальцем).

такие постоянные внешние сущности — предметы. Оно конституирует их чувственно и помещает в этот свой внешний предметный физический мир. А затем уже их наличие позволяет человеку говорить о тождестве предметов самим себе.

Э. Мах предлагает видеть постоянное, а значит, тождественное «в твердо установленном законе связи элементов, которые сами по себе кажутся весьма преходящими» (2005, с. 275).

Однако и закона связи элементов в самой «реальности в себе» нет. Есть лишь относительное постоянство и условная тождественность самим себе наших психических конструкций, репрезентирующих окружающий мир. В первую очередь тождественность присуща моделям-репрезентациям предметов, их свойств и изменений, а также обозначающим их словам. Но вернемся к вопросу о наличии инвариантов в окружающем мире. Инварианты есть в нем. Дело только в том, что окружающий предметный физический мир выстроен из наших собственных репрезентаций. Следовательно, так называемые физические инварианты — не что иное, как наши психические инварианты.

Давайте разберемся, как в нашем сознании появляется понятие конкретного предмета, если всякий раз тот же самый предмет мы видим совершенно иначе? **Тождественность предмета самому себе задается нам лишь его — предмета — моделью-репрезентацией, которая является психическим инвариантом, репрезентирующим каждому из нас тождественную самой себе в разные моменты времени вещь.**

В «реальности в себе» нет ничего тождественного, даже тождественного самому себе, потому что все в ней непрерывно изменяется. Иллюзию тождественности и постоянства придают разным элементам «реальности в себе» лишь репрезентирующие их модели-репрезентации и обозначающие их понятия. Само понятие *тождество* обозначает лишь очередную человеческую психическую конструкцию, постулирующую существование постоянных, а потому тождественных себе сущностей, которых в окружающем мире без человеческого сознания нет.

Способность сознания создавать модели-репрезентации, или психические инварианты, репрезентирующие непрерывно меняющиеся элементы «реальности в себе» в качестве постоянных и тождественных самим себе сущностей, позволяет нам не тонуть в многообразии непрерывно изменяющейся «реальности в себе» и эффективно действовать в ней. Впрочем, наши психические инварианты небеспочвенны. Они репрезентируют относительное постоянство многих граней «реальности в себе», которое вполне можно принять за тождественность в течение короткой человеческой жизни. Тем более что часто для признания тождества сущности нам, во-первых, вполне достаточно довольно грубого совпаде-

ния ее структуры, а во-вторых, часто достаточно учета даже не структуры, а лишь выполняемой сущностью функции.

Итак, в «реальности в себе» вне и без человека нет инвариантов. Там, вероятно, есть лишь то, что можно назвать сходством¹. **Инварианты же существуют только в человеческом сознании в виде моделей-репрезентаций и понятий, репрезентирующих конституированные и сконструированные сознанием сущности.** Стараясь приспособиться к реальности, сознание склонно создавать инварианты везде.

§ 4. Модели-репрезентации свойств

Сформировав на основе сходного ощущения, вызываемого разными предметами, новое множество сходных ощущений, сознание постулирует наличие особой сущности — свойства², якобы присущего всем предметам множества. Сознание не только конституирует, но даже гипостазировывает такие сущности. В языке свойства, как и предметы, принято обозначать существительными: краснота, белизна, твердость, сладость, крепость и т. д.

Основная чувственная репрезентация элемента «реальности в себе» — зрительный образ восприятия — превращается для сознания в предмет. Прочие чувственные репрезентации того же предмета — ощущения — превращаются в дополнительные по отношению к этому предмету сущности — его свойства. Введение новой сущности — свойства — позволяет исследователям объяснить наличие наряду с образом восприятия — достаточной для конституирования предмета репрезентации — других столь же реальных и бесспорных, как и она, чувственных репрезентаций того же предмета. **Итак, сознание не репрезентирует предмет и отдельно его свойства. Оно всегда, хотя и по-разному, репрезентирует только предмет.**

Исследователи наделяют предметы известными нам свойствами не только вследствие особенностей «реальности в себе», но и потому, что наши органы чувств способны репрезентировать «реальность в себе» в строго определенных сенсорных модальностях, в строго определенных диапазонах и с разной степенью информативности. Следовательно, в зависимости

¹ Но нам не следует углубляться в проблему «реальности в себе», так как она доступна нам лишь в форме наших же психических репрезентаций.

² «Свойство... — атрибут предмета (объекта). Например, о красном предмете говорится, что он обладает свойством “красноты”» (Свойство: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Свойство>). «Свойство — характеристика, присущая вещам и явлениям, позволяющая отличать или отождествлять их...» (Н. И. Кондаков, 1975, с. 524).

от особенностей органов восприятия и условий восприятия предмет приобретает «разные» свойства.

Б. Л. Донской (2009, с. 23) упоминает о хорошо известном науке факте, что каждый предмет проявляет новые свойства во взаимодействии с другим предметом. Сколько различных предметов вступит во взаимодействие с данным предметом, столько новых свойств он проявит. В этом, как принято считать, проявляется неисчерпаемость его свойств.

Думаю, однако, правильнее было бы говорить не о бесчисленных дополнительных сущностях — свойствах, якобы присущих предметам, а об изменениях самих этих предметов в процессе взаимодействия друг с другом. Данные изменения порождают в нашем сознании новые репрезентации тех же самых предметов, которые мы интерпретируем как их новые свойства.

Передо мной не стоит задача глубокого анализа свойств и рассмотрения истории их изучения, восходящей к Дж. Локку (1985). Мне представляется, что свойства следует разделять на чувственно конституируемые, или непосредственно воспринимаемые (например, белый, громкий, холодный), и рационально выводимые, или вербально конституируемые и конструируемые (например, конкурентоспособный, неэффективный, электропроводный, рациональный и т. д.).

Как мы уже обсудили, человеческое сознание строит то, что принято называть свойствами предмета, из репрезентаций того же самого предмета, то есть используя для этого его же модель-репрезентацию. **Свойства не являются отдельными от предмета физическими сущностями, имеющимися наряду с ним, а представляют собой лишь результаты иного способа репрезентирования все того же предмета.** Говоря метафорически — результаты взглядов на тот же элемент «реальности в себе», но «через другие приборы».

Таким образом, концепт, представляющий определенное свойство, присущее многим предметам, обозначаемый, например, понятием *теплый*, репрезентирует не особую дополнительную сущность, которая характерна для различных теплых предметов. Он репрезентирует то обстоятельство, что сознание формирует особое множество разных предметов на основе вызываемого ими ощущения тепла как нечто существующее и более или менее однородное. Однако данное ощущение не позволяет ему дифференцировать предметы внутри множества.

Умозрительность и некоторая искусственность понятия *свойство* по сравнению с понятием *предмет* очевидна многим исследователям. В. Е. Кемеров (2004, с. 605), например, пишет, что свойство не есть сущее само по себе, если под сущим понимать некоторое наличное бытие, качество, вещь.

Хочу сразу уточнить, что свойства предметов конституируются не только благодаря возникновению в сознании ощущений, репрезентирующих тот

же предмет в неосновной чувственной модальности. Сознание, например, конституирует свойства и в основных (зрительной и слуховой) чувственных модальностях: звонкий, глухой, тусклый, яркий и т. д., что согласуется с гипотезой о формировании образа из ощущений одной и той же модальности.

§ 5. Модели-репрезентации движений и изменений

Образ восприятия движущегося¹ или изменяющегося предмета представлен в сознании последовательностью непрерывно сменяющихся друг друга мгновенных образов, репрезентирующих разные фазы изменения предмета (см.: С. Э. Поляков, 2011, с. 177–208). В конечном счете в сознании одновременно присутствуют образ восприятия и образ воспоминания предмета. Сами образы воспоминания имеют тенденцию меняться со временем, поэтому в модели-репрезентации движущегося предмета представлены уже не образы его воспоминания, а сложный «сплав» множества мгновенных образов воспоминания и представления воспринятого в прошлом изменяющегося предмета.

В сознании не может быть репрезентации движения самого по себе, то есть движения без репрезентации предмета, так как движения без предмета не бывает, как не бывает свойств без предмета, поэтому **специфическое движение или изменение представлено в сознании моделью-репрезентацией самого предмета, движущегося или изменяющегося особым образом.**

Обсуждая модель-репрезентацию движущегося предмета, следует сразу говорить о модели-репрезентации целой системы, включающей в себя предмет и окружающие его объекты, в которой движение предмета превращается во внутреннее изменение самой системы. Таким образом, **движение предмета репрезентируется моделью-репрезентацией изменяющейся системы, представляющей собой суперобъект, в которую в качестве одного из объектов входит предмет.**

Типичное изменение предмета репрезентируется моделью-репрезентацией предмета, находящегося в процессе последовательных стадий своих строго определенных и стереотипно повторяющихся изменений (трансформаций). Например, если в модель-репрезентацию лошади (вообще) входит множество визуальных образов воспоминания и представления разных лошадей, которые стоят, идут, лежат, бегут и т. д., то

¹ «Движение — в широком смысле — всякое изменение, в узком — изменение положения тела в пространстве» (А. А. Ивин, 2004, с. 320). «...Объективное или физическое движение — это изменение положения тела в пространстве относительно некоторой системы отсчета, принимаемой за неподвижную, например относительно поверхности Земли или стен комнаты» (В. В. Любимов, 2007, с. 256).

в репрезентацию конкретного движения лошади, обозначаемого понятием *бежит*, включен только собирательный образ воспоминания и представления данного движения лошадей. При этом репрезентация бега лошади является фрагментом модели-репрезентации лошади вообще, которая бежит.

Итак, репрезентация движения предмета — это лишь особый фрагмент модели-репрезентации самого этого предмета, строго определенным образом меняющегося во времени. Соответственно, чувственными значениями таких понятий, как *ходьба*, *бег*, *еда* и т. д., являются множества сходным образом изменяющихся (трансформирующихся) моделей-репрезентаций разных объектов — людей, лошадей, собак и т. д.

Впрочем, понятие, обозначающее особый вид движения, часто формируется в результате наблюдения за движением одного-единственного предмета. Чувственным концептом специфического движения в этом случае становится модель-репрезентация, представляющая в сознании изменяющийся особым образом конкретный объект. В последующем в процессе своего развития этот концепт включает в себя части моделей-репрезентаций других предметов, изменяющихся сходным образом.

Связывание визуального образа восприятия (и модели-репрезентации) изменяющегося объекта, например летящей птицы, со слуховым образом соответствующего слова «летит» приводит к формированию понятия *летит*. Аналогичным образом возникает связь с тем же понятием (*летит*) фрагментов моделей-репрезентаций, представляющих в сознании специфические изменения других конкретных объектов (воздушный шар, самолет, парашютист и т. д.). В итоге формируется смешанный концепт, иллюстрируемый собирательной моделью-репрезентацией предметов, совершающих специфическое действие — перемещения в воздухе, ассоциированный с понятием *летит*.

Человек постоянно сам совершает действия с предметами, поэтому к его репрезентациям, формирующимся в процессе наблюдений за движениями предметов, добавляются чувственные репрезентации изменений состояния его собственного тела, возникающих в процессе выполнения им движений. Эти репрезентации включают в себя, например, то, что Дж. Брунер (1981, с. 88) называет «привычной структурой усвоенного действия» и «организованной последовательностью действий, управляемых некоторой схемой».

Типовые сенсорные конструкции, включающие в себя зрительные образы и множество интероцептивных ощущений, репрезентируют человеку его тело и в состоянии покоя, и в процессе разнообразных привычных движений. Такие сформированные уже психические конструкции участвуют у взрослого человека в регуляции всех движений и действий, особенно привычных. Их трудно вербализовать, то есть выразить словами, но они вполне узнаваемы для нас сенсорно. Печатая, например, текст на компьютере, я периодически ловлю себя на том, что моя рука непроизволь-

но движется по клавиатуре к клавише с изображением очередной буквы печатаемого мною слова, слуховой образ которой возник уже в моем сознании, хотя я не всегда могу при этом произвольно безошибочно вспомнить, где именно на клавиатуре находится данная буква.

Следовательно, мое тело как бы «знает», а точнее, оно рефлекторно реагирует привычным уже для него способом действия на возникающий в моем сознании знакомый мысленный образ буквы. Здесь нет никакой «бессознательной памяти», а есть лишь усвоенная моим телом психомоторная реакция. Есть типовой двигательный рефлекторный ответ на появление в сознании специфического образа представления или воспоминания.

Но вернемся к репрезентациям движений. Следует еще раз констатировать, что **свойства и действия предметов репрезентируются не новыми самостоятельными формами моделей-репрезентаций, а моделями-репрезентациями самих предметов**. Особенности моделей-репрезентаций предметов позволяют нам разделять единую репрезентируемую сознанием сущность на собственно предмет, его свойства и его действия.

Тезисы для обсуждения

1. Накопление в памяти человека образов воспоминания и представления одного и того же элемента «реальности в себе» приводит к формированию чувственной психической конструкции — модели-репрезентации новой сущности — предмета. Модель-репрезентация обеспечивает присутствие в сознании человека знакомого ему предмета в качестве единой и самостоятельной сущности даже вне ситуации актуального восприятия элемента «реальности в себе», репрезентируемого ею в качестве предмета.
2. Модель-репрезентация предмета возникает как результат синтеза нередко разномодальных, то есть радикально различающихся между собой сенсорных репрезентаций одного и того же элемента «реальности в себе», которые сознание объединяет в единую сущность.
3. Модель-репрезентацию предмета можно рассматривать как сенсорную психическую репрезентацию следующего уровня сложности по сравнению с образами воспоминания и представления, как особую форму самостоятельных сложных психических феноменов.
4. С началом формирования моделей-репрезентаций предметов, выступающих в роли психических инвариантов, в сознании ребенка на чувственном уровне начинается дифференциация окружающего мира, его дробление на отдельные сущности, что облегчает ребенку его понимание. Сознание создает тем самым для себя и в себе завершенную и устойчивую глобальную чувственную репрезентацию окружающего предметного физического мира.

5. Сформированная модель-репрезентация предмета способна к самостоятельному, относительно независимому от периодически возникающих образов восприятия данного предмета присутствию в сознании человека.
6. Модель-репрезентация не является чем-то раз и навсегда данным, неизменным и статичным. Она видоизменяется в течение жизни в результате повторного взаимодействия человека с репрезентируемым ею элементом «реальности в себе» и проходит разные этапы своего развития.
7. Модель-репрезентация, как и большинство психических конструкций, разворачивается в сознании во времени, поэтому она не существует в сознании сразу и в целом в силу ограниченности его объема. Проявляясь в сознании в каждое следующее мгновение какой-то своей новой частью, она как бы «течет». Любая ее часть, существующая в данный момент в сознании, в том числе образ обозначающего предмет слова, представляет ее в целом и выполняет ее функции, например, полноценно репрезентирует определенный предмет.
8. Тождественны самим себе в разные периоды времени не элементы внешнего мира, то есть якобы объективно существующие вне человека предметы, а модели-репрезентации этих предметов и понятия, представляющие их в сознании. Инварианты присутствуют не в «реальности в себе», а в человеческом сознании, представляя собой психические конструкции, репрезентирующие сущности «реальности в себе». Они создают в физическом мире иллюзию тождественности и постоянства.
9. Модель-репрезентация предмета субъективно обеспечивает тождество предмета, даже если его перцептивный образ сильно меняется со временем, но лишь до тех пор, пока трансформации предмета укладываются в изменения, допустимые в рамках существующей модели-репрезентации предмета.
10. Модель-репрезентация знакомого человеку предмета участвует в его восприятии. Модель-репрезентация актуализируется в сознании любыми сходными с ее фрагментами перцептивными впечатлениями, вызванными соответствующими элементами «реальности в себе».
11. Модели-репрезентации знакомых предметов занимают четко определенное место в глобальной модели-репрезентации реальности — чувственной картине мира. Это позволяет нам обнаруживать, например, в воспринимаемом сейчас окружающем мире «пустые места», которые раньше занимали известные нам, но отсутствующие сейчас предметы.

Символический (вербальный) уровень репрезентирования реальности

1.2.1. Понятия и концепты

§ 1. Понятие и концепт в смежных с психологией науках

Нельзя не признать, что в смежных с психологией науках, в частности в философии и лингвистике, пожалуй, больше достижений в области разработки проблемы понятий и концептов, чем у психологов. В них, однако, нет столь отчетливого разделения между понятиями и концептами, которое можно проследить в психологии¹. Философ С. С. Неретина (2010, с. 306–307) пишет, что термин «концепт» введен в философию П. Абеляром (1079–1142) в связи с анализом проблемы универсалий. Лингвист В. З. Демьянков (2007, с. 606), обозревая практику использования в разных культурах слов «понятие» и «концепт», высказывает мнение, что это синонимы, так как русское «понятие» соответствует латинскому «conceptus».

Автор сообщает (с. 613), что термину «concept» в англо-русских словарях соответствует значение «понятие, идея, общее представление, концепция». В философских исследованиях старых авторов: Дж. Беркли, Д. Юма или Дж. Локка — используется слово «conception», но отсутствует «concept». У Т. Гоббса слово «concept» В. З. Демьянков встретил один раз в значении «категория» в контексте «принадлежать к категории». Через пару столетий в одной из своих главных работ Г. Спенсер уже неоднократно употребляет термин «concept» в значении «понятие». У. Джеймс использует «concept» в значении «строительный материал концепции». Позже Э. Сепир предлагает классификацию понятий (concepts), поддающихся

¹ Я имею в виду отечественную психологию.

выражению с помощью языка. Для него концепт — «капсула мысли», в конденсированном виде содержащая (или даже генерирующая) все возможные эпизоды жизни (переживания, опыт).

По словам В. З. Демьянкова (там же), со второй трети XX в. с приходом философии обыденного языка английский термин «concept» становится все труднее перевести немецким словом «begriff» и русским словом «понятие». Сегодня этот термин встречается в научной и художественной литературе чаще, чем в первой половине XX в. Особенно часто — в научно-фантастической литературе для характеристики «ускользающего общего представления» (там же). В современной англоязычной научной литературе термин «concept» особенно часто встречается у когнитивистов, у разработчиков систем искусственного интеллекта, у психологов, семиотиков и т. д. В одном из его значений исследователи, употребляющие этот термин, стремятся подчеркнуть нестандартность и неокончателность решения вопросов, казавшихся решенными. Другое его значение возникло в начале 1970-х гг. в связи с теорией семантических сетей, узлы в которых называют концептами.

И. П. Сусов и А. А. Сусов (2003, с. 3–10) отмечают, что в философских, логических и грамматических трудах европейских мыслителей, писавших на латинском языке, начиная с античности и вплоть до окончания Средневековья основным термином для обозначения мыслительной сущности было слово «conceptus». Авторы тоже подтверждают, что в англоязычных исследованиях господствует термин «concept» в значении «понятие, идея, общее представление; концепция». Наряду с ним используется термин «notion» в значении «понятие, представление; взгляд, мнение; идея, общее понятие, принцип, класс, категория». Во франкоязычных работах тоже чаще встречается термин «concept» («понятие, замысел»), хотя употребляется и слово «notion» («познание, понятие»). По мнению авторов, при переводе на русский язык латинского слова «conceptus», английского и французского слов «concept» можно пользоваться в качестве равнозначных эквивалентов как словом «понятие», так и словом «концепт».

Согласно И. П. Сусову и А. А. Сусову (там же), концепты у У. Л. Чейфа, Р. Шенка, М. Бирвиша, Т. А. ван Дейка и У. Кинча, Г. Скрэгга и других — это не что иное, как понятия. Авторы приводят удачное, как мне кажется, определение концепта (понятия) из электронного словаря под редакцией Л. Флориди: «Концепты — то, вместо чего стоят, что обозначают или значат слова, в особенности когда значения предполагаются локализованными скорее в наших головах, чем в мире. Синонимичные слова представляют один и тот же концепт» (с. 10).

В. З. Демьянков (2007, с. 614) утверждает, что в классической русской философии (в работах В. Соловьева, Н. Бердяева, К. Леонтьева,

С. Булгакова, Н. Федорова, П. Флоренского, Г. Флоровского, В. Розанова, Л. Шестова, В. Вернадского, А. Ф. Лосева и многих других) термин «концепт» просто не употребляется. Он весьма редко использовался в советской психологической и философской литературе. Например, в работе А. Н. Леонтьева «Деятельность. Сознание. Личность» В. З. Демьянков (там же) встретил этот термин лишь один раз. Он полагает, что «концепт» и «понятие» долгое время рассматривались как синонимы, а многие исследователи считают так и сегодня. Вместе с тем в одних языковых конструкциях предпочтительнее использовать первый термин, а в других — второй.

С. С. Неретина (2010, с. 306–307) тоже отмечает, что в большинстве философских словарей и энциклопедий концепт отождествляется с понятием.

По словам В. З. Демьянкова (2007, с. 614), в русской художественной и научной литературе часто встречается прилагательное «концептуальный», но исключительно редко — существительное «концепт».

Надо, однако, признать, что в последние десятилетия ситуация радикально изменилась, на что указывает и сам В. З. Демьянков (там же), и слово «концепт» стало широко употребляться в российской научной литературе. Е. Я. Режабек и А. А. Филатова (2010, с. 160), например, полагают, что термин «концепт» является сейчас одним из самых востребованных в современной когнитивной науке и лингвокультурологии.

Прежде чем вернуться к обсуждению того, что понимают под концептами в лингвистике, хочу сразу оговориться, что лингвистический подход имеет для нас относительную ценность, так как не опирается на психическую феноменологию. Однако некоторые предлагаемые там идеи могут быть интересны психологам.

Д. С. Лихачев (1993, с. 318) связывает первый опыт использования термина «концепт» в отечественной научной литературе с именем А. С. Аскольдова-Алексеева, который в своей работе «Концепт и слово», написанной еще в 1928 г., отождествляет общие понятия, или универсалии, и концепты. Автор цитирует А. С. Аскольдова-Алексеева: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» (там же).

Сам Д. С. Лихачев (1993, с. 318–320), демонстрируя глубокое понимание проблемы концептов, во многом утерянное в последующих работах других авторов, предлагает считать концепт своего рода «алгебраическим выражением» значения слова, которым мы оперируем в своей письменной и устной речи. Концепт, по его мнению, не только подменяет собой значение слова, он в известной мере расширяет его, оставляя возможности для сотворчества, домысливания, «дофантазирования» и для эмоциональной ауры слова.

Итак, по Д. С. Лихачеву, концепт — это значение слова, которым мы оперируем, то есть некая мысленная структура. Д. С. Лихачев (с. 322) указывает, что своими концептами обладают не только отдельные слова, но и целые фразеологизмы. Например «валаамова ослица», «тьма египетская», «демьянова уха», «преданья старины глубокой», «дистанция огромного размера» и т. д. Следовательно, концепты, по мнению автора, — это значения не только отдельных слов, но и устойчивых языковых конструкций — фразеологизмов.

Удачное определение термина «концепт» предлагает В. Л. Абушенко (2010, с. 331), который в «Новейшем философском словаре» определяет его как содержание понятия в отвлечении от языковой формы его выражения. Автор отмечает, что Р. Карнап поместил концепт между языковыми выражениями и соответствующими им денотатами (предметами).

Й. Л. Вайсгербер (2004, с. 99) замечает, что в логике существует почти столько же определений понятия, сколько и самих логиков. Он пишет: «Эти духовные содержания мы обозначим здесь уже термином *понятие* (begriff), причем в самом широком смысле, как, например, у Й. Линдворски: понятие = сумма обстоятельств, или у Н. Аха: в первом приближении понятие = значение слова, или у А. Drews, утверждавшего: “С этой точки зрения понятие на самом деле есть не что иное, как содержание значения слова или знака”» (с. 57).

Сложности понимания и различения концептов и понятий усугубляются тем, что в разных языках не только используются разные термины и в разном количестве, но в них вкладывается еще и не вполне совпадающее значение. Анна Вежбицкая (цит. по: Р. М. Фрумкина, 1992, с. 34) определяет концепт как «объект из мира “идеальное”», имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире. Н. Ю. Шведова (2005, с. 603) полагает, что концепт — это содержательная сторона словесного знака, за которой стоит понятие (то есть идея, фиксирующая существенные «умопостигаемые» свойства реалий и явлений, а также отношения между ними), выработанное и закрепленное общественным опытом народа.

Ю. С. Степанов (2004, с. 44) вслед за Г. Фреге и А. Черчем связывает концепт с содержанием понятия. Он интуитивно нащупывает разницу между понятиями и концептами, связывая первые с вербальными элементами сознания, «которые мыслятся», а вторые — с чувственными элементами, «которые переживаются». Ю. С. Степанов (с. 42) отмечает, что концепт — это «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово. Это как бы сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в его ментальный мир. С другой стороны, обычный человек, не «творец культурных

ценностей», сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее посредством концепта.

З. Д. Попова и И. Л. Стернин (2007б, с. 52) понимают концепт как дискретное ментальное образование, базовую единицу мыслительного кода человека, обладающую относительно упорядоченной внутренней структурой и представляющую собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества. Они полагают, что концепт несет комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету. Эта комплексная мыслительная единица в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя разные свои признаки и слои.

Обозревая научные публикации по проблеме концептов в лингвистике, З. Д. Попова и И. А. Стернин (2007, с. 34) делают вывод, что чаще всего концепт определяется как дискретная, объемная в смысловом отношении единица мышления или памяти, отражающая культуру народа. Объединяя разные встречающиеся в литературе подходы к пониманию концепта, Е. Я. Режабек и А. А. Филатова (2010, с. 165) тоже делают вывод, что концепт — это отмеченная этнокультурной спецификой единица коллективного знания, имеющая языковое выражение. Авторы полагают, что: 1) концепт имеет ценностный компонент — формирует только тот феномен, о котором носители культуры могут сказать: «это хорошо, плохо, интересно, утомительно и т. д.»; 2) концепт представляет собой сложное многомерное образование, в котором можно выделить ядро и периферию; 3) концепт нельзя приравнять к слову, поскольку один и тот же концепт может иметь несколько имен, а одно и то же имя — актуализировать несколько концептов; 4) концептуализация разных фрагментов действительности происходит неравномерно и зависит от их важности для жизни этноса.

В то же время Е. Я. Режабек и А. А. Филатова (с. 155) рассматривают понятие и концепт как независимые друг от друга и как бы параллельные сущности. Концепты они считают более «архаическими» когнитивными образованиями, а понятия рассматривают как относительно недавнее изобретение человеческого мышления и культуры. Если концепты — это ментальные конгломераты, в которых переплетены элементы чувственного и когнитивного опыта, то понятия — результаты абстрактно-логической категоризации. По мнению авторов (с. 169), в понятиях имеет место прямое однозначное соотношение между означающим и означаемым, тогда как аналогичное соотношение в структуре концепта имеет более сложное строение.

Не вполне понятно, что пытаются сказать авторы. Вообще, следует заметить, что в результате изучения существующих сегодня в научной психологической литературе многочисленных описаний концептов складывается очень пестрая картина. **Представления исследователей о сущности концептов сильно различаются, а предлагаемые ими определения разнообразны и весьма аморфны**, а часто еще и плохо вербализованы (см., например: С. Г. Воркачев, 2005, с. 76–83 или В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, 2007, с. 12–13). **Исследователи используют и обсуждают главным образом термин «концепт», тогда как понятие чаще или отождествляется с концептом, или определяется неоднозначно.** Тем не менее нельзя не отметить появление большого числа работ, посвященных проблеме концептов.

В заключение я хочу выделить варианты подходов к определению концептов и понятий, некоторые из которых будут важны для нашего дальнейшего рассмотрения.

Концепт — это:

- мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода (А. С. Аскольдов, 1997, с. 269);
- содержание понятия (Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 279);
- объект из мира «идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире (Анна Вежбицкая, цит. по: Р. М. Фрумкина, 1992, с. 34);
- то, что нельзя приравнивать к слову, поскольку один и тот же концепт может иметь несколько имен, а одно и то же имя — актуализировать несколько концептов (Е. Я. Режабек, А. А. Филатова, 2010, с. 165);
- сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в его ментальный мир (Ю. С. Степанов, 2004, с. 42);
- дискретное ментальное образование, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении (З. Д. Попова, И. А. Стернин, 2007, с. 34);
- квант структурированного знания (З. Д. Попова, И. А. Стернин, 2007, с. 31);
- единица коллективного знания/сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой (С. Г. Воркачев, 2005, с. 70);
- «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово (Ю. С. Степанов, 2004, с. 42); то,

что подменяет собой значение слова (Д. С. Лихачев, 1993, с. 319); явление того же порядка, что и значение слова (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 384); содержательная сторона словесного знака (Н. Ю. Шведова, 2005, с. 603); совокупность всех знаний, которые актуализируются в сознании носителя языка при восприятии им некоторого слова — имени концепта (слова-концепта) (А. А. Павлова, 2004, с. 47); то, что обозначают слова (цит. по: Й. Л. Вайсгербер, 2004, с. 10); значение слова (цит. по: Й. Л. Вайсгербер, 2004, с. 99).

Понятие — это:

- то, что выражается в форме слова или совокупности слов (Г. Г. Шпет, 2010, с. 42);
- то, что тесно связано со словом (с. 67).

В этой выборке при очевидном многообразии подходов и отсутствии общепринятых и четких определений данных сущностей я хотел бы обратить внимание на связь понятия со словом, а концепта — со значением слова.

§ 2. Понятие и концепт в отечественной и зарубежной психологии

В XX в. в психологии сложилась более чем странная ситуация. Психология забыла почти на век про один из важнейших своих разделов, касающийся высших форм психических явлений — понятий и вербальных конструкций. Им занимались другие науки — лингвистика, языкознание, семиотика, логика, философия и т. д. В результате в психологии этот раздел и сейчас не представлен в целостном и разработанном виде, как представлены там, например, чувственные репрезентации. Есть лишь множество отдельных работ, подходов и взглядов, знакомство с которыми не формирует единого понимания того, что же собой представляют понятия и вербальные конструкции и какова их роль в психической жизни человека. В смежных науках, впрочем, тоже нет целостного понимания этой области. У семи нянек дитя без глаза. Несмотря на то что понятиями занимаются самые разные науки, как сказал, например, Э. Геллнер, «мы знаем, как употреблять понятие, но не знаем, как объяснять его...» (1962, с. 128).

В психологии нет даже единого определения понятия. Но прежде, чем определять его, необходимо отметить, что **в отечественной психологии используются два термина — «понятие» и «концепт», тогда как в зарубежной психологии лишь один термин — «концепт»**. Соответственно,

наши переводчики, переводя зарубежные работы, вместо западного слова «concept» чаще используют русский термин «понятие». В работах отечественных исследователей понятия и концепты часто разделяются, однако четких различий между ними я так и не нашел. Из этого, впрочем, отнюдь не следует, что подобное разделение обосновательно. Напротив, думаю, что некоторые отечественные исследователи интуитивно чувствуют разницу между понятием и концептом и пытаются их дифференцировать, хотя и не сформулировали пока вербально, в чем именно заключается разница между ними.

Что же пишут по поводу различий между «понятиями» и «концептами» в научной литературе. В Большой психологической энциклопедии А. Б. Альмуханова, Е. С. Гладкова, Е. В. Есина и др. предлагают, например, такие определения: концепт — это содержание некоего понятия (2007, с. 189), а понятие — это форма логического мышления (с. 342).

С. Л. Рубинштейн (1998, с. 311) указывает, что понятие — это опосредствованное и обобщенное знание о предмете. Формой существования понятия является слово. Б. Г. Мещеряков (2006, с. 226) пишет, что понятие (concept, notion) — форма мышления и знания, отражающая предметы в их существенных признаках; базисная единица социально культивируемой системы человеческого знания. И. М. Кондаков (2007, с. 435) полагает, что понятие — это символическое отображение существенных свойств предметов. О. К. Тихомиров отмечает, что понятие — одна из логических форм мышления, высший уровень обобщения, характерный для мышления словесно-логического (2005, с. 169).

Я старался выбрать разные определения, хотя чаще всего в психологической литературе они повторяются, что, естественно, не сильно проясняет вопрос о том, что же такое понятия и концепты и чем они отличаются друг от друга.

В современной зарубежной психологии концепт тоже определяют по-разному. А. Ребер (2000а), например, предлагает два определения: «1. Комплекс объектов, имеющих некоторые общие свойства или характеристики. 2. Внутреннее, психологическое представление общих свойств. Строго говоря, термин должен употребляться только в последнем значении, так как именно мысленное представление является понятием¹ (ссылка моя. — Авт.) и мысленное представление в конечном счете ответственно за поведение в отношении к внешнему миру. Конечно, в мире существуют вещи, которые являются стульями, но понятие стула “находится в голове”, а не во внешнем мире. Однако можно сказать о первом

¹ Когда я цитирую англоязычных исследователей, то привожу цитаты из русских переводов их работ, где обычно обсуждаются понятия, хотя в самих первоисточниках речь идет о концептах.

значении, что для того, чтобы понятие “оказалось в голове”, должен иметься комплекс объектов, наделенных свойствами, которые в конечном счете представлены когнитивно» (с. 81–82).

Д. Кун (2007, с. 358) считает концепт генерализованной идеей, представляющей класс связанных объектов или событий. А Д. Майерс (2001, с. 828) называет его мысленной группировкой сходных объектов, событий или людей. Р. Л. Солсо (1996, с. 424) рассматривает концепт как совокупность определенных существенных признаков и правил, связывающих эти признаки. Признаки автор трактует как характеристики некоторого объекта или события, относящиеся также к другим объектам или событиям. Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001, с. 1094) определяют концепт как класс или категорию, объединяющую ряд частных примеров. Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (Введение в психологию, 2003, с. 374–375) считают, что концепт является представителем некоторого класса. Но тут же добавляют, что концепт — это определенная совокупность признаков, которые мы ассоциируем с этим классом. Например, концепт «кот» включает, помимо прочих признаков, обладание четырьмя лапами и усами.

Обращает на себя внимание то, что **отечественные исследователи пытаются связать понятие со словом и словесно-логическим мышлением. Зарубежные исследователи, не делая различия между концептом и понятием, чаще всего либо отождествляют концепт с классом определенных объектов или событий, либо связывают его с совокупностью признаков, характеризующих определенную группу или класс.**

С. Л. Рубинштейн (1998, с. 313) отмечает, что уже в ассоциативной психологии понятие рассматривалось как совокупность определенных существенных признаков. Мне представляется, что связывание понятий с признаками предметов восходит, по-видимому, вообще к классической логике. По крайней мере, Г. Риккерт (1997, с. 144) пишет, что понятие известно традиционной логике в качестве комплекса признаков. Связывают понятия с признаками объектов и классики экспериментальной психологии: К. Халл (С. Hull, 1920), Н. Ах, Л. С. Выготский и Л. С. Сахаров (1981, с. 194–198), Дж. Брунер (1977, с. 184–206) и другие исследователи, изучавшие формирование понятий (см. раздел 1.4.5).

Неудивительно поэтому, что в некоторых школах когнитивной психологии, как пишет И. М. Кондаков (2007, с. 435), понятие рассматривают не как мысленный образ или идею, а как совокупность определенных существенных признаков и правил, которые связывают эти признаки. Постулируется, что при обработке информации признаки объектов или событий сортируются по определенным классам на основе применения того или иного концептуального правила.

Чаще всего именно так и рассматривают понятия большинство зарубежных, а теперь уже и многие отечественные психологи. То, что зарубежные психологи не делают различий между понятиями и концептами, весьма затрудняет использование их определений. Тем не менее наиболее адекватное, на мой взгляд, определение дает Х. Гейвин (2003, с. 136), которая связывает понятие = концепт с психическими репрезентациями. Она полагает, что концепт — «это репрезентации, включающие важные свойства класса объектов или идей (экземпляров)» (там же). Это репрезентации элементов, основанные на их группировке по признаку общих свойств. В качестве примера понятия она приводит квадрат, определяемый ею как фигура с четырьмя равными сторонами и четырьмя прямыми углами.

Удачную теорию понятий, получившую широкое признание, предлагает Л. Барсалу (2011, с. 135). В его теории понятие эквивалентно модели-имитатору: модель может содержать неограниченное количество репрезентаций объекта. Каждая репрезентация несет в себе его понятийное описание. Например, категориальная модель стула может соединять в себе много различных моделей стульев в множестве разных ситуаций.

Г. Мерфи и Д. Медин (2011, с. 354) описывают некоторые современные теории, исследующие образование и структуру понятий. Одна из них рассматривает понятия как примеры, организованные вокруг центрального прототипа. Другая теория (а фактически ряд их) рассматривает понятия как наборы (коллекции) признаков определенного вида. Авторы (с. 355) полагают, что понятие следует описывать либо как теоретическое знание, либо как часть знания, несущего в себе определенное теоретическое представление о мире.

Можно и дальше приводить определения концепта и понятия, но это не очень приблизит нас к пониманию их сути. Остается лишь заключить, что **внятное и общепринятое определение концепта и понятия в психологической литературе отсутствует**. Подводя итог рассмотрению попыток определения терминов «понятие» и «концепт» в психологии, я опять хочу выделить следующие важные, как мне представляется, для понимания сути этих феноменов идеи исследователей.

Понятие — это:

- форма логического мышления, высший уровень обобщения, характерный для словесно-логического мышления (О. К. Тихомиров, 2005, с. 169);
- обобщенное знание о предмете, формой существования которого является слово (С. Л. Рубинштейн, 1998, с. 311).

Концепт — это:

- содержание некоего понятия (А. Б. Альмуханова, Е. С. Гладкова, Е. В. Есина и др., Большая психологическая энциклопедия, 2007, с. 189);
- репрезентации элементов, основанные на их группировке по признаку общих свойств (Д. Дж. Майерс, 2001, с. 135);
- нечто эквивалентное модели-имитатору, которая может содержать неограниченное количество репрезентаций объекта (Л. Барсалу, 2011, с. 135);
- теоретическое знание, несущее в себе определенное представление о мире (Г. Мерфи и Д. Медин, 2011, с. 355); нечто внутренне связанное с теориями мироустройства (Г. Мерфи и Д. Медин, 2011, с. 355).

В приведенных мною определениях понятия вновь подчеркивается его связь со словом, а в определениях концепта — то, что он является и репрезентацией (или репрезентациями), и содержанием какого-либо понятия.

§ 3. Предлагаемые определения понятия и концепта

Итак, еще раз повторю, что **ни в психологии, ни в смежных науках, во-первых, нет ясных и общепринятых определений терминов «концепт» и «понятие», а во-вторых, нет единства в отношении необходимости использования обоих этих понятий.**

Однако из имеющихся в литературе определений термина «концепт» нетрудно отобрать те, которые можно принять, немного видоизменив и дополнив. Думаю, что у многих исследователей не вызовет отторжения такое определение: концепт — это дискретное ментальное образование, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, отмеченное этнокультурной спецификой и несущее комплексную информацию об обозначаемой определенным словом сущности, например предмете или явлении. Но главное, концепт — это содержание определенного понятия и значение соответствующего слова.

Дать столь же четкое определение термина «понятие», исходя из имеющихся в литературе представлений, не представляется возможным. Можно лишь зафиксировать связь понятия с мышлением и тот факт, что оно выражается в форме слова или языковой конструкции. Что, впрочем, уже немало. Мне представляется, что наиболее удачное определение термина «понятие» дал около 100 лет назад Г. Г. Шпет: «...понятием мы можем назвать все то, что выражается в форме слова или совокупности слов» (2010, с. 42). «...Понятия ...выражаются обыкновенно в форме слов. Понятие так тесно связано со словом, что, собственно, в психологии даже

часто утверждали, что невозможно мыслить без слов и совершенно невозможно себе представить такую науку, которая не выражалась бы в словах. Понятие так тесно связано со словом, что мы сплошь да рядом именно слова и анализируем» (с. 67).

Указание Г. Г. Шпета и некоторых других исследователей на связь термина «понятие» с конкретным словом, а не только с неким психическим содержанием, кажется мне принципиальным. Ранее (см.: С. Э. Поляков, 2011, с. 394–398) я отождествил понятие с вербальным образом, то есть только со слуховым или зрительным образом известного человеку слова, значением которого является соответствующий данному понятию концепт. Это было обусловлено тем, что именно вербальные образы играют в человеческом мышлении важнейшую роль, и я хотел выделить и подчеркнуть ее.

Сейчас, однако, я полагаю, что с точки зрения преемственности научной терминологии не совсем правильно столь резко и жестко ограничивать значение термина «понятие» лишь образом слова. К тому же большинство исследователей склонны объединять понятие и концепт, поэтому они вряд ли будут готовы принять такое ограниченное определение понятия. В то же время совершенно необходимо выделить среди психических феноменов образ слова, так как он действительно играет определяющую роль в формировании и существовании того психического феномена, который обсуждают в научной литературе в качестве понятия и/или концепта. При этом образ слова, обладающего известным нам значением, не только не имеет в психологии специального названия, но и никак не отличается от образа слова, не обладающего известным нам значением. Более того, роль образа слова, или вербального образа, в мышлении вообще обсуждается совершенно недостаточно.

Учитывая все это, я **предлагаю обозначать термином «полное понятие», или просто «понятие», психическую конструкцию, образованную ассоциированным с образом определенного слова концептом, репрезентирующим некую сущность, обозначаемую данным словом. Термином «редуцированное понятие» — образ слова, который замещает собой в мышлении это полное понятие.** Образ слова до своей ассоциации с концептом не идентичен образу слова после такой ассоциации, так как его значением после этого вместо модели-репрезентации слова становится модель-репрезентация обозначаемого словом предмета. В результате образ слова приобретает способность замещать в сознании человека концепт, репрезентирующий обозначаемый словом предмет.

Ранее данное мною (2011, с. 394–398) определение концепта я не вижу необходимости менять. **Концепт — это, во-первых, значение известного человеку слова, а следовательно, и соответствующего вербального образа, то есть редуцированного понятия. Каждое знакомое слово актуализи-**

рует в сознании человека уникальный концепт. Во-вторых, концепт — это устойчивая психическая конструкция, то есть особый сложный психический феномен. В-третьих, концепт — это репрезентация некой сущности, реальной или даже вымышленной.

Объединяя все это, можно сказать, что концепт — устойчивая психическая конструкция, или особая форма сложных психических феноменов, репрезентирующая некую сущность реальности, которая обозначается в языке определенным словом. Для краткости **полное понятие я буду далее обозначать просто термином «понятие», тогда как образ известного человеку слова буду называть редуцированным понятием.**

Таким образом, хочу еще раз повторить, что образ слова после своей ассоциации с соответствующим концептом, то есть после своего превращения в редуцированное понятие, не идентичен образу того же слова до такой ассоциации. Дело в том, что его ассоциация с концептом меняет его значение. Значением его становится концепт, репрезентирующий предмет, обозначаемый данным словом.

Концепт не следует путать с определением понятия. Определение понятия — это специально созданная исследователями языковая конструкция, которая вербально моделирует концепт, причем любой, в том числе чувственный, например модель-репрезентацию предмета. Следовательно, определение понятия можно назвать вербальной моделью концепта данного понятия, которая специально создается исследователями.

Завершая обсуждение вопросов терминологии, повторю, что я **предлагаю ввести вместо используемого в англоязычной литературе слова «концепт» три новых термина** с более четкими значениями. «Понятие» — соответствующее старому понятию и/или концепту, «концепт» и «редуцированное понятие». Перейдем к детальному рассмотрению данных сущностей.

§ 4. Функции понятий и концептов

Хелен Гейвин (2003, с. 136–137) выделяет следующие функции концептов: классификацию (относится ли данный экземпляр к понятию, его подмножеству и т. д.); понимание (позволяет разбить информацию на значимые элементы и использовать имеющиеся знания); предсказание (использование знаний для прогнозирования последующих событий); рассуждение (использование информации для обеспечения логического вывода); общение (совместное использование понятий позволяет людям косвенно передавать впечатления). Так, например, по словам автора, встретив незнакомое существо, благодаря определенным признакам мы будем знать, что это птица (классификация), которая может летать (понимание);

что, испугавшись нашего резкого движения, она может улететь (предсказание); что мы сможем рассказать о ней другим людям (общение).

Д. Майерс (2001, с. 432) отмечает, что концепты упрощают и упорядочивают мир, организуя его в иерархии категорий. И это действительно так.

Полагаю, что по поводу понятий (в том числе редуцированных) необходимо добавить следующее:

- **понятия являются психическими феноменами и создаются сознанием для репрезентирования реальности;**
- **понятия репрезентируют конституированные и сконструированные сознанием доступные и даже недоступные восприятию сущности окружающего мира и самого сознания;**
- **понятия являются инструментами сугубо человеческого мышления, обеспечивая новый уровень его функционирования;**
- **понятия обеспечивают коммуникацию людей, актуализируя сходное чувственное психическое содержание (сходные концепты) в сознании участников коммуникации;**
- **понятия обеспечивают унификацию концептов, имеющих в сознании разных людей, а также унификацию субъективных глобальных моделей-репрезентаций реальности у разных людей;**
- **понятия обеспечивают негенетическое наследование преимущественно вербальной, а потому «объективной» картины мира.**

§ 5. Роль редуцированных понятий в формировании концептов

Й. Л. Вайсгербер (2004, с. 74) спрашивает, можно ли сформировать концепт *grün* («зеленый») без вербального символа. И сам же дает отрицательный ответ. По его словам, благодаря вербальному символу (то есть слову. — *Авт.*) мы приходим к выводу, что многие ощущения можно понятийно охватить, обобщить и использовать как целостную единицу. Здесь языковой знак (слово. — *Авт.*) не только фиксирует конкретное явление, но и помогает создать «водораздел», очертить поле обзора, давая нам возможность ориентироваться в пестрой череде явлений и восприятий.

Действительно, возникающая в сознании чувственная репрезентация, например модель-репрезентация некой сущности, может превратиться в концепт, репрезентирующий предмет, только в результате ассоциации с образом обозначающего данную модель-репрезентацию слова. Это соединение чувственного предпонятия (то есть модели-репрезентации некой чувственно выделяемой сущности) и образа обозначающего ее слова представляет собой и образование концепта, и формирование полного понятия. Они возникают одновременно.

Чтобы понять роль вербальных символов, надо ответить на вопросы: *зачем вообще сознание создает понятия, заменяя ими чувственные и даже вербальные концепты? Какой смысл в том, что концепты ассоциируются с образами определенных слов, превращающихся в результате этого в редуцированные понятия?*

Роль редуцированных понятий в человеческом мышлении совершенно невозможно переоценить. В процессе образования понятия образ слова, обозначающего определенный предмет, ассоциируется с репрезентирующей данный предмет сложной психической конструкцией. Конструкция после этого становится концептом. Включаясь в ее структуру, образ слова приобретает способность, как и любая часть психической конструкции, полностью замещать ее собой в сознании. В результате такой ассоциации мышление начинает оперировать вместо громоздких, колоссальных по объему концептов слуховыми или визуальными образами простых искусственных объектов — слов, или редуцированными понятиями.

Замещение в сознании людей их крайне разнообразных и субъективных психических конструкций (концептов) образами простых объектов (определенных слов) оптимизирует человеческое мышление и унифицирует психическое содержание сознания разных людей. Недаром Г. Риккерт (1997, с. 88) пишет, что ценность понятия состоит именно в преодолении бесконечного многообразия субъективных чувственных репрезентаций.

Способность редуцированного понятия полноценно замещать собой соответствующий концепт, неважно, какой он — чувственный или вербальный, резко повышает скорость и эффективность мышления, так как громоздкая, а порой просто невероятно громоздкая и сложная, полимодальная чувственная или смешанная конструкция, которой обычно является даже концепт предмета, замещается образом простейшего искусственного объекта — слова.

Человек понимает известное ему слово немедленно при его восприятии и без актуализации модели-репрезентации, представляющей в сознании обозначаемый данным словом предмет. Это происходит, видимо, с помощью тех же механизмов, что и понимание человеком возникшего в его сознании образа известного ему предмета. Например, слово «яблоко» понятно ему так же сразу и прямо, как образ восприятия самого яблока. При чем чем лучше знаком человеку объект, обозначаемый возникшим в его сознании редуцированным понятием, тем меньше вероятность того, что это редуцированное понятие актуализирует в его сознании соответствующий чувственный концепт, и наоборот.

Можно констатировать, что **образ известного слова столь же понятен человеку, как и образ знакомого ему предмета.** Дело, видимо,

в том, что **образ слова включается в модель-репрезентацию предмета, обозначаемого данным словом, и как всякая часть сложной психической конструкции способен полноценно замещать всю ее в сознании.**

Мы можем поэтому утвердительно ответить на вопрос Г. Риккерта (1997, с. 88), способен ли человек при понимании слов обходиться совершенно без «воззрительных представлений», то есть визуальных репрезентаций предметов, обозначаемых словами. Г. Риккерт (с. 88–89) своим путем приходит к тому же, замечая, что по крайней мере не все слова понимаемой речи люди переводят в зрительные образы, так как в таком случае совершенно не было бы возможно столь быстрое понимание слов, которое фактически имеет место.

Недаром Л. Витгенштейн пишет: «Когда я мыслю вербально, “значения” не предстают в моем сознании наряду с речевыми выражениями; напротив, сам язык служит носителем мысли» (1994, с. 190). В качестве примера непосредственного понимания слов и предложений Б. Рассел (2009, с. 238) рассматривает, например, реакцию на крик: «Берегись, машина!», услышав который человек оглядывается и отпрыгивает без необходимости в каком-либо дополнительном ментальном посреднике. Автор справедливо полагает, что человек действует правильно и это свидетельствует о непосредственном понимании им слов.

В предисловии к книге Э. Маха А. Ф. Зотов (2005, с. 20), формулируя суть позиции автора, приводит удачную метафору, иллюстрирующую роль, которую выполняет в понятии образ соответствующего слова. Он пишет, что, образуя устойчивые предметы, сознание стабилизирует комплексы чувственных данных¹, приписывая им «имена». Имя, по мнению Э. Маха, «акустический признак» комплекса, сохраняющий его в памяти. Это самый неизменный и удобный признак, вокруг которого, как «ядра», нарастают другие признаки. Поэтому имя не «этикетка» предмета, а скорее его «арматура». Имя функционально и «по праву» представляет комплекс, к которому относится. С помощью имени мы замещаем в сознании целое одним признаком, не утрачивая при этом целостности.

Итак, редуцированные понятия не просто участвуют в формировании понятий и обозначают соответствующие концепты, но и успешно замещают собой эти концепты в сознании, тем самым резко облегчая, ускоряя и упрощая процесс мышления. Кроме того, образы понятных обоим собеседникам слов обеспечивают актуализацию в их сознании сходных концептов, тем самым способствуя их унификации.

Н. Д. Творогова определяет вербализацию (лат. verbalis — «устный», «словесный») как словесное описание переживаний, чувств, мыслей, поведения (Клиническая психология, 2007, с. 366). Б. Д. Карвасарский по-

¹ «Комплексы» чувственных данных — не что иное, как чувственные концепты предметов.

лагает, что в широком смысле слова это понятие обозначает вербальное (словесное) описание переживаний, чувств, мыслей, поведения (Психотерапевтическая энциклопедия, 2000, с. 69). А. Ребер (2000, с. 122) сужает понятие *вербализация* до устного утверждения, высказывания, акта вербального самовыражения.

Мне представляется, что вербализация может осуществляться в форме как устной речи или письма, так и мысленной трансформации невербального психического содержания в вербальные психические конструкции. Соответственно, более правильным было бы называть вербализацией не только «выражение в словах», но и «выражение в уме» с помощью редуцированных понятий. И если я в форме внутреннего диалога с самим собой, например, обсуждаю собственное недавнее поведение, то это тоже вербализация, так как я описываю и обсуждаю (моделирую) уже с помощью вербальных конструкций собственные невербальные переживания, в том числе чувственные репрезентации собственных действий.

Вербализация — это не только иной (второй) уровень репрезентирования реальности — перевод субъективного чувственного психического содержания в новую вербальную форму, потенциально доступную передаче между людьми. Но это еще и репрезентирование недоступной восприятию реальности. Конечно, в первую очередь, вербализация — это выражение с помощью понятий и вербальных психических конструкций невербального, главным образом чувственного психического содержания человеческого сознания.

Только вербализованное содержание сознания в принципе способно становиться достоянием других людей в результате его экстернизации человеком в форме устной или письменной речи. То, что не вербализовано, как бы и не существует ни для кого, кроме переживающего это субъекта. Недаром Э. Мах пишет: «Не то принадлежит науке, что тонкий наблюдатель природы или знаток людей полубессознательно чувствует и скрывает внутри себя, а только то, что он сознает вполне ясно так, что он в состоянии сообщить это другим» (2011, с. 187).

А. Шюц солидарен с М. Шелером в том, что «пределы осмысленности человеческих переживаний совпадают с границами их вербализации...» (цит. по: Н. М. Смирнова, 2008, с. 299).

В рамках процесса вербализации некоторые исследователи рассматривают не только замену чувственных концептов вербальными психическими конструкциями, но даже обозначение чувственных концептов редуцированными понятиями¹. Я предлагаю различать разные аспекты ментальной вербализации и обсуждать в ее рамках разные процессы: 1) связывание чувственной психической конструкции с образом соответствующего слова

¹ Авторы, естественно, используют собственную терминологию.

при образовании понятий; 2) создание вербальных определений понятий; 3) замену чувственных репрезентаций реальности их вербальными моделями и даже 4) построение вербальных концептов.

Психическая конструкция превращается в концепт только после ассоциации ее с образом соответствующего слова, то есть концепт — это всегда и только значение определенного слова. Некоторые лингвисты, однако, расширяют рамки понятия *концепт*, отождествляя его фактически с любой психической конструкцией. З. Д. Попова и И. А. Стернин (2007б, с. 51), например, считают, что концепт не обязательно должен иметь название в форме слова или устойчивой языковой конструкции из слов, то есть «он может иметь словесное выражение, а может и не иметь его» (там же). По их мнению (2007, с. 301), существует много невербализованных концептов. Причиной вербализации/невербализации концепта является лишь его востребованность для обмена информацией между говорящими.

Авторы уверены (2007б, с. 54 и 66–67), что очень многие, если не большинство, концептов не имеют обозначений в языке, так как обслуживают сферу индивидуального мышления, поэтому их бывает трудно обнаружить. Они утверждают, что надежный способ обнаружения невербализованных концептов — сравнение языков, позволяющее выявить концепты, не имеющие переводных соответствий в одном из языков. Авторы (с. 54) полагают, что языковые средства необходимы не для существования, а лишь для сообщения концепта. Они дискутируют со своими оппонентами (А. П. Бабушкиным, Г. Г. Слышкиным, С. Г. Воркачевым, С. В. Кузлякиным и другими исследователями), справедливо считающими, что концепт обязательно должен быть назван словом, иначе нельзя говорить о существовании концепта.

З. Д. Попова и И. А. Стернин (2007, с. 34–35) пытаются доказать, что существует много концептов, которые не имеют устойчивого названия, но при этом их концептуальный статус не вызывает сомнения. По их мнению, есть, например концепт и слово «молодожены», но нет слова «старожены», хотя «такой концепт в концептосфере народа, несомненно, есть» (там же).

Точка зрения данных авторов лишь подтверждает тот факт, что **в человеческом сознании существуют и активно используются множество психических конструкций, не имеющих названий, то есть не обозначающихся словами, хотя они тоже играют роль репрезентаций реальности. И все же лишь наиболее важные из таких конструкций обозначаются словами, то есть представляют собой концепты.** Психические конструкции, не имеющие названия, крайне сложно исследовать, так как их почти невозможно выделить среди прочих психических феноменов и изолированно рассматривать. Гораздо легче изучать психические конструкции, обозначаемые словами, — концепты.

Заслужой авторов является то, что они обнаружили с помощью анализа разных языков психические конструкции, которые в одном языке получили обозначение, то есть превратились в концепты, тогда как в другом не получили обозначения и статуса концептов.

З. Д. Попова и И. А. Стернин (с. 85–86) в качестве подтверждения своей точки зрения пишут, что:

- нет, например, понятий для обозначения таких сущностей, как «ледяная дорожка на тротуаре, по которой можно, разбежавшись, прокатиться зимой»; «говорить умные вещи»; «сухое вещество, собирающееся в уголке глаза»; «тот, кто раньше с нею был» (В. Высоцкий) и др.;
- есть, например, специалисты по разведению животных: кролиководы, животноводы, овцеводы и т. д., но нет понятий для обозначения специалистов по разведению воробьев, носорогов и крыс, поскольку эти профессии не востребованы.

То, что авторы перечисляют в первом пункте, изначально, то есть до появления этих построенных авторами фраз, не было репрезентировано концептами, а представляло собой лишь преимущественно чувственные репрезентации окружающей реальности. Причем репрезентации, не достигшие в человеческом сознании статуса сущностей.

В первом пункте авторы выделили и сформировали с помощью языковых конструкций репрезентации неких новых сущностей, «возведенных» авторами «в ранг» новых объектов окружающего мира. Как и бесчисленное множество других подобных «потенциально возможных» сущностей, до момента своей концептуализации, то есть выделения и обозначения словом, они были чувственно репрезентированы в сознании как нечто присутствующее в окружающем мире в качестве чувственного фона. Но они не были конституированы сознанием в качестве фигур — объектов этого мира, так как не были выделены и обозначены. Они не имели статуса концептов, потому что общество не сочло необходимым соответствующие сущности выделять, обозначая их особыми именами.

Относительно второго пункта: дело тоже не в том, что нет обозначения для подобных «специалистов», а в том, что в реальности нет таких специалистов. И именно поэтому нет и соответствующих концептов. Если бы в окружающем мире были подобные специалисты, то, вероятнее всего, появилась бы и потребность в их обозначении, а следовательно, и соответствующие репрезентирующие их редуцированные понятия. **Формирование новых сущностей в сознании и обозначение их новыми словами происходит** в абсолютном большинстве случаев **не по произволу людей, их желанию или нежеланию, а в силу необходимости.**

О появлении нового концепта можно говорить только тогда, когда общество признало существование некоей сущности, репрезентируемой психической конструкцией, которая обозначена новым словом. До этого речь может идти только о психических конструкциях, лабильных, не выделяемых людьми среди прочих своих психических конструкций, а следовательно, не очень важных. Е. С. Кубрякова (1991, с. 95), например, совершенно справедливо утверждает, что слова самим фактом своего существования в языке отражают концентрирование внимания человека на определенном объекте и существенность для него этого объекта по тем или иным причинам. Я дополню, что **именно образы слов маркируют важные для людей психические конструкции, превращая их в заметные всем и потенциально доступные теперь передаче между людьми концепты.**

Новый концепт появляется, когда у общества возникает потребность выделить и обозначить некую новую, имеющую для него значение сущность. Ее конституирование или конструирование осуществляется в результате ассоциации психической конструкции, репрезентирующей новую сущность, и образа специально созданного для ее обозначения слова. Если у людей отсутствует необходимость в выделении такой новой сущности, то репрезентируемая чувственной психической конструкцией «предсущность» остается частью фона человеческого восприятия, не превращаясь в самостоятельную фигуру восприятия. Соответственно, она не трансформируется в чувственный концепт, потому что никому не интересна и никто из людей не стремится ее обозначить словом.

Приведенные З. Д. Поповой и И. А. Стерниным (2007, с. 85–86) в качестве примеров чувственно репрезентируемые элементы реальности не превратились в объекты, так как не важны для людей или не настолько важны, чтобы для них были созданы и закреплены в языке обозначающие их слова. Никто из людей, по крайней мере в нашей культуре, не удосужился присвоить им названия, то есть завершить образование соответствующих концептов и понятий. Это сделали впервые З. Д. Попова и И. А. Стернин, и лишь для того, чтобы использовать их в качестве аргументов в дискуссии. Фактически авторы вербально конституировали с помощью специальных языковых конструкций новые объекты.

Но напомним, что до этого действия исследователей у нас не было соответствующих концептов и конституированных ими объектов. Как нет, например, таких конституируемых мной сейчас объектов: текущие с крыши во время дождя струйки воды; один лист, оставшийся зимой на дереве; вбитый в доску забора гвоздь, от которого по доске тянется вниз ржавый след; не закрытый в морозы шпингалет на окне, из-за которого на стекле замерзает иней, и т. п.

Повторю, что соответствующие «недоконституированные» психические конструкции, репрезентирующие окружающий мир, которые мы имеем в изобилии, превращаются в концепты лишь тогда, когда ассоциируются в сознании человека с образами обозначающих их слов. Но и этого недостаточно. **Конституирование предмета с помощью модели-репрезентации и нового слова возможно** даже не в результате того, что он получает обозначение, а **лишь в результате того, что общество принимает новый предмет и обозначающее его слово в качестве новой сущности реальности.**

Следовательно, можно создать вербальную конструкцию, репрезентирующую, например, некую физическую сущность вроде «скользящей ледяной дорожки...» (см. выше). Но не обязательно соответствующая чувственная репрезентация или эта вербальная конструкция превратятся в итоге в концепт, даже если кто-то обозначит их новым словом, например, «трополед» или «ледянушка». Необходимо принятие обществом данной сущности, этого концепта и соответствующего слова и их распространение в объективной психической реальности общества.

Я, например, обозначил такой, казалось бы, важный для общества феномен, как безразличие матери к собственному новорожденному ребенку, назвав его синдромом Крона¹ (С. Э. Поляков, 2004) по имени титана (Сронос), отца олимпийских богов, который глотал собственных детей. Но за прошедшие 12 лет не обнаружил ни одного признака принятия обществом этого концепта и его использования.

Итак, любая, даже устойчивая психическая конструкция превращается в концепт только после ее ассоциации с образом определенного слова и ее принятия обществом в качестве репрезентации новой сущности.

Сказанное верно и для чувственных, и для вербальных психических конструкций. Наличие обозначающего слова позволяет отличать вербальные психические конструкции, представляющие собой концепты, от просто вербальных конструкций, даже репрезентирующих нечто новое в реальности. Первые отличаются от вторых тем, что, во-первых, всегда репрезентируют в сознании сущности, которые данное общество выделяет и считает важными. Во-вторых, они являются концептами определенных понятий и в качестве таковых распространены в сознании множества людей, а обозначающие их слова включены в язык общества.

В некоторых случаях одна вербальная конструкция может выступать как вербальный концепт, то есть конструировать некую сущность, а другая — как сложное понятие, состоящее из образов нескольких слов, обозначающих данный концепт. Например: «Силы быстрого реагирования — это

¹ Правильнее было бы назвать его синдромом Кроноса, чтобы не путать с существующим в медицине синдромом Крона.

воздушно-десантные войска, предназначенные для высадки с воздуха в тылу противника или для быстрого развертывания в географически удаленных районах». Здесь первая часть — сложное понятие, а вторая — вербальный концепт.

Редуцированное понятие — это нечто вроде психического ярлыка для концепта, но в то же время самостоятельный психический феномен и единица мыслительной деятельности. Ярлык делает возможным выделение концепта из прочего психического содержания и его использование. А. Д. Шмелев (2012, с. 308) совершенно справедливо замечает, что показателем наличия в культуре того или иного концепта является наличие языковой единицы, кодирующей данный концепт.

Концепты индивидуального сознания, будучи ассоциированными с образами слов, через слова непосредственно связаны с языком общества, то есть индивидуальное сознание непосредственно связано с intersубъективным пространством языка. В свою очередь, **через язык общества можно получить доступ к концептам индивидуального сознания.** Всякий концепт всегда частично вербализован уже потому, что он обязательно ассоциирован с образом хотя бы одного обозначающего его слова. **Образ слова выделяет концепт из прочего психического содержания сознания и делает узнаваемым для человека.** Собственно, поэтому мы его называем концептом, а не просто репрезентирующей что-то психической конструкцией.

§ 6. Слово — понятие — концепт

Слова — это сравнительно простые искусственные физические объекты, легко создаваемые людьми с целью коммуникации между собой. Человек способен произносить их за секунды, произвольно менять их форму, а главное — связывать их образы в своем сознании с репрезентациями других, несравнимо более сложных физических и психических сущностей.

Слово является таким же объектом физической реальности, как и любой другой звук, поэтому человеческое сознание создает и модели-репрезентации воспринимаемых им слов. Они представляют собой либо мономодальные — слуховые (у детей и взрослых, не владеющих письменностью), либо даже тактильные — у слепых, либо бимодальные (слуховые и зрительные) психические конструкции, состоящие из образов воспоминания и представления слов.

Поскольку слова — физические объекты, то образы представления и воспоминания слов, известных человеку и имеющих для него смысл, соотносятся со словами так же, как образы представления и воспоминания предметов соотносятся с этими предметами. Однако слова — не простые

объекты, а объекты-знаки, поэтому образы слов являются носителями дополнительного значения или замещающими аналогами сущностей, обозначаемых данными словами.

Надо признать, что за 100 лет, прошедших после выхода в свет книги Ф. де Соссюра (2001), никто лучше него так и не написал о соотношении слова, понятия и концепта: «Отправная точка акта речевого общения находится в мозгу одного из разговаривающих, скажем А, где явления сознания, называемые нами понятиями, ассоциируются с представлениями языковых знаков, или с акустическими образами, служащими для выражения понятий. Предположим, что данное понятие вызывает в мозгу соответствующий акустический образ — это явление чисто психического порядка, за которым следует физиологический процесс: мозг передает органам речи соответствующий образу импульс, затем звуковые волны распространяются из уст А к ушам В — это уже чисто физический процесс. Далее процесс общения продолжается в В, но в обратном порядке: от уха к мозгу — физиологическая передача акустического образа; в мозгу — психическая ассоциация этого образа с соответственным понятием» (2001, с. 15). «...Единица языка есть нечто двойственное, образованное из соединения двух компонентов. ...Языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ. ...Мы предлагаем сохранить слово “знак” для обозначения целого и заменить термины “понятие” и “акустический образ” соответственно терминами “означаемое” и “означающее”...» (с. 27–28).

Написанное автором верно. Удивительно только то, что оно не привлекло внимания психологов¹. Рассмотрим сказанное им на конкретном примере, используя предложенную мною терминологию. Допустим, вы собираетесь с друзьями выпить чаю. Чайник закипел. Вы его выключили и вербализуете чувственную репрезентацию реальности в форме вербальной конструкции, состоящей из двух редуцированных понятий — *чайник* и *готов*. Вам надо передать ее друзьям, находящимся в других комнатах. Ваш речевой аппарат трансформирует ее в конструкцию языковую, которую вы произносите. Далее происходит физический процесс передачи звуковых волн к ушам слушателей, воспринимающих уже слуховые образы

¹ То, что эти слова не привлекли внимания психологов, легко доказывается, например, цитатой из современного руководства по психологии, выдержавшего полтора десятка изданий. Так, Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. пишут: «Порождая речь, мы начинаем с мысленного проговаривания, как-то переводим его в предложение и в завершение создаем звуки, выражающие это предложение. При понимании речи мы начинаем с восприятия звуков, затем к звукам в форме слов присоединяем значения, объединяем слова, создавая предложение, после чего как-то извлекаем из него высказывание» (Введение в психологию, 2003, с. 360).

Данная цитата свидетельствует, что прошедшие 100 лет ничего не добавили к пониманию данных процессов в психологии, скорее, наоборот, убавили.

ваших слов. В их сознании появляются два тех же самых редуцированных понятия — *чайник* и *готов*, которые либо понятны сами по себе, либо немедленно актуализируют в сознании слушателей знакомые им чувственные концепты, представляющие собой преимущественно зрительные и слуховые образы представления и воспоминания вскипевшей в чайнике воды.

Этот удивительный механизм позволяет нам как бы обмениваться с окружающими собственным психическим содержанием. Особую роль в этом «переносе» играют слова языка и их образы, то есть редуцированные понятия.

Но как собеседникам удастся «синхронизировать» в процессе коммуникации собственное уникальное психическое содержание, если оно в принципе никому, кроме его «владельцев», не доступно?

Субъективные чувственные концепты, репрезентирующие один и тот же предмет, в нашем случае чайник, унифицируются двумя путями: через общий для всех людей элемент окружающей «реальности в себе», сходно конституируемый сознанием каждого человека в виде чувственной репрезентации чайника, и через другой общий элемент окружающей «реальности в себе», тоже сходно конституируемый каждым сознанием в виде чувственной репрезентации строго определенного слова — «чайник». Получается, что благодаря словам общего языка дополнительно происходит как бы двойная унификация каждого обозначаемого в языке предмета.

Ж. Деррида отмечает, что слово как бы растворяется в обозначаемом им предмете: «Не только означающее и означаемое кажутся сливающимися в единство, но в этом смешении означающее как бы растворяется, становится прозрачным, чтобы позволить концепту предстать самому таким, каков он есть без отсылки к чему-либо другому, кроме своего присутствия. Внешность означающего предстает редуцированной» (2007, с. 29).

Думаю, что исходя из этого не менее логичным, может быть, было бы вообще рассматривать редуцированное понятие как часть концепта, способную его полноценно замещать, а не как самостоятельную по отношению к концепту сущность. Данное обстоятельство определяется исключительно предпочтениями исследователя.

Кстати, непонятно, как следует называть образ восприятия слова, значение которого нам неизвестно. Образ восприятия неизвестного слова нельзя расценивать уже как редуцированное понятие, так как редуцированное понятие — это образ воспоминания и представления известного нам слова.

Если собеседники, владеющие общим языком, слышат одно и то же слово, в их сознании немедленно актуализируются унифицированные,

то есть сходные, концепты, репрезентирующие предмет, обозначаемый данным словом. Соответственно, произнесение слова одним человеком и восприятие его другим человеком как бы сопровождается передачей психического содержания. **Использование людьми в своем мышлении образов общих для них слов — редуцированных понятий — в максимально возможной степени нивелирует многообразие их субъективных чувственных репрезентаций, замещаемых этими понятиями.**

Конечно, каждое сознание сохраняет множество субъективных чувственных нюансов, что делает любой концепт в принципе индивидуальным и особенным. Однако, как справедливо замечает П. А. Сорокин (1992, с. 49), если бы у людей формы символизации и объективации психической жизни были различны, то общение между ними было бы невозможно.

Надо признать, что выделение редуцированных понятий и концептов внутри полных понятий — это в определенной степени результат произвольных действий исследователя¹, так как в сознании присутствуют единые психические конструкции, репрезентирующие те или иные сущности. Эти конструкции включают в себя и образы слов, обозначающих сущности, репрезентируемые концептами, и сами концепты.

Тезисы для обсуждения

1. Термином «полное понятие», или просто «понятие», предлагается обозначать репрезентирующий некую сущность концепт, ассоциированный с образом обозначающего эту сущность слова, а термином «редуцированное понятие» — слуховой или зрительный образ, способный замещать собой в мышлении данное понятие в целом.
2. Концепт — это разновидность психической конструкции, являющейся значением слова, обозначающего некую сущность реальности. Концепт несет комплексную информацию об этой сущности, выражая представления людей о мире, отмеченные этнокультурной спецификой.
3. Ментальные образы слов (редуцированные понятия) «маркируют» психические конструкции, превращая их в заметные для людей концепты, потенциально доступные теперь унификации и как бы передаче между людьми. Редуцированное понятие — это не просто нечто вроде «ярлыка» для концепта. Оно является самостоятельным психическим феноменом и важнейшим структурным элементом человеческого мышления.
4. Способность редуцированных понятий замещать собой в сознании обозначаемые ими концепты позволяет сознанию использовать в процессе

¹ Без этого, однако, было бы невозможно понимание психических явлений.

мышления вместо громоздких и уникальных концептов слуховые и визуальные образы простых искусственных объектов — слов. Это унифицирует субъективные чувственные концепты, репрезентирующие у разных людей один и тот же элемент «реальности в себе».

5. Понятия создаются сознанием для репрезентирования сущностей окружающего мира и самого сознания; являются инструментами и формой проявления сугубо человеческого мышления, облегчая и упрощая его; обеспечивают коммуникацию людей, актуализируя сходное психическое содержание (сходные концепты) в сознании участников коммуникации; обеспечивают унификацию психического содержания сознания разных людей и построение в их сознании сходной картины мира; обеспечивают негенетическое наследование преимущественно вербальной картины мира.
6. Новое понятие появляется не в результате того, что репрезентирующая что-то психическая конструкция получила обозначение, а вследствие того, что у общества возникла потребность в выделении и обозначении некой новой сущности реальности. Ее конституирование или конструирование осуществляется путем выделения из прочего психического содержания или создания нового концепта и обозначения его новым словом.
7. Только ассоциируясь с образом слова, психическая конструкция становится концептом и как бы включается в результате этого через данное слово в сферу общего для людей языка, приобретая потенциальную возможность трансляции с помощью слов от человека к человеку и негенетического наследования. В свою очередь, через язык общества можно получить доступ к концептам индивидуального сознания. Не бывает концептов, не ассоциированных с ментальными образами соответствующих слов и якобы существующих независимо от языка.
8. Человек, воспринимающий известные ему слова, понимает их так же немедленно и непосредственно, как и образы восприятия знакомых ему предметов.
9. Вербализация — это замена субъективного чувственного психического содержания сознания вербальными образами, то есть редуцированными понятиями и конструкциями из них, а также репрезентирование недоступной восприятию человека реальности с помощью вербальных конструкций.
10. Только вербализованное психическое содержание сознания способно передаваться другим людям путем его экстерииоризации человеком в форме языковых конструкций с их последующей интерииоризацией сознанием других людей. Невербализованное содержание сознания субъекта не может стать достоянием кого-либо еще.

1.2.2. Концептуализация реальности

§ 1. Мы познаем мир не предметно, а сущностно

Широко известен и давно принят в гуманитарных науках и в психологии тезис о том, что человек познает мир предметно. Э. Кассирер пишет: «Мы... познаем не “предметы” — это означало бы, что они раньше и независимо определены и даны как предметы, — а предметно, создавая внутри равномерного течения содержаний опыта определенные разграничения и фиксируя постоянные элементы и связи» (2006, с. 348).

Действительно, благодаря возникающим в нашем сознании моделям-репрезентациям предметов мы приобретаем знание о мире и начинаем воспринимать его, понимая то, что воспринимаем. Как говорил П. Жане, воспринимать кресло — это значит не просто видеть предмет, а видеть предмет, в который можно сесть (цит. по: Ж. Пиаже, Б. Инельдер, 1963, с. 24). Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 311) тоже полагает, что вещи сами по себе не обладают бытием. Бытие вещей рождается лишь в том случае, когда человек, сталкиваясь с вещами, вынужден считаться с ними, решать, что с ними делать, чего от них ожидать и т. п.

Однако, как мне кажется, наше сознание познает реальность даже не предметно. Оно конституирует и конструирует вокруг себя и в себе самом сущности. Предметы — это все-таки нечто исключительно физическое, тогда как сознание сущностно познает не только физический мир, но и социальный и даже психический. **Окружающую реальность в целом сознание репрезентирует сущностно, а доступную восприятию реальность — еще и предметно, и вещественно.** Чувственные репрезентации конституируют вокруг нас проницаемую в разной степени для нашего тела (газообразную, жидкую и твердую) вещественную среду, которую наше сознание трансформирует в отдельные сущности.

Даже когда возможности чувственного репрезентирования реальности исчерпываются, сознание на основе отрывочных данных восприятия продолжает строить вербальные репрезентации уже умозрительных сущностей. Вербально конституированные и сконструированные сущности не столь очевидны и бесспорны, как чувственно конституированные сознанием предметы. Их условно можно разделить на сущности, которые, как представляется здравому смыслу, имеются в физической реальности, скорее всего, присутствуют там и вымышленные.

Что такое сущность? Б. Рассел (2001, с. 217) замечает, что понятие *сущность* представляется ему бестолковым и лишенным точности. Автор во многом прав, но это понятие необходимо для целей нашей работы в качестве удобного конструкта. Если пытаться определять это понятие,

исходя из внешнего мира, то оно действительно не определяемо. Однако подобное универсальное понятие полезно, так как привлекает наше внимание к создаваемым сознанием и доступным исследованию объектам сознания.

Я понимаю сущности как единичные и самостоятельные объекты сознания, которые оно либо выделяет из потока чувственных репрезентаций «реальности в себе», либо создает на основе отрывочных чувственных репрезентаций с помощью вербальных конструкций. Первые оно рассматривает в качестве предметов физического мира. Вторые пытается поместить в этот мир как странные и не совсем обычные его элементы, если и не предметы, то по крайней мере объекты окружающего мира.

Таким образом, сущности — это создаваемые сознанием чувственные и вербальные репрезентации фрагментов «реальности в себе», помещаемые им в окружающий мир в качестве отдельных, самодостаточных и самостоятельных элементов этого мира, то есть предметов, явлений, свойств, действий и других объектов. Это нечто конституируемое или конструируемое сознанием с помощью его собственных репрезентаций в качестве элементов реальности, или ее частей, нечто вроде «субстанций» Аристотеля или «видов» Т. Куна (см. Примечание 6).

У. Матурана (1995, с. 97–98) считает, что для наблюдателя нечто является сущностью, когда он может описать ее, то есть перечислить ее актуальные и потенциальные взаимодействия и отношения. Описать какую-либо сущность наблюдатель может лишь в том случае, если имеется по крайней мере еще одна сущность, от которой он может отличить первую, наблюдая взаимодействия или отношения между ними. На роль второй сущности годится любая сущность, даже сам наблюдатель. Сущность может быть выделена, если у нее есть некоторая область взаимодействий, которая включает в себя даже взаимодействия с наблюдателем.

Итак, сущность — это то, что сознание конституирует или конструирует, помещая в свою картину мира в качестве чего-то очевидно самостоятельного и отграниченного от прочих сущностей, которые оно же во множестве создает. В качестве сущности может выступать и нечто безусловно реальное для человека, например некий чувственно репрезентируемый предмет или социальный объект, или психическое явление, и даже нечто лишь вероятно присутствующее, по мнению создателя соответствующей сущности, в реальности и, наконец, нечто явно вымышленное¹ им.

Сущность всегда репрезентируется с помощью концепта и обозначается особым словом. Сформированная человеком сущность совсем не обязательно понятна в полной мере даже ему самому, то есть создателю

¹ Например, кольцо Всевластия.

репрезентирующего ее концепта, а поэтому часто аморфна и плохо доступна вербализации. Но сущность всегда присутствует, с точки зрения ее создателя, в реальности (физической, психической, социальной, вымышленной и т. д.) в качестве чего-то самостоятельного и отдельного как от человека, так и от других сущностей.

Понятие *сущность* обозначает наиболее общее, наиболее умозрительное и абстрактное нечто, сформированное сознанием для того, чтобы репрезентировать что-то выделяемое им, неважно даже, в какой именно реальности. Следовательно, категория *сущность* включает в себя все, что обозначается, например, понятиями *объект, явление, свойство, действие* и пр. Кстати, в языке не только объекты и явления, но и свойства, и действия, и даже отношения и состояния часто обозначаются существительными, то есть обозначаются как объекты, или сущности. Например, «электропроводность», «растворимость», «посещаемость», «любовь», «противостояние», «перемирие», «изготовление», «чтение», «депрессия», «перестройка», «задумчивость» и т. д.

Сущность — это не обязательно что-то физическое. Существует множество социальных, психических, вымышленных, трудно квалифицируемых и даже не подлежащих квалификации сущностей. *Является ли сущностью, например, круглый квадрат?* С одной стороны, его существование в физической реальности невозможно. С другой стороны, он сконструирован сознанием и присутствует в нем в качестве отдельной сущности, то есть он имеется, пусть и в вымышленной сознанием реальности.

Сущности имеют референты в реальности. Многие сущности сознание просто помещает в окружающий физический мир. Например, физические объекты. Одни конституированные человеческим сознанием сущности имеют очевидные всем референты в реальности. Они могут быть как физическими, так и психическими. Самый наглядный пример психических сущностей — человеческая психика. Другие сконструированные сознанием сущности столь же явных референтов в реальности не имеют. Например, душа. Причем нет заметных феноменологических различий между психическими конструкциями, которые репрезентируют реальные, как представляется здравому смыслу, сущности, и теми, которые репрезентируют псевдосущности, отсутствующие в той реальности, куда их помещает человеческое сознание.

Есть интересные данные о том, что человек на разных этапах своего филогенетического развития концептуализировал одни и те же аспекты реальности по-разному, выделяя в них разные сущности, и свидетельства этого можно обнаружить в языке. В частности, Е. Я. Режабек и А. А. Филатова (2010, с. 273–274) утверждают, например, что первобытный человек концептуализировал реальность не так, как это делает человек современный.

По словам авторов, человек не сразу пришел к тому, что не все предметы активны и активность присуща им в разной степени, что одни предметы меняются, другие — неизменны. По их мнению, в тотемном сознании имя действия еще не отделялось от имени предмета и не превратилось в глагол. Если считать действие изменчивым признаком предмета, то все признаки осознавались человеком как изменчивые. И у него не было основания отличать глагол от прилагательного и существительного.

Авторы считают, что в примитивном сознании все признаки предмета, если рассматривать его как вместилище признаков, были недифференцированными. Языковые формы выступали как протосуществительные, протоглаголы, протоприлагательные. Все концептуализированные сущности были активны. Они выделялись и осознавались как акторы¹. Не было оснований для разграничения субъекта и объекта действия. Не было субъектно-объектной конструкции предложения, имена действия отождествлялись с именами предметов.

Е. Я. Режабек и А. А. Филатова (с. 274–276) приводят данные из современного языкознания, из которых можно заключить, что даже в некоторых современных языках сохранились архаичные языковые формы, позволяющие проводить аналогии с тем, что ранее присутствовали во всех языках. Они пишут: «В гиляцкой фразе *təvilagan veurd* (“эта большесобака бегохороша”) налицо два разделительных комплекса: *təvilagan* — “эта большесобака” и *veurd* — “бегохороша”. Во фразе тундренного диалекта одульского языка *kude-d-ilen-gezil* (“человеко-олене-принесение”) разница между именем и глаголом неуловима. Аналогична по строю фраза чукотского языка “ты-валя-мна-ркын” (“я-ноже-точение-делание”)» (с. 275).

Описываемые авторами (с. 274–276) странные словоформы они называют инкорпорированными комплексами и рассматривают как самостоятельную языковую единицу, занимающую промежуточное положение между словом и предложением. По их мнению, «инкорпорированный комплекс» отличается от словосочетания своей морфологической цельностью. В нем закодировано нерасчлененно-размытое восприятие мира. Он репрезентирует мир расплывчато-смазанно, поэтому не позволяет отличить и обозначить действие предмета отдельно от самого предмета.

Из сказанного авторами напрашивается вывод, что еще относительно недавно наши предки концептуализировали мир совсем не так, как это делаем мы, и выделяли даже в доступной восприятию реальности не совсем

¹ «Актор... — термин римского и немецкого права, означающий лицо, осуществившее какое-либо действие или создавшее определенное состояние, виновника или руководителя чего-либо» (Актор: справ. ст. [Электронный ресурс]: Правотека: портал правовой помощи. — Режим доступа: <http://pravoteka.ru/encyclopedia6900/>).

те сущности, которые выделяем мы. Больше того, как свидетельствуют авторы, и сейчас рядом с нами живут народы, которые выделяют в том же окружающем нас мире сущности, не вполне совпадающие с нашими. Народы, которые не сформировали еще или вовсе не сочли нужным формировать сущности (действия и объекты, аналогичные нашим), и не имеют в своем языке слов для их обозначения.

Е. Я. Режабек и А. А. Филатова (с. 284–285) утверждают, что расчленение существительных и прилагательных было затяжным процессом и захватило даже эпоху античной культуры классического периода. В эпоху архаической культуры более важным был не концепт естественной причинности, а концепт «вины» перед невидимыми силами, позволявший ответить на вопрос: кто повинен в событии, кто за него ответственен. По их предположениям, магически нагруженному сознанию было трудно разграничить субъекта (каузатора) и объект действия. Человек концептуализировался лишь как восприниматель действия, разворачивавшегося из-за вмешательства невидимых и неведомых сил. Упор делался на предопределенность поведения человека. В силу «вложенности» поступков в поведение человека объект выступал в роли псевдокаузатора.

Авторы (с. 282–283) полагают, что архаическое сознание далеко не сразу осмыслило, что хоть что-то может совершаться по воле самого человека и без вмешательства высшей силы. Не сразу был усвоен, а соответственно, и концептуализирован даже тот факт, что состояние «сидеть» или «лежать» инактивно, а состояние «идти» — активно. Например, чтобы встать и пойти, не нужно распоряжения свыше, а требуется лишь привести себя в движение, затратив собственные силы на выход из сидячего положения. Иное понимание реальности и иная ее концептуализация вели, естественно, к построению и обозначению иных концептов, по-другому репрезентирующих реальность.

Лишь спустя продолжительное время концептуализация реальности и человека в ней изменилась таким образом, что стало допускаться вмешательство самого человека в жизнь вещей и явлений природы, сам человек стал осознаваться как каузатор, то есть мыслиться в субъектной, а не в объектной роли. Стали складываться представления о естественной, а не о магической причинности событий и их рациональные объяснения.

К чему я сделал такой длинный экскурс в, казалось бы, совершенно иную область знания? Его целью была демонстрация того, что **в процессе развития человечества могут меняться сущности, выделяемые сознанием в окружающем мире. Привычные нам сегодня сущности еще относительно недавно вовсе отсутствовали, а вместо них в сознании присутствовали иные. Даже те сущности, которые мы сегодня рассматриваем в качестве физических объектов, их действий и свойств, — это сравнительно недавнее приобретение человечества.**

Г. Г. Шпет (2010, с. 136–137) тоже пишет об изменении человеческой концептуализации реальности с течением времени. Он указывает, что, встречаясь с явлением, человек непременно предполагает, что за ним скрывается некое существо, которое и руководит им. Это первоначальная стадия развития человека, которая может быть характеризована как стадия теологическая. По мере расширения своего опыта человек убеждается, что никаких существ за явлениями, с которыми он встречается, нет. Тогда он предполагает, что за явлением скрыто не существо, а некая неизменная сущность, которая и руководит им. Человек уверен, что задачей науки является раскрытие этой сущности. Это вторая стадия развития человека — метафизическая. Наконец, человек освобождается от предрассудков и предположений о наличии каких-либо сущностей за явлениями и начинает понимать действительность только как совокупность явлений. Появляется возможность настоящего научного позитивного объяснения мира. Таким образом, человек в своем развитии постепенно переходит от стадии теологической к стадии позитивной.

Мне представляется, что создание сущностей — это естественная и необходимая форма психического функционирования человека, не очень зависящая от стадий развития человечества. Мы не можем прекратить создавать сущности. То, что мы «видим» за явлениями сущность, облегчает нам понимание окружающего мира, так как упорядочивает и упрощает для нас этот мир. Мы научились теперь не только вычленять, создавать и обозначать сущности, но еще и эффективно их классифицировать и обобщать. В результате у нас появились новые более общие и совсем умозрительные сущности: явления, объекты, действия и т. д., наконец, появилось само понятие *сущность*.

Появление сущностей тесно связано с формированием концептов и возникновением понятий. *Как и почему у людей появились понятия?*

Л. С. Выготский (2005а, с. 298–299) вспоминает анекдот, приведенный А. Гумбольдтом, о том, как простолудин, слушая разговор студентов-астрономов о звездах, обратился к ним с вопросом: «Я понимаю, что с помощью всяких приборов людям удалось измерить расстояние от Земли до самых отдаленных звезд и узнать их расположение и движение. Но мне хотелось бы знать, как узнали названия звезд?» Он предполагал, что названия звезд можно было узнать только от них самих.

Я думаю, что и сейчас множество людей не представляют, что это именно человек концептуализирует мир, создавая в нем те или иные сущности, как доступные, так и недоступные восприятию, и обозначает их новыми словами. **Сознание с помощью создаваемых им концептов выделяет или формирует сущности, так как появление сущностей упрощает мир и облегчает его понимание. Но если концепты, репрезентирующие предметы, их свойства и действия, возникают в сознании произ-**

вольно, как бы естественным образом просто в результате восприятия окружающего мира, и человеку остается лишь обозначить их новыми словами, то концепты, репрезентирующие сущности, недоступные восприятию, сознание формирует произвольно и целенаправленно.

Для репрезентирования такого рода сущностей сознание создает специальные вербальные конструкции, или вербальные концепты, которые конституируют или конструируют эти сущности. Следовательно, речь надо вести уже не о протекающем естественным путем процессе образования понятий, а о специальных усилиях человека, направленных на выделение некоей новой умозрительной сущности в окружающем мире путем формирования в сознании репрезентирующей ее конструкции из уже известных человеку понятий.

А. Бергсон (2006а, с. 171) полагает, что «концепты столь же стабильны, как предметы, по образцу которых они создаются». За этим высказыванием автора стоит древнее заблуждение здравого смысла, подспудно доминирующее до сих пор в объективной психической реальности и в сознании многих людей. Его можно сформулировать так: все концепты и понятия создаются сознанием в результате восприятия окружающего мира и обнаружения в нем предметов и других сущностей. Истинность этого положения не вызывает у большинства людей сомнения, так как с детства мы усваиваем понятия, которыми задолго до нашего появления на свет обозначались и окружающие нас предметы, и все прочие сущности.

Следовательно, сущности эти, как и предметы, «достались» нам в «готовом виде». Как и предметы, они уже до нашего рождения «пребывали в мире», так как были созданы и уже использовались нашими предшественниками задолго до нашего появления. И мы поэтому не делаем различий между сущностями разного вида, то есть между предметами, естественным образом формируемыми нашим собственным сознанием, с одной стороны, и прочими сущностями, интериоризируемыми нашим сознанием из сознания окружающих нас людей, — с другой.

Для нашего здравого смысла и предметы, и все прочие сущности присутствуют в мире независимо от людей. В любом случае большинство людей уверены, что предметы и прочие обозначаемые понятиями сущности первичны, а сами понятия — вторичны. Но это отнюдь не так. Старое убеждение здравого смысла о том, что понятия создаются для обозначения объектов реальности, верно лишь отчасти. Понятия понятиям рознь.

Одни из них действительно формируются на основе сенсорных моделей-репрезентаций предметов, возникающих независимо от воли воспринимающего окружающий мир человека, а потому как бы присущих этому миру. Тогда как другие формируются лишь в результате целенаправленного построения человеком вербальных концептов, потому что сознание

способно сформировать вербальный концепт, чтобы репрезентировать некую новую сущность: реальную, возможную или вымышленную, но зачем-то сознанию необходимую или чем-то ему удобную.

Так как первыми у человека возникают концепты, являющиеся моделями-репрезентациями предметов окружающего мира, то с точки зрения здравого смысла очевидно и естественно, что и другие концепты, даже сконструированные сознанием из вербальных символов, репрезентируют сущности, имеющиеся в окружающем мире. Отсюда рукой подать до утверждения, что понятия создаются сознанием для репрезентирования и обозначения предметов и сущностей, присутствующих в окружающем мире. И все же это не так. Именно сознание создает множество сущностей в форме репрезентирующих их вербальных концептов и помещает их в окружающий мир, обозначая, например, словами: «производство», «распространение», «порядок», «иерархия», «условие», «самостоятельность», «методика» и пр. и пр.

Понятия, формируемые с помощью вербальных концептов, репрезентируют, в частности недоступные восприятию сущности «реальности в себе». Нередко они настолько умозрительны, что лишь аналогия с понятиями, репрезентирующими предметы, заставляет здравый смысл привычно утверждать, что и здесь сознание «открывает» в «реальности в себе» глубоко скрытые в ней сущности. Хотя в действительности сознание ничего не «открывает», а лишь формирует, например, умозрительную сущность А, хотя могло бы с таким же успехом сформировать альтернативные сущности В или С. Например, конструирует микрочастицы, хотя может в качестве альтернативы предложить квантовые струны.

Недаром Э. Кассирер (2002а, с. 12–13), например, утверждает, что основополагающие понятия науки, средства, которыми она ставит свои вопросы и формулирует свои выводы, являются не пассивными отражениями реальности, а созданными самим человеком интеллектуальными символами.

Скажу иначе: не понятия (и концепты) создаются в этом случае человеческим сознанием для обозначения и представления в нем якобы присутствующих в окружающем мире сущностей, а сознание создает концепты и понятия, с помощью которых пытается репрезентировать себе окружающую реальность в форме сущностей. Причем многие созданные сознанием сущности просто выдуманы им.

Но вернемся к вопросу о причине появления понятий (и концептов). Сознание их создает, вероятно, потому, что пытается организовать исходно аморфную непрерывную и постоянно меняющуюся окружающую «реальность в себе» в виде множества взаимосвязанных и устойчивых сущностей.

Сначала сознание создает сущности, используя в виде концептов собственные чувственные репрезентации элементов «реальности в себе» — практически готовые сущности (предметы и явления, их действия и свойства), нуждающиеся лишь в обозначении. Исчерпав возможности чувственного репрезентирования, сознание начинает создавать новые сущности с помощью репрезентирующих их вербальных концептов, представляющих собой вербальные конструкции. Рассмотрим эти механизмы.

§ 2. Что такое концептуализация реальности

А. А. Павлова пишет: «Концептуализация предполагает простое выделение некоторых минимальных единиц человеческого опыта (так называемое *profiling* по Р. Лэнекеру...) и предшествует их категоризации, то есть объединению в более крупные разряды (Кубрякова...)» (А. А. Павлова, 2004, с. 53).

З. Д. Попова и И. А. Стернин (2007, с. 121) рассматривают концептуализацию как выбор сознанием некоторой отдельной области, сферы действительности, осмысление ее, выделение ее отличительных признаков и подведение ее под определенный класс явлений; результатом концептуализации является формирование концепта — мысленного отражения выделенных признаков данной области реальности.

Такой объективистский подход может быть относительно приемлем лишь при концептуализации предметов физического мира, но не приближает нас к пониманию того, что такое концептуализация реальности, недоступной восприятию. Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 454) замечает, что до И. Канта никто не попытался разобраться в том, что мышление не копия и не придаток реального, а операция над ним, «хирургическое вмешательство» в реальность.

Л. В. Стародубцева (1998, с. 344) приводит слова Г. Риккерта, писавшего, что, образуя рациональные понятия, мы в непрерывной последовательности однородной действительности «делаем как бы прорезы, превращая ее непрерывность в дискретность». Она же сообщает (1998, с. 344), что и А. Бергсон говорил «о “ножницах восприятия”, которыми познание фрагментирует мир, осуществляя как бы “вырезку из протяженной непрерывности” и делая тем самым наше мышление “кинематографичным”, подобным череде отдельных, сменяющих друг друга разрезанных кадров действительности, у которой как бы отнимается присущее ей качество “сплошности”».

Дж. Келли (2000, с. 157) полагает, что мы пытаемся отыскать в текущем мимо нас нерасчлененном потоке событий что-то повторяющееся. Как только мы абстрагировали такое качество, у нас появляется основание удерживать кусочки реальности для осмотра и оперирования ими.

Я добавлю, что это и есть начало концептуализации реальности. По словам Дж. Келли (с. 73), человек должен выделить повторяемые темы, «фразировать» свой опыт в этом однообразном потоке, который только после этого начинает обретать для него смысл. Он (с. 74) пишет, что событие становится повторением другого события, только если мы готовы признать абстрагированное сходство этих двух событий: например, корова и лошадь превращаются в двух домашних животных, только если мы готовы принять абстракцию «тоже животное» применительно к каждому члену этой пары.

В качестве примера концептуализации Дж. Келли (с. 73) рассматривает понятие *день*. Каждый день отличается от всех других. Концепт дня выстраивается вдоль непрерывного потока времени как нечто в чем-то похожее на другие дни и тем не менее легко отличимое от мгновений и лет. Когда событиям положены начала и концы, а их сходства и различия истолкованы, появляется возможность попытаться предсказать их, так же как человек предсказывает, что завтра наступит следующий день.

По словам автора, предсказывается не то, что завтрашний день будет копией сегодняшнего, а то, что у данного события есть повторяемые аспекты, появления которых можно с уверенностью ожидать в будущем. Истолковывая повторения событий, человек антиципирует их в будущем. Он создает структуру, в которой субстанция принимает определенную форму или обретает смысл. Таким образом, не субстанция, которую он истолковывает, порождает структуру, а сам человек.

Мне представляется, что человеческое сознание старается концептуализировать повторяющиеся аспекты прошлого в форме репрезентирующих эти аспекты реальности собственных психических инвариантов. Такими инвариантами являются, например, физические объекты, их свойства и действия.

Дж. Лакофф использует яркую метафору для объяснения и иллюстрирования процесса концептуализации. Он (2004, с. 401–402) отмечает, что в соответствии с объективистской метафорой концептуальные системы — это «мясники», а реальность — «туша, приготовленная для разделки». Культуры отличаются лишь способом, которым они «разрезают природу». Концептуальная система якобы лишь хорошо или плохо выполняет задачу «разрезания природы» по «стыкам, суставам». Даже по-разному концептуализируя реальность, она только выбирает различные «стыки» для того, чтобы «разрезать природу» вдоль них.

Согласно этой метафоре концептуальные системы могут «разрезать природу» на «большие или мелкие куски», использовать «тупой инструмент» или же «рапиру». Но они не могут создавать новые соединения, поскольку все соединения даны в реальности заранее, объективно, раз и навсегда. Концептуальная система точна, если она четко находит «суставы»

в природе (хотя она, конечно, не может найти их все), и неточна, если она «не попадает по суставу и бьет по кости или по пустому месту». Автор (с. 402) справедливо указывает, что такой взгляд оставляет за пределами рассмотрения, например, концепты, которые являются продуктом человеческого воображения.

Я лично считаю, что метафора «туши», которую «разделяют по естественным анатомическим границам», если и применима очень условно, то лишь к чувственно воспринимаемой части «реальности в себе», так как сознание не «открывает (обнаруживает) и не выделяет», как утверждает объективизм, а формирует сущности в реальности, используя собственные чувственные репрезентации. Сущности же, вообще недоступные восприятию, сознание просто создает с помощью своих вербальных конструкций, а затем помещает в физическую реальность.

Сам Дж. Лакофф (с. 412) справедливо полагает, что концепты существуют только в силу своей связи с каким-либо существом, а концептуальная система представляет собой функционирующую структуру. По его (с. 435–437) мнению, все люди обладают врожденной способностью концептуализации и существуют альтернативные концептуальные системы. Автор (с. 446) считает, что особенности концептуальной системы человека зависят от человеческой природы и человеческого опыта. И никакие потенциальные места «разрезов» в реальности не предусмотрены, хотя, действительно, в какой-то мере, возможно, они предпочтительнее для того, чтобы делить в них реальность на части, элементы или сущности. Что лишь человек решает в конечном счете, как пойдет «разрез» и какие концепты будут выделены из «туши реальности».

Дж. Лакофф (с. 167–168) указывает, что человек может создавать разные варианты репрезентирования и объяснения себе одних и тех же аспектов реальности. Что и делает, создавая разные народные и научные теории и по-разному концептуализируя реальность в медицине, политике, экономике и т. д. Разные варианты концептуализации часто не согласуются друг с другом. Например, многие люди имеют два способа понимания того, что такое электричество, представляя его то как непрерывный поток жидкости, текущий подобно воде, то как облако электронов, движущихся как люди в толпе. Причем одну модель люди используют при решении одних проблем, а другую — при решении других, так как эти модели противоречат друг другу и дают разные результаты в эксперименте.

Автор (с. 172) отмечает, что защитники альтернативных теорий концептуализации трактуют как единственно «объективно истинную» и универсально приложимую только свою, хотя должны были бы рассматривать обе теории лишь в качестве идеализированных когнитивных

моделей, каждая из которых может использоваться для определенных целей.

Обсуждая вопрос о локализации различий в концептуализации, Дж. Лакофф пишет (с. 412), что одни исследователи помещают эти различия в «язык», в конкретные слова, морфемы и грамматические конструкции. Другие полагают, что различия находятся в области мысли. Некоторые исследователи считают, что не может быть мышления, независимого от языка, другие убеждены, что язык представляет собой всего лишь инвентарь произвольных этикеток для мыслей. Существует и смешанный подход, сторонники которого, признавая независимость системы мышления от ее словесного выражения и синтаксиса, полагают тем не менее, что сами слова представляют собой форму концептуальной категоризации.

Я считаю, что **концептуализация реальности протекает на двух уровнях. На чувственном уровне сознание выделяет из однородного потока перцептивных репрезентаций «реальности в себе» сходные повторяющиеся элементы и конституирует из них чувственные психические инварианты, репрезентирующие доступные восприятию сущности реальности.** Затем оно обозначает эти сущности специально создаваемыми словами, представляя в качестве предметов окружающего мира, их свойств и действий.

Далее, используя отрывочные данные восприятия, то есть чувственные репрезентации доступных восприятию сущностей, а также аналогии, выстраиваемые мышлением, сознание создает вербальные конструкции, конституирующие или даже конструирующие более сложные физические, социальные и даже психические сущности, которые также обозначает новыми словами.

Концептуализацию следует отличать от усвоения человеком имеющихся в объективной психической реальности концептов. **Концептуализация — это всегда и только выделение или формирование и обозначение кем-то из людей новой сущности в окружающем мире или даже в вымышленной человеком реальности.** Создание такой новой сущности происходит обычно в процессе осмысления человеком собственных репрезентаций новых, неизвестных пока человечеству аспектов реальности.

Концептуализация новой грани реальности происходит по-разному. Исследователь может просто обозначить новым словом возникшую естественным путем, то есть непроизвольно сформированную его сознанием, чувственную репрезентацию будущей сущности, а может вербально сконструировать фактически из ничего, то есть на основе отрывочных и косвенных чувственных репрезентаций, новую сущность, обозначить

ее и поместить затем в окружающий мир. И эти разные репрезентации способны одинаково успешно существовать в человеческом сознании, представляя разные сущности «реальности в себе». **Концептуализация**, таким образом, **зависит не только от реальности, но и от человека**.

Не касаясь вновь проблемы реальности предметов, якобы существующих в мире вне и независимо от человеческого сознания, лишь напомним, что они как раз и конституируются человеческим сознанием чувственно, но обязательно с использованием обозначающих их слов. Таким образом, концептуализация нового предмета происходит не только вследствие возникновения в сознании исследователя модели-репрезентации данной сущности, но, главное, в результате связывания этой модели-репрезентации с образом обозначающего данный предмет слова.

Концептуализируя окружающий мир по-своему, то есть особым, характерным только для него способом, конкретное общество помещает в мир и вымышленные им сущности. Например, оно может населить мир духами природы, как делали наши предки в далекой древности, или нечистой силой, как делали наши предки относительно недавно. Мы и сами сейчас создаем множество умозрительных сущностей, отсутствующих в окружающем предметном физическом мире — от математических и естественно-научных до социальных и психических.

У. Куайн (2010, с. 121) указывает, что, говоря о мире, мы сразу накладываем на него определенную концептуальную схему, присущую нашему собственному языку. Тем не менее мы способны выйти за рамки этой созданной нашим обществом концептуальной схемы. Мы можем постепенно изменять ее, несмотря на то что, кроме самой этой эволюционирующей концептуальной схемы, у нас нет ничего, что могло бы обеспечить нам репрезентирование реальности. Совершенствуя свою концептуальную схему, мы продолжаем зависеть от нее как от средства и формы репрезентирования реальности и не можем отделить ее от реальности, чтобы объективно сравнить с неконцептуализированной реальностью.

Автор (с. 121) пишет, что О. Нейрат удачно сравнил задачу изменения заданной нам предками концептуальной схемы с задачей матроса, который должен перестраивать свой корабль в открытом море. Мы можем совершенствовать свою концептуальную схему, продолжая зависеть от нее как от опоры. Но мы не можем отделить себя от нее и объективно сравнить ее с неконцептуализированной нами реальностью. Поэтому он считает бессмысленным исследовать корректность концептуальной схемы как зеркала реальности. И полагает, что стандартом для оценки концептуальной схемы должен быть не стандарт соответствия ее реальности, а стандарт прагматический — позволяет ли она нам эффективно действовать в реальности.

Окружающую реальность сознание способно концептуализировать разными путями, то есть создавать в рассматриваемой области мира разные группы альтернативных сущностей. Причем не один-единственный, а многие из этих путей могут быть эффективными с точки зрения адаптации человека к «реальности в себе».

Г. Бейтсон (2000, с. 420), например, обращает внимание на принципиально разные возможности даже глобальной концептуализации реальности. Ссылаясь на работу К. Юнга «Семь наставлений мертвым», которую тот написал «от имени» Василида Александрийского (первая половина II в. н. э.), Г. Бейтсон (с. 420–421) пишет, что К. Юнг рассматривает два фантастических мира — плерому и креатуру. Плерома — мир, где причиной событий являются силы и импульсы и где нет «отличительных черт». Плерома ничего не знает о различиях и отличиях. В креатуре же эффекты вызываются именно различиями. Мы можем изучать и описывать плерому, однако отличительные черты, которые мы зарисовываем, всегда приписываются плероме нами. Когда же мы изучаем и описываем креатуру, мы должны корректно идентифицировать те различия, которые эффективно действуют в ней.

Таким образом, автором представлены два разных в своей основе варианта концептуализации реальности. В первом она концептуализируется с выделением двух главных групп сущностей — сил и импульсов. Во втором — с выделением в ней других, более привычных современному западному человеку главных групп сущностей — отличительных черт.

Убедиться в возможности принципиально разной концептуализации реальности можно и сравнивая, например, так называемое мифологическое сознание представителей примитивных племен с сознанием современного человека. Глобально концептуализируя окружающий мир, мы выделяем в нем объекты и явления, их свойства, отношения и действия, реже — события и некоторые другие сущности. Представители примитивных племен концептуализировали мир иначе, выделяя в нем множество сил и одушевленных сущностей (см., например: Л. Леви-Брюль (1999), К. Леви-Стросс (2001), Б. Малиновский (1998) и др.).

Возможны и иные в своих базовых основаниях варианты глобальной концептуализации реальности. Так, в соответствии с доминирующей в современной науке парадигмой, человек живет в предметном физическом мире. Предметы, или материальные объекты, действуют, то есть порождают события. Следовательно, они первичны, а события — вторичны. Но, оказывается, можно концептуализировать ту же реальность иначе. Ф. П. Рамсей (2011, с. 129) пишет, что А. Уайтхед, например, рассматривал материальные объекты как прилагательные событий, в которых они имеют место.

Дж. Келли (2000, с. 53) приводит частный пример разной концептуализации причины движений человека в психологии. По его словам, объясняя, почему человек движется, одни исследователи (сторонники теории толчка) предполагали, что каждый стимул — это результирующий вектор всех прошлых стимулов, взятых вместе. Он и объясняет направление движения человека. Другие исследователи (сторонники теории тяги) предполагали, что каждая возникающая у человека потребность уже несет в себе особым образом направленную тенденцию.

Примеры разной концептуализации психической реальности обсуждает и М. Г. Ярошевский (1985, с. 227–228), рассматривая представления В. Вундта и Ф. Brentano. Оба считали предметом психологии сознание и интерпретировали его с позиций интроспекционизма. Но В. Вундт рассчитывал выяснить состав сознания, его сенсорную в своей основе «фактуру». Ф. Brentano же полагал, что задача психологии состоит в тщательном описании не содержания сознания, а связанных с ним актов, действий или внутренних операций. Исходным для Ф. Brentano являлось понятие не об элементе сознания, а об акте сознания, благодаря которому эти элементы становятся объектами осознания.

Надо сказать, что вообще **история науки представляет собой собрание ярких примеров разной концептуализации одних и тех же аспектов реальности**. Это хорошо иллюстрируют работы Т. Куна, изучавшего революции в науке.

В качестве примера разной концептуализации физического мира можно привести системы Аристотеля и современной физики. Как пишет Т. Кун (2014, с. 23–29), материя для Аристотеля — некий несущественный нейтральный субстрат, присутствующий повсеместно, а не только там, где находится тело. Следовательно, пустота, вакуум невозможны. В некоторых местах материя, подобно губке, впитывает в себя определенные качества — теплоту, влажность, цвет и т. д., превращаясь в конкретные тела. Одна и та же материя теряет одни качества и приобретает другие, то есть изменения связаны с появлением и исчезновением качеств, а не с изменениями материи. Одним из таких качеств оказывается положение объекта, которое, подобно влажности или сухости, может изменяться, когда объект движется или его двигают. Локальное движение для Аристотеля тоже является изменением качества или состояния, а не состоянием самим по себе, как у И. Ньютона. И именно рассмотрение движения как изменения качества позволяет Аристотелю объединить его с остальными видами изменения — например, с превращением желудя в дуб или болезни в здоровье.

Система Аристотеля — это стройная совокупность взаимосвязанных концептов и построенных из них теорий мироустройства, которые были

впоследствии разрушены и заменены новой системой концептов и теорий в физике Г. Галилея и И. Ньютона. Т. Кун обращает внимание на принципиально важное обстоятельство: «В случае с Аристотелевой физикой нельзя было просто открыть, что вакуум возможен или что движение есть состояние, а не изменение состояния. Должна была одновременно измениться целостная картина различных сторон природы» (с. 41).

Другими словами, необходимо было прежде по-другому представить себе реальность и сформировать в ней иные сущности. Из приведенных Т. Куном данных следует, что **для того, чтобы построить новую научную теорию, нельзя просто посмотреть на окружающий мир «внимательнее», чем смотрели до тебя, и открыть, то есть обнаружить там, что-то новое.** Тем более если эта область плохо доступна восприятию или недоступна ему вовсе. **Необходимо прежде иначе концептуализировать ту же область реальности, то есть сформировать новые концепты, репрезентирующие в ней новые сущности, которые меняют репрезентированную реальность, и уже из них строить новую теорию,** что и сделал, например, И. Ньютон в физике.

Термин «открытие» в научной литературе имеет сегодня несколько основных значений. «Совершить открытие» означает: 1) сделать явным элементы «реальности в себе», доступные восприятию, но еще неизвестные людям (географические и астрономические открытия и т. д.); 2) представить в виде законов, фактов, знаний области «реальности в себе», недоступные восприятию в принципе (открытие закона всемирного тяготения, сверхпроводимости, микрочастиц и т. д.); 3) создать новые сущности — то, чего еще не было вообще (изобретение письменности, пороха, парового двигателя и т. д.).

Доминирующие в науке объективистские представления, однако, игнорируют то очевидное обстоятельство, что теперь открытие в науке — это в большинстве случаев не выявление в форме законов, фактов, знаний чего-то уже существующего в природе. Это формирование исследователем на основе косвенных данных восприятия и собственного воображения новых сущностей и последующее помещение их в окружающий мир.

Т. Кун (2014, с. 41) указывает, что при нормальном протекании изменений в науке (например, открытие закона Бойля) в теории что-то исправляют или добавляют какое-то обобщение, а остальное сохраняется прежним. При революционном изменении (например, открытие законов И. Ньютона) сразу исправляется значительное число взаимосвязанных обобщений. Революционные перемены в науке, по его (с. 21) словам, связаны с открытиями, которые нельзя совместить с ранее используемыми понятиями. Чтобы сделать такое открытие, человек должен изменить сам способ мышления и описания реальности.

Согласно Т. Куну (с. 45), важнейшей характеристикой научных революций является изменение включенного в язык знания о природе. Этим изменениям должны предшествовать описания и обобщения. Например, чтобы сделать частью науки пустоту или бесконечное прямолинейное движение, требуются не только наблюдения, но и отчеты, которые можно сформулировать лишь после изменения языка описания. Искажение или ломка старого научного языка являются важнейшим показателем научной революции. Т. Кун (с. 167) пишет, что революции прямо замещают некоторые старые фундаментальные понятия данной области другими понятиями.

То, что Т. Кун называет заменой фундаментальных понятий, и есть иная концептуализация реальности. А. Эйнштейн, например, отказался от многих концептов И. Ньютона, хотя и сохранил их прежние названия.

В качестве примера эффективности разной концептуализации физической реальности можно привести сообщение П. Фолькмана (2010, с. 25) о М. Фарадее. М. Фарадей — самоучка без школьного образования, слушал лекции Х. Дэви. В результате он по-своему понял и трактовал произведенные на лекциях опыты. М. Фарадей создал собственные научные концепты (и понятия), при помощи которых начал делать одно открытие за другим. При обсуждении электрических явлений он решил вопрос действия на расстоянии при помощи образного представления некоторого электротонического состояния промежуточной среды, через которую эти действия передаются.

Другими словами, М. Фарадей предложил свой оригинальный вариант концептуализации реальности, который оказался более удачным и дал блестящие результаты.

Итак, иная концептуализация реальности в науке обычно сопровождается сменой научных теорий.

Неразрешимая научная проблема может исчезнуть, как только порождающая ее неадекватная концептуализация данной части реальности будет пересмотрена и будут созданы новые сущности. Дж. Келли (2000, с. 50–51) пишет, например, о том, что конструкт «энергия» (читай — концепт и понятие *энергия*) вызвал большие трудности, когда был перенесен в психологию из физики, где играл важную роль. Психологи не могли решить, что же именно приводилось в движение энергией: представления или люди — и что служило носителями энергии, подстрекавшей эти инертные объекты к действию. Можно было приписать энергетические свойства элементам окружения человека, назвав их стимулами. Или приписать энергетические свойства различным сторонам самого человека, которые были названы потребностями.

По словам Дж. Келли (с. 53), проблема была решена только после того, как исследователи сменили конструкт, моделирующий ситуацию

в целом. Вместо того чтобы обсуждать инертный объект, следовало в качестве отправной точки формулирования психологической теории постулировать процесс и активный организм. В результате полемика по поводу того, что побуждает инертный организм к действию, потеряла смысл.

Концептуализация тесно связана с вербализацией. Вербализировать, то есть описать словами, один и тот же элемент окружающего мира по-разному могут не только ученые. Все мы постоянно делаем это на протяжении своей жизни. Думаю, каждый легко может вспомнить моменты, когда, например, одни и те же события реальности вы описывали и трактовали так, а другие люди — совершенно иначе, что приводило к взаимному непониманию и, возможно, даже к конфликтам.

В качестве примера разной вербализации реальности можно привести известную притчу (цит. по: М. А. Розов, 1998, с. 123) о строительстве собора в Шартре. Трех человек, кативших тачки с камнями, спросили, что они делают. Первый сказал: «Тачку тяжелую качу». Второй сказал: «Зарабатываю хлеб семье». Третий ответил: «Я строю Шартрский собор!» Хотя все они делали одно и то же.

Поскольку, во-первых, именно окружающий нас предметный физический мир играет в нашей жизни важнейшую роль, а во-вторых, именно физики первыми осознали, что изучаемые наукой физические сущности они не находят в окружающем мире, а формируют сами, предлагаем рассмотреть известные из истории науки примеры конкретной концептуализации именно физических сущностей. Мы знаем физические сущности двух типов — доступные и недоступные восприятию. С концептуализацией первых все относительно просто, так как наши модели-репрезентации практически конституируют окружающие нас предметы. Сознанию остается лишь обозначить их словами, и у нас появляются предметы, их свойства и действия.

С концептуализацией физических сущностей, недоступных восприятию человека, все гораздо сложнее. К этим сущностям я не отношу объекты, в принципе доступные восприятию, пусть и опосредованному, например, черные дыры или бактерии. Я рассматриваю здесь лишь сущности, само присутствие которых в окружающем мире подтверждается либо только косвенными данными восприятия, либо вообще тем, что их постулирование позволяет исследователям предсказывать результаты будущих экспериментов, которые действительно подтверждаются в процессе проверки.

Нет необходимости подробно рассматривать историю концептуализации физических сущностей и лишь кратко коснусь наиболее значимых и сильно различающихся подходов к концептуализации двух основополагающих сущностей физики — времени и пространства. Их история демонстрирует то, как радикально меняется научная картина мира при

изменении концептов, репрезентирующих только эти объекты. Причем меняется вне зависимости от того, есть ли эти сущности на самом деле в «реальности в себе», или они представляют собой лишь конструкции человеческого сознания.

Многие люди уверены в справедливости расхожего мнения о том, что можно видеть ход времени, например, в бегущих стрелках часов, в мелькающих на циферблате цифрах, отсчитывающих секунды, или в движениях предметов. Столь же очевидным представляется здравому смыслу зрительно репрезентируемое пространство нашего восприятия, частично занимаемое окружающими нас предметами. Таким образом, нельзя не признать, что в формировании понятий *время* и *пространство* наши чувственные репрезентации играют важную роль. И тем не менее ни время, ни пространство не являются воспринимаемыми нами сущностями. Эти сущности люди конституировали вербально, хотя и на основе множества чувственных репрезентаций.

Д. Беркли считает, что времени и пространства в качестве сущностей физической реальности нет, но, поскольку эти гипотетические сущности уже концептуализированы человеком, их следует обсуждать. Что он и делает: «...Время есть ничто, если абстрагировать от него последовательность идей в нашем духе...» (1978, с. 182). «...Последовательность идей образует время...» (с. 492). «...Все его (пространства. — *Авт.*) атрибуты отрицательны, или негативны. Таким образом, оказывается, что это есть просто ничто. Единственное несущественное затруднение состоит в том, что оно протяженно, а протяженность — положительное качество. ...Уберите из абсолютного пространства само название, и от него ничего не останется ни в чувстве, ни в воображении, ни в интеллекте. ...То есть пространство ничто» (с. 345).

И. Ньютон впервые с научной четкостью концептуализирует время, пространство, движение и многие другие сущности, которые он без колебаний рассматривает в качестве объектов физического мира: «I. Абсолютное, истинное математическое время само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно и иначе называется длительностью... II. Абсолютное пространство по самой своей сущности, безотносительно к чему бы то ни было внешнему, остается всегда одинаковым и неподвижным... III. Место есть часть пространства, занимаемая телом, и по отношению к пространству бывает или абсолютным или относительным. Я говорю “часть пространства”, а не положение тела и не объемлющая его поверхность» (2013, с. 30–31).

Г. Лейбниц разделяет позицию Д. Беркли и критикует И. Ньютона. Он рассматривает время и пространство как идеальные мысленные образования: «Я неоднократно подчеркивал, что считаю пространство, так же как и время, чем-то чисто относительным: пространство — порядком существования, а время — порядком последовательностей» (1982, с. 441).

Однако представления И. Ньютона завоевывают всеобщее признание в научном мире вследствие бесспорного успеха сформулированных им физических законов.

По словам Э. Маха (2011, с. 211), И. Ньютон превосходно сумел отыскать понятия и принципы, которые были достаточно надежны, чтобы можно было на них строить физическую науку дальше.

Я полагаю, что **И. Ньютон сумел построить целый ряд новых преимущественно вербальных концептов, опирающихся на чувственные репрезентации и иллюстрируемых ими. Данные концепты репрезентируют признаваемые автором сущности физической реальности, которые позволяют к тому же применять физические измерения. Используя новые сущности и данные их физических измерений, И. Ньютон построил непротиворечивые физические теории — вербальные модели физической реальности, эффективно прогнозирующие ее возможные изменения.** Из этого, однако, не следует, что нельзя было создать совершенно иные вербальные концепты, репрезентирующие альтернативные базовые физические сущности, которые столь же, а может быть, и более эффективно смогли бы представлять нам физическую реальность.

Кстати, по авторитетному мнению Э. Маха (2011, с. 211), Х. Гюйгенс примерно тогда же осуществил альтернативную концептуализацию физической реальности и, используя иные физические сущности, создал свою физическую теорию, которая почти случайно уступила теории И. Ньютона. Э. Мах (2011, с. 213) обсуждает и другой вариант концептуализации основных сущностей физической реальности, предложенный уже Г. Герцем. По его словам, в зависимости от исходных концептов исследователей можно по-разному, но одинаково правильно смоделировать одну и ту же физическую реальность, то есть с помощью иных понятий (и сущностей) построить столь же верные физические законы.

Следует отметить, что Э. Мах оказался прав, так как А. Эйнштейн в итоге создал очередную концептуализацию физической реальности и физическую теорию, которая оказалась эффективнее концептуализации и теории И. Ньютона. В связи с этим следует заметить, что **борьба альтернативных вариантов концептуализации, а значит, альтернативных сущностей и теорий, имеет место во всех областях не только физики, но и науки вообще.** Однако вернемся к пространству и времени.

Через несколько десятилетий после И. Ньютона И. Кант по-своему концептуализирует время и пространство: «Время есть необходимое представление, лежащее в основе всех созерцаний... время дано а priori... Все явления могут исчезнуть, само же время (как общее условие их возможности) устранить нельзя» (1994, с. 55). «Время есть не что иное, как форма внутреннего чувства, то есть созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния» (с. 56). «Пространство не есть эмпирическое понятие, выво-

димое из внешнего опыта... представление о пространстве должно уже заранее быть дано для того, чтобы те или иные ощущения были относимы к чему-то вне меня... Пространство есть необходимое априорное (внутреннее. — *Авт.*) представление, лежащее в основе всех внешних созерцаний» (с. 50).

Как мне кажется, по мнению автора, время — это особая чувственная репрезентация нас самих и нашего внутреннего состояния, предшествующая всякому нашему чувственному опыту, то есть восприятию. Пространство же — особая внутренняя форма всех наших чувственных репрезентаций, в которой только и возможны для нас сами эти чувственные репрезентации. Такая форма исходно присуща человеку и как человеческая способность дана в нашей психике раньше всех переживаемых нами восприятий, то есть — априори. Еще более важно следующее утверждение И. Канта: «...само это пространство и время, а вместе с ними и все эти явления суть сами по себе не вещи, а только представления и не могут существовать вне нашей души...» (с. 306).

Таким образом, И. Кант прямо говорит, что время и пространство — это особые конструкции человеческого сознания. Складывается странная ситуация. Одни великие находят время и пространство в окружающем нас мире. Другие не находят их там, обнаруживая лишь в человеческом сознании. *Как же связаны между собой сущности окружающего мира и человеческое сознание?*

По-видимому, первым среди физиков о природе репрезентируемых концептами физических сущностей задумался Э. Мах. Он (2011, с. 426) рассматривает понятия *масса, сила, атом* в качестве «средств мышления физики», вся задача которых заключается только в том, чтобы экономно упорядочить опыт в нашем сознании. Э. Мах указывает, что мы не должны считать эти интеллектуальные вспомогательные средства, которыми мы пользуемся для репрезентации мира в нашем мышлении, основами действительного мира. Но отмечает, что большинство естествоиспытателей приписывают им реальность, выходящую за пределы мышления, полагая, что эти понятия обозначают настоящие, подлежащие исследованию сущности окружающего мира.

То есть Э. Мах понимает, что все сущности, которыми оперирует физика, созданы человеком, а не обнаружены исследователями в окружающем мире. Он пишет: «Все положения и понятия физики представляют собой не что иное, как сокращенные указания на экономически упорядоченные, готовые для применения данные опыта. ...Вследствие краткости своей они часто получают вид самостоятельных сущностей» (2011, с. 164).

Задолго до А. Эйнштейна, которому в современной научной литературе приписывают эту заслугу, Э. Мах отказывается принимать реальность существования «абсолютных» физических сущностей И. Ньютона

(абсолютного времени, пространства и движения): «...в приведенных здесь рассуждениях Ньютон изменяет своему намерению исследовать только фактическое. Об абсолютном пространстве и абсолютном движении никто ничего сказать не может; это чисто абстрактные вещи, которые на опыте обнаружены быть не могут» (с. 191). «В физиологическом отношении время и пространство суть системы ориентирующих ощущений, определяющих вместе с чувственными ощущениями возбуждение биологически целесообразных реакций приспособления. В отношении физическом время и пространство суть особые зависимости физических элементов друг от друга» (Э. Мах, 2003, с. 402). «...Время есть абстракция, к которой мы приходим через посредство изменения вещей...» (2011, с. 187).

В статье, написанной по случаю кончины Э. Маха, А. Эйнштейн пишет: «Понятия, которые оказываются полезными при упорядочении вещей, легко завоевывают у нас такой авторитет, что мы забываем об их земном происхождении и воспринимаем их как нечто неизменно данное. В этом случае их называют “логически необходимыми”, “априорно данными” и т. п. Подобные заблуждения часто надолго преграждают путь научному прогрессу» (1967а, с. 28).

А. Эйнштейн (2008, с. 327) также указывает, что наука является не коллекцией законов, а созданием человеческого разума с его свободно изобретенными идеями и понятиями. Он (2002, с. 13–14) предлагает свою принципиально иную концептуализацию аспектов «физической» реальности, которые до него связывались в науке с сущностями, обозначаемыми понятиями *пространство* и *время*. Он отвергает концепты И. Ньютона, но не принимает и альтернативные концепты его оппонентов. Сохранив прежние термины «пространство» и «время», А. Эйнштейн создает новые концепты, то есть наполняет эти термины иным содержанием.

Поначалу А. Эйнштейн отказывается рассматривать пространство и время как физические сущности, присутствующие в «физической» реальности до человека и независимо от него: «Под давлением фактов физики были вынуждены низвергнуть их (пространство и время. — *Авт.*) с Олимпа априорности, чтобы довести их до состояния, пригодного для использования» (с. 13). «Земная кора играет настолько важную роль в нашей повседневной жизни при определении относительных положений тел, что это привело к абстрактному понятию пространства, которое, конечно, не выдерживает критики» (там же).

Время для него тоже «всего лишь иллюзия» (цит. по: С. Тейлор, 2010, с. 167).

В 1932 г. в статье «Замечания о новой постановке проблем в теоретической физике» А. Эйнштейн пишет: «В настоящее время известно, что наука не может вырасти на основе одного только опыта и что при постро-

ении науки мы вынуждены прибегать к свободно создаваемым понятиям, пригодность которых можно а *posteriori* проверить опытным путем. Эти обстоятельства ускользали от предыдущих поколений, которым казалось, что теорию можно построить чисто индуктивно, не прибегая к свободно-му, творческому созданию понятий. Чем примитивнее состояние науки, тем легче исследователю сохранить иллюзию по поводу того, что он будто бы является эмпириком. Еще в XIX в. многие верили, что ньютоновский принцип — *hypotheses non fingo* («гипотез не изобретаю». — *Авт.*) — должен служить фундаментом всякой здравой естественной науки. В последнее время перестройка всей системы теоретической физики в целом привела к тому, что признание умозрительного характера науки стало всеобщим достоянием» (А. Эйнштейн, 1967, с. 167).

Если читатель решит, что это высказывание А. Эйнштейна как-то повлияло на развитие психологии в части теории концептов и понятий, то я его разочарую. Никак не повлияло, хотя прошло почти 100 лет.

Как я отмечал, поначалу А. Эйнштейн вообще отказывается считать пространство и время физическими сущностями. Но, приняв геометрическую конструкцию Г. Минковского, объединяющую в одно целое пространство и время, он уже был не столь уверен в физическом отсутствии пространства: «...Закон инерции, по-видимому, вынуждает нас приписать пространственно-временному континууму объективные свойства» (2002, с. 63).

В конечном счете А. Эйнштейн (с. 173) отождествляет пространство с гравитационным полем, имеющим четырехмерную систему координат. Тем не менее его позиция в отношении пространства остается противоречивой, так как, даже отождествляя пространство со свойством гравитационного поля, он (2008, с. 64–65) не исключает возможности существования пространства и в тех местах Вселенной, где вовсе нет гравитационного поля. М. Каку (2008, с. 50) отмечает, что пространство и время у А. Эйнштейна перестали быть статичной сценой, стали важной составляющей жизни, приобрели динамичность, начали изгибаться и извиваться причудливым образом. Сцена превратилась в батут и стала столь же важной, как и актеры.

Эйнштейновские концепты, обозначаемые понятиями *пространство* и *время*, сохраняют неоднозначность, что отмечают и другие исследователи. Если Б. Рассел (цит. по: А. Н. Леонтьев, 1965, с. 287), например, указывает, что теория относительности дала физике основания для отрицания пространства, хотя оставляет открытым вопрос о возможности абсолютного пространства-времени, то Б. Грин (2009, с. 71), например, уже прямо говорит, что пространство-время является абсолютной физической сущностью, что разные наблюдатели «нарезают» его различными

способами, но само оно, «подобно буханке хлеба, имеет независимое существование».

Я не собираюсь, естественно, углубляться в вопрос о том, что собой представляют пространство и время в физике. Для нас важно лишь то, что исследователям так и не удалось определить, присутствуют ли они в физическом мире или же представляют собой лишь не очень успешно концептуализированные сущности, до сих пор вызывающие вопросы и сомнения в своем наличии в реальности.

Нам было бы достаточно мнения Э. Маха и А. Эйнштейна, чтобы признать, что **сущности, обозначаемые базовыми понятиями физики, не следует искать в окружающем нас мире**. Но о том же пишут и другие выдающиеся исследователи. М. Борн (1973, с. 114–115), например, считает, что большинство физиков — наивные реалисты, которые не ломают голову над философскими тонкостями и довольствуются наблюдением явления, измерением и описанием его обычным языком, расцветченным специфическими терминами.

Автор указывает, что уже в первой физической теории — ньютоновой механике — появляются понятия вроде *силы, массы и энергии*, которые не соответствуют обычным вещам. Далее такая тенденция становится все более отчетливой. В максвелловской теории электромагнетизма появилась концепция поля, совершенно чуждая миру непосредственно ощущаемых вещей. В физике начинают превалировать количественные законы в виде математических формул типа уравнений Максвелла. В квантовой механике математический формализм получил полное и успешное развитие еще до того, как была найдена какая-то словесная интерпретация этой теории на бытовом языке. Причем и поныне идут нескончаемые споры о такой интерпретации.

Из комментариев М. Борна (с. 117, 126–129) следует, что базовые сущности физики не были выведены исследователями непосредственно из опыта, а являются чистыми идеями, результатами творчества. Однако использование данных сущностей дало возможность объяснить и предсказать результаты множества экспериментов.

Н. Бор считает, что предложенная им модель атома находится в вопиющем противоречии со всеми постулатами классической физики, но это кажущееся противоречие — на самом деле не что иное, как ясное и весомое доказательство символического характера фундаментальных физических понятий (цит. по: Э. Кассирер, 1995, с. 143–144).

У. Куайн (2010, с. 77–78) тоже полагает, что физические объекты концептуально вводятся в ситуацию в качестве удобных посредников просто как постулируемые сущности, вроде богов Гомера. Он замечает, что сам лично как профессиональный физик верит в физические объ-

екты, а не в гомеровских богов. Но физические объекты и боги различаются только по степени, а не по природе, так как и те и другие входят в нашу концепцию только в качестве культурных постулатов. Миф о физических объектах лучше большинства других только тем, что доказал большую свою эффективность, чем другие мифы в качестве нашего инструмента.

У. Джеймс (цит. по: М. Каку, 2008, с. 61) пишет, что многие современные физики (речь, естественно, идет о последней четверти XIX в.) рассматривают такие понятия, как *материя, масса, атом, эфир, инерция, сила*, не в виде отображений скрытой реальности, а в качестве интеллектуальных орудий, рабочих гипотез. Эти понятия в их глазах представляют собой простые условные обозначения, подобно «килограмму» или «ярду».

Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 428) полагает, что для физика его мир не реальность. Идеи физика кажутся ему истинными, но он прекрасно знает: в реальности не существует того, что утверждает его теория.

Я, конечно, не стал бы столь уверенно утверждать это про всех физиков. Многие из них и сейчас не вполне понимают, что изучаемые ими физические сущности отсутствуют в физической реальности. Недаром Э. Кассирер замечает: «Данная Планком сжатая формулировка критерия физической предметности в том, что все, что доступно измерению, также и существует, с точки зрения физики вполне самодостаточна...» (2009, с. 13).

Г. Шпет тоже отмечает: «Я имел случай указывать, что для работы физика совершенно безразлично, понимает ли он название атома как реальность или как нереальность. Но практически физики склонны его понимать именно как реальность, и это действительно облегчает их работу. Психология имеет то преимущество, что здесь не нужно гипостазировать, а только признать, что действительно мы имеем дело с реальностью, потому что мы здесь познаем явления, которые нам непосредственно даны» (2010, с. 180).

Тем не менее меня весьма волнует тот факт, что по поводу недоступных восприятию сущностей реальности мало задумываются психологи.

В заключение хочу обратить внимание на важное обстоятельство. Несмотря на то что **даже в физике мы имеем дело не с физическими объектами, а лишь с конструкциями человеческого сознания, то есть с человеческими концептами (и понятиями): масса, сила, движение, количество движения, длина, тело, заряд, напряжение поля, пространство** и т. д., нам не следует при этом забывать слова Э. Маха: «Наши понятия действительно создаются нами самими, но отсюда еще не следует, что мы создаем их совершенно произвольно...» (2011, с. 220).

§ 3. Концептуализация, язык и «странные» части речи

Объективизм приучил нас к мысли, что в окружающем мире присутствуют сущности разного рода: предметы и явления, их действия, свойства и т. д. Они обозначаются в языке словами, относящимися к разным частям речи: первые — к существительным, вторые — к глаголам, третьи — к прилагательным. От вида сущности зависит, какая словоформа используется для ее обозначения и к какой части речи она относится.

Б. Уорф (2003, с. 211) отмечает, что английский язык распределяет большинство слов на два класса, обладающих различными грамматическими и логическими особенностями. Слова первого класса — существительные (*house* — «дом», *man* — «человек»). Слова второго — глаголы (*hit* — «ударить», *run* — «бежать»). Многие слова одного класса могут выступать еще и как слова другого класса (*a hit* — «удар», *a run* — «бег» или *to man the boat* — «укомплектовывать лодку людьми, личным составом»). По словам автора, граница между этими двумя классами, которую создает язык (точнее, концептуализация окружающего мира, присущая английской культуре), является абсолютной. Английский язык делит мир на два полюса. Но сама реальность так не делится. Автор задается вопросом: если *strike* — «ударять», *turn* — «поворачивать», *run* — «бежать» и т. п. — глаголы, потому что обозначают временные и кратковременные явления, то есть действия, тогда почему *fist* — «припадок», *lightning* — «молния», *spark* — «искра», *wave* — «волна», *eddy* — «вихрь», *pulsation* — «пульсация», *flame* — «пламя», *storm* — «буря», *phase* — «фаза», *cycle* — «цикл», *spasm* — «спазм», *noise* — «шум», *emotion* — «чувство» и т. п. — существительные? Ведь все это тоже временные явления.

Меня тоже одно время занимал вопрос о том, почему в русском языке так странно и неоднозначно концептуализированы и обозначены многие сущности. Почему, например, процессы, то есть продолжительные действия, обозначаются существительными: растворение, освещение, освобождение, наслаждение, восприятие, мышление, приготовление, уборка и т. д. Ведь существительные используются для обозначения предметов и других объектов реальности. Следовательно, сознание людей склонно квалифицировать продолжительные действия, или процессы, как сущности, очень похожие на предметы.

Так же существительными почему-то обозначаются результаты действий, например: падение, утрата, потеря, обнаружение, выстрел, провал, промах, попадание и т. д. Следовательно, сознание людей склонно квалифицировать и их как сущности, похожие на предметы. Однако неясности на этом не кончаются. Существительные используются и для обозначения самих действий (удар, бег, прыжок, давление, течение, падение, ска-

чок, метание, шатание, прогулка, пение и т. д.), а также свойств предметов (белизна, твердость, крутизна, ершистость, несговорчивость, упорство, не-удержимость и т. д.).

Надо отметить, что в русском языке (видимо, и не только в нем) реальность делится в процессе ее концептуализации не на два «полюса», о которых пишет Б. Уорф (2003, с. 211), а на многие «полюсы». В ней выделяются объекты и явления, их изменения (или действия), их свойства, их отношения, события и т. д. Причем для обозначения сущностей, входящих в эти разные группы, в языке могут использоваться одни и те же варианты словоформ, а соответственно, одни и те же части речи.

Примерно теми же вопросами применительно к английскому языку задается Б. Уорф: «Мы обнаруживаем, что “событие” (event) означает для нас “то, что наш язык классифицирует как глагол” или нечто подобное» (с. 212). Он (с. 212–213) обращает внимание на очень важное обстоятельство — то, что, исходя из природы, невозможно определить, с чем мы имеем дело — с явлением, вещью, предметом, отношением и т. д. И их определение зависит от грамматических категорий того или иного конкретного языка.

Например, в языке хопи существует классификация явлений (или лингвистически изолируемых единиц), исходящая из их длительности, нечто совершенно чуждое, по мнению автора, нашему образу мысли. Так, слова «молния», «волна», «пламя», «метеор», «клуб дыма», «пульсация» относятся к глаголам, являясь кратковременными событиями. «Облако» и «буря» обладают наименьшей продолжительностью, возможной для существительных.

Следовательно, если исходя из природы невозможно определить, с чем мы имеем дело — с явлением, вещью, предметом, отношением и т. д., то данное обстоятельство зависит не только от природы, но и от людей и их концептуализации реальности. Я согласен с автором, что «чуждая», по его выражению, классификация явлений природы представляет собой тем не менее нечто не менее логичное и адекватное реальности, чем то, что мы имеем в концептосфере английского (или русского — *Авт.*) языка и привыкли считать единственно возможным разделением мира на «объективно» присутствующие ему объекты и другие сущности.

Б. Уорф (с. 213) указывает, что в разных языках одни и те же элементы реальности могут концептуализироваться по-разному. В языке нутка (племя, проживающее на острове Ванкувер), например, все слова показались бы нам глаголами, но в действительности там нет ни глаголов, ни существительных. В нем присутствует как бы монистический взгляд на природу. Он порождает, как пишет автор, только один класс слов для всех

видов явлений. Например, о house («дом») можно сказать и a house occurs («дом имеет место»), и it houses («домит»).

Итак, сходные элементы «реальности в себе» в разных культурах могут концептуализироваться по-разному. Где-то они могут быть сформированы в виде предметов, где-то — их свойств, а где-то — их действий. Соответственно и обозначаются они в разных языках словами, относящимися к разным частям речи, что никак не мешает им успешно репрезентировать реальность.

Б. Уорф (там же) замечает, что в языке хопи есть существительное, обозначающее любой летающий предмет или существо за исключением птиц (последние обозначаются другим существительным). Таким образом, это существительное обозначает класс «летающие минус птицы», включающий и насекомых, и самолет, и летчика. Он замечает, что хотя этот класс представляется нам уж слишком обширным и разнородным, но таким же показался бы, например, эскимосу наш класс «снег». Более того, ацтеки идут еще дальше нас. В их языке холод, лед и снег вообще обозначаются одним словом с различными окончаниями: «лед» — это существительное, «холод» — прилагательное, а для «снега» употребляется сочетание «ледяная изморось».

Люди склонны концептуализировать и обозначать лишь значимые для них аспекты окружающего мира. И чем важнее для них какая-то грань реальности, тем более детально и многообразно они ее концептуализируют и обозначают в своем языке. При этом они легко могут усвоить концепты, созданные другим обществом.

Нельзя не отметить, что **концептуализация реальности далеко не всегда эффективна и успешна.** При этом **неадекватная концептуализация реальности создает колоссальные трудности для познания.** Она порождает множество псевдovoпросов и ложных проблем, на которые новые поколения веками ищут несуществующие ответы. Л. В. Стародубцева, например, пишет: «Зачем-то понадобилось разбить мир на “идеальное” и “реальное”, чтобы затем по-шеллинговски грезить о тождестве идеального и реального. Зачем-то понадобилось отгородить глухими категориальными перегородками эссенцию от экзистенции; по-гегелевски разорвать “мыслимое”, “мыслящее” и саму “мыслимость” — не для того ли, чтобы затем тосковать по их слиянию в недостижимом Абсолюте?» (1998, с. 326).

Следует поэтому не только **выявлять** такие **неудачно концептуализированные области реальности и помещенные в нее ложные сущности,** но и принять как данное то, что **наша концептуализация мира в принципе несовершенна и мы должны постоянно проводить ревизию своих концептов.**

История науки позволяет нам понять, что, во-первых, все научные концепты — конструкции человеческого сознания. Во-вторых, то, что **всегда можно создать альтернативные концепты, репрезентирующие иные сущности реальности**. В-третьих, то, что **альтернативные концепты могут репрезентировать реальность не менее эффективно**. В-четвертых, то, что **нет и не может быть единственно верной концептуализации реальности, а следовательно, и «объективной» научной теории**.

Тезисы для обсуждения

1. Человеческое сознание репрезентирует окружающий мир сущностно. Оно создает отдельные и самостоятельные репрезентации элементов «реальности в себе» в форме сущностей — реальных, возможных или явно вымышленных. Например, предметы и явления, их свойства, действия и отношения, психические и социальные объекты и т. д. Причем сущности эти меняются по мере развития человечества, что находит отражение в языке.
2. Вероятно, сознание пытается таким путем организовать исходно аморфный и непрерывно изменяющийся поток своих чувственных репрезентаций «реальности в себе» в устойчивую совокупность множества психических инвариантов, или субъективных констант. Такими инвариантами являются, например, модели-репрезентации предметов. Психические инварианты упрощают окружающий мир и облегчают сознанию его понимание.
3. Концептуализация — это выделение и формирование сознанием в процессе репрезентирования окружающего мира новых сущностей в нем. Сознание осуществляет это с помощью выстраиваемых им и обозначаемых новыми словами особых психических конструкций, или концептов. Концептуализация окружающего мира, как и репрезентирование реальности, протекает на двух уровнях: чувственном и вербальном.
4. Сознание создает концепты (и понятия) не для обозначения существующих в окружающем мире объектов и других сущностей, как до сих пор считает большинство исследователей. Наоборот, создавая концепты, сознание тем самым формирует сущности, которыми наполняет окружающий мир. Концептуализация мира зависит не только от самой «реальности в себе», но и от человеческого сознания.
5. Человек концептуализирует и обозначает словами лишь значимые для него аспекты мира. И чем важнее для него какая-то грань реальности, тем более детально и многообразно он ее концептуализирует

- и обозначает в языке. Осуществленная этносом концептуализация мира полностью определяет последующее понимание мира новыми поколениями. Она проявляется, закрепляется и передается с помощью слов родного языка.
6. Будущий чувственный концепт, или модель-репрезентация предмета, появляется в сознании произвольно в результате восприятия человеком окружающего мира. Сознанию остается лишь обозначить ее определенным словом. Вербальный концепт, репрезентирующий сущность, недоступную восприятию, целенаправленно формируется сознанием. Концептуализировать один и тот же недоступный восприятию аспект «реальности в себе» можно по-разному, то есть можно создать альтернативные сущности, которые одинаково успешно будут его репрезентировать. Нет и не может быть единственно верной концептуализации реальности, а следовательно, и научной теории.
 7. Концептуализация «реальности в себе» далеко не всегда удачна. Неадекватная концептуализация создает в дальнейшем трудности для познания и порождает множество псевдovoпросов. Учитывая несовершенство нашей концептуализации мира, мы должны постоянно проводить ревизию своих концептов.
 8. Создание исследователями иного варианта концептуализации той же области «реальности в себе» всегда сопровождалось сменой научных теорий. И наоборот, любая революция в науке всегда начиналась с радикальной ревизии ее базовых концептов и репрезентируемых ими сущностей, то есть с иной концептуализации реальности и создания новых сущностей.
 9. Сущности, обозначаемые базовыми понятиями любой науки, не следуют искать в «реальности в себе». Все они сформированы концептами (и понятиями), выстроенными человеческим сознанием, то есть созданы и помещены в окружающий мир человеком.

1.2.3. Вербальные психические конструкции и концепты

§ 1. Чувственная основа вербальных репрезентаций реальности

Н. Хомский (1972, с. 126) и его многочисленные сторонники и последователи полагают, что существуют так называемые врожденные языковые универсалии¹. Он (1972, с. 144) обращает внимание на несоответствие

¹ «Универсалии языковые — свойства, присущие всем языкам или большинству из них» (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 535).

между немногочисленными и некачественными исходными данными, которые, по его мнению, представляет собой язык окружающих ребенка взрослых людей, с которым сталкивается ребенок в процессе обучения языку, и возникающей, тем не менее, у ребенка в результате обучения сложнейшей и стройной системой его собственного языка. Автор замечает, что носитель языка знает множество вещей, которым вовсе не обучался, и его языковое поведение, по-видимому, невозможно объяснить.

Данный факт Н. Хомский (1972, с. 158–174) объясняет наличием у ребенка некоего врожденного механизма, «внутреннего схематизма», который только и позволяет ребенку усвоить универсальную грамматику¹. По его (2005а, с. 123) мнению, должны существовать некие определяющие принципы, делающие возможным усвоение языка, и если считать эти принципы врожденным свойством мыслительной деятельности, то открывается возможность дать объяснение тому очевидному факту, что говорящий на данном языке знает множество вещей, которые он вовсе не усваивал в процессе обучения.

Автор (с. 131–132) рассматривает усвоение языка как рост и вызревание сравнительно неизменных способностей в подходящих для этого внешних условиях и обсуждает гипотезу о врожденном характере соответствующих ментальных структур. Н. Хомский (2004а, с. 176–177) говорит о том, что его выводы относительно усвоения детьми языка находятся в полном соответствии с учением о врожденных идеях и подтверждают это учение.

По мнению автора (2005а, с. 132; 2004а, с. 176–177), существуют некие врожденные ментальные структуры, присущие каждому ребенку, развитие и созревание которых обеспечивают усвоение им любого языка. Эти ментальные структуры универсальны и не связаны с конкретным языком. С легкой руки Н. Хомского и благодаря его колоссальному авторитету в литературе широко обсуждаются сейчас разнообразные универсалии (языковые, грамматические, лингвистические, синтаксические, врожденные), а также универсальная грамматика и семантика, универсальные правила и условия, универсальная глубинная структура предложения и т. д.

В литературе нет, однако, ясного понимания того, что собой представляют перечисленные сущности. Сам Н. Хомский в разных своих работах (2004; 2004а; 2005; 2005а) по-разному пытается объяснить, например, что такое «глубинная структура». Он трактует ее то как врожденные абстрактные идеи, то как врожденную склонность к языку, то как систему универсальных правил, то как некую врожденную схему обработки информации

¹ «Универсальная грамматика — гипотетический набор основных грамматических принципов, которые считаются фундаментальными для всех естественных языков» (А. Рибер, 2000, с. 202).

и формирования абстрактных структур языка. Автор (2005, с. 17–24) полагает, что ребенок владеет с рождения тем, что он называет универсальной грамматикой и врожденными универсальными правилами языка. Эти правила, по его мнению, позволяют ребенку в последующем трансформировать универсальные глубинные структуры в предложения конкретного языка. Н. Хомский пишет: «Чтобы образовать из... глубинной системы элементарных предложений реальное предложение, мы используем определенные правила (в современных терминах — грамматические трансформации)» (2005а, с. 77).

По его (с. 69–106) мнению, универсальными правилами языка владеют все люди. Правила эти врожденные, существуют в форме «врожденных абстрактных идей»¹, и при этом человек их не осознает.

Н. Хомского поддерживает большинство исследователей. Дж. Р. Андерсон (2002, с. 357), например, говорит о том, что десятилетние дети имплицитно достигают того, чего поколения лингвистов со степенью доктора философии не могут достигнуть эксплицитно. Они усваивают тысячи правил естественного языка. Автор пишет, что ни один лингвист за всю свою жизнь не смог описать грамматику какого-либо языка так, чтобы охватить все грамматические типы предложений, но все мы еще в детстве усваиваем такую грамматику. Это наше имплицитное знание грамматики языка мы можем только продемонстрировать, но не можем ясно сформулировать. В. Ф. Петренко (2005, с. 380) тоже пишет, что маленький ребенок может прекрасно говорить на родном языке, не осознавая правил грамматики. Так как ребенок порождает грамматически правильные конструкции, то он, следовательно, владеет правилами построения речевых высказываний, хотя и не осознает их.

Я полагаю, что грамматически правильные конструкции и правила грамматики, тем более врожденные, — это совершенно разные сущности. Никакими врожденными правилами ребенок не обладает. Он просто подражает взрослым. В процессе овладения родным языком он даже не усваивает правила грамматики. Он усваивает грамматически правильные конструкции языка, воспринимая их в речи окружающих. Причем в усваиваемом им языке не содержится никаких правил. Правила естественного языка конституируются теми самыми поколениями лингвистов, и речь поэтому может идти не об имплицитном знании правил детьми, а лишь об усвоении ими умений и навыков использования слов и языковых конструкций родного языка.

Подражая взрослым, **ребенок усваивает привычные обороты речи без понимания не только каких-то правил и закономерностей речи, но нередко даже без глубокого понимания используемых им слов.** Этот факт

¹ Автор не раскрывает, что же это такое.

подтверждается тонким замечанием Л. С. Выготского (2005б, с. 414) о том, что ребенок, который безукоризненно правильно употребляет в своей речи союз «потому что», еще не понял до конца значение самого понятия *потому что*.

Взрослые, кстати, тоже не владеют никакими правилами построения речевых высказываний, если специально не изучали их в школе. Впрочем, даже если и изучали, то правила касались письменного, а не устного языка. И взрослые, и дети имеют лишь навыки правильной речи, что не эквивалентно грамматическим правилам построения высказываний. Взрослый человек, между прочим, не владеет не только правилами устной речи, но и правилами ходьбы, бега, езды на велосипеде или катания на коньках, да и не знает, как он совершает большинство этих и других своих сложнейших действий, но при этом отлично их выполняет.

Думаю, для того чтобы образовать реальное предложение, используя то, что в литературе называют «глубинной системой элементарных предложений», то есть вербализовать, например, существующую в сознании чувственную репрезентацию реальности, дети не используют никаких правил языка. У них — носителей разных языков — исходно нет в сознании к моменту усвоения родного языка знания каких-либо правил построения собственной речи. Нет их и даже уже тогда, когда они владеют устной речью в совершенстве, например при поступлении в начальную школу. Так же как нет знания правил любых других своих движений и сложных действий.

Дети просто учатся данным действиям и учатся вербализовывать имеющиеся в их сознании чувственные конструкции. Они учатся у окружающих, которые демонстрируют им, как можно с помощью речи моделировать окружающую реальность, то есть как можно вербализовывать собственные чувственные репрезентации. А правила речи выдумывают потом лингвисты, изучающие языковые конструкции¹. Ч. У. Моррис пишет о том же: «Обычно правила использования знаковых средств не формулируются теми, кто употребляет язык... они существуют скорее как навыки поведения...» (1983, с. 56).

Очень характерно признание самого Н. Хомского: «Как неоднократно подчеркивалось, традиционные грамматики в значительной степени обращаются к сообразительности говорящего. Они не формируют в явном виде правила грамматики, но скорее приводят примеры и делают намеки, которые дают возможность понятливому читателю определить грамматику некоторым способом, который сам по себе непонятен» (2004, с. 102).

¹ Языковая конструкция = конструкция языка = конструкция из слов. Предложение = письменная языковая конструкция. Фраза = устная языковая конструкция.

Из сказанного лишней раз следует, что никаких правил, «связывающих сигналы с семантическими интерпретациями этих сигналов» (Н. Хомский, 2004, с. 102), нет нигде, кроме как в сознании исследователей этих сигналов и семантических интерпретаций. Но их можно создать, разработать, что успешно и делается исследователями. Можно также разработать правила ходьбы или бега. Такие правила, кстати, даже, весьма возможно, были бы полезны, к примеру, начинающим бегать трусцой. Так же как правила письменного родного языка полезны ученикам, изучающим письмо в школе.

Удивительные достижения детей объясняются совершенно другими причинами. Тем, что **дети усваивают понятия и слова языка не на «пустом месте», а на основе уже существующих у них сложнейших чувственных репрезентаций реальности. И понятия становятся составной частью этих уже работающих в сознании ребенка чувственных репрезентаций, а не чем-то самостоятельным и независимым от прочего когнитивного развития, не «отдельным лингвистическим модулем», как полагает доминирующая в психологии и лингвистике теория языка.** В процессе усвоения ребенком навыков речи понятия и конструкции из понятий сначала просто дублируют чувственные репрезентации окружающего ребенка мира.

Ребенок способен выучить любой язык, потому что **слова языка на первом этапе языкового развития ребенка лишь замещают существующие уже в его сознании сенсорные репрезентации окружающего мира. Ребенок лишь меняет одни свои психические репрезентации (прямые, чувственные) на другие (символические, вербальные).**

Сам Н. Хомский говорит: «Глубинная структура, выражающая значение, является общей для всех языков, поэтому она считается простым отражением формы мысли. Трансформационные же правила, по которым глубинная структура превращается в поверхностную, могут разниться от языка к языку. Поверхностная структура, образуемая в результате этих трансформаций, разумеется, не выражает непосредственно значимых связей между словами, за исключением простейших случаев. Семантическое содержание предложения передается именно глубинной структурой, лежащей в основе реально произнесенного высказывания» (2005а, с. 78).

Другими словами, автор полагает, что глубинная структура, представляя собой форму мысли, не зависит от конкретного языка и является общей для разных языков. Но раз она универсальна, следовательно, она существует в невербальной форме, так как мысленные формы — образы слов каждого языка — существуют лишь в специфических для конкретного языка вербальных вариантах (образах слов данного языка). Однако

автор нигде не говорит о том, что глубинная структура невербальна. Напротив, он пишет о том, что она «есть базисная абстрактная структура» (с. 73), которая «состоит из абстрактных предложений» (с. 75). Тогда возникает вопрос: *если глубинная структура представляет собой вербальные психические конструкции, которые, по сути своей, всегда специфичны, так как выражены в образах слов конкретного языка, то как она может быть «общей для всех языков», как считает Н. Хомский (с. 78)?* В этом случае она должна быть создана из понятий некоего нового универсального языка, но такого нет.

Остается предположить, что она либо неуниверсальна, либо универсальна, но невербальна, то есть состоит из невербальных психических форм, универсальных для всех людей Земли. Мы знаем, что такие невербальные и универсальные для всех людей формы есть. Это чувственные образы восприятия и модели-репрезентации окружающей каждого человека сходной реальности. Следовательно, если отказаться от предположения Н. Хомского о том, что универсальные глубинные структуры по своей форме — это некие абстрактные мысленные предложения, и принять, что они представляют собой общие для всех людей чувственные репрезентации окружающего мира, то «кубик Рубика складывается», задача решается, и мы можем объяснить, что за универсальная «глубинная структура» «трансформируется в поверхностные структуры, типичные для каждого языка» (с. 78), то есть в обычные предложения. Причем «делает это по правилам, присущим каждому языку» (там же).

В том случае, когда значением нескольких поверхностных вербальных структур (читай: предложений), сформированных на разных языках и описывающих окружающую реальность, будет чувственная репрезентация этой же реальности, которая и будет выступать в качестве «глубинной структуры предложения», можно будет говорить, что последняя универсальна для всех этих поверхностных структур, так как индивидуальными различиями чувственных репрезентаций в силу биологической общности людей можно условно пренебречь.

Однако такая глубинная структура — это уже совсем не глубинная структура в понимании Н. Хомского, так как он (с. 73–75) говорит о некой абстрактной структуре и абстрактном предложении. Вероятно, именно поэтому сам Н. Хомский (2004, с. 104) с сожалением замечает, что «универсальная семантика находится в чрезвычайно неудовлетворительном состоянии» и что «в глазах современных лингвистов попытка обнаружить и описать глубинные структуры, а также выявить трансформационные правила, которые связывают их с поверхностными формами, выглядит несколько абсурдной» (2005а, с. 105).

Данное обстоятельство представляется мне вполне естественным и закономерным, так как не может существовать никакой универсальной для

всех языков семантики, если мы имеем в виду вербальные значения предложений, сформулированных на разных языках. Не может быть никакой общей глубинной структуры, если понимать ее как общее вербальное значение предложения, сформулированного даже на двух языках. Например: «Идет дождь» и «It's raining». Вербальное значение этого предложения на русском языке будет *Идет дождь*, а вербальное значение на английском — *It's raining*. Следовательно, вербальным значением языковой конструкции будет вербальная психическая конструкция, выраженная в редуцированных понятиях именно этого языка и только его.

Совершенно очевидно в то же время, что оба этих предложения, пусть и на разных языках, передают нам некий общий смысл. И этот общий смысл выражает только чувственная репрезентация того факта, что идет дождь. Вот она-то, **чувственная репрезентация, и является той самой общей глубинной структурой** обоих (и **всех** прочих **аналогичных предложений**, сформулированных на других языках), которую исследователи безуспешно пытаются найти среди специфических для каждого языка вербальных значений данного предложения.

Универсальные закономерности усвоения людьми разных языков свидетельствуют о том, что **язык является частью когнитивного аппарата человека и использует общие когнитивные способности, а вербальные модели надстраиваются над чувственными как их естественное дополнение, продолжение и развитие, ибо корнями языка являются чувственные невербальные репрезентации мира**. Как только мы осознаем данный факт, нам станут понятны и многие другие неясные пока вопросы.

Например, такой потрясающий, по мнению Н. Хомского (2004, с. 103), аспект языковой компетенции, как способность человека производить новые предложения, которые мгновенно понимаются другими людьми, хотя они не имеют сходства со знакомыми предложениями. В данном факте нет ничего удивительного, потому что значениями языковых конструкций чаще всего являются чувственные репрезентации разных аспектов окружающего мира, общие и для говорящих, и для слушателей. Причем редуцированные понятия и конструкции из них представляют собой, говоря метафорически, многочисленный, но все же ограниченный «набор деталей» сложного языкового «конструктора».

Если создаваемые языковые конструкции, а соответственно, и представляющие их в сознании вербальные психические конструкции адекватно «дублируют», или моделируют, чувственные репрезентации реальности, пусть даже самыми разными путями, то их понимание не вызывает у людей особых трудностей. Если же они не соответствуют чувственным репрезентациям людей, то даже правильно грамматически выстроенная языковая конструкция становится бессмысленной. Например: «Шутливое солнце тяжело обдувало грустное облако».

Самые элементарные фразы у младенцев появляются значительно позже (см., например: Л. С. Выготский (2005а); Д. Шеффер (2003); Х. Би (2004); Г. Крайг (2004) и др.), чем они научаются чувственно репрезентировать и опознавать то, что станет для них в будущем предметами. Из этого следует, что задолго до появления вербальных психических конструкций у ребенка появляются полимодальные модели-репрезентации будущих предметов, в том числе чувственно-образные аналоги того, что позже ребенок начнет замещать в своем мышлении разнообразными пропозициями. **Чувственные репрезентации и являются тем, о чем Н. Хомский пишет как о «врожденных языковых универсалиях».** Даже маленькому ребенку, уже имеющему чувственно-образную репрезентацию действующего объекта, например мяукающей кошки, по силам заменить в собственной существующей уже репрезентации чувственные образы усвоенными редуцированными понятиями *киса* и *мяу* для того, чтобы получилась первая элементарная пропозиция, а затем и фраза.

Усвоение языка ребенком идет по стопам чувственного моделирования реальности на базе уже построенных чувственно-образных ее репрезентаций, что резко облегчает и упрощает этот процесс. Для того чтобы построить фразу, ребенку надо просто запомнить образы соответствующих слов и адекватно заменить ими собственные чувственные предпонятия. Естественно, ему для этого не надо усваивать никаких правил грамматики. Надо лишь приобрести психомоторные навыки, копируя поначалу действия окружающих, в том числе вокальные.

Чувственные семантические конструкции, лежащие в основе языка и превращающиеся впоследствии в значения языковых конструкций, ребенок имеет еще до усвоения им самого языка. Чувственные репрезентации определенных аспектов реальности и дублирующие их же конструкции из слов — это лишь разные формы репрезентирования окружающего ребенка мира. Ж. Пиаже (1994, с. 90), например, говорит, что существует начальный сенсомоторный период, предшествующий языку, когда у ребенка формируется некоторая логика действия (отношение порядка, вхождение схем, пересечение, постановка в соответствие и т. д.), изобилующая открытиями и даже изобретениями (перманентные объекты, организация пространства, причинности и т. п.).

По мере усвоения языка ребенок естественным образом и тоже чувственно усваивает существующие в языке синтаксические языковые конструкции — словоформы и фразы и принципы их формирования. Это даже дает ему возможность создавать новые слова. Причем его собственные неологизмы часто приходят в противоречие с отдельными принятыми в языке словоформами и фразами — так называемыми исключениями из правил

языка, которые ребенок пытается исправить. Р. О. Якобсон, цитируя многих авторов, пишет: «Метаязыковая компетенция с двух лет превращает ребенка в критика и корректора речи окружающих (Швачкин) и даже внушает ему не одно только “неосознанное”, но и “нарочитое сопротивление” против “взрослой” речи: “Мама, давай договоримся — ты будешь по-своему говорить “полозья”, а я буду по-своему: “повозья”, ведь они не лозят, а возят” (Чуковский) и т. д.» (2000, с. 163).

Детское словообразование подтверждает, что **дети именно моделируют с помощью слов мир, уже репрезентированный ими чувственно, а не «реализуют врожденные языковые универсалии»**. А глубинная структура — это не врожденные абстрактные идеи, не врожденная система правил, не врожденная схема обработки информации и формирования абстрактных структур языка. **Универсальная глубинная структура языков есть не что иное, как сенсорная репрезентация мира, формируемая каждым ребенком в первую очередь и зависящая больше от индивидуальных биологических различий между детьми, чем от их национальной и культурной принадлежности.**

Способности ребенка к языку органично вытекают из прочих его психических способностей. В частности, способности к формированию образа, в том числе символического, к взаимозаменяемости невербальных и вербальных образов в мышлении, способности к метафорическому упрощающему иллюстрированию абстрактных вербальных конструкций и т. д. **Язык является естественным этапом и органичной частью процесса общего когнитивного развития человека, а не чем-то специальным, самостоятельным и отличным от его когнитивных способностей.**

Предметы, изначально конституированные на основе моделей-репрезентаций, ребенок позже определяет вербально, то есть предмет с какого-то момента он начинает репрезентировать уже не только чувственно, но и с помощью вербального концепта. Например, такие предметы, как аквариум, калитка, луг и т. д., исходно чувственно конституированные с помощью прямых указаний взрослых («Это то-то!»), начинают со временем репрезентироваться в его сознании и вербальными концептами: *Аквариум — стеклянный сосуд с водой и рыбками; Калитка — дверца в заборе или в воротах; Луг — участок, покрытый травой.*

Как соотносятся между собой преимущественно чувственные и преимущественно вербальные концепты, обозначаемые общим редуцированным понятием?

Б. Рассел (2009, с. 137) пишет, что можно представить себе слепого человека, который понимает физическую теорию цвета и может постичь вербальную конструкцию: *Это имеет цвет с самой большой длиной волны.* Но при этом он же не способен понять пропозицию *это — красное* так же, как понял бы ее обычный необразованный человек.

Мы имеем в этом примере две вербальные психические конструкции, являющиеся значениями понятия *красный*. Первая представляет собой указательную (остенсивную) вербальную, правильнее сказать даже смешанную, конструкцию *это — красный*, предполагающую одновременное наличие в сознании и чувственной репрезентации красного объекта. Вторая — описательная (дескриптивная) вербальная конструкция — раскрывает научное значение понятия *красный*.

Данный пример хорошо демонстрирует, что одних вербальных конструкций без чувственных репрезентаций явно недостаточно для эффективного репрезентирования доступной восприятию реальности. Недаром Б. Рассел (с. 137) замечает, что понятие *красный* определить путем анализа слова нельзя, поскольку определение всех слов в языке осуществляется посредством слов самого этого языка и, стало быть, ясно, что такое определение где-то должно впасть в порочный круг. И все же автор склонен считать, что определить слово можно посредством корректных описаний. С этим трудно согласиться. Я полагаю, что язык сам по себе был бы не в состоянии что-либо объяснить или определить, если бы вербальные концепты не базировались на концептах чувственных. Если бы они не сверялись постоянно с ними как с эталонами. **Язык только потому корректно описывает реальность, что его базовые понятия моделируют и замещают ее чувственные репрезентации**, то есть языку есть к чему апеллировать, что принимать за эталон и основу человеческого понимания.

§ 2. Вербальные конструкции

Вербальная¹ психическая конструкция — это конструкция, составленная из редуцированных понятий. Она представляет собой вербальную репрезентацию существующей, возможной или вымышленной реальности и имеет значение, понятное человеку, владеющему данным языком. Простейшими вербальными конструкциями² являются, например, давно изучаемые в логике пропозиции³. Пропозиции — это самые короткие вербальные конструкции, имеющие смысл. Обычно они состоят из двух редуцированных

¹ Правильнее было бы называть ее «понятийная конструкция», так как термин «вербальная» имеет слишком широкое значение и может относиться к конструкциям языка, например. Но я уже использовал понятие «вербальная конструкция» раньше (см.: С. Э. Поляков, 2004; 2011), поэтому не вижу смысла менять это название.

² Здесь и далее я не буду повторять слово «психическая». Везде, где есть словосочетание «вербальная конструкция», я имею в виду вербальную психическую конструкцию.

³ Ф. П. Рамсей пишет: «...Атомарная пропозиция — это пропозиция, которую нельзя разложить на другие пропозиции... “Сократ мудр” будет атомарной пропозицией, а “Все люди смертны” или “Сократ не мудр” не будут. Витгенштейн называет их “элементарными пропозициями”; я назвал их “атомарными”, чтобы следовать м-ру Расселу...» (2011, с. 21). «Подлинная пропозиция нечто утверждает о реальности, и она является истинной, если реальность такова, как утверждается» (с. 27).

понятий, репрезентирующих какой-то аспект реальности. Например, объект и его действие или объект и его свойство: *Дерево растет*, *Лист желтый* и т. д. Пропозиция и вообще вербальная конструкция отличаются от предложения или фразы тем, что первые представляют собой психические конструкции, а вторые — конструкции из слов, то есть языковые конструкции.

Пропозиция должна состоять из субъекта и предиката¹. Ф. П. Рамсей (2011, с. 116) установил, что любой элемент пропозиции может быть ее субъектом, а между субъектом пропозиции и ее предикатом нет существенных различий. Например, можно построить пропозицию так: *Темная ночь*, но правомерна и такая пропозиция: *Темнота ночи*. Или: *Лимон кислый*, но *Кислота лимона*.

Л. Витгенштейн (2008, с. 123–124) полагает, что пропозиция может состоять только из одного слова. Например, слова «Кирпич!» и «Колонна!» являются предложениями. И если А выкрикивает приказ: «Плита, колонна, кирпич!» — которому повинуетсЯ В, принося плиту, колонну и кирпич, то мы можем говорить здесь о трех пропозициях.

Мне думается, что нам следует более четко дифференцировать вербальные конструкции и конструкции языковые, то есть психические феномены, с одной стороны, и фразы или предложения языка — с другой. Вербальные конструкции в сознании человека А и человека В действительно представляют собой пропозиции: *Дай кирпич*, *Неси колонну* и т. п. Но в языке эти пропозиции могут выражаться фразой, состоящей из одного слова.

Итак, пропозиции — простейшие, то есть наиболее краткие вербальные конструкции, еще имеющие смысл. Вербальным конструкциям соответствуют конструкции языковые: устные — фразы и письменные — предложения. **Конструкции языка являются как бы материализованными в словах вербальными конструкциями.** Без материализации в форме языковых конструкций вербальные конструкции было бы невозможно ни выделять, ни исследовать, ни даже обсуждать. Их бы просто не было, так как именно с помощью конструкций языка вербальные конструкции как бы передаются от поколения к поколению. Логики, философы и лингвисты часто имеют в виду вербальные конструкции, но пишут о конструкциях языка, и наоборот.

Психологи экспортировали понятие *пропозиция* из логики в начале 70-х гг. XX в. Дж. Андерсон (2002), в частности, определяет пропозиции как «наименьшие единицы знания, которые могут быть отдельным утверждением» (с. 149).

¹ «Тот объект, о котором мы что-либо утверждаем или отрицаем, мы называем субъектом, а то, что мы утверждаем или отрицаем относительно субъекта, называется предикатом; для выражения их связи мы прибегаем к внешней форме, которая носит название связи» (Г. Г. Шпет, 2010, с. 42).

Вербальные конструкции существуют в сознании преимущественно в виде слуховых образов представления-воспоминания звучавших ранее конструкций языка. В научной литературе их нередко обозначают словами «мысленные фразы» или «мысленная речь». Вербальная конструкция из нескольких редуцированных понятий способна существовать в сознании как бы целиком и сразу (в момент психического настоящего). По крайней мере, у меня есть субъективное ощущение, что она присутствует в сознании одновременно и целиком.

Сложными вербальными конструкциями являются вербальные конструкции, состоящие из двух и более пропозиций. При этом образы каких-то слов могут участвовать одновременно в нескольких пропозициях.

В качестве примера вербальной конструкции, представляющей собой к тому же еще и вербальный концепт, можно привести, например, гуссерлевское (1996, с. 371) определение: *«Декаэдр — тело, имеющее форму правильного многогранника с десятью конгруэнтными гранями».*

Как мы уже обсуждали выше, вербальные конструкции первоначально формируются у ребенка всегда и только путем прямой замены чувственно-образных репрезентаций реальности образами обозначающих их слов. По мере усвоения языка он учится выделять и называть многие чувственно репрезентированные им уже элементы окружающего мира. Они превращаются для него в предметы, обозначаемые словами и репрезентируемые в его сознании понятиями. Со временем он приобретает способность не только чувственно, но и вербально репрезентировать себе и сами эти предметы, и свое взаимодействие с ними, их взаимодействие друг с другом, их состояния, изменения и т. д. По мере расширения круга усвоенных понятий он получает возможность замещать редуцированными понятиями все новые чувственные репрезентации.

Происходит это в форме замещения чувственных репрезентаций редуцированными понятиями, что ведет к появлению в его сознании описательных вербальных конструкций: *Кошка мяукает, Птичка прыгает, Вася упал* и т. п. — и построению им соответствующих конструкций языковых. Замещение редуцированными понятиями собственных чувственных репрезентаций уже известных ему действующих или меняющихся сущностей позволяет ребенку приобщиться к межличностной коммуникации и помогает ему в форме слов донести до окружающих собственные желания и потребности. Наконец, понять, чего хотят от него окружающие.

По мере развития психики описательные вербальные конструкции начинают моделировать не только предметы, их действия и свойства, но и ситуации реальности в их динамике, сложные взаимодействия предметов друг с другом и не воспринимаемые непосредственно причинные связи и закономерности реальности. Другими словами — сложные

и меняющиеся аспекты окружающего мира, которые либо плохо доступны, либо вообще недоступны восприятию.

Описательные вербальные психические конструкции репрезентируют большие фрагменты реальности. Например: *Пчела с громким жужжанием села на желтый цветок и тут же заползла внутрь него.*

Э. Мах (2011, с. 196–197) пишет, что описание — это построение фактов в мыслях. Факт кажется нам ясным, когда мы можем воспроизвести его с помощью простых, привычных мыслей. По словам автора, даже физические законы — это не что иное, как описание реальности, хотя многие из них могут быть заменены математическими уравнениями.

Б. Рассел (2009, с. 60) считает описанием любую фразу вида «некоторый такой-то и такой-то» или «определенный такой-то и такой-то». Он (с. 63) приводит примеры разных описательных моделей, репрезентирующих физические сущности: 1) канцлер Бисмарк, которого люди знают как историческую фигуру; 2) человек в железной маске; 3) старейший житель планеты. И пишет, что в первом случае мы знаем, кто такой Бисмарк и чем он знаменит; во втором мы не знаем, кем был человек в железной маске, хотя нам может быть что-то известно о нем, в третьем мы знаем лишь то, что выводимо логически из определения человека.

Когда человек видит, например, березу, он думает: *Я вижу березу*, или *Я вижу дерево с белой корой*, или *Береза колышется на ветру*, или *Береза согнулась под снегом*. Что собой представляет последняя вербальная конструкция? Это несколько связанных между собой редуцированных понятий, замещающих соответствующие визуальные чувственные репрезентации.

Описательная вербальная конструкция моделирует действия (изменения) и свойства отдельных предметов окружающей реальности, которые уже были чувственно, например визуально, репрезентированы человеком, создающим эту конструкцию. Она заменяет множество зрительных и слуховых образов и ощущений, чувственно репрезентирующих соответствующее положение дел в окружающем мире. Например, вербальная конструкция *Береза согнулась под снегом* возникает в результате замены редуцированными понятиями визуальных образов березы, сгибающейся под тяжестью снега. Аналогичным путем формируются похожие описательные вербальные конструкции: *Белый верблюд пьет воду*, *Проливной дождь идет вторые сутки* и т. п.

Другие описательные вербальные конструкции репрезентируют в общем виде свойства и действия множеств объектов: *Соли растворяются в воде*, *Акулы живут в океане*, *Верблюды могут долго обходиться без воды*, *Хищники питаются мясом*, *Магазин работает с 9:00 до 18:00* и т. д.

Л. Витгенштейн (1994, с. 182) пишет, что во многих случаях нечто представляющееся нам описанием на самом деле результат нашего твор-

чества. Это отнюдь не картины, висящие у нас на стенах, которые, казалось бы, всего лишь изображают, как выглядит вещь и каковы ее свойства.

В качестве примера таких «описательных» конструкций я привел бы такие: *Электроны вращаются по орбитам вокруг атомного ядра, Черная дыра засасывает окружающую материю, Защитные силы организма повышаются* и т. п.

Наряду с описательными существуют объяснительные вербальные конструкции, которые не только репрезентируют, но и пытаются при этом продемонстрировать скрытые взаимосвязи элементов реальности и механизмы их взаимодействия, чаще всего причинно-следственные. Например: *Двигатель заглох, так как закончился бензин, Хищник убивает потому, что хочет есть, Озимые не взошли из-за сильных морозов* и т. д.

По сути дела, это те же описательные вербальные конструкции. Однако они включают в себя описание элементов реальности, непосредственно в данный момент чувственно не репрезентируемых человеком или репрезентированных им, например, ранее и в другой связи.

Объяснить, по мнению М. Шелера, означает «свести относительно новое к известному» (2011, с. 57) или, как говорит Г. Г. Шпет, «подвести его под закон той науки, с точки зрения которой изучается явление» (2006, с. 176). Е. П. Никитин (1970, с. 86) замечает, что объяснить — означает указать причины и тот закон, в соответствии с которым эти причины порождают объясняемый объект. Репрезентируемая вербальной конструкцией реальность становится понятней, когда вербальная репрезентация строится по аналогии, поэтому частым и естественным является объяснение по аналогии. Например, когда Х. Гюйгенс представил себе свет по аналогии с более знакомыми ему явлениями звука, свет стал для него более понятным.

Не все исследователи склонны разделять описание и объяснение. Так, П. Рикер, например, замечает: «...Нарративисты с успехом доказывают, что рассказывать — значит уже объяснять» (2000, с. 207). Г. Г. Шпет (2006, с. 166) полагает, что, несмотря на общепринятое разделение естественных наук на описательную и объяснительную части, именно описания играют главную роль в образовании научных понятий. А целый ряд научных дисциплин вообще не идут дальше описания.

Мы обсуждали пока вербальные конструкции, непосредственно замечающие чувственные репрезентации реальности, но человек создает множество конструкций репрезентирующих реальность, мало доступную и даже совсем недоступную восприятию, а потом пытается на практике доказать истинность этих своих вербальных репрезентаций. Такие вербальные конструкции, являясь по своей форме описательными, на деле, однако, представляют собой лишь гипотетические, вероятностные или даже все воображаемые модели реальности.

Вербальные конструкции репрезентируют также плохо понимаемые человеком грани «реальности в себе», сложные отношения ее элементов, ее изменения, неясным образом связанные друг с другом. В том числе, например, человеческие отношения и эмоции, социальные стандарты поведения, социальные теории и вероучения, мировоззренческие представления и убеждения. Вербальные конструкции репрезентируют в обобщенном виде типовые изменения реальности в форме тенденций, законов и правил. Например, вербальная конструкция *Всякое тело, движущееся по инерции по поверхности другого тела, рано или поздно останавливается* обобщает динамику многих конкретных ситуаций реальности и помогает лучше понять и прогнозировать их, хотя сама не имеет прямого аналога в реальности, так как в реальности нет, в частности, «всякого» тела. Тем не менее она объясняет реальность, делая ее для человека более понятной и предсказуемой.

Вербальные конструкции представляют собой результаты психического творчества людей. Те из них, которые не могут быть отнесены к области науки, плавно переходят в околонучные и совсем ненаучные представления, взгляды, мнения, предположения, не ограничиваемые ничем, кроме личных особенностей их авторов.

О конституирующих и конструирующих вербальных конструкциях можно говорить только применительно к вербальным концептам, которые мы рассмотрим более подробно в следующих главах. Здесь же я отмечу только, что **вербальные конструкции играют важную роль в формировании новых понятий. Многие вербальные конструкции представляют собой концепты, конституирующие или конструирующие сущности окружающей реальности, в том числе множество гипотетических и явно вымышленных сущностей**, которые обозначаются, например, такими понятиями, как *время, пространство, судьба, закон, порядок, сознание, предназначение* и т. д. Вербальная конструкция может, например, описывать и объяснять, а тем самым конституировать некую сущность, обозначаемую новым понятием. Например: *Желтуха — желтое окрашивание кожи и слизистых оболочек, обусловленное повышенным содержанием в крови и тканях билирубина*.

С помощью вербальных концептов формируются многие сущности, рассматриваемые людьми как свойства объектов: «растворимость», «тугоплавкость», «горючесть», «электропроводность», «квадратный» и др. Например: *Растворимость — это способность вещества образовывать с другим веществом (или веществами) гомогенные смеси с дисперсным распределением компонентов* (И. Л. Кнунянц и др., Химическая энциклопедия, 1995, с. 355); *Тугоплавкость — переход объекта в жидкое состояние при большей температуре, чем выдерживают другие, сходные*

с ним объекты; *Квадратный* — объект, располагающийся на плоскости и имеющий четыре равные стороны и угла и т. д. Такого рода свойства (признаки) объектов требуют для своего формирования предварительных мыслительных операций — умозаключений, то есть построения вербальных или чувственно-вербальных конструкций.

Наряду с чувственно репрезентируемыми свойствами семян риса, такими, например, как «белый», «безвкусный», «легкий», «твердый» и т. д., существуют еще и другие их качества, репрезентируемые вербально: «всхожий», «засухоустойчивый», «некондиционный» и т. д. Они тоже исходно формируются на чувственной основе. Однако конституироваться они могут только в результате построения сознанием специальных вербальных конструкций. Например: *Засухоустойчивый — дающий всходы, устойчивые к недостатку атмосферных осадков.*

В результате наблюдения последовательных изменений окружающей реальности сознание способно строить ее вербальные репрезентации, охватывающие продолжительные периоды времени. Например: *День сменяется ночью; После зимы приходит весна; Первый снег выпадает в Москве в начале ноября.* Столь же легко сознание может создавать вербальные модели реальности, позволяющие открывать в ней аспекты, недоступные непосредственному восприятию: *Есть люди хорошие и плохие; представлять реальность обобщенно в форме выводов о ней, например: Все люди смертны; Подброшенные вверх предметы падают на землю.*

На основе выстроенных людьми вербальных конструкций, конструирующих недоступную восприятию реальность (например, строение элементарной частицы или черной дыры) и превращающихся после их экстерииоризации в гипотезы и теории, человек строит прогнозы будущих изменений окружающего мира и сверяет их с реально произошедшими изменениями, возникающими, например, в ответ на его действия. В результате он принимает или отвергает созданные им же вербальные конструкции, репрезентирующие реальность.

В этих своих вербальных моделях человек «препарирует», «расчленяет» и упрощает, а самое главное — репрезентирует нечувственно уже конституированную им чувственно «реальность в себе». Он дополнительно конституирует и конструирует вербально реальность, недоступную его восприятию, создавая в итоге новую глобальную репрезентацию якобы окружающей его физической реальности.

В научной литературе широко распространено ошибочное представление о том, что вербальные конструкции создаются сознанием в соответствии с логическими законами, а также грамматическими и лингвистическими правилами языка. Следовательно, их структура определяется этими законами и правилами. Однако **ни логические законы, ни правила языка не**

имеют отношения к механизмам создания вербальных конструкций и не определяют их структуру. И дело даже не в том, что человек активно создавал вербальные конструкции задолго до того, как задумался о создании логических законов и правил языка. **Вербальные конструкции являются репрезентациями реальности** (окружающей, прошлой и даже вымышленной), и их структура определяется строением чувственных репрезентаций окружающего мира, которые эти конструкции моделируют. То есть вербальные конструкции являются, в первую очередь, моделями чувственных репрезентаций «реальности в себе» и определяются ими, а не какими-то мифическими «логическими законами языка». **Вербальные конструкции создаются человеком, главным образом, с целью передачи другим людям в процессе коммуникации с ними именно репрезентаций окружающего мира и собственного состояния.**

Даже когда человек пытается вербально репрезентировать недоступную его восприятию реальность, он создает вербальные конструкции по механизмам аналогии с уже построенными им. Создаваемые им конструкции, например: *Америка была открыта Х. Колумбом; Электрон вращается вокруг атомного ядра* и т. д., могут стать, а могут и не стать адекватными моделями реальности. Последнее во многом зависит от достоверности и их прогностической эффективности. Но все же самой очевидной, базовой их функцией является дескриптивная, то есть замещение чувственных репрезентаций реальности. Такое замещение с последующей экстерииоризацией редуцированных понятий в форме слов позволяет людям как бы обмениваться вербальными конструкциями в процессе коммуникации друг с другом.

Вербальные конструкции можно разделить на две большие группы. Первая группа — это устойчивые и четко структурированные вербальные конструкции, репрезентирующие некие сущности «реальности в себе». Они всегда обозначаются словами или даже словосочетаниями. Такие вербальные конструкции являются вербальными концептами. Вторая группа — это не обозначаемые словами вербальные конструкции, которые могут со временем либо войти в структуру каких-то концептов, либо просто исчезнуть.

Как предмет, доступный восприятию, существует для людей лишь в форме возникающих в их сознании образов восприятия и моделей репрезентаций этого предмета, так и сущности, невоспринимаемые, но вербально конституированные и сконструированные людьми, присутствуют в их сознании лишь в форме вербальных конструкций, репрезентирующих данные сущности, и образов слов, обозначающих эти сущности. Например, сущности, обозначаемые понятиями *смысл, договор, революция, отрицание* и т. п., мы не сможем найти в окружающем мире. Мы найдем в физической реальности лишь что-то другое: печатный текст, листы бумаги, стрельбу или баррикады на улице и т. д.

Сознание непрерывно создает новые вербальные конструкции, которые в интегрированном и обобщенном виде моделируют для нас окружающее. Например: *Люди ведут себя так-то, но это происходит потому-то; Надо сделать так, иначе будет то-то* и т. д.

Мы строим прогностические вербальные конструкции, моделирующие ожидаемые нами изменения окружающей реальности, — предположения, а также планы будущих собственных действий в ней. Создаем свои вербальные конструкции и потом делимся ими с окружающими: *Обстоятельства изменились таким-то образом; Надо сделать так-то, чтобы достичь того-то* и т. д. и т. п. Формируемые нами **вербальные конструкции легко трансформируются в конструкции языковые, и наоборот, чужие языковые конструкции, воспринятые нами, легко превращаются в наши вербальные конструкции.**

Они представляют собой то, что мы привыкли называть выводами, мыслями, оценками, идеями, мнениями, точками зрения, прогнозами, рекомендациями, взглядами, решениями, новыми подходами и даже убеждениями.

Имеющиеся у нас вербальные конструкции формируют в нашем сознании множество «рамок» и «схем», структурируя и регламентируя реальность, тем самым во многом определяя наше поведение.

Одни из создаваемых человеком новых вербальных конструкций бесследно исчезают навсегда. Другие периодически вновь появляются в его сознании. Третьи, экстерииоризируясь им, могут превращаться в постоянные элементы объективной психической реальности, то есть начинают возникать в сознании множества людей, интериоризировавших их. Вербальные конструкции у человека могут быть адекватными реальности, а какие-то, казалось бы, необходимые, например нравственные вербальные конструкции, могут вовсе отсутствовать.

Э. Сепир (1993а, с. 227–228) указывает, что всякий человеческий опыт, реальный или потенциальный, пропитан вербализмом. Это объясняет, почему, например, многие любители природы не чувствуют себя в реальном контакте с ней, пока не овладеют названиями многочисленных цветов и деревьев. Как будто первичным миром реальности является словесный мир, и никто не в состоянии приблизиться к природе, пока не овладеет словами, каким-то магическим образом выражающими ее.

Действительно, вербальные репрезентации чрезвычайно мощно влияют даже на наше восприятие. Я вспоминаю свое удивление, даже некоторое разочарование от первого посещения восточного базара. До того я много раз встречал в книгах красочные описания роскошного изобилия товаров и фруктов, представленных там: уникальные ковры ручной работы; золотые и серебряные украшения; горы румяных персиков с непередаваемым

ароматом; дыни и арбузы, истекающие сладким соком; желтый сахарный инжир на серебряных подносах; вкуснейшие лепешки из тандыра; чудесные восточные сладости и т. д. и т. п. На базаре все это действительно было представлено, но совсем не производило того впечатления восточной сказки, которое возникало во время чтения об этом в детстве. Однако в следующие посещения, когда окружающее красочно комментировал квалифицированный гид, базар опять удивительным образом расцветивался волшебными красками. То есть мне не хватало вербальных репрезентаций — красочного описания восточного базара, чтобы по-настоящему «увидеть» его экзотику.

П. Фейерабенд (2010, с. 140) тоже пишет, что язык и чувственное восприятие взаимодействуют. По его словам, описание наблюдаемого события включает в себя то, что можно назвать его «объективной» стороной. Чувственные элементы реальности, опущенные в описании, отходят на задний план, а то, что подчеркнуто в описании, становится более отчетливым. Особенно заметно это, когда описание делается впервые. Когда его употребление становится привычным, вызываемое им искажение перестает осознаваться.

Элеонора Рош (E. Rosch, 1978a, с. 41–42) даже экспериментально зарегистрировала, что вербальное знание влияет на результаты восприятия. Так, некоторые атрибуты, такие как «сиденье» для «стула», не могут быть значимыми и информативными для тех, кто не знает, что такое стул. Такие признаки, как «на нем едят», для объекта «стол» были функциональными и требовали знаний о людях и их действиях в реальном мире для того, чтобы понимать эти признаки. Оказалось, что выделение признаков объектов является сложной деятельностью, способность осуществлять которую появляется у испытуемых только после образования системы категорий.

Особой разновидностью вербальных конструкций являются конструкции, регулирующие поведение людей. Они описывают (репрезентируют) и одновременно предписывают желательные, приемлемые или даже единственно возможные с точки зрения данного общества варианты и формы поведения его членов, занимающих разные ступеньки социальной лестницы и выполняющих разные социальные роли, поэтому их можно назвать нормативными вербальными моделями поведения. Например: *Мой руки перед едой; Уважай старших; Не воруй; Береги честь смолоду* и т. д.

Они экстерииорируются в форме конструкций языка и обозначаются такими понятиями, как *закон, инструкция, правила поведения, обычаи, традиции, правила игры, правила спортивных состязаний, запреты, табу* и т. д. Они могут быть слабоструктурированными и даже аморфными (некоторые правила поведения, обычаи и традиции, должностные обязанно-

сти и т. д.), а могут быть очень устойчивыми и жесткими, требующими точного и неукоснительного исполнения (законы, воинские уставы, инструкции по применению лекарств или приборов и т. п.). Разные вербальные конструкции значимы в разных культурах: *Православный должен молиться пять раз в день, повернувшись лицом к Мекке; Православный должен креститься тремя пальцами; Иудей не должен есть свинину.*

В разных обществах такие регулирующие вербальные конструкции могут быть диаметрально противоположны. Например, в ортодоксальном исламском обществе действует конструкция: *Женщина не должна появляться на людях с открытым лицом.* В некоторых европейских странах, напротив, действует противоположная по смыслу конструкция: *Женщина не должна закрывать лицо в общественных местах.*

Среди регулирующих вербальных конструкций можно выделить подвиды. Дж. Р. Серл (2010, с. 58–59), например, замечает, что одни человеческие правила регулируют формы поведения, которые существовали и до появления этих правил. Например, правила этикета регулируют межличностные отношения, которые существуют независимо от правил этикета. Другие правила не просто регулируют, но и создают или определяют сами новые формы поведения. Футбольные правила, например, не просто регулируют игру в футбол, но создают саму возможность такой деятельности, формируют ее. Автор предлагает называть правила первого типа регулятивными, а второго — конститутивными.

Конститутивные правила наглядно демонстрируют нам, как созданные людьми в процессе совместной деятельности вербальные конструкции конституируют, или создают, для человека новую объективную психическую реальность, в данном случае игровую реальность и ее новые объекты — игры разного рода: бридж, покер, футбол, хоккей и т. д.

Тезисы для обсуждения

1. Усвоение языка ребенком происходит на базе уже построенных его сознанием чувственных репрезентаций «реальности в себе», что резко облегчает и упрощает процесс усвоения языка. На первом этапе языкового развития ребенка образы слов, обозначающих предметы, их свойства, действия и отношения, становятся составной частью уже присутствующих в его сознании чувственных репрезентаций сущностей, обозначаемых этими словами, и просто замещают их в его мышлении.
2. Дети не реализуют некие «врожденные языковые универсалии», а просто замещают вербальными конструкциями свои же чувственные репрезентации предметов, их связей и действий.
3. Вербальные конструкции первоначально формируются у ребенка всегда и только путем прямой замены в его сознании чувственных

- репрезентаций предметов, их свойств и действий образами обозначающих их слов, то есть соответствующими редуцированными понятиями.
4. Язык не является чем-то самостоятельным и независимым от прочих когнитивных функций человека. Он не «отдельный лингвистический модуль», как утверждает доминирующая в психологии и лингвистике теория языка, а часть когнитивного аппарата, которая использует одни и те же познавательные способности человека. Вербальные модели реальности надстраиваются над ее же чувственными репрезентациями как их органичное дополнение и развитие, ибо корнями языка являются чувственные репрезентации мира.
 5. Универсальные глубинные структуры языка — это чувственные репрезентации окружающего мира. Соответственно, глубинная структура одного и того же по смыслу предложения, составленного на разных языках, представляет собой сходные у всех людей чувственные репрезентации элементов реальности, которые репрезентируются данным предложением. Эти условно общие у всех людей чувственные репрезентации легко трансформируются в специфические для каждой культуры вербальные конструкции и в предложения конкретных языков — так называемые поверхностные структуры. При этом делается это по правилам, присущим конкретному языку.
 6. Можно выделить три основные группы психических конструкций, сильно различающихся между собой: чувственные, например модель-репрезентация предмета, вербальные, например вербальные концепты, и смешанные, которые составляют большую часть всех прочих психических конструкций. Психические конструкции можно разделить также на концепты, или значения определенных слов, и на прочие конструкции, не обозначаемые словами.
 7. Вербальные конструкции — это конструкции, составленные из образов слов, известных человеку, владеющему данным языком. Они являются репрезентациями реальности (окружающей, прошлой, будущей, возможной и даже вымышленной), а потому их структура определяется чувственными репрезентациями «реальности в себе», а не логическими законами или правилами языка.
 8. Языковые конструкции, составленные из знакомых человеку слов, будучи воспринятыми им, превращаются в его сознании в соответствующие вербальные конструкции. В свою очередь, вербальные конструкции легко экстериоризируются человеком в виде конструкций языковых. Конструкции языка являются как бы материализованными в словах вербальными конструкциями.
 9. Вербальные и языковые конструкции создаются человеком, главным образом, с целью передачи другим людям в процессе коммуни-

кации с ними собственных репрезентаций окружающего мира и своего состояния. Экстериоризация вербальных конструкций, то есть их трансформация в конструкции языковые и их последующая интериоризация позволяет людям как бы обмениваться собственным психическим содержанием в процессе коммуникации друг с другом.

10. С помощью вербальных конструкций люди не только вербально конституируют (или повторно по-новому репрезентируют) реальность, доступную восприятию и уже чувственно репрезентированную ими, но и «препарируют», «расчленяют» и видоизменяют ее. Они также вербально конструируют реальность, недоступную восприятию.
11. Репрезентируя вербально реальность, недоступную восприятию, человек создает чаще по механизмам аналогии вербальные конструкции, которые могут стать, а могут и не стать адекватными моделями реальности. Последнее зависит от того, насколько они прогностически значимы.
12. Вербальные психические конструкции можно разделить на вербальные концепты — конструкции, репрезентирующие обозначенные словами сущности реальности, — и прочие вербальные конструкции. Среди прочих вербальных конструкций можно выделить конструкции описательные и конструкции, регулирующие поведение людей. Вторые репрезентируют желательные, приемлемые или даже единственно возможные с точки зрения данного общества варианты поведения его членов.

Концепты

1.3.1. Феноменология концептов

§ 1. Структура концепта с позиций смежных с психологией наук

Проблемой концептов филологи и лингвисты занимаются гораздо активнее, чем психологи, поэтому, несмотря на то что в лингвистических теориях феноменология концептов представлена весьма специфически, некоторые лингвистические представления имеет смысл обсудить. Филологи исследуют скорее содержательную структуру концептов. Ю. С. Степанов (2004, с. 44–46), например, выделяет в рассматриваемых им концептах три компонента, или слоя. Первый — основной, актуальный признак, известный всем носителям данной культуры. Второй — дополнительный или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся «историческими», то есть уже неактуальными. Они известны отдельным группам людей, принадлежащим к данной культуре. И третий — внутренняя форма, обычно не осознаваемая, известная только специалистам, но запечатленная во внешней, словесной форме.

Многие исследователи пытаются обсуждать и феноменологию концептов. В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин (2001, с. 77), например, высказывают мнение, что структура концепта включает три компонента: предметно-образный, понятийный и ценностный. Сходные компоненты выделяют в структуре концептов С. Г. Воркачев, О. А. Корнилов и другие авторы (подробнее см.: Е. Я. Режабек и А. А. Филатова (2010, с. 166–167)). Е. Я. Режабек и А. А. Филатова (с. 168–169) отмечают, что одной из наиболее распространенных моделей концепта является структура «центр (ядро) — периферия». Ядерная зона концентрирует в себе обязательные, наиболее актуальные для носителей языка признаки, далее идут зоны ближней и дальней периферии концепта.

В. И. Карасик и И. А. Стернин (2007а, с. 5) полагают, что представление о содержании и структуре концепта можно составить путем ана-

лиза совокупности языковых средств, его объективирующих. Это позволит описать данный концепт, хотя в любом случае такое описание не будет исчерпывающим, так как концепты как единицы сознания имеют и невербализованную часть содержания. З. Д. Попова и И. А. Стернин (2007б, 58) пишут, что любой концепт имеет базовый слой, всегда представляющий собой определенный чувственный образ, поэтому концепт метафорически можно представить как плод, в котором этот базовый чувственный образ будет выглядеть как косточка плода. Авторы (2007, с. 124–125) полагают, что концепт рождается как чувственный образ, но затем постепенно становится все более абстрактным, то есть эволюционирует от чувственного образа к чему-то абстрактному.

Можно согласиться с тем, что в структуре многих концептов действительно присутствует чувственный элемент. Но интересно, какой чувственный образ, по мнению авторов, является «базовым слоем» у концептов, обозначаемых, например, понятиями *одновременность*, *относительность*, *энергия*, *теория*, *эврика*, *абстракция*, *демократия* и т. п.? Очевидно, что у этих и подобных им понятий (и концептов) нет никакого «образного ядра», хотя все они иллюстрируются или могут быть проиллюстрированы в нашем сознании чувственными образами. У меня, например, понятие *демократия* вызывает образ античного греческого стадиона, наполненного мужчинами в белых хитонах, а понятие *одновременность* — образ космического пространства, в разных местах которого синхронно возникают две вспышки. Очевидно, что эти образы не составляют никакого «чувственного ядра» данных умозрительных концептов, сконструированных с помощью вербальных конструкций, а лишь весьма условно иллюстрируют их.

Наряду с чувственным ядром З. Д. Попова и И. А. Стернин (2007б, с. 60–61) выделяют в структуре концепта некие базовые слои, «обволакивающие ядро», и полагают, что общие для всех членов общества элементы — «признаки этих слоев», «лежат в основе взаимопонимания людей при обмене концептами». Авторы (2007, с. 123), с одной стороны, утверждают, что ядро концепта всегда носит индивидуально-перцептивный характер, поскольку формируется на базе личного чувственного опыта человека. Образы, составляющие ядро, всегда конкретны и случайны, так как основаны на опыте взаимодействия с предметом или явлением, который получил данный человек в тот или иной момент своей жизни. С другой стороны, они же (2007б, с. 58–59) считают, что лингвист способен установить «общенародное ядро концепта», но все другие слои концепта, текущие и перемещающиеся, не имеют четкой организации, соответственно, и моделировать концепт как структуру (подобно фонологической, лексико-семантической, грамматической структуре) в принципе невозможно.

По данным Э. Д. Поповой и И. А. Стернина (с. 116), А. П. Бабушкин, например, разграничивает в структуре концептов мыслительные картинки, схемы, гиперонимы, фреймы, инсайты, сценарии, калейдоскопические концепты; Н. Н. Болдырев рассматривает в качестве разновидностей концептов конкретно-чувственные образы, представления, схемы, понятия, прототипы, пропозиции, фреймы, сценарии или скрипты, гештальты; В. И. Карасик разграничивает параметрические и непараметрические концепты; М. В. Пименова выделяет три вида концептов: образы, идеи и символы, а также концепты культуры, которые она, в свою очередь, подразделяет на несколько групп. Сами Э. Д. Попова и И. А. Стернин (с. 62) отмечают, что существуют и другие классификации концептов, и выделяют вслед за А. П. Бабушкиным разные их типы: концепты — мыслительные картинки, концепты-схемы, концепты-фреймы и концепты-сценарии.

С подобной классификацией концептов, как и с другими предлагаемыми видами их феноменологической типологии, никак нельзя согласиться, так как перечисленные авторами психические феномены и конструкции вообще не являются концептами. Надо сказать, что **предпринятые лингвистами попытки создания классификации концептов на основе их психологической структуры были изначально обречены на неудачу. Во-первых, потому, что в самой психологии нет даже общепринятого определения концепта. Во-вторых, в психологии до сих пор отсутствует типология психических конструкций, разновидностью которых являются концепты.** Однако следует признать, что перечисленные лингвистические работы хоть как-то пытаются заполнить этот пробел.

§ 2. Возможные подходы к типологии концептов

При рассмотрении психической феноменологии концептов можно выделить (впрочем, достаточно условно) концепты с разной степенью представленности чувственных и вербальных компонентов. Совершенно однородных, то есть чисто чувственных или вербальных, концептов просто не бывает, так как чувственные концепты обычно ассоциированы с вербальными значениями соответствующих редуцированных понятий, а вербальные концепты обычно иллюстрированы чувственными образами. Про относительно «чистые» чувственные концепты можно говорить только применительно к очень маленьким детям. И тем не менее, **кроме смешанных концептов, целесообразно выделять преимущественно чувственные и преимущественно вербальные**, так как концепты, репрезентирующие, например, окружающие предметы, и концепты, репрезентирующие абстрактные сущности, явно различаются.

1. Преимущественно чувственные концепты репрезентируют:

- ♦ конкретные предметы, обозначаемые, например, понятиями *мой стол, Петина машина, Московский Кремль, Эйфелева башня* и т. д. Они представлены моделями-репрезентациями данных сущностей;
- ♦ универсалии (общие понятия), обозначающие множества сходных объектов (*дом, дерево, облако* вообще); множества доступных восприятию сходных явлений, свойств и действий (*затмение, дождь, белизна, теплота, падение, прыжок* и т. д.).

Преимущественно чувственные концепты представлены моделями-репрезентациями конкретных предметов, а также собирательными моделями-репрезентациями сходных сущностей, которые мы уже рассматривали достаточно подробно (см. раздел 1.1.3).

2. К типичным, преимущественно вербальным концептам относятся вербальные концепты, конструирующие гипотетические и умозрительные сущности. Например: *Потенциал — величина, градиент которой определяет напряженность поля (электрического или гравитационного)* (О. Репченко)¹; *Неделя — время от понедельника до воскресенья включительно* (Д. Н. Ушаков, 2010, с. 452); *Научеёмкость — показатель, отражающий пропорцию между научно-технической деятельностью и производством в виде величины затрат на науку, приходящихся на единицу продукции*²; *Эфир — название гипотетической среды, которая рассматривалась до начала XX века как переносчик электромагнитных взаимодействий и света (электромагнитных волн)* (О. Репченко)³.

Вербальные концепты конструируют сущности, которые не бесспорно и не очевидно присутствуют в реальности. По крайней мере, все соответствующие сущности недоступны непосредственному восприятию, а некоторые явно вымышленные. Обычно они формируются, например, в рамках объясняющей гипотезы, допускающей наличие в реальности некой новой, невоспринимаемой, но, возможно, имеющейся там сущности, введение которой позволяет исследователям лучше объяснить плохо понятные аспекты реальности. Причем впоследствии практикой доказывалась оправданность или бессмысленность введения в науку или культуру подобных сущностей. Это, например, сущности, обозначаемые понятиями *иммунитет, толерантность, инвазивность, сила воли, темная материя* и т. п.

¹ Репченко О. Потенциал в Полевой физике // Репченко О. Полевая физика, или Как устроен мир [Электронный ресурс]: — Режим доступа: <http://www.fieldphysics.ru/potential>.

² Научеёмкость // Национальная экономическая энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vocabulary.ru/termin/naukoemkost.html>.

³ Репченко О. Эфир в Полевой физике // Репченко О. Полевая физика, или Как устроен мир [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.fieldphysics.ru/ether>.

3. К типичным смешанным концептам относятся концепты, конституирующие сущности. В основе этих концептов лежат обычно описательные или объясняющие вербальные конструкции. Например: *Кокетка — женщина, стремящаяся своим поведением понравиться кому-нибудь, заинтересовать собой; Иллюзия — обман чувств, нечто кажущееся*¹; *Тревога — тягостное психическое состояние, переживаемое человеком в условиях ожидания неприятностей; Слабость — валовое чувство — специфическое глобальное ощущение недостатка физических сил и энергии, усталости и немоци.*

Смешанные концепты конституируют нечто выходящее за пределы уже сформированных сознанием и имеющихся в нем первичных чувственных репрезентаций «реальности в себе». Последних нередко оказывается недостаточно для более глубокого понимания и осмысления реальности, когда, например, необходимо обобщить и репрезентировать иначе в форме новой понятной сознанию сущности множество уже созданных сознанием чувственных моделей-репрезентаций окружающих предметов или внутренних ощущений.

Сущности, конституированные с помощью смешанных концептов, обозначаются например, понятиями *война, блуд, возмездие, брод, воровство* и др. «*Война — вооруженная борьба между государствами или общественными классами...*» (2010, с. 75). «*Блуд — половое распутство*» (с. 35). «*Брод — участок реки, где ее можно перейти. Воровство — хищение чужого имущества; расхищение общественной собственности*» (с. 79)².

Возникает вопрос: *чем, например, такая сущность, как брод, отличается от другой сущности — дерева?* Дерево конституируется чувственным концептом — моделью-репрезентацией данной сущности. Брод же — это участок реки, часто трудноотличимый визуально от прочих ее участков. То есть обычно он не может быть конституирован лишь чувственно и конституируется с помощью специальной вербальной конструкции, но на основе чувственных репрезентаций — образы расширившейся реки, рябь на ее поверхности, тропинки и колеи на берегу, ведущие к этому месту, и т. д.

Повторю, что **вербальных концептов в «чистом» виде, то есть состоящих только из понятий, в сознании взрослого человека практически нет. Как нет и «чистых» чувственных концептов.** Даже наиболее абстрактные вербальные концепты, вроде бы представляющие собой, как кажется очевидным, лишь «связку» понятий, всегда иллюстрируются какими-то, пусть и очень отвлеченными, зрительными образами, которые можно обнаружить с помощью интроспекции. Причем часто это даже не просто ил-

¹ Из «Толкового словаря иноязычных слов» (Л. П. Крысин, 2007, с. 331, 265).

² Определения из «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова.

люстрация, а раскрывающий сущность данной вербальной конструкции отвлеченный метафорический зрительный образ, порой способный заместить ее собой в процессе мышления. Можно сказать, что чувственно-вербальное репрезентирование — это «улица с двухсторонним движением». Сначала чувственные образы замещаются все более и более абстрактными вербальными конструкциями, но последние, в свою очередь, замещаются упрощающими их метафорическими визуальными образами представления, которые можно назвать редуцирующими иллюстрациями.

Большинство сущностей репрезентируются смешанными чувственно-вербальными концептами. Смешанные концепты — те, в строительстве которых участвуют и чувственные образы, и вербальные конструкции. Они обозначаются, например, понятиями *джентльмен, налогообложение, апартеид, болезнь, субординация, авторитет, родство, дисциплина, освобождение* и т. д.

К типично смешанным относятся концепты, обозначаемые в том числе понятиями *различие* и *сходство*. Г. Бейтсон (2000, с. 416–417) пишет, обсуждая понятие *различие*, что это очень специфический и неясный концепт. Он замечает, что между листом бумаги и поверхностью дерева, из которого сделана кафедра, существует множество различий: цвет, текстура, форма и т. д. Но различие между бумагой и деревом не содержится ни в бумаге, ни в дереве. Оно не находится ни в пространстве между ними, ни в промежутке времени. Автор (2007, с. 80) полагает, что для создания различия должны иметься две сущности (реальные или воображаемые), а различие между ними внутренне присуще их взаимоотношениям.

Мне представляется очевидным, что нечто составляющее суть концептов (и понятий) *различие* и *сходство*, мы способны воспринимать непосредственно, чувственно. Мы видим, слышим или ощущаем сходство и различие между двумя своими образами или ощущениями. Но столь же очевидно, что для создания соответствующих концептов, кроме образов и ощущений, нам требуется что-то еще. Необходимо некое психическое действие — акт сравнения имеющихся в сознании чувственных репрезентаций разных сущностей и вербализация чувственного результата этого сравнения.

Таким образом, нам недостаточно имеющихся чувственных психических феноменов, которые можно было бы просто обозначить новым понятием, как, например, в случае моделей-репрезентаций, представляющих собой чувственные концепты, обозначаемые редуцированными понятиями *лист* и *зеленый*. Необходимо психическое действие с этими феноменами и обозначение специальным понятием уже результата этого действия с ними.

Сознание способно одновременно переживать, совмещать и сравнивать между собой две и более чувственные репрезентации. Например, два и более визуальных или слуховых образа или два и более ощущения одной модальности. В итоге оно создает вербальные психические конструкции типа: *А больше Б, В ярче Г, Д выше Е, И глубже К* и т. д. Формирование многих концептов, репрезентирующих сравнительные свойства, само по себе требует появления в сознании чего-то вроде элементарных психических шкал, представляющих собой в самом простом варианте образы двух объектов сразу, один из которых больше другого, выше другого, шире другого, тоньше другого, тяжелее другого и т. д.

Эти смешанные чувственно-вербальные репрезентации сознание использует в качестве психических инструментов. Такие психические конструкции представляют собой нечто похожее на простейшую шкалу, составленную из образов или ощущений одной модальности. На одном ее полюсе располагаются репрезентации с максимальной выраженностью репрезентируемого признака. На другом — с минимальной выраженностью того же признака или даже с максимальной выраженностью признака противоположного. При этом сознание одновременно вербально конституирует концепты, репрезентирующие эти противоположные признаки (свойства). Противоположные признаки обозначаются, например, понятиями *большой — маленький, высокий — низкий, острый — тупой, далекий — близкий, умный — глупый, теплый — холодный, тусклый — яркий, быстрый — медленный, светлый — темный, короткий — длинный* и т. д.

Эти парные свойства используются потом для оценки объектов (большой гриб), явлений (быстрое похолодание), действий (медленный полет) и даже других свойств (сильная радиоактивность, плохая растворимость, низкая электропроводность).

В лингвистических работах можно обнаружить идеи, позволяющие провести параллели с только что приведенной мною выше феноменологической типологией концептов. Так, З. Д. Попова и И. А. Стернин (2007б, с. 59) пишут о трех типах моделей концептов — одноуровневых, многоуровневых и сегментных. Одноуровневые концепты включают только чувственное ядро. К ним авторы относят, ссылаясь на Н. Н. Болдырева, «предметные образы» и «некоторые концепты-представления, такие как “желтый”, “зеленый”, “соленый”». Я думаю, что эти концепты можно было бы, вероятно, отнести по своей структуре к чувственным.

Авторы (с. 58–59) описывают также многоуровневые концепты, которые включают, по их мнению, несколько когнитивных слоев, различающихся по уровню абстракции и последовательно наслаивающихся на базовый слой. В качестве примера многоуровневого концепта они приводят концепт, обозначаемый понятием *грамотный*, который, кроме базово-

го слоя (образ пишущего человека), включает целый ряд слоев, различающихся по степени абстрактности. Такого рода концепты, по-видимому, можно отнести к смешанным.

Третий вид концептов, который выделяют З. Д. Попова и И. А. Стернин (с. 60–61), под названием «сегментные», например концепт, обозначаемый понятием *толерантность*, как мне кажется, вполне может быть отнесен к вербальным, хотя авторы приписывают «чувственно-образное ядро» и таким концептам.

Тезисы для обсуждения

1. Концепты можно условно разделить на чувственные, вербальные и смешанные.
2. Большинство сущностей окружающего мира сознание формирует с помощью смешанных концептов.

1.3.2. Концепты как репрезентации сущностей реальности

§ 1. Концепты, конституирующие и конструирующие сущности реальности

Конституирование¹ сущностей бывает преимущественно² чувственным и преимущественно вербальным. О конституировании можно говорить тогда, когда определяющую или важную роль в создании новой сущности играют чувственные репрезентации.

Чувственное конституирование предмета происходит в результате связывания модели-репрезентации некой доступной восприятию грани «реальности в себе» с образом нового обозначающего ее слова. Чаще всего это бывает в процессе усвоения ребенком родного языка. Гораздо реже это происходит при обозначении людьми новых физических сущностей — вновь обнаруженных животных и растений, вновь созданных веществ, аппаратов и инструментов и т. д.

Еще до связывания модели-репрезентации будущего предмета с образом слова ребенок обычно взаимодействует с соответствующим элементом

¹ «Конституирование (от лат. *constituere* — “составлять”, “упорядочивать”, “организовывать”) — термин феноменологии Гуссерля, обозначающий интенциональную деятельность сознания по формированию своей предметности в качестве структур смысла» (*Кузнецов В. Г.* Словарь философских терминов. — 2004. — С. 261).

² Далее я не буду повторять слово «преимущественно», но буду его подразумевать.

реальности. Например, он уже пользуется ложкой, хватая ее рукой, засовывает в рот, водит ею по столу, стучит о другие предметы и т. д. Ребенок, безусловно, воспринимает ее в качестве самостоятельной сущности, но в выделяемый людьми определенный предмет она превращается для него лишь в процессе чувственного конституирования, когда ее модель-репрезентация связывается с образом слова «ложка».

Сознание чувственно конституирует не только предметы, но и такие физические сущности, которые явно отсутствуют в «реальности в себе». Они обозначаются, например, понятиями *свет, звук, цвет, жар, твердость, сладость, покраснение* и т. п. Эти и подобные им сущности, конституируемые сознанием, не существуют без человека. Все они — порождения сознания, чувственно конституированная им вещественная физическая реальность. Само вещество, которое наш здравый смысл привык считать строительным материалом физической реальности, — не что иное, как очередная сущность, конституированная сознанием на основе множества чувственных репрезентаций предметов с помощью специальной вербальной конструкции. Например, такой: «*Вещество — вид материи, то, из чего состоит физическое тело*» (С. И. Ожегов, 1981, с. 71). И таких созданных сознанием физических сущностей множество. Причем все они построены на основе «непосредственных», «объективных» и «реальных» чувственных данных человеческого сознания.

Наряду с чувственным существует и **вербальное конституирование** — **создание новой сущности с помощью вербальной конструкции, но обязательно на основе чувственных репрезентаций реальности**. Исчерпав возможности чувственного конституирования сущностей «реальности в себе», сознание продолжает тот же процесс, но уже с помощью вербального конституирования. Для чувственного конституирования физической сущности, например предмета, необходимо и достаточно наличия чувственной репрезентации этой сущности и обозначающего ее слова. Вербальное же конституирование физической сущности требует наличия и чувственных репрезентаций, и, главное, специальной вербальной конструкции, описывающей новую сущность и особым образом систематизирующей соответствующие чувственные репрезентации, а также обозначающего ее слова.

Так, вербально конституируемая сознанием сущность, обозначаемая, например, понятием *материя*, была создана на основе чувственных репрезентаций множества предметов, с помощью специальной вербальной психической конструкции и образа соответствующего слова. Например, такой: «*Совокупность всех физических объектов называется материей*» (Б. Рассел, 2009, с. 37).

Если в отношении конкретных цветов, обозначаемых, например, понятиями *красный, белый, зеленый* и т. д., мы можем сказать, что эти физиче-

ские сущности конституированы сознанием чувственно, то сама сущность, обозначаемая понятием *цвет*, конституирована уже вербально. Она создана сознанием на основе чувственных репрезентаций разных цветов, но лишь благодаря специальной вербальной конструкции. При этом структура самой вербальной конструкции может быть разной. Например, такой: «*Цвет — субъективное ощущение, связанное со светом*» (А. Ребер, 2000а, с. 453). Или такой: «*Цвет — качественная субъективная характеристика электромагнитного излучения оптического диапазона, определяемая на основании возникающего физиологического зрительного ощущения и зависящая от ряда физических, физиологических и психологических факторов*»¹.

Типичная вербально конституируемая сущность обозначается понятием *множество*. С одной стороны, множество — это нечто доступное чувственному репрезентированию. С другой стороны, в отличие от предмета его нельзя определить остенсивно, то есть просто указать на него, как мы указываем на предмет, и объявить: «Это — множество». Оно требует специальной конституирующей вербальной конструкции. Например, такой: «*Множество — совокупность различных элементов, мыслимая как единое целое*»².

Вербальное конституирование — это нечто вроде собирания пазла из имеющихся уже в сознании чувственных репрезентаций реальности и формирование из них новой сущности с помощью специальной вербальной психической конструкции. Сознание именно конституирует, то есть выделяет из общего потока своих чувственных репрезентаций, некий новый фрагмент «реальности в себе», а затем создает на его основе с помощью вербальной психической конструкции и обозначающего слова новую сущность.

Конституирующая новую сущность вербальная конструкция как бы проявляет для людей нечто уже чувственно репрезентированное ими в общем недифференцированном виде, но не оформленное пока сознанием в качестве отдельной сущности. Вербальная конструкция здесь завершает формирование сущности. Делает то, что начали, но не способны были самостоятельно закончить чувственные репрезентации. Рассмотрим, например, следующие вербальные конструкции: «*Бригада — группа людей, выполняющих вместе работу*»; «*Валежник — сухие сучья, деревья, упавшие на землю*»; «*Верховье — часть реки, близкая к ее истокам, а также прилегающая к ней местность*»³.

¹ Цвет: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Цвет>.

² Множества и операции над ними: справ. ст. [Электронный ресурс]: Mathmethod: сайт. — Режим доступа: <http://mathmethod.wikispaces.com/Множества+и+операции+над+ними>.

³ Из «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (2010).

Новая сущность — бригада появляется только после формирования специальной вербальной конструкции, конституирующей ее. Точно так же сухие сучья и деревья, упавшие на землю, сами по себе репрезентируются чувственно в качестве самостоятельных предметов. Но все вместе превращаются в новую сущность лишь благодаря особой вербальной конструкции, обозначаемой словом «валежник».

Абсолютное большинство понятий конституировано человеческим сознанием, и только небольшая часть понятий, главным образом научных, сконструировано¹ им. **Конструирование — это создание сознанием новой сущности с помощью воображения.** Конструирование сущностей тоже бывает чувственным и вербальным. **Чувственное конструирование вымышленных сущностей сознание осуществляет, используя имеющиеся чувственные репрезентации того, что уже было воспринято им ранее.**

Л. Витгенштейн (2008, с. 62–63) указывает, что, пытаясь вообразить то, чего не существует, мы делаем это, воображая несуществующие комбинации существующих элементов. Так, воображая несуществующего кентавра, мы представляем себе воспринятые нами ранее голову, торс и руки человека и ноги коня.

К сущностям, сконструированным из чувственных репрезентаций, можно отнести, например, большинство персонажей народных сказок и мифов: Кот в сапогах, Циклоп, Змей Горыныч, Царевна-лягушка и т. п.

Вербальное конструирование сущности осуществляется с помощью специально выстраиваемой сознанием вербальной конструкции, которая создается без использования чувственных репрезентаций или на основе отрывочных чувственных репрезентаций реальности. Такая конструкция превращается в концепт тоже лишь после обозначения специальным понятием. Например: «Ускорение — одна из характеристик движения, равная величине изменения скорости тела за единицу времени» (О. Репченко)²; «Процент числа — сотая часть этого числа» (Г. П. Шалаева и др., с. 87); «Месяц — единица исчисления времени — каждая из 12 частей, на которые разделяется астрономический год» (Д. Н. Ушаков, 2010, с. 389).

С помощью вербальной конструкции В. И. Вернадский (2009, с. 472), сконструировал гипотетическую сущность, которую обозначил поняти-

¹ «Конструирование — это интеллектуальная деятельность, состоящая в целенаправленном построении в идеальной форме какого-либо объекта» (Концептуальные определения основных понятий: глоссарий [Электронный ресурс]: Центр дистанционного образования: сайт / Дальневосточный государственный университет путей сообщения. — Режим доступа: http://edu.dvgups.ru/METDOC/CGU/SOTS_RAB_S/PR_PROEKT_SR/METHOD/SMIRNOV/WEBUMK/frame/Glossar.htm/).

² Репченко О. Ускорение в Полевой физике // Репченко О. Полевая физика, или Как устроен мир [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.fieldphysics.ru/acceleration>.

ем *живое вещество*. В. И. Вернадский пишет, что ввел его вместо понятия *жизнь*: «“Живое вещество” есть совокупность живых организмов» (там же). «Оно («живое вещество». — *Авт.*) сосредоточено в тонкой, более или менее сплошной, пленке на поверхности суши в тропосфере — в лесах и в полях — и проникает весь океан. Количество его исчисляется долями, не превышающими десятых долей процента биосферы по весу, порядка, близкого к 0,25%. На суше оно идет не в сплошных скоплениях на глубину в среднем, вероятно, меньше 3 км. Вне биосферы его нет» (2009, с. 474).

Мы видим, что человек способен создавать новые сущности с помощью вербальных психических конструкций, которые он обозначает новыми понятиями.

Л. Витгенштейн (2008, с. 68) обращает внимание на другую сущность такого же рода, обозначаемую понятием *смысл*. Автор поясняет, что именно мы делаем смысл некой призрачной сущностью, одной из многих, которые мы создаем, когда хотим придать значение существительным, не относящимся ни с какими материальными объектами.

Множество такого рода сконструированных сущностей было создано исследователями на протяжении веков, особенно последних, с помощью вербальных конструкций. **Пытаясь понять и описать реальность, исследователи с помощью собственных вербальных конструкций конструируют и обозначают новыми словами создаваемые ими сущности, которые, по их мнению, есть (или могут быть) в реальности. Причем часто достаточно сложно определить, присутствует ли на самом деле в окружающем мире что-то похожее на данную сущность, или это лишь продукт фантазии исследователя.**

Л. С. Выготский (с. 52) тоже указывает, что науки при изучении того, что не дано нам непосредственно, конструируют, воссоздают предмет изучения методом истолкования или интерпретации его следов или влияний, то есть косвенно.

К. Поппер (2000б, с. 184–185) построил новый вербальный концепт, репрезентирующий присутствующую, по его мнению, в физическом мире сущность, которую он называет «предрасположенностью». Он (с. 184–188) утверждает, что существуют взвешенные возможности, даже не просто возможности, а тенденции, или предрасположенности, реализовать себя, которые так же реальны, как силы или силовые поля, а сами силы — это лишь предрасположенности приводить тела в движение. Предрасположенности автор предлагает рассматривать как свойства, внутренне присутствующие ситуации (частью которой является объект). Предрасположенности, как и ньютоновские силы тяготения, невидимы, но, подобно им, могут действовать: они актуальны и физически реальны. Мир, по его мнению, выглядит как мир предрасположенностей, как разворачивающийся

процесс реализации возможностей и разворачивания новых возможностей.

В принципе, созданная автором новая физическая сущность, обозначенная им понятием *предрасположенность*, имеет не меньше прав на существование, чем другая, не менее гипотетическая физическая сущность — сила, сконструированная с помощью другой психической конструкции¹. Но сила, в отличие от предрасположенности, уже не один век используется в физике и давно стала для людей привычной физической сущностью. В любом случае обе эти сущности, сконструированные с помощью вербальных конструкций, — родственные друг другу продукты человеческого сознания.

Г. Бейтсон так описывает процесс создания им самим того, что он называет новыми понятиями: «Когда я сталкиваюсь с неясным понятием и чувствую, что время для его строгого выражения еще не пришло, я придумываю для его обозначения некоторое расплывчатое выражение и не пытаюсь предрешать вопрос, наделяя понятие слишком значащим термином. Таким образом, я наскоро присваиваю ему какой-то короткий конкретный общеупотребительный термин... Я говорю о “веществе” культуры, о “частичках” культуры или об “ощущении” культуры» (2000, с. 116).

Автор вспоминает некоторые понятия, которые были сконструированы и привнесены им в науку: «Я считал, что существует один феномен, который можно назвать “этосом”, и другой, который можно назвать “структурой культуры” ... Все, что мне оставалось сделать, — это разделить эти два вида феноменов, чтобы и другие люди могли проделывать тот же анализ, что и я» (там же).

По его (с. 115–117) словам, с понятиями *структура культуры*, *этос* и *социология* он обращался так, словно они были конкретными сущностями, изображая напрямую отношения между этосом и структурой культуры наподобие отношений между рекой и ее берегами. Река формирует берега, а берега направляют реку. Аналогично этос формирует структуру культуры и направляется ею. Г. Бейтсон искал физические аналогии, которые мог бы использовать при анализе изобретенных им сущностей.

Автор совершенно верно замечает, что первоначально новые понятия могут обозначать весьма сырые и нуждающиеся в значительной коррекции вербальные конструкции, которые тем не менее выполняют свою объясняющую реальность роль: «...фактически значительный вклад в науку может быть сделан с весьма топорными и корявыми концептами. Мы можем смеяться над той неуместной конкретностью, которая кишит

¹ Сила — векторная физическая величина, являющаяся мерой интенсивности воздействия на данное тело других тел, а также полей (Сила: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сила>).

в каждом слове психоаналитических текстов, однако, несмотря на все путаное мышление, идущее от Фрейда, психоанализ остается выдающимся достижением... монументом во славу важности и значения расплывчатого мышления» (с. 117).

Обсуждая прогресс науки, Г. Бейтсон (с. 118–119) пишет, что сначала строится расплывчатая структура на ненадежном фундаменте, а затем осуществляется ее коррекция. Иногда, по его словам (как, например, в физике), между первым сооружением здания и позднейшей коррекцией его оснований проходят века.

Исследователи давно обращают внимание на странные сущности, которые, с одной стороны, принято относить к физической реальности, а с другой — трудно обнаружить в ней. Г. Шпет, например, отмечает, что понятие *развитие* «не имеет места в области физико-химических процессов». Автор (с. 164–168) обращает внимание и на другие сущности, которые невозможно найти в окружающем мире: цель, целесообразность, происхождение и т. д. Г. Бейтсон (2007, с. 76–77) отмечает «неопределенность», стоящую за словом «стабильность».

Многие сущности окружающего мира исследователи конструируют, исходя лишь из отрывочных чувственных репрезентаций реальности и косвенно основываясь на других умозрительных вербальных конструкциях. При этом вербально репрезентировать недоступную восприятию реальность человек может множеством способов, а все построенные им ее вербальные модели могут считаться верными, если они помогают людям адаптироваться к ней и предсказывать ее будущие изменения.

Примеры таких вербальных конструкций: *«Душа — в религии: сверхъестественное бессмертное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти; Час — отрезок времени, равный 60 минутам»*¹; *«Дезинтеграция — потеря или серьезное нарушение слаженности в какой-то системе»* (А. Ребер, 2000, с. 218) и т. д.

Вербально сконструированные сущности обозначаются, например, понятиями *квантовая струна, категория, коммунизм, тенденция, тайм, стратегия* и т. д.

Новый вербальный конструирующий концепт может иллюстрироваться чувственными, преимущественно метафорическими образами хорошо известных человеку объектов окружающей реальности. Тем более что кинематограф теперь позволяет показать почти все. Однако не все сконструированные сознанием научные концепты могут быть проиллюстрированы сознанием даже метафорически. В. И. Вернадский (1988, с. 218), например, замечает, что ни М. Планк, ни другие ученые не смогли дать кванту «ясное выражение в образах нашего понимания мира».

¹ Из «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (2010).

Автору представляется странным и удивительным, что для вновь сконструированных человеческим сознанием физических сущностей, появившихся в физике в его время и обозначенных новыми понятиями, невозможно подобрать адекватные, иллюстрирующие их образы в привычном окружающем мире. Между тем сейчас только такие концепты и доминируют в физике, так как конструирование вербальных концептов позволяет сознанию репрезентировать сущности, недоступные непосредственному восприятию.

Сущности, формируемые с помощью конституирующих и конструирующих вербальных концептов, не могут обычно быть восприняты человеком непосредственно, то есть не могут быть прямо репрезентированы чувственно в отличие от элементов, составляющих эти сущности. Часто сложно определить, с какой именно сущностью, конституированной или сконструированной вербально, мы имеем дело. К таким сущностям относятся, например, те, которые обозначаются понятиями *рейтинг, оценка, индекс, курс, коэффициент, кризис, успех, неудача, бозон Хиггса, гравитация, апартейд, нация, инфляция, дискриминация, урбанизация* и т. д.

Формируя из известных понятий с помощью вербальных конструкций новые сущности, человек обозначает их новыми словами. Затем процесс повторяется. Подобное усложнение вновь создаваемых вербальных конструкций и их превращение в концепты новых все более умозрительных сущностей происходит многократно. Это позволяет сознанию создавать даже самые фантастические сущности, изначально опираясь на чувственные концепты. В результате возникают «пирамиды» из усложняющихся вербальных концептов, являющихся значениями все более и более общих понятий. Каждый их следующий «этаж» обобщает предыдущие. Причем на каждом «этаже» в качестве «маркеров» и аналогов вербальных концептов снова и снова вводятся новые обозначающие слова, образы которых используются сознанием как редуцированные понятия.

Соответственно, если мы рассмотрим вербальный концепт, составленный из самых отвлеченных понятий, то, возможно, не найдем иллюстрирующих его чувственных образов. Но если мы начнем исследовать составляющие его понятия и их концепты, то есть начнем движение «сверху вниз» от понятий абстрактных, сконструированных с помощью вербальных концептов, к понятиям все более конкретным, то рано или поздно мы обязательно придем к чувственным моделям-репрезентациям конкретных предметов.

Дело в том, что все концепты нижнего, базового уровня, из которых строятся более сложные смешанные и вербальные концепты последующих уровней, — чувственные. Таким образом, наши чувственные репрезентации лежат в основе даже самых абстрактных понятий. Все это свиде-

тельствует об общности и единстве механизмов формирования концептов и их происхождении из чувственных репрезентаций.

Вербальные концепты довольно стабильны. Несмотря на многообразие индивидуальных субъективных вариантов каждого из существующих вербальных концептов, всем им присуще нечто сходное, делающее данное понятие узнаваемым и условно общим для всех его обладателей. Например, вербальный концепт, обозначаемый понятием *закон*, можно представить как *«связь и взаимозависимость каких-нибудь явлений объективной действительности»* (С. И. Ожегов, 1981, с. 185) или как *«предел, постановленный свободе воли или действий; неминуемое начало, основание; правило, постановление высшей власти... которому неизбежно следует вся вещественная природа...»* (В. И. Даль, 1998, с. 1469), а можно представить и в виде многих других вербальных конструкций. Но все подобные конструкции сводятся к чему-то вроде следующей: *закон — это жесткие правила, которым подчиняются явления природы и человек.*

Кроме рассмотренных выше физических сущностей, с помощью вербальных концептов конституируются и конструируются также психические, социальные и трудно квалифицируемые сущности.

Социальные и психические сущности конструируются сознанием по аналогии с физическими предметами, помещаются им в реальность и гипостазируются. К вербально конструируемым сущностям относятся, например, такие: психические (греза, конфабуляция, доброта, знание, идентичность, групповое сознание, вытеснение, базальная тревога и т. д.); социальные (ересь, демократия, наказание, террор, нигилист, закон, тоталитаризм, договор, коммуна, федерация, свобода, справедливость и т. д.); трудно квалифицируемые (фора, комплекс, причина, качество, катастрофа, код, коллапс, кома, компенсация, квота, тезис, сюрприз, раунд, этот, всякий, результат и т. д.); вымышленные (все литературные герои).

Социальные и психические сущности по образцу физических предметов сознание наделяет свойствами. Например: справедливый, действенный, дурацкий закон; личная, неограниченная свобода; умная мысль; неэффективное решение и т. д. Они вступают в отношения с другими сущностями: затягивание принятия закона; свобода мысли; борьба за свободу и т. п. И даже действуют: закон работает, отменен; свобода требует жертв; настроение изменилось; пришло понимание и т. д.

Многие вербальные концепты репрезентируют предметы, являющиеся знаками. Значением этих предметов-знаков являются не модели-репрезентации данных предметов, как обычно, а специальные вербальные конструкции, репрезентирующие то, чего в окружающем физическом мире, совершенно очевидно, нет. *Чем, например, на физическом уровне один окрашенный кусок материи (флаг), одна песня (гимн), одна круглая металлическая пластинка*

(медаль), одно ювелирное изделие (корона) отличаются от другого куска материи, мелодии (песни), круглой металлической пластинки, ювелирного изделия? По существу, ничем, но только если мы не знаем чего-то известного членам данного общества; другими словами, если в нашем сознании нет специальной вербальной психической конструкции — особого конвенционального знания о том, что люди, принадлежащие к данной культуре, договорились считать именно такой кусок материи, мелодию (песню), круглую металлическую пластинку или ювелирное изделие чем-то большим или иным, чем просто предметами, которыми они являются на самом деле. Если же такая специальная вербальная психическая конструкция появляется в нашем сознании, то некоторые предметы превращаются для нас в знаки или символы государства, особых заслуг, власти и т. д. И такими предметами-символами наполнен окружающий нас мир, который в действительности никакой символической нагрузки сам по себе, то есть без наших дополнительных психических конструкций, не несет, и символы эти находятся исключительно в человеческом сознании.

Мы постоянно сталкиваемся с сущностями, наличие которых в окружающем мире не столь бесспорно для нас, как присутствие там предметов. К таким сущностям относятся, например, секунда, тонна, метр, ошибка, индекс, показатель, достижение, цель, интересы, онтология, трансцендентность, экзистенция и т. д. В наличии некоторых таких сущностей в окружающем мире мы тем не менее уверены. В отношении других, например рассматриваемых наукой, полагаем, что эти сущности, скорее всего, присутствуют в мире, но недоступны нашему непосредственному восприятию. В отношении третьих сомневаемся, что они вообще есть в мире. В отношении четвертых понимаем, что данные сущности созданы людьми, но они полезны, так как помогают нам решать какие-то задачи.

Все перечисленные и множество других сущностей, точнее, вообще все сущности, с которыми мы имеем дело, были созданы сознанием наших предшественников и современников. Нередко сущности, которые первоначально были созданы лишь как удобные абстракции, со временем гипостазированы и начинают рассматриваться не только обычными людьми, но даже новыми поколениями исследователей уже как объекты реальности. Это, например, сущности, обозначаемые понятиями *ракурс*, *ранг*, *квант*, *коэффициент*, *вероятность*, *класс*, *рейтинг* и т. п.

Ответ на вопрос о том, как соотносятся с реальностью конституируемые и особенно конструируемые человеческим сознанием психические, социальные и даже физические сущности, во многом зависит от точки зрения исследователя. М. Борн, например, пишет: «Являются ли волны чем-то “реальным” или какой-то фикцией, помогающей описывать и предсказывать

явления, — дело вкуса. Мне лично нравится считать волну вероятности даже в трехмерном пространстве вещью реальной, чем-то большим, нежели рабочий инструмент для математических вычислений. Ибо волна эта имеет характер инварианта наблюдения: она позволяет предсказывать результаты возможных экспериментов, и мы ожидаем именно эти средние числа, средние отклонения и т. д., если действительно производим эксперимент много раз при одних и тех же условиях» (1973, с. 152–153).

Тем не менее я все же добавлю, что мы не сможем ни чувственно репрезентировать эту волну с помощью наблюдения, ни доказать реальность ее физического существования. И то же самое справедливо в отношении подавляющего большинства других конституируемых и особенно конструируемых сознанием сущностей. Смешанные и вербальные концепты конституируют и конструируют множество сущностей, которые выходят за рамки таких привычных нам категорий, как *объекты* и *явления*, их *свойства*, *действия* и *отношения*.

§ 2. Гипостазирование сущностей, создаваемых сознанием с помощью концептов

Гипостазирование — «ошибочное заключение о существовании реальных объектов на основании того, что существуют слова, обозначающие мысленные объекты» (Г. В. Осипов, Социологический энциклопедический словарь, 1998, с. 55).

Вербальные и смешанные концепты репрезентируют множество сущностей, наличие которых в физической реальности субъективно не столь очевидно, как наличие там чувственно репрезентируемых предметов. Г. Г. Шпет (2006, с. 193) пишет, что в специальных науках повторяется тенденция забывать о логическом характере основных и вспомогательных понятий науки. Ученые слишком легко забывают о первоначально гипотетическом или абстрактном характере научных понятий и гипостазируют их в особые сущности реальности. Например, физик, имеющий дело с атомом, эфиром и т. д. как со вспомогательными абстрактными, искусственно созданными понятиями, то и дело представляет их как реальные сущности и, уже исходя из этого, строит все свои исследования. В результате логическое образование превращается в онтологическое понятие. Все это сравнительно безвредно, но повторяется и в других науках.

Однако все это отнюдь не так безвредно, как полагает автор, так как исследователи, предлагающие эти теоретические сущности, пишут учебники, в которые переносят уже гипостазированные ими объекты. Учебники же потом читают те, кто далек от понимания того, что рассматриваемые

авторами физические объекты — это лишь психические сущности, гипостазированные их создателями.

Э. Мах (2003, с. 136) пересказывает историю из книги Пауэлла, в которой описывается, как белые и индейцы забавлялись перебрасыванием камней через глубокий каньон. Большинство камней падали на дно. В разговоре вождь индейцев заметил, что, если бы пропасть была заполнена, камень легко перелетел бы, а так пустое пространство сильно тянет камень вниз. На высказанное по этому поводу сомнение белых вождь ответил вопросом: «Разве вы сами не чувствуете, как пропасть вас притягивает, так что приходится отклоняться назад, чтобы не упасть вниз? И когда вы взбираетесь на высокое дерево, разве вы не чувствуете, что чем выше вы поднимаетесь и чем больше пустого пространства остается под вами, тем труднее становится?»

Э. Мах замечает, что подобная «дикая физика» кажется современным людям ошибочной, так как индеец рассматривает свое субъективное чувство головокружения как физическую силу, тянущую тело в пропасть. Автор (с. 137) заключает, что мы ушли дальше вождя индейцев и не гипостазлируем теперь свои субъективные ощущения в качестве физических сил. Но мы еще рассматриваем наши субъективные понятия как физические реальности.

Э. Дюркгейм пишет о понятиях, которые Ф. Бэкон находил в основе всех наук и где они, по мнению автора, замещают факты: «Это *idola*, род призраков, искажающих истинный вид вещей и принимаемых нами за сами вещи» (1995, с. 42). Автор (с. 42–43) говорит о том, что понятия, принимаемые за вещи, широко распространены даже в физике и тем более присутствуют в социологии. К ним он относит понятия *право, нравственность, семья, государство, общество* и другие, которые «господствуют над умами и заменяют собой вещи». Между тем, по словам автора, социальные явления выступают продуктами человеческой деятельности и осуществлением присущих нам идей. Они обладают реальностью лишь в идеях и через посредство идей, которые являются их источником.

Э. Дюркгейм, как и Ф. Бэкон до него, заметив главное, не обращает, однако, внимания на то обстоятельство, что конструирование обозначаемых словами концептов, репрезентирующих сущности, и их гипостазирование — не результат каких-то ошибочных действий исследователей, а естественный итог процесса психического репрезентирования реальности человеческим сознанием. Можно сказать, что появление «призраков, принимаемых нами за вещи», о которых пишет Э. Дюркгейм (с. 40–41), — это естественный результат психического репрезентирования сущностей.

Обсуждая павловский опыт по формированию экспериментального невроза у собак, Г. Бейтсон (2007, с. 133–134) прослеживает построение

концепта, репрезентирующего некую якобы существующую независимо от нас физическую сущность — «различительную способность собаки». Приводя две вербальные формулировки, содержащиеся в традиционном объяснении этого эксперимента: «собака различает между двумя стимулами» и «различительная способность собаки потерпела крах», автор демонстрирует переход ученого от описания экспериментального наблюдения к обобщающей абстракции, обозначаемой понятием *различительная способность*. Эта сущность якобы расположена за пределами наблюдаемого, «возможно, где-то внутри собаки».

Г. Бейтсон полагает, что ошибка теоретика состоит именно в этом скачкообразном переходе от описания факта наблюдения к тому, что я называю конституированием новой сущности. Он подчеркивает, что мы можем видеть, как собака различает, но у нас нет возможности видеть ее различительную способность.

Приведенный автором пример хорошо иллюстрирует, каким образом исследователи, часто даже не задумываясь по этому поводу, создают новые вербальные концепты, конституирующие или конструирующие якобы присутствующие в реальности сущности. Такие **сформированные исследователями сущности, обозначенные специальными словами, часто позволяют лучше понять и объяснить реальность, и мы охотно наделяем их самостоятельным существованием. Гипостазируя их, мы превращаем их в элементы физической, социальной или психической реальности, якобы пребывающие в мире независимо от нас.**

П. Вацлавик цитирует философа Х. Файхингера: «Точка как сущность с нулевым измерением представляет собой абсолютно противоречивую идею, являющуюся сколь абсурдной, столь и неизбежной. Сущность без единого измерения — это уже само по себе Ничто. ...В данном случае мы вычисляем Ничто вместо Нечто, но это Ничто оказывается полезным, необходимым. В то же время это Ничто мы принимаем за Нечто, поскольку для нас является обычным, что все, чему мы присваиваем имя, имеет статус реального; при этом мы не задумываемся над тем, что не только абсолютно реальное, но и ирреальное может быть зафиксировано при помощи имени» (2001, с. 108).

Действительно, уже само обозначение психического объекта словом приводит к тому, что он дифференцируется от других объектов, описывается и включается в систему наименования. Это делает его заметным для всех членов общества, пользующихся данным языком. Все, чему присваивается имя, приобретает для людей статус реального. Но присвоить имя мы можем только концепту. Для нас важно то, что, создавая концепты и обозначая их словами, мы порожаем множество сущностей, которые затем помещаем в реальность, хотя их там нет. Мы не только помещаем их

в реальность, но и затем оперируем ими мысленно, приписывая им свойства, действия и отношения.

Для того чтобы избежать гипостазирования собственных конструкций, Н. Смит предлагает не обозначать их понятиями, которым в языке соответствуют существительные, так как именно существительные обозначают предметы, вещи, объекты. Он (2003, с. 69) позитивно оценивает усилия некоторых авторов, рекомендующих использовать для обозначения психологических событий причастия или глаголы, а не существительные: «ощущающий», а не «ощущения»; «познающий», а не «познание», «мыслить», а не «мышление» («мысль»), «воображать», а не «воображение». Эти рекомендации преследуют цель привлечь наше внимание к тому факту, что мы имеем дело с человеческими конструктами, а не с самостоятельными объектами.

Возможно, предложение, поддерживаемое Н. Смитом, могло бы несколько уменьшить остроту проблемы гипостазирования, но оно не может ее решить. По моему мнению, глаголы и прилагательные способны не менее эффективно гипостазировать создаваемые нами сущности. Вообще, гипостазирование, как я только что отмечал, — это один из естественных и необходимых механизмов функционирования человеческой психики. По крайней мере, результат функционирования такого механизма.

Н. Смит (с. 71) рассматривает в качестве достоинства функционализма то, что последний делает акцент на «ментальных действиях», а не на «ментальных вещах» (мыслях, идеях, представлениях и т. д.). Однако «ментальные действия» в не меньшей степени сконструированы, чем то, что автор называет «ментальными вещами». Многие эти «ментальные вещи» мы хотя бы наблюдаем периодически в собственном сознании, где они существуют в форме психических феноменов. «Психические» же «действия» тем более сконструированы сознанием, так как все они разворачиваются во времени, а следовательно, существуют только в качестве содержания репрезентаций нашего сознания.

По словам Н. Смита (с. 74), сторонники контекстуального интеракционизма делают предметом своего исследования воспринимающего, решающего, рассуждающего, общающегося и обучающегося индивидуума, а не безличный разум (или другие конструкты: нейронные сети, когнитивные способности, «Я», промежуточные переменные и т. д.).

Я полагаю, однако, что данное направление исследования с помощью такого приема тоже не решает проблему, а лишь предлагает иные формы сегментирования реальности, иные концепты вместо привычных. Более того, эти новые концепты даже и не предлагаются, а лишь ставится вопрос о правомерности использования привычных концептов (и понятий) и о необходимости замены их иными. Но мы уже знаем из истории

психологии о попытках замещения, например, «конструкта» *душа* «реальным физическим предметом» — мозг. И это замещение несколько не помогло развитию психологии. Наоборот, задержало его, приведя психологию к тому, что «важным открытием» конца XX в. в когнитивизме стало доказательство факта наличия в психике человека ментальных образов.

Кстати, и сам Н. Смит пишет, цитируя Дж. Дьюи и А. Е. Бентли: «Признание “разума”, “способностей”, “IQ” или еще чего-нибудь в этом роде в качестве деятеля, ответственного за поведение, является шарлатанством, а рассмотрение “мозга”, как замещающего “разум” в этом качестве — и того хуже» (с. 75).

§ 3. Историческая динамика концептов

Не может не вызывать восхищения удивительная проницательность и универсальность знаний выдающихся исследователей, которые жили относительно недавно, то есть уже в эпоху сильнейшей дифференциации наук, но продолжали демонстрировать энциклопедичность знаний и тонкое понимание совершенно не связанных, казалось бы, сторон окружающего мира. Физик Э. Мах (2003, с. 143), например, обсуждая проблемы психологии, совершенно верно отмечает, что каждое понятие имеет свою, порой довольно длинную и богатую событиями, историю психологического развития, а значение слов неустойчиво и меняется. Из этого следует, что автор видит, как концепты также меняются во времени.

А между тем гуманитарий А. Бергсон (2006а, с. 171), например, явно ошибочно считает, что понятия столь же стабильны, как предметы, по образцу которых создаются.

С этим утверждением никак нельзя согласиться. Вербальные концепты гораздо менее стабильны, чем те чувственные инварианты — модели-репрезентации, которые наше сознание рассматривает в качестве предметов окружающего мира. И они меняются с течением времени. М. Шелер цитирует, например, меткое замечание Г. фон Штейна: «При слове “природа” человек XVII и XVIII вв. думает о звездном небе, человек XIX в. — о ландшафте»» (2011, с. 111).

В. И. Вернадский (1988, с. 230) тоже пишет, что понятия и слова в науке имеют свою историю и без учета их изменений во времени они будут непонятны потомкам тем больше, чем они древнее.

Несколько революций, случившихся в физике (Галилея, Ньютона, Эйнштейна), сопровождалась либо заменой основных концептов и понятий, либо сохранением редуцированных понятий, которые использовались, однако, уже для обозначения совершенно новых концептов. Как

я отмечал выше, радикально изменились даже концепты, обозначаемые основными физическими понятиями *время, пространство, движение* и т. д.

Т. Кун (2014, с. 83–84) указывает на изменение концептов, обозначаемых понятиями *движение* и *квант энергии* — $h\nu$ ¹. Так, в Аристотелевой физике, например, термин, аналогичный понятию *движение*, обозначает не просто изменение положения, как в физике И. Ньютона, а любые изменения. В ранних работах Планка (до 1907 г.) «элемент энергии $h\nu$ » относится не к физически невидимому атому энергии (впоследствии названному «квант энергии»), а к мысленному делению континуума энергии, любая точка которого могла быть занята физически.

В процессе исторической динамики меняется концептуализация реальности, а следовательно, и концепты, и даже обозначающие их слова. Рассмотрим, например, физический концепт (и понятие) *одновременность*. *Репрезентирует ли он некий элемент реальности, или это лишь конструкт нашего сознания?*

Д. Н. Ушаков определяет в своем словаре слово «одновременный» как «происходящий в одно время с чем-нибудь» (2010, с. 507). Следовательно, одновременность — один и тот же момент времени, в который происходят два разных события. Так, собственно, и понимали одновременность в физике на протяжении веков от И. Ньютона до появления А. Эйнштейна. А. Эйнштейн (2002, с. 38), однако, определяет понятие *одновременность* совершенно иначе. Согласно автору, время события зависит от положения события и его наблюдателя в пространстве. А потому два события могут быть одновременными с точки зрения одного наблюдателя и не одновременными с точки зрения другого, расположенного в другом месте. Таким образом, А. Эйнштейн предложил более адекватный с точки зрения физики концепт, по-новому конституирующий данную физическую сущность, но обозначаемый тем же словом.

Описывая динамику концептов, Й. Л. Вайсгербер (2004, с. 124) указывает, что понятия столь же подвержены постоянному изменению, как и звуки. Он (с. 127–129) доказывает, например, что теперешнее состояние немецкого языка — это довольно новое явление, и полагает, что картина мира, формируемая языком, подвержена изменениям и преобразуется вслед за изменениями жизни носителей языка и их опыта. Автор (с. 125) сообщает, что в немецком языке исчезли, например, многие обозначения родственников, но появились новые, а старые используются по-новому.

¹ Я постоянно возвращаюсь к физическим понятиям и примерам, так как именно физические сущности должны, казалось бы, являться и являются с точки зрения здравого смысла самыми наглядными и очевидными проявлениями «реальности в себе». И уж если они заставляют нас сомневаться в своем постоянстве и даже физической природе, то на что нам тогда опираться при рассмотрении окружающей нас реальности?

Так, ранний «староверхненемецкий» язык не содержит понятия, соответствующего современному понятию *Onkel* («дядя»). В современном немецком языке выделены только два понятия — *Vettern* и *Kusinen*, вместо которых до XVI–XVIII вв. существовало четыре или даже восемь понятий: *Basenkindt* («дитя сестры отца»), *Vetterkindt* («дитя брата отца»), *Mumenkind* («дитя сестры матери»), *Ehemkind* («дитя брата матери») и др. По словам автора, понятийный строй «нововерхненемецкой» системы родства лишь относительно недавно приобрел свой современный вид.

Очевидную динамику имеют концепты, заимствованные из чужой культуры. А. Д. Шмелев (2012, с. 308–310) обсуждает, например, сложный, многоэтапный процесс подобной динамики чужих концептов. В частности, заимствованное из французского слово «деликатный» в XVIII и в начале XIX в. употреблялось в русском языке в первоначальном значении французского слова «*delicat*» («нежный, тонкий», «вкусный», «хрупкий», «щекотливый», «впечатлительный», «тактичный», «прихотливый») и использовалось по большей части для характеристики изысканных кушаний. Но ко второй половине XIX в. слово стало употребляться преимущественно для оценки тактичного поведения. Например, деликатным называют человека, заботящегося о том, чтобы не поставить другого в неловкое положение.

Автор отмечает, что гораздо более сильную трансформацию претерпел французский концепт, обозначаемый словом «*courage*» («храбрость», «мужество», «бодрость»). Слово «кураж» в русском языке существенно изменило свое значение, сблизившись со словами «удаль», «размах», «загул». Оно означает теперь не столько смелость или мужество, сколько раскрепощенность и отсутствие «тормозов» — свойство, требующееся, например, актерам, выступающим перед публикой, или спортсменам; состояние, которое может быть достигнуто путем употребления алкоголя (ср. «выпить для куража» (или «для куражу»)).

О наличии исторической динамики концептов свидетельствует и факт исчезновения многих концептов и понятий из современной объективной психической реальности и языка. Например, концептов, обозначаемых понятиями *астид* (ядовитая змея), *батог* (палка), *помело* (метла, обмотанная на конце тряпкой, служит для подметания золы в печке), *булат* (оружие из стали), *вершок* (мера длины, равная 4,4 см), *студенец* (колодец со студеной водой), *лытка* (часть ноги ниже колена), *выворотень* (корневище большого дерева, вывернутого из земли), *вакация* (каникулы), *горница* (комната), *кудель* (пучок льна или шерсти) и др. В. И. Карасик (2004, с. 122) даже вводит понятие *угасание концепта*. Например, угасают в русской концептосфере концепты, обозначаемые понятиями *кротость*, *гнедой* и др. (там же).

З. Д. Попова и И. А. Стернин (2007, с. 125) тоже отмечают, что многие концепты исчезают в ходе развития общественной жизни — например,

русский концепт, обозначаемый понятием *местничество*, игравший большую роль в жизни российского общества и государства в XVI–XVII вв., научный концепт *эфир* и др. С. И. Гришунин (2009, с. 148) полагает, что понятия могут «выживать» как благодаря значительности своего вклада в понимание мира, так и под влиянием идеологической поддержки, экономических приоритетов, авторитета и роли лидеров научных школ.

За сравнительно короткие периоды времени может меняться эмоциональная окрашенность концептов (и понятий). Так, ссылаясь на исследования многих авторов, А. Д. Шмелев (2012, с. 315–317) отмечает, что целый ряд слов, например «коммерсант», «бизнесмен», «амбициозный», «карьерист», «индивидуалист» и даже «карьерист» и «эгоист», утратили в последние годы в русском языке присущую им в советское время отрицательную окраску. Он объясняет это принятием обществом установки на достижение успеха и личное процветание, вытесняющее внимание к нюансам отношений между людьми. В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин (2007, с. 13) тоже пишут, что концепт может даже менять оценочный знак с отрицательного на положительный или с положительного на отрицательный.

История свидетельствует, что любая революция, и научная, и социальная, неизбежно сопровождается сменой многих концептов (и обозначающих их слов) или по крайней мере сменой концептов, для обозначения которых могут использоваться уже известные слова.

§ 4. Аморфность концептов

Многие слова нашего языка вроде бы нам знакомы, и мы даже примерно представляем, что они означают. Однако нередко мы не в состоянии дать четкое определение соответствующего понятия, то есть построить вербальную конструкцию, которая раскрывает его суть. Получается, что мы, зная, как нам кажется, что означает слово, обозначающее определенный концепт, обладаем вместо совершенно ясного для нас концепта некими аморфными, рыхлыми конструкциями, имеющими отдаленное отношение к данному понятию.

Многие наши концепты (и понятия), в ясности которых мы вроде бы даже уверены, при внимательном рассмотрении оказываются весьма неопределенными. Б. Рассел (2009, с. 123–124), например, демонстрирует нечеткость наших языковых конструкций, предлагая рассмотреть фразу «В данный момент в этой комнате находится определенное число людей». Он соглашается, что в некотором смысле сказанное неоспоримо. Но при попытке определить, что же представляет собой эта комната, что значит для человека находиться в комнате, каким образом один человек отличается от другого и т. п., обнаруживается, что произнесенная фраза крайне нечеткая и на самом деле мы не знаем, что же имел в виду ее создатель.

Автор, в общем-то, прав, хотя в повседневной жизни нам вполне достаточно «точности», обеспечиваемой нашими концептами и вербальными конструкциями. Другое дело, что при попытках прямого переноса «бытовых» концептов (и понятий) в науку могут возникать проблемы.

Б. Рассел (с. 124) заключает, что нечеткость в теории познания более важна, чем это можно было бы думать. Нечетко все, причем степень нечеткости не осознается вплоть до попытки нечто прояснить, а все точное так далеко от того, о чем мы обычно мыслим, что нельзя понять, что же мы имеем в виду, выражая свои мысли. А. Уайтхед (1990, с. 545) тоже замечает, что история европейской мысли поражена фатальным заблуждением, которое можно назвать догматической ошибкой. Ошибка состоит в убеждении, что мы способны создать концепты, которые могут быть адекватно определены, относительно того, что они репрезентируют в реальном мире. По его мнению, все концепты за исключением, может быть, простейших понятий арифметики, в том числе наши самые известные и, казалось бы, очевидные, поражены неизлечимой неопределенностью.

Аналогичное мнение высказывает В. Гейзенберг: «Ситуация, с которой мы сталкиваемся в наших попытках “понять”, может привести к мысли, что существующие у нас средства выражения вообще не допускают ясного и недвусмысленного описания положения вещей. В современной науке различие между требованием полной ясности и неизбежной недостаточностью существующих понятий особенно разительно» (2006, с. 72).

Л. Витгенштейн (2008, с. 122) ставит под сомнение адекватность самого концепта, обозначаемого понятием *точность*. Он спрашивает, что означает слово «точность»? Это значит, что вы приходите, когда часы показывают 4:30, если предполагалось, что вы придете на чай в 4:30? Или точность имела бы место, если бы вы начали открывать дверь в момент, когда показывают часы? Но как следует определять этот момент и как должно определяться начало открывания двери? И делает заключение, что трудно сказать, что есть действительная точность, ибо все, что мы знаем, — лишь грубые приблизительные величины. Автор (1994, с. 113) отстаивает право на существование неточного и неясного, так как неотчетливое часто как раз то, что нам нужно. Он утверждает, что совсем не бессмысленно сказать: «Стань приблизительно там!» — если говоришь это кому-то стоящему вместе с говорящим на городской площади.

Л. Витгенштейн (2008, с. 56) указывает, что у нас нет ясных понятий не потому, что мы не знаем их действительного определения, а потому, что их действительного определения нет.

Думаю, он имеет в виду то, что **в окружающем нас мире просто нет того, что нам следует лишь подробно описать. Мы вынуждены самостоятельно выделять (конституировать и конструировать) в качестве фрагментов**

окружающей реальности множество сущностей, которые способны присутствовать только в сознании.

По словам Л. Витгенштейна (с. 58), многие слова не имеют строгого значения. Но думать, что это дефект, — все равно что считать свет настольной лампы ненастоящим, поскольку он не имеет четких границ.

Сказанное еще раз подтверждает, что **в повседневной жизни нам вполне хватает «точности», обеспечиваемой нам нашими аморфными концептами с нечеткими границами.**

Д. Норман (1985, с. 603) сообщает, что психологи, углубленно исследовавшие представления, связанные у людей с рядом основных понятий, обнаружили, что они опираются на плохо обоснованные и весьма спутанные структуры знания, иногда взаимно противоречивые. Автор откровенно признает, что его собственное истолкование некоторых основных понятий тоже весьма противоречиво. И делает вывод, что, вероятно, таковы структуры знания у всех людей.

Сказанное относится не только к понятиям, значениями которых являются вербальные концепты, но даже к понятиям, обозначающим предметы и физические объекты. Й. Л. Вайсгербер (2004, с. 154) приводит, например, данные Р. Мерингера, который устроил 19 студентам своего рода экзамен на знание названий элементов человеческого тела. Экзаменатор указывал на что-то, а они должны были написать правильное название. Бедро назвали правильно 11 человек, плечо — лишь два человека, подошву — 15, ресницы — четыре. Поясницу никто не назвал правильно. Все испытуемые давали ответы, не соответствовавшие общепринятым терминам. По мнению автора, это свидетельствует об очевидной неясности понятий. Й. Л. Вайсгербер указывает, что полученные Р. Мерингером данные никак нельзя считать исключительным явлением. Мы на каждом шагу можем обнаружить подобное собственное незнание понятий, от достаточно простых вещей и до научных терминов, которые часто являются для нас пустым звуком.

Чтобы читатель удивился еще сильнее, предлагаю ему взять, например, словарь иностранных слов и проверить свое знание любых 20 слов подряд, которые кажутся ему знакомыми. Облегчу вашу задачу. Попробуйте объяснить себе слова, по поводу которых, по мнению Г. Бейтсона (2007, с. 17), даже взрослые люди часто не могут сказать ничего разумного. Это — «энтропия», «таинство», «синтаксис», «число», «количество», «паттерн», «линейное соотношение», «имя», «класс», «релевантность», «энергия», «избыточность», «сила», «вероятность», «часть», «целое», «информация», «тавтология», «гомология», «ньютоновская масса и христианская месса», «объяснение», «описание», «правило размерностей», «логический тип», «метафора», «топология» и т. д.

Нельзя не признать очевидность того факта, что **множество наших концептов плохо определены и имеют очень нечеткие границы. Причем такие концепты обозначаются хорошо известными и широко распространенными словами, с которыми все мы сталкиваемся достаточно часто.**

О. А. Корнилов (2013, с. 195), например, рассматривая концепты, обозначаемые понятиями *утро*, *день*, *вечер* и *ночь*, доказывает, что они перекрывают друг друга и даже в толковых словарях не удастся найти их непротиворечивых определений. Автор (с. 196) заключает, что нечеткость и противоречивость концептов, репрезентирующих время суток, не являются исключительной особенностью русского языкового сознания. Они обнаруживаются и в других языках, и это — проявление сущности языкового сознания, а не недостатки, которые было бы желательно устранить.

Еще больше неопределенности с вербально сконструированными концептами. М. С. Гусельцева (2012, с. 36) сообщает, например, что только в классическом труде Т. Куна насчитывается до 35 определений слова «парадигма». Более того, точное определение этому термину методологи пытаются дать до сих пор. Однако, по мнению автора, расплывчатость и подвижность концепта даже необходимы для более точного и четкого понимания реальности.

В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин (2007, с. 12) тоже полагают, что концепты четких границ не имеют.

Обоснованы ли вообще претензии по поводу неточности и неопределенности вербальных концептов?

С помощью своих вербальных концептов мы не можем более точно репрезентировать окружающий мир. Даже то, что мы считаем несомненным описанием окружающего мира, является описанием не «реальности в себе», а лишь наших же чувственных ее репрезентаций. **Многие наши вербальные репрезентации по самой своей природе неоднозначны и не могут иметь четких границ, потому что репрезентируют то, что, например, недоступно восприятию или явно вымышлено сознанием.**

Корни проблемы неопределенности человеческих концептов в том, что они описывают не существующий вне нашего сознания предметный мир. Они создают из неопределенной и не доступной нам никак иначе «реальности в себе» специфически человеческий, антропоморфный мир, частью которого является в том числе даже то, что мы считаем физическим предметным миром.

Д. Гарсия пишет: «“Предметы мысли”... по самой своей сути не могут быть строго ограниченными, отдельными и совершенно ясными для Ума, они расплывчаты в своих бесконечных связях и изменчивы в нашем текущем понимании вещей по обстоятельствам. Отсюда наши споры об их “сущности”, соотнесенности, значении. И вот, нужно договариваться

и пытаемся договориться. ...А договоренности предполагают некоторое подобие договаривающихся по их способу жизни и уровню жизни. И так, для слов “тело”, “дух”, “душа”, “разум”, “сознание” и прочих важнейших нет строго определенного “смыслового эталона” и они наделяются нами смыслом по обстоятельствам, по наитию, по личной потребности, и мы в целом как-то понимаем друг друга, требуя иногда дополнительных разъяснений, но не требуя окончательных определений, как бы зная, что это просто невозможно. Мы довольствуемся приблизительным смыслом слов, удобным или говорящему, или нам самим, — а там “видно будет”. Скорее всего, здесь мы имеем дело с “трудным местом” для нашего согласованного понимания, подобно тому, каким был “очевидный”, но непонятный химизм веществ для средневековых естествоиспытателей» (2004, с. 40).

Возникает вопрос: *если у нас нет адекватного концепта, то чем же представлено в нашем сознании соответствующее знакомое нам слово, которым мы пользуемся, но значение которого не можем объяснить?*

Обычно человек в процессе собственной социализации усваивает понятия, созданные другими людьми. Усваивает он их в специфических ситуациях, где данные понятия применяются другими. Поэтому, часто даже не зная, что конкретно обозначает определенное понятие, человек помнит ситуацию и то, к чему данное понятие может быть в ней применено. Таким образом, рыхлая конструкция, которая в данном случае заменяет человеку концепт, обычно репрезентирует ситуацию, в которой данный плохо ему понятный концепт используется.

Многие наши концепты — это психические конструкции, с помощью которых человек пытается репрезентировать часто плохо очерченные участки «реальности в себе», не вполне доступные восприятию или недоступные ему вовсе, что не мешает тем не менее концептам быть вполне адекватными этой реальности.

Наряду с этим есть немало концептов, которым больше подходит определение не «аморфные», а «неадекватные». Они не соответствуют реальности и вводят нас в заблуждение. Б. Рассел пишет, например: «Я считаю, что некоторые понятия, которые мыслятся в философии¹ (ссылка моя. — *Авт.*) абсолютно фундаментальными, появляются исключительно из-за ошибок, относящихся к символизму, — например, понятие существования, или, если вам угодно, реальности. ...Эти понятия играли очень

¹ Я добавил бы, что это наблюдается отнюдь не только в философии, но и в психологии, физике, да и вообще в науке. Неадекватные понятия — результат построения не столько аморфных психических конструкций, которые имеют некий референт в реальности, но плохо, искаженно ее репрезентируют, сколько результат вообще неадекватной, или ошибочной, концептуализации «реальности в себе» и создания ложных сущностей.

значительную роль в философии. Мое же собственное убеждение заключается в том, что они встречаются в философии всецело как результат путаницы с символизмом. При прояснении этой путаницы обнаруживается, что практически все, что говорилось о существовании, есть явная и простая ошибка, и это все, что можно сказать о нем» (2009, с. 129).

Из-за неадекватных вербальных концептов, созданных исследователями, в психологии и философии появилось множество надуманных проблем. Наиболее известными примерами подобных неудачных, порождающих проблемы вербальных концептов являются психические конструкции, обозначаемые понятиями *объективное* и *субъективное*, *материальное* и *идеальное*, *психическое* и *физическое*, *сознательное* и *бессознательное* и многие другие.

Тезисы для обсуждения

1. Сознание не «открывает» якобы присутствующие в окружающем мире сущности, как принято считать в соответствии с доминирующей в науке парадигмой, а формирует их путем конституирования и конструирования концептов, репрезентирующих сущности, пребывающие затем лишь в человеческом сознании.
2. Конституирование — это создание на основе чувственных репрезентаций концепта, репрезентирующего новую сущность. Можно выделить чувственное и вербальное конституирование. Первое происходит в результате выделения в сознании определенной модели-репрезентации и ее связывания с образом нового слова. Вербальное конституирование происходит в результате консолидации многих чувственных репрезентаций в смешанный концепт с помощью специально выстраиваемой сознанием вербальной конструкции.
3. Конструирование — это создание сознанием с помощью воображения и «на пустом месте»¹ концепта, репрезентирующего новую сущность. Как и конституирование, оно может быть чувственным или вербальным. Чувственное конструирование — это построение нового чувственного концепта (и сущности) из фрагментов моделей-репрезентаций известных объектов и обозначение ее новым словом. Вербальное конструирование — это создание с помощью вербальной конструкции вербального или смешанного концепта, репрезентирующего новую недоступную восприятию сущность, и обозначение ее новым словом.

¹ Имеется в виду, что здесь отсутствует модель-репрезентация, которую можно было бы просто обозначить словом.

4. Сознание способно репрезентировать недоступную восприятию часть реальности, формируя в ней новые сущности с помощью создаваемых им вербальных и смешанных концептов. И все построенные им ее альтернативные вербальные модели могут считаться верными, если они помогают человеку адаптироваться к реальности и предсказывать ее возможные изменения.
5. Сущности, сформированные с помощью конституирующих и конструирующих вербальных и смешанных концептов, часто не могут быть восприняты человеком непосредственно, то есть не могут, как предметы, быть прямо репрезентированы им чувственно.
6. Сознание конструирует новые сущности и обозначает их новыми словами, формируя вербальные конструкции из уже известных редуцированных понятий. Процесс повторяется многократно. Это позволяет сознанию, базируясь изначально на чувственных концептах, создавать в итоге предельно умозрительные сущности.
7. С помощью вербальных и смешанных концептов сознание конституирует и конструирует материальные, психические, социальные, трудно квалифицируемые и даже явно фантастические сущности. Созданные человеческой фантазией сущности часто гипостазируются сознанием и превращаются в якобы присутствующие в окружающем мире элементы физической, социальной или психической реальности.
8. С течением времени вербальные и смешанные концепты меняются, при этом обозначающие их слова могут сохраняться в языке и использоваться даже при радикальном изменении старых концептов. Любая революция, особенно научная, неизбежно сопровождается заменой многих важнейших концептов (и обозначающих их слов) или по крайней мере сменой концептов при сохранении старых терминов.
9. Многие индивидуальные концепты, даже являющиеся значениями широко распространенных слов, с которыми человек достаточно часто сталкивается, могут представлять собой весьма аморфные и плохо ему понятные конструкции его сознания.
10. Концепты по самой своей природе неоднозначны и нечетко очерчены, потому что репрезентируют области «реальности в себе», которые невозможно четко ограничить, области, плохо доступные или совсем недоступные восприятию, что не мешает тем не менее большинству этих концептов быть вполне адекватными реальности и полезными человеку.
11. Существует немало понятий, даже фундаментальных, которые вообще неадекватно репрезентируют реальность, хотя большинство людей этого не замечают. Тем не менее люди в любой момент могут подвергнуть свои понятия ревизии, что периодически и делают.

1.3.3. Этническая специфика концептов

§ 1. Теория лингвистической относительности Сепира — Уорфа

Разные этносы могут по-разному концептуализировать одну и ту же грань реальности. Данное обстоятельство оказывает влияние на коммуникацию.

В чем конкретно может выражаться разная концептуализация одного и того же аспекта реальности? Э. Сепир (2003, с. 153–155) разъясняет это на примере вербальной репрезентации падающего камня. В английском языке для этого используются два концепта (и понятия) — the stone и falls («камень» и «падает»). Причем англичане обязательно указывают (что не делают многие другие народы), конкретный это камень или камень вообще, обязательно выражают единственное число объекта и определяют время его падения. Автор демонстрирует, что данная форма концептуализации далеко не единственная.

Немцы и французы (как, кстати, и русские — *Авт.*) присваивают камню категорию рода. Индейцы чиппева указывают, что камень является неодушевленным объектом. Индейцы квакиутль делают утверждение, одинаково применимое и к одному, и к нескольким камням, а также указывают, видим или невидим камень для говорящего и к кому он ближе — к говорящему, адресату речи или к какому-то третьему лицу. Китаец обходится минимальным утверждением — stone fall («камень падать»).

Э. Сепир (с. 153–155) подчеркивает, что различия в концептуализации могут показаться несущественными, так как во всех рассмотренных языках реальность концептуализируется с помощью двух концептов, репрезентирующих камень и его действие — падение. Однако эта, казалось бы, единственная возможность концептуализации, как считает Э. Сепир, — лишь иллюзия. В языке нутка падение камня вообще концептуализируется совершенно по-другому. В нем используется слово — глагольная форма, состоящая из двух главных элементов. Первый обозначает общее движение или положение камня или камнеподобного предмета, а второй — направление вниз. Некоторое представление о выражении, существующем в языке нутка, может создать выдуманный глагол to stone («камнить»).

Соответственно, предложение the stone falls («камень падает») может быть передано в языке нутка посредством чего-то вроде it stones down («камнит вниз»). Таким образом, по словам автора, нутка используют концепты, принципиально отличающиеся от привычных нам. И они не испытывают никаких затруднений при описании падения камня, хотя в их языке вместо привычных нам концептов, репрезентирующих определенный вид предметов и специфический вид движения, используются

концепты, репрезентирующие обобщенное движение некоторого класса объектов и его конкретное направление.

Хочу обратить внимание, что Э. Сепир демонстрирует нам различия в концептуализации чувственно воспринимаемых людьми предметов. Следовательно, даже при наличии у людей сходных чувственных предпонятий, в данном случае — модели-репрезентации падающего камня, вербальная модель этого процесса может заметно различаться в разных культурах. *Что же тогда говорить о возможных вариантах концептуализации реальности, совершенно недоступной восприятию?*

Он (1993а, с. 273–274) приводит еще один поучительный пример разной концептуализации, которая определяется интересом людей к тем или иным реалиям. Мы разграничиваем понятия *луна* и *солнце*, но есть немало индейских племен, которых вполне устраивает одно общее понятие, а точная референция объекта возможна лишь через контекст. Если же мы попытаемся возражать, что такое неопределенное обозначение не отражает естественные природные различия, индеец вполне может указать нам на столь же неопределенный характер нашего слова «сорняк» по сравнению с его собственным очень точным «растительным» словарем. Автор констатирует, что наличие или отсутствие определенных концептов (и их обозначений в языке), репрезентирующих какие-то объекты или явления, связано с тем, насколько важны для людей те или иные аспекты реальности.

Э. Сепир (с. 258) делает вывод об относительности понятий, которую скрывает от нас наше наивное представление о единственно возможной форме объективного понимания природы опыта, представленной именно в нашем языке. Поэтому его теорию называют теперь «гипотезой лингвистической относительности». Э. Сепир (там же) указывает, что мы живем не только в материальном и социальном мирах, как это принято думать, но все мы находимся и во власти языка своего общества. По его словам, представление о том, что человек ориентируется в мире без помощи языка, а язык — всего лишь случайное средство решения задач мышления и коммуникации, — это иллюзия. Наш реальный мир неосознанно строится нами на основе языковых привычек нашей социальной группы. Миры, в которых живут различные общества, — это разные миры, а отнюдь не один мир с навешанными на него разными ярлыками.

Э. Сепир (с. 261) отмечает, что даже, например, понимание простого стихотворения предполагает не только знание составляющих его слов, но и понимание всего образа жизни данного общества, отражающегося в словах и раскрывающегося в оттенках их значения. Даже восприятие человека зависит от наличия определенных социальных шаблонов, называемых словами. Именно наличие конкретных слов в языке людей привлекает их внимание к определенным аспектам окружающего мира, а отсут-

ствие таких слов не позволяет эффективно репрезентировать некоторые его детали.

Автор прав в том смысле, что люди, живущие в обществах, не имеющих в своих языках детальной терминологической дифференциации каких-то аспектов реальности, например, не смогут в процессе своей коммуникации обозначать и различать особенности этих аспектов. Более того, они не будут даже обращать внимание на данные особенности и выделять их различия. Из этого, впрочем, отнюдь не следует, что представители данных обществ не в состоянии воспринять такие различия. Они вполне могут это сделать, если предложить им иную концептуализацию реальности, введя в их лексикон новые слова.

Примерно о том же говорит и Дж. Келли, утверждая, что «система истолкования устанавливает пределы возможностям восприятия и понимания. Конструкты каждого человека являются регуляторами-ограничителями его перспективы» (2000, с. 168).

Развивая идеи Э. Сепира, Б. Уорф пишет, что мы «расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном — языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного языкового коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка» (1960, с. 174).

Данное соглашение вместе с языком достается нам по наследству от наших предков. Б. Уорф продолжает обсуждение проблем, поднятых Э. Сепиром. Он тоже говорит о новом принципе относительности, «который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину Вселенной только при сходстве или по крайней мере при соотносительности языковых систем» (2003, с. 210).

Из высказываний Э. Сепира многие исследователи в последующем сделали не совсем те выводы, которые, как мне кажется, он имел в виду. Они постарались опровергнуть тот факт, что, как говорит Э. Сепир, «мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» (1993а, с. 261).

Исследователи, не поддерживающие теорию лингвистической относительности Сепира — Уорфа, основываются на неправильно трактуемых результатах экспериментов Б. Берлина и П. Кея (B. Berlin, P. Kay,

1968) и их последователей, подробно исследовавших концептуализацию цветового спектра в этнических разных группах населения Земли. Чтобы не перегружать текст книги, я вынес в примечание¹ этнические особенности концептов, репрезентирующих цвета спектра.

Отвергая теорию лингвистической относительности Сепира — Уорфа, Б. Берлин и П. Кей приводят в качестве доказательства ее ошибочности отсутствие влияния разной концептуализации цвета на восприятие разного цвета у носителей разных языков. Но вот тут-то и возникают вопросы, так как модель, которую изучают авторы, непригодна для исследования лингвистической относительности. Исследование влияния этноспецифических концептов, репрезентирующих конкретные цвета, на цветовое восприятие у представителей разных этносов не могло опровергнуть теорию лингвистической относительности, потому что исследователями была выбрана неадекватная для заявленных целей и задач модель.

Каждый цвет репрезентируется в сознании собирательной моделью-репрезентацией множества поверхностей, имеющих данный цвет. Наличие или отсутствие достаточного количества слов, обозначающих цвета в языке конкретного этноса, не влияет на образование этих собирательных моделей-репрезентаций. Концепты — собирательные модели-репрезентации многих одинаково окрашенных поверхностей, репрезентирующие конкретный цвет, конституируются чувственно. При этом биологическая способность представителей этноса воспринимать конкретные цвета не зависит от наличия или отсутствия в их языке обозначающих данные цвета слов. Она зависит лишь от биологических особенностей зрительного анализатора и «реальности в себе».

Независимо от того, создаст ли отдельный этнос концепт и соответствующее слово, обозначающее конкретный цвет, представители данного этноса, как и все прочие люди, способны воспринимать любой цвет, так как у них, как и у всех людей, есть сходные качества зрительного анализатора, обеспечивающие им такую возможность. Представители этноса, не имеющего, например, слова «оранжевый» в своем лексиконе и соответствующего концепта, репрезентирующего оранжевый цвет, не смогут выделять этот цвет в процессе своей коммуникации и обсуждать его между собой. Но они способны воспринимать данный цвет и выделять его среди прочих, если им предоставить соответствующее обозначающее слово и научить их выделять этот цвет.

Оппоненты Э. Сепира и Б. Уорфа исходили из того, что специфическая концептуализация, присущая конкретным языкам, должна влиять на особенности человеческого восприятия. Следовательно, если у этноса нет понятия, обозначающего определенный цвет, его представители не долж-

¹ См. Примечание 7.

ны такой цвет воспринимать. Они, однако, не учли того, что специфическая концептуализация, конечно, влияет, но не столько на восприятие, сколько на «видение», то есть на понимание воспринятого. Она не меняет биологические процессы восприятия. Она скорее влияет на избирательность человеческого восприятия, на то, что именно человек в первую очередь воспринимает, на что он обращает внимание и что игнорирует в процессе своего восприятия, а тем более в процессе последующей коммуникации с представителями своего этноса.

Очевидно, что специфическая концептуализация не влияет на биологические основы восприятия, которые очень сходны у всех людей, и если человек способен видеть красное или зеленое, то он их видит вне зависимости от того, есть ли в его языке слова, обозначающие соответствующие концепты. Другое дело, что один этнос имеет такие слова, то есть использует благодаря своему языку соответствующие концепты, а также дифференцирует эти цвета и обсуждает их в процессе коммуникации, тогда как другой не выделяет и не дифференцирует. Следовательно, для другого этноса этих цветов как бы и нет в реальности, то есть его представители «не видят» данные цвета, хотя и способны легко их увидеть.

Оппоненты теории Сепира — Уорфа пытаются доказать ее ошибочность, ссылаясь на то, что люди, принадлежащие к разным этническим группам, в том числе те, в языке которых нет обозначений для многих цветов, способны воспринимать эти цвета. Однако из этой теории совсем не следует, будто конкретный язык способен менять биологические основы человеческого восприятия. Язык меняет лишь нашу готовность выделять в воспринятом те или иные сущности и нашу возможность оперировать ими в процессе коммуникации. Язык способен менять возможности человеческого восприятия только за счет расширения или, наоборот, сужения области понимания человеком воспринятого.

Чтобы заметить сущности (предметы, конкретный цвет и т. д.) и потом оперировать ими, нам недостаточно просто их чувственно репрезентировать. Их надо еще и обозначить. Только после того, как кто-то первым выделит некую сущность в потоке воспринимаемого и обозначит ее, остальные люди тоже приобретают возможность ее выделять и воспринимать в качестве особого предмета, цвета, запаха и т. д.

Следовательно, мало иметь способность к восприятию разного цвета, общую для всех людей. Чтобы обладать способностью не только воспринимать, но и выделять цвета и оперировать ими, надо иметь в своем языке еще и их обозначения. Говоря метафорически, чтобы поймать рыбу, мало иметь руки (биологические способности к восприятию), надо иметь удочку и навыки рыболова (созданные обществом концепты и слова). **Обозначить цвета можно только с помощью определенных слов (и их образов).**

Именно в этом заключается важнейшая роль языка в человеческом восприятии, так как можно воспринимать, но не «видеть», то есть не дифференцировать сущности в воспринятом и, следовательно, не мыслить о них. Можно поэтому только подтвердить абсолютную правоту Э. Сепира и Б. Уорфа в том, что концептуализация окружающего мира целиком и полностью определяет наше миропонимание. Сама же концептуализация проявляется, закрепляется и передается новым поколениям в усваиваемом ими языке общества.

Каждый этнос более детально концептуализирует сущности, играющие в его жизни важную роль. Б. Г. Кузнецов (2010, с. 26) пишет, что у лапландцев, например, 20 названий для льда и 41 — для снега. К. А. Свастьян (2010а, с. 187) сообщает, что Гаммер-Пургшталл насчитал в арабском 5744 наименования, имеющих отношение к верблюдам.

По словам Дж. Лакоффа (2004, с. 245), любой человек (моряк, плотник, швея и т. д.), обладающий специальными знаниями в какой-либо области, располагает большим словарем, отражающим специфику данной области. Соответственно, и люди, принадлежащие к специфической культуре, приобретают больший словарь специфических терминов. Это свидетельствует лишь о том, что люди могут иметь различные высоко структурированные области опыта, что не мешает им иметь общие со всеми другими людьми языковые способности и способности концептуализации.

П. Фейерабенд (2007, с. 226) пишет, что с большой симпатией относится к концепции, предвосхищенной Ф. Бэконом и изящно сформулированной Б. Уорфом, утверждающей, что языки и схемы реакций, содержащиеся в них, не просто представляют собой инструменты для описания событий (фактов и положений дел), а являются также формообразующими матрицами событий (фактов и положений дел). Что их «грамматика» содержит всеобъемлющее воззрение на мир, общество и положение в нем человека, которое оказывает влияние на мышление, поведение и восприятие людей.

Негативное отношение многих исследователей к теории лингвистической относительности во многом обусловлено небрежностями, которые можно обнаружить в работах даже выдающихся исследователей. Т. Кун, например, пишет: «Существа с одинаковым биологическим оснащением могут воспринимать мир, по-разному структурированный их языками, поэтому они не смогут общаться между собой. Даже когда индивиды одновременно входят в разные языковые сообщества (то есть владеют несколькими языками), они по-разному воспринимают мир, переходя от одного языка к другому» (2014, с. 141).

Понятно, что автор не имел в виду принципиальную неспособность представителей разных этносов общаться между собой, а хотел лишь подчеркнуть трудности в их коммуникации, обусловленные разной концептуа-

лизацией реальности, характерной для их языков, но что сказано, то сказано...

Большинство исследователей все же склонны осторожно принимать теорию лингвистической относительности Сепира — Уорфа. Эту позицию выражает, например, Н. Г. Комлев, который пишет, что современная наука отвергает оба экстремальных решения — и то, что язык целиком детерминирует мировоззрение, и то, что мировоззрение людей не зависит от их языка (1992, с. 108).

Подводя итог краткому рассмотрению теории лингвистической относительности Сепира — Уорфа, следует отметить ее несомненную ценность применительно главным образом к вербальным концептам, репрезентирующим недоступную восприятию реальность. Тем не менее особенности концептуализации реальности, безусловно, влияют на специфику понимания представителями разных этносов даже доступной их восприятию реальности.

В конечном счете на формирование этноспецифической глобальной репрезентации реальности влияют и общие для всех людей Земли их психофизиологические способности и уникальные для каждого народа варианты вербальной концептуализации реальности, связанные с конкретным языком. При этом наличие общей психофизиологии и сходство среды обитания позволяет представителям разных обществ легко усваивать вместе с чужим языком иные варианты концептуализации реальности.

§ 2. Специфика национальных концептосфер

Как мы, надеюсь, только что убедились на примере концептуализации цветового спектра¹, даже чувственные концепты, казалось бы, одних и тех же или по крайней мере сходных, а главное, доступных восприятию аспектов реальности в разных культурах могут серьезно различаться между собой.

Многие исследователи тоже отмечают данный факт. Л. Ельмслев (2005, с. 77), например, демонстрирует несовпадение национальных концептов (и понятий), сравнивая содержание таких простейших, казалось бы, сущностей, как дерево и лес, у датчан, немцев и французов.

Я хотел бы подчеркнуть, что автор обсуждает различия чувственно конституируемых концептов, репрезентирующих физический мир, более того, предметы, которые должны были бы совпадать у европейцев, живущих практически в одних и тех же природных условиях. Но они тем не менее не вполне совпадают.

¹ См. Примечание 7.

О несовпадении этноспецифических концептов говорит и Й. Л. Вайсгербер (2004, с. 177–178). По словам автора, французское понятие *Fleur* охватывает то, что в немецком представлено двумя понятиями *blume* («цветок») и *blute* («цветок дерева»). Французской паре понятий *cheveux* и *poils* соответствует в немецком одно — *haar* («волосы»). Одни языки различают *mensch* («человек, мужчина») и *mann* («мужчина, муж»), а другие не делают таких различий (ср. франц. *homme*).

Рассматривая, казалось бы, чрезвычайно простые, одинаковые у всех народов Европы и понятные всем родственные отношения, Й. Л. Вайсгербер (с. 110–112) обнаруживает в их концептуализации выраженные культурные различия. Он отмечает уверенность немцев в том, что немецкий язык обладает вполне достаточным набором слов, обозначающих систему родства, и их убежденность в том, что данное понятийное членение родственных отношений является естественным и правильным.

Автор, однако, легко доказывает, что в других языках, например в сербохорватском, есть как слова, соответствующие немецким, так и дополнительные слова, более однозначно определяющие некоторые родственные отношения. Вместо понятия *onkel* («дядя») есть конкретные обозначения: брата отца (*stric*), брата матери (*ujak*) и мужа сестры отца или матери (*tetak*). Дети брата и дети сестры тоже различаются, причем отсутствуют более общие понятия типа немецких *neffe* («племянник») или *nichte* («племянница»). Столь же выраженные различия наблюдаются в обозначениях родственников супруга.

Й. Л. Вайсгербер вспоминает в связи с этим о латинском языке, который также не знал понятия типа немецкого *onkel*, зато строго различал *patruus* («брат отца») и *avunculus* («брат матери»). За пределами индоевропейских языков картина становится еще более разнообразной. Например, у многих народов нет общего понятия *брат*, но есть понятия *старший брат* и *младший брат*. Автору непонятно, как можно понятийно обобщить «старшего» и «младшего» брата, если они имеют разные обозначения, а общее понятие отсутствует. В некоторых языках существуют разные обозначения отца в зависимости от того, чей это отец (*лицо и число*). Автор (с. 112–113) заключает, что в целом концептуализация системы родства в прочих индогерманских языках значительно отличается от немецкой.

Действительные родственные отношения почти везде одни и те же, но то, на что обращается внимание при их концептуализации, что обобщается и вычленяется, меняется от языка к языку. А вместе с этим незначительно, но меняется и картина отношений, которую усваивают носители этих языков.

Даже такие сущности, как субъект, концептуализируются и обозначаются в разных языках по-разному. В русском, например, выделяются две формы обращения к собеседнику: официальная, вежливая, уважительная — «Вы» и неформальная — «ты». В английском одна — «you». В русском есть концепты (и понятия): *я, мне, меня, мной, обо мне, у меня* и т. д., а также: *мы, нам, нами, нас, о нас, с нами, у нас* и пр. В английском — лишь *I* и *me*, а также *we* и *us*.

Многие авторы отмечают, что концептуализация мира определяется средой, в которой народ живет. Очевидно, что, например, среда обитания эскимосов, монголов, арабов, южноамериканских индейцев и жителей полинезийских островов совершенно различна. По крайней мере, это было так в период формирования их языков. Разная среда и ее разная концептуализация сформировали разное мировоззрение народов — особый национальный взгляд на окружающее, выражающийся в его специфической концептуализации.

З. Д. Попова и И. А. Стернин (2007, с. 146–147), ссылаясь на В. И. Карасика, сообщают, что в английском языке много дифференцированных названий концепта, обозначаемого понятием *плыть*. В русском языке пять названий снега с ветром — «метель», «пурга», «вьюга», «поземка», «буран», а в большинстве европейских языков есть одно словосочетание — «снежный шторм».

Г. Д. Гачев (1998, с. 44) считает, что каждый народ «улавливает мир своей сеткой координат» и составляет свой особый национальный образ мира. Национальный образ мира формируется в результате диктата национальной природы, которая оказывает влияние на национальные языки. Автор (с. 54) даже высказывает мысль, что у звуков языка прямая связь с пространством естественной акустики, которая в горах иная, чем в лесах или степи.

В. И. Карасик (2004, с. 112) доказывает, что концепты (и понятия), обозначающие одни и те же предметы в разных культурах, не полностью совпадают, что может быть очень существенным для межкультурной коммуникации. Например, русское слово «солнце» — совсем не то, что «қуеш» по-узбекски, и уж тем более не то, что «офтоб» по-таджикски. Национальный язык выражает специфические отношения — дружелюбные или тягостные, в которые человек вступает с небесным светилом в специфических для данной нации природных условиях. Узбек, живущий большую часть года под его палящими лучами, никогда не скажет ласково-уменьшительное «солнышко». Но у русского нет ощущения того, что солнце может быть не только плодонесущим и землеобновляющим, но и враждебным. Зато к луне, несущей прохладу и умиротворение,

у южных народов совсем иное отношение. Все красивое и желанное узбек называет «луноликим», «луноподобным».

Трудно, однако, объяснить различия в концептуализации только особенностями среды обитания народа. З. Д. Попова и И. А. Стернин (2007, с. 132–133) демонстрируют, например, различия в концептуализации такого достаточно хорошо известного всем и, казалось бы, простого фрагмента физической реальности, как посуда. В обиходе европейцев она примерно одна и та же. Однако концептуализируют ее русские и англичане по-разному. Все, что сделано из стекла, независимо от формы, назначения и размера стеклянной посуды, англичане объединяют именно по этому признаку и называют *glass* («стекло»). Английское *glass* переводится поэтому на русский язык как «стакан», «рюмка», «бокал», «фужер», «стопка», «чарка».

По словам авторов, когда англичанину требуется конкретизировать общее понятие *glass*, он использует определения: *white wine glass* — «стекло» для белого вина, *champagne glass* — бокал для шампанского, *brandy glass* — рюмка для бренди и т. д. Посуда со сравнительно небольшим углублением изогнутой формы объединяется с другими емкостями такой же формы лексемой *bowl*, которая переводится на русский язык как «чаша», «салатница», «ваза» или даже «кубок». Так же англичане называют углубление ложки, подсвечника, чашки весов. Емкости, имеющие плоское дно и широкую открытую поверхность, по этим признакам объединяются лексемой *basin*. *Basin* — это и бассейн реки, и резервуар фонтана, в котором налита вода, и раковина умывальника, и плевательница для пациентов у зубного врача, но это и миска, и таз, и большая чашка.

В русской концептосфере такого классификатора нет, поэтому и переводы оказываются столь многообразными. Нет среди русских «посудных» концептов и того, что англичане называют *beaker* (от *beak* — «клюв») — посуда с «клювиком» для слива воды. Это может быть и химическая мензурка, и керамический сосуд типа корчажки. В свою очередь, в английском языке нет единого обозначения спортивного кубка. В зависимости от его формы он называется *bowl* (широкой, изогнутой формы), *goblet* (удлиненной формы, выдуваемый из стекла, типа бокала), *mug* (большой сосуд типа кружки) и *cup* (форма чаши). Авторы делают вывод, что для русских более важным оказывается назначение сосуда, а для англичан — его форма и материал изготовления.

Л. Ельмслев (2005, с. 191–192) отмечает, что одной и той же физической сущности могут соответствовать сильно различающиеся концепты — в зависимости от того, в рамках какой цивилизации рассматривается эта сущность. Автор поясняет, что лошадь, собака, гора, ель и т. д. опреде-

ляются совершенно по-разному в обществе, для которого они исконные, и в обществе, для которого эти объекты являются экзотическими феноменами. Слон — это одно для индусов, которые приручают и используют слонов, боятся или любят их, и совсем другое — для европейцев или американцев, которые видели слона только в зоопарке или в цирке. Концепт *собака* имеет одну специфику у эскимосов, использующих ее в качестве упряжного животного, у парсов, для которых она священное животное, в индуистском обществе, где собака презирается как пария, и, наконец, в западном обществе, где собака — домашнее животное, дрессируемое для охоты или для сторожевой службы.

Из сказанного автором можно заключить, что даже один и тот же физический объект разные народы могут «видеть» по-разному, несмотря на очевидное сходство их чувственных концептов. Следовательно, разные этносы дополняют свои чувственные концепты, различиями которых мы можем пренебречь, очень разными вербальными характеристиками, которые приписывают данным объектам.

В качестве примеров этноспецифических концептов общеизвестных сущностей имеет смысл рассмотреть, например, то, что К. Рапай (2010, с. 16–17) называет культурным кодом объекта. Он сравнивает культурный код некоторых объектов в США и Европе. Фактически автор рассматривает культурную специфику чувственных концептов, репрезентирующих окружающие нас объекты. По его (с. 31–33) словам, для американских детей автомобиль — важная часть жизни семьи, которая дарит им радость и единение с родными. К тому же код автомобиля в США — индивидуальность, так как американец хочет, чтобы его машину нельзя было спутать ни с какой другой. Автомобиль для него связан с воспоминаниями о чудесных уик-эндах, о том моменте, когда он впервые сам сел за руль, о юношеских страстях. Немецкий код автомобиля — технические характеристики. Немцы гордятся качеством своей техники. Немец, думая о машине, в первую очередь интересуется ее техническими характеристиками.

К. Рапай (с. 30) сообщает, например, что у американцев арахисовое масло вызывает яркий эмоциональный отклик. Оно ассоциируется с материнской любовью и заботой, так как в детстве мама часто приносила бутерброды с арахисовым маслом и джемом. Во Франции, где этот продукт не распространен, таких ментальных связей нет. Это просто вид пищи, который может нравиться или нет. Но вот сыр занимает особое место в каждом французском доме. И именно его вкус бессознательно связан для француза с эмоциями детства и юности.

По словам автора (с. 32), сыр во Франции воспринимается как живой. Французы особым образом выбирают и хранят его, ходят в специальный магазин, где дегустируют сыры, нюхают их, определяя срок

выдержки. Выбранный сыр хранят в особых условиях. «Код сыра в Америке — мертвый», что естественно в контексте американской культуры. Американцы «убивают» сыр пастеризацией, так как производство непастеризованных сыров запрещено. Упаковывают сыр в пластик (муфифицируют), а хранят плотно завернутым в «морге» под названием «холодильник».

Приведенные автором и другие примеры убедительно свидетельствуют, что даже концепты доступных восприятию физических объектов имеют значительные различия в рамках разных культур.

З. Д. Попова и И. А. Стернин (2007, с. 80–82) сообщают о наличии «лакун» в национальных концептосферах, то есть об отсутствии в других культурах уникальных концептов, репрезентирующих специфические сущности, выделяемые в окружающем мире конкретными народами. По словам авторов, такие «лакуны» есть в разных культурах. Это лишний раз подтверждает тот факт, что разные этносы создают не только разные, но и нередко уникальные концепты реальности.

Термин «концептосфера» ввел в литературу, по-видимому, Д. С. Лихачев. Он пишет: «В совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом, мы можем называть концептосферами» (1993, с. 321). «Термин “концептосфера” вводится мною по типу терминов В. И. Вернадского: ноосфера, биосфера и прочее. Понятие концептосферы особенно важно тем, что оно помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но неким концентратом культуры — культуры нации...» (с. 329).

Исходя из этих определений, можно думать, что автор имеет в виду как индивидуальную, так и глобальную концептосферу. Первая связана с психикой конкретного человека, тогда как вторая соотносится с этносом. Д. С. Лихачев продолжает: «...не все люди в равной мере обладают способностью обогащать “концептосферу” национального языка. Особое значение в создании концептосферы принадлежит писателям (особенно поэтам), носителям фольклора, отдельным профессиям и сословиям (особенно крестьянству). ...В концептосферу входят даже названия произведений, которые через свои значения порождают концепты. ...Когда мы говорим “Обломов”, мы можем... разуместь три значения этого слова: либо название известного произведения Гончарова, либо героя этого произведения, либо определенный тип человека» (с. 323).

З. Д. Попова и И. А. Стернин (2007, с. 35) определяют концептосферу как область знаний, составленную из концептов — ее единиц. Они пишут: «...концептосфера — это упорядоченная совокупность концептов народа» (2007б, с. 37).

Нельзя принять представления авторов о том, что концептосфера — «чисто мыслительная сфера, состоящая из концептов, существующих в виде мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов (более или менее сложных комплексных образов внешнего мира), абстрактных сущностей, обобщающих разнообразие признаки внешнего мира» (2007, с. 61–62).

Если бы авторы обсуждали индивидуальную концептосферу, то с ними можно было бы спорить, но они явно имеют в виду национальную концептосферу. Чувственные концепты, о которых они пишут, например: «мыслительные картинки, гештальты — образы внешнего мира», даже «схемы, фреймы и сценарии» — все это интимное индивидуальное психическое содержание сознания конкретных людей, которое никак в принципе не может попасть в «общее пользование», то есть в объективную психическую реальность и в национальную концептосферу.

Например, ваш ментальный образ никак не может стать «общим достоянием». В том числе и ваш ментальный образ слова не может стать общим. Но само слово, соответствующее этому понятию, может быть общим и является им. Следовательно, **в «общее пользование» может попасть только нечто не просто даже вербализованное, но уже ставшее частью языка, то есть первоначально психическое содержание, которое уже выражено в словах и принято этносом.** Например, слово, обозначающее концепт, или конструкция из слов, моделирующая реальность.

И национальная, и индивидуальная концептосферы — это конструкторы исследователей. Но национальная концептосфера — это некая умозрительная сущность, составленная из сходных концептов, присутствующих в сознании всех членов этноса, а индивидуальная концептосфера — это умозрительная сущность, составленная из концептов, присутствующих в сознании конкретного человека. У разных людей нет идентичных чувственных и смешанных концептов, и только часть их вербальных концептов — сходные. Национальной концептосферой можно считать совокупность сходных вербальных концептов, присутствующих в сознании большинства членов данного этноса, или сумму употребляемых многими представителями данного этноса вербальных концептов. Индивидуальная же концептосфера состоит не только из вербальных, но и из чувственных и смешанных концептов, поэтому нет людей с одинаковыми концептосферами.

Очевидно, что национальная концептосфера — выдуманная сущность вроде «фенотипа нации». Обсуждая национальную концептосферу, или концептосферу этноса, думаю, что с практической точки зрения вообще следует говорить о совокупности вербальных концептов, которые даже уже экстерииоризированы в виде слов и конструкций из слов

определенного языка, то есть перестали быть вербальными конструкциями, подверглись «материализации», а потому могут быть, например, записаны на разного рода носителях. Таким образом, в качестве национальной концептосферы целесообразнее рассматривать нечто гораздо более «материальное», чем умозрительная сумма индивидуальных концептов. Можно поэтому сказать, что **национальная концептосфера — это совокупность вербальных значений всех слов языка конкретной нации.**

Мы рассматривали пока этническую специфику концептов и репрезентируемых ими предметов, доступных восприятию. Однако гораздо более выраженные различия присущи вербальным концептам, репрезентирующим сущности, малодоступные или совсем недоступные восприятию. Сущностей, конституированных и сконструированных вербально, очень много в каждой культуре. Как сообщает, например, В. З. Демьянков (2007, с. 621), слова и фразеологизмы, которые именуют человека, его самого, его жизнь, его состояние, ум, чувства, волю, способности и возможности, поведение и поступки, времяпрепровождение, контакты и отношения друг к другу, во много раз превосходят количественно классы слов, обозначающих предметы живой и неживой природы.

Только эти последние и воспринимаются людьми непосредственно и репрезентируются с помощью чувственных концептов, а соответственно, большинство сущностей репрезентируются с помощью вербальных концептов. Такие концепты, присутствующие в конкретной культуре, могут быть вообще непонятны представителям другой культуры. Многие подобные умозрительные сущности, созданные в рамках определенной культуры, часто просто не имеют аналогов в иных культурах и не могут быть переведены на другой язык, хотя и могут быть инкорпорированы в него.

Й. Л. Вайсгербер (2004, с. 107) сообщает, например, что многие языки обходятся 3–5 первыми словами-числительными, тогда как в других мы находим даже странное сосуществование нескольких различных систем числительных, применяемых в зависимости от вида исчисляемых предметов. Он (с. 107–108) приводит слова Э. Кассирера о том, что в языках индейцев используются различные группы числительных в зависимости от того, что считается: люди или предметы, одушевленные или неодушевленные, стоящие, лежащие или сидящие объекты. В одном из языков Британской Колумбии по-разному считают плоские предметы и животных, круглые объекты и единицы времени и т. д.

Б. Уорф (2003, с. 214) обращает внимание на удивительный факт. Такие важнейшие для западной культуры концепты, которые обозначаются, например, понятиями *время*, *скорость* или *материя*, не являются существенными для построения всеобъемлющей картины Вселенной в некоторых обществах.

Автор полагает, что управлять космологией могут и иные категории, которые функционируют, по-видимому, не хуже привычных нам.

Он (там же), например, называет язык хопи языком, не имеющим времени. По его словам, в этом языке различают психологическое время, похожее на то, что А. Бергсон называет длительностью, но совершенно отличное от математического времени t , используемого нашими физиками. Время в языке хопи варьируется от человека к человеку, не допускает одновременности и может иметь нулевое измерение. Индеец хопи, например, говорит не «я оставался пять дней», а «я уехал на пятый день».

П. Фейерабэнд (2010, с. 138–139) указывает, что исследователь нередко приходит в замешательство, так как объекты, с которыми ему приходится сталкиваться в другом языке, не только незнакомы ему, но даже непостижимы для его мышления. И он полагает, что пространство, время и реальность изменяются, когда от одного языка мы переходим к другому. Согласно нуэрам, время не ограничивает человеческого действия, оно есть часть действия и следует его ритму. Нуэры не говорят о времени так, как если бы оно было чем-то актуальным, тем, что проходит, что можно ждать или экономить. Для хопи удаленное событие считается реальным только тогда, когда оно является прошлым. Для западного бизнесмена событие находится в настоящем только тогда, когда он в нем участвует. Автор утверждает, что миры, в которых разворачиваются культуры, не только содержат разные события, но и содержат их разными способами.

Дж. Лакофф (2004, с. 417) тоже обращает внимание на разную концептуализацию времени, указывая, что некоторые люди всерьез полагают, что время есть ресурс. Они рассчитывают свое время, стараются не тратить его зря и т. д. Существует тенденция к расширению на понятие *время* метафоры ресурса (или денег), так что понятие *украденного времени* становится концептом, в который верят и согласно которому живут.

О другой удивительной особенности этноспецифической концептуализации пишет Г. Бейтсон (2000, с. 148), обсуждая зависимость балийцев от пространственной ориентации. По его словам, чтобы действовать, балиец должен знать свои «опорные точки». Если его провезти по извилистой дороге, чтобы он потерял чувство направления, он может впасть в тяжелую дезориентацию и стать неспособным действовать. Например, танцор может потерять способность танцевать до тех пор, пока не вернет свою ориентацию, увидев какие-то знакомые ориентиры на местности. У балийцев есть и сходная зависимость от социальной ориентации. Так, два встретившихся незнакомца, прежде чем начать говорить, должны установить относительное кастовое положение друг друга. Один спрашивает другого: «Где ты сидишь?» — что является метафорой для касты. В сущности,

спрашивается: «Ты сидишь высоко или низко?» Только после установления касты собеседника может продолжаться разговор, так как в противном случае балиец не понимает, какого этикета и каких лингвистических форм он должен придерживаться.

Дж. Лакофф (2004, с. 402–403) отмечает, что один и тот же опыт может создавать отличающиеся в некотором отношении концептуальные системы. Например, концепт, обозначаемый понятием *перед*, который у нас основывается на структуре человеческого тела, может затем распространяться по-разному на другие объекты. В английском (и русском. — *Авт.*) языке он распространяется на другие объекты, например куст, следующим образом: если вы смотрите на куст, то «перед» куста — это та сторона, которая обращена к вашему лицу. В хауса, наоборот, «перед» куста — это сторона, противоположная от вас, ориентированная в том направлении, в сторону которого обращено ваше лицо. Оба варианта в равной степени разумны и в равной мере согласуются с нашим опытом.

В одной концептуальной системе может отсутствовать важный концепт, присутствующий в другой. В качестве примера Дж. Лакофф (с. 403) приводит тот факт, что таитяне не только не имеют слова для обозначения печали, но, по-видимому, не имеют самого этого концепта. Они, конечно, способны испытывать печаль и депрессию, но, по мнению автора, у них даже отсутствует ритуализованное поведение, выражающее печаль и скорбь в случае потери близких людей. Они категоризируют печаль с помощью таких понятий, как болезнь, усталость или нападение злого духа.

З. Д. Попова и И. А. Стернин (2007, с. 86) отмечают, что в русском сознании нет концепта *Уединенное молчание на природе, сопровождаемое слушанием одного звука* (яп. «саби»). Нет также свойственных англо-американской культуре концептов, именуемых в русском языке с помощью калькированных переводов: «приватность», «политическая корректность», «качество жизни», «сохранить лицо собеседника». Только начинает формироваться концепт на базе заимствованного слова «толерантность». В то же время чисто русские концепты (и понятия) *духовность, интеллигенция, непротивление, разговор по душам, авось* и другие отсутствуют в концептосферах других народов.

Анна Вежбицкая (1996, с. 73–74) пишет, что существует два разных способа восприятия мира, или подхода к нему. Первый — это описание мира в терминах причин и следствий. Второй — более субъективный, создающий более импрессионистскую феноменологическую картину мира. Этот второй подход из европейских культур особенно сильно представлен в русской. В языке это проявляется в форме огромного количества безличных предложений разных типов. Подобные безличные предложения не содер-

жат субъекта в именительном падеже, а глагол в них принимает безличную форму среднего рода.

Они подразумевают мир в форме непознаваемой и полной загадок сущности, а истинные причины событий делают неясными и непостижимыми. Например, в конструкциях «Его переехало трамваем», «Его убило молнией» непосредственные причины событий — трамвай или молния — изображены так, как будто они «инструменты» некоей неизвестной силы. В них нет субъекта, глагол стоит в безличной форме среднего рода, а незаполненная позиция субъекта свидетельствует о наличии непознанной и непознаваемой, настоящей, «высшей» причины события.

Анна Вежбицкая (с. 75–76) замечает, что увеличение числа безличных конструкций и вытеснение личных предложений безличными является типично русским феноменом, тогда как в других европейских языках, например в немецком, французском и английском, изменения обычно шли в противоположном направлении. По ее мнению, неуклонный рост и распространение в русском языке безличных конструкций отвечали особой ориентации русского семантического универсума и в конечном счете русской культуры.

Автор считает, что для русских таинственные и непонятные события происходят вовсе не потому, что кто-то из людей что-то делает. Для других европейцев, напротив, все представляется вполне ясным и нет ничего загадочного, если человек что-то делает и из-за этого происходят какие-то события. Богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке демонстрирует, что язык отражает и поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому пониманию.

Мне представляется, что особенности русского менталитета, с одной стороны, влияют на формирование подобных вербальных конструкций и концептов, а с другой стороны, сами складываются под влиянием последних и видоизменяются ими. Это в конечном счете и определяет, например, специфически русскую долготерпимость, непротivление злу насилием, инертность, пассивность и неверие в возможность изменить окружающую (в частности, социальную) реальность путем личного воздействия на нее.

Наряду с этноспецифическими концептами существует множество концептов, у которых или нет заметной этнокультурной специфики (см.: З. Д. Попова, И. А. Стернин, 2007, с. 35) (например, многие бытовые концепты), или она исчезающе мала и, чтобы ее найти, надо приложить исключительные усилия.

Разная концептуализация реальности и формирование не вполне совпадающих концептов, репрезентирующих сущности окружающего мира, приводят к тому, что, как говорит П. Фейерабенд (2010, с. 137), даже события, окружающие в лесу лесного жителя, и те, с которыми сталкивается заблудившийся в лесу городской житель, — разные, а не разные явления одних и тех же событий. Разница становится очевидной, когда мы знакомимся с иной культурой или погружаемся в отдаленную историческую эпоху. Так, греческие боги присутствовали в жизни древних греков. «Они были здесь».

Впрочем, дополню, что все это не мешает людям, принадлежащим к разным культурам, достаточно легко понимать друг друга и чаще всего находить общий язык. Это объясняется способностью людей к усвоению чужих концептов при изучении разных языков.

§ 3. Непереводаемость понятий и несоизмеримость конкурирующих теорий

Этноспецифические особенности концептов определяют трудности, возникающие при попытках перевести их из одной знаковой системы в другую. Р. О. Якобсон (1985, с. 362–363) различает три способа интерпретации вербального знака. Вербальный знак может быть переведен: 1) в другие знаки того же языка (внутриязыковой перевод, или переименование); 2) на другой язык (межъязыковой перевод, или собственно перевод); 3) в другую, невербальную систему символов (межсемиотический перевод, или трансмутация). Чаще всего при переводе с одного языка на другой происходит не просто замена одних слов другими, а замена целого сообщения новым. Таким образом, в переводе участвуют два эквивалентных сообщения в двух различных кодах.

Э. Сепир (1993а, с. 196) абсолютно верно говорит, что язык — такой же материал литературы, как мрамор, бронза или глина — материалы, используемые скульптором. Но у каждого языка есть свои особенности и ограничения, которые отражаются в литературе, написанной на этом языке. Писатель может не осознавать, в какой мере он зависит от языка, но, как только возникает вопрос о переводе его произведения на другой язык, природа языка сразу проявляется. Все его эффекты не могут быть выражены средствами другого языка, не претерпев ущерба или изменения. Автор, однако, приводит слова Б. Кроче, что, несмотря на непереводаемость художественного литературного произведения, литературные произведения все же переводятся, и иногда даже с поразительной адекватностью.

Полагаю, что легко переводится сюжетная литература — то, что представляет собой лишь описание принципиально доступной восприя-

тию реальности, в том числе прошлой или возможной. Относительно просто переводится то, что конституируется на базе чувственных концептов. Литература, в которой широко представлены концепты вербальные, репрезентирующие сущности, недоступные непосредственному восприятию, трудно поддается переводу.

Э. Шредингер (2005, с. 112–113), например, напоминает, что целые поколения трудились над переводами шекспировских драм или Библии и ни одно не было удовлетворено результатами, достигнутыми до него. Автор частично объясняет это быстрым изменением самого языка, на который делается перевод. Так, например, немецкий, на котором говорили и писали тысячу лет, именно немецкий, а не готический, невозможно теперь понять без словаря или переложения на «нововерхненемецкий». Другой причиной является, по мнению автора, то, что большинство языков имеют несовпадающую структуру. Он, например, однажды получил два различных немецких перевода «Дао Дэ Цзин» и только изредка, по отдельным листам, понимал, что это перевод одной и той же китайской книжечки.

Й. Л. Вайсгербер (2004, с. 109) подчеркивает, что даже переводчики близких друг другу языков жалуются на невозможность перевода без искажения передаваемой мысли. Нельзя перевести немецкое предложение на язык, принадлежащий не европейской культуре, не переосмыслив его полностью, так как логика, которая выросла из другого языка, выглядит совершенно иначе. Н. Г. Комлев (1992, с. 46) тоже считает, что процесс «выравнивания понятий» между говорящими на национальных языках практически невозможен.

В качестве примера невозможности буквального перевода Т. Кун (2014, с. 131–132) ссылается на Д. Лайонса, показавшего, что нельзя английское утверждение «кот сидел на половике» (the cat sat on the mat) перевести на французский язык вследствие несоизмеримости французской и английской таксономии для половых покрытий. Дело в том, что во французском языке нет общего понятия *половик*, объединяющего такие слова, как «гобелен», «тюфяк», «коврик» и т. п. В этом смысле английское утверждение нельзя высказать по-французски.

О. А. Корнилов (2013, с. 138) вспоминает слова С. Довлатова, утверждавшего, что с переходом на чужой язык в эмиграции человек теряет 90% своей личности, и связывает это с проявлениями психической жизни человека, которые могут быть выражены и восприняты только в родной языковой среде. По его мнению, юмор, игра слов, двусмысленности, тонкие намеки, недоговоренности, каламбуры, шутки, подтекст фраз уходят вместе с потерей среды родного языка, поскольку связаны с контекстом жизни в конкретной культурно-информационной среде.

Думаю, что автор прав, и дело здесь отнюдь не только в недостаточном глубоком знании чужого языка, но и в особенностях иной культуры, для которой чужды и непонятны многие проявления, а тем более тонкости жизни, быта, переживаний и интеллектуальной атмосферы другого народа.

Дж. Лакофф (2004, с. 406) справедливо указывает, что, даже если концептуальные системы людей различны и перевод невозможен, говорящий на одном языке может изучить другой язык, поскольку он имеет такие же способности к концептуализации и базовый опыт, как и говорящий на другом языке. Это позволяет ему в процессе изучения другого языка строить другую концептуальную систему и понимать ее посредством общих доконцептуальных структур опыта.

Мне представляется, что вопрос о переводимости концептов (и понятий) чужого языка, отсутствующих в родном языке, решается достаточно просто. **Если новое чужое слово, не имеющее аналогов в родном языке, обозначает чувственный концепт, человек легко усваивает его после указания на соответствующий элемент «реальности в себе», обозначаемый данным словом.** Это происходит потому, что в сознании человека уже есть модели-репрезентации всех воспринимаемых им элементов реальности. И присутствующая в сознании модель-репрезентация известного предмета легко связывается с образом нового обозначающего этот предмет слова. Наглядным примером легкости усвоения чужих понятий, обозначающих чувственные концепты, являются эксперименты Элеоноры Рош (цит. по: Дж. Лакофф, 2004, с. 54), в которых испытуемые из племени дани легко усваивали выдуманные экспериментатором названия центральных цветов.

Если же человеку необходимо усвоить чужой вербальный концепт, репрезентирующий некую умозрительную сущность, то сделать это можно только путем построения аналогичного вербального концепта с помощью слов родного языка. То есть только путем реконцептуализации соответствующей грани реальности по образцу, предлагаемому в другой культуре. Вспомним, например, чуждое для русской культуры понятие *политкорректность*. Его можно перевести на русский язык только в форме нового русского вербального концепта: *«Политкорректность — практика прямого или опосредованного запрета на употребление слов и выражений, считающихся оскорбительными для определенных социальных групп, выделяемых по признаку расы, пола, возраста, вероисповедания, сексуальной ориентации и т. п.»*¹.

Существенно, что это понятие, возможно, не было бы спонтанно интериоризировано в объективную психическую реальность российского об-

¹ Политическая корректность: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Политическая_корректность.

щества, если бы не постоянное и мощное давление со стороны англоязычной культуры, с которой культура русская активно взаимодействует.

Сложнее обстоит дело с переводом концептов, для понимания которых мало построить раскрывающую их суть вербальную конструкцию и необходимо прежде погрузиться в культуру, породившую данный концепт. К такого рода концептам относятся, например, японский концепт (и понятие) *sabi* (см. с. 212); концепт (и понятие) индейцев северо-западного побережья Северной Америки *патлач* (праздник, сопровождаемый пиром и раздачей подарков приглашенным, а нередко и уничтожением ценного имущества, выражающий стремление устроителей праздника поразить гостей и продемонстрировать им свое могущество); концепт (и понятие) хопи *kouaanisqatsin* (жизнь, выведенная из равновесия); концепт (и понятие) племени ндонга (Нигерия) *ока* (затрудненное мочеиспускание, вызванное тем, что объелся лягушек прежде, чем начался сезон дождей); русские концепты (и понятия) *авось, порядочность, смекалка* и многие другие.

Возможно, учитывая эти особенности интеграции чужих вербальных концептов в собственную культуру, Ж. Деррида (2007, с. 28) пишет, что перевод и понятие *перевод* следует заменить понятием *трансформация*, обозначающим «упорядоченное трансформирование одного языка другим, одного текста — другим».

Обсуждая трудности перевода с одного языка на другой, Т. Кун (2014, с. 56–58) демонстрирует их на примере перевода научного текста с языка химии XVIII в. на язык химии XX в. Проблема заключается в том, что многие концепты химии XVIII в. отсутствуют или сильно изменились в химии XX в. Одни из них исчезли из ее языка, например *флогистон*. Другие утратили чисто химическое значение — термин «начала». Третьи поменяли свои референты, так как из современной химии исчезло, например, важное для того времени представление, будто качества типа цвета и эластичности дают непосредственную информацию о химическом соединении.

Так, термин «элемент», имевший в химии XVIII в. значение, соответствующее современному выражению «агрегатное состояние», и одновременно значение, соответствующее современному термину «элемент», утратил первую часть своего значения. Соответственно, для того, чтобы перевести старый текст, необходимо прежде ввести в новый язык химии старые концепты (и понятия), которые, однако, невозможно совместить с новыми химическими теориями, построенными с помощью новых концептов (и понятий).

Т. Кун (с. 76–77) делает вывод, что ключевые утверждения старой науки, которые первоначально казались описательными, не могут быть переданы на языке более новой науки и наоборот. Он (с. 62) указывает, что для перевода непередаваемых слов переводчик или историк должен открыть

заново или ввести старые их значения. А процесс, посредством которого переводчики открывают значение старых терминов, представляет собой интерпретацию. Следовательно, надо различать перевод и интерпретацию. **Концепт может не иметь перевода, но может быть интерпретирован.** А для перевода непереводаемых слов есть лишь один путь — ввод в язык перевода новых (или хорошо забытых старых) концептов.

Т. Кун (с. 85–86) разделяет допущение, что все сказанное на одном языке может быть понято говорящим на другом языке. Но считает, что в этом случае речь уже должна идти не просто о переводе, а об изучении языка. Радикальный переводчик просто изучает язык оригинала. В итоге он становится билингвистом.

Проблема перевода актуальна не только для разных языков. Она актуальна и для науки, так как разные научные теории необходимо сравнивать между собой. Но прежде их необходимо сопоставить, а с этим как раз возникают трудности.

В. Гейзенберг (2004, с. 17), например, пишет, что важнейшим достижением атомной физики было открытие возможности непротиворечивого применения совершенно разнородных систем законов природы к одинаковым физическим явлениям. Автор связывает это с тем, что в каждой создаваемой системе законов были использованы собственные группы основных понятий, что предполагало постановку и решение строго определенных вопросов. Вследствие этого получилось, что одни теоретические системы оказались строго отделены от других систем, в которых допустима постановка иных вопросов.

Из сказанного автором следует, что в атомной физике **одна концептуализация физической реальности и один набор понятий легко могут быть заменены альтернативной концептуализацией с иным набором понятий.** Но первая концептуализация позволяет ставить одни вопросы, а вторая — другие. И рассматриваемые теории невозможно прямо сравнить, чтобы доказать правильность одной из них, так как построены они из разных сущностей и в них участвуют разные понятия, то есть они несоизмеримы или не полностью соизмеримы.

П. Фейерабенд (2007, с. 227) замечает, что затрудняется определить несоизмеримость, но в качестве ее примеров приводит (с. 283) несоизмеримость релятивистской и классической механики, квантовой теории и классической механики, теории импульса и механики Ньютона, материализм и дуализм души и тела и т. д.

Идея несоизмеримости научных теорий, выдвинутая П. Фейерабендом и Т. Куном в 70-х гг. XX в., была воспринята научным миром с большим интересом, но и вызвала сильную критику. После жесткой критики своих оппонентов Т. Кун существенно пересмотрел свои взгляды на несоизмеримость и уточнил их. Он (2014, с. 47–48) указывает, что большая

часть дискуссий о несоизмеримости была обусловлена неправильным допущением, что, если две теории несоизмеримы, они должны быть сформулированы на взаимнонепереводимых языках. Автор выделяет две линии критики. Первая критикует его положение, утверждающее, что если нет способа сформулировать обе теории на одном языке, то они не могут сравниваться и нельзя сделать выбор между ними. Вторая возражает против идеи Т. Куна и его сторонников о невозможности перевода старых теорий на современный язык.

Т. Кун (с. 49–50) заявляет, что следует обсуждать лишь «частичную несоизмеримость». Думаю, можно согласиться с автором, что **термин «несоизмеримость» неудачен**. Например, даже круг и квадрат можно сравнить по их площади. Мне представляется, что **правильнее было бы использовать термины «не налагаемые друг на друга» или «расположенные в разных плоскостях» и т. д., подчеркивая тот факт, что сравнение альтернативных теорий возможно только в плане их предсказательной эффективности**. Для нас здесь важно то, что **специфические концепты определяют сущность теорий, то есть разные теории различаются концептуально**. При этом понятия нельзя ни удалить из теорий, ни перенести в иные теории, так как последние содержат свои, совершенно другие и тоже специфические понятия, жестко связанные между собой. **Концепты (и понятия) выступают как уникальные строительные блоки каждой теории, и в других теориях им нет места**.

Принято считать, что физическая теория описывает физическую реальность. Я же полагаю, что **физическая теория конституирует, а то и вообще конструирует физическую реальность** тем или иным образом. Это мы видим, например, в глобальных теориях Аристотеля, И. Ньютона или А. Эйнштейна, которые не просто «описывают», а именно по-разному конституируют и конструируют окружающую физическую реальность. Однако далеко не все даже авторитетные исследователи в полной мере осознают это. М. Бунге (2003, с. 268), например, соглашается с Т. Куном, когда тот указывает, что законы динамики И. Ньютона невыводимы из динамики А. Эйнштейна из-за разных «концептуальных сеток» этих теорий. Однако М. Бунге не принимает тезис Т. Куна, что физические референты эйнштейновских законов отличаются от ньютоновских референтов, то есть теории говорят о разных вещах. По мнению М. Бунге, обе теории говорят об одном, так как имеют отношение к материальным точкам.

И тем не менее Т. Кун совершенно прав, так как эти теории говорят о разных вещах, используя совершенно разные концепты, обозначаемые, правда, общими понятиями *пространство* и *время*, хотя и «имеют отношение к материальным точкам», о которых говорит М. Бунге (там же).

Т. Кун показывает несоизмеримость конкурирующих парадигм, сторонники которых буквально говорят на разных научных языках и пребывают в по-разному сконструированных мирах. Если даже они используют общую терминологию, то одними и теми же словами обозначают совершенно разные концепты, репрезентирующие разные физические сущности.

Действительно, порой невозможно прямо перевести одну конкурирующую теорию на язык иной теории. Например, теории И. Ньютона и Х. Гюйгенса. **Та же самая несопоставимость и, хуже того, непримиримость наблюдается не только в науке, но и, например, в религии, в разного рода социальных учениях и в мировоззрениях их приверженцев.**

Дж. Лакофф (2004, с. 418) полагает, что существует несколько видов несоизмеримости, и концептуальные системы, соизмеримые по одному критерию, могут быть несоизмеримы по другому критерию. Он (с. 418–419) выделяет критерии соизмеримости, принятые разными научными направлениями.

Несоизмеримость объясняется разной концептуализацией мира, но она не исключает понимания, так как человеку доступны разные способы концептуализации. Например, психолог может усвоить добихевиористскую психологию, а потом бихевиоризм, которые совершенно по-разному концептуализируют человеческую психику. Повторю, что имеет смысл говорить о соизмеримости научных теорий лишь в одном смысле. В смысле их практической эффективности.

§ 4. Существуют ли «фундаментальные концепты»

Анна Вежбицкая выдвигает теорию о том, что существуют некие «универсальные» «фундаментальные» концепты, встречающиеся в разных культурах, то есть единые для всех языков. Она пишет: «...значение нельзя описать, не пользуясь некоторым набором элементарных смыслов...» (1999, с. 13), «...элементарные концепты могут быть обнаружены путем тщательного анализа любого естественного языка... идентифицированные таким способом наборы примитивов будут “совпадать” ... каждый такой набор есть не что иное, как одна лингвоспецифичная манифестация универсального набора фундаментальных человеческих концептов» (с. 16–17). «...Фундаментальные человеческие концепты являются врожденными ... они являются частью генетического наследия человека и... если это так, нет никаких оснований полагать, что они будут различаться от одного человеческого сообщества к другому» (там же). «Языковые и культурные

системы в огромной степени отличаются друг от друга, но существуют семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основываются человеческий язык, мышление и культура... Пришло время для согласованных усилий по выявлению общего набора понятий, лежащих в основе психологического единства человечества» (1996, с. 321–322).

Многие авторы разделяют эту точку зрения. Так, О. А. Корнилов (2013, с. 140–141), например, пытается искать связи вопроса о взаимопроницаемости понятийных миров с вопросом о едином понятийном базисе человеческого сознания и так называемом «психологическом единстве человечества». Впрочем, он же сообщает, что разброс мнений в отношении универсальных фундаментальных концептов очень велик — от убеждения в уникальности национальных понятий до уверенности в том, что за разнообразием культур стоит единый, универсальный набор базовых понятий. Ссылаясь на Анну Вежбицкую, автор полагает, что исследования в области психологии и лингвистики склоняют чашу весов в пользу сторонников «психологического единства понятий».

Действительно ли нам следует, как предлагает Анна Вежбицкая, «выявлять общий набор понятий, лежащих в основе психологического единства человечества» (1996, с. 322), или все же нет никаких универсальных фундаментальных понятий?

Думаю, что истина, как всегда, располагается где-то между позициями оппонентов. Общих универсальных вербальных концептов в разных языках, конечно, нет, как нет и концептов врожденных. Но столь же очевидно, что **чрезвычайно близкие чувственные концепты, репрезентирующие, например, предметы и физические сущности окружающего мира, их свойства и изменения, есть у представителей даже удаленных друг от друга этносов.** Объясняется это наличием у всех людей в любых культурах универсальных чувственных моделей-репрезентаций элементов окружающего мира, которые можно назвать «предконцептами». На основе этих моделей-репрезентаций даже у членов самых далеких друг от друга и очень разных по образу жизни и окружающей среде обитания обществ могут формироваться некие «общие» чувственные концепты, обозначаемые тем не менее специфичными для конкретного языка словами. **Подобные чувственные концепты можно условно считать универсальными.**

Что я имею в виду? Каждый современный человек вне зависимости от своей этнической принадлежности имеет множество чувственных концептов, обозначаемых на его родном языке такими понятиями, как *мать, отец, ребенок, женщина, мужчина, хлеб, вода, солнце, земля, страх, слезы, смех, боль* и т. д. Обозначаются эти концепты разными словами

(и редуцированными понятиями), но представляют собой модели-репрезентации общих для людей и одинаково воспринимаемых ими элементов окружающего мира. Следовательно, **в сознании каждого человека существует достаточно большая группа чувственных концептов, условно общих для всех людей. К этим концептам примыкают простые вербальные концепты, конституируемые большинством этносов на основе чувственных репрезентаций** и обозначаемые, например, понятиями *любовь, дружба, вражда, ненависть, воровство, убийство* и т. д. **Эти концепты тоже условно можно относить если и не к универсальным, то по крайней мере к сходным. Однако по-настоящему универсальных концептов, тем более универсальных вербальных концептов, все же нет.**

Тезисы для обсуждения

1. Усвоив в детстве определенный язык, человек становится участником соглашения, предписывающего ему в дальнейшем строго определенную концептуализацию мира, осуществляемую им теперь в соответствии с понятиями и вербальными концептами, являющимися значениями слов данного языка.
2. Можно воспринимать, но не «видеть», то есть не выделять увиденное и, следовательно, не мыслить о нем. Только после того, как кто-то первым выделит некую сущность в потоке чувственных человеческих репрезентаций и обозначит ее словом, остальные люди тоже приобретают возможность ее выделять и воспринимать как особый объект.
3. В «общее пользование» членов общества может попасть только то, что не просто кем-то вербализовано, но что уже вследствие своей важности для людей зафиксировано в их языке и стало негенетически наследуемой частью их объективной психической реальности.
4. Обозначение выделяемых сознанием сущностей и обеспечение негенетического наследования специфической концептуализации окружающего мира являются важными функциями языка. Язык — это «материализация» репрезентаций окружающего мира и опыта жизни в нем предшествующих поколений. И если в языке нет слов, позволяющих, например, различать какие-то варианты сходных элементов «реальности в себе», значит, для выживания данного общества различия этих вариантов не имеют принципиального значения.
5. Для проверки теории лингвистической относительности следует изучать этническую специфику вербальных концептов.
6. Даже доступные восприятию элементы «реальности в себе» разные этносы нередко концептуализируют по-разному, так как дополняют

сходные чувственные репрезентации сильно различающимися вербальными характеристиками. Это, однако, не мешает людям, принадлежащим к разным культурам, достаточно легко понимать друг друга и чаще всего находить общий язык вследствие человеческой способности легко усваивать чужие концепты.

7. У разных этносов нет общих универсальных вербальных концептов, как и концептов врожденных. У них есть лишь очень сходные чувственные репрезентации общего окружающего мира — предконцепты, или модели-репрезентации, на основе которых даже у представителей сильно различающихся этносов могут формироваться очень близкие, то есть условно универсальные, чувственные концепты, репрезентирующие одни и те же доступные восприятию сущности окружающего мира.
8. Один из вариантов вербальной концептуализации области «реальности в себе», недоступной восприятию, а соответственно, и один набор концептов, репрезентирующих эти сущности, и построенная из них теория могут быть заменены иным вариантом концептуализации с другим набором концептов и сущностей и новой теорией, способной не менее эффективно репрезентировать ту же область реальности.
9. Из построенной исследователем с помощью созданных им концептов (и сущностей) научной теории нельзя ни удалить составляющие ее концепты, ни перенести их в альтернативные теории, так как последние содержат свои, совершенно другие и тоже специфические концепты, жестко связанные между собой.
10. Альтернативные теории часто невозможно прямо сравнить между собой, чтобы доказать преимущество одной из них, так как построены они из разных понятий, то есть в них фигурируют разные сущности. Теории могут быть сравнимы лишь по их практической эффективности.

Понятия

1.4.1. Виды понятий

Разработкой проблемы понятий логика занималась гораздо дольше психологии и продвинулась существенно дальше. В логике существуют разные классификации понятий. Одни авторы выделяют понятия единичные (элементарные): *ребенок, гроза, шляпа* и т. д. — и составные (сложные): *премьер-министр, патологоанатом, мокрое место, сухая штукатурка, белый стих, двойное дно* и т. д. Другие авторы выделяют понятия общие, частные и единичные. Г. Шпет указывает (2010, с. 43–48), что общими называются понятия, которые относятся ко всем объектам данного класса, например *человек*. Единичное понятие — то, которое относится к одному объекту, например *Сократ*. Между *Сократом* и *человеком* можно поместить еще такое понятие, которое будет относиться к меньшему количеству предметов, чем понятие *человек*, и к большему, чем *Сократ*, например понятие *грек*. Это понятие частное. Между понятиями существует отношение, которое в логике называют отношением вида к роду и рода к виду.

Понятия разделяют также на эмпирические, если они созданы на основе восприятия группы доступных для изучения объектов или явлений, и теоретические, если они созданы на основе анализа некоторого класса явлений (или объектов) с использованием ранее созданных понятий. П. Фейерабенд (2007, с. 168), однако, пишет, что это различие теперь совершенно потеряло значение, так как и теории, и наблюдения могут быть устранены. Теории могут быть отброшены вследствие столкновения их с наблюдениями. Наблюдения же могут быть отброшены по теоретическим основаниям. Познание не движется от наблюдения к теории, а всегда включает в себя оба элемента. Опыт возникает вместе с теоретическими допущениями. Опыт без теории столь же немислим, как и теория без опыта.

Некоторые исследователи предпочитают пользоваться терминами «естественные» и «искусственные понятия». Хелен Гейвин (2003, с. 137),

например, отмечает, что естественные понятия, в отличие от искусственных, не могут быть определены четко.

Выделяют еще понятия относительные и безотносительные, положительные и отрицательные, собирательные и несобирательные (А. Д. Гетманова, 2007, с. 46–49). Относительные репрезентируют предметы, существование одного из которых предполагает существование другого: *дети — родители, ученик — учитель, начальник — подчиненный* и т. д. Безотносительные репрезентируют предметы, существующие независимо от прочих: *дом, человек, деревня* и т. д. Положительные понятия репрезентируют наличие в предмете определенного качества: *грамотный* (человек), *отстающий* (ученик), *красивый* (поступок). Отрицательные понятия репрезентируют отсутствие качества в предмете: *ненормированный* (труд), *неграмотный* (человек), *бескорыстная* (помощь).

Собирательные понятия репрезентируют множества однородных (сходных) объектов: *стадо, стая, полк, созвездие* и т. п. Несобирательные понятия репрезентируют каждый объект из множества сходных: *ручка, река, игрушка* и т. д. Существуют и другие подразделения понятий, но все они не являются значимыми для наших целей. Более интересно для нас разделение понятий на конкретные и абстрактные.

Термины «абстрактное понятие» и «конкретное понятие», как сообщает М. А. Можейко (2001, с. 1111), ввел Иоанн Дунс Скот. По словам Г. Шпета (2010, с. 47), конкретными в традиционной логике называют понятия вещей, абстрактными — понятия качеств, свойств, мыслимых отдельно от вещей. А. Д. Гетманова (2007, с. 45) полагает, что конкретными называют понятия, в которых отражены одноэлементные или многоэлементные классы предметов (материальные и идеальные). Например, понятия *дом, свидетель, романс, Московский Кремль, землетрясение* и т. д. Абстрактными называются понятия, обозначающие какой-либо из признаков предмета, взятый отдельно от него самого. Например, *близна, несправедливость, честность* и т. п.

По мнению Б. Г. Мещерякова (2009, с. 13), абстракция — один из основных умственных процессов, позволяющий мысленно вычленивать и превратить в самостоятельный объект рассмотрения отдельные свойства, стороны, элементы или состояния предмета. Абстракция состоит в вычленении таких свойств предмета, которые сами по себе и независимо от него не существуют. Иногда под абстракцией понимается лишь результат процесса абстрагирования, например уже вычлененное и в «чистом виде» самостоятельно рассматриваемое свойство предмета.

А. Кафанья (1998, с. 104) различает два значения слова «абстракция». В первом смысле мы, по его мнению, абстрагируем нечто тогда, когда вычленяем несколько главных эмпирических признаков из более

широкого кластера эмпирических свойств объекта. Автор рассматривает, например, три разных объекта. Первый — синего цвета, сделан из дерева и имеет плоскую округлую платформу, держащуюся на четырех ножках. Второй объект похож на первый, но имеет красную окраску и металлический. Третий объект подобен первым двум, но его плоская платформа покрыта зеленой кожей и поддерживается деревянными ножками. Называя эти три предмета общим термином «табурет», мы совершаем операцию абстрагирования, то есть концентрируем свое внимание на таких признаках, как обладание плоской округлой платформой на четырех ножках, игнорируя все прочие свойства. Автор полагает, что слово «табурет» есть абстракция, поскольку его значение было получено в результате процесса абстрагирования. При этом он не отрицает «конкретное существование» вещей, к которым отсылает слово «табурет».

Аналогичной точки зрения придерживается и А. Ребер: «Следует отметить, что даже в более конкретных понятиях присутствует элемент абстракции. Понятие “стул” может рассматриваться как абстрактный класс стульев, лишенный специфических признаков» (2000, с. 15).

Если следовать логике этих авторов, то тогда и понятие *волк* и понятие *птица* — абстракции. Так как волки бывают серые, белые, черные, большие, маленькие и т. д., а с птицами все еще сложнее, потому что это понятие объединяет и куропатку, и страуса, и пингвина, и колибри. Соответственно, и понятие *волк*, и понятие *птица* были получены в результате процесса абстрагирования некоторых признаков из множества признаков, присущих данным физическим объектам.

Мне представляется, что в механизмах формирования общих понятий, обозначающих объекты (*стул, волк, птица*), с одной стороны, и обозначающих свойства или варианты движения объектов (*белизна, округлость, полет, качка* и т. п.), с другой стороны, много общего. И в том и в другом случае сознание создает собирательные модели-репрезентации и на их основе конституирует новые сущности. В то же время отнесение к абстракциям понятий *стул, волк* и *птица* вызывает у меня серьезные возражения. Все они, являясь общими понятиями, или универсалиями, обозначают совершенно конкретные физические объекты, а именно — любой конкретный объект из множества сходных объектов (*стульев, волков или птиц*)¹.

Ко второму значению слова «абстракция», по мнению А. Кафаны (1998, с. 105), больше подходит слово «гипотетизация». Если при операции абстрагирования мы просто ограничивали внимание определенным классом наблюдаемых данных, то при гипотетизации мы употребляем термины

¹ К этому я еще вернусь.

для обозначения предполагаемых, или сконструированных, сущностей, которые в принципе не наблюдаемы и обладают ментальным онтологическим статусом. Если мы истолковываем эти сконструированные сущности как конкретные вещи, то совершаем ошибку овеществления. В качестве примеров автор приводит психоаналитические понятия *ид*, *эго* и *супер-эго*, которые обозначают сконструированные исследователями сущности, введенные для истолкования некоторых типов поведения.

Итак, согласно А. Кафанье (с. 104–105), в первом смысле определенное слово называется абстракцией даже тогда, когда оно обозначает любой реальный физический объект из множества непосредственно воспринимаемых людьми сходных объектов. Делается это потому, что в процессе построения общего понятия якобы использовалась процедура абстрагирования. Во втором смысле слово называется абстракцией потому, что оно обозначает «абстрактные», или предполагаемые, свойства или сущности. В результате фактически ставится знак равенства между понятиями *абстрактный* и *гипотетический*.

По мнению А. Кафаньи (с. 105–106), из-за неразличения этих двух значений слова «абстракция» в некоторых работах были даже ошибочно поставлены вопросы: как, например, культура может определять человеческое поведение, если само слово «культура» — абстракция? Как может абстракция быть причиной чего-то? Автор отмечает, что утверждение «культура есть абстракция» не является определением культуры. Оно представляет собой всего лишь утверждение о том, каким образом было сформировано это слово.

Действительно, исследователи нередко смешивают сущности, слова и понятия. В результате в литературе в разряд абстрактных ошибочно включаются наряду с понятиями соответствующие им сущности и обозначающие их слова. Кроме того, практически все сконструированные сознанием с помощью вербальных концептов понятия и соответствующие сущности относят к категории абстрактных. Так, А. Ребер пишет: «...абстрактная идея представляет собой нечто неосязаемое, рассматриваемое без конкретных примеров. Например, “патриотизм” является абстрактной идеей, не связанной с конкретными патриотами или патриотическими событиями» (2000, с. 15).

Мне представляется, что правильнее было бы называть такие понятия как-то иначе, допустим сконструированными или лучше — умозрительными. Это относится, например, к таким понятиям, как *культура*, *свобода*, *независимость*, *демография* и т. п.

Вообще, в литературе встречаются самые разные употребления термина «абстрактный»: абстрактное понятие, абстрактный термин, абстрактное слово, абстрактная идея, абстрактный образ, абстрактная сущность и даже абстрактный предмет (например, абстрактная картина). Очевидно, что

понятие *абстрактный* перегружено значениями. В результате оно утратило ясность и превратилось в нечто весьма неопределенное. Это приводит в замешательство даже выдающихся исследователей. Г. Г. Шпет, например, пишет: «...при различении конкретных и абстрактных терминов речь идет не о понятиях, а о самих предметах. Предмет математики абстрактный, предмет зоологии — конкретный. Поэтому мы можем оставить слова “понятие конкретное” и “понятие абстрактное” лишь как искусственное обозначение» (2010, с. 47).

Очевидно, что здравый смысл понимает понятие *абстрактный* еще шире, чем его используют в научной литературе. Здесь не обошлось без влияния живописи, целое направление которой носит название «абстракционизм». В понимании здравого смысла абстрактное — это вообще все то, что имеет какой-то элемент неопределенности. Такое расширительное толкование тем более неприемлемо для психологии.

Я считаю поэтому, что **необходимо исключить термин «абстрактные понятия» как нечто неопределенное и использовать следующую классификацию понятий.**

1. Имена собственные и конкретные понятия.

Они обозначают строго определенные предметы (*Петр I, дерево у моего окна, мой дом, собака Пират, Эйфелева башня* и т. п.). Они формируются на основе конкретных моделей-репрезентаций чувственно воспринимаемых элементов окружающего мира.

2. Общие понятия (универсалии).

Общее понятие репрезентирует любую сущность из множества сходных более простых сущностей окружающего мира. Общие понятия выстраиваются в сложную многоступенчатую иерархию, поэтому имеет смысл разделить этот уровень на несколько подуровней¹.

¹ Подуровни общих понятий на примере иерархической классификации живых существ.

1. Общие понятия первого подуровня. Например, *ворона, ворон, галка и грач; человек разумный*.
2. Общие понятия второго подуровня. Например, *Corvus (род ворон); человек*.
3. Общие понятия третьего подуровня. Например, *Corvidae (Врановые); гоминиды*.
4. Общие понятия четвертого подуровня. Например, *Passeriformes (Воробьинообразные); приматы*.

Уровень общих понятий не исчерпывается четырьмя подуровнями. В биологической систематике, например, выделяется восемь рангов, соответствующих иерархическим классам общих понятий, обозначающих животных и растения: вид, род, семейство, порядок, класс и т. д.

Для удобства здесь приведены общепринятые латинские обозначения животных, принятые в биологической систематике: «Близкие виды объединяют в один род. Например: ворона, ворон, галка и грач объединены в род ворон (*Corvus*). Близкие роды объединяют в семейства: род ворон, род сорока, род сойка, род кедровка объединены в семейство

Одни общие понятия формируются на основе собирательных моделей-репрезентаций множеств конкретных сущностей окружающего мира (*лисица, машина, планета* и т. д.).

Другие общие понятия формируются с помощью вербальных концептов, конституирующих новые сущности более высокого ранга на базе множеств сходных более простых сущностей (*организм, примат, устройство* и т. п.).

3. Отвлеченные, или умозрительные, понятия.

Они обозначают сущности, конституированные и сконструированные с помощью вербальных концептов.

Одни из них обозначают сущности, конституированные с помощью вербальных концептов. Например, *плоскость, растворимость, средства производства, культура, революция, власть, среда* и т. д.

Другие обозначают сконструированные с помощью вербальных концептов сущности. Например, *бозон Хиггса, темная материя, квантовая струна, эго, коэффициент, индекс, валидность, трансценденция, релевантность* и т. д.

Как нетрудно заметить, к так называемым «абстрактным понятиям» в литературе относят все перечисленные понятия, кроме имен собственных и конкретных понятий, что делает этот термин бессмысленным.

Наиболее общие понятия (*животное, растение, предмет, объект* и т. д.) трудно отличить от отвлеченных понятий (*прогресс, цивилизация, интенсивность* и т. д.), потому что и те и другие формируются с помощью вербальных конструкций. Менее общие, то есть частные, понятия разграничить с умозрительными понятиями легче, так как концепты частных понятий еще представлены собирательными моделями-репрезентациями множеств сходных объектов.

Часто вербальные концепты, репрезентирующие сущности, обозначаемые отвлеченными понятиями, иллюстрируются чувственными метафорическими образами простых и хорошо известных объектов или явлений. Например, возникновение у меня в сознании понятия *черная дыра* сопровождается появлением визуального образа представления черного пятна на сером фоне, а понятие *спокойствие* сопровождается образом воспоминания картины М. Чюрлениса с соответствующим названием. С концептами самых отвлеченных понятий ассоциированы немногочисленные

Врановые (Corvidae). В свою очередь, близкие семейства объединяют в отряды. Так, семейство Синицевые, семейство Врановые, семейство Ласточковые принадлежат к отряду Воробьинообразные (Passeriformes). Близкие отряды составляют класс. Так, отряд Воробьинообразные, отряд Сорокообразные, отряд Гусеобразные принадлежат к классу Птицы (Aves)» (Онлайн-учебник по биологии (7-й класс). Классификация животных и основные систематические группы [Электронный ресурс]: Терка: учебники и самоучители онлайн. — Режим доступа: <http://www.tepka.ru/biologia/3.html>).

иллюстрирующие их образы. К ним относятся, например, такие понятия, как *закономерность, справедливость, судьба* и т. п.

Многие вербальные конструкции специально создаются людьми как определения понятий, в том числе чувственно конституированных и сконструированных. Например, *Медведь — крупное хищное млекопитающее...; Стол — предмет мебели, представляющий собой приподнятую над уровнем пола (или земли) поверхность, предназначенную для расположения на ней различных предметов и (или) для выполнения на ней различных работ, принятия пищи; Кентавр — мифическое существо с головой и торсом человека и телом лошади* и т. д. Такого рода вербальные конструкции представляют собой полноценные, но специально созданные, то есть «искусственные» вербальные концепты. Они способны эффективно замещать концепты чувственные, а также уточнять и унифицировать «естественные», вербальные концепты. Трансформируясь в языковые конструкции, то есть фразы или предложения, вновь созданные «искусственные» вербальные концепты интериоризируются сознанием множества людей.

Я не могу согласиться с М. Бунге (2003, с. 42), который считает определение понятия только лингвистической конвенцией, то есть правилом употребления используемых символов, которое, по его мнению, «ничего не говорит нам о природе».

Правильное определение понятия — это новая вербализация имеющегося концепта, то есть специально созданная вербальная конструкция, или альтернативный вербальный концепт данного понятия. В случае чувственного концепта — это построение его вербального аналога. В случае вербального концепта — это построение дополнительного вербального концепта. Следовательно, определение понятия может много сказать нам о природе. Недаром К. С. Торн (2007, с. 417) отмечает, что только после введения А. Эйнштейном определения траекторий свободно падающих частиц как прямых линий он пришел к идее искривленного пространства-времени и вывел законы общей теории относительности. И только после того, как С. Хокинг дал определение горизонта событий черной дыры, появилась возможность изучать характер изменения черных дыр.

Я могу добавить, что только после того, как А. Эйнштейн дал определение понятия *одновременность*, всем стала очевидна зависимость времени от положения наблюдателя.

Чаще всего определение понятия — лишь фрагмент его вербально-го значения, «верхний слой» обычно многослойного концепта, то, что «всплывает» в сознании человека, когда ему предлагают объяснить, что для него означает данное понятие. Каждый человек, объясняя известное ему понятие, создает свой вариант определения соответствующего

концепта, поэтому Дж. Лакофф (2004, с. 109) замечает, что даже люди, зарабатывающие на жизнь составлением определений, чаще предлагают разные определения даже для самых обычных понятий, например таких, как *мать*.

1.4.2. Общие понятия (универсалии)

В философии уже почти 2000 лет идут, периодически разгораясь и затухая, споры в отношении того, есть ли в мире сущности, обозначаемые универсалиями¹, и если да, то где они пребывают. Еще в V–VI вв. н. э. Боэций (480–524), которого называли последним из римлян и первым из схоластов, казалось, ставит в дискуссии точку: «...универсалии — бес-телесны и существуют только в родах и видах, но не в индивидах» (цит. по: Ф. Ч. Коплстон, 1997, с. 85). «...Роды и виды существовать не могут. Это понятно из следующего [размышления]. Все, что является одновременно общим для многих [вещей], не может быть едино в себе. Ибо общее принадлежит многим, особенно когда одна и та же вещь находится одновременно во многих целиком. ...Если один род находится в одно и то же время целиком во множестве отдельных видов, он не может быть един. Ибо не может быть, чтобы целое, находясь одновременно во многих [вещах], было в самом себе едино по числу. Но в таком случае если род ее может быть чем-то единым, то он и вообще ничто. Ибо все, что есть, именно потому есть, что едино; и то же самое следует сказать и о виде...» (Боэций, 2010, с. 24–25).

Но лишь кажется, что поставлена точка, так как дискуссия не прекращается. Б. Рассел (2001, с. 455) пишет, что Абеляр тоже полагает, что общее существует только в разуме, а в действительности существуют лишь единичные вещи. Что универсальные понятия являются результатом абстрагирующей деятельности разума и абстрактными копиями реальных вещей. А класс (множество) единичных предметов обозначается понятием и является абстракцией, не существующей в реальности.

Еще через 100 лет сходные мысли высказывает У. Оккам (1285–1349): «Я утверждаю, что универсалия не есть нечто реальное, имеющее в душе или вне ее субъектное бытие, а имеет в ней лишь объектное бытие и есть некий “мысленный” образ (*fictum*), существующий в объектном бытии, так же как внешняя вещь — в субъектном бытии...» (цит. по: П. П. Гайденко, 1999, с. 9).

Однако не менее авторитетные сторонники противоположного взгляда не сдаются и продолжают возражать. Уже в XX в. Л. Витгенштейн (2008, с. 62–63), например, пишет, что, если бы краснота, округлость и сладость

¹ Г. В. Осипов в Социологическом энциклопедическом словаре (1998, с. 379) определяет универсалии как общие понятия.

не существовали, мы не могли бы их вообразить. К. Гедель (2007, с. 247) тоже считает, что универсалии могут рассматриваться как реальные объекты. Автор, например, рассматривает классы как множественности вещей, или структуры, состоящие из многих вещей, а концепции — как свойства и отношения вещей, существующих независимо от наших определений и конструкций. Он считает, что предположения о таких объектах столь же допустимы, как и предположения о физических телах, и имеется столь же много причин верить в их существование.

В том же ключе высказывается У. Куайн (2010, с. 112), который предлагает рассматривать, например, универсалию *красный* как обозначение обычной отдельной вещи с пространственно-временной протяженностью. Так, красным является самая большая красная вещь в универсуме, вещь, полностью распыленная, частями которой выступают все красные вещи.

Может быть, У. Куайн прав? Существуют же такие сложные сущности, как рой (пчелиный), стадо (бизонов), стая (журавлей) или разные во времени и пространстве срезы одной и той же реки Кестр, о которых пишет автор (с. 112). И нам ничто не мешает подобным же образом трактовать такие универсалии, как, например, *красный*, *белизна*, *полет* или *отдых*. Однако сам У. Куайн (с. 114) замечает, что теория универсалий как конкретных объектов, которая работала для *красного*, в целом терпит неудачу.

То, что столь авторитетные исследователи высказывают противоречивые мнения, свидетельствует о сложности проблемы. Главная мысль, которую может вынести читатель из рассуждений У. Куайна, заключается в том, что ответ на вопрос о том, какого рода референты универсалий существуют в «реальности в себе», зависит не столько от самих универсалий, сколько от точки зрения исследователей.

Г. Скирбекк и Н. Гилье (2007, с. 208–209) пишут в своей «Истории философии», опубликованной на языке оригинала в 1980 г., что споры о том, существует ли объективное содержание у общих понятий, сегодня являются столь же актуальными, как и в Средние века. Обычно используются термины «универсалия» и «партикулярия». Первый обозначает общие понятия, например свойства (*коричневый*, *круглый* и т. п.) и виды (*человек*, *лошадь* и т. д.). Второй — отдельные вещи, то есть эту конкретную коричневую дверь, эту конкретную круглую лампу и т. д.

О том, что общие имена до сих пор составляют нерешенную логикой и психологией проблему, говорит и Ю. С. Степанов (2013, с. 17). По мнению автора, даже весьма тонкие современные исследования (Горский, 1961; Уемов, 1963; Яновская, 1972; Серебrenников, 1977) оставляют ее без ответа.

Кстати, абсолютное большинство понятий — это универсалии. Так, Б. Рассел (2009, с. 83) указывает, что едва ли не все слова из словаря «используются для универсалий».

Я хочу также обратить внимание на то, что и конкретные предметы чаще всего либо обозначаются общими понятиями, либо включают последние в свое наименование: *эта ложка, та железная дверь, моя настольная лампа, калитка соседа* и т. д. Чтобы вербально репрезентировать конкретную сущность, например «эту коричневую дверь», нам необходимо построить вербальную конструкцию из общих понятий. Мы не можем обойтись одним понятием.

Следует, видимо, переформулировать старый вопрос: *существуют ли сущности, обозначаемые универсалиями?* Он должен теперь состоять из нескольких вопросов: *какие сущности обозначаются универсалиями, какие референты они имеют в реальности, где находятся эти сущности?*

Проще всего было бы вслед за большинством авторов признать, что универсалии не обозначают сущности, реально пребывающие в окружающем мире. Тем более что данный факт можно легко доказать, исходя из особенностей концептуализации реальности в разных культурах. Например, с позиции испаноязычного наблюдателя, в языке которого нет общего термина «верблюд» вообще, а есть лишь слова «el camello» («верблюд двугорбый») и «el dromedario» («верблюд одногорбый»), слово «верблюд» обозначает сущность, которой нет в физической реальности, так как там есть только одногорбые и двугорбые верблюды. Но с позиции русскоязычного наблюдателя, в языке которого есть и общее слово «верблюд» вообще, и термины для обозначения одногорбого и двугорбого верблюдов (дромадер и бактриан), понятие *верблюд* вообще репрезентирует любого конкретного верблюда, существующего в мире.

Мне представляется, что **вопрос о существовании в мире сущностей, обозначаемых универсалиями, нельзя рассматривать без учета разных механизмов формирования концептов, репрезентирующих эти сущности.** Так, концепты, обозначаемые конкретными понятиями и именами собственными: *береза у окна, мой стол, отцовское ружье* и т. п., представляют собой модели-репрезентации конкретных физических предметов. Тогда как концепты, обозначаемые общими понятиями, или универсалиями: *береза, стол* или *ружье* вообще, представляют собой собирательные модели-репрезентации множеств берез, столов или ружей, с которыми человек сталкивался на протяжении жизни. Они репрезентируют любую березу, стол или ружье из соответствующих множеств.

Следовательно, переходя от имен собственных и конкретных понятий, обозначающих конкретные предметы, к общим понятиям, обозначающим предметы, реальность существования которых вызывает вопросы,

мы переходим от концептов одного вида — чувственных моделей-репрезентаций конкретных единичных предметов по принципу «одна модель, один предмет» (мой стол, береза у окна, Эйфелева башня и т. д.) — к чувственным концептам другого вида — собирательным моделям-репрезентациям, которые репрезентируют любой предмет из определенного множества сходных предметов (столов, берез, башен и т. д.).

Получается, что разница между конкретными и общими понятиями заключается в механизмах образования и формах обозначаемых ими чувственных концептов. Концепты, обозначаемые универсалиями, отличаются от концептов, обозначаемых конкретными понятиями, только тем, что первые репрезентируют не конкретный (единственный), а каждый (любой) из сходных объектов определенного множества. **Общие понятия (универсалии) обозначают концепты, репрезентирующие те же самые конкретные физические сущности, что и концепты, обозначаемые конкретными понятиями и именами собственными. Следовательно, и те и другие — это репрезентации одних и тех же сущностей. Разница лишь в том, что концепт, обозначаемый общим понятием, — это универсальная репрезентация всех сходных сущностей множества. И он имеет иную феноменологическую структуру.**

Однако феноменология концептов, обозначаемых универсалиями, зависит от уровня обобщения. На низких уровнях обобщения, например понятия *кошка*, *береза*, *стол* и т. д., эти концепты представлены собирательными моделями-репрезентациями. На более высоких уровнях обобщения, например понятия *растение* или *животное*, концепты представлены уже вербальными конструкциями. Несмотря на то что они тоже репрезентируют каждый (или любой) из сходных объектов, входящих в соответствующее множество.

На очередном уровне обобщения чувственные концепты сменяются вербальными конструкциями, так как модели-репрезентации здесь начинают «расплываться», потому что сознанию приходится объединять в новое супермножество собирательные модели-репрезентации таких разных объектов, например, как слон, мышь и дельфин или дерево, цветок и одноклеточная водоросль. Это приводит к тому, что множество собирательных моделей-репрезентаций сильно различающихся сущностей не может интегрироваться в еще более глобальную собирательную модель-репрезентацию, способную стать универсальным чувственным концептом данного общего понятия. В итоге чувственные репрезентации превращаются лишь в иллюстрации нового вербального концепта.

Особняком от конкретных и общих понятий стоят понятия отвлеченные. В табл. 1 представлена зависимость формы понятия и концепта от уровня репрезентирования.

Таблица 1. Формы понятий, концептов и репрезентируемых ими сущностей на разных уровнях репрезентирования

Уровень репрезентирования	Форма понятия	Форма концепта	Примеры репрезентируемых сущностей
Преимущественно чувственный	Предпонятие	Нет концепта	Еще нет сущности
	Конкретное понятие	Модель-репрезентация конкретной сущности	Мой стол Береза за окном Кошка Мурка
		Общее понятие, или универсалия	Модель-репрезентация I Модель-репрезентация II Модель-репрезентация III Модель-репрезентация IV Чувственно-вербальная конструкция
Смешанный		Вербальная конструкция	Предмет интерьера Цветковое Млекопитающее
Преимущественно вербальный	Отвлеченное, умозрительное понятие	Вербальная конструкция	Не живое Живое
		Вербальная конструкция	Искусственный объект Естественный объект
Смешанный	Отвлеченное, умозрительное понятие	Вербальная конструкция	Физический объект
		Чувственно-вербальная конструкция	Чума. Средства производства. Бозон Хиггса. Темная материя
Преимущественно вербальный		Вербальная конструкция	Феодализм. Валлидность. Трансценденция

Как я уже отмечал выше, количество уровней общих понятий не ограничивается семью. Их может быть и больше. Преимущественно вербальные концепты, репрезентирующие обозначаемые универсалиями сущности, лишь иллюстрируются все более «расплывающимися» собирательными моделями-репрезентациями. В итоге самые общие понятия, к которым относятся, например, категории, вообще «отрываются» от чувственного уровня и становятся трудно отличимыми от понятий отвлеченных.

Согласно представленной схеме, так называемые **категории базового уровня** (см. раздел 1.4.3) **представляют собой последний уровень общих понятий, еще репрезентируемых концептами в виде собирательных моделей-репрезентаций**. Концепты более высоких по уровню обобщения понятий, надстраиваемых на этот базовый уровень, представляют собой уже вербальные конструкции. При этом все понятия вышележащих уровней основываются не на категориях базового уровня, как принято считать в логике и лингвистике, а непосредственно на понятиях конкретных, концепты которых представлены моделями-репрезентациями конкретных сущностей. То есть каждый следующий уровень обобщения базируется не на предыдущем, а на самом нижнем. Универсалии разных уровней ассоциируются между собой тоже через концепты самого нижнего уровня, репрезентирующие конкретные сущности. В то же время вышележащие общие понятия репрезентируют все нижележащие сущности.

Тот факт, что более общие понятия каждого следующего уровня базируются не на вербальных концептах общих понятий предыдущего уровня, а на чувственных концептах, репрезентирующих конкретные сущности, объясняет механизмы образования понятий и, в частности, то, почему общие понятия могут усваиваться раньше понятий конкретных, например, по механизмам конкретного экземпляра или лучшего образца (см. раздел 1.4.5). Л. С. Выготский (2005а, с. 170), например, пишет, ссылаясь на К. Бюлера, что первое употребляемое ребенком слово является общим обозначением и только относительно позже у него возникают частные и конкретные обозначения. Так, ребенок раньше усваивает слово «цветок», чем названия отдельных цветов.

Автор (с. 212) сообщает, что, даже если в силу условий речевого развития ребенок раньше осваивает какое-нибудь частное название, например слово «роза», раньше, чем слово «цветок», он пользуется этим частным обозначением как общим. Процесс образования понятий не состоит в восхождении на пирамиду понятий снизу вверх, а идет с двух сторон, как процесс прорыва туннеля. При этом возникающие раньше частных более общие понятия на деле не более общие, а лишь более широкие. Даже после появления и общего

и частного понятий, например понятий *цветок* и *роза*, еще долгое время понятие *цветок* остается рядом с понятием *роза*, но не над ним. Оно не включает более частное понятие в себя и не подчиняет его себе, а заменяет его и располагается в одном ряду с ним. Отношение между понятиями *цветок* и *роза* изменится тогда, когда понятие *цветок* превращается в обобщение.

Из сказанного автором можно сделать вывод, что иерархии понятий (конкретное, частное, общее I, общее II и т. д.) формируются у ребенка в последнюю очередь.

Концептами общих понятий (универсалий) могут являться не только собирательные модели-репрезентации, но и вербальные конструкции. Универсалии поэтому порой трудно разграничить с отвлеченными понятиями, которые тоже формируются с помощью вербальных концептов. С такими, например, как *государство*, *министерство*, *департамент*, *управление*, *братство*, *общество*, *отдел*, *институт*, *организация*, *редакция* и т. д. Я полагаю, что к универсалиям следует относить только те понятия, которые могут быть включены в иерархию понятий. В таких иерархиях понятия каждого следующего уровня как бы обобщают понятия уровня предыдущего.

Вернувшись еще раз к вопросу о том, существуют ли в физическом мире обозначаемые универсалиями сущности, мы должны признать, что в очередной раз имеем дело с псевдовопросом. Универсалии — это понятия, обозначающие концепты, репрезентирующие не особые сущности, которые могут существовать или не существовать в реальности, например *дерево* вообще, *лодка* вообще и т. д. Они репрезентируют, хотя и другим способом, все те же конкретные сущности, которые уже репрезентированы сознанием с помощью конкретных понятий и имен собственных. Концепты, обозначаемые универсалиями, — это лишь особая форма репрезентаций все тех же хорошо известных нам конкретных сущностей.

Какие понятия — конкретные или общие — сформировались раньше?

Б. Г. Кузнецов (2010, с. 26), например, указывает, что этнография и лингвистика накопили множество иллюстраций возникновения все более общих понятий из конкретных. Исследователи, однако, высказывают разные мнения о том, какие понятия формируются этносом раньше — конкретные или общие. Мне кажется, что вопрос о первичности конкретных или общих понятий тоже относится к псевдовопросам, переполняющим гуманитарные науки. Можно, по-видимому, спорить не о том, какие понятия, общие или конкретные, возникают раньше, а только о том, какие именно общие понятия — «верхних» или «нижних» уровней в иерархии общих понятий — возникают раньше, так как количество конкретных понятий незначительно по сравнению с количеством понятий общих.

1.4.3. Категоризация

§ 1. Категории

В психологии нет четкого и однозначного определения понятия *категория*. Философское определение, согласно которому категории — это наиболее общие понятия, психологией не принято, но и ясной альтернативы ему не предложено. Одни исследователи отождествляют категории с общими понятиями, то есть с универсалиями, другие — с классами¹ объектов, а третьи — вообще с наборами признаков. Эта сложная многоголосая неоднозначность хорошо иллюстрируется следующим неожиданно аморфным определением А. Ребера: «...категория является чем-то вроде понятия, классом или системой. То есть, например, если имеется категория “лев”, то наряду с ней существует и понятие льва в сознании и система или набор правил, определяющих, какие объекты принадлежат к нему, фактическая группа львов и система или набор правил, определяющих, какие объекты принадлежат к этой категории, а какие — нет» (2000, с. 344).

Так что же такое категория: общее понятие, класс, система правил или что-то еще? В немалой степени дело осложняется не только нечеткостью определений, но и отсутствием однозначных и всеми признанных категорий. Одни авторы вслед за Аристотелем (2011) считают категориями только наиболее общие понятия. Другие, как А. Ребер (2000, с. 344), готовы относить к ним любое общее понятие, обозначающее группу конкретных объектов, например понятие *лев*. В конечном счете понятие *категория* используется для обозначения и общих понятий, и классов, выстраиваемых людьми при создании ими разного рода иерархических классификаций. Например, естественных и искусственных классификаций объектов и явлений, наиболее известными из которых являются классификации животных и растений. И даже для обозначения систем или наборов правил, определяющих, какие объекты принадлежат к определенной категории, а какие — нет. Однако общее понятие и класс, а тем более система правил — это совершенно разные сущности.

Большинство категорий действительно формируются в процессе создания исследователями классов сущностей и построения ими разного рода классификаций сущностей. Естественно, между классами и этими категориями легко прослеживаются связи и параллели. Но это не дает основания их отождествлять. **Категория (в психологии) — это общее понятие, обо-**

¹ «Класс — совокупность, группа предметов или явлений, обладающих общими признаками» (Осинов Г. В. Социологический энциклопедический словарь. — 1998. — С. 123).

значающее множество сущностей, то есть группу, или класс, сходных объектов или явлений реальности, их свойств или действий.

Хотя я полагаю, что категориями следовало бы называть наиболее общие универсалии. Но сейчас в психологической литературе понятие *категория* чаще отождествляется вообще с общими понятиями или любыми универсалиями.

Исследователи справедливо утверждают, что если бы не было общих понятий, или категорий, то нам было бы крайне сложно разобраться в бескрайнем море сенсорной информации, которой нас все время обеспечивает наше восприятие. По крайней мере, большая часть времени уходила бы у нас на анализ данных восприятия. Мир, который мы видим вокруг, постоянно изменяется. И если бы не наличие в нашем сознании категорий, нам было бы значительно труднее объединять ранее виденное и никогда не виденное нами в группы сходных сущностей: люди, автомобили, дома, облака и т. д. Благодаря общим понятиям мир для нас группируется в множества сходных и знакомых нам объектов. Общие понятия помогают нам трансформировать поток калейдоскопически меняющейся сенсорной информации в сравнительно небольшое число относительно постоянных сущностей и их групп, обозначаемых категориями.

В литературе¹ принято общие понятия, или категории, называть поэтому «указателями знаний», сравнивая их с коробкой, в которой сгруппированы сходные объекты и на которой стоит метка с общими свойствами и другой общей информацией о категории. Мы запоминаем не только конкретные примеры членов каждой известной нам категории, но и общую информацию об общих свойствах, определяющих каждую категорию.

Благодаря наличию общих понятий, или категорий, мы, например, не только знаем, как выглядит наш дом, дом соседей или друзей, но и имеем общую информацию о любом доме вообще, о том, что большинство из них имеют фундамент, стены, крышу, перекрытия и т. д. Поэтому после получения информации о том, что какой-то новый для нас объект относится к известной нам категории *дом*, в нашем сознании актуализируется масса информации о доме как о сущности, обозначаемой данной категорией, что экономит нам много времени и энергии, которые пришлось бы потратить на исследование этого нового объекта.

¹ См., например, Cognitive Psychology and Cognitive Neuroscience. Knowledge Representation and Hemispheric Specialisation: справ. ст. [Электронный ресурс]: Wikibooks: the open-content textbooks collection. — Режим доступа: https://en.wikibooks.org/wiki/Cognitive_Psychology_and_Cognitive_Neuroscience/Knowledge_Representation_and_Hemispheric_Specialisation.

§ 2. О теориях категоризации

А. В. Петровский определяет категоризацию как «психический процесс отнесения единичного объекта, события, переживания к некоторому классу, в качестве которого могут выступать вербальные и невербальные значения, символы, сенсорные и перцептивные эталоны, социальные стереотипы, стереотипы поведения и т. п.» (Общая психология, 2005, с. 212).

Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (Введение в психологию, 2003, с. 375) считают категоризацией «отнесение объекта к некоторому понятию». По мнению авторов, категоризируя объект, мы рассматриваем его в качестве обладающего многими из свойств, связываемых с этим понятием, включая те, которые непосредственно не воспринимаются нами. Соответственно, категоризация позволяет нам предсказывать информацию, которую сразу нельзя воспринять. По их словам (с. 379–380), мы осуществляем категоризацию каждый раз, когда опознаем объект или диагностируем проблему. Например: «Это перебой с электрическим током» и т. д. Мы используем понятия для категоризации окружающего мира. При этом у нас есть два средства категоризации, основанные на сходстве: сходстве с прототипом и сходстве с хранимыми в памяти экземплярами.

Дж. Лакофф (2004, с. 20) считает, что обычно мы автоматически и бессознательно осуществляем категоризацию окружающих нас объектов, а категоризация — базовый для нашего мышления, восприятия, действий и речи процесс. Каждый раз, когда мы рассматриваем что-то как род вещей, например дерево, мы осуществляем категоризацию. Когда мы рассуждаем о родах вещей: стульях, народах, болезнях, эмоциях и пр., мы прибегаем к помощи категорий.

Что же такое категоризация — некий автоматический и бессознательно осуществляемый процесс опознавания объекта или диагностирования проблемы путем их отнесения к некоторому понятию или осознанный произвольный психический процесс отнесения единичного объекта, события, переживания к некоторому классу?

Я думаю, что категоризация — это, безусловно, осознанный, но произвольный психический процесс опознавания объекта или диагностирования проблемы путем их отнесения к некоторому известному уже человеку множеству. Осуществляется категоризация в форме появления в сознании образа определенного слова, например, в ответ на возникновение чувственных репрезентаций. Происходит это потому, что ранее человек или ассоциировал образы сходных предметов и их названия, или интериоризировал из объективной психической реальности вербальные концепты и обозначающие их понятия. В результате, когда человек видит нечто похожее на уже известный ему объект, он не относит произвольно это нечто к той же категории. В его сознании просто «всплывает» название

соответствующего объекта, или он останавливается в растерянности, не зная, как определить то, что видит.

Само использование понятий для обозначения элементов окружающего мира ведет к тому, что объекты, явления и другие сущности распределяются «по своим местам» в присутствующей в каждом сознании картине мира, включающей иерархии известных ему сущностей. Происходит это потому, что большинство обозначенных понятиями сущностей уже распределены человечеством в глобальной иерархии сущностей, созданной нашими предшественниками. И каждый человек усваивает эту систематику в процессе своей социализации и обучения.

Что касается произвольной категоризации обозначаемых понятиями сущностей, то ее осуществляют лишь исследователи. Произвольная категоризация — это скорее исследовательская процедура, чем что-то непрерывно происходящее в сознании каждого человека.

Разработка теории категоризации началась еще в античной философии, в работах Платона и Аристотеля. Дж. Лакофф (2004, с. 12, 13, 216, 231) указывает, что в соответствии с классическими представлениями и объективистской парадигмой реальный мир состоит из объективно присутствующих в нем вещей. Последние имеют признаки, которые делятся на существенные и несущественные. Вещи относятся к одной категории, если только они имеют некоторые общие существенные признаки. Эти признаки составляют необходимое и достаточное условие для определения категории. Каждая вещь либо имеет конкретный признак, либо не имеет его. Как результат, категории имеют четко определенные, а не размытые границы. Все вещи, у которых есть определенный набор существенных признаков, образуют категорию.

Дж. Лакофф (2004, с. 21) указывает, что со времен Аристотеля категории рассматривались в виде абстрактных вместилищ, содержащих вещи, имеющие общие признаки. Да и сам автор не готов отказаться от идеи «вместилища». В его собственной позиции доминирует представление о том, что «категории — это множества, определяемые общими свойствами объектов» (с. 25).

Тем не менее Дж. Лакофф подвергает жесткой и убедительной критике классическую теорию категоризации, отвергая ее догматы. Он (с. 215) обращает внимание на многие ее несоответствия. Так, не все категории являются классическими, а следовательно, мы не можем априори полагать, как это делает объективистская метафизика, что вся природа структурирована классическими категориями. По мнению автора (с. 19), в последние годы стало очевидно, что категоризация — гораздо более сложная вещь, чем казалось на протяжении многих веков. Появилась новая теория категоризации, названная теорией прототипов. Было установлено, что принципы

человеческой категоризации отличаются от представлений классической теории.

Пересмотр классической теории категоризации был начат в работах Л. Витгенштейна (1994, с. 75–319). Дж. Лакофф (2004, с. 34) напоминает, что в классической теории все члены категории имеют общий набор признаков. Следовательно, не должно быть членов «более центральных», чем другие члены. Л. Витгенштейн (1994, с. 75–319) же установил, что категории не имеют четких границ, принадлежность к категории определяется не набором общих признаков, а феноменологическим «семейным» сходством. Позже данные Л. Витгенштейна были подтверждены и дополнены другими исследователями.

Рассматривая динамику представлений о категоризации за период от Л. Витгенштейна до Элеоноры Рош, Дж. Лакофф (с. 28–29) выделяет основные идеи, противоречащие классической теории категоризации, но принятые за этот период исследователями: 1) члены категории связаны друг с другом, но не обязательно все имеют какие-либо общие свойства, которые якобы создают категорию; 2) одни члены категории могут быть более типичными ее представителями, чем другие; 3) категории могут создаваться из членов, не имеющих общих свойств, но обладающих «фамильным сходством» друг с другом; 4) некоторые категории создаются с помощью «генератора» (особого члена категории или субкатегории) и правил (или общего принципа, такого как сходство); 5) некоторые категории имеют степени членства и не имеют ясных границ. Например, некоторые люди не высокие и не низкие, а находятся где-то посередине — высокие в некоторой степени; 6) свойства некоторых категорий вытекают из природы человеческих способностей и опыта функционирования человека в физическом и социальном окружении. Эта идея противопоставляется положению, что понятия существуют независимо от природы мыслящих существ и независимо от их опыта.

Автор (с. 20) полагает, что автоматическая категоризация естественных и созданных человеком объектов, которую мы все время производим, порой приводит к впечатлению, что мы просто классифицируем вещи как они есть, что вещи объединяются в естественные роды и что категории нашего ума естественным образом соответствуют родам вещей, которые есть в мире. Однако он обращает внимание на то, что значительная часть наших категорий являются категориями не предметов, а абстрактных сущностей: событий, действий, эмоций, пространственных отношений, социальных отношений и объектов, таких как правительства, болезни, сущности научных и повседневных теорий и т. д.

Дж. Лакофф (с. 241–243) пишет, что современная хомскианская генеративная лингвистика принимает как данное, что существует автономная языковая способность, не связанная с общими когнитивными

способностями. Он, однако, совершенно справедливо полагает чрезвычайно неправдоподобным, чтобы люди не использовали общие когнитивные способности в языке. Ему представляется странной возможность того, что язык игнорирует общий когнитивный аппарат, особенно в процессе категоризации. Автор обоснованно не верит в то, что разум в целом использует один вид категоризации, тогда как язык использует совершенно другой. Притом что именно это странное, по его мнению, положение лежит в основе главного направления современной лингвистики.

Дж. Лакофф (с. 482) доказывает, что предполагавшееся классической теорией категоризации отношение между категориями в мире и их ментальными репрезентациями не имеет места. Он (там же) утверждает, что «ментальным репрезентациям категорий не может быть придано значение через их отношение к категориям в мире». Сложность проблемы, однако, такова, что сам Дж. Лакофф, кажется, путается. Он пишет: «Человеческие категории не находятся объективно “в мире”, внешнем по отношению к человеку. По крайней мере, некоторые категории являются воплощенными» (2004, с. 84). «Сказать, что классические категории представляют собой ...важное изобретение человеческого ума, — не значит сказать, что классические категории в реальности не существуют. ...Может быть даже так, что некоторые классические категории действительно существуют в природе» (с. 215).

Я сказал бы более определенно: нет категорий, якобы существующих вне человека, в «реальности в себе». И тем не менее категории все же есть во внешнем по отношению к человеку объективном мире. Они есть в объективной психической реальности.

Подведу итог. Существуют конкретные понятия и имена собственные, обозначающие и репрезентирующие конкретные сущности окружающего мира. Например, конкретные предметы. И есть общие понятия, или универсалии, или категории, обозначающие и репрезентирующие любую конкретную сущность из сформированного сознанием определенного множества, или класса, в чем-то сходных сущностей.

Категории, как и прочие общие понятия, являются именно понятиями, а следовательно, создаются сознанием по тем же принципам и механизмам, что и все прочие понятия. Все общие понятия высших уровней создаются на основе чувственных концептов самого первого уровня. Многие категории обозначают сущности, относящиеся не к физическому миру, а к психике или социальной сфере.

Важный, хотя и неоднозначный вклад в развитие проблемы категоризации внес Дж. Брунер. Он понимает категорию объективистски — «как совокупность признаков, в зависимости от которых объекты группируются как эквивалентные» (1977, с. 30). «...Адекватное восприятие требует усвоения категорий и систем категорий, соответствующих событиям

и предметам, с которыми имеет дело субъект в физическом мире» (с. 30). В другом месте он (с. 27) пишет, что категория — это правило, в соответствии с которым мы относим объекты к одному классу.

Разделяя бихевиористские взгляды, Дж. Брунер (с. 13) пишет, что организм отвечает на некоторое воздействие, относя его к соответствующему классу вещей или явлений. Категоризация, по его мнению, означает отнесение воспринятого раздражителя к тому или иному классу вещей или событий, то есть приписывание различным вещам эквивалентности, группировку окружающих предметов и событий в классы и реагирование на них в зависимости от принадлежности к разным классам, а не от их своеобразия. Категоризация осуществляется на основе характерных свойств входного сигнала, которые автор называет признаками или свойствами. Он (с. 13, 23) считает, что восприятие — это процесс категоризации, то есть движение от признаков к категориям. По его (с. 25) словам, восприняв некоторую совокупность признаков, нервная система решает, чем является данный предмет.

Дж. Брунер (с. 15) утверждает, что предметов, событий или ощущений, не относимых ни к какой категории — хотя бы категории определенной чувственной модальности, не бывает. Восприятие, не включенное в систему категорий, осталось бы недоступным человеку. Однако, как мне кажется, данное утверждение можно принять лишь применительно к взрослым людям. Что касается маленьких детей, то у них говорить о категоризации вообще нет оснований, так как они просто еще не владеют понятиями, а соответственно, и категориями.

Надо признать, что автор вкладывает в понятие *категоризация* свой собственный смысл, что не способствует лучшему пониманию этой проблемы читателями и добавляет путаницы. Так, например, ссылаясь на Дж. Брунера, Е. Я. Режабек и А. А. Филатова (2010, с. 151) пишут, что способность к категоризации не является прерогативой человека. Что эта познавательная операция, призванная классифицировать объекты по наличию сходных параметров в более крупные разряды, якобы присуща и животным. Авторы (с. 154) ссылаются также на Н. Рябцеву, которая выделяет три уровня категоризации: 1) доконцептуальный (перцептивный, эмпирический); 2) концептуальный (практический); и 3) логико-понятийный (научный).

На это можно ответить только одно: ни категорий, ни даже элементарных понятий у животных нет и говорить о категоризации у них бессмысленно, так как она требует усвоения системы понятий, а об этом, и только предположительно, имеет смысл говорить лишь применительно к высшим приматам, подвергшимся многолетнему специальному обучению (см., например: З. А. Зорина и И. И. Полетаева, 2001, с. 193–222). Нет сомнений в том, что на доконцептуальном (перцептивном) уровне человек, да и жи-

вотные, осуществляют обработку чувственных репрезентаций. Но если мы начнем неадекватно использовать термины, ничего, кроме бессмыслицы, мы в итоге не получим.

Термин «категории» на протяжении тысячелетий обозначает наиболее общие понятия. Следовательно, не может быть категоризации без участия и вне понятий, поэтому ни о какой категоризации на допонятийном уровне не может идти речь. **Категоризация начинается только тогда, когда появляются понятия.** Я согласен с тем, что отдельный выдающийся исследователь может использовать известный термин в новом значении, то есть использовать, например, понятие *категоризация*, изменив его концепт. Что и сделал Дж. Брунер, неоправданно расширив значение понятия *категоризация* и включив в него перцептивные операции. Из этого, однако, не следует, что и нам надо продолжать делать то же самое.

Безусловно, имеет смысл говорить об участии в процессах восприятия понятий, имеющихся у взрослых людей. Что касается маленьких детей и тем более животных, то **никакой категоризации на перцептивном уровне у них нет и быть не может.** У них функционируют перцептивные механизмы обобщения чувственного опыта и распознавания образов (знакомое — незнакомое лицо, приятный — неприятный голос и т. п.), так как они еще не владеют понятиями, необходимыми для осуществления категоризации.

Понятие *категория*, как я уже отмечал, трактуется в современной литературе так широко, что потеряло четкие границы и расплылось. Даже столь авторитетные авторы, как Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг, ограничиваются неопределенной фразой: «Термин “понятие” определяет класс или категорию, в которую входит некоторое количество индивидов, или субтипов» (2001, с. 357).

Давайте еще раз рассмотрим соотношение категории, ее концепта и множества сущностей, которые, как ошибочно принято считать, «составляют» данную категорию. Сделаем это на примере категории *птица*. *Птица* — это общее понятие, универсалия, или категория¹. Ее концепт представляет собой собирательную модель-репрезентацию множества птиц, с которыми человек взаимодействовал на протяжении своей жизни. Собирательная модель-репрезентация птицы (вообще) формируется у человека не только потому, что он сталкивается с птицами в своей жизни, но и потому, что в процессе социализации он интериоризировал из объективной психической реальности наряду с другими понятиями понятие *птица*.

¹ Я вынужден принять широко распространенную в психологии точку зрения, отождествляющую категорию с общими понятиями

Формирование (усвоение им) данной категории происходит без его специальных усилий, то есть обычный человек, а не исследователь не пытается произвольно отобрать, например, группу сходных объектов, чтобы обозначить их, например, категорией *птица*. Создание собирательной модели-репрезентации многих птиц выполняется его сознанием непроизвольно, параллельно с интериоризацией соответствующего обозначающего данный концепт слова.

Как соотносятся категория и признаки каждой из множества птиц, с которыми имел дело человек, его совершенно не интересует, так как никто из нас в своей повседневной жизни никакие признаки у воспринимаемых объектов не выделяет. Делают это только исследователи и исключительно в своих исследовательских целях. Всем остальным совершенно безразлично, какие именно признаки позволили, например, исследователям в прошлом отнести к птицам пингвина и колибри. Человек просто интериоризирует в процессе собственной социализации из объективной психической реальности соответствующее понятие, и сознание привязывает его, как ярлычок, к соответствующим чувственным репрезентациям данных сущностей. Лишь исследователи выискивают признаки, подсчитывают их, классифицируют сущности на их основе и в итоге спорят, чья классификация «лучше» и «правильнее». Только они создают свои новые научные сущности на основе выделяемых ими же признаков. Итак, категория — это не совокупность признаков и тем более не система или набор правил, определяющих, какие объекты принадлежат к этой категории; это также не класс или группа сходных сущностей, обладающих общими признаками. Это общее понятие, обозначающее каждую из сходных сущностей, входящих в данное множество.

§ 3. Об относительной ценности «естественных» классификаций

Д. Майерс (2001, с. 415) пишет, что для того, чтобы упростить мир, люди организуют концепты (понятия) в иерархии. Так, основоположники биологии упростили и упорядочили пятимиллионное множество живых существ, разделив их на две основные категории — *царство растений* и *царство животных*. После чего разбили их на большое количество субкатегорий.

Мне представляется, что, создавая иерархии категорий, люди как раз двигались в противоположном направлении, не «разбивая», а обобщая эти 5 млн живых объектов до двух основных категорий. Объекты, например животные и растения, во всех классификациях располагаются иерархически — от простых к сложным, от низших к высшим. Даже неживые

объекты располагаются иерархически, например от песчинок к звездам и галактикам.

Есть ли у нас основания вообще говорить о наличии в окружающем мире «естественных» иерархий сущностей, обозначаемых категориями? Для того чтобы попытаться ответить на этот вопрос, имеет смысл рассмотреть какую-либо «естественную» классификацию животных, растений, минералов и т. д. Однако существуют разные «естественные» классификации животных, например. При этом любые две различающиеся между собой классификации одних и тех же объектов немедленно ставят перед нами новые вопросы: *какая из них более «правильная» и почему классификация А лучше, чем классификация В?*

В сознании исследователей доминировали и по-прежнему доминируют объективистские представления здравого смысла. В частности, теория, согласно которой в окружающем мире независимо от человека присутствует множество объектов, а потому может существовать только одна-единственная возможная, или «естественная», их организация, или иерархия, которую надо просто обнаружить и описать. Это и будет окончательная истина о мире. Проблема лишь в том, чтобы ее обнаружить и правильно описать.

Между тем мы уже неоднократно обсуждали, что это именно человеческие понятия конституируют объекты реальности и определяют в том числе порядок любых их классификаций.

Дж. Лакофф (2004, с. 164–166), например, рассматривая «естественную» классификацию животных, демонстрирует зависимость «объективной» систематики от создаваемых людьми концептов. Он ссылается на С. Гоулда, описавшего споры между сторонниками двух направлений в биологии — кладистами и фенотипистами¹. Кладисты отвергают общее подобие как иллюзию и работают только с порядком ветвления. Фенотиписты принимают в расчет и стараются измерить только общее подобие. Согласно критериям кладистов, не существует биологических категорий, которые включали бы всех зебр или всех рыб.

На примере таксономических категорий *рыба* и *зебра* Дж. Лакофф (2004, с. 246–248) рассматривает зависимость (истинность или ложность) создаваемых нами представлений о реальности от уже существующих в нашем сознании классификаций биологических объектов, которые, в свою

¹ «Кладистический анализ — основа большинства принятых в настоящее время биологических классификаций, построенных с учетом родственных отношений между живыми организмами. Кладистике противостоят фенетика, основанная на количественной оценке так называемого общего сходства, и так называемая эволюционная таксономия, признающая ценность выяснения родственных отношений, но не требующая строгого соответствия системы и филогении...» (Кладистика: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Кладистика>).

очередь, зависят от вариантов нашей концептуализации реальности. Автор предлагает рассмотреть два выражения: «На моем дворе находятся две зебры» и «Гарри поймал рыбу». На самом деле на дворе находятся зебра Гриви и горная зебра, которые не вполне укладываются в категорию *зебра*. Гарри же поймал целаканта, который не входит в категорию *рыба*, хотя и похож на рыбу. Согласно фенотипической классификации существуют и зебры, и рыбы. В соответствии с кладистическими критериями нет категорий *рыба* и *зебра*. Поэтому в зависимости от того, какой классификации мы придерживаемся, рассматриваемые выражения, а следовательно, и наши представления о реальности будут «истинными» или «ложными».

По словам Дж. Лакоффа (2004, с. 248), объективизм требует «абсолютно правильного» ответа. В соответствии с объективистскими критериями принадлежать к одной категории могут только сущности, обладающие общими признаками. Однако не существует объективистского критерия, какие именно признаки должны учитываться. Не существует мерил, независимого от человеческих интересов и проблем, посредством которого можно было бы выбрать между ними и дать единственный ответ. Однако объективистская метафизика требует именно такого объективного мерила. В соответствии с ней в мире или есть объективно существующий род «зебра», или его нет; третьего не дано.

Дж. Лакофф (с. 167) полагает, что взгляд, согласно которому существует только одна правильная таксономия, имеет такую силу потому, что здесь мы имеем дело с народной теорией категоризации. Согласно ей вещи входят в хорошо определенные роды, которые характеризуются общими признаками, и существует только одна правильная таксономия родов. Автор (с. 373) справедливо полагает, что классические категории и классические таксономии не встроены в природу и не являются ее частью в виде некоей присущей реальности трансцендентальной рациональности, простирающейся за пределы человеческого разума. Они являются созданием нашего ума.

Дж. Лайонз (2003, с. 113) тоже полагает, что теория «естественных родов», согласно которой структура внешнего мира по сути такова, как она воспринимается и категоризируется разумом, является примером наивного реализма.

Мне представляется очевидным, что теория «естественных родов» — это проникшая в объективную психическую реальность много веков, возможно даже не одно тысячелетие, назад теория древних исследователей, которая за это время превратилась для сознания большинства людей в нечто бесспорное, само собой разумеющееся и не подлежащее даже обсуждению в силу своей «очевидности». Тем не менее структура реального мира настолько сложна, что ее не способна непротиворечиво смоделировать не только эта древняя теория, но и более новые вербальные психические конструкции, создаваемые современными исследователями.

Полагаю, следует четко постулировать, что **в окружающей нас «реальности в себе» не существует ни уровней, ни классов или видов, ни родов предметов или иных сущностей.** Там нет также никаких физически «воплощенных» в окружающем мире классификаций или иерархий этих сущностей, как до сих пор продолжают считать большинство исследователей. Просто одни исследователи — биологи — создали в прошлом классификации и иерархии живых существ, их видов, родов, классов и семейств, а другие исследователи — логики — тоже в прошлом выстроили иерархию понятий — категорий, разных по уровню обобщения. И те и другие переместили эти иерархии из собственного сознания в окружающую физическую реальность, а затем гипостазировали их, приписав реальности соответствующее строение — «от простого к сложному», «от частного к общему» и т. д.

Исследователи-объективисты считали и считают до сих пор, что человек лишь более или менее точно «отражает» в своих создаваемых им психических конструкциях особенности окружающей его реальности. Однако все человеческие классификации и иерархии сущностей окружающей реальности — вербальные конструкции, созданные исследователями. Причем часто репрезентируемая исследователями реальность «не хочет влезать» в конструкции, созданные ими. В результате, как, например, пишет Дж. Лакофф (2004, с. 247), по мнению А, он поймал рыбу, а по мнению Б, А поймал целаканта. По мнению А, во дворе Б зебра, а по убеждению Б, там зебры нет.

Проблема даже не в том, какую из классификаций предпочесть и какая из них больше соответствует реальности. Проблема в том, что существующие у нас и кажущиеся нам очевидными и единственно возможными представления об окружающем мире, то есть наши вербальные репрезентации не отражают его, а лишь соответствуют ему в той или иной степени. Есть еще более яркие, чем зебры и рыбы, примеры, которые знает каждый из нас, даже не являясь специалистом в биологии. Например, мы абсолютно убеждены в том, что существуют две категории людей в соответствии с категорией пола: *мужчины* и *женщины*, и никого больше. Хотя на самом деле это представление не соответствует действительности. Границы самих наших категорий *мужчина* и *женщина* достаточно расплывчаты.

Мужчина — это человек, обладающий первичными и вторичными половыми признаками, половозрелый, способный к оплодотворению женщин и стремящийся к этому, то есть ведущий себя соответствующим образом, социально позиционированный в качестве мужчины (форма имени, пол по документам и пр.) и т. д. *Но как квалифицировать, исходя из привычной дихотомии, человека, сменившего мужскую социальную позицию*

(поведение, имя и пол по документам); или человека, сменившего не только мужскую социальную позицию, но и биологический пол (утратившего мужские первичные половые признаки в результате операции и фармакотерапии); или гомосексуалиста, испытывающего сексуальное влечение только к мужчинам, и т. д. и т. п.? При чем процент таких людей в популяции статистически очень значим.

Данный пример демонстрирует неадекватность даже самых устойчивых и совершенно очевидных с точки зрения здравого смысла базовых психических моделей реальности, их усредненную приблизительность, которой нам обычно достаточно в повседневной жизни, но которая не выдерживает вдумчивого анализа. Соответственно, обозначающие эти базовые психические модели реальности, столь же устойчивые и вроде бы незыблемые категории тоже оказываются совсем не такими незыблемыми, как нам казалось вчера. И это обусловлено не только сложностью окружающей реальности, но и особенностями нашего психического моделирования.

Из сказанного следует еще один важный вывод: это именно мы выделяем (конститулируем) в окружающем мире те или иные сущности и их группы, обозначая их определенными понятиями. Обозначаемые понятиями сущности (тем более умозрительные) не обитают в мире независимо от нас. Мы могли бы выделить иные фрагменты реальности, иначе концептуализировать их и обозначить другими категориями. При этом новые категории столь же успешно, а возможно, даже лучше, репрезентировали бы нам окружающий мир. Мир настолько сложен, что его можно эффективно репрезентировать с помощью разных наших психических конструкций — концептов и соответствующих им понятий. Можно создать одинаково эффективные, но разные наборы концептов (и категорий) для моделирования одних и тех же граней реальности. Доказательством этого являются, например, существовавшие в разных культурах десятки видов различных календарей, по-разному репрезентирующих течение времени.

Каким образом человеческое сознание может влиять на концептуализацию физических объектов окружающего мира, ведь с точки зрения здравого смысла конкретные физические объекты от человека не зависят? Кажется бы, наши чувственные концепты репрезентируют самостоятельно существующие и независимые от нас, как принято считать, предметы. Чувственные репрезентации возникают в нашем сознании произвольно и конституируют именно эти специфические предметы, никак не связанные, как кажется очевидным, с конкретными людьми. Сознанию вроде бы остается лишь обозначить эти свои чувственные концепты общепринятыми понятиями.

И это не только точка зрения здравого смысла. Так же считают даже выдающиеся исследователи. Помню, я читал, кажется, у К. Поппера, что ванна — это всегда есть и будет ванна, даже если человечество исчезнет. Однако с этим утверждением согласиться трудно, так как она не ванна не только для иного, например не человеческого, сознания. Она не ванна даже для сознания средневекового европейца, ни разу в жизни не мывшего из-за доминировавших в его время идей о недопустимости мытья человеческого тела. Следовательно, даже для наших предков ванна была бы лишь странной и неудобной емкостью, предназначенной для хранения чего-то, например сельскохозяйственной продукции.

Таким образом, даже чувственно репрезентируемый предмет не может быть независим от человеческого сознания. Мы выделяем в окружающем мире в качестве предметов только те сущности, которые чем-то значимы для нас, то есть связаны с удовлетворением каких-то наших потребностей. И игнорируем все прочие. Я уже не говорю о сущностях, конструируемых с помощью вербальных конструкций.

Р. Рорти (1997, с. 23) замечает, например, что мы описываем жирафов определенным образом именно как жирафов, исходя из наших собственных потребностей и особенностей. В нашем языке есть слово «жираф», потому что это отвечает нашим потребностям. То же самое относится и к другим словам. Все наши описания вещей отвечают нашим потребностям. Граница между жирафом и окружающим воздухом достаточно ясна, если вы человек и охотник. Но если вы, например, инопланетянин, наблюдающий за Землей из космоса, разница между «жирафом» и «нежирафом» для вас будет не столь ясна. И не факт, что вам нужно будет в вашем языке слово «жираф».

Автор прав в том, что даже чувственная концептуализация той физической сущности, которую мы обозначаем понятием *жираф*, антропоморфна по своей природе и иное сознание с иными органами чувств будет концептуализировать эту сущность как-то иначе. Например, как особое энергетическое поле. Или вовсе не будет ее концептуализировать, то есть выделять и обозначать особым словом. И для иного сознания этой сущности (как и соответствующего понятия) может не быть совсем. Мы уже рассматривали подробно (см. раздел 1.3.3), что особенности бытия разных этносов даже в рамках одного биологического вида — «человек разумный» — влияют на концептуализацию реальности.

Недаром Х. Патнэм считает, что «элементы того, что мы называем “языком” или “сознанием”, так глубоко проникают в то, что мы называем “реальностью”, что замысел представить нас самих как неких “картографов”, изучающих нечто, “независимое от языка”, — сам такой замысел изначально сомнителен» (цит. по: Р. Рорти, 1997, с. 24).

Я скажу категоричнее: он не сомнителен, он бессмыслен, так как **вербальные концепты и обозначающие их понятия, создаваемые человеческим сознанием, являются единственными строительными элементами, из которых сознание и строит репрезентации реальности, потенциально доступные передаче другим людям.**

Итак, и иному сознанию существ, обладающих сходными с нашими органами чувств, тоже будет доступна чувственно репрезентируемая «реальность в себе». Но они, возможно, будут выделять в ней не только те же, что и мы, но и иные предметы, то есть будут концептуализировать тот же окружающий мир иначе, чем мы. Они будут делать это в соответствии со своими особенностями и потребностями.

§ 4. О прототипах и прототипичности

Элеонора Рош (E. Heider, 1972; E. Rosch, 1973; 1978a) ввела понятие *степень категориального членства*, отражающее, насколько тот или иной объект является типичным представителем своей категории. Она предлагала испытуемым, например, оценить типичность различных объектов в группах, обозначаемых общим понятием: *вид спорта, овощи, птицы* и т. д., по семибальной шкале, где 1 балл обозначал максимальную, а 7 — минимальную типичность объекта. Наиболее типичным овощем оказалась морковь (1,1), а наименее типичным — петрушка (3,8); наиболее типичным видом спорта — футбол (1,2), а наименее типичным — тяжелая атлетика (4,7); наиболее типичной птицей — малиновка (1,1), а наименее типичной — пингвин (3,9). На идентификацию менее типичных представителей категории испытуемыми затрачивалось больше времени, чем на идентификацию более типичных. Например, утверждение «малиновка — птица» испытуемый признавал истинным быстрее, чем утверждение «пингвин — птица».

Элеонора Рош (там же) отождествляет понятие *прототип* с «лучшим представителем категории» — группы сходных объектов, обозначаемых общим понятием. Позже она стала подчеркивать, что рассматривает прототип скорее как полезную абстракцию: «Прототип вообще представляет собой удобную грамматическую фикцию; то, что на самом деле обозначается в этом случае, — это суждения о степени прототипичности... По отношению к категориям естественного языка говорить о единой сущности, что она является прототипом, — значит либо в высшей мере неправильно интерпретировать эмпирические данные, либо неявно иметь в виду теории ментальных репрезентаций» (1978a, с. 40–41).

Разные исследователи понимают понятие *прототип* по-разному. Д. Майерс (2001, с. 415), например, пишет, хотя и со ссылкой на Э. Рош (E. Rosch, 1978), что прототип — это наиболее характерный пример кон-

кретной категории. Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг полагают, что «прототип обеспечивает что-то вроде мысленного среднего всех примеров понятия, с которыми сталкивался человек» (2001, с. 410–411). Например, люди предположительно видели гораздо больше малиновок, чем пингвинов. В результате нечто, напоминающее малиновку, будет сохранено в их памяти вместе со словом «птица». Когда человек увидит новый объект, он оценит его как птицу в той мере, в какой объект напоминает прототип. Воробей напоминает его во многих отношениях и поэтому оценивается как «хорошая птица».

Д. Кун (2007, с. 363) полагает, что прототип — это идеальная модель, используемая как пример отдельного понятия.

Некоторые исследователи отождествляют прототип с наиболее типичным «лучшим» экземпляром или образцом. Х. Гейвин (2003, с. 138), например, считает, что существуют «некоторые экземпляры, типичные для понятия». И предлагает: «Подумайте о птице: какой образ вы представили? Этот образ и есть прототип» (с. 138).

Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и другие считают, что прототип понятия — «это те признаки, которые принадлежат наилучшим примерам данного понятия» (Введение в психологию, 2003, с. 375).

Они отождествляют прототип с образцом или даже с конкретным экземпляром, а вербальное значение понятия рассматривается ими как «ядро понятия» (там же).

Согласно А. Реберу (2001а), прототип — тоже «наиболее типичный образец класса или категории вещей. ...Абстракция, основанная на общих чертах или функциях элементов класса или категории...» (с. 132).

Я согласен с Э. Рош в том, что **прототип — это лишь конструкт исследователей. Полагаю, что он позволяет выделять в форме особой умозрительной сущности ядро собирательной модели-репрезентации, являющейся значением соответствующего общего понятия (категории).** Например, у меня среди многочисленных образов воспоминания и представления, составляющих модель-репрезентацию множества конкретных объектов, обозначаемых понятием *птица*, легко выделяется группа центральных, или наиболее типичных, образов, формирующих ядро моей собирательной модели-репрезентации этого множества объектов, и периферийные, менее типичные образы.

Типичные образы репрезентируют наиболее характерные объекты, обозначаемые данным понятием. Это в первую очередь образы объектов, летящих в воздухе, машущих крыльями, имеющих перья, клюв, глаза и две лапы с когтями. Тогда прототипом для категории *птица* является собирательная чувственная модель-репрезентация сущности, имеющей

два крыла, перья, две лапы с когтями, туловище и голову с глазами и клювом, сущности, умеющей летать, размножаться, откладывая яйца, и т. д. Все перечисленные наиболее типичные признаки могут быть представлены лишь у некоторых объектов, входящих в обозначаемое понятием *птица* множество. Чем больше главных признаков понятия присутствует у конкретного объекта из данного множества, тем лучше он соответствует понятию *прототип*, то есть тем он более прототипичен.

Б. М. Величковский (2006, с. 37–38) сообщает, что этнографические данные ставят под сомнение организующую роль собственно прототипов, так как вместо перцептивно наиболее часто встречающегося или типичного эту роль часто выполняет самое важное с практической точки зрения. Причем понятия базового уровня в этих случаях обычно оказываются значительно более конкретными, чем у испытуемых Э. Рош. Например, у индейцев айтца-мая из Гватемалы базовая категория для птиц — это индейка (из-за ее вкусного мяса и особого культурного значения), а для змей — наиболее ядовитая, хотя и сравнительно редкая в этом регионе разновидность.

Автор пишет, что так называемый экземплярный подход стал основной альтернативой теории прототипов. Он призван объяснить примерно тот же круг феноменов, что и теория прототипов, однако отрицает существование или по крайней мере эффективность абстрактных прототипов. Предполагается, что эпизодическая память способна сохранять конкретные примеры экземпляров, по отношению к которым и определяется возможная категориальная принадлежность других объектов. Автор (2006, с. 38) полагает, что о целесообразности такой стратегии говорит прежде всего то, что у нас обычно нет ни времени, ни особого желания заниматься абстрактными классификациями.

Я не вижу особых противоречий между теорией прототипов, с одной стороны, и теорией наиболее часто встречающихся или даже самых важных с практической точки зрения членов категории — с другой. Дело в том, что на практике мы имеем дело с категориями (и концептами), создаваемыми конкретными людьми. В их собирательных моделях-репрезентациях особенно широко как раз и представлены те члены множества, репрезентируемые категорией, с которыми люди наиболее часто встречались, или те, которые являются самыми важными именно с их точки зрения. Соответственно, ядра их собирательных моделей-репрезентаций и репрезентируют то, что именно для них является центральным в данных категориях.

Л. Брукс и сотрудники (L. R. Brooks, G. R. Norman, & S. W. Allen, 1991, с. 278–287; L. R. Brooks, V. R. LeBlank, & G. R. Norman, 2000, с. 112–117), будучи сторонниками экземплярного подхода, продемонстрировали, что конкретные примеры больных с определенными заболеваниями, хранящиеся в памяти врачей, могут например, выступать как фактор, влияющий на об-

разование новых медицинских понятий — нозологических форм. Диагностические оценки испытуемых-врачей сильно зависели от визуального сходства нового диагностического случая с увиденными ими ранее, в процессе своего обучения, случаями больных с аналогичным диагнозом.

Мне представляется, что обсуждаемый экземплярный подход действительно играет существенную роль в механизме усвоения понятий. Дело в том, что многие общие понятия: *рыба, река, игрушка* и т. д. — не возникают на основе собирательной модели-репрезентации, включающей в себя сразу многие модели-репрезентации разных, но сходных сущностей, обозначаемых общими понятиями, а формируются первоначально на основе конкретной модели-репрезентации одной такой сущности — рыба карп, река Волга и т. д. По собственному опыту знаю, что особенно наглядно это действительно проявляется в медицине, когда взрослые уже люди, студенты-медики, усваивают специальные понятия на основе клинической демонстрации больного с соответствующим симптомом, синдромом или заболеванием. Например, конкретного больного с коревой сыпью, рожистым воспалением или проказой.

Во многих случаях студентам удается вообще увидеть лишь одного больного с какими-то симптомами или заболеванием, так как оно, например, теперь редко встречается или его симптомы у больных быстро купируются медикаментозно. И соответствующие общие понятия, обозначающие вид патологии или нозологическую форму, формируются у будущих врачей, по крайней мере поначалу, на основе модели-репрезентации данного экземпляра, а не множества сходных больных. Лишь со временем все больше моделей-репрезентаций конкретных экземпляров включаются в формирующуюся у опытного врача собирательную модель-репрезентацию, являющуюся значением данного понятия, и у него появляется то, что называют клиническим врачебным опытом.

Следовательно, усваивая новые категории, люди могут использовать не некие умозрительные прототипы, а обозначаемые общими понятиями конкретные образцы или экземпляры объектов, явлений и их свойств. И лишь впоследствии постепенно образуются расширяющиеся множества, репрезентируемые этими новыми категориями, а вокруг образцов формируются собирательные модели-репрезентации сходных сущностей, то есть можно уже говорить о неких прототипах.

Хочу сразу уточнить, что понятие *прототип* может иметь отношение только к частным и общим понятиям, которые обозначают меньшие или большие множества сходных сущностей. Оно неприменимо к большому числу понятий, не укладывающихся в категорию *общие понятия*, то есть к понятиям отвлеченным, или умозрительным. Таким, например, как *вор, истина* или *справедливость*. Не бывает воров более или менее

прототипичных, так же как и более или менее прототипичной истины или справедливости. О прототипах можно говорить лишь применительно к общим понятиям, концептами которых являются собирательные модели-репрезентации множеств сходных сущностей. По той же причине нельзя говорить о прототипах применительно к понятиям, концепты которых представляют собой вербальные конструкции.

Игнорирование данного факта приводит к ошибкам. М. Айзенк (2002, с. 218), например, утверждает, что такие категории, как *наука* или *произведение искусства*, обладают прототипами. Дж. Росс (1972, цит. по: Дж. Лакофф, 2004, с. 32) тоже сообщает, что такие категории, как *существительное*, *глагол* и *прилагательное*, демонстрируют в английском языке прототипические эффекты. Л. Коулмен и П. Кей (L. Coleman, P. Kay, 1981, цит. по: Дж. Лакофф, 2004, с. 32) «обнаружили» прототипические эффекты для категории *ложь*, «так как в их экспериментах испытуемые распределяли высказывания по различным группам в зависимости от того, насколько хорошим примером лжи является данное высказывание» (2004, с. 32).

В этой связи хочу еще раз повторить, что нечто применимое к одним видам понятий неприменимо к другим их видам. Так, **конструкт, обозначаемый понятием *прототип*, применим лишь к понятиям, формирующимся на базе собирательной модели-репрезентации множества доступных восприятию сходных сущностей. Он неприменим не только к отвлеченным, но даже к общим понятиям, формирующимся на основе вербальных концептов. Прототип — это всегда и только собирательный образ представления и воспоминания главных отличительных особенностей множества сходных сущностей** и ничего больше, поэтому не может быть более или менее прототипичной лжи или прототипичного холостяка. Хотя их «прототипичность» широко обсуждают в литературе.

Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (Введение в психологию, 2003, с. 375), например, полагают, что прототип понятия *холостяк* может иметь такие признаки, как «мужчина старше 30», «живет один» и «ведет активную социальную жизнь». Возникают, однако, естественные вопросы: кто и почему установил, что именно эти три признака, а не какие-то иные должны определять понятие *холостяк*? *А мужчина 29 лет, который живет один, не холостяк? А гомосексуалист 35 лет, который тоже живет один, холостяк?* Сами авторы (с. 377), обсуждая зависимость прототипов от особенностей культуры, замечают, что влияние культуры на некоторые понятия, например *холостяк*, очевидно, тогда как прототипы других, более «естественных категорий» отличаются поразительной универсальностью.

Очевидно, что этническая специфика прототипов зависит от этнической спецификации концептов и определяется ею. Анна Вежбицкая (1996, с. 233–234) обращает внимание на то, что не все люди знают, что такое море или снег. Даже пейзаж в разных частях мира выглядит по-разному.

В одних регионах земля коричневая, в других — красная, желтая или черная. И даже зеленый цвет травы зависит от количества воды и солнца; например, в Австралии местность, покрытая травой, скорее желтая или коричневая, чем зеленая.

Неудивительно поэтому, что возникновение в разных культурах сильно различающихся концептов даже чувственно воспринимаемых сущностей сопровождается появлением разных прототипов одних и тех же категорий.

§ 5. Категории базового уровня и феноменология концептов

В последние десятилетия в литературе активно обсуждаются так называемые «категории базового уровня». Дж. Лакофф (2004, с. 52) полагает, что начало изучения категорий базового уровня связано с классическими работами Р. Брауна, который указывает, что объекты имеют много имен. Например, десять центов в кармане — это не только десять центов, но еще и монета, металлический предмет, вещь с уникальным набором царапин, пятнышек и стертых мест. Собака на лужайке не только собака, но также боксер, четвероное и живое существо. Из всех возможных имен лишь одно, находящееся на особом уровне категоризации, имеет наивысший статус. Так, подлинное имя монеты — десять центов. Другие варианты категоризации объекта выглядят скорее «достижениями воображения». Такие «подлинные имена» обычно являются более короткими и употребляются более часто. К тому же они обычно соотносятся с нелингвистическими действиями¹.

¹ Дж. Лакофф (2004, с. 52) указывает, что в процессе категоризации сущностей самое деятельное участие принимают не только визуальные и слуховые их репрезентации, но и кинестетические репрезентации действий человека с этими сущностями. Автор (с. 52), например, цитирует Р. Брауна, который описывает, как ребенок впервые видит желтые нарциссы в вазе и слышит, что их называют цветами. Ему говорят, чтобы он их понюхал, и, возможно, он видит, как его мать склоняется над цветами и делает это. То есть ребенок не просто видит объект и действия с ним других людей, но и сам пытается взаимодействовать с ним. Мяч не просто называют «мячом», но еще и играют с ним, заставляя его прыгать. Когда кошку называют «кошечкой», ее, скорее всего, гладят. Определенные действия («нюхать», «скакать» и «гладить») четко связаны с определенными категориями. Они являются отличительными и могут даже функционировать как символы этих категорий. Цветы обозначаются действием втягивания носом воздуха. Однако нет действия, которым можно отличить один вид цветов от другого, поэтому лишь понятие *цветок* попадает на уровень отличительных действий. Имена продолжают кодировать мир на всех уровнях классификации понятий, а отличительные действия присутствуют только на уровне базовых категорий. Дж. Лакофф (с. 53) пишет о том, что в картине, которую нарисовал Браун, категоризация мира ребенком начинается «на уровне различительных действий», на уровне *цветов, кошек и десятицентовых монет*, и затем распространяется вверх, на более общие категории (такие как *растение* и *животное*), и вниз, на более узкие категории (такие как *нарцисс* и *сиамская кошка*). Он подчеркивает тот факт, что для этих последних категорий нет характерных действий.

Дж. Лакофф (2004, с. 55–56) ссылается на Б. Стросса (B. Stross, 1969), который, исследуя обучение языку тцелтал, обнаружил, что ребенок в первую очередь усваивает названия растений, которые являются родовыми наименованиями, то есть категориями базового уровня. Дж. Лакофф (2004, с. 54–55) сообщает также, что Б. Берлин и его сотрудники (B. Berlin, D. Breedlove, P. Raven, 1974), изучая народную классификацию растений и животных у людей, говорящих на языке тцелтал в Мексике, выяснили, что один из классификационных иерархических уровней — род — является для них важнейшим, или базовым, а их классификационная иерархия выглядит примерно так (табл. 2).

Таблица 2. Иерархическая классификация растений (из книги Дж. Лакоффа (2004, с. 55))

Уровень в иерархии	Примеры
Разновидность	Остролистый роговидный сумах
Вид	Сахарный клен, белый дуб
Род	Дуб, клен
Промежуточный	Лиственное дерево, хвойное дерево
Жизненные формы	Дерево, куст, птица, рыба
Наивысший	Растение, животное

Примерами растений и животных на уровне рода являются дуб, клен, кролик, енот и т. д. Авторы полагают, что уровень рода выступает психологически базовым в следующих отношениях: люди предпочитают называть вещи на этом уровне; в языках существуют более простые имена для вещей на этом уровне; категории этого уровня имеют большую культурную значимость; объекты на этом уровне запоминаются более легко; они на этом уровне воспринимаются целостно, как единый гештальт, тогда как для идентификации объектов на более низком уровне должны быть выбраны специфические признаки (называемые отличительными свойствами), отличающие, например, один вид дуба от другого.

Дж. Лакофф (2004, с. 71–72) сообщает, что Э. Рош и соавторы обнаружили, что базовый уровень — это наивысший уровень, на котором члены категории имеют воспринимаемый чувствами сходный внешний вид; наивысший уровень, на котором единичный ментальный образ может отражать целую категорию; наивысший уровень, на котором люди используют сходные физические действия для взаимодействия с различными членами категорий; уровень, на котором члены категорий идентифицируются наиболее быстро, уровень с общеизвестными и наиболее употребительными и короткими обозначениями членов категорий;

первый уровень, осваиваемый и именуемый детьми; первый уровень, на котором слова входят в язык; уровень, на котором находится в систематизированном виде большая часть наших знаний.

Дж. Лакофф (с. 72) заключает, что категории базового уровня являются базовыми в таких четырех отношениях, как: 1) целостно воспринимаемый внешний вид; единый ментальный образ; быстрая идентификация; 2) общая двигательная программа; 3) наиболее короткие, наиболее общепотребительные и контекстуально нейтральные слова, которыми дети овладевают в первую очередь, первичные с точки зрения вхождения в словарный состав языка; 4) большинство признаков соответствующей категории хранится на этом уровне. Он (с. 351) полагает, что именно на этом уровне мы четко отличаем тигров от слонов, розы от нарциссов, спаржу от брокколи. Один иерархический уровень вниз — и все значительно усложняется. Гораздо труднее отличить один вид жирафа от другого, чем жирафа от слона. По его мнению, изучение категоризации базового уровня позволяет сделать вывод, что наш опыт доконцептуально структурирован на этом уровне.

Дж. Лакофф (с. 482) подчеркивает, что структура категорий базового уровня отражает физическую телесную природу людей, осуществляющих категоризацию, зависит от гештальтного восприятия и человеческих движений. Она также зависит от механизмов человеческого воображения — способности формировать ментальные образы, хранить знания на определенном уровне категоризации и осуществлять коммуникацию.

М. Айзенк (2002, с. 217) полагает, что категории базового уровня обладают наибольшей ценностью потому, что наилучшим образом сочетают информативность и экономичность. И, по его мнению, более общие категории лишены информативности, а более конкретные — экономичности. Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (Введение в психологию, 2003, с. 379) тоже считают, что категории базового уровня наиболее информативны. На этом уровне у членов категории больше всего отличительных признаков.

Может быть, все же есть более характерные и узнаваемые признаки категорий базового уровня?

Мне представляется, что главным при отнесении понятий к категориям базового уровня должна быть феноменология их концептов. Я уделяю такое внимание категориям базового уровня потому, что у людей легче всего и в первую очередь возникают собирательные модели-репрезентации тех сущностей, которые чаще всего обозначаются потом именно категориями базового уровня. Вероятно, это связано, с одной стороны, с тем, что ребенку легче дифференцировать объекты, принадлежащие к разным родам, чем объекты, принадлежащие к разным видам внутри одного рода.

С другой стороны, образы объектов внутри рода гораздо чаще формируют собирательную модель-репрезентацию в отличие от образов объектов внутри более общего, чем род, понятия.

Примером такого более общего понятия является понятие *домашнее животное*, а примерами понятий, обозначающих род, — *собака, кошка, корова* и т. д. Для усвоения родового понятия достаточно формирования модели-репрезентации и ассоциации ее с образом соответствующего слова. Тогда как для интериоризации более общего, чем род, понятия обычно требуется уже усвоение и понимание ребенком специальной вербальной конструкции, раскрывающей значение соответствующего общего понятия, или даже специальное обучение, которое позволит ему построить вербальный концепт самостоятельно. Например: «*Домашние животные — животные, которые живут рядом с человеком и приносят ему пользу, — собака, кошка, корова и др.*».

Именно **концепты, представленные собирательными моделями-репрезентациями разных множеств сходных сущностей, наиболее отчетливо различаются между собой**. В связи с этим говорить о том, что к категориям базового уровня относятся только понятия, обозначающие разные роды, не совсем верно. Дело в том, что концептами многих понятий, относимых, например, Б. Берлином и соавторами (B. Berlin, D. Breedlove, P. Raven, 1974; цит. по: Дж. Лакофф, 2004, с. 54–55) к категориям более высоких уровней, чем род, а именно «промежуточного» уровня (*лиственное дерево, хвойное дерево*) и уровня «жизненные формы» (*дерево, куст, птица, рыба*), по классификации, использованной авторами (цит. по: Дж. Лакофф, 2004, с. 54–55), тоже являются собирательные модели-репрезентации множеств сходных сущностей. Соответственно, *лиственное* и *хвойное дерево* или *дерево* и *куст* различаются между собой не меньше, чем, например, различаются между собой *сахарный клен* и *белый дуб*.

Другое дело, что при дальнейшем расширении множества и обозначении его еще более общим понятием *растение* подмножество, обозначаемое понятием *дерево*, включается в него наряду с другими подмножествами, обозначаемыми понятиями *кусты, травы, водоросли* и т. д. Это приводит к «размыванию» собирательной модели-репрезентации множества, обозначаемого понятием *растение*. И если, например, понятию *дерево* еще соответствует более или менее целостная собирательная модель-репрезентация, то в отношении следующего по уровню обобщения понятия — *растение* — уже нельзя говорить о какой-либо единой собирательной модели-репрезентации.

Чувственный концепт здесь замещается вербальным. И плохо объединяемые образы трав, деревьев, кустов, водорослей и т. д. с трудом удерживаются в сознании общим понятием *растение*, выступая уже только

как его иллюстрации. На уровне следующей обобщающей категории — *живое*, которую можно было бы ввести, этот процесс еще более углубляется. Здесь тем более нет собирательной модели-репрезентации как таковой. Значением этого понятия тоже выступает вербальный концепт, который лишь иллюстрируется отдельными чувственными образами.

Чем более общей является категория, тем большую роль в ее формировании начинают играть не чувственные репрезентации, а вербальные конструкции. Сформировать, например, понятие *организм* или тем более понятие *объект* без соответствующих конституирующих или даже конструирующих их вербальных конструкций просто невозможно. Чувственные образы тем не менее и здесь продолжают еще играть существенную роль в формировании этих понятий, иллюстрируя вербальные концепты сначала прямо в форме образов объектов, обозначаемых понятиями более низкого уровня, а затем уже лишь косвенно — метафорически.

Сами научные классификации животных и растений строились учеными на основе их собственных собирательных моделей-репрезентаций окружающего мира. Биологический род произвольно выделялся ими как базовый именно в силу очевидных и наибольших различий между собирательными моделями-репрезентациями разных животных и растений. Следует отметить, однако, что окружающий мир настолько многообразен, что невозможно классифицировать растения и животных, например, строго по родам и видам. В ботанике, например, используются шесть рангов между родом и видом: подрод (лат. *subgenus*), надсекция (лат. *supersectio*), секция (лат. *sectio*), подсекция (лат. *subsectio*), ряд, или серия (лат. *series*), подряд, или подсерия (лат. *subseries*)¹.

Э. Блунден (A. Blunden)² сообщает, что то, как испытуемый назовет предъявленный ему на фотографии объект: «животное», «собака» или «ретривер», зависит также от образования и даже этнической принадлежности испытуемых. Орнитологи, например, после предъявления им снимков птиц, как правило, называют вид птицы — «дрозд», «воробей» и т. д., а неспециалисты просто говорят «птица». Следовательно, уровень общего понятия, которое можно считать категорией базового уровня, у экспертов ниже, чем уровень общего понятия, которое можно считать категорией базового уровня у непрофессионалов.

Итак, к категориям базового уровня следует относить те общие понятия, концепты которых еще представляют собой собирательные

¹ Ранги между родом и видом: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ранги_между_родом_и_видом.

² Blunden A. The Psychology of Concepts: (from Concepts. A Critical Approach) [Электронный ресурс]: Academia: сайт. — Режим доступа: http://www.academia.edu/6025821/The_Psychology_of_Concepts.

модели-репрезентации. И соответствовать этим понятиям в создаваемых исследователями иерархиях могут далеко не только понятия уровня биологического рода.

1.4.4. Усвоение понятий

Й. Л. Вайсгербер (2004, с. 143) напоминает о том, что немногие данные о детях, выросших в изоляции от человеческого общества, свидетельствуют, что человек в этом случае остается немым, то есть не использует способности образовывать звуки ради символического познания. Звуки, издаваемые ребенком, становятся языковыми знаками только в результате того, что языковое окружение воспринимает их и реагирует на них. По словам автора, вопреки всем мнениям о том, что ребенок изобретает себе свой язык, закрепилось другое мнение, что так называемый детский язык на самом деле является «языком няни».

Реакции окружающей новорожденного «говорящей» среды на его собственное гуление, лепетание и прочие проявления речевой активности определяют развитие его речи еще до того, как он начинает понимать ее возможности и использовать ее как способ передачи смыслов. Важнейшую роль в формировании понятий у ребенка играет осознание им того, что слова позволяют ему устанавливать взаимопонимание с окружающими. Й. Л. Вайсгербер (с. 144–145) приводит слова В. Штерна о том, что язык маленьких детей от языка взрослых отличают два обстоятельства. Понятия ребенка лишь внешне имеют понятийную природу, но это лжеили псевдопонятия, а психологический процесс их возникновения совершенно алогичен и основывается на намного более примитивных функциях. Ребенок не понимает символической ценности языковых понятий. Он еще не осознал, что каждое слово имеет функцию постоянной репрезентации определенного значения. Он дает название чему-либо, поскольку в данный момент реагирует на определенное переживание.

Сам Й. Л. Вайсгербер (с. 143), отвечая на вопрос, какой момент в жизни ребенка должен считаться началом языка, высказывает мнение, что язык появляется там, где ребенок впервые схватывает звуковое впечатление (или вообще какой-либо знак) как символ некоего пережитого события. Например, если ребенок смотрит на часы, услышав слова «тик-так», то это уже есть использование языка, основанное на первой его возможности — закреплении воспринимаемого. Это начало понимания и тем самым овладения явлениями.

Л. С. Выготский (2005а, с. 76–77) тоже пишет, ссылаясь на наблюдения К. Бюлера, что связь между словом и вещью, «открываемая» ребенком, не является той символической связью, которая отличает высоко-

развитое речевое мышление. По его мнению, слово долгое время является для ребенка скорее атрибутом, или свойством вещи наряду с ее другими свойствами, чем символом или знаком. Ребенок в эту пору овладевает скорее чисто внешней структурой «вещь — слово».

Важное наблюдение автора о том, что на раннем этапе развития ребенка слово еще не знак, а скорее принадлежность вещи наряду с другими ее атрибутами, подтверждает мое предположение, что **для маленького ребенка, усвоившего новое слово, образ этого слова — лишь составная часть модели-репрезентации обозначаемого данным словом предмета**. Только усвоив много слов, ребенок начинает понимать, что слово самостоятельно по отношению к предметам. Ж. Пиаже (2005, с. 297), однако, полагает, что когда ребенок посредством «прилепливания знака» определяет название как нечто присущее называемой вещи, то это название все равно рассматривается им в качестве обозначающего.

Роль речи многократно возрастает для ребенка с момента, когда он понимает, что слово помогает ему донести до окружающих его желания и предпочтения, когда он улавливает сначала возможности влиять на окружающих и коммуницировать с ними с помощью речи, а затем наличие связи между словом и предметом. Л. С. Выготский (2005а, с. 96) указывает, что В. Штерн показал, как у ребенка в возрасте около двух лет «пробуждается темное сознание значения языка и воля к его завоеванию». Ребенок делает величайшее открытие в своей жизни. Он открывает, что «каждая вещь имеет свое имя». С этого переломного момента его речь становится интеллектуальной, а мышление — речевым. Ребенок начинает активно расширять свой словарь, спрашивая о каждой новой вещи. И у него скачкообразно увеличивается запас слов. Ребенок как бы открывает символическую функцию речи. Однако его понятия еще принципиально отличаются от понятий взрослых людей.

Ж. Пиаже (2005, с. 298) определяет период от появления языка приблизительно до четырех лет как первый период развития мышления, называя его периодом допонятийного интеллекта. Этот период характеризуется предпонятиями или партиципациями и допонятийными рассуждениями — трансдукциями. Предпонятиями автор называет «те понятия, которые ребенок соединяет с первыми вербальными знаками» (с. 298), понимая под ними аморфные и рыхлые психические конструкции (терминология моя. — *Авт.*), которые еще не превратились в концепты, характерные для взрослых людей.

Ссылаясь на исследования Н. Аха, Л. С. Выготский (2005а, с. 114–115) утверждает, что само по себе заучивание слов и связывание их с предметами не приводит к образованию понятий. Для этого нужно, чтобы перед испытуемым возникла задача, которая не может быть решена иначе, как

с помощью образования понятия. По мнению автора (с. 127–129), первой ступенью в формировании понятия у ребенка является образование неоформленного и неупорядоченного множества предметов, так или иначе связавшихся друг с другом в один слитный образ в представлении и восприятии ребенка. Значения одного и того же слова у ребенка и взрослого часто пересекаются на конкретном предмете, и это является достаточным для взаимного понимания взрослых и детей. Однако значение детского слова лишь частично совпадает со значением речи взрослых и вытекает из совершенно отличных, своеобразных операций.

Особенности формирования понятий у маленьких детей хорошо иллюстрируют наблюдения Н. Х. Швачкина (2004, с. 114), который описывает, как, гуляя с девочкой двух лет, нашел прутик и спросил ее: «Инна, что это?» Та ответила: «Пака» (палка). Тогда он бросил прутик вверх и повторил: «Что это?» «Типка» (птичка) — последовал ответ. Прутик в это время уже упал в реку. Девочка с плачем потребовала: «Дай ыпка» («дай рыбку»).

Автор отмечает (2004, с. 114–115), что предмет в течение двух минут получил три различных названия. Это объясняется тем, что его название еще не получило в сознании ребенка обычной для взрослых константности и менялось в зависимости от функции, которую выполнял предмет.

Вторая ступень в развитии понятий, согласно Л. С. Выготскому (2005а, с. 130–133) — это «мышление в комплексах». Ребенок объединяет конкретные предметы уже не на основании субъективных связей, а на основе действительно существующих между этими предметами объективных связей.

По словам автора (там же), образованные на этой ступени комплексы построены, однако, по совершенно другим законам мышления, чем понятия взрослых людей. В основе комплекса лежит не абстрактная и логическая, а конкретная и фактическая связь между отдельными элементами, входящими в его состав. Такой комплекс представляет собой прежде всего конкретное объединение группы предметов на основании их фактической близости друг с другом.

Л. С. Выготский и Л. С. Сахаров указывают (1981, с. 198–203), что третья ступень в развитии детского мышления, подобно второй, распадается на ряд отдельных фаз. Одной из них является фаза, которую можно было бы назвать стадией потенциальных понятий. Ребенок, находящийся в этой фазе развития, выделяет обычно группу обобщаемых им предметов, объединенных по одному общему признаку. Уже на второй ступени развития ребенка построение комплекса предполагает выделение признака, общего различным элементам. Но он не является привилегированным по сравнению со всеми остальными. Здесь же для потенциального понятия признак становится привилегированным.

Овладение процессом абстрагирования вместе с развитием комплексного мышления способно привести ребенка к образованию истинных понятий. Оно и составляет четвертую и последнюю фазу в развитии детского мышления. Истинное понятие возникает тогда, когда мышление ребенка приобретает способность синтезировать ряд абстрагированных признаков. Решающая роль в образовании истинного понятия принадлежит слову.

Ж. Пиаже (1999, с. 284–288) описывает трансформацию значения понятия *страна* у 7–10-летних школьников по мере их взросления. Эволюция данного понятия проходит три стадии. В первой страна — это простая единица, располагаемая ребенком рядом с городами и кантонами. Единица такой же величины, как и они. Швейцария, следовательно, находится рядом с Женевой и другими швейцарскими городами. Во второй стадии города и кантоны находятся внутри стран, но не становятся еще их частями. Так, Швейцария окружает Женеву и другие швейцарские города, которые находятся в Швейцарии, но реально не составляют ее части. И лишь на третьей стадии страна рассматривается как совокупность кантонов, а Женева превращается в часть Швейцарии, а потому можно быть женевающим и швейцарцем одновременно.

Л. С. Выготский (2005б, с. 417) подчеркивает, что ребенок и взрослый нередко понимают одно и то же понятие по-разному и вкладывают в него разное значение. Он (2005а, с. 260) указывает, что ребенок легко усваивает ряд слов: «стул», «стол», «шкаф», «диван», «этажерка», но не в состоянии усвоить общее для них понятие — *мебель*. Так же этот ребенок оказывается в состоянии усвоить новый ряд слов: «рубашка», «шапка», «шуба», «ботинки», «штаны», но не может выйти из этого ряда, усвоив слово «одежда». Л. С. Выготский поясняет (2005б, с. 417), что создание нового, более сложного по уровню обобщения понятия требует наличия операций, которые невозможны для этого возраста. Даже такое понятие, как *брат*, как показал Пиаже (цит. по: Л. С. Выготский, 2005б, с. 417), не имеет до 11–12 лет альтернативного вербального значения.

С автором можно только согласиться. Ребенок к этому возрасту уже отлично знает, что такое брат, так как в качестве значения понятия *брат* у него уже имеются сенсорные модели-репрезентации многих объектов, например собственного брата, брата мамы и брата приятеля. Но когда ребенку надо решать отвлеченную задачу о брате брата, как в опытах Пиаже (там же), он путается, так как ему для этого требуется оперировать с вербальным концептом (*Брат — это каждый из сыновей тех же родителей в отношении к другим их детям*) и вне привычной конкретной ситуации. Вербальное значение понятия *брат* у ребенка еще просто отсутствует. В отличие от ребенка образованный взрослый способен воспроизвести вербальный концепт почти для любого хорошо известного ему понятия.

Следовательно, в его сознании одновременно сосуществуют разные (и сенсорный, и вербальный) концепты одной физической сущности.

Л. С. Выготский (2005б, с. 418) иллюстрирует путь развития спонтанных и научных понятий ребенка в виде схемы из двух линий, одна из которых идет сверху вниз, достигая определенного уровня в той точке, к которой другая подходит, направляясь снизу вверх.

Схему автора можно дополнить. «Спонтанные», или «естественные», понятия проходят путь от предпонятия до «истинного» понятия (по терминологии Л. С. Выготского (там же), «снизу вверх»), и обозначают они у образованного человека два разных концепта — сенсорный, представляющий собой собирательную модель-репрезентацию многих сходных конкретных объектов, и вербальный, представляющий собой вербальную конструкцию из понятий. Напротив, большинство отвлеченных понятий формируются «сверху» — уже и только на вербальном уровне в результате усвоения ребенком специальных вербальных конструкций, репрезентирующих некие новые для него сущности. Такие вербальные конструкции обычно включают в себя разнообразные иллюстрирующие их визуальные образы, в большинстве своем метафорические, превращаясь в смешанные концепты.

О механизмах усвоения человеком «теоретических» понятий, то есть понятий отвлеченных, формирующихся на основе вербальных конструкций, пишет и Т. Кун (2014, с. 91–103), отмечая, что такими, например, понятиями, как *сила*, *масса* и *вес*, можно овладеть только вместе с теорией в целом. Он выделяет особенности процесса усвоения подобных понятий: 1) усвоение может начаться, только если у человека есть уже достаточно большой набор слов; 2) новые понятия могут поясняться людьми, уже принадлежащими к языковому сообществу, посредством демонстрации примеров их употребления, причем демонстрации могут быть представлены в форме описания; 3) необходимо несколько примеров различного рода, а также контрпримеров внешне сходных ситуаций, к которым понятие не может применяться в принципе; 4) усвоение нового понятия должно сопровождаться установлением взаимосвязи сразу между многими новыми понятиями.

Р. Я. Лурия (2005, с. 312) пишет, что, согласно Л. С. Выготскому, группирование предметов по ситуационному принципу типично для дошкольников и младших школьников. Такого рода группирование объектов у детей объясняется, вероятно, тем, что у них в мышлении на этом этапе доминируют сенсорные модели целостных ситуаций, например ситуации еды, игры, прогулки и т. д. Лишь позже начинают доминировать иные модели, формирующиеся по мере усвоения понятий, которые «дробят» эти сложные ситуации, воспринимавшиеся ребенком ранее как целостные блоки окружающей реальности.

Думаю, что, исходя из приведенных данных, у нас есть основания считать, что формирование конкретного понятия (даже сенсорного предпонятия) происходит в несколько этапов и сопровождается возникновением разных предшественников «нормальных» концептов в виде чувственных психических конструкций — «комплексов», по терминологии Л. С. Выготского (2005в, с. 399–411). Эти временные сенсорные психические конструкции сменяются позже «нормальными» сенсорными концептами, которые Л. С. Выготский (там же) называет «истинными понятиями». Таким образом, даже чувственные концепты проходят несколько последовательных стадий в своем развитии.

Л. С. Выготский (2005а, с. 285), обсуждая возрастную динамику понятий, пишет, что открытие изменения значений слов и их развития — главное его открытие, которое позволяет впервые преодолеть лежавший в основе всех прежних учений о мышлении и речи постулат о константности и неизменности значения слова. Он указывает, что с точки зрения старой психологии между словом и значением существует простая ассоциативная связь, устанавливающаяся в силу многократного совпадения в сознании впечатления от вещи и впечатления от слова, обозначающего данную вещь. Слово напоминает о своем значении так же, как пальто знакомого человека напоминает о нем или внешний вид дома напоминает о его жильцах. С этой точки зрения раз сформировавшееся значение слова не может далее ни развиваться, ни вообще изменяться.

Л. С. Выготский (с. 291) же, наоборот, прямо указывает, что значение слова не константно и изменяется в ходе развития ребенка, что понятия, психологически представленные как значения слов, развиваются. Это выражается в переходе от одной структуры обобщения к другой (с. 178).

Каролина Мервис (С. Mervis, 1984) (цит. по: Дж. Лакофф, 2004, с. 76) полагает, что, хотя категории двухлетних детей могут отличаться от категорий взрослых, эти категории основываются на тех же принципах, которые определяют категории базового уровня взрослых людей. Иными словами, двухлетние владеют категоризацией базового уровня, но создают иные категории, чем взрослые, по ряду причин. Во-первых, ребенок может быть не знаком с некоторыми культурно значимыми признаками. Например, не зная, что копилка может использоваться для хранения денег, он может обратить внимание на ее круглую форму и классифицировать ее как мячик. Во-вторых, значимость отдельных признаков может быть различна для ребенка и взрослого. Несмотря на то что ребенок знает о хранении в копилке денег, его внимание больше привлекает круглая форма, чем прорезь и отверстие для ключа. Поэтому он называет копилку «мячик». В-третьих, ребенок может использовать ложные признаки в процессе

принятия решений. Так, если он считает, что леопард издает звук «мяу», он может отнести леопарда к категории *киска*.

Хелен Гейвин (2003, с. 138) пишет о существовании трех основных теорий «выработки» понятий: теории прототипов, теории атрибутов и теории образцов. По ее мнению, теория прототипов предполагает, что человек ищет общность между разными элементами реальности. Группирует элементы, абстрагируя и сохраняя в виде схемы, или прототипа, их наиболее типичные общие свойства. На основе прототипа человек выделяет и создает новую категорию. Далее новые элементы он сравнивает с прототипом. Согласно теории атрибутов, человек формирует умственные списки свойств (атрибутов) сходных элементов и ищет определяющие атрибуты. Далее он сравнивает с созданным списком новые элементы. В соответствии с теорией образцов человек создает новую категорию на основании не группировки элементов реальности и формирования суммарной репрезентации, а единственного экземпляра, или образца. Новые элементы он сравнивает с этим образцом.

Все три указанных способа «выработки» понятий носят слишком теоретический характер. Не вполне понятно, что авторы соответствующих теорий пытаются описывать — усвоение или формирование понятий. Но наличие этих теорий иллюстрирует тот несомненный факт, что собирательные модели-репрезентации сущностей принимают самое непосредственное участие в формировании репрезентирующих эти сущности понятий.

Разные механизмы усвоения понятий функционируют у ребенка одновременно. Механизмы усвоения и формирования понятий нельзя рассматривать без учета феноменологии возникающих концептов. Необходимо учитывать, например, то, что **понятия, возникающие на базе сенсорных и вербальных концептов, не только различаются феноменологически, но даже усваиваются ребенком в разном возрасте** (см.: Л. С. Выготский, 2005б, с. 417).

Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (Введение в психологию, 2003, с. 380) пишут, что усвоить понятие можно двумя путями: либо нас специально учат чему-либо о том или ином понятии, либо мы научаемся этому через собственный опыт.

Не могу не возразить, что нельзя «научиться понятию через собственный опыт». Для того чтобы усвоить понятие, необходимо для начала услышать обозначающее его слово, что происходит обычно в специфической ситуации употребления другими людьми именно этого понятия.

Далее авторы (там же), правда, уточняют, что специальное обучение позволяет усвоить «ядра понятий», а в процессе приобретения личного опыта мы «приобретаем прототипы». Из этого можно заключить, что авто-

ры, вероятно, имеют в виду усвоение человеком в процессе обучения вербальных концептов, которые авторы называют «ядрами понятий», а в процессе восприятия («личного опыта») — приобретение человеком в форме собирательных моделей-репрезентаций того, что авторы называют «приобретаемыми прототипами».

Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (там же) полагают, что есть разные способы усвоения понятия «через опыт действия с примерами этого понятия». Первый они называют «стратегией экземпляра». Ссылаясь на работу Mervis & Pani (1981), они (с. 380–381) иллюстрируют этот способ на примере усвоения понятия *мебель*. Когда ребенок встречается предмет, обозначаемый этим понятием, например стол, он сохраняет его репрезентацию в памяти. Когда ребенок решает, является ли нет новый элемент, скажем стул, примером понятия *мебель*, он сравнивает его с хранящимися в его памяти экземплярами мебели, в том числе со столом. По мнению авторов, эта стратегия широко используется детьми и лучше работает с типичными примерами, чем с нетипичными. Так, если понятие ребенка о мебели состояло только из типичных примеров (скажем, стола и стула), он сможет правильно классифицировать новые примеры, которые выглядят похожими на знакомые экземпляры (диван), но не на те, которые отличаются от них (лампа или книжная полка). Авторы приводят данные (Estes, 1994) о том, что и взрослые часто используют стратегию экземпляра для приобретения новых понятий.

В качестве второго способа усвоения понятий Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (там же) рассматривают то, что они называют «проверкой гипотезы». Ссылаясь на Bruner, Goodenow & Austin (1956), они полагают, что мы изучаем примеры понятия, ищем относительно общие для них признаки (например, многие компоненты *мебели* находятся в жилых помещениях) и выдвигаем гипотезу, что именно эти признаки характеризуют данное понятие. Затем мы анализируем новые объекты, отыскивая в них эти критические признаки, и сохраняем выдвинутую гипотезу, если она позволяет нам правильно категоризировать новые объекты, или отвергаем ее, если она сбивает нас с пути. По словам авторов, эта стратегия основана на абстракциях — признаках, характеризующих совокупности примеров, относящихся к категории, и нацелена на поиск ядерных признаков, поскольку именно они являются общими для большинства примеров.

Представляется крайне сомнительной возможность применения описанного механизма при усвоении понятий, хотя бы вследствие своей крайней интеллектуальной «затратности». Не помню, чтобы я лично когда-либо строил гипотезы или просто даже искал общие признаки у объектов, чтобы решить, относятся ли какие-то из них к определенной категории.

Может быть, конечно, именно поэтому я до сих пор не знаю, следует ли относить к мебели, например, настольную лампу.

Хорошо на эту тему высказался Й. Л. Вайсгербер: «Мы видели уже, что прежняя точка зрения логики (понятия возникли путем абстракции и рефлексии) несостоятельна; для того чтобы, к примеру, образовать понятие *красный*, задействуются ни рефлексия, ни сознательная абстракция и вообще ничто логическое; процесс протекает, как мы видели, неосознанно вместе с изучением языка. Рефлексия проявляется лишь тогда, когда я желаю довести до сознания условия этого понятия» (2004, с. 102).

Мне кажется странным, что авторы, во-первых, не делают различий между механизмами усвоения понятий, с одной стороны, и механизмами формирования понятий — с другой. Во-вторых, они явно недооценивают ведущую роль языковой среды в механизмах усвоения понятий ребенком, которая является определяющей. Уже Августин пишет: «Наблюдая, как взрослые, называя какой-нибудь предмет, поворачивались в его сторону, я постигал, что предмет обозначается произносимыми им звуками, поскольку они указывали на него. ... Так постепенно я стал понимать, какие вещи обозначаются теми словами, которые я слышал вновь и вновь произносимыми в определенных местах различных предложений. И когда мои уста привыкли к этим знакам, я научился выражать ими свои желания» (цит. по: Л. Витгенштейн, 2003, с. 223).

Дети именно усваивают, а не формируют понятия¹. Другое дело, что делают они это очень творчески, создавая, например, множество неологизмов. Однако решающая роль объективной психической реальности в этом процессе несомненна. Без нее усвоение ребенком понятий было бы невозможно.

Ребенок усваивает все понятия в результате словесных пояснений взрослых. Например, на вопрос ребенка: «Что такое насекомые?» — мать отвечает: «Это мухи, тараканы, бабочки и гусеницы». Ребенок усваивает новую для него вербальную конструкцию, которая жестко связывается в его сознании с образом слова «насекомые». Тем более нет другого пути усвоения ребенком понятий, репрезентирующих сущности, недоступные его восприятию. Естественно, **для усвоения ребенком нового понятия вербальная конструкция, конституирующая его, сама должна состоять из уже известных ребенку понятий. Устные или письменные пояснения**

¹ Следует отметить, что процесс усвоения понятий ребенком настолько сложен, с одной стороны, и настолько связан с формированием детской психики — с другой, что, начиная еще с работ Л. С. Выготского, в литературе принято говорить не об усвоении, а о формировании понятий у детей. И тем не менее формирование понятий — это не совсем то, точнее, совсем не то, что их усвоение.

других людей, интериоризируемые сознанием ребенка, превращаются в его вербальные концепты. Например: *Врач — человек в белом халате, который лечит болезни; Обязанности — дела, которые надо делать, даже если их делать не хочется* и т. п.

Другое дело, что, как пишет Й. Л. Вайсгербер (2004, с. 152–153), ребенок схватывает какое-либо название и связывает его с содержанием, которое зачастую совершенно отличается от того, которым обладают взрослые и которое существует в языке как значение определенного слова. И только с течением времени эти псевдопонятия детей подвергаются коррекции. Кстати, подобный процесс можно обнаружить и у взрослых, так как усвоение понятий продолжается всю жизнь.

В период усвоения понятий детьми параллельно протекают два разнонаправленных процесса — дифференциация и конкретизация понятий. Понятие *рыбка* может сначала обозначать для ребенка и гупши в аквариуме, и карпа, которого он увидел на кухне, и ерша, которого на его глазах поймал рыбак. В конечном счете оно распадается на несколько соответствующих понятий. Здесь идет формирование понятий от общего к конкретному — «сверху вниз». Параллельно, но «в обратную сторону» — «снизу вверх» — на базе моделей-репрезентаций конкретных объектов формируются общие понятия типа *мебель, растение, млекопитающее* и т. д.

Ранее, схематично описывая механизмы усвоения общих понятий ребенком, я писал (С. Э. Поляков, 2011, с. 399–415), что происходит это только на основе собирательных моделей-репрезентаций, что сначала на основе конкретных моделей-репрезентаций формируются конкретные понятия. И только потом в результате формирования собирательных моделей-репрезентаций сходных объектов (например, березы за окном, сосны у калитки, тополя у забора и т. д.) формируются частные и общие понятия — *береза, сосна* или *дерево* вообще. Теперь мне представляется очевидным, что **общие понятия изначально могут формироваться в том числе и на основе конкретных моделей-репрезентаций отдельных элементов реальности, то есть того, что можно назвать отдельными образцами или экземплярами.**

Например, ребенок чувственно воспринимает нечто зеленое, колышущееся за окном под порывами ветра, и слышит от матери, что это дерево. В результате возникшая у него чувственная модель-репрезентация конкретной физической сущности непосредственно связывается со слуховым образом слова «дерево», и этот вербальный образ включается в возникшую модель-репрезентацию конкретного предмета. Вскоре ребенок узнает, что и другой сходный объект у калитки или за забором тоже называется «дерево», и начинает сам выделять объекты такого типа. Постепенно

у него формируется новая собирательная модель-репрезентация особого множества объектов, ассоциирующаяся с образом слова «дерево» и включающая в себя целый ряд моделей-репрезентаций конкретных деревьев, с которыми ребенок уже сталкивался и продолжает сталкиваться.

Параллельно ребенок начинает замечать различия между объектами у окна, у калитки и за забором. Возникающие у него конкретные модели-репрезентации начинают дифференцироваться и в конечном счете связываются еще и с другими дополнительными словами: «черемуха», «сосна», «дуб» и т. д. То есть появляются соответствующие собирательные модели-репрезентации, обозначаемые новыми частными понятиями: *дуб*, *сосна*, *черемуха* и т. д. При этом конкретные объекты за окном, у калитки и за забором обычно так и не приобретают специального собственного имени и продолжают обозначаться общим или частным понятием. Собственное имя достается только очень небольшому числу избранных объектов, преимущественно людей, с которыми человек сталкивается в своей жизни, и лишь некоторым объектам, а для указания на конкретный объект используются дополнительные свойства и признаки, например, «дуб у калитки на даче», «Валина кошка», «диван в гостиной» и т. п.

Первый этап концептуализации реальности ребенком заключается в том, что возникающие в его сознании модели-репрезентации элементов окружающего мира по мере усвоения им языка связываются со слуховыми образами обозначающих эти репрезентации слов родного языка. В результате усваивается соответствующее понятие. Концептуализации способствует специфическое поведение окружающих ребенка людей, демонстрирующих ему важные для них элементы окружающего мира и привычные приемы взаимодействия с ними, а также обозначающих эти элементы особыми словами. Ребенок усваивает, например, не только то, что данный предмет называется «стол», но и то, что за столом сидят, на него кладут другие предметы, но на нем обычно не спят и не ездят.

В конечном счете у ребенка формируется чувственный концепт предмета, включающий в себя не просто чувственные репрезентации фрагмента «реальности в себе», но и чувственные репрезентации привычных действий с ним, ассоциированные с моделью-репрезентацией слова, обозначающего этот предмет. Интериоризируя слова, ребенок маркирует их слуховыми образами собственные модели-репрезентации будущих предметов и со временем замещает их в своем мышлении редуцированными понятиями. На следующем этапе онтогенеза он усваивает уже вербальные конструкции, сформированные из известных ему к этому моменту понятий, и замещает уже их новыми образами соответствующих слов, интериоризованных из речи окружающих.

Так как собственные действия ребенка и действия взрослых часто сопровождаются их комментариями, ребенок естественным образом усваивает простые вербальные конструкции, репрезентирующие предмет и его свойства, предмет и его действия и т. д. Причем **вербальные конструкции не возникают в сознании ребенка на пустом месте, а дублируют его же чувственные репрезентации изменений и особенностей предметов, органично замещая последние.** Со временем простые двучленные вербальные конструкции, не «отрываясь» пока от чувственных репрезентаций реальности, а лишь моделируя, описывая их, сменяются все более сложными вербальными конструкциями.

От окружающих людей ребенок слышит также слова, обозначающие сущности, либо не вполне совпадающие с его чувственными репрезентациями («врач», «учитель», «брат» и т. п.), либо вовсе не совпадающие с ними («сила», «энергия», «относительность» и т. п.). Из речи окружающих он интериоризирует вербальные конструкции, конституирующие или конструирующие указанные сущности. Например: *Учитель — человек, который учит детей.*

Усвоение таких вербальных концептов требует уже достаточно высокого уровня владения языком, то есть обладания значительным запасом понятий, который позволяет понять хотя бы простую вербальную конструкцию, состоящую из понятий, образованных на основе чувственных концептов. Например: *Зоопарк — парк, в котором живут в клетках и вольерах дикие звери; Атмосфера — многокилометровая оболочка из воздуха, окружающая нашу планету,* и т. п.

Те же механизмы позже позволяют ребенку создавать вербальные репрезентации даже самых умозрительных сущностей на базе чувственных репрезентаций реальности. Процесс подобного усложнения вновь выстраиваемых вербальных конструкций и их превращения в значения новых понятий происходит многократно. В результате в сознании ребенка формируются иерархии из все более сложных концептов (и понятий). Причем на каждом новом уровне в качестве «маркеров» и аналогов сложных концептов снова вводятся образы новых слов. **С помощью вербальных образов сознание «помечает» и замещает усваиваемые им новые концепты, репрезентирующие все более сложные и все более отвлеченные сущности реальности.**

Понятия репрезентируют сущности реальности (действительные, возможные или вымышленные), поэтому механизмы усвоения и формирования понятий нельзя рассматривать без учета сущностей, которые эти понятия обозначают. **Если эти будущие сущности исходно доступны восприятию, то они репрезентируются сенсорными концептами. В случае**

сущностей, недоступных восприятию, репрезентирующие их понятия усваиваются в результате интериоризации сознанием вербальных концептов, конституирующих и конструирующих такие сущности.

Ситуация запутывается тем, что многие сущности, вымышленные людьми, в последующем были материально воплощены в искусственной реальности — в кинофильмах, в художественных и промышленных изделиях и т. д. Поэтому у ребенка могут сформироваться даже такие понятия, как *колдун, фея, Дед Мороз* и т. п., на основе соответствующих чувственных репрезентаций объектов, воспринятых им в искусственной материальной реальности.

Процесс усвоения понятий не заканчивается в детском возрасте. Он продолжается всю жизнь. Кроме того, можно говорить о развитии понятий. Дж. Лакофф детально препарирует концепт, обозначаемый понятием *мать*. В качестве вербального концепта автор (2004, с. 107) рассматривает такой: *Мать — женщина, которая дала рождение ребенку*. Но тут же дополняет, что ни одно определение такого типа не покрывает всех случаев приложения этого слова. По его (с. 107–108) мнению, понятие *мать* «базируется на комплексной модели, включающей в себя ряд отдельных идеализированных когнитивных моделей»: модель рождения — лицо, давшее рождение ребенку, является матерью; генетическая модель — женщина, вложившая генетический материал, является матерью; модель воспитания — взрослая женщина, вырастившая и воспитавшая ребенка, является матерью; супружеская модель — жена отца является матерью; генеалогическая модель — ближайший родственник женского пола по восходящей линии является матерью.

Мне представляется, что обсуждаемые автором вербальные конструкции являются полусамостоятельными частями сложного многокомпонентного концепта, обозначаемого понятием *мать*. Структуру этого смешанного концепта можно метафорически представить как ромашку, сердцевинкой которой является чувственная часть концепта — обычно модель-репрезентация собственной матери, а лепестками — перечисленные автором достаточно самостоятельные вербальные конструкции, которые сформировались и существуют в объективной психической реальности относительно независимо друг от друга.

И все же необходимо тем не менее указать, что наиболее значимой частью концепта, обозначаемого понятием *мать*, центром метафорического цветка является модель-репрезентация собственной матери. Можно также говорить об индивидуальной возрастной трансформации концепта *мать* у каждого человека и о приобретении им все новых и новых компонентов вербального значения в процессе развития личности.

1.4.5. Формирование понятий (и концептов)¹

§ 1. Формирование концептов с точки зрения физиков

Как это ни парадоксально, но психологи сделали для развития учения о понятиях меньше, чем представители других наук, даже, например, физики. Психология же до сих пор не интегрировала в себя в полной мере учение о понятиях, разработанное в смежных науках, хотя изучение понятий и вербальных конструкций должно быть одной из важнейших ее областей.

Физик Э. Мах более 100 лет назад писал: «Я настаиваю на том, что физическое понятие означает только определенный род связи чувственных элементов... Вот эти элементы — элементы в том смысле, что дальнейшее разложение их еще не удалось — и составляют простейшие краеугольные камни физического (как и психологического) мира» (2005, с. 77–78).

Обсуждая изречение И. Канта: «Мысли без содержания пусты, наглядные представления без понятий слепы», Э. Мах предлагает собственное: «Понятия без наглядных представлений (созерцаний) слепы, наглядные представления без понятий бессильны». Если далее Кант утверждает, что в «каждом особом учении о природе заключается лишь столько настоящей науки, сколько в ней есть математики», то можно, пожалуй, и обо всех науках, не исключая математики, сказать, что «они суть науки только постольку, поскольку они оперируют понятиями». Ибо наша логическая власть распространяется только на понятия, содержание которых мы сами определили (2003, с. 368–369).

Таким образом, Э. Мах, вероятно, первым понял, что собой представляют понятия и их роль в конституировании и конструировании реальности. Нельзя не признать, что процесс формирования понятий физики является великолепной и очень показательной моделью, демонстрирующей механизмы формирования понятий вообще. Поэтому для нас должны быть чрезвычайно интересны и важны мысли творцов этих самых физических понятий.

Читателю может показаться, что я сторонник представлений, согласно которым понятия целиком и полностью определяются лишь человеческим

¹ В данной главе правильнее было бы обсуждать с точки зрения психической феноменологии формирование не понятий, а концептов. Но в отечественной психологии существует уже почти вековая история изучения формирования именно понятий, восходящая к работе Л. С. Выготского и Л. С. Сахарова (1981), поэтому мне кажется нецелесообразным изменение этого названия. И я буду, соответственно, говорить о формировании понятий (и концептов).

сознанием. Это не так. Я скорее сторонник более умеренной позиции, которую сформулировал в конце XIX в. П. Фолькман (2010, с. 40–41). Обсуждая изречение И. Канта о том, что человеческий разум не черпает своих законов из природы, а предписывает их ей, автор (там же) пишет, что правильный ответ на вопрос: «Привносим ли мы наши понятия в природу, или эта последняя их нам предписывает?» — заключается в сочетании обеих точек зрения. Даже в том случае, если первая попытка обратиться к природе с понятиями исходит от нас, все зависит от того, можем ли мы продолжать использовать именно это понятие. Даже если мы с первого же раза создали понятие, соответствующее явлениям, вероятно, оно окажется правильным лишь приблизительно. И в дальнейшем природа покажет нам, в каком направлении данная формулировка его должна быть улучшена или изменена. Наше взаимодействие с миром выглядит как маятниковобразный процесс, продолжающийся до бесконечности.

Из сказанного П. Фолькманом следует, что даже если мы и конструируем свои концепты, то затем, пытаясь использовать их для описания мира, мы убеждаемся в том, что они могут подходить или не подходить к нему или подходить в разной степени. Таким образом, в конечном счете именно окружающий нас мир определяет пригодность создаваемых нами для его репрезентирования концептов.

Развивая идеи Э. Маха, А. Эйнштейн (1967, с. 200–203) пишет, что первым шагом в познании внешнего мира является формирование понятия телесных объектов. Из всего многообразия наших чувственных восприятий мы выделяем определенные комплексы ощущений, которые часто повторяются, и обозначаем их определенными понятиями. Понятие физического объекта не тождественно совокупности ощущений. Это свободное творение человеческого разума. Мы приписываем понятию этого телесного объекта смысл, который независим от чувственного ощущения, первоначально его породившего. И приписываем телесному объекту реальное существование. Эти понятия и отношения, несмотря на то что они являются свободными творениями нашего ума, представляются нам более прочными и нерушимыми, чем даже сами по себе отдельные чувственные восприятия. Но эти понятия и отношения оправданы только в той мере, в какой они связаны с чувственными восприятиями.

Автор предлагает называть «первичными» те понятия, которые непосредственно связаны с комплексами чувственных ощущений. Остальные понятия с физической точки зрения обладают смыслом только в той мере, в какой теоремы связывают их с первичными понятиями. Теоремы частично представляют собой определения понятий (и логически выведенные из них утверждения), а частично выражают соотношения между первичными понятиями, то есть между чувственными восприятиями. Теоремы,

выражающие соотношения, являются «утверждениями относительно реальности» или «законами природы». На первой стадии своего развития наука занимается совокупностью первичных понятий, непосредственно связанных с чувственными восприятиями, и теоремами, устанавливающими связь между ними.

По словам А. Эйнштейна (с. 200–203), для того чтобы двигаться дальше, физики изобретают систему с меньшим числом понятий и соотношений, в которой первичные понятия и соотношения первого слоя используются лишь в качестве производных понятий и соотношений для создания новой, «вторичной» системы. Она содержит уже только созданные исследователями собственные понятия (понятия второго слоя), которые прямо не связаны с комплексами чувственных ощущений. Затем создается «третичная» система, еще более бедная понятиями и соотношениями. Процедура обобщения продолжается до тех пор, пока не будет достигнуто наибольшее мыслимое единство при наименьшем числе понятий, которые еще совместимы с наблюдениями наших чувств.

Автор (с. 226) подчеркивает логическую независимость сконструированных исследователями понятий второго и следующих уровней от чувственного восприятия. По его словам, логическая основа теорий все больше и больше удаляется от данных опыта. Отношение между понятиями и чувственными репрезентациями аналогично отношению бульона к говядине, а скорее отношению гардеробного номера к пальто. Физика же представляет собой систему, основы которой получены не выделением их из опыта, а свободным вымыслом. Однако обоснование (истинность) создаваемой теоретической системы базируется на доказательстве применимости вытекающих из нее теорем в области чувственного опыта.

Попробую провести параллели между этими мыслями А. Эйнштейна и рассматриваемой в данной книге психологической теорией понятий.

Человеческое сознание сначала создает устойчивые чувственные концепты в форме моделей-репрезентаций граней «реальности в себе», доступных восприятию, и обозначает их новыми словами. Эти чувственные репрезентации наш здравый смысл склонен рассматривать как чувственно воспринимаемые предметы, существующие в окружающем мире независимо от нас.

Затем из этих сформированных понятий сознание строит уже вербальные концепты, репрезентирующие недоступные прямому восприятию гипотетические (вымышленные) сущности реальности, которые тоже обозначает новыми словами. При этом сознание часто помещает эти конституированные или даже сконструированные им вербально сущности в выстраиваемую им окружающую физическую реальность и гипостазирует, наделяя самостоятельным физическим существованием.

С помощью вербальных концептов сознанием сформировано не только множество физических существей, обозначаемых, например, понятиями *масса, тело, сила, энергия, скорость, время, работа, энтропия* и т. д., **но также множество существей, относящихся к социальной и психической реальности** (власть, справедливость, право, добро, парламент, воля, настроение, бессознательное и т. д.). Эти существи конституированы или сконструированы людьми, а затем экстериоризированы в объективную психическую реальность. Создавая их, люди пытались репрезентировать себе непонятную, а в ряде случаев еще и почти недоступную не только восприятию, но даже методам косвенного научного экспериментального исследования окружающую реальность.

Из сказанного отнюдь не следует, что все эти существи лишь изобретения человеческого сознания. Напротив, конституированные и сконструированные людьми концепты и понятия эффективно репрезентируют нечто реально присутствующее в окружающем мире, то есть они соответствуют реальности.

Р. Л. Солсо (1996, с. 425) пишет, что в большинстве наук в период их становления формирование понятий играет решающую роль в организации данных. В качестве примеров формирования понятий он приводит расположение элементов в химической таблице элементов, разработку филогенетической классификации в биологии, классификацию видов памяти в когнитивной психологии.

Думаю, однако, что нам не следует смешивать формирование понятий с созданием классификаций разного рода. Другое дело, что создание классификаций обычно приводит к выделению отдельных классов существей и обозначению их новыми понятиями.

По словам Л. С. Выготского и Л. С. Сахарова (1981, с. 195), начало изучению процесса формирования понятий положил Н. Ах своей книгой «Об образовании понятий», вышедшей почти 100 лет назад (1921 г.). На протяжении XX в. исследователи неоднократно пытались экспериментально выявить механизмы формирования и усвоения понятий. Это широко известные эксперименты Л. С. Выготского и Л. С. Сахарова (1981, с. 195); К. Халла (C. L. Hull)¹; Дж. Брунера (1977, с. 170–210); А. Willwoll, Н. Нурег (цит. по: Й. Л. Вайсгербер, 2004, с. 67); Д. Медин (см. ссылку в работе Г. Мерфи и Д. Медина, 2011, с. 357) и др. Не могу, однако, не отметить, что все эти и другие работы той же тематики не сильно прояснили механизмы усвоения и формирования понятий.

Очевидно, что реальная жизнь несравнимо сложнее, чем любые экспериментальные ситуации, создаваемые исследователями. Она не предла-

¹ Методы исследования понятий: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Методы_исследования_понятий.

гает нам наборов объектов с несколькими понятными и легко дифференцируемыми признаками. Обычный человек в отличие от исследователя имеет дело с неизмеримо более сложными, многочисленными, порой трудносопоставимыми и к тому же непрерывно меняющимися гранями реальности. И он пытается обнаружить в окружающем мире не «созвездия» признаков, а некую повторяемость если и не идентичных, то сходных между собой аспектов реальности, явлений, объектов, их свойств и т. д., то есть пытается выделить в собственных репрезентациях реальности некие инварианты.

В психологии и вообще в гуманитарных науках наблюдается дошедшая до нас еще из античности явная переоценка значимости признаков объектов для формирования понятий. Она объясняется тем, что выделение и анализ признаков объектов резко облегчает и вообще делает возможной работу ученого. В практической же жизни обычных людей признаки играют гораздо менее существенную роль, но именно роль признаков оценивают исследователи. Дж. Брунер (1977, с. 131–132) пишет, например, что люди непрерывно заняты поисками и использованием информации, которая позволила бы им осуществлять понятийное различение на основе соответствующего определения воспринимаемых признаков. Они научаются различать разные сорта мяса, свежие овощи отличать от лежалых, полицейского — от служащего метрополитена, поток машин, допускающий переход улицы, — от потока, при котором этот переход уже опасен, и т. д.

Мне, однако, представляется, что **в своей повседневной жизни мы обычно не выделяем признаки, которые отличают одну сущность от другой. Мы сразу сенсорно и глобально ухватываем различия между ними на основе своего прошлого опыта.** Только взглянув на загруженную автомобилями улицу, которую собираемся перейти, мы немедленно оцениваем ее: «не пройду» или «можно». Мы сравниваем воспринятое только что с уже имеющимися у нас моделями-репрезентациями сходных объектов: улицы, которую можно и нельзя перейти; мяса хорошего и плохого; овощей свежих и лежалых; полицейского и служащего метрополитена и т. д. У нас просто нет обычно ни времени, ни возможности заниматься аналитической деятельностью — поисками и выбором признаков и их сравнением. Это слишком неэффективно и затратно. Такое возможно только при анализе результатов научных исследований.

Мы начинаем выделять признаки объектов, только когда нам требуется объяснить свой выбор. Для этого нам надо найти причины, и мы начинаем искать отличительные признаки и вербализовывать их. Если до этого я, например, просто видел и понимал, что данный кусок мяса на прилавке или это яблоко мне больше нравятся, то, если мне надо обосновать

свой выбор, я начинаю выделять в объектах признаки: у этого куска мяса какой-то странный цвет, а то яблоко не выглядит упругим и сочным и т. п.

К этому же в итоге приходит и сам Дж. Брунер (1977, с. 142), отмечая, что многочисленные эксперименты по изучению механизмов образования понятий, в частности работы С. L. Hull, К. L. Smoke и его собственные, показывают, что испытуемые способны правильно отличать примеры, имеющие отношение к данному понятию, от примеров, не имеющих к нему отношения, задолго до того, как они начинают называть определяющие признаки, на которых основаны их суждения.

Автор (с. 145) рассматривает также гипотетическую ситуацию, в которой понятие *влиятельный* (человек) определяется всего четырьмя вероятностными признаками с тремя различными значениями: возраст (до 35, 35–50, свыше 50), уровень доходов (высокий, средний, низкий), вероисповедание (католик, иудей, протестант) и видимая агрессивность (сильная, умеренная, слабая). При этом Дж. Брунер признает, что число различных комбинаций четырех признаков даже с тремя различными значениями оказывается устрашающим. Автор соглашается с тем, что в этом и состоит первый ограничивающий фактор, с которым сталкивается субъект в процессе решения задачи с перебором признаков, так как чем больше число признаков и их значений, тем больше гипотез придется перебирать.

В заключение еще раз хочу повторить, что многочисленные эксперименты, изучавшие механизмы формирования-усвоения понятий (концептов), не сильно продвинули нас в понимании этих механизмов.

§ 2. Механизмы формирования понятий

Как я уже отмечал, следует различать, с одной стороны, механизмы усвоения концептов и понятий человеком (в первую очередь ребенком) и с другой — механизмы формирования человечеством новых концептов и понятий. Усваивает понятия ребенок, интериоризируя их из объективной психической реальности. Формируется же новое понятие его изобретателем — человеком, создающим совершенно новый концепт для репрезентации новой сущности, которая имеет право на существование с точки зрения ее создателя. **Можно выделить два основных механизма формирования концептов (и понятий):**

- **формирование конкретных и общих понятий на основе моделей-репрезентаций доступных восприятию элементов «реальности в себе»;**
- **формирование общих и отвлеченных понятий на основе специально построенных сознанием вербальных конструкций.**

Первый механизм, в свою очередь, можно разделить на два варианта.

1А. Формирование конкретных понятий путем наименования имеющих уже в сознании людей моделей-репрезентаций доступных восприятию элементов «реальности в себе». В этом случае в сознании предварительно возникает модель-репрезентация конкретной сущности или чувственное предположение, на основе которого затем формируется собственно конкретное понятие: *собака Айка, телескоп JWST, танк «Армата»* и т. д.

1Б. Формирование общих понятий (*птица* вообще, *рыба* вообще, *корабль* вообще и т. д.) на основе собирательных моделей-репрезентаций множества сходных элементов реальности.

У. Куайн (2010, с. 119) полагает, что слова, обозначающие физические объекты, занимали центральное место в языке в ранние периоды его развития, так как физические объекты обеспечивали относительно фиксированные точки референции для языка. Слова, обозначающие общие понятия, также должны были появиться на ранней стадии, потому что сходные объекты располагали к именованию одним и тем же словом. Автор считает, что остенсивное овладение конкретным общим понятием осуществлялось тем же способом, что и овладение конкретным единичным понятием. Появление же абстрактных (то есть отвлеченных, по моей терминологии. — *Авт.*) понятий, репрезентирующих то, что автор называет «абстрактными сущностями», являлось следующим и уже революционным шагом.

Свои первые понятия люди формировали на основе моделей-репрезентаций элементов окружающей их «реальности в себе». Этот механизм работает до сих пор, так как люди периодически открывают и называют новые планеты и звезды, микрочастицы и химические вещества, обнаруживают и обозначают новые виды растений и животных, называют новыми именами своих новорожденных детей, создают новые приборы и аппараты. Недавно появились, например, то есть были обозначены соответствующими понятиями, *краб йети* и обезьянка *лесула*. Модели-репрезентации конституируемых человеком физических сущностей, ассоциируясь с образами новых слов, превращаются в чувственные концепты соответствующих понятий. Однако для экстерииоризации этих понятий в объективную психическую реальность исследователь обычно создает дополнительно описательный вербальный концепт, раскрывающий сущность понятия. Например: «*Краб йети (Kiwa hirsuta, лат.) — вид десятиногих ракообразных из инфраотряда...*»¹; «*Лесула (Cercopithecus lomamiensis, лат.) — вид приматов семейства мартышковых...*»².

¹ Kiwa hirsuta: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Kiwa_hirsuta.

² Cercopithecus lomamiensis: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Cercopithecus_lomamiensis.

Б. Э. Кассирер (2006, с. 223–224) указывает, что существует два противоположных воззрения относительно формирования общих понятий. Одно, господствующее в традиционной логике, видит корень понятия в абстракции, то есть в выделении тождественной или сходной составной части из множества однородных восприятий. Согласно этой теории, понятие есть соединение тех отдельных черт, которые присущи определенным классам объектов. Этой концепции противостоит другая, в которой не выделяются и не обособляются отдельные части данного, а, наоборот, исследуются сцепления и отношения, на которые опирается некая присущая понятию систематическая связь отдельных черт.

Э. Кассирер (с. 18) активно критикует и отказывается принимать эту вторую теорию образования общих понятий, основанную на интроспекции, но подробно описывает, как эта теория представляет себе механизм образования понятий. Я, однако, как раз согласен с этой теорией и приведу описание Э. Кассирера, так как, пожалуй, не смог бы лучше объяснить механизм образования частных и общих понятий на основе собирательных моделей-репрезентаций.

Он пишет: «Абстрактные предметы возникают во всяком представляющем существе, перед которым проходят при повторных восприятиях одинаковые признаки воспринимаемого. Ибо эти признаки не ограничиваются лишь одним единичным моментом восприятия, но оставляют в психофизиологическом субъекте какие-нибудь следы своего состава. Когда эти следы... оживают благодаря новым раздражениям аналогичного рода, то постепенно образуется все более и более тесная связь между сходными элементами последовательных восприятий. То, чем они разнятся между собой, отступает все более и более на задний план; в конце концов, оно образует лишь бледный задний фон, на котором тем отчетливее вырисовываются постоянные черты. Прогрессирующее сгущение этих сходных черт, их сплавление в единое целое (собирательную модель-репрезентацию некой умозрительной сущности, например дерева вообще, лошади вообще и т. д. — *Авт.*) представляет психологическую сущность понятия, которое, таким образом, — как по своему происхождению, так и по своей функции — является лишь совокупностью остатков воспоминаний, сохранившихся в нас от восприятий действительных вещей и процессов. ... Таким образом, мы стоим здесь... на точке зрения, очень близкой к средневековому “концептуализму”: вещественные и словесные абстракции могут быть выведены из восприятий, ибо они содержатся в них актуально как постоянные составные части» (2006, с. 18).

Приведенное описание раскрывает механизм образования общего понятия на основе формирующейся у человека собирательной модели-репрезентации некой сущности в результате его неоднократных столкновений

с множеством сходных элементов «реальности в себе». Сам Э. Кассирер придерживается доминирующего в логике взгляда на процесс формирования общих понятий как на выделение у объектов общих признаков, или свойств. Он (2006, с. 11) пишет, что мы образуем понятие о плоском четырехугольнике, изолируя то особое свойство, которое имеется в квадрате и прямоугольнике, в ромбе и ромбоиде, в симметрических и асимметрических трапециях и трапецоидах, так же, как мы образуем понятие о дереве, извлекая из совокупности дубов, буков, берез и т. д. всю массу их общих признаков.

С идеей извлечения общих признаков как единственным механизмом формирования общих и отвлеченных понятий, например понятия плоский четырехугольник, нельзя согласиться. Тем более нельзя при обсуждении формирования понятия *дерево* принять идею «извлечения из совокупности дубов, буков, берез и т. д. всей массы их общих признаков». Чтобы создать таким путем новое понятие, сознанию надо было бы прежде построить новый вербальный концепт, содержащий целый ряд умозрительных понятий и включающий в себя общие признаки сущностей¹. На его основе могла бы затем быть сформирована некая новая сущность, обозначаемая новым словом.

В повседневной жизни выбором общих признаков сходных объектов сознанию заниматься некогда, и в процессе интроспекции невозможно обнаружить какие-либо следы поиска сознанием этих признаков и вербальных конструкций с их участием. Если, конечно, мы не пытаемся интроспективно рассматривать деятельность сознания, направленную на создание научных понятий и классификаций или на объяснение этих понятий и их иерархий. В то же время нельзя не согласиться с Э. Кассирером, что в процессе научного исследования такое происходит достаточно часто. Однако далеко не во всех случаях формирования даже научных понятий мы можем говорить о механизме выбора общих признаков.

Дополнительным, хотя и косвенным, доказательством того, что в обыденной жизни люди создавали понятия, не используя для этого общих признаков, являются процессы, сопровождающие усвоение понятий ребенком. Процесс усвоения понятий ребенком включает в себя или задействует и механизмы формирования понятий. Ребенок, например, легко

¹ Например: «Дерево — многолетнее растение с одревесневающим прямостоячим главным стеблем — стволом» (Дерево [Электронный ресурс]: Кругосвет: универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия. — Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/pauka_i_tehnika/biologiya/DEREVO.html); «Четырехугольник — это геометрическая фигура (многоугольник), состоящая из четырех точек (вершин), три из которых не лежат на одной прямой, и четырех отрезков (сторон), последовательно соединяющих эти точки» (Четырехугольник [Электронный ресурс]: Математика вокруг нас: сайт. — Режим доступа: http://math-around.ru/view_post.php?id=37)

создает неологизмы по аналогии. Он легко осуществляет категоризацию новых сущностей, относя их к уже известным ему классам. Например, называет впервые увиденного им леопарда или тигра словом «киса». Причем делают это дети очень маленькие, которые еще не знают даже названий животных, не то что названий их признаков, которые они должны были бы для этого выделять.

Совсем маленькие дети просто еще не способны выделить и вербально определить общие признаки разных сущностей и на их основе создать общее понятие. И уж тем более создать на их основе некую конструкцию, которая стала бы значением соответствующего общего понятия. Тем не менее они уже в состоянии на чувственном уровне обнаружить сходство разных сущностей и на этом основании обозначить новый для них объект уже известным им словом. То есть **на чувственном уровне в сознании детей модели-репрезентации сходных сущностей спонтанно и непроизвольно ассоциируются в группы, которые дети обозначают усвоенным ими новым словом, пусть и не всегда соответствующим обозначениям, принятым у взрослых.**

Столь же очевидно, что **ребенок постарше способен уже усваивать даже такие сложные понятия, как *треугольник, квадрат, фигура, теорема* и т. д., тоже еще не будучи в состоянии самостоятельно выделять, а тем более вербализовывать общие признаки объектов, обозначаемых такими понятиями. Он делает это потому, что его учат этому, а также потому, что его сознание способно выделить из потока чувственных репрезентаций и сформировать в виде нового множества образы сходных объектов.** Ему показывают сходные предметы, например треугольники, называя их общим словом. И он усваивает понятие *треугольник* точно так же, как усваивает такие общие понятия, как *рыба* или *дерево*.

Следовательно, понятие *треугольник*, как и понятие *дерево*, например, исходно сформировалось у людей не на основе выделения ими общих признаков треугольников, а на базе собирательной модели-репрезентации треугольника вообще. И уже значительно позже исследователи создали вербальное определение этого понятия, то есть его вербальный концепт, основанный на общих признаках разных треугольников. Именно и только исследователи в своих определениях и выделяют общие признаки сущностей.

Существует единый процесс образования понятий на основе моделей-репрезентаций реальности, который с определенной долей условности можно разделить на два уровня — формирование конкретных и формирование общих понятий, или универсалий. Чем более общим является понятие, тем с большим количеством конкретных чувственных моделей-репрезентаций связывается образ соответствующего слова. Следует также

отметить, что на основе (или при активном участии) моделей-репрезентаций отдельных образцов могут формироваться даже некоторые отвлеченные понятия, обозначающие такие сложные сущности, как, например, болезни человека.

Думаю, есть все основания признать, что в формировании общих понятий участвуют два механизма, указанные выше. Множество, главным образом, научных понятий были сформированы на основе выделения исследователями общих признаков сходных объектов. Следует, однако, отметить, что в процессе формирования понятий человек часто учитывает не столько даже общие признаки сущностей, например сходство их строения, изменения и/или жизнедеятельности (*звук* (крик, плач, стук, скрип и пр.), *растение* (водоросль, мох, дерево, цветок и пр.), *животное* (кит, крот, лев и пр.)), сколько их общие функции (*оружие* (шпага, пистолет, щит, танк и пр.), *лекарство* (аспирин, гепарин, пенициллин и пр.)), общие сферы их применения (*операционная система* (Windows NT, Windows 2000, Novel Netware, Unix, Linux и др.)), общие объекты, к которым они имеют отношение (*болезнь* (ангина, корь, проказа, радикулит и пр.)) и т. д.

С появлением науки и научных таксономий выделение общих признаков сходных сущностей стало необходимым элементом построения вербальных концептов, тем более что без вербального концепта невозможно было донести до коллег результаты своей работы. Исследователи стали конституировать и конструировать с помощью вербальных концептов сущности, обозначаемые как общими, так и отвлеченными понятиями, и даже классифицировать эти сущности, например элементарные частицы.

Вербальные конструкции играют основную роль в формировании множества смешанных и вербальных концептов, участвующих в построении общих и отвлеченных понятий. Общие понятия, например *оружие*, *звук*, *растение*¹ и т. д., объединяют множества непохожих друг на друга сущностей, которые, несмотря на свои явные различия (например, нож и бомба), имеют нечто общее, позволяющее человеку объединять их в новое множество и обозначать общим словом «оружие».

¹ Вербальные концепты, конституирующие эти общие понятия: *Оружие* — устройства и средства, применяемые в вооруженной борьбе для уничтожения противника, его техники и сооружений, а также для самозащиты; «Звук, в широком смысле — колебательное движение частиц упругой среды, распространяющееся в виде волн в газообразной, жидкой или твердой средах... в узком смысле — явление, субъективно воспринимаемое специальным органом чувств человека и животных» (И. П. Голямина, 1990, с. 69); *Растение* — представитель одной из основных групп многоклеточных организмов, включающей в себя в том числе мхи, папоротники, хвощи, плауны, голосеменные и цветковые растения (Что такое растения и их функции // Школьные Знания.com: справ. ст. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://znaniya.com/task/3456366>).

Вербальные концепты конституируют или даже конструируют сущности реальные, вероятные или вымышленные: армия, революция, гравитация, относительность, справедливость, истина, экзистенция, бессознательное и т. п. Формируя отвлеченное понятие, сознание выделяет на основе косвенных признаков недоступную восприятию грань реальности и затем с помощью выстраиваемой им специальной вербальной конструкции конституирует новую сущность и обозначает ее новым словом.

В соответствии с доминирующей в современном обществе и даже науке, хотя и не декларируемой специально парадигмой считается само собой разумеющимся, что все сущности окружающего мира, в том числе обозначаемые отвлеченными понятиями, исследователи «открывают». То есть подразумевается, что эти сущности изначально присутствуют в «реальности в себе», так же как присутствуют там, например, предметы. И задача ученого заключается лишь в том, чтобы обнаружить («открыть») их там.

Доминирующая объективистская парадигма предполагает, что, «открыв» и обозначив такую сущность новым понятием, люди в дальнейшем лишь уточняют ее структуру, тем самым проникая в глубины реальности. Подразумевается, что сущности эти сложно обнаружить, но они тем не менее присутствуют в мире. При этом не вызывает удивления то обстоятельство, что новые поколения исследователей выделяют в реальности (конституируют и конструируют) иные сущности, создавая новые концепты и обозначая их теми же или новыми словами. Здравый смысл в соответствии с привычными представлениями о ходе научного прогресса ошибочно расценивает это как научный поиск, в результате которого ученые более точно определяют, выделяют и описывают изучаемые ими сущности окружающего мира, изначально, безусловно, присутствующие в нем.

Однако проблема в том, что «выделяемых» исследователями сущностей в «реальности в себе» нет. Там есть лишь возможности для их чувственного или вербального конституирования или даже только вербального конструирования. Причем реальность настолько сложна и многообразна, что с помощью человеческих концептов возможно создание разных сущностей на основе одного и того же элемента «реальности в себе» с последующим построением с их помощью разных, но одинаково хорошо репрезентирующих эту грань «реальности в себе» научных теорий.

Таким образом, **сознание не «открывает», как принято считать, уже якобы исходно имеющиеся в окружающем мире, но недоступные восприятию сущности, а конституирует или конструирует их, то есть формирует их, обозначая новыми терминами**, а затем помещает в объективную психическую реальность и нередко гипостазирует.

Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. (Введение в психологию, 2003, с. 375) пишут, ссылаясь на Л. Барсалю (L. Barsalou, 1985),

что понятия можно формировать «на месте» для какой-либо определенной цели. Например, планируя поездку за город, можно создать понятие, например, «все то, что нужно взять для поездки с ночевкой». По мнению авторов, подобные «целенаправленные понятия» используются относительно нечасто, но облегчают планирование. Несмотря на то что у них относительно длинные названия, они все же создают определенную когнитивную экономию и обладают предсказательными возможностями.

Действительно, есть общие понятия, объединяющие по функциональному признаку группы разных объектов. Например, *инструменты, охотничьи принадлежности, рыболовные снасти, мебель* и т. д. В рассматриваемом же случае речь идет не о понятии, как полагают авторы, а о специальной вербальной конструкции, которая может стать вербальным концептом нового понятия, если кто-то обозначит специальным словом множество вещей, требующихся во время поездки с ночевкой. Но главное — данное обозначающее слово вместе с новым концептом будет включено обществом в свой язык. А до этого *то, что нужно взять для поездки с ночевкой* — не понятие и даже не концепт, а просто вербальная конструкция, объединяющая ряд предметов.

Тезисы для обсуждения

1. Понятие — психическая конструкция, репрезентирующая обозначаемую определенным словом сущность. Она представляет собой модель-репрезентацию и/или вербальный концепт, ассоциированные с образом обозначающего данную сущность слова.
2. Понятия можно разделить на имена собственные и конкретные, общие (универсалии, или категории) и отвлеченные понятия. Перечисленные группы не имеют четких границ и представляют собой непрерывный спектр.
3. Можно выделить два основных механизма формирования понятий (и концептов): 1) на основе моделей-репрезентаций доступных восприятию элементов «реальности в себе» и 2) на основе специально выстраиваемых сознанием вербальных конструкций. Конкретные и часть общих понятий формируются на основе моделей-репрезентаций. Другая часть общих понятий и отвлеченные понятия формируются на основе чувственно-вербальных и вербальных конструкций.
4. Единый процесс формирования понятий на базе моделей-репрезентаций элементов «реальности в себе» с определенной долей условности можно разделить на два уровня — формирование конкретных понятий на основе моделей-репрезентаций конкретных сущностей и формирование общих понятий, или универсалий, на основе собирательных моделей-репрезентаций многих сходных сущностей.

5. Следует различать формирование понятий и их усвоение. Формируется новое понятие изобретателем, который затем экстериоризирует его в объективную психическую реальность для всеобщего использования. Все прочие люди лишь усваивают это понятие, интериоризируя его из объективной психической реальности обычно в специфической ситуации его употребления другими людьми.
6. И конкретные, и общие понятия репрезентируют в конечном счете только конкретные сущности окружающего мира.
7. Категории, как и другие понятия, существуют лишь в сознании людей. Вне его не существует ни категорий, ни универсалий, а следовательно, нет ни уровней, ни классов, ни видов, ни родов предметов или иных сущностей.
8. Категории базового уровня — это высший уровень общих понятий, еще формируемых на основе собирательных моделей-репрезентаций множества сходных сущностей. Сущности, репрезентируемые собирательными моделями-репрезентациями, наиболее отчетливо различаются между собой.
9. При формировании отвлеченного понятия, например научного, сознание выстраивает специальную вербальную конструкцию, конституирующую или даже конструирующую новую сущность, которую обозначает новым словом. При этом оно не «открывает» (как по-прежнему продолжают считать многие исследователи) уже якобы исходно имеющиеся в окружающем мире, но недоступные прямому восприятию сущности, а формирует их.
10. С помощью вербальных концептов человеком создано множество физических, социальных и психических сущностей, обозначаемых отвлеченными понятиями. Из сказанного не следует, что данные сущности лишь изобретения человеческого сознания. Они обычно соотносятся с тем, что имеется в «реальности в себе», так как именно она определяет пригодность и адекватность создаваемых человеком в форме новых сущностей репрезентаций реальности.
11. Прототип — это конструкт исследователей, который можно представить себе как собирательный образ представления и воспоминания множества сходных объектов, в котором представлены их наиболее типичные признаки. Термин «прототип» применим лишь к общим понятиям, концептом которых являются собирательные модели-репрезентации множества доступных восприятию сходных сущностей. Он неприменим к понятиям, формирующимся на основе вербальных концептов.
12. Понятия, возникающие на базе чувственных и вербальных концептов, усваиваются ребенком в разном возрасте. Первые простые вербальные конструкции, усвоенные ребенком, моделируют его же чувственные репрезентации окружающей реальности, дублируя их.

II
ЧАСТЬ

**СЛОЖНЫЕ
ПСИХИЧЕСКИЕ
ЯВЛЕНИЯ¹**

¹ Авторы — С. Э. Поляков, А. С. Буреломова. А. С. Буреломова в 2010 г. окончила психологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, там же защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата психологических наук. В 2013 г. окончила магистратуру в King's College London, в настоящее время завершает работу над докторской диссертацией в City University London, Великобритания.

Структурированность психического содержания

Перед тем как мы перейдем к рассмотрению сложных психических явлений, необходимо попытаться определить само понятие *психическое явление*, или *психический феномен*, и ознакомиться с тем, что исследователи считают *психикой*. В психологической литературе сегодня можно встретить сильно различающиеся подходы к определению этого понятия. Например, продолжая традиции советской психологии, многие отечественные психологи рассматривают психику как свойство высокоорганизованной материи отражать окружающую действительность в процессе взаимодействия с ней (см., например: Альмуханова А. Б., Гладкова Е. С., Есина Е. В. и др., 2007, с. 355) или как форму активного отображения субъектом объективной реальности, возникающую в процессе взаимодействия высокоорганизованных живых существ с внешним миром и осуществляющую в их поведении регулятивную функцию (см., например: Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко, 2009, с. 420).

Авторы современных зарубежных учебников и словарей по психологии предпочитают не определять психику вообще (см., например: Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг, 2001; Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. 2007 (2003); Д. Майерс, 2001а; М. Айзенк, П. Брайант, Х. Куликэн и др., 2002; Р. Корсини и А. Ауэрбах, 2006 и др.).

Приятным исключением в этом ряду является, например, Оксфордский психологический словарь, в котором А. Ребер (2000а, с. 138–139) пишет, что в употреблении термина «психика» обнаруживаются две противоречивые тенденции. Первая — рассматривать психику как метафизическое объяснительное явление. Вторая — рассматривать ее как удобную биологическую метафору, представляющую собой проявления все еще непонятых нейрофизиологических процессов мозга. Наиболее важными и распространенными А. Ребер считает следующие определения:

- (доминирующее, по мнению автора). Психика — множество гипотетических мысленных процессов и действий. В рамках этого опре-

деления гипотетическая модель сознания используется для объяснения эмпирических исследований, а не просто для их описания и наблюдения. Автор отмечает нежелание, даже отказ тех, кто занимает эту позицию, размышлять о нейропсихологических структурах, с которыми психические явления могли бы соотноситься;

- психика — множество сознательных и бессознательных умственных опытов организма индивида;
- психика — совокупность процессов, обычно рассматриваемых в рамках восприятия и познания;
- психика — эквивалент мозга. Эта позиция, которая восходит, по словам автора, к У. Джемсу, в конечном счете должна быть истинной. Основная помеха здесь заключается, конечно, в том, что мы очень немного знаем о функциях мозга. В результате это в большей степени вопрос веры, чем истинная философская позиция;
- психика — внезапно появляющееся свойство. Аргументы здесь такие же, как и в эмерджентизме: когда биологическая система достигает точки достаточной сложности и организованной структуры, возникает психика (или сознание);
- психика — список синонимов. Например, *psyche*, «душа», «самость» и т. д. Таким употреблением ничего не достигается, и здесь смешиваются различные проблемы, связанные с определениями терминов;
- психика — интеллект. В действительности это только разговорная модель употребления данного термина;
- психика — характеристика или черта. Также используется непрофессионально, как во фразах «психика художника» или «северно-европейская психика».

Мы дополнили бы описания А. Ребера по-прежнему широко распространенным бихевиористским определением, согласно которому психика — это эпифеномен, лишь сопровождающий мозговую активность, ответственную за разумное человеческое поведение. Позиция самого автора свидетельствует о его необихевиористских предпочтениях, так как в пункте 4 он пишет, что психика — это эквивалент мозга, и именно это определение должно быть истинным. Между тем совершенно очевидно, что психика — это не мозг, это, по крайней мере, некое проявление его активности.

В. А. Иванников (2010, с. 34–35) в связи с бихевиористским подходом к исследованиям психики предлагает удачную метафору, в которой психика сравнивается с тенью человека. Тень есть всегда, когда есть свет, но она ни на что не влияет и не существует сама по себе без человека и света. Так и психика якобы возникает при работе мозга, но никакой функцией не обладает. Многие современные исследователи, соглашаясь

с наличием психических явлений, утверждают, что поведение целиком определяется лишь работой мозга. Мозг работает как большой сложный компьютер, решая все задачи, но у человека при этом возникают параллельные, ни на что не влияющие субъективные состояния, которые принято называть психикой.

Сам В. А. Иванников (с. 34–35) справедливо полагает, что психика отнюдь не эпифеномен, что именно она открывает живому существу другие объекты, находящиеся в поле его действия, и это можно фиксировать объективно, по факту учета живым существом в своем поведении наличия различных тел в окружающем мире; что именно психика обеспечивает живым существам возможность получать «знание» о внешнем мире, например, в виде его субъективных образов.

По его мнению (с. 36–37), психика — это динамическое образование, которое все время «возобновляется» в результате взаимодействия с окружающей средой. Вне этого взаимодействия психики быть не может. Психика — функция действующего субъекта (живого существа), а мозг — тот аппарат, с помощью которого формируется субъективный образ объективного мира. Сам по себе мозг психику не создает, требуются взаимодействие живого существа с объектами и особая активность живого существа по построению пространственных образов предметов. Однако мозг, нервная ткань являются тем необходимым средством, без которого не может быть субъективного переживания, а значит, и открытия внешнего мира, и создания образов объектов, ситуаций и мира.

В. А. Иванников (2010, с. 45) считает, что понятие *психика* обозначает теоретический конструкт, так как мы до сих пор не имеем критериев, по которым можно было бы однозначно определить наличие или отсутствие психики у конкретного живого существа. Он напоминает о четырех теориях, объясняющих соотношение материи и психики: панпсихизме, биопсихизме, нейропсихизме и антропсихизме. Сторонники панпсихизма полагают, что психика — это общее свойство всех материальных тел. Биопсихизм утверждает, что психика есть у всех живых существ. Согласно нейропсихизму, психика есть только у тех животных, которые обладают нервной системой. Антропсихизм декларирует наличие психики только у человека. Сторонники каждой позиции говорят о ней как об аксиоме.

В отношении объяснения проявлений психики, то есть психических феноменов, тоже можно столкнуться с диаметрально противоположными взглядами. Одни исследователи, как, например, Ю. Б. Гиппенрейтер (2002, с. 12), вслед за классиками психологии XIX в. и в традициях советской психологии понимают под психическими явлениями субъективные переживания или элементы внутреннего опыта субъекта. Другие, продолжая традиции бихевиоризма, склонны рассматривать психические явления как «разного рода особенности поведения и психической жизни чело-

века, доступные для непосредственного наблюдения»¹. Большинство исследователей вообще стараются не обсуждать сущность психических явлений.

Мы не рассматриваем психику как эквивалент мозга, хотя согласны с тем, что это, скорее всего, проявление активности нервной системы. Мы считаем психику свойством, появляющимся у биологической системы (организма), когда та приобретает нервную систему². Метафорически это свойство можно сравнить с другим свойством биологической системы, которое носит название «жизнь». Исследователи не могут сказать, что такое жизнь, но для всех очевидно ее наличие или ее отсутствие, которое обозначается противоположным термином «смерть». Следовательно, понятия *психика* и *жизнь* обозначают не конструкции исследователей, а психические конструкции, несомненно имеющие референты в реальности.

Сущность, обозначаемая понятием *человеческая психика*, проявляется в создании организмом доступных рефлексии (то есть внутреннему самонаблюдению) субъективных психических феноменов³ — главным образом, репрезентаций окружающего мира, организма в нем и самих психических феноменов. Эволюционная целесообразность возникновения данного свойства проявляется, по-видимому, в том, что оно позволяет организму антиципировать будущие изменения реальности для более эффективной адаптации к ней.

Психика локализуется как внутри человека, так и в окружающем его пространстве, формируя там репрезентацию окружающего субъекта мира. По данным собственной интроспекции, к примеру, та часть психики, которая может быть определена как самость, или «Я», субъективно

¹ Психические явления: справ. ст. [Электронный ресурс]: А. Я. Психология: тесты, тренинги, словарь, статьи: сайт. — Режим доступа: http://azps.ru/articles/cmmn/psihicheskie_yavleniya.html.

² Хотя новые данные (N. Toshiyuki, H. Yamada and Á. Tóth, *Смирнова Р.А.* Социальная реальность [Электронный ресурс]: Социология: энциклопедия / А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин и др. — Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2003. — Режим доступа: http://sociology_encyclopedia.academic.ru/991/СОЦИАЛЬНАЯ_РЕАЛЬНОСТЬ), например, о способности плесени запоминать путь в лабиринте могут свидетельствовать в пользу теории биопсихизма.

³ «Феномен. 1. В переводе с греческого означает явление, то, что появляется, следовательно, любое заметное изменение, любое явление, доступное для наблюдения. Это значение является очень общим и содержит два аспекта, каждый из которых представлен в следующих более ограниченных значениях. 2. Физическое явление, факт, подтвержденное событие. Заметьте также, что этот термин часто используется в этом смысле без рассмотрения причин этого события. 3. Внутренний опыт, который сознается, данные личного опыта. Это значение отражено в позиции феноменологии. 4. В терминах Канта — проявления знаний, событий или объектов, интерпретируемые через категории; феномены здесь служат основанием для логических выводов относительно действительности» (А. Ребер, 2000а, с. 414–415).

локализуется внутри головы непосредственно за глазами. Психические явления, или феномены, по-видимому, уже имеются у новорожденного в элементарной форме и со временем усложняются, формируя в психике все более сложно организованные структуры. **Психику следует рассматривать только во времени, так как продольный и поперечный ее условные «разрезы» демонстрируют совершенно разное психическое содержание¹, позволяющее выделить разные психические феномены².**

В нашем понимании, психика — это множество феноменов, которые поочередно возникают в сознании, сменяя друг друга. Они доступны рефлексии и субъективно совершенно реальны, то есть бесспорно существуют для переживающего их человека, который делает на основе их наличия у себя и на основе коммуникации с другими людьми выводы о наличии и у других людей аналогичных психических явлений. **Психические феномены являются главным образом репрезентациями окружающей реальности, а потому чрезвычайно важны для человека. Вербальные психические феномены не только выступают как репрезентации реальности и содержание человеческого мышления, но и обеспечивают коммуникацию людей.**

Факт наличия у человека психических явлений легко объясняет человеческий интеллект и разумное человеческое поведение. При этом не требуется привлекать дополнительно в качестве необходимого фактора, объясняющего наличие у человека разума, физиологическую активность мозга, так как именно психические феномены, будучи репрезентациями реальности, обеспечивают человеку возможность наблюдения, описания и понимания окружающего мира. Следовательно, они же обеспечивают наличие регистрируемого наблюдателями разумного поведения.

Более того, вербальные психические феномены (и их материальные эквиваленты в виде конструкций языка) — наиболее очевидная для людей форма проявления человеческого разума и понимания человеком окружающего мира и самого себя. Главное, они являются самой достоверной формой выражения разумного отношения человека к реальности, которое становится очевидным другим людям в процессе коммуникации с ним. Причем формой, достоверной настолько, насколько это в принципе возможно.

Другими словами, психических явлений, в первую очередь вербальных, достаточно для объяснения сущности разума и для выражения этого разума. Проблема только в том, что психические явления субъективны и для ответа на вопрос о наличии у внешнего объекта разума придется принимать в расчет результаты длительной и разнообразной коммуника-

¹ «Содержание. Что-то, что содержится в чем-то еще...» (А. Ребер, 2000а, с. 274).

² Подробнее об этом см. в гл. 3.5.

ции с ним. Результаты наблюдения за его поведением недостаточно информативны, так как успехи современной робототехники демонстрируют, что так называемое «разумное поведение» машин легко может ввести наблюдателя в заблуждение о наличии интеллекта¹ у робота.

Мы согласны с позицией тех авторов, которые, как замечает А. Ребер (2000а, с. 139), не желают связывать психические феномены с нейрофизиологическими структурами мозга и полагают, что психические феномены следует изучать сами по себе и именно они должны быть предметом психологии. Мы считаем так, несмотря на то что связь психических феноменов с нейрофизиологическими структурами мозга совершенно очевидна и бесспорна и ее тоже необходимо изучать. Однако на данном этапе развития наук о мозге попытки объединения психологии и нейрофизиологии совершенно бессмысленны в силу ограниченности наших технических возможностей и теоретических знаний как о психике, так и о мозге. Это так же бессмысленно, как если бы алхимики в Средние века пытались описывать свойства химических элементов в зависимости от строения атомов этих элементов.

Современная наука, по-видимому, еще не готова к такому синтезу. Пока следует разделять изучать более простые явления на разных уровнях — в психологии отдельно, а в физиологии отдельно. Старания же некоторых исследователей прямо связывать психические явления с данными физиологических наблюдений в процессе экспериментов выглядят крайне неубедительно и лишь дискредитируют подобные попытки. У нас нет пока достаточных оснований, а главное, нет ни технических средств, ни феноменологического «инструментария» для сопоставления конкретных психических явлений с отдельными нейрофизиологическими процессами или структурами в мозге. Поэтому в результате такого объединения часто получаются не только спорные, но и просто неприемлемые и невразумительные гибридные психофизиологические конструкты, о которых упоминалось в гл. 1.1.

В нашем понимании, **психика — это всегда и только сознательные психические явления. Не бывает бессознательных психических феноменов и процессов.** Их не бывает хотя бы потому, что психические явления стали для людей реальностью только в силу их субъективной очевидности, то есть доступности рефлексии. Недоступные самонаблюдению, то есть бессознательные, психические процессы аналогичны круглому квадрату или сухой воде². Утверждение об их наличии невозможно доказать, а потому они бессмысленны.

¹ См. с. 13.

² Более подробно о сознательном и бессознательном см.: С. Э. Поляков, 2004.

Сказанное, однако, не противоречит тому, что у человека есть множество вполне осознаваемых им психических явлений, которые он тем не менее быстро забывает, плохо рефлексировывает или плохо понимает. Такие явления и рассматриваются апологетами бессознательного в качестве бессознательных психических явлений и широко обсуждается в безграничном количестве публикаций, посвященных бессознательному психическому. Тем не менее они, как и все психические явления, вполне осознаваемы человеком в моменты своего наличия. Можно, конечно, сказать, что это лишь спор о терминах и не более того. Однако это весьма принципиальный для понимания сознания спор о терминах. Непонятное человеку психическое содержание его сознания — это не то же самое, что бессознательное психическое.

Мы полагаем, что психические явления — не некие случайные и второстепенные эпифеномены, сопровождающие первичную и якобы главную для объяснения человеческого разума нейрофизиологическую активность мозга. **Психические явления — это и есть основные и единственно несомненные проявления человеческого разума**, причем проявления не только субъективно регистрируемые, рефлексированные и очевидные для человека, но, главное, вполне достаточные для объяснения разума и механизмов его реализации. Они совершенно реальны, и их наличие субъективно не менее бесспорно, чем наличие окружающего мира¹. Психические явления — это не нечто воображаемое или гипотетическое. Так же как и внешний мир, их легко можно наблюдать и описывать. Это совершенно реальные, хотя и особые, отличающиеся от «реальности в себе» специфические сущности, которые человек постоянно переживает в своем сознании, которые наполняют, а возможно, и создают его сознание. Они непрерывно меняются, формируя текущий процесс субъективного репрезентирования бытия человека в мире.

Мы полагаем, что дать определение психических явлений можно, лишь отослав к ним самим. Психические явления — это феномены, которые каждый человек может обнаружить только в своем сознании в процессе интроспекции. Даже о наличии психических явлений у других людей он делает выводы лишь по аналогии с тем, что переживает сам². **Психиче-**

¹ У. Джеймс учит: «Ни здравый смысл, ни психология, по крайней мере до последнего времени, никогда не сомневались в том, что те состояния сознания, которые исследовались этой наукой, представляют непосредственные данные опыта. Сомневались в подлинном существовании "вещей", но мысли и ощущения никогда не вызывали сомнения в своем действительном существовании. Если отрицали, то только внешний мир, но никогда не отрицали внутреннего мира» (2003, с. 520).

² Для того чтобы убедиться в реальности психических явлений, достаточно просто закрыть глаза и представить себе солнце, море, лес и т. д. Понятно, что эти объекты не появятся рядом с вами. Но столь же очевидно, что возникшие в вашем сознании психические образы представления и воспоминания данных сущностей — не менее реальные для вас феномены

ские феномены можно разделить на относительно простые и сложные. Простые психические явления — это то, что невозможно разложить на более элементарные явления, например, ощущения и мгновенные образы, в том числе вербальные. Сложные психические явления — это самостоятельная разновидность психических феноменов, которые состоят из простых явлений, но при этом представляют собой нечто большее, чем просто сумма простых явлений. К ним, в частности, относятся психические конструкции разного рода, например рассмотренные выше (в разделе 1.1.3) модели-репрезентации, а также концепты и некоторые другие психические явления.

Область сложных психических феноменов, которая является предметом данной главы, до сих пор остается недостаточно разработанной в психологии. Более того, сложные психические явления даже не выделены в учебниках и руководствах по психологии в особые разделы и не рассматриваются в ней в качестве особых психических феноменов, хотя отдельных работ, посвященных им, множество. Однако все вопросы об их отсутствии в учебниках психологии снимаются при воспоминании о десятилетиях господства бихевиоризма и продолжающемся доминировании необихевиоризма в американской психологии.

Современный когнитивизм уже принимает факт наличия психических феноменов, но по-прежнему относится к ним, мягко говоря, сдержанно и не готов рассматривать их как причину и форму проявления человеческого разума. То, что психология до сих пор уделяет изучению сложных психических феноменов относительно немного внимания по сравнению с другими вопросами, в определенной степени объясняется также тем, что они невероятно многообразны и субъективно значительно менее заметны для человека, чем, например, образы или даже понятия.

Тем не менее **в психологии и смежных науках давно используются и широко обсуждаются понятия, обозначающие сложные психические феномены либо нечто, имеющее к ним непосредственное отношение.** Это, например: идеальные типы (М. Вебер, 1904 (2013, с. 467)); структура (В. Я. Пропп, 1928, с. 114–125); ментальные схемы (Ф. Бартлетт, 1932;

вашего сознания (в смысле субъективной очевидности для вас факта их наличия в вашем сознании), чем живые и яркие образы восприятия окружающих вас предметов. При этом неважно, назовете ли вы последние образами восприятия или же просто физическими предметами, отказываясь признавать наличие образов восприятия как таковых.

Не менее реальны для вас и возникающие в вашем сознании вербальные конструкции (мысли) о том, например, что хорошо было бы оказаться сейчас на берегу моря или хотя бы на лесной поляне, а не в городе. Они, конечно, реальны для вас иначе, чем образы восприятия предметов, но тем не менее они совершенно реальны, так как, руководствуясь этими и подобными им мыслями, вы действуете в окружающем вас реальном мире. Недаром множество авторов, начиная с античных, считают феномены нашего сознания наиболее бесспорной и самой очевидной реальностью, какая только может быть.

цит. по: У. Ф. Бревверу¹); схемы (К. Лоренц, 1937 (1994)); когнитивные карты (Э. Толман (Е. С. Tolman, 1948)); схема и практический концепт (Ж. Пиаже, 1952 (2004)); структура мифа (К. Леви-Стросс, 1957 (2001, с. 213–241)); эпистема (М. Фуко, 1977 (1994, с. 39–40)); символический порядок (Ж. Лакан, 1953 (2009, с. 290–308)); фреймы (Г. Бейтсон (G. Bateson, 1972 (1955), с. 177–193); Ч. Филлмор (Ch. Fillmore, 1968, с. 1–90; 1982, с. 31–59); М. Минский, 1975 (М. Minsky, 1975, с. 211–216), М. Минский, 1979; И. Гоффман, 1974 (2003)); личные конструкты (Дж. А. Келли, 1955 (2000)); прототипы (Э. Рош (E. Rosch, 1973; E. Rosch, 1975; E. Rosch, 1978)); пучки признаков, идеальные когнитивные модели (Дж. Лакофф, 1987 (2004)); стереотипы (Х. Патнэм, 1975 (цит. по: Дж. Лакофф, 2004, с. 161)); концептуальные схемы, скрипты, когнитивные структуры, сетевые модели, сценарии, психические конструкты, семантические и синтаксические универсалии, ментальные структуры, концепты и т. д. (В. Вундт, 2007; М. К. Мамардашвили, 2002; А. А. Леонтьев, 1969; А. А. Шевцов, 2004, и др.), наконец, психические конструкции (С. Э. Поляков, 2004; 2011).

Сказанное свидетельствует о безусловном признании исследователями факта объективного наличия сложных психических феноменов, или того, что С. Э. Поляков (2004; 2011) называет психическими конструкциями. Самое замечательное то, что эти психические феномены обсуждаются не только в психологии, но и в относительно далеких от нее областях: лингвистике, филологии, социологии, антропологии, философии, даже в программировании, информатике и робототехнике, занимающейся созданием искусственного интеллекта. Сложные психические феномены играют важнейшую роль в психической жизни человека. Они, собственно, и делают его человеком. Их наличие радикально отличает его от всех прочих обладателей психики.

Возникновение сложных психических феноменов в психике можно объяснить общей тенденцией развития психических явлений в направлении все более сложной их самоорганизации, которая вообще характерна для живых систем. Оно хорошо согласуется с теорией аутопоэзиса², актив-

¹ *Бреввер У. Ф.* Бартлеттовская концепция схемы и ее воздействие на теорию познания. Представление знания в современной когнитивной психологии / Пер. А. Шухова [Электронный ресурс]: Концепция двух продолжений: портал. — Режим доступа: <http://nounivers.narod.ru/gmf/shema.htm>.

² «Аутопоэзис... — термин, введенный в начале 1970-х гг. чилийскими учеными У. Мартауной и Ф. Варелой, означающий самопостроение, самовоспроизводство живых существ, в том числе человека, которые отличаются тем, что их организация порождает в качестве продукта их самих без разделения на производителя и продукт» (Аутопоэзис: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Аутопоэзис>). «Аутопоэтические системы — это системы, которые сами себя воссоздают... единственным продуктом их организации являют-

но обсуждаемой в биологии в последние десятилетия, например в работах У. Матураны и Ф. Варелы (2001) и их последователей.

Тенденция к структурированию сознанием психического содержания и созданию психических конструкций давно была замечена исследователями и в психологии, и в смежных науках. Это нашло отражение в появлении глобальных научных направлений — структурализма и конструктивизма¹, охвативших в XX в. обширные сферы самых разных гуманитарных исследований.

Тезисы для обсуждения

1. Психика — это множество феноменов, возникающих в сознании и сменяющих друг друга, которые человек может обнаружить в процессе интроспекции. Они доступны рефлексии и безусловно реальны для человека. Психические феномены являются главным образом репрезентациями реальности.
2. Психические феномены разворачиваются во времени, и их нельзя рассматривать в отрыве от него. В продольном и поперечном условных «разрезах» психики рефлексия позволяет обнаружить разные психические сущности.
3. Упорядоченные вербальные психические явления собственного сознания — несомненные для человека субъективные проявления разума. Являясь понятными человеку репрезентациями «реальности в себе», они обеспечивают ему возможность наблюдения, описания и понимания окружающего мира и самого себя в нем.
4. Вербальные психические феномены (и их материальные эквиваленты в виде языковых конструкций) обеспечивают функционирование человеческого мышления и межличностную коммуникацию людей. Их наличие у собеседника, выявляемое в процессе коммуникации, точнее, предполагаемое у него по аналогии с собственными психическими явлениями, служит для всех очевидным доказательством его разумности.
5. Психика — это всегда и только сознательные психические явления. Существуют плохо рефлекслируемые и плохо понимаемые человеком психические явления и процессы, но не бывает бессознательных психических явлений. В процессе рефлексии человек всегда способен

ся они же сами. В автопоэтической системе ввиду ее информационной замкнутости представления о внешнем окружении всегда формируются на основе “внутренних” состояний системы» (Радикальный конструктивизм: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Радикальный_конструктивизм).

¹ См. Примечание 8.

зарегистрировать сам факт наличия в сознании любого своего психического феномена (в момент его существования), хотя может и не понимать его причин, связей, последствий и т. д. К тому же он может немедленно забыть о переживании этого психического феномена после его исчезновения из сознания.

6. Простые психические явления — то, что невозможно разложить на более элементарные явления, например ощущения и мгновенные образы. Сложные психические явления — это самостоятельная разновидность психических феноменов. Они состоят из простых, но при этом представляют собой нечто большее, чем просто сумма простых явлений.

Идеи, предшествовавшие появлению теории психических конструкций

2.2.1. Общие соображения

В этой главе мы хотели бы рассмотреть феноменологию таких широко обсуждаемых в психологии и смежных науках понятий, как *схемы, сценарии, когнитивные карты, фреймы, личные конструкты, идеальные когнитивные модели* и т. д. Они обозначают по большей части либо то, что названо психическими конструкциями (см.: С. Э. Поляков, 2004; 2011), либо нечто имеющее к последним непосредственное отношение.

Количество работ, в которых рассматриваются или хотя бы упоминаются **сложные ментальные структуры**, прогрессивно увеличивается в последние десятилетия (см., например: В. М. Розин, 2011, и Ф. М. Морозов, 2005). Но эти структуры **рассматриваются в литературе главным образом лишь как «полезные абстракции», имеющие отношение к памяти, знаниям и т. д., без обсуждения того, что они представляют собой феноменологически и какова их роль в психической жизни человека.** Исследователи за редким исключением не склонны относить их к самостоятельным психическим сущностям или тем более к особому классу психических явлений. Нам же представляется очевидным и более чем реальным наличие в человеческой психике самостоятельной группы сложных психических феноменов.

Проблема психических конструкций трудна для исследования, так как требует новых подходов, например объединения таких, казалось бы, несовместимых феноменологически при традиционном подходе психических явлений, как чувственные образы и отвлеченные понятия. Не менее трудно

обобщить и классифицировать сами уникальные и невероятно многообразные психические конструкции. Тем не менее большинство исследователей хорошо понимают, что ментальный опыт человека структурирован и структуры эти играют в его жизни роль, значение которой трудно переоценить.

Начнем обсуждение этой непростой для исследования области с рассмотрения «схем», которые были первыми описаны исследователями. Однако прежде надо отметить, что в психологической литературе не существует общепринятого понимания многих обсуждаемых в этом разделе понятий, в том числе понятия *схема*.

2.2.2. Схемы Ф. Бартлетта (1938)

По словам Р. Хока (2003, с. 147–148), понятие *схема* является одной из теоретических основ, на которых держится когнитивная психология. Он определяет схему как единый блок знаний, возникающий у нас на основе прошлого опыта, обеспечивающий точку отсчета для оценки предстоящего опыта и влияющий на наше восприятие событий и людей и реакцию на них. По его мнению, схемы являются способами организации информации о мире.

А. Ребер дает совершенно иное определение: «Схема. 1. План, проект, структура, рамки, программа и т. д. Во всех и в любом из этих значений содержится предположение, что схемы представляют собой когнитивные, умственные планы, которые являются абстрактными и служат руководством к действию, как структура для интерпретации информации, как алгоритмы для решения проблем и т. д. Таким образом, можно встретить упоминания лингвистической схемы понимания предложения, культурной схемы интерпретации мифа, хватательной схемы для ребенка... схемы средств достижения цели... 3. В более широком смысле — модель или структурированный проект...» (2000а, с. 335–336).

А. Ф. Лосев¹ сообщает, что упоминание о *schema* содержится еще в трудах Платона, а платоновская *schema* является «количественно-смысловой конструкцией».

Нам, однако, кажется, что по-настоящему структурированный и оформленный вариант концепта, обозначаемого понятием *схема*, ввел И. Кант (1994, с. 123–128). Он располагает схемы между категориями и чувственными репрезентациями, то есть, по сути дела, рассматривает схемы как особые переходные между ними психические явления, как третью форму психических феноменов. И. Кант пишет: «Ясно, что должно существовать нечто третье,

¹ Лосев А. Ф. Параграф 9: Предметно-смысловые модификации // Лосев А. Ф. История античной эстетики. — М., 1969. Т. 2 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/lose002/txt22.htm>.

однородное, с одной стороны, с категориями, а с другой — с явлениями (образами и ощущениями. — *Авт.*) и делающее возможным применение категорий к явлениям. Это посредствующее представление должно быть чистым (не заключающим в себе ничего эмпирического) и тем не менее, с одной стороны, интеллектуальным, а с другой — чувственным. Именно такова трансцендентальная схема» (с. 123).

Поражает гениальная прозорливость автора, заметившего два с половиной века назад психические явления, до сих пор плохо понимаемые, а тем более определяемые психологией. Получается, что И. Кант (там же) фактически выделяет новый вид психических феноменов наряду с вербальными и чувственными психическими явлениями. Его «схемы» — «не-что третье» — «однородное, с одной стороны, с категориями, с другой — с явлениями», то есть с чувственными репрезентациями, и «делающее возможным применение категорий к явлениям» (там же).

Согласно И. Канту, «схема сама по себе есть всегда лишь продукт воображения... схему все же следует отличать от образа. ...В основе наших чистых чувственных понятий лежат не образы предметов, а схемы. Понятию о треугольнике вообще не соответствовал бы никакой образ треугольника. В самом деле, образ всегда ограничивался бы только частью объема этого понятия и никогда не достиг бы общности понятия, благодаря которой понятие приложимо ко всем треугольникам — прямоугольным, остроугольным и т. п. Схема треугольника не может существовать нигде, кроме мысли, и означает правило синтеза воображения в отношении чистых фигур в пространстве...» (с. 124–125).

Рассматриваемая И. Кантом (с. 124) «схема треугольника» чрезвычайно напоминает то, что мы называем собирательной моделью-репрезентацией треугольника вообще. Это особая чувственная психическая конструкция, репрезентирующая любой возможный треугольник, так как она включает в себя множество визуальных образов представления и воспоминания самых разных треугольников, с которыми человек сталкивался в течение своей жизни. Таким образом, И. Кант намечает подходы к сложным психическим феноменам, которые именно он назвал «схемами».

В 1932 г. английский психолог Ф. Бартлетт (F. Ch. Bartlett, 1932) изучает воспроизведение испытуемыми прочитанных им незнакомых сказок западного происхождения. Испытуемые запоминали сказки неточно, пропускали бессмысленные для западного ума детали, изменяли события и непреднамеренно заполняли забытые фрагменты, чтобы сохранить причинно-следственную связь повествования. Ф. Бартлетт приходит к выводу, что процесс вспоминания является не воспроизведением фрагментарных следов услышанного, а основанной на воображении реконструкцией или конструированием, базирующимся на организованной массе человеческого опыта. Он называет эту организованную массу схемами.

В своем обзоре, посвященном эволюции понятия *схема*, У. Ф. Бревер¹ рассматривает в качестве наиболее важного открытия Ф. Бартлетта то, что информация, воспроизводимая слушателями текстов, во многом отличается от исходной информации. Воспроизведенный текст, как правило, короче текста услышанного, но сохраняет его глубинную структуру. Обычно форма, план, тип или схема рассказа являются для испытуемых самым важным и стойко сохраняются в их воспоминаниях. Встречающиеся в незнакомом тексте элементы чужой культуры, непривычные и странные для слушателей, а тем самым находящие весьма слабую почву в их культуре, забываются или объясняются слушателями по-своему, исходя из элементов, привычных для их культуры.

У. Ф. Бревер (там же) обращает внимание на следующие установленные Ф. Бартлеттом факты.

- Исходный материал преобразуется в воспоминаниях в направлении приведения относительно неизвестного к относительно известному (например, в виде замены незнакомого «арахиса» знакомым «желудем»).
- Неопределенные или плохо понятные места текста в воспоминаниях замещаются восполняющими пробелы вымышленными предположениями.
- Изменения воспоминаний указывают на влияние старой, уже известной информации на новую, так как испытуемые достраивали и перестраивали текст в соответствии со своими знаниями об окружающей реальности.

У. Ф. Бревер (там же) отмечает, что явных указаний на то, что такое схема, в работах Ф. Бартлетта нет, но приводит его цитату: «...происхождение некоего специфического события оставляет след или какую-то группу следов, сохраняющихся либо в организме, либо в сознании». По словам У. Ф. Бревера (там же), Ф. Бартлетт в своей автобиографии утверждал, что сам он не был готов описать схему как нечто интроспективно найденное, но она обладала свойствами, теоретически подобными другим вещам, например образами, наборами сенсорных реакций (сенсорными паттернами), идеями и т. п., что обнаруживалось им именно интроспективно. У. Ф. Бревер делает вывод, что Бартлетт отождествлял схему с образами, и пишет: «Он утверждал, что прошлое действует больше как некая организованная масса, нежели группа элементов, в который каждый элемент хранит свой собственный признак» (там же).

¹ Бревер У. Ф. Бартлеттовская концепция схемы и ее воздействие на теорию познания. Представление знания в современной когнитивной психологии / Пер. А. Шухова [Электронный ресурс]: Концепция двух продолжений: портал. — Режим доступа: <http://nounivers.narod.ru/gmf/shema.htm>.

У. Ф. Бревер (там же) пишет, что работа Ф. Бартлетта была встречена восторженно в Англии, где бихевиоризм был еще слаб, и весьма прохладно в США, где он уже доминировал, а затем вовсе забыта на полвека. Автор объясняет это победой к тому времени бихевиоризма в США, а также тем, что бартлеттовские экспериментальные исследования памяти опережали свое время.

Для нас очевидно, что бартлеттовские схемы — это, конечно, не образы представления или воспоминания, а гораздо более сложные психические феномены. В первую очередь, это модели-репрезентации известных человеку сущностей окружающего его мира, но и не только они. Схемы Бартлетта включают в себя более сложные, чем модели-репрезентации, психические сущности — организованные пакеты знаний, которые хранятся в памяти и участвуют в процессах восприятия и воспоминания, например, в реконструкции воспринятых человеком текстов. Таким образом, **концепт, обозначаемый бартлеттовским понятием *схема*, включает в себя более широкий круг сущностей, чем те, которые можно обозначить не только понятием *модель-репрезентация*, но даже понятием *сложный психический феномен*.**

Принято считать, что понятие *схема* введено в психологию Ф. Бартлеттом в 1920-х гг.¹, однако следует заметить, что русский психолог М. Я. Басов (1892–1931) тоже пользовался им². Трудно теперь сказать, был ли он знаком с работами Ф. Бартлетта. Басовская «схема» очень напоминает модели-репрезентации знакомых нам предметов, имеющих в нашей памяти и участвующих в нашем восприятии.

¹ Бревер У. Ф. Указ. соч.

² М. Я. Басов рассматривает схему как перцептивную готовность, обеспечиваемую человеческой памятью и возникающую при восприятии им знакомых вещей: «Когда вся схема имеется в представлении наблюдателя, его восприимчивость как будто обостряется, все стороны наблюдаемых явлений этой схемой как будто подчеркиваются и не заметить их становится труднее. Теперь что же, в сущности, представляет собой та схема, о которой возник вопрос? Не что иное, как подготовку нашей апперцепции к восприятию ожидаемого. Это мобилизация всех тех элементов нашего опыта, с которыми должен слиться вновь воспринимаемый материал и в слиянии с которыми он только и обретает свой истинный смысл. Ведь схема не насилует материал наблюдений, она не вгоняет его в свои рамки, не спрашивая о том, хочет ли он идти в них и свободно ли он в них укладывается. Напротив, материал сам укладывается или не укладывается в схему. Да и как создается самая схема, которая затем как будто руководит наблюдением. Что раньше — наблюдения или схема их? Конечно, первые. Схема рождается из первичных наблюдений в момент нашей обработки их. Мы начинаем впервые наблюдать без всякой схемы и в этом смысле совершенно непосредственно. Затем мы изучаем наши первые наблюдения, и тогда возникает первый зародыш этой схемы. Он уже определяет собой наши дальнейшие наблюдения, а обработка этих последних дает питательный материал для роста самого зародыша. Так постепенно растет он, пока наконец не превратится в законченную схему. Да и кто решится сказать, что она теперь закончена?» (2009, с. 623–624).

К. Лоренс (цит. по: А. О. Гелен, 1998, с. 167) в 1937 г. описывает под названием «схема» то, что заставляет молодого серого гуся, независимо от опыта и примера родителей, реагировать на очертания орлана-белохвоста бегством. По сути дела, это нечто вроде врожденных рефлекторных реакций живого существа, возникающих в ответ на появление в его сознании специфического образа восприятия. В данном случае — очертаний хищника.

У. Найссер (1981, с. 72–73 и 2005, с. 616) считает, что среди тех, кто пользуется термином «схема», особенно заслуживают упоминания Ж. Пиаже (J. Piaget, 1952), Р. Вудворс (R. S. Woodworth, 1938), Ж. Кэган (J. Kagan, 1971) и М. Познер (M. I. Posner, 1973), а новый важный вклад в понимание этого термина внесли Д. Рамельхарт (D. Rumelhart, 1975), Д. Норман (D. Norman, 1982) и их сотрудники из Калифорнийского университета в Сан-Диего. У. Ф. Бревер¹ полагает, что основы современной теории схемы заложили работы Д. Рамельхарта и А. Ортоны (D. E. Rumelhart, A. Ortony, 1977), а также Р. Шенка и Р. Абельсона (R. C. Schank, R. P. Abelson, 1977).

Рассмотрим подробнее представления перечисленных исследователей о схемах. В 1950-е гг. в работах Ж. Пиаже (2004) понятие *схема* получает расширительное и во многом иное, чем у Ф. Бартлетта, толкование². В разных своих работах Ж. Пиаже вкладывает в понятие *схема* разный смысл. Ф. М. Морозов (2005, с. 73) отмечает, например, что понятие *схема* у Пиаже включает в себя два компонента. То, что описывается терминами «схем» (scheme) («операторная схема», «операциональная схема», «сенсомоторная схема», «схема перцепции»), касается деятельности, направленной на трансформирование реальности. То, что описывается терминами «схема» (schema) («фигуративная схема»), касается результатов деятельности, направленной на то, чтобы представить реальность в том виде, как она есть.

Использовал термин «схема» и Ж.-П. Сартр (2001, с. 90), по мнению которого она занимает промежуточное место между образом и знаком.

Д. Рамельхарт и Д. Норман (2005, с. 143) считают, что схемы — это единицы организованной информации, деятельные, взаимосвязанные структуры знания, активно участвующие в понимании входной информации и управляющие выполнением операции обработки. Схема состоит из

¹ Бревер У. Ф. Указ. соч.

² Ж. Пиаже использует понятие «схема» в самых разных значениях: «образные схемы» (1999, с. 105); «схемы аналогии» (там же); «непосредственная схема» (с. 294); «образные и символические схемы» (с. 350); «схема правильных включений» (с. 284); «синкретические схемы» (с. 116); «схемы целого» (с. 113–117); «схематизм внимания» (с. 361); «схематизм понятия» (с. 288); «схематизм соположения» (с. 286); «схема сериации» (2002, с. 347); «схема антиципации» (с. 365); «перцептивная схема» (П. Фресс и Ж. Пиаже (Экспериментальная психология, 1978, с. 40)) и т. д.

сети взаимосвязей между образующими ее частями, которые сами по себе являются другими схемами.

В одной из своих работ Д. Норман, который внес важный вклад в конкретизацию понятия *схема*, пишет: «...пакет информации ...определение (понятия *птица*. — Авт.), образует организованный комплекс знаний — схему. ...Схемы ...это комплексы знаний, относящиеся к некоторой ограниченной области. У нас могут быть, например, схемы, касающиеся книг, клавиатуры пишущей машинки или игры в бейсбол. Схемы образуют отдельные пакеты знания, которые состоят из тесно взаимосвязанных структур знания (возможно, что содержание их частично представлено небольшой семантической сетью)» (1985, с. 70).

По мнению Д. Нормана (с. 70), схемы могут содержать как знание, так и правила его использования, могут состоять из ссылок на другие схемы; скажем, схема орудий письма отправляет к схеме пишущей машинки, которая, в свою очередь, отправляет к схемам ее составных частей, например к схемам клавиатуры. Схемы могут быть специальные, например схема моей пишущей машинки, и общие — схема типичной пишущей машинки. Д. Норман (с. 72) определяет схемы как организованные пакеты знания, собранные для репрезентации отдельных самостоятельных единиц знания.

Легко просматривается сходство между схемами Д. Нормана и концептами. Кстати, сам автор даже пишет, что «схема может быть теоретической моделью “прототипного” знания понятий... ..Схемы должны быть организованы вокруг некоторого идеала или прототипа, и должны содержать значительную информацию о соответствующих понятиях, в том числе о типичных особенностях обозначаемых ими объектов. ...Так, например, схема “животное” может сообщать, что у такого организма есть одна голова; схема “млекопитающее” — что у него четыре конечности, а схема “человек” — что у него две руки и две ноги. Схема “птица” может констатировать, что это животное летает, а схема “почтовый ящик США” — что он синий. Эти сведения о типичных чертах выполняют несколько функций. Во-первых, людям эта информация знакома, и, если спросить их, они сообщат ее. Во-вторых (что более важно), если нет прямых указаний на обратное, то типичные схемы, скорее всего, действительны. Например, если я говорю о собаке, вы будете считать, что у нее есть голова, четыре ноги и хвост. ...В разговоре мы вполне полагаемся на наше общее знание, и нет нужды рассказывать все об обсуждаемом предмете» (с. 77–78).

Из данной цитаты следует, что если и нельзя прямо отождествить схему Д. Нормана с вербальным концептом, то она по крайней мере представляет собой нечто вроде «конспекта» концепта, репрезентирующего объект.

Причем в этом «конспекте» представлены основные атрибуты объекта, его возможных воздействий на человека и возможных действий человека с ним.

Определения схем, предлагаемые многими другими авторами, соответствуют нормановскому их пониманию. Так, Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др. пишут, например: «У нас есть также схемы определенных людей, таких как президент США или наши родители. У нас есть даже схема самих себя — набор организованных понятий о Я, хранящихся в памяти... Исследования подтверждают, что схемы помогают нам обрабатывать информацию» (375, с. 699).

Другие объяснения понятия *схема* у тех же авторов больше похожи на модели-репрезентации и вербальные концепты: «...наши воспоминания об объектах и событиях — это не просто фотографические репродукции первоначальных стимулов, но упрощенные реконструкции первоначальных перцептов. ...Такие репрезентации, или структуры памяти, называются схемами, то есть это организованные убеждения или знания о людях, объектах, событиях и ситуациях» (там же).

И все же разные исследователи вкладывают в понятие *схема*, как мы уже отмечали выше, разный смысл. При этом очевидно, что данное понятие употребляется в литературе в гораздо более широком значении, чем понятие *концепт*. Так, У. Найссер, например, понимает схемы совершенно иначе, чем Д. Норман. Он полагает, что схема — это «главная когнитивная структура восприятия» (1981, с. 72). «...Воспринимающий располагает некими когнитивными структурами, называемыми схемами, функция которых состоит в сборе содержащейся в среде информации» (с. 20).

Согласно У. Найссеру, «с биологической точки зрения схема — часть нервной системы. Это некоторое активное множество физиологических структур и процессов; не отдельные центры в мозгу, а целая система, включающая рецепторы, афференты, центральные прогнозирующие элементы и эфференты» (с. 75).

Такое понимание схемы, объясняемое необихевиористскими¹ установками этого авторитетного исследователя, вообще выводит нас за пределы психологии.

У. Найссер предлагает и другое понимание схемы: «...важнейшими для зрения когнитивными структурами являются предвосхищающие схемы, подготавливающие индивида к принятию информации строго определенного, а не любого вида...» (с. 42). «В каждый момент воспринимающим конструируются предвосхищения некоторой информации, делающие воз-

¹ Интересно, что сам У. Найссер критикует бихевиоризм и не считает себя бихевиористом. Он, например, пишет о Дж. Гибсоне: «Гибсон, подобно радикальным бихевиористам, надеется объяснить активность исключительно в терминах структуры среды, все гипотетические объяснительные конструкты (включая "схему"!)" представляются ему опасно менталистскими» (1981, с. 72).

возможным для него принятие ее, когда она оказывается доступной. ...Исследовательская активность направляется все теми же превосходящими схемами, представляющими собой своего рода планы для перспективных действий, так же как и готовность к выделению оптических структур некоторых видов» (там же). «Схемы, обеспечивающие прием информации и направляющие дальнейший ее поиск, не являются зрительными, слуховыми или тактильными — они носят обобщенный перцептивный характер» (с. 51).

Согласно У. Найссеру (2005, с. 609), схема «не является перцептом и не порождает перцепты где-либо в голове воспринимающего». «Схема — лишь одна из фаз непрекращающейся активности, связывающая воспринимающего с окружающей средой» (там же). «Если рассматривать схему как систему приема информации, то ее можно в каком-то смысле уподобить тому, что на языке программирования вычислительных машин называют форматом. Форматы определяют, к какому виду должна быть приведена информация, чтобы можно было дать ей непротиворечивую интерпретацию. ...Перцептивные схемы — это планы сбора информации об объектах и событиях, получения новой информации для заполнения формата... Схема — не только план, но также и исполнитель плана. Это структура действия, равно как и структура для действия» (1981, с. 75). «Ориентировочные схемы — это не просто совокупности схем отдельных объектов. Они включают информацию о пространственных отношениях между объектами, об их положении в среде» (с. 129).

Это второе значение понятия *схема*, используемое У. Найссером, во многом совпадает со значением понятия *модель-репрезентация*. И все же, по У. Найссеру, схема — это «формат», «план сбора информации», «исполнитель плана», то есть некие процессы, участвующие в восприятии окружающего мира, которые относятся скорее к физиологии, чем к психологии и уж точно не являются психическими феноменами. Тогда как модель-репрезентация — это сложное психическое явление, специфическое ментальное содержание. Функции модели-репрезентации — не столько сбор «содержащейся в среде информации», сколько именно репрезентация сущностей, окружающих человека, или тех сущностей, которые, как полагает человек, окружают его.

Причем модель-репрезентация — это лишь специфическая совокупность сенсорных психических феноменов и ничего более. Это не «готовность», «настройка», «установка», «нервный аппарат», «протекающие в мозге процессы» и т. д. Хотя само наличие модели-репрезентации в сознании человека и обеспечивает уже эту готовность, настройку, установку и т. д. Поэтому и схема, если в этом узком значении отождествлять ее с моделью-репрезентацией, — это не «часть перцептивного цикла», не «часть нервной системы», не «совокупность» физиологических структур

и процессов, не «образование мозга», не «формат приема информации» и т. д.

Сама позиция У. Найссера в отношении схемы противоречива¹. С одной стороны, его схема — это вообще нечто совершенно противоположное психическим явлениям. С другой стороны, между тем, что он называет схемой и моделью-репрезентацией, можно провести параллели.

Очевидно, что концепт, обозначаемый словом «схема», у У. Найссера — это не «единицы организованной информации», как, например, у Д. Раммельхарта и Д. Нормана (2005, с. 143). В описаниях У. Найссера (1981, с. 75–76) этот концепт вообще выходит за пределы психических репрезентаций, включая в себя и «часть нервной системы», и «систему приема информации», и «планы сбора», и «одну из фаз непрекращающейся активности, связывающей воспринимающего с окружающей средой» и т. д. В итоге его схема совершенно расплывается и превращается в нечто аморфное и неопределимое.

Понимание схем как психических конструкций, очень похожих на концепты, можно обнаружить в работах Джорджа Мандлера (1985) и Джин Мандлер (J. M. Mandler, 1983; 1984). В 1985 г. Дж. Мандлер пишет: «Схемы — это класс умственных структур, которые накапливают и организуют прошлый опыт, а также руководят нашим последующим восприятием и опытом. Такое понимание схемы включает в себя открытие Пиаже того, что схема структурирует наш опыт и сама структурируется им. Схема, созданная в результате предшествующих переживаний события определенного вида, не является точной копией этого события; схемы — это абстрактные представления закономерностей окружающей среды. Схемы варьируются от самых конкретных до самых абстрактных; они организуют как перцептивные элементы данного события, так и его “значение”, или суть. Постулируется существование схем определенных объектов, например какого-то стула или конкретной лекции, а также схем мебели и типичного поведения на лекции. Мы постигаем события в терминах схем, которые они активируют...» (1985, с. 37).

Предложенное Дж. Мандлером (1985, с. 37) определение схемы, в котором он отождествляет их с особым классом умственных структур, мы считаем самым удачным из существующих. По его мнению, схемы строятся в процессе взаимодействия человека с окружающей средой и на возрастающих уровнях ее обобщения. Они представляют собой организованный опыт людей, обобщаемый ими в широком диапазоне — от отдельных признаков объектов до категорий.

¹ Автор употребляет понятие *схема* во множестве значений (У. Найссер, 2005, с. 616–618).

Дж. Мандлер (1985) отмечает, что «предшествующая активация схем, детерминированная местом, где мы находимся, и тем, что мы делаем и ожидаем, будут фокусировать восприятие и понимание на специфической гипотезе о наиболее вероятных явлениях среды и поддерживать построение вероятных объектов и событий при отсутствии доступных внешних данных» (с. 38).

Следовательно, появление в сознании определенной схемы ведет к возникновению соответствующей установки, которая начинает влиять на восприятие и поведение человека. Очень важно следующее указание Дж. Мандлера: «В определенном смысле схема является ограниченной, отдельной и единой репрезентацией. Активация частей схемы подразумевает ее активацию как целого, отдельно от других структур и других схем. В процессе активации частичная активация (некоторых) признаков схемы приводит к “заполнению” других ее признаков» (1985, с. 37–38).

Таким образом, схемы, в понимании Дж. Мандлера, представляют собой фактически устойчивые, достаточно четко организованные психические образования или самостоятельные психические явления — то, что мы определяем как психические конструкции. Автор (там же) полагает, что при появлении в сознании одних частей схемы другие части этой психической конструкции актуализируются по закону психических ассоциаций. О том же пишет применительно к психическим конструкциям С. Э. Поляков (2004; 2011). Это позволяет проводить параллели между схемами в понимании Дж. Мандлера, с одной стороны, и психическими конструкциями и концептами — с другой.

Дж. Р. Андерсон (2002, с. 157) считает, что «схема представляет собой категориальное знание», причем «схемы — это не просто расширение понятия пропозициональных репрезентаций. Скорее, это способы кодирования закономерностей в категориях независимо от того, перцептивная это закономерность или пропозициональная. Они абстрактны в том смысле, что кодируют истинное вообще, а не истинное в данном случае» (с. 157–158).

Автор (с. 158) полагает, что в отличие от сетевых иерархий схемы имеют другой тип иерархий — иерархию частей. Схемы — это репрезентации понятий в терминах супермножеств, частей и других пар «атрибут — значение».

Если перевести изложенное на привычный нам язык, то можно сказать, что Дж. Р. Андерсон понимает схемы как максимально обобщенное и особым образом структурированное вербальное описание разного рода сущностей. Например, схема дома включает в себя следующие элементы: 1) здание; 2) материал (дерево, кирпич, камень); 3) функции (человеческое жилище); 4) форму (прямоугольная или квадратная) и т. д. А схема аэропорта включает в себя: 1) взлетно-посадочную полосу или полосы;

2) находящиеся на них или рядом с ними самолеты; 3) наземные постройки, предназначенные для размещения служб управления воздушным движением; 4) специальное оборудование, необходимое для воздушной навигации; 5) огороженную территорию, на которой все это расположено, и т. д.

Сходный подход демонстрируют Ш. Тейлор, Л. Пипло и Д. Сирс: «Схема представляет собой организованный и структурированный набор знаний о каком-либо понятии или стимуле. Она включает в себя информацию о понятии или стимуле, связи между различными фактами, имеющими к нему отношение, и специфические примеры... ..Схемы позволяют нам лучше запоминать новые данные, организовывать детали и очень быстро обрабатывать информацию, соответствующую схеме» (2004, с. 74–75).

Авторы выделяют следующие функции и особенности схем: помогают обработке и интерпретации информации; помогают вспоминать и формировать суждение автоматически; ускоряют процесс обработки информации и добавляют ее; определяют ожидания; содержат аффективный компонент; являются руководством к взаимодействию с другими людьми, так как позволяют идентифицировать действия. В то же время схемы ответственны и за недостатки в обработке информации. С ними связана, например, тенденциозность наших оценок.

Авторы полагают, что схемы обладают иерархической структурой, при этом схемы, присущие разным культурам, различаются: «Например, в то время как в большинстве культур существуют два или три слова для обозначения понятия “снег”, представители племени инуктитут (коренной народ Канады) используют слова, обозначающие по меньшей мере 33 различных вида снега, в число которых входят сильный снег, спрессованный снег, смерзшийся снег, сугроб и очень красивый снегопад (Snow Country, 1991)» (с. 81).

Такой подход авторов вновь позволяет провести параллель между схемами и концептами, обладающими культурологической спецификой, что еще раз подтверждает сходство схем и концептов.

Кстати, У. Ф. Бревер¹ тоже делает интересное заключение о том, что схематизм является формой умственного представительства для любых комплексных форм знания. Он вспоминает утверждение Д. Рамельхарта (1980) о том, что схема — это «структура данных для представления сохраняемых в памяти родовых концепций» (с. 34) и что схематизм представляет «наше знание обо всех концепциях, подчеркивающих объекты, ситуации, события, последовательности событий, действия и последовательности действий» (с. 34).

¹ Бревер У. Ф. Указ. соч.

Сам У. Ф. Бревер и Г. В. Накамура (1984) полагают, что «схемы представляют собой умственные структуры и процессы, подчеркивающие молярные аспекты человеческого знания и навыка, которые содержат абстрактное родовое знание, организуемое в форму новых качественных структур» (цит. по: У. Ф. Бревер).

В 70–80-х гг. XX в. в рамках теории схем стали рассматривать их особую самостоятельную разновидность — схемы действий, называемые сценариями (скриптами), кадрами (сценами) и каркасами. Р. Шенк и Р. Абельсон (R. C. Schank, R. P. Abelson, 1977) первыми описали сценарии (скрипты) в качестве схем событий. Они понимают сценарий как типовую последовательность действий, связываемых с часто встречающимися ситуациями. Авторы обращают внимание на то, что многие ситуации приводят к возникновению у людей стереотипных последовательностей действий. Например, посещение ресторана может быть, по их мнению, представлено в психике человека в виде нескольких вариантов стереотипных вербальных схем¹. Одна из них: клиент входит в ресторан; клиент ищет стол; клиент решает, где сесть; клиент идет к столу и т. д.

Д. Норман определяет сценарий как ритуализованные действия (1985, с. 73–79); как общую инструкцию о порядке действий и взаимоотношениях между участниками события; как структуры человеческой памяти, содержащие единицы знания, позволяющие толковать и предсказывать текущие события, а также хранить в памяти и вспоминать события прошлого; как модель прототипного знания последовательностей событий. По его словам, получается, что мы обладаем собранием сценариев для многих ситуаций и в подходящих случаях просто извлекаем один из них и следуем ему. Д. Норман полагает, что некоторые цепочки действий сравнительно стереотипны, как будто записаны в сценарии, направляющем наше поведение. Такие сценарии позволяют наблюдателю события предсказать, что произойдет дальше. Кроме того, при повторении привычного события сценарии указывают, как поступать.

Автор (с. 75) акцентирует внимание на том, что очень большая доля нашего поведения ориентирована на такие простые сценарии. Например: посещение кино, библиотеки, портного, врача, урок в школе, деловой завтрак и пр. Будучи жесткими и упрощенными, такие сценарии, по его мнению, эффективны как примерное руководство для многого в деятельности человека и являются полезными орудиями для исследователей в области искусственного интеллекта и программ, «разумно» взаимодействующих с пользователем. Каждый сценарий имеет исполнителей ролей, а также варианты, отражающие точки зрения разных исполнителей. Количество сценариев, отражающих возможные ситуации реальной жизни, огромно.

¹ Терминология наша.

Д. Норманн (с. 79) полагает, что стереотипизация ценна, так как позволяет делать выводы на основе частичного знания. Но стереотипы людей могут их подводить, так как из-за них мы можем совершать ошибки. И что еще хуже, стереотипы определяют наше поведение, не давая нам возможности задуматься об особенностях конкретной ситуации.

Действительно, все **человеческое поведение удивительным образом стереотипизировано и строго определенные поведенческие ответы запускаются самим фактом появления в сознании репрезентаций типовых ситуаций**. Нам достаточно осознать, что мы, например, в такси, в лодке, за столом, в банке или в больнице, чтобы запустился соответствующий алгоритм типового поведения.

Таким образом, сценарий — это не просто цепь событий, а скорее описание цепочки наших привычных последовательных действий, связанных между собой и запускаемых появлением в нашем сознании образов восприятия типовых ситуаций. Действий, которые мы полуавтоматически начинаем совершать при попадании в такие привычные ситуации: в ресторане, на уроке, в самолете, на приеме у врача, в метро, в банке, за столом, в игре, на похоронах, в церкви и т. д.

Сценарий может «разветвляться» на ограниченное число возможных вариантов — путей реализации, которые сходятся в характерных для него точках — важнейших действиях. Для сценария «посещение ресторана» такими действиями являются, например, прием пищи и уплата денег. В каждой культуре существуют особые понятия, которые обозначают концепты, репрезентирующие этноспецифические сценарии — совокупности типовых действий, характерных именно для данной культуры (*крещение, венчание, бар-мицва, соборование, обрезание* и т. д.).

Нельзя не отметить, что большинство исследователей, особенно придерживающихся когнитивистских (читай: необихевиористских) позиций, все же не склонны рассматривать схемы и сценарии (скрипты) как психические репрезентации и психические конструкции. Р. Солсо, например, полагает, что это «элементы семантической сети, естественным образом структурируемые человеком в процессе его жизнедеятельности в некие целостные образования» или «организованные единицы стереотипной информации» (1996, с. 237).

При этом автор упускает из виду, что информация — это не что иное, как уникальное психическое содержание конкретного сознания, то есть определенные психические феномены, репрезентирующие что-то в реальности.

Некоторые исследователи (см.: М. Айзенк, П. Брайант, Х. Куликэн и др., 2002, с. 199–200) считают, что сущности, обозначаемые понятиями *схема, сценарий, кадр*, весьма расплывчаты, а кроме того, нет прямых до-

казательств реального их существования. В качестве обоснования своей позиции авторы ссылаются на результаты исследования G. H. Bower, J. V. Black & T. J. Turner (1979).

Однако, по нашему мнению, именно эти авторы подтвердили реальность существования психических явлений, включенных в группу, обозначаемую понятием *схема*. Данные исследователи просили 32 студентов назвать 20 наиболее важных, на их взгляд, действий в каком-либо событии, например посещении ресторана. Несмотря на то что ни одно из действий не было внесено в список всеми испытуемыми как обязательная часть события, 73% испытуемых указали такие действия, как сесть, изучить меню, сделать заказ, поесть, оплатить счет, уйти. Мы полагаем, что, если попросить любую группу испытуемых вербально описать, например, известное всем им понятие, степень совпадения результатов не будет выше. Следовательно, такое высокое совпадение результатов — 73% — как раз и свидетельствует о наличии сходных психических конструкций у испытуемых.

Анализ существующих в психологической литературе определений понятия *схема* с очевидностью демонстрирует, что разные исследователи обозначают этим термином создаваемые ими в чем-то сходные, но порой сильно различающиеся сущности. Структура сущностей зависит от взглядов исследователей. Одни авторы относят схемы к психическим феноменам. Другие включают в обсуждаемые ими «схемы» физиологические феномены и даже морфологические структуры мозга. Третьи рассматривают схемы как «знания», которые тоже далеко не все готовы отождествлять с психическими феноменами. Тем не менее **большинство исследователей согласны с тем, что в реальности есть нечто требующее конституирования в форме некой сущности. Но в процессе конституирования многие из них создают собственные уникальные сущности.**

Подводя итог рассмотрению понятия *схема*, следует сказать, что оно **обозначает существующий сегодня в психологии плохо очерченный, чрезмерно широкий, даже расплывающийся концепт, который включает в себя несколько разных сущностей.** Тем не менее оно репрезентирует в том числе целый ряд сложных психических феноменов: от моделей-репрезентаций конкретных объектов до вербальных концептов. Необходимо признать, что **единой сущности, обозначаемой сегодня понятием *схема*, нет. Но в человеческой психике присутствуют психические конструкции, которые легко объясняют все факты, связываемые исследователями со схемами.** В то же время схемы не следует отождествлять с психическими конструкциями в силу аморфности понятия *схема*.

2.2.3. Фреймы М. Минского (1975)

У. Найссер (2005, с. 619) полагает, что понятие *схема* имеет по крайней мере «фамильное сходство» с двумя другими важными понятиями. Первое предложено М. Минским и относится к области искусственного интеллекта и робототехники, другое использовано социологом Э. Гоффманом. Оба исследователя применяли одно и то же слово — «рамка» (*frame*¹). По мнению У. Найссера (с. 619–620), М. Минский пришел к выводу, что на основе одних только полученных в данный момент входных сигналов адекватное распознавание и описание реальных сцен никогда не будет возможным. Поэтому для каждой новой ситуации у ЭВМ должна быть готова рамка или иерархия рамок, предвосхищающих основные моменты того, что должно появиться. Если предполагается рассмотрение комнаты, то следует ожидать, что у нее будут стены, двери, окна, мебель и т. д.

Некоторые исследователи отождествляют схемы и фреймы. Так, М. Хант (2009, с. 697–698) сообщает о том, что «схемы, известные также как фреймы или сценарии», рассматриваются теперь как «пакеты интегрированной информации на разные темы, сохраняемые в памяти, на которые мы ориентируемся при интерпретации неясных или неполных данных, из которых состоит большинство разговоров и даже сжатых письменных текстов». А. В. Петровский (2005, с. 222) тоже пишет, что фрейм — структурно оформленная единица какого-то конкретного знания, картинки, сценария, схемы и т. п., с помощью которой может быть идентифицирована воспринимаемая ситуация.

М. Минский, не будучи психологом и не имея поэтому бихевиористских установок, высказывается, как нам кажется, достаточно определенно: «...человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), называемую нами фреймом, с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных деталей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений или процессов» (1979, с. 5). М. Минский даже допускает, что «фрейм представляет собой “идеальный” образ реального предмета или явления. В том случае, когда какой-то фрейм не может быть согласован с действительностью... он должен быть заменен другим фреймом. Особенность “идеальных” образов заключается в том, что они являются превосходными упрощениями действительности; они привлекательны своей простотой, но реальные возможности и преимущества таких структур зависят от дополнительных знаний об их взаимодействии между собой» (с. 65).

¹ Эрвинг Гоффман (англ. Erving Goffman), Ирвин Гоффман, иногда Ирвинг Гофман.

Из сказанного М. Минским как будто бы следует, что он говорит о психическом феномене. Однако автор — специалист по информатике, и продолжение чтения убеждает нас в том, что его слова следует интерпретировать с осторожностью: «Фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации. С каждым фреймом ассоциирована информация разных видов. Одна ее часть указывает, каким образом следует использовать данный фрейм, другая — что предположительно может повлечь за собой его выполнение, третья — что следует предпринять, если эти ожидания не подтвердятся. Фрейм можно представлять себе в виде сети, состоящей из узлов и связей между ними... (Субфреймы, фреймы и суперфреймы — это иерархически упорядоченные элементы, образующие системы фреймов)» (с. 5).

Из цитаты очевидно, что обсуждается не психический феномен, а некий конструкт исследователя, располагаемый им где-то на границе между психологией, лингвистикой и информатикой. Этот конструкт, по описанию М. Минского, представляет собой, с одной стороны, некоторую структуру данных, называемую им «образ» и предназначенную для представления стереотипной ситуации. С другой стороны, он является чем-то вроде сети, состоящей из узлов и связей между ними, имеет уровни, образованные понятиями, и терминальные вершины. Наконец, тот же фрейм, как пишет автор, «представляется в виде “пакета” данных в процедурах...» (с. 86).

Более того, М. Минский наделяет свой конструкт активностью: «Фрейм начинает процесс согласования с проверки любых сведений, которыми он уже располагает...» (с. 87).

Вместе с тем М. Минский проводит параллели между фреймами и моделями: «Различные фреймы системы похожи на многочисленные “модели” объектов, описанные А. Гузманом (1967) и П. Уинстоном (1970). Различные фреймы аналогичны различным видам изображений...» (с. 14–15).

М. Минский (с. 20–21) вроде бы тоже имеет в виду модели реальности, но они имеют отношение к информатике, а не к психологии. Его фреймы, с одной стороны, представляются чем-то близким к моделям-репрезентациям предметов и их частей, участвующим в нашем восприятии окружающих предметов и даже определенных областей реальности. Понимаемые в такой плоскости фреймы — это скорее чувственные, чем вербальные психические конструкции. С другой стороны, исходная позиция М. Минского чрезвычайно далека от психологии, поэтому сложно отождествлять его фреймы с чувственными репрезентациями реальности.

Исследователь (с. 41 и 53) обсуждает, например, персональные фреймы для героев рассказов — волка, лисы, медведя и т. д., а также фреймы самих рассказов, фреймы сценариев, фреймы действий и фреймы сложных совокупностей действий. Например, фрейм, «имеющий структуру

сценария» — «празднование дня рождения», «приглашение в гости», «день рождения», «день школьника» и т. д.

Таким образом, фреймы М. Минского — это скорее нечто вроде соображений специалиста по информатике, пытающегося описать психическую структуру концептов для того, чтобы потом использовать это в своих исследованиях по разработке искусственного интеллекта. Он пытается делать это, соотнося фреймы даже с вопросами: «Фрейм — это множество вопросов, которые необходимо задать относительно предполагаемой ситуации; на их основе происходит уточнение перечня тем, которые следует рассмотреть, и определяются методы, требуемые для этих целей» (с. 57).

Согласно М. Минскому (с. 73–74), каждая ситуация может быть описана в различных системах фреймов. Например, ситуация быстро разряжающегося в автомобиле аккумулятора может быть описана нами в двух различных системах фреймов. В одной из них якорь генератора является механическим ротором со шкивом, а в другой — проводником в постоянно меняющемся магнитном поле. По словам автора (с. 74), одни и те же (или аналогичные) элементы совместно используются терминалами разных систем фреймов, и эти системы могут трансформироваться одна в другую.

Эти рассуждения автора наводят на мысль о разной концептуализации реальности, то есть об использовании для ее репрезентирования разных групп понятий и концептов. Рассуждения М. Минского интересны для нас тем, что вновь возвращают нас к обсуждению возможности разной концептуализации реальности, а следовательно, лишний раз доказывают, что фреймы М. Минского имеют прямое отношение к психическим конструкциям и концептам. Это же подтверждается и иерархической организацией фреймов, о которой он (с. 89–90) пишет. Автор (с. 90) отмечает, что подобная организация системы фреймов допускает существование большого числа перекрывающихся друг друга иерархических сетей. Например, с точки зрения зоосистематики комодский дракон должен быть пресмыкающимся, однако у него имеется четыре ноги и по своим повадкам он ближе к собаке, чем к змее.

Другие исследователи иначе трактуют понятие *фрейм*. Фрейм для У. Эко (2005, с. 42), например, — это, с одной стороны, одна из форм представления знаний о мире. С другой — схема записи того, что известно о некоторой типовой ситуации, структура данных, которая служит для представления стереотипных ситуаций. Таких, например, как «находиться в комнате определенного типа» или «идти на день рождения ребенка». По его мнению, фреймы дают нам возможность совершать такие базовые когнитивные акты, как восприятие, понимание языковых сообщений и (языковые) действия.

В качестве примера он приводит фрейм «супермаркет», который включает в себя комплексы понятий, обозначающих определенные последовательности действий, в которые вовлечены определенные объекты, личности, свойства, отношения или факты. Фрейм «супермаркет» подразумевает представление о некоем месте, куда люди приходят покупать разные предметы. Фрейм — это уже потенциальный текст или концентрат повествования.

Таким образом, фрейм, в понимании У. Эко, — это не что иное, как психическая конструкция, репрезентирующая один из четко очерченных и обозначенных определенным понятием элементов реальности — ее аспект, явление или грань, то есть фактически фрейм У. Эко — это нечто очень похожее на вербальный концепт. У. Эко подчеркивает, что фрейм — это «представление знаний о мире», то, что может быть представлено вербально, в том числе в форме языковых конструкций, в виде текста например.

Действительно, любой чувственный или смешанный — чувственно-вербальный — концепт легко может быть трансформирован в чисто вербальную конструкцию, которая, в свою очередь, может быть представлена в виде языковой конструкции, или определения понятия. Определение понятия и является собственно «представлением знаний о мире».

У. Эко (2005, с. 43–44) отмечает, что фреймы, которые можно назвать общими, относятся к обычной энциклопедической компетенции читателя. Они общие для большинства носителей той культуры, к которой он принадлежит. Данное положение лишней раз подтверждает нашу мысль, что фреймы У. Эко феноменологически близки к концептам.

И. Гоффман (2003) не только внес весомый вклад в развитие теории фреймов, но и несколько видоизменил значение этого понятия. Он (2003, с. 42–43) пишет, что понятие *фрейм*, видимо, предложил Г. Бейтсон, изучавший поведение приматов. Г. Бейтсон предположил, что приматы обмениваются «метакоммуникационными сигналами», позволяющими им отличать «реальную реальность» от «реальности понарошку». Например, «это игра» или «это драка по-настоящему». И. Гоффман понимает фреймы в бейтсоновском значении: «Определения ситуации создаются, во-первых, в соответствии с принципами социальной организации событий и, во-вторых, в зависимости от субъективной вовлеченности в них. Словом “фрейм” я буду обозначать все, что описывается этими двумя элементами» (с. 71).

Из сказанного можно сделать вывод, что фреймы -для И. Гоффмана — это нечто связанное с социальной организацией событий и с субъективной вовлеченностью в них. Следовательно, это не столько психологический

феномен, сколько скорее некая социальная сущность, хотя и связанная с человеческой психикой.

И. Гоффман пишет: «Первичные системы фреймов различаются по степени организации, некоторые из них представляют собой хорошо работанную систему учреждений, постулатов и правил, другие — их большинство — не имеют, на первый взгляд, отчетливо выраженной формы и задают лишь самое общее понимание, определенный подход, перспективу. Однако независимо от степени своей структурной оформленности первичная система фреймов позволяет локализовать, воспринимать, определять практически бесконечное количество единичных событий и присваивать им наименования» (с. 81).

И. Гоффман (с. 81–82) выделяет два класса фреймов — природные и социальные. Он вводит также понятие *границы фрейма*. В качестве примера автор (с. 116–118) приводит законодательное регулирование, которое направлено не только на «непристойные» акты, но и на границы представления этих актов. Например, то, что считается оскорбляющим вкусы в кино, может не считаться таковым в романе. И. Гоффман замечает, что можно проследить вполне отчетливые изменения границы фрейма боевых состязаний, например бокса, на значительном протяжении времени. В этих изменениях явно усматриваются признаки снижения терпимого отношения к жестокости и опасности состязаний. В начале XVIII в. дрались голыми кулаками. Через несколько десятилетий ввели кожаные перчатки. В 1743 г. ввели правила Брафтона, а примерно в 1867 г. — правила Куинсбери.

Фрейм в понимании И. Гоффмана идентичен концепту понятия *бокс*, репрезентирующему некую новую сущность — разновидность боевого состязания. С одной стороны, оно само было создано людьми и претерпело существенную динамику на протяжении последних веков. С другой — оно конституировало особую область антропоморфной реальности со своими правилами, участниками, особенностями, традициями и т. д.

То, что понятие *фрейм* используется в совершенно разных областях человеческого знания: информатике, лингвистике, социологии, психологии и т. д., заставляет поверить в реальность этой конституированной исследователями сущности, которая очень похожа на концепт, но все же не совпадает с ним, что не позволяет отождествить эти сущности. Мы считаем, что понятие *фрейм*, как и понятие *схема*, объединяет группу сильно различающихся между собой сущностей, многие из которых даже не являются психическими феноменами. Тем не менее это широкое понятие включает в себя в том числе многие психические конструкции и вербальные концепты.

2.2.4. Когнитивные карты Э. Толмена (1948)

В 1948 г. Э. Толмен публикует статью «Когнитивные карты у крыс и человека», в которой обсуждает новый, созданный им психический конструкт *cognitive maps* (познавательные, или когнитивные, карты). Суть его (1948, с. 189–208) теории заключается в том, что в процессе обучения в мозгу крысы образуется нечто вроде карты окружающей обстановки. Животные формируют когнитивную карту лабиринта, то есть представление о месте расположения в нем пищи и воды. Эту особую структуру можно было бы назвать когнитивной картой окружающего мира. Она указывает пути (маршруты) движения и взаимосвязи элементов окружающей среды, а также определяет, какие ответные реакции будет осуществлять животное. Карты бывают узкими, охватывающими небольшой кусок реальности, или более широкими. Они могут быть правильными или неправильными, определяя успешность движения животного к цели.

В каком конкретно виде существуют в человеческом сознании когнитивные карты окружающего мира? Б. М. Величковский (2006, с. 57) пишет, что сторонники радикальной теории образов и защитники пропозициональных концепций дают противоположные ответы на данный вопрос. Первые полагают, что когнитивные карты подобны картам местности и содержат метрическую информацию. Вторые считают, что знание о пространственном окружении фиксировано в форме набора утверждений¹, отражающих лишь порядковые отношения ориентиров. Автор (с. 59–60) приводит экспериментальные данные, указывающие на многочисленные искажения пространственных параметров в наших когнитивных картах.

Однако тот факт, что в наших когнитивных картах окружающего мира искажаются многие пространственные отношения, нам не кажется удивительным. Поскольку эти карты представляют собой не что иное, как образы воспоминания и представления окружающего мира, а потому и не могут претендовать на географическую точность и абсолютное соответствие пространственным параметрам этого мира. В этой связи имеет смысл вспомнить феноменологические отличия образов восприятия, с одной стороны, и образов воспоминания и представления тех же элементов окружающего мира — с другой (см., например: С. Э. Поляков, 2011, с. 114–127).

То, что когнитивные карты представляют собой именно визуальные репрезентации окружающей реальности, хорошо демонстрируется

¹ В этой связи нам интересно, в форме каких «утверждений» когнитивные карты могут существовать в психике крыс?

в работе одного из классиков когнитивной психологии — У. Найссера. Необихевиористские взгляды автора поначалу не позволяют ему рассматривать когнитивные карты как психические образы без многочисленных оговорок: «О когнитивных картах часто говорится так, как если бы они были умственными изображениями среды, которые можно разглядывать на досуге внутренним взором, в то время как его обладатель удобно расположился в кресле. ...Я попробую сделать противоположное и часто буду пользоваться термином “ориентировочная схема” как синонимом “когнитивной карты”, чтобы подчеркнуть, что это активная, направленная на поиск информации структура. Вместо того чтобы определять когнитивную карту как своего рода образ, я выскажу предположение... что само пространственное воображение является всего лишь аспектом функционирования ориентировочных схем» (1981, с. 126–127).

В процессе изложения У. Найссер смягчает свою позицию: «Существует тесная связь между когнитивными картами и умственными образами...» (с. 140).

В конечном итоге У. Найссер вообще признает, что когнитивные карты — это все-таки умственные образы, хотя и понимаемые им как «примеры перцептивной готовности»: «...когнитивные карты являются наиболее широко используемым и наименее спорным видом умственных образов. ...Я полагаю, что переживание наличия образа представляет собой внутренний аспект готовности к восприятию воображаемого объекта...» (с. 144).

Данные интроспекции показывают, что когнитивные карты существуют и в виде ассоциированных между собой визуальных образов воспоминания и представления окружающих и окружавших нас в прошлом объектов реальности и даже в форме зрительных образов воспоминания и представления географических карт и иных схематичных изображений местности. Они прекрасно уживаются в сознании и дополняют друг друга. Причем у двух разных людей не может быть одинаковых когнитивных карт одной и той же части окружающего мира, например городского района, университетского городка и т. д. Сами возникающие в сознании одного и того же человека в каждый следующий момент когнитивные карты тоже могут отличаться друг от друга.

Интроспекция демонстрирует, что человек легко способен мысленно перемещаться в нужном ему направлении по вспоминаемым им улицам знакомого города. При этом образы улиц, домов и площадей с разной степенью подробности и точности развертываются перед его мысленным взором. Они могут быть хорошо узнаваемыми и достаточно

подробными, хотя чаще трудно вспомнить детали большинства конкретных домов, например их точную этажность, количество окон, колонн и т. д. Они узнаются только в целом, а многие участки вовсе выпадают из памяти.

Следовательно, **когнитивные карты — это сенсорные психические конструкции, представляющие собой ассоциированные визуальные образы воспоминания и представления, репрезентирующие знакомые нам участки окружающего мира. Они являются сложными чувственными психическими конструкциями, преимущественно визуальными фрагментами глобальной индивидуальной модели-репрезентации окружающего мира.**

2.2.5. Личные конструи Дж. Келли (1955)

К психическим феноменам, которые мы называем «психическими конструкциями», особенно близко подошел Дж. Келли, опубликовавший в 1955 г. свою книгу *The psychology of personal constructs*. Личные конструи Дж. Келли (2000) — это совсем не то, что описывается сейчас в психологической литературе под названием «психические конструи». Автор начинает свою книгу с положений, многие из которых мы охотно принимаем: «Человек смотрит на мир сквозь прозрачные трафареты или шаблоны, которые он сам создает, а затем пытается подогнать их по тем реалиям, из которых состоит этот мир. Подгонка не всегда оказывается хорошей. Однако без таких шаблонов мир предстает перед ним в виде настолько неразличимой однородности, что он не в состоянии извлечь из него никакого смысла... Будем называть эти шаблоны... конструи. Конструи суть способы истолкования мира. Это они дают возможность человеку, да и более низкоорганизованным животным тоже, выстраивать линию поведения...» (2000, с. 18) «Образование конструи можно рассматривать как связывание множества событий в удобные, “подъемные” для конкретного человека узлы или вязанки, которые ему приходится тащить на себе. Когда они так увязаны, события имеют тенденцию становиться предсказуемыми, а значит, контролируемыми и управляемыми» (с. 164).

Дж. Келли так определяет личный конструи: «...мы считаем наш мир реально существующим, а психологические процессы человека — основывающимися на личных версиях реального мира. Эти личные версии и есть личные конструи» (с. 176). «...Под конструиом мы подразумеваем репрезентацию мира, причем такую, которая создается живым существом и затем подвергается проверке в столкновении с реальностью этого мира. ...Конструи проверяется исходя из его предсказательной эффективности»

(с. 22). «Конструкт — это интерпретация ситуации, а не сама ситуация, которую он интерпретирует» (с. 144).

Дж. Келли (с. 25) полагает, что существуют разные способы истолкования мира. Одни из них лучше, чем другие, потому что способствуют более точным предсказаниям в отношении большего числа событий. Автор (с. 176) отвечает положительно на свой же вопрос о том, можно ли считать конструкты реально существующими. Но указывает, что их реальность отличается от реальности репрезентируемого ими мира и конструкты не следует смешивать с теми фактическими данными, личными версиями которых они являются. По его мнению, конструкт реален, но его реальность не идентична реальности элементов, входящих в его контекст.

Дж. Келли (с. 177) отвечает положительно и на другой свой вопрос — может ли конструкт передаваться от одного человека другому, не утрачивая своей реальности.

При поверхностном рассмотрении может показаться, что личные конструкты Дж. Келли — это не что иное, как вербальные концепты, то есть создаваемые людьми психические конструкции, предназначенные для репрезентации сущностей окружающего мира, которые каждый человек приспособливает для личного использования. Тем более что автор (с. 22) дает много оснований думать именно так, утверждая, например, что это человек создает свои собственные способы видения и понимания мира, в котором живет, что именно человек строит конструкты и примеряет их к истинному положению вещей, что конструкты организуются в группы, объединяемые субординатными и суперординатными отношениями.

По словам Дж. Келли (с. 79–80, 165), одни конструкты подчиняют себе другие, которые, в свою очередь, подчиняют себе еще какие-то и т. д.; человек систематизирует свои конструкты, выстраивая их в иерархии и далее абстрагируя; а когда конкретный человек передает нам конструкт, который определяет его действия, мы тоже способны понять такие действия, в противном случае его поведение выглядит для нас не имеющим смысла.

Однако постепенно объяснения Дж. Келли проявляют все больше различий между личными конструктами и концептами. Он пишет, например, что конструкт — это «нечто о двух концах» (с. 162); что «противоположность является существенным свойством всех личных конструктов» (с. 96); что «конструкт есть абстракция» (с. 157); что «конструкт — это отношение, в котором какие-то вещи истолковываются как сходные и, кроме того, отличные от других» (с. 139).

Конструкт Дж. Келли (с. 173) — «это двухполюсная структура (наподобие магнита)». Автор (с. 168) представляет его себе как пару кон-

курирующих гипотез, каждая из которых может применяться к новому элементу, который человек пытается истолковать. Например, конструкт «черный — белый». Такой «двухполюсный конструкт» обеспечивает человеку «дихотомический выбор» (там же). Система конструктов, создаваемая индивидуально каждым человеком, отображает сеть путей, по которым тот волен двигаться. По словам автора (с. 166), каждый путь — это дорога с двусторонним движением, позволяющая человеку продвигаться лишь в двух направлениях, и человек не в состоянии выработать новую линию поведения, не построив новые конструкты.

Обсуждая различия личных конструктов и концептов, Дж. Келли (с. 94) пишет, что термин «конструкт» отчасти имеет смысловую параллель с термином «концепт». Однако нельзя преобразовать его «конструкт» в более привычный «концепт», так как тот включает в себя то, что психологи XIX столетия называли «перцептом».

Возможно, эти различия можно было бы проигнорировать или провести параллели между авторскими «перцептами» и моделями-репрезентациями, которые тоже часто являются чувственными концептами, если бы только этим исчерпывались расхождения между личными конструктами и концептами. Однако Дж. Келли (там же) указывает, что его конструкт представляет собой абстракцию. Автор предпочитает употреблять термин «конструкт», а не «концепт», потому что тот чаще используется в экспериментальной, чем в менталистской психологии. Он замечает, что конструкт дихотомичен, включает перцепты и что для целей самого автора этот термин лучше термина «концепт».

Итак, конструкты Дж. Келли — это «дихотомическая абстракция» (с. 141), это «двухполюсные» (с. 173) или «биполярные» (с. 140) психические образования, «нечто о двух концах» (с. 162), например: «черный — белый», «умный — глупый», «мягкость — агрессивность», «хороший — плохой», «высокий — невысокий», «уважение — неуважение» и т. д. В его понимании «конструкт — это отношение...» (с. 139). «Время от времени мы говорили о конструкте так, как если бы он был координатной осью или измерением» (с. 183).

Дж. Келли считает конструкт «способом видения вещей похожими и в то же время отличающимися от других вещей...» (с. 112). В то же время он указывает, что «один из способов представить себе конструкт — вообразить его в виде маршрута движения» (с. 166).

Таким образом, очевидно, что конструкты Дж. Келли и концепты — сильно различающиеся между собой сущности. Отличает личные конструкты от концептов и то, что, как считает Дж. Келли, «многие наши конструкты не имеют символов, используемых в качестве удобных “словесных ручек” (то есть обозначающих их понятий. — *Авт.*). Поэтому не только другим

трудно «схватить» и категоризировать их внутри своих систем, но и самому обладателю таких конструкторов тяжело манипулировать ими и относить их к определенным категориям внутри вербально помеченных частей собственной системы» (с. 145).

В связи с этим напомним, что концептов без обозначающих их понятий просто не бывает.

Особенно существенные отличия личностных конструкторов от концептов заключаются в том, что, как указывает Дж. Келли (с. 22), каждый человек самостоятельно создает свои личные конструкторы, а не находит их готовыми, созданными для него обществом. Тогда как практически все концепты, которые тоже можно рассматривать в качестве «способов видения» и понимания мира, каждый появляющийся в обществе человек получает в наследство от общества.

Данное обстоятельство, впрочем, не противоречит и тому, что интериорируемая каждым индивидуумом совокупность концептов, используемых данным обществом, представлена в его психике в уникальном и только ему присущем варианте, как и каждый входящий в нее концепт. Тем не менее человек не изобретает собственную концептосферу заново. Он интериорирует, адаптирует и использует концептосферу окружающего его общества. Ему не хватило бы и тысячи жизней для создания новой концептосферы, сопоставимой с имеющейся у общества, в котором он живет. Максимум, что способен сделать самый гениальный человек, — это дополнить общественную концептосферу своим небольшим личным вкладом в нее.

Книга вышла в период расцвета бихевиоризма, и Дж. Келли не очень интересуется психическая феноменология. Автор не считает личные конструкторы объектом, доступным для общего использования: «...наша теоретическая позиция не является строго феноменологической, ибо мы признаем, что личные конструкторы, сокрытые во глубине души, нельзя превратить в предмет общественного потребления. Все, что мы пытаемся сделать, так это поднять наши данные, полученные от конкретного человека, на относительно высокий уровень абстракции» (с. 222).

Главным же качеством концептов, как мы уже неоднократно отмечали, является их общественная принадлежность, то, что они потенциально доступны всем членам общества, то есть потенциально доступны передаче между людьми и даже негенетическому наследованию.

Мы думаем, что имеет смысл провести параллель между личными конструкторами Дж. Келли и психическими конструкциями (С. Э. Полякова), а не между личными конструкторами и концептами. Следует сразу отметить то важнейшее обстоятельство, что оба автора пытаются конституировать и описать некую сущность, которая, как они полагают, присут-

ствуется в человеческой психике. Они пытаются структурировать и предъявить читателям нечто пока плохо понятное другим исследователям, но концептуализируют эту сущность по-разному.

Концепт, обозначаемый редуцированным понятием *личный конструкт*, гораздо более широкий и гораздо менее определенный, чем концепт, обозначаемый редуцированным понятием *психическая конструкция*. Личный конструкт, по словам Дж. Келли, — это и «структура, или система отсчета, предназначенная для того, чтобы делать предсказания» (с. 210), и «отношение, в котором некоторые вещи сходны между собой и, кроме того, отличны от других» (с. 146), и «качество, приписываемое ряду событий, посредством которого их можно разделить на две однородные группы» (с. 157), и «каналы, по которым направляются психические процессы человека» (с. 164), и, наконец, это «пара конкурирующих гипотез» (с. 169).

Психические конструкции, тем более концепты, напротив, имеют довольно четкую структуру, отграничены от прочих психических феноменов и вообще сами являются, по мнению С. Э. Полякова (см. разделы 1.1.3 и 1.2.3), самостоятельным видом сложных психических феноменов. Схема соотношения личных конструктов и психических конструкций представлена на рис. 2 (с. №№). Схема соотношения психических конструкций и концептов представлена на рис. 1 (с. №№).

Дж. Келли не рассматривает личные конструкты в качестве особых психических феноменов.

Важнейшие различия обнаруживаются и в механизмах возникновения личных конструктов и психических конструкций. Дж. Келли (с. 18) утверждает, что человек смотрит на мир сквозь прозрачные трафареты (шаблоны), которые сам же и создает, а потом пытается подогнать их под реалии мира. По его (с. 22) мнению, человек создает свои собственные способы видения и понимания мира, в котором он живет, а не находит их там готовыми, созданными для него обществом.

С. Э. Поляков (см. раздел 1.1.3) тоже считает, что человек произвольно формирует чувственные психические конструкции (модели-репрезентации элементов окружающей «реальности в себе»), которые вполне можно назвать вслед за Дж. Келли «прозрачными трафаретами, или шаблонами, через которые человек смотрит на мир». Но вместе с тем автор (см. раздел 1.2.3), в отличие от Дж. Келли, полагает, что человек дополнительно к тому, что создает сам, интериоризирует в готовом виде из объективной психической реальности практически все способы видения и понимания мира в форме уже созданных до него обществом унифицированных вербальных концептов.

Именно они позволяют ему сегментировать и систематизировать окружающий мир. Благодаря этому человек понимает мир и адаптируется

к нему. Человек, конечно, вносит свою личную уникальную специфику в интериоризированные им вербальные психические конструкции, репрезентирующие окружающую его реальность, а затем использует их в том числе как те самые «трафареты», о которых пишет Дж. Келли (с. 18). Абсолютное большинство людей всю жизнь применяет лишь эти, полученные от предшествующих поколений вербальные психические конструкции. Только единицы способны создавать новые вербальные концепты, которые затем, возможно, сохраняются в объективной психической реальности для негенетического наследования их следующими поколениями людей.

Безусловно, в подходах авторов есть много общего. И личные конструкты, и вербальные психические конструкции потенциально могут передаваться между людьми в процессе коммуникации. И те и другие оказывают огромное влияние на жизнь людей. И те и другие подвергаются коррекции в процессе столкновения человека с окружающим миром. И все же личные конструкты Дж. Келли не совпадают с психическими конструкциями С. Э. Полякова, хотя и имеют с ними много общего. Это заставляет думать, что оба автора пытаются концептуализировать в форме собственных уникальных сущностей один и тот же аспект «реальности в себе», а созданные ими сущности, безусловно, имеют в ней референты.

Несмотря на то что Дж. Келли не соотносит личные конструкты с психическими явлениями человека, его величайшей заслугой является то, что он одним из первых, а главное, подробно описал сложные психические образования, привлек к ним внимание и указал на их важнейшую роль в жизни человека.

2.2.6. Идеальные типы М. Вебера (1920)

Исходя из исторической последовательности событий, идеальные типы следовало бы рассмотреть в начале данного раздела, так как их описание в научной литературе предшествовало появлению и обсуждению всех прочих сложных психических феноменов, но в психологической литературе они почти не обсуждаются. Введено понятие *идеальный тип* социологом М. Вебером (2005, с. 580), который предложил это название для особой формы психических конструктов, создаваемых исследователями в процессе научной работы с целью более эффективного репрезентирования явлений, рассматриваемых ими в гуманитарных областях знания. Автор специально подчеркивает их «идеальный», «вымышленный» характер. Исследователи его творчества рассматривают вслед за ним идеальные типы как конструкты, создаваемые учеными для решения научных задач.

В качестве примера идеального типа М. Вебер (с. 580–581) рассматривает, например, сущности, обозначаемые понятиями *городское хозяйство* и *ремесло*. Он пишет, что создает в виде утопии «ремесло», соединив в едином идеальном образе определенные черты, встречающиеся у ремесленников самых разных эпох и народов. Автор (с. 596) подчеркивает, что те области реальности, которые исследуются с помощью идеальных типов, чрезвычайно сложны для изучения. И исследователям здесь не удастся обойтись без специальных конструируемых сущностей, которые не вполне соответствуют описываемой ими реальности. Он отмечает, что все создаваемые идеальные типы представляют собой попытку внести порядок в хаос данных, которые мы получаем, взаимодействуя с реальностью.

М. Вебер (с. 593) справедливо предостерегает об опасности гипостазирования создаваемых сущностей. Он замечает, что идеальным типам часто пытаются придать большую отчетливость, привлекая их, например, в качестве иллюстраций исторической действительности. По его (с. 585) мнению, нет ничего опаснее гипостазирования «идей» и попыток втиснуть историю в рамки созданных понятий, якобы стоящих за проходящими явлениями нашей жизни в качестве «реальных сил, действующих в истории».

И все же, как указывает М. Вебер (с. 596), история наук о социальной жизни — это чередование попыток мысленно упорядочить эмпирические данные посредством образования новых понятий, чтобы таким путем расширить и сдвинуть научный горизонт, и попыток образовать новые понятия на этой измененной основе.

По его (с. 597) словам, познание — это, в первую очередь, формирование новых понятий. При этом понятия — это лишь средства достижения научной цели. Он (с. 583–584) называет идеальный тип мысленным образом, не являющимся подлинной реальностью, «чисто идеальным пограничным понятием», с которым действительность сопоставляется, сравнивается, чтобы сделать более отчетливыми ее значимые компоненты, конструкцией, созданной фантазией исследователя.

Сказанное им, безусловно, верно, но **идеальные типы — это не просто вымысел исследователей, а особая группа научных понятий, репрезентирующих сущности, пусть и сформированные исследователями, но имеющие тем не менее достаточно легко выявляемые в реальности референты.** Эти сущности и понятия, например *феодализм, империализм, индивидуализм, меркантилизм* и т. д., весьма удобны для научного анализа и для оперирования сложной совокупностью множества разнородных данных.

Можно сказать, что *идеальный тип* — это категория, объединяющая огромную группу сущностей, сформированных с помощью вербальных и смешанных концептов, которые вычлениют из окружающего мира

обширные области социальной, экономической, исторической и другой реальности и пытаются их репрезентировать в качестве отдельных сущностей, заведомо отсутствующих в таком виде с точки зрения их создателей. Сущностей, которые легко гипостазируются и становятся со временем для последующих поколений исследователей гораздо более реальными, а то и вовсе несомненно присутствующими в окружающем мире.

Кстати, и сами создатели таких сущностей не сомневаются в том, что сформированные ими вымышленные сущности объединяют в себе вполне реальные объекты и явления. М. Вебер пишет, например: «...компоненты духовной жизни отдельных индивидов в определенную эпоху Средневековья, которую можно рассматривать как “христианскую веру” этих индивидов, составили бы... если бы мы могли их полностью воспроизвести, хаос... мыслей и чувств... Однако, когда встает вопрос, что же в этом хаосе было подлинным “христианством” Средних веков, которым мы... оперируем как неким твердо установленным понятием... то оказывается, что и здесь мы... пользуемся созданным нами чисто мысленным образованием. Оно являет собой сочетание догматов веры, норм церковного права и нравственности, правил образа жизни и бесчисленных отдельных связей, объединенных нами в “идею”, в синтез, достичь который без применения идеально-типических понятий мы бы вообще не могли» (с. 587).

Обсуждая идеальные типы, Э. Гидденс (2005, с. 27–28) замечает, что они представляют собой концептуальные или аналитические модели, применяемые для понимания реальности. По его мнению, идеальные типы почти не встречаются в окружающей нас действительности, в которой наличествуют только кое-какие из их признаков. Тем не менее эти гипотетические конструкции бывают очень полезны, так как любое реальное явление окружающего мира поддается пониманию посредством его сравнения с идеальным типом. В этом смысле идеальные типы служат твердо установленной точкой отсчета.

В качестве примеров идеальных типов П. П. Гайденко (2002, с. 217) рассматривает, например, не только такие понятия, как *экономический обмен* или *hoto oesopoticus*, но даже такие, как *капитализм*, *секта*, *церковь* и т. д.

У нас возникает вопрос: *почему, например, понятия христианство, капитализм или городское хозяйство относятся к идеальным типам, то есть считаются конструктами, по терминологии М. Вебера, а множество других естественно-научных понятий и понятий гуманитарных наук, например масса, сила, энергия, вещество, равенство, патриотизм, демократия, свобода и пр., обозначают сущности, неотносимые к категории идеальные типы?*

Ответ только один: исключительно потому, что никто их так не назвал, хотя они действительно — не что иное, как идеальные типы, то есть сущности, сконструированные с помощью вербальных концептов или в широком смысле с помощью психических конструкций.

Сконструированные исследователями в форме идеальных типов сущности, вымышленные ими, как утверждают сами исследователи, включают в себя множество сущностей более низкого уровня, безусловно имеющих референты в физической реальности. Например, концепт, обозначаемый понятием *городское хозяйство*, репрезентирует сразу и в целом множество предметов и социальных объектов определенного типа: техника для уборки территории, городские системы жизнеобеспечения, специализированные организации и т. д.

Все, что М. Вебер пишет о социальных науках, справедливо и в отношении науки вообще, поэтому прочие научные понятия ничем не отличаются от изобретаемых исследователями идеальных типов (или отвлеченных понятий) социальных наук. **Идеальные типы М. Вебера хорошо иллюстрируют тот факт, что человек не открывает недоступные восприятию сущности в окружающем мире, а формирует их, и его вербальные концепты не описывают окружающую реальность, а лишь пытаются конституировать и конструировать ее.** Делают они это порой удачно, порой не очень, нередко совершенно ошибочно, то не замечая, казалось бы, очевидных сущностей, то приписывая реальность сущностям явно вымышленным. В результате нам самим порой не под силу разобраться в том, что представляют собой сущности, репрезентированные некоторыми концептами наших предшественников.

Подводя итог, следует повторить, что предложенная М. Вебером категория *идеальный тип* объединяет широкую группу отвлеченных научных понятий, обозначающих конституированные и сконструированные исследователями сущности, которые тем не менее имеют в реальности множество чувственно репрезентируемых и легко выявляемых референтов.

2.2.7. Психические конструи

В. Л. Абушенко определяет психический конструи как «...понятие, вводимое гипотетически (теоретическое) или создаваемое по поводу наблюдаемых событий или объектов... не требующее обязательного указания на конкретный денотат. ...Они (конструи. — *Авт.*) заполняют обнаруженные и не прописываемые пустоты в структуре знания и не имеют самостоятельного значения вне знания, в котором они сконструированы. Конструи — искусственные образования со служебными функциями, что наглядно видно на примере таких конструи... как показатель или индекс. ...П. У. Бриджмен ввел термин “умственные конструи”¹ (сноска наша. — *Авт.*), под которыми понимал модели ситуаций, прямо “не

¹ Нельзя не напомнить, что конструи только «умственными» и бывают.

фиксируемых” органами чувств, а данных косвенно — через процедуры вывода...» (2010, с. 451–452).

И. М. Кондаков (2007, с. 263) рассматривает конструкт как гипотетический ненаблюдаемый фактор, который может объяснить проявление тех или иных внешне наблюдаемых переменных. По словам автора, многие психологические процессы представляют собой конструкты, сформулированные в рамках того или иного психологического направления. Например, все личностные переменные, черты характера и т. д.

Б. Мещеряков (2009, с. 284) тоже определяет конструкт как внутренний, недоступный непосредственному наблюдению гипотетический фактор, например «Я»-концепция или внимание, которые: а) используются для объяснения наблюдаемых фактов; б) могут быть причиной обусловлены — например, голод может быть причиной пищевого поведения и сам, в свою очередь, порождается длительным перерывом в приеме пищи. Автор указывает на существование конструктов двух типов: гипотетических и промежуточных переменных. Причем только первые имеют статус реальности, тогда как вторые... — лишь удобные фикции.

Перечисленные и большинство других авторов исходят из объективистской позиции, в соответствии с которой в окружающем мире есть сущности, доступные непосредственному восприятию и недоступные ему, то есть гипотетические (и это отнюдь не только предметы), а есть сущности, созданные исследователями, или конструкты.

В своей интересной книге «Современная система психологии» Н. Смит (2003) подробно рассматривает психические конструкты, которые он пытается дифференцировать с сущностями окружающего мира. Он, в частности, пишет: «Во многовековых дебатах о природе души вопрос о природе конструктов и их смешении с событиями¹ (ссылка наша. — *Авт.*) также не рассматривался. В этом отношении все (спорящие друг с другом) авторы пребывают в священном согласии. Тем не менее вопрос о различении конструктов и событий имеет принципиальное значение» (2003, с. 63).

По мнению Н. Смита (с. 63), сам термин «конструкт» указывает, что это нечто конструируемое, а не наблюдаемое. Конструкт — продукт теоретизирования, абстракции и измышления. По мнению автора, все, что не является «исходным событием», является «конструктом»: теории, гипотезы, принципы, математические формулы, диаграммы, измерения. Даже описание, по его мнению, можно считать конструктом, поскольку оно не является той вещью, которую описывает. Однако сам он приводит примеры более типичных конструктов: Декартова «душа», «монады» Лейбница, «впечатления» Юма, «идеи и ощущения» Локка, «пружины» Ламетри,

¹ Нам представляется, что более правильным было бы не использовать здесь слово «события», как делает автор, а говорить о сущностях реальности и их изменениях.

«трансцендентальное единство апперцепции» Канта, «специфические нервные энергии» Мюллера, «психическая химия» Дж. Л. Милля, «О» Вудвордса и «изоморфизм» Келера.

Н. Смит (там же), как и большинство исследователей, является объективистом и исходит из того, что мы либо наблюдаем сущности, либо конструируем их. Он замечает то, что исследователи конструируют множество сущностей, но не готов пойти дальше и принять, что человек конституирует или конструирует все антропоморфные сущности, даже чувственно репрезентируемые им. К тому же автор некорректно сравнивает между собой *конструкты* и *события*, так как эти понятия обозначают несопоставимые сущности.

Конструкты — это вербальные концепты, конструирующие заведомо вымышленные с точки зрения их создателей сущности, а события согласно общепринятой точке зрения — некие изменения, происходящие со всеми сущностями в реальности. В данном контексте следовало бы сравнивать не конструкты и события, а явные конструкты и вербальные психические конструкции, репрезентирующие нечто существующее в реальности (как представляется исследователям). Такое сравнение было бы более адекватным и понятным.

Н. Смит спрашивает: «Должна ли психологическая система базироваться на конструктах или на событиях? Иными словами, должны ли ее сторонники начинать с конструктов, с помощью которых они будут интерпретировать события, или они должны начинать с событий и развивать свои конструкты на основе этих событий?» (с. 64).

Автор не замечает того, что мы не вольны «начинать с конструктов или событий». У нас просто есть наши психические репрезентации, которые лишь могут быть в большей или меньшей степени адекватными реальности. И единственное, что мы можем, — это утверждать, что одни наши концепты репрезентируют что-то весьма похожее на сущности реальности, тогда как другие наши концепты репрезентируют нечто явно непохожее на то, что представляется нам сущностями реальности, хотя исследователям и удается порой с помощью этого нечто, то есть собственных конструктов, даже успешно объяснять реальность.

Для того чтобы определить, с чем мы имеем дело: с конструкцией, репрезентирующей сущность, присутствующую в реальности, как представляется нашему здравому смыслу, или с явно вымышленным конструктом исследователя, — мы больше опираемся на свой здравый смысл.

Среди авторов, обсуждающих конструкты, нет единства в их понимании. Одни рассматривают конструкт узко — как нечто вымышленное сознанием и, несомненно, отсутствующее в окружающем мире. Другие, как Н. Смит, трактуют понятие *конструкт* расширительно. Трудно, например,

согласиться с утверждением Н. Смита (с. 63), что описание — это тоже конструкт, так как при таком подходе рамки понятия *конструкт* вообще расплываются.

Впрочем, автор прав в том смысле, что всякий вербальный концепт — это в конечном счете конструкт, так как он конституирует или конструирует некую сущность. У нас есть альтернатива. Мы можем выделять среди множества конституирующих и конструирующих сущности вербальных концептов конструкты в качестве подвида вербальных концептов, который формирует заведомо странные для здравого смысла сущности, плохо вписывающиеся в чувственно репрезентируемую человеком реальность. А можем расширить понятие *конструкт*, включив в эту категорию все вербальные концепты, конституирующие и конструирующие сущности реальности.

Но в этом втором случае мы полностью теряем грань между сущностями, которые представляются здравому смыслу реальными, вероятными и явно искусственными. То есть сущностями, вербально сконструированными и конституированными, с одной стороны, и типичными психическими конструктами, репрезентирующими нечто, очевидно не существующее и плохо сочетающееся для здравого смысла с чувственно репрезентируемой реальностью — с другой.

В этом втором случае получится то же, что у Ч. Райкрофта¹, который замечает, что многие психоаналитические понятия представляют собой конструкты, описывающие психические явления. Однако он тут же добавляет, что основным конструктом классической психологической теории является психический аппарат, позволяющий трактовать психические процессы как функции некой гипотетической структуры — психики. Мнение данного автора свидетельствует о том, что при расширительном толковании понятия *конструкт* в группу конструктов попадают и психика, и сознание, и личность, что лишает такой подход смысла.

Примером типичного конструкта является, например, сущность, предложенная А. Эддингтоном (2010, с. 102). Рассматривая Великобританию, он пишет, что доля человечества, которая заключена в ней, равна 40 млн человек. Если же взять Великобританию в пространственно-временном мире, то есть в промежутке между 1815 и 1915 гг., то доля человечества, «закрывающегося» в ней, будет измеряться 4000 млн человеко-лет. Обсуждаемый автором конструкт репрезентирует то, чего явно нет в «реальности в себе», потому что она существует лишь в настоящее мгновение. Тем не менее конструкт А. Эддингтона вполне способен суще-

¹ Конструкт: справ. ст. // Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа / Пер. с англ. Л. В. Топоровой, С. В. Воронина и И. Н. Гвоздева под ред. С. М. Черкасова. — СПб., 1995 [Электронный ресурс]: PSYCHOL-OK.RU — психологическая помощь. — Режим доступа: <http://www.psychol-ok.ru/dictionary/fiction.html>.

ствовать как объект объективной психической реальности, существующий лишь в представляемой реальности, растянутой во времени на многие десятилетия. Очевидно, что существование подобной умозрительной сущности возможно только в человеческом сознании.

Типичными конструктами являются также сущности, обозначаемые, например, понятиями *абсолютно черное тело, идеальный газ, материальная точка, бессознательное психическое, коллективное бессознательное, общественное сознание* и т. д. Первые из них репрезентируют, с одной стороны, что-то вроде бы существующее в «реальности в себе», а именно — тело или газ. С другой стороны, нечто явно отсутствующее там, так как в реальности нет, например, тела, которое поглощает весь падающий на него свет. Обращает на себя внимание то, что, **несмотря на отсутствие в реальности псевдосущностей, репрезентируемых конструктами, даже таким конструктам соответствуют в реальности очевидные референты, то есть и подобные конструкты имеют полное право на существование в психической реальности.**

В предыдущей главе мы уже обсуждали то, что практически все научные понятия представляют собой конструкты исследователей и репрезентируют сущности, созданные людьми, хотя и имеющие референты в реальности. Такими же конструктами является большинство сущностей, созданных людьми в обыденной жизни. Причем большинство исследователей не считают конструктами концепты, репрезентирующие подобные сущности, так как эти сущности, образно говоря, неплохо вписываются в чувственно репрезентируемую людьми реальность и вполне гармонируют с ней. И тем не менее все вербально конституируемые и конструируемые исследователями сущности — результат деятельности сознания. Следовательно, мы можем рассматривать их в качестве психических конструктов. Но тогда практически все концепты, репрезентируемые научными понятиями, и множество концептов, репрезентируемых понятиями обыденными, придется отнести к этой категории, что неоправданно расширит понятие *конструкт*.

На практике к конструктам относят лишь то, что выглядит явно чужеродным среди чувственных репрезентаций реальности и не имеет среди них очевидных, на первый взгляд, референтов. Следовательно, решая вопрос о том, является ли сформированный человеком концепт и репрезентируемая им сущность конструктом, мы опираемся главным образом на свой здравый смысл¹ и в конечном итоге на то, насколько явные чувственные референты данная сущность имеет в реальности.

Впрочем, и это не всегда оказывает решающее влияние на наш выбор. И если исследователь, создающий такие сущности, сразу же определяет их

¹ См. стр. 26.

в качестве конструкторов (как в случае идеальных типов М. Вебера, например), мы рассматриваем такие сущности как конструкторы. В других случаях, если исследователь, их создавший, не определяет их в качестве конструкторов (как происходит с большинством научных понятий), мы не рассматриваем такие сущности как конструкторы. Очевидно, что это не вполне адекватные критерии, точнее, отсутствие их.

Обсуждая естественно-научные понятия, Э. Кассирер (2006, с. 149–150) обращает внимание на то, что при их создании исследователи постоянно переходят через границу данного им в окружающем мире, и этот неизбежный переход невозможно критически оправдать и обосновать. Он полагает, что мы не можем отказаться от понятий об абсолютно твердом теле, об атоме или о действующей на расстоянии силе, хотя мы должны, безусловно, отказаться от надежды найти в доступном для восприятия мире какие-нибудь доказательства в пользу их существования.

Кроме естественно-научных конструкторов, исследователи обсуждают множество психологических, социальных и других конструкторов. Конструкторами являются, например, предложенные К. Левиным (2000, с. 82–83) психологическая *позиция*, психологические *силы* и *поля*. В литературе рассматриваются также социальные конструкторы: *социальная ненависть*, *социальная терпимость/толерантность*, *социальная агрессивность*, *социальная обида*, *социальное возмущение*, *социальная гордость* и т. д. (О. Ю. Ромашина¹).

В качестве социальных конструкторов рассматривают даже такие сущности, как игра, язык, деньги, титул, образование, правительство, корпорация, класс, раса, гендер, сексуальность, мораль, память (А. В. Михальский²); победа и славянский мир (А. И. Щербинин³). Обсуждаются также социокультурные конструкторы: *память*, *красота*, *хаос*, *чувства* (Н. Г. Брагина, 2013); идеологические конструкторы: *державность*, *суверенитет*, *па-*

¹ Ромашина О. Ю. Специфика объективации социальных эмоциональных конструкторов в современном английском языке // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, 2011. — № 6 (101) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-obektivatsii-sotsialnyh-emotsionalnyh-konstruktorov-v-sovremennom-angliyskom-yazyke>.

² Михальский А. В. Психология конструирования будущего. — М.: МПГУ, 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ridero.ru/books/psihologiya_konstruirovaniya_budushhego/read.

³ Щербинин А. И. Политический конструктор «Победа» в контексте феномена ностальгии по советскому / А. И. Щербинин, Н. Г. Щербинина // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология, 2010. — № 3 (11) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-konstrukt-pobeda-v-kontekste-fenomena-nostalgiy-po-sovetskomu>; Щербинин А. И. Славянский мир как политический конструктор / А. И. Щербинин, Н. Г. Щербинина // Русин, 2015. — № 4 (42) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/slavyanskiy-mir-kak-politicheskiy-konstrukt>.

триотизм, демократия, гражданское общество, качество жизни (Е. А. Краснова¹) и т. д.

Часто достаточно трудно решить, что следует рассматривать в качестве присутствующих в окружающем мире референтов той или иной сформированной с помощью вербального концепта сущности и есть ли они там или это наше сознание «подсовывает» нам некую псевдосущность.

В качестве одного из конструкторов Н. Смит (2003, с. 63–64) рассматривает сущность, обозначаемую понятием *мотивация*. Мы, однако, не считаем, что это понятие обозначает конструкт. Другое дело, что совсем не просто определить, какое психическое явление стоит за обсуждаемым автором (с. 63) желанием студента получить пятерку. То есть идет в данном случае речь о конструкте или о психической конструкции, которая репрезентирует нечто реально существующее в сознании студента.

Мы полагаем, что понятие *мотив* обозначает не конструкт, то есть псевдосущность, а психическую сущность, формируемую вербальным концептом. Например, таким: *Мотив — состояние возбуждения, которое побуждает организм к действию* (А. Ребер, 2000, с. 464). И хотя эта психическая сущность тоже конституирована исследователями, она имеет вполне реальные чувственные референты в человеческой психике. Так, в сознании студента есть специфическое желание, специфические образы представления желаемого им объекта, состояние специфического возбуждения и т. д., то есть присутствует то, что мы называем «референтами» конституированной сущности, обозначаемой понятием *мотив*. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности столь расширительной трактовки понятия *конструкт*.

Автор продолжает: «Поскольку конструкт является не вещью, а абстракцией, а потому ни при каких условиях не может быть наблюдаем (хотя его референт, если таковой имеется, может быть наблюдаем), вся модель в этом случае навсегда оказывается не подлежащей ни наблюдению, ни верификации» (Н. Смит, 2003, с. 66).

Ему легко можно возразить. Во-первых, все обсуждаемые здесь сущности сформированы с помощью вербальных или смешанных концептов, созданных исследователями. Следовательно, они в принципе не являются «вещами», так как вещи, или предметы, репрезентируются сознанием

¹ Краснова Е. А. Идеология российского государства и ее преломление в сознании студенческой молодежи: опыт социологического исследования // Вестник Челябинского государственного университета, 2009. — № 33 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/ideologiya-rossiyskogo-gosudarstva-i-eyo-prelomlenie-v-soznanii-studencheskoy-molodezhi-opyt-sotsiologicheskogo-issledovaniya>.

чувственно. Во-вторых, все обсуждаемые сущности не могут быть непосредственно наблюдаемы нами. Такова уж их природа.

Кстати, мы не имеем достаточно развитой психической феноменологии и соответствующего словаря, чтобы ответить на простой вопрос: *собственные психические явления мы наблюдаем или переживаем, или наблюдаем и переживаем? Например, собственные эмоции, interoцептивные ощущения, боль наконец, мы переживаем, или наблюдаем, или в какие-то моменты переживаем, а в какие-то и переживаем, и наблюдаем?* В-третьих, обсуждаемая автором в качестве конструкта сущность имеет очевидные референты в психике человека, то есть в реальности.

Следует позитивно оценить тот факт, что Н. Смит указал всем на общую природу явных конструктов и всех прочих сущностей, формируемых в процессе научных исследований. Их внимательное рассмотрение демонстрирует, насколько сложно прийти к общему мнению в отношении того, что следует считать психическим конструктом, а что — уже пусть и гипотетической, но сущностью, сформированной с помощью вербальной конструкции.

Кстати, **все сущности, формируемые человеком с помощью смешанных и даже вербальных концептов, имеют в чувственно репрезентируемом окружающем мире референты.** Другое дело, что у одних подобных сущностей референтов больше и они очевидные. Тогда как у других сущностей референты косвенные и не очень явные. В отношении одних сконструированных сущностей (городское хозяйство, капитализм, энергия) у нас складывается ощущение, что за ними в реальности, безусловно, что-то стоит. В отношении других сущностей (идеальная жидкость, психологическое поле, материальная точка) мы не сомневаемся, что это нечто придуманное человеком.

Часто даже очевидные конструкты представляются нам вполне реальными и имеют в чувственно репрезентируемом окружающем мире несомненные референты. В. И. Добреньков и А. И. Кравченко (2009, с. 64), например, пишут, что у теоретических конструктов, обозначаемых словами «социальная мобильность», «идентификация», «рабочий класс» и «социализация», имеется множество эмпирических референтов. Социальная мобильность проявляется, например, в форме изменения индивидом или группой своего статуса и разделяется на виды, формы и типы (вертикальная и горизонтальная, межпоколенная и внутривоколенная и т. д.). Она же описывается при помощи более конкретных конструктов, обозначающих вид, форму и тип социальной мобильности, которые можно обнаружить в реальности. К примеру, одну из разновидностей социальной мобильности представляет собой текучесть кадров. Ее можно измерить, скажем,

путем соотношения числа уволившихся с предприятия за год к общей численности персонала.

К конструктам, которые авторы, как и Н. Смит (2003), трактуют очень расширительно, они (там же) относят в том числе любое теоретическое высказывание и научные гипотезы, например предположение о том, что с понижением уровня семейного бюджета до величины, граничащей с прожиточным минимумом, снижается ориентация пары на рождение второго ребенка. По мнению авторов (В. И. Добреньков, А. И. Кравченко, 2009, с. 64), у конструктов — главных семантических единиц, при помощи которых организуется и выражается научное знание, — помимо функции обозначения того, о чем говорится, существует функция идеализации, то есть упрощения, схематизации того, о чем говорится, или того, что изучается. Поскольку в теории мы имеем дело с интеллектуально контролируемым объектом, то теоретический объект можно, в принципе, описать как угодно детально и получить как угодно далекие следствия из исходных представлений.

Получается, что среди множества формируемых человеческим сознанием сущностей реальности есть те, присутствие которых в окружающем мире кажется несомненным нашему здравому смыслу. В первую очередь это, конечно, чувственно репрезентируемые сущности, например предметы. Множество других сущностей, создаваемых сознанием с помощью смешанных и вербальных концептов, образуют широкий спектр форм. Один полюс этого спектра представлен сущностями, присутствие которых в окружающем мире тоже не вызывает у нас сомнений. (Хотя при тщательном анализе становится очевидно, что такое отсутствие сомнений безосновательно.) На другом полюсе представлены сущности, отсутствие которых в окружающем мире не вызывает у нас сомнений.

Средняя часть спектра заполнена множеством сущностей, которые можно отнести к вероятным, или гипотетическим, объектам окружающего мира. Следует, однако, помнить о том, что все сущности данного спектра сознание не обнаруживает, не открывает в окружающем мире, как продолжают утверждать объективисты, а формирует, основываясь на чувственных референтах, пусть даже косвенных. То есть сущности, которые в окружающем мире есть с точки зрения нашего здравого смысла, отличаются от сущностей, которых там нет с его же точки зрения, только субъективным убеждением этого самого нашего здравого смысла.

Тогда типичные конструкты — это просто часть вербальных концептов, которые формируют совершенно «искусственные» сущности с точки зрения здравого смысла исследователей. Эти сущности явно сконструированы

сознанием. Тем не менее и они сформированы сознанием не на «пустом месте», так как тоже имеют в реальности свои чувственные, пусть и очень отвлеченные, или косвенные, референты.

Н. Смит (2003, с. 67) справедливо указывает, что часто конструкты приобретают круговой характер, то есть возникает порочный круг. Так, З. Фрейд первоначально определил либидо как сексуальные потребности, а затем стал использовать понятие *либидо* для объяснения сексуального поведения. Или в психометрии создается шкала для измерения определенного конструкта, обозначаемого, например, понятием *отчужденность* или *интеллект*, а затем данный конструкт определяется с помощью шкалы отчужденности или интеллекта. По словам автора (там же), мы слышим, что человек упорно трудится, потому что он мотивирован, и считаем, что он мотивирован, потому что он упорно трудится; мы обсуждаем большее или меньшее количество интеллекта, мотивации и креативности, как будто они являются вещами, характеризующимися количественными показателями.

Автор не учитывает, однако, того, что конструируемые нами сущности (в том числе конструкты) легко могут быть измеряемы нами. С такой же легкостью, как мы создаем сущности вообще, мы создаем и специализированные психические сущности — шкалы для измерения уже созданных нами иных психических сущностей. И потом измеряем уровень интеллекта, интенсивность мотива, выраженность черты характера и т. д.

Н. Смит (с. 68) прав, полагая, что объекты, обозначаемые понятиями *интеллект*, *мотив* или *личность*, удобны, но, возможно, не являются причиной специфических форм поведения, которые описывают. Человек получает высокую оценку по интеллектуальному тесту не потому, что у него высокий интеллект. Высокая оценка — это всего лишь измерение или описание его интеллектуального поведения. Не особенности личности человека определяют его поведение, а определенный тип поведения и есть личность. Следовательно, та или иная личность — не более чем обозначение специфических форм поведения.

Аргументы автора заставляют всерьез задуматься о перечисленных выше сущностях (которые он считает конструктами) и еще о множестве других, созданных исследователями и репрезентируемых нашими вербальными концептами. Вместе с тем расширительный подход автора вызывает серьезные возражения. Нам представляется, что отнесение к конструктам концептов, обозначаемых, например, понятиями *мотив* и *личность*, неправомерно, так как эти сущности не только оказались весьма полезны в практической работе исследователей, но и имеют в реальности референты.

Если в отношении сущности, обозначаемой, например, понятием *коэффициент интеллекта*, можно скорее согласиться с автором насчет отсутствия за ней чего-либо, кроме гипотезы ее создателя, хотя и это требует обсуждения, то в отношении сущностей, обозначаемых понятиями *мотив* или *личность*, с автором и многими его единомышленниками можно серьезно спорить. Нам, в частности, кажется, что за понятием *мотив* стоят вполне реальные и существующие в сознании каждого человека психические явления.

Кстати, данная психическая сущность вообще репрезентируется с помощью не вербальной, а смешанной психической конструкции, включающей, в частности, ощущение голода или жажды, сексуальное влечение и т. д. И эти психические явления выступают как референты психической сущности, обозначаемой понятием *мотив*. Фактически понятие *мотив* — это общее понятие по отношению к специфическим ощущениям голода, жажды, сексуального влечения и т. д.

Что касается *личности*, то это понятие тоже обозначает вербальный концепт, репрезентирующий не просто те или иные формы поведения, как трактует ее, например, бихевиоризм, но и уникальные психические конструкции, образующие данную конкретную личность. И эти неповторимые психические структуры вполне достойны сущностного определения.

Нельзя полностью принять точку зрения Н. Смита и в отношении того, что разум, например, — это «фундаментальный психологический конструкт» (там же). Автор (там же) утверждает, что, если разум рассматривается как самостоятельная и ненаблюдаемая причинная сила, промежуточная между миром и телом, он становится лишь иным обозначением «психеи», или «души», — вещи, процесса, агента или силы. По его (там же) словам, это есть материализация, акт приписывания реального существования абстракции, как это имеет место в утверждениях «феномены сознания реальны», «психические процессы существуют» или «человеческий разум — это адаптивная система. Он выбирает способ поведения в свете его целей...».

Н. Смит (там же) прав в том, что авторы таких утверждений превращают разум в вещь (читай: в сущность. — *Авт.*) и наделяют ее способностями к самодействию и саморегулированию. Но он не прав, когда переводит разум в группу конструктов, то есть того, что изобретено человеком для собственного удобства. Сам же Н. Смит (с. 72) и отмечает, что во всех подходах к вопросу об отношении души и тела отсутствует признание того, что разум является конструктом, а не реально существующей вещью, то есть многие исследователи отнюдь не считают разум конструктом.

Нельзя принять и утверждение Н. Смита, что понятия *психическое*, *сущность* или *состояние сознания* обозначают конструкты и являются «продуктами теоретизирования, абстракции, измышлением» (с. 69). Если в отношении конструкции, обозначаемой понятием *сущность*, можно опять долго ломать копыя, то в отношении концепта, обозначаемого редуцированным понятием *психическое*, вряд ли теперь, после сокрушительного краха классического бихевиоризма, найдется много исследователей, готовых отрицать, что данное понятие репрезентирует нечто субъективно совершенно очевидное для каждого человека и постоянно им переживаемое в собственном сознании. И необихевиористы не могут больше игнорировать психические явления, хотя упрямо отказываются признавать их определяющую роль в обеспечении функционирования разума.

Психическую реальность действительно принято концептуализировать, создавая новые концепты, репрезентирующие новые психические сущности. Это приводит к появлению в объективной психической реальности сущностей, наличие которых вызывает затем сомнения у исследователей. Впрочем, даже ответ на базовый вопрос *существуют ли в психике конкретного человека ощущения или образы восприятия?* — явно зависит от точки зрения отвечающего. С одной стороны, подобные сущности можно вроде бы интроспективно обнаружить в собственном сознании. С другой стороны, их же можно лишь условно отделить от прочих психических феноменов в потоке сознания, то есть не факт, что они существуют, так сказать, в «чистом» виде.

Фактически мы конституируем их в процессе рефлексии в качестве неких относительно самостоятельных фрагментов содержания нашего сознания, но не столь уверенно и отчетливо, как мы конституируем, например, чувственно фрагменты окружающего мира в виде его предметов, явлений, изменений и свойств. Тем не менее в обоих случаях мы конституируем и выделяем в качестве самостоятельной сущности часть переживаемого нами содержания сознания. Следовательно, мы должны отдавать себе отчет в том, что факт «наличия» тех или иных психических сущностей зависит от особенностей их концептуализации, от конвенций, принятых в данном научном сообществе, от способности созданного концепта успешно решать стоящие перед исследователями задачи и пр.

Еще раз отметим, что Н. Смит слишком расширительно трактует понятие *конструкт*. Но мы должны быть благодарны ему за постановку им вопроса о различиях конструктов и прочих сконструированных человеком сущностей.

2.2.8. Идеализированные когнитивные модели Дж. Лакоффа (1987)

Идеализированные когнитивные модели (ИКМ) рассматривает в своей книге «Женщины, огонь и опасные вещи» (2004)¹ лингвист и философ Дж. Лакофф. По его словам (2004, с. 99), человек организует свои знания с помощью ИКМ, а категории являются побочным продуктом этой организации. Каждая ИКМ представляет собой гештальт, то есть комплексное структурированное целое, в котором используются четыре типа структурирующих принципов: пропозициональная структура (как во фреймах Ч. Филлмора), образно-схематическая структура (как в когнитивной грамматике Р. Лангаккера), метафорическое и метонимическое отображение (как они описаны Дж. Лакоффом и М. Джонсоном). Каждая ИКМ структурирует ментальное пространство.

Таким образом, ИКМ являются формой организации знаний. Дж. Лакофф (с. 157–158, 370) полагает, что для описания категоризации могут быть использованы идеализированные когнитивные модели пяти типов: пропозициональные, образно-схематические, метафорические, метонимические и символические.

Пропозициональные ИКМ, не использующие механизмов воображения (метафору, метонимию или ментальные образы), разработаны автором (с. 370) наиболее полно. Среди них он (там же) выделяет простую пропозицию, сценарий, структуру «пучок свойств», классические таксономические структуры, структуру радиальных категорий и т. д. Исследователь (с. 371) пишет, что пропозициональные модели содержат сущности, признаки и отношения между ними. Но это когнитивные ментальные модели, а не реальные вещи.

В качестве одной из пропозициональных ИКМ Дж. Лакофф рассматривает так называемый «сценарий». По его (там же) мнению, сценарий состоит из следующих онтологических элементов: начальное состояние, последовательность событий и конечное состояние, которые составляют некое целое. Еще одной разновидностью пропозициональных ИКМ являются таксономические ИКМ — разного рода иерархические структуры категорий. Автор (с. 373) указывает, что они представляют собой один из наиболее важных структурных механизмов, используемых человеком для осмысления и упорядочения своего опыта.

В качестве образно-схематических моделей он (с. 157–158) обсуждает схематические образы траектории летящего бейсбольного мяча и длинных тонких объектов — свеч.

¹ Книга опубликована на английском языке в 1987 г.

Метафорические модели, по его мнению, — это отображения позициональных или образно-схематических моделей одной области на соответствующие структуры другой области. Так, понимание коммуникации как передачи идей с помощью слов заменяется метафорой «канал коммуникации», подразумевающей перемещение объектов в контейнерах.

Метонимические модели имеют дополнительную функцию, которая позволяет связывать один элемент модели с другим по принципу смежности. Так, в модели, представляющей структуру «часть — целое», часть может замещать целое. По словам Дж. Лакоффа (с. 111), люди часто используют какой-нибудь легко понимаемый аспект чего-либо для обозначения вещи в целом. Например, «Белый дом ничего не говорит» или «Уолл-стрит в панике».

Символические ИКМ Дж. Лакофф (с. 376) обсуждает вскользь. Он лишь замечает, что называет так те ИКМ, которые не могут быть охарактеризованы независимо от слов и морфем конкретного языка, когда с концептуальными элементами ИКМ ассоциированы лингвистические элементы.

В качестве примера ИКМ автор (с. 100) приводит «неделю», которая представляет собой некое целое, состоящее из семи частей, организованных в линейную последовательность, каждая часть которой называется «день». Он указывает, что семидневной недели нет в природе. Она создана людьми, поэтому данная когнитивная модель — идеализированная.

С одной стороны, объяснение этой ИКМ Дж. Лакоффом вроде бы совпадает с тем, что мы называем «вербальный концепт», обозначаемый понятием «неделя». Да и сам автор пишет: «Структура мысли характеризуется когнитивными моделями. Категории ума соответствуют элементам этих моделей» (с. 208). «Сущности» данных моделей (пропозициональных ИКМ. — *Авт.*) — ментальные сущности, а не реальные вещи» (с. 371). К тому же Дж. Лакофф (с. 392) считает свою теорию ИКМ менталистской и прямо говорит об этом. Следовательно, ИКМ надо вроде бы рассматривать как психические конструкции.

С другой стороны, идеализированные когнитивные модели, описываемые Дж. Лакоффом, — это все же не вполне типичные психические феномены. Точнее, совсем нетипичные. ИКМ Дж. Лакоффа имеют естественную для автора лингвистическую направленность, и он никак не соотносит их, по крайней мере в явной форме, с психической феноменологией. Его ИКМ существуют вне конкретной области. То ли в языке, то ли в сознании, то ли вообще — в лингвистике. В любом случае нам было достаточно сложно совместить лингвистические представления Дж. Лакоффа с собственными

представлениями о психической феноменологии¹, хотя некоторые параллели между его ИКМ и психическими конструкциями можно провести.

Соотношения между концептами и ИКМ автор почти не обсуждает, но пишет: «В общем случае концепты являются элементами когнитивных моделей» (с. 372).

Дж. Лакофф специально указывает, что ИКМ представлены им в схематическом виде как наброски для будущих детальных разработок. Он (с. 370) сообщает, что предлагаемые им модели не являются абсолютно бесспорными, а их список — исчерпывающим. Автор рассматривает их в данной работе лишь в качестве иллюстраций самой идеи когнитивных моделей и пока не формулирует развернутых положений, касающихся конкретной природы когнитивных моделей во всех их деталях. К тому же Дж. Лакофф не психолог, что объясняет неясности в его описаниях отношений между психическими феноменами и идеализированными когнитивными моделями. Являясь лингвистом, он гораздо четче и подробнее описывает именно пропозициональные ИКМ, которые очень напоминают вербальные психические конструкции.

Возможно, поэтому из его описаний складывается впечатление, что во всякой ИКМ главную роль играет вербальное содержание. По крайней мере, наиболее понятными читателю представляются именно те ИКМ, которые можно феноменологически определить как вербальные концепты. Между тем в наших психических репрезентациях реальности доминируют чувственные репрезентации. И только там, где невозможно восприятие и чувственное конституирование окружающего, более важную роль начинают играть вербальные концепты, но и в этом случае психика старается по возможности проиллюстрировать их чувственно.

Подводя итог краткому рассмотрению идеализированных когнитивных моделей, можно заключить, что **между ИКМ и психическими конструкциями обнаруживается много общего**. В любом случае **ИКМ Дж. Лакоффа можно пытаться соотносить с группой сложных психических феноменов**.

Тезисы для обсуждения

1. Область сложных психических феноменов до сих пор остается недостаточно разработанной в психологии. Для них в учебниках и руководствах по психологии не выделяют особые разделы, как для других психических феноменов. Главное, их не рассматривают как отдельную

¹ То обстоятельство, что представления автора далеко отстоят от психологии, тогда как мы пытаемся трактовать их в рамках психической феноменологии, может даже приводить к непреднамеренному искажению нами авторской позиции.

разновидность психических феноменов, хотя существует множество работ, посвященных им.

2. Большинство исследователей согласны с тем, что в реальности присутствует нечто, требующее конституирования в форме особой сущности, называемой «схема», «фрейм» и т. д. Однако в процессе ее конституирования были созданы плохо очерченные, расплывающиеся концепты, репрезентирующие нечто неопределенное и не укладывающееся даже в рамки собственно психических феноменов. Между тем в психике сущность, обозначаемая понятием *психические конструкции* легко объясняет все факты, связываемые исследователями со схемами и фреймами..
3. Когнитивные карты — это преимущественно визуальные чувственные психические конструкции, являющиеся фрагментами глобальной модели-репрезентации окружающей реальности, репрезентирующие знакомые человеку участки окружающего физического мира.
4. Психическим конструктом следует называть вариант вербального концепта, репрезентирующий сконструированную исследователем сущность, заведомо отсутствующую в реальности, хотя и имеющую в ней референты.
5. Личные конструкты Дж. Келли можно соотнести с вербальными психическими конструкциями, но концепт, обозначаемый редуцированным понятием *личный конструкт*, гораздо более широкий и гораздо менее четко очерчен, чем концепт, обозначаемый понятием *психическая конструкция*.
6. Категория *идеальный тип* объединяет сущности, формируемые исследователями с помощью преимущественно вербальных концептов. Сущности эти хотя и отсутствуют в реальности, но имеют в ней тем не менее множество достаточно легко выявляемых референтов. Данное обстоятельство превращает в «идеальные типы» большинство отвлеченных научных понятий, и хорошо иллюстрирует то обстоятельство, что вербальные концепты не описывают сущности, присутствующие в окружающем мире, а лишь удачно или не очень удачно конституируют или даже вовсе конструируют их.
7. Между идеализированными когнитивными моделями и психическими конструкциями также обнаруживается много общего.

Психические конструкции

С. Э. Полякова (2004)¹

2.3.1. О феноменологии психических конструкций

Понятие *психическая конструкция* было предложено С. Э. Поляковым (2004; 2011) для обозначения сложных психических феноменов, представляющих собой самостоятельную разновидность психических явлений. **Возникают психические конструкции в результате естественного развития и усложнения простых психических феноменов на протяжении жизни человека. Простые психические феномены — ощущения и мгновенные образы (восприятия, воспоминания и представления), ассоциируясь между собой, способны образовывать сложные формы психических феноменов.**

В отличие от ощущения и мгновенного образа психическая конструкция обычно не представлена в сознании целиком в конкретный момент времени. Она последовательно разворачивается в сознании во времени и проявляется в нем в каждый настоящий момент лишь отдельными своими элементами. Следовательно, психическую конструкцию как целостный психический феномен можно обсуждать только в делящемся промежутке времени. Метафорически ее можно представить себе как части длинного дома, последовательно появляющиеся из темноты в каждое следующее мгновение в свете фар проезжающего мимо автомобиля. Тем не менее каждая часть дома является для наблюдателя домом в целом.

Любая психическая конструкция уникальна, самостоятельна и независима от других психических явлений, хотя и может быть связана с ними и даже может включать их в себя. **Психические конструкции** — не просто

¹ Авторы — А. С. Буреломова, С. Э. Поляков.

случайные наборы связанных между собой мгновенных образов и ощущений, обладающие лишь суммой свойств этих явлений, а **самостоятельные новые целостные психические феномены с новыми свойствами, выполняющие в психике функцию репрезентирования сущностей окружающей реальности и самой психики.**

На основании феноменологических различий **можно выделить три основные группы психических конструкций: преимущественно чувственные, преимущественно вербальные и смешанные.**

Типичной чувственной психической конструкцией является, например, описанная С. Э. Поляковым (2011, с. 209–278) полимодальная **модель-репрезентация предмета.** Она возникает в сознании как удивительный синтез разномодальных и уже поэтому радикально различающихся между собой и, казалось бы, принципиально несопоставимых и несовместимых друг с другом психических явлений — ощущений и мгновенных образов, создаваемых разными чувственными анализаторами человека, которые репрезентируют один и тот же элемент «реальности в себе», превращая его в предмет физического мира.

Выше уже отмечалось, что еще Д. Беркли (2000) обратил внимание на удивительную способность сознания объединять разномодальные репрезентации, то есть фактически разные сущности в единый физический предмет. Он пишет: «...То, что видится, есть одна вещь, а то, что осязается, совершенно другая вещь. ...Объекты зрения и осязания суть две отдельные вещи. Может быть, нужно некоторое усилие мысли, чтобы правильно понять это различие их. И, кажется, увеличению трудности немало содействовало то, что комбинация идей зрения имеет всегда то же самое название, что и связанная с ней комбинация идей осязания...» (2000, с. 39–40).

Это высказывание Д. Беркли четко демонстрирует, что наши органы восприятия создают сущностно разные психические репрезентации того, что потом объединяется сознанием в единую модель-репрезентацию предмета. И несмотря на то, что в процессе восприятия элемента «реальности в себе» разномодальные сенсорные репрезентации представляют сознанию качественно разные внешние сущности, сознание объединяет их все в единый предмет. *Почему и как все же происходит объединение этих несопоставимых психических сущностей в новую целостность?* Очевидно, что здесь имеет место механизм ассоциации, но ассоциации не совсем обычной. Э. Кассирер (1995а), в частности, рассматривает ассоциацию уже не как простое образование связи между двумя психическими явлениями. Он называет ассоциацией «соединение элементов в единство “времени” и “пространства”, в единство “Я” или “предмета”, в целостность “вещи” или в последовательность “событий”...» (с. 197).

Ссылаясь на К. Штумпфа и У. Джеймса, Э. Кассирер (2006, с. 392) пишет, что простая «ассоциация не может создать никакого нового пси-

хического содержания». По его мнению, «если мы соединим совокупность определенных свойств в целое одной устойчивой вещи с многообразно меняющимися особенностями, то это соединение будет предполагать связи по рядуположенности и последовательности, однако не будет к ним сводиться» (Э. Кассирер, 1995, с. 195).

В случае формирующейся психической конструкции мы как раз и имеем дело с такой новой формой ассоциации. В результате этой специфической ассоциации мы сталкиваемся здесь уже не с ассоциированной последовательностью связанных между собой «простых» психических явлений, которая обладает лишь суммой свойств этих явлений, а с новым психическим феноменом, получившим новые свойства. Это вновь возникшее сложное целостное психическое явление невозможно теперь разделить на составляющие его части, так как именно оно в целом, а не каждое из простых явлений, входящих в него, выполняет новую функцию репрезентации вновь сформированной сознанием сущности.

Данная особая форма ассоциации, которая и обеспечивает образование психической конструкции, была описана И. Кантом (1994, с. 100–104) под названием «единство апперцепции» или «единство сознания». Именно «единство апперцепции», или «единство “Я”», обеспечивает объединение множества чувственных образов и ощущений в единую сенсорную модель-репрезентацию объекта, в новую сложную целостность. Без этого свойства сознания у нас не возникало бы целостных моделей-репрезентаций объектов и вообще психических конструкций.

И. Кант (1994) пишет: «...они (многообразные представления созерцания. — *Авт.*) должны иметь возможность быть связанными в одном сознании, так как без этой связи через них ничто нельзя мыслить или познать... Объект есть то, в понятии чего объединено многообразное, охватываемое данным созерцанием» (с. 102).

Именно «единство сознания» ответственно за трансформацию в психических конструкциях разнородного содержания в целостные сложные психические феномены, которые можно назвать гештальтами. Причем простые психические феномены могут возникать и существовать в сознании как самостоятельно, так и в структуре психических конструкций, не нарушая при этом единства этих конструкций, в которые они входят в качестве элементов. Можно поэтому сказать, что любая устойчивая психическая конструкция является целостным, завершенным и самостоятельным психическим феноменом, отграниченным от прочих психических явлений.

Недаром В. Виндельбанд (2007) замечает: «...из соединения двух представлений в сознании возникает третье, которое сохраняет в отдельности содержания обоих первых; в этом случае объединение элементов состоит не в том, что они в новом содержании сливаются в неразличимое единство, а, наоборот, в том, что они соединяются в одно целое посредством установленной между ними связи. Это синтетическое единство настолько

существенно для сознания, что последнее может быть прямо определено как связующая функция. Всякое фактическое, известное нам из опыта сознание представляет такое единство множественного» (с. 353–354).

В результате трансцендентальной апперцепции (проще говоря, психического синтеза) предмет чувственно репрезентируется в конечном счете уже не набором несопоставимых друг с другом разномодальных сенсорных феноменов, а возникающей вместо них в сознании общей моно- или даже полимодальной моделью-репрезентацией, конституирующей некую новую внешнюю сущность, которая и выступает для человека как конкретный предмет окружающего мира.

Вариантом чувственной психической конструкции может быть не только модель-репрезентация предмета, но и модель-репрезентация свойства предмета или его движения¹. Например, модель-репрезентация движения предмета выглядит как разворачивающаяся во времени последовательность из многих сменяющих друг друга мгновенных зрительных образов воспоминания и представления привычно меняющегося предмета или взаимосвязанной совокупности предметов. Возникающий в этом случае в сознании человека сложный визуальный гештальт изменения предмета образуют сменяющиеся в строго определенном порядке его мгновенные зрительные образы.

Изменения последовательно возникающих смежных мгновенных образов воспоминания движения предмета обычно незначительны, но всегда закономерны, то есть типичны, понятны и привычны для человека. Если, например, в процессе эксперимента снять на камеру определенное движение предмета, а потом переставить кадры на киноплёнке², то восприятия его движения у зрителей фильма не будет, так как у них не сформируется привычная психическая последовательность мгновенных образов, репрезентирующая знакомое движение предмета. Вместо гештальта, репрезентирующего конкретное движение, возникнет восприятие хаотического изменения предмета. Также исчезнет гештальт воспринимаемого звучащего слова, если в эксперименте поменять местами его слоги.

К особой разновидности чувственных психических конструкций можно отнести то, что можно было бы назвать личными когнитивными картами. Это фрагменты глобальной визуальной модели-репрезентации окружающего пространства (собственной квартиры или дома, улиц и площадей знакомого города, знакомых зданий и учреждений с их лестницами и коридорами, других знакомых мест). Их наличие позволяет человеку, например, днем ориентироваться и действовать в знакомом городе, а ночью (даже

¹ Хотя и в этих случаях мы имеем дело все с той же, правда рассматриваемой в другой плоскости, моделью-репрезентацией предмета.

² Кадры киноплёнки соответствуют мгновенным образам, последовательно репрезентирующим движение предмета.

в полной темноте) — в знакомой комнате или даже доме. Они же дают возможность обнаруживать изменения, возникающие в привычном для него порядке окружающих предметов. Например, привлекают его внимание к пустотам или изменениям в привычных порядках домов на знакомых улицах, книг на знакомых полках, к отсутствию конкретных вещей на привычных местах и т. д.

Кроме чувственных психических конструкций, в сознании присутствует множество вербальных психических конструкций, которые, в свою очередь, тоже можно разделить на подвиды. Например, в зависимости от их типичности (стандартизованности), а также степени их устойчивости, длительности развертывания в сознании и т. д. К более типичным относятся, например, **вербальные концепты — наиболее устойчивые и стандартизованные вербальные психические конструкции, репрезентирующие разного рода сущности (которые мы считаем реальными, гипотетическими или вымышленными).** Устойчивость и стандартизованность вербальным концептам придают несколько обстоятельств: то, что каждый из них ассоциирован с образом определенного обозначающего его слова; то, что они зафиксированы в языке в материальной форме с помощью слов языка, так как являются значениями конкретных слов; и то, что они существуют в объективной психической реальности, то есть условно общедоступны.

К неустойчивым и вариативным относятся описательные и утверждающие вербальные психические конструкции. Их нестабильность объясняется тем, что они не являются концептами, а соответственно, и не обозначаются редуцированными понятиями. Они каждый раз создаются человеком заново для решения конкретной задачи.

Большинство вербальных конструкций достаточно громоздки, и для их развертывания в сознании недостаточно настоящего мгновения. Впрочем, существуют и компактные вербальные конструкции, «вмещающиеся» в сознании целиком и сразу, то есть в психическом субъективном настоящем времени¹. Это описательные вербальные конструкции² вроде следующих: *Облака затянули небо, Петух громко прокукарекал, Рыба клюнула* и т. п. Сказанное справедливо и по отношению к утверждающим и указательным вербальным психическим конструкциям. Например: *Сегодня пойдет дождь, Она красивая, Этот стул — чужой* и т. п. Это наименее

¹ О психическом субъективном настоящем см. с. 532.

² Возможно, вербальные описательные конструкции было бы правильнее рассматривать и анализировать в рамках языковых конструкций, или языковых феноменов, так как именно там, материализуясь, они наглядно приобретают устойчивую форму и постоянность. Речь идет, в том числе, например, о сюжетах литературных произведений, спектаклей, фильмов и т. д., которые могут сохраняться в человеческой памяти, о содержании разговоров, свидетелем или участником которых был человек. В отличие от вербальных концептов эти психические образования гораздо более аморфны, более изменчивы, намного сильнее различаются от человека к человеку и не повторяются в сознании в том же виде.

устойчивые вербальные психические конструкции, так как они описывают меняющуюся реальность (окружающую, возможную или вымышленную).

Промежуточное положение между вербальными концептами, с одной стороны, и вербальными конструкциями, описательными и утверждающими — с другой, занимают вербальные конструкции, репрезентирующие общепринятые и общеизвестные в данном обществе модели реальности (существующей, прошлой и вымышленной). В эту группу входят, например, вербальные конструкции, репрезентирующие законы природы (*На тело, погруженное в жидкость (или газ, или плазму), действует выталкивающая сила (называемая силой Архимеда)*); научные данные (*Земля круглая, расстояние от Земли до Солнца составляет примерно 150 000 000 км, скорость света равна примерно 300 000 км/с*); исторические факты (*Наполеон родился в 1769 г., Первая мировая война началась в 1914 г., Гагарин полетел в космос в 1961 г.*); обобщающие иносказательные мысли народа о жизни и мире в форме пословиц и поговорок (*Без труда не вытащишь и рыбку из пруда, Заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет, Клин клином вышибают*); литературные «факты» (*Наташа Ростова была невестой князя Болконского, Мастер любил Маргариту, Фауст разговаривал с Мефистофелем*) и т. д.

К этой же промежуточной группе вербальных конструкций можно отнести устойчивые вербальные конструкции, регулирующие поведение людей. Такие конструкции репрезентируют принятые или, наоборот, запрещенные в данном обществе формы поведения, предписываемые обществом своим членам. Такого рода вербальные психические конструкции присутствуют в сознании каждого члена общества. Они довольно стабильны и стандартизованы, хотя и не являются концептами и не обозначаются специальными понятиями. Среди этих вербальных конструкций можно выделить социальные законы, нормы, правила, уставы, регламенты, традиции, обычаи, запреты, табу и т. д. (*Не убий, Не укради, Возлюби ближнего своего* и т. п.). Они предписывают не только общие стратегии поведения человека в обществе, но и конкретные, строго определенные (часто вообще ритуализированные) действия, которые следует выполнять людям в повседневной жизни или в определенных повторяющихся ситуациях: похороны, крестины, свадьба и т. д.

Перечисленные разновидности вербальных конструкций не следует считать их завершенной классификацией. Это лишь обсуждение некоторых их форм, а их иерархия нуждается в серьезном изучении и уточнении. Вербальные психические конструкции изначально неразрывно связаны с языком, а потому максимально легко, по сравнению с прочими психическими конструкциями, материализуются в форме конструкций языковых. Данное обстоятельство существенно облегчает возможности их изучения.

Вообще, психические конструкции представляют собой у взрослого человека широкий и непрерывный спектр сложных психических феноменов, на одном полюсе которого располагаются преимущественно чувственные, а на другом — преимущественно вербальные конструкции. Пространство между ними занимают конструкции смешанные, то есть репрезентирующие сущности с помощью и чувственных, и вербальных феноменов.

Смешанные чувственно-вербальные психические конструкции составляют, по-видимому, большую часть всех психических конструкций. Рассматривая смешанные конструкции, например концепты, обозначаемые такими понятиями, как *равновесие*, *расстояние*, *орбита*, *траектория*, *вес* и т. д., трудно решить, какая часть этих концептов, вербальная или чувственная, играет большую роль в их формировании. Нельзя, например, показать пальцем на сущность, обозначаемую понятием *равновесие*. Следовательно, она формируется вербальной конструкцией¹, хотя важнейшую роль в ее понимании человеком играет модель-репрезентация уравновешенных чашечных весов.

К смешанным относятся и психические конструкции, которые репрезентируют важнейшие для человека аспекты окружающей реальности, но не имеют обозначающих их понятий. Например, в сознании человека почти постоянно присутствуют смешанные психические конструкции, глобально репрезентирующие² окружающую его в данный момент реальность и его собственную психику.

Именно такие глобальные смешанные психические конструкции ответственны за понимание человеком того, кто он, где он находится и в каком периоде времени пребывает. Следовательно, они позволяют человеку ориентироваться в его собственной личности, в месте, во времени и т. д. Оценка адекватности этих конструкций помогает психиатрам проводить, например, экспресс-диагностику состояния сознания пациента, так как разрушение этих глобальных репрезентаций свидетельствует о наличии у больного тяжелой психической патологии. В психиатрии существуют даже специальные термины, имеющие отношение к этим психическим конструкциям — «ориентировка в месте», «ориентировка во времени» и «ориентировка в собственной личности».

Человек не может обходиться без психических конструкций, глобально репрезентирующих ему реальность и его собственное место в ней. Сознание привыкло функционировать в жестких рамках, задаваемых глобальными психическими конструкциями, входящими в выстраиваемую им картину мира и репрезентирующими окружающую реальность и место человека

¹ Например, такой: *Состояние системы, когда одни воздействия на нее компенсируются другими или воздействия на нее отсутствуют вообще.*

² Глобальные репрезентации реальности включают в себя и глобальные модели-репрезентации, и многочисленные вербальные конструкции.

в ней. Эти конструкции задают своего рода границы, в которых сознание функционирует, что уменьшает неопределенность при принятии им решений. Человеку, например, недостаточно понимать, что он находится в квартире. Он должен знать, где расположена сама эта квартира, то есть в каком он городе и т. д. Если почему-либо его перцептивные репрезентации реальности перестают соответствовать имеющимся в его сознании глобальным репрезентациям мира, возникает тревога.

В. М. Аллахвердов (2000, с. 338–339), например, замечает, что люди не любят неопределенностей контекста. Они должны знать, где находятся, почему и что должны делать. Люди предпочитают ситуации с определенными социальными ролями и готовыми шаблонами поведения. Они ожидают встречных действий от партнеров в соответствии с заданными правилами социальной игры. Люди предпочитают определенность неопределенности даже тогда, когда эта неопределенность была, казалось бы, субъективно предпочтительнее. Нарушение привычных ситуативных закономерностей ведет к разрушению привычных схем поведения, затруднениям в принятии даже простых решений и хаотичным действиям.

В форме смешанных психических конструкций представлены обычно и другие имеющиеся у человека знания разного рода, в том числе об исторических событиях и событиях собственной жизни, которые можно обозначить понятиями *история цивилизации в моем представлении* или *история моей жизни*. Известные нам научные и обыденные знания, религиозные учения, даже мифы и литературные произведения тоже интегрированы в соответствующие смешанные психические конструкции, которые тоже можно обозначить, например, понятиями: *физика в моем представлении*, *христианство в моем представлении*, *Индия в моем представлении*, *хороший человек в моем представлении*, *подвиги Геракла в моем представлении* и т. д.

В форме смешанных психических конструкций представлены в сознании и разнообразные бытовые знания, и даже заблуждения, в рамках которых чувственные образы переплетаются с вербальными конструкциями. Они могут, например, проявляться в поведении человека и быть ответственными за образование его психических установок. Б. Йенссон (2006, с. 109–110) рассказывает о пьесе Б. Брехта. В первом ее акте показывают женщину в концентрационном лагере, которая уверена, что это соседи написали на нее донос. Во втором акте показывают соседей, которые не доносили на женщину. Но теперь, когда всего через полгода ее освободили из лагеря, они решают, что ее выпустили потому, что она дала подписку доносить на других. В третьем акте женщина возвращается домой и встречается с соседями. Обе стороны изо всех сил стараются вести себя как раньше, но это оказывается невозможно.

В приведенном примере мы имеем дело с установками людей, которые в данном случае обусловлены наличием в их сознании смешанных

психических конструкций, особым образом репрезентирующих конкретные фрагменты окружающей реальности. Такие психические конструкции постоянно возникают в нашем сознании, влияя на наше поведение.

В форме вербальных и смешанных психических конструкций представлены и такие важнейшие составляющие нашей личности, как Я-концепция, самооценка, личные цели, мировоззрение и т. д. Само понятие *личность* обозначает психическую конструкцию, которую многие исследователи считают конструктом. И тем не менее **конкретной личностью** вполне можно назвать всеобъемлющую смешанную психическую суперструктуру, включающую в себя наиболее устойчивые психические конструкции определенного человека.

Важнейшей функцией психических конструкций является репрезентирование физической реальности, конструирование реальности социальной, регулирование поведения человека в обществе в зависимости от выполняемой им роли и, конечно, обеспечение адекватной коммуникации и негенетического наследования объективного психического содержания сознания членов общества.

Психические конструкции могут возникать произвольно, а могут произвольно создаваться человеком, то есть быть продуктами целенаправленного психического творчества. Примером первых являются модели-репрезентации любого известного нам предмета. Примером вторых — преимущественно вербальные конструкции, репрезентирующие, например, такие сущности, как гравитация или солидарность.

Существуют ли критерии, позволяющие выделить психическую конструкцию из прочего психического содержания сознания? Ведь, казалось бы, к психическим конструкциям можно отнести любую «связку» хотя бы из двух психических явлений, например любую пропозицию. **Представляется оправданным, однако, отнесение к психическим конструкциям, в первую очередь, тех совокупностей связанных между собой психических явлений, которые, ассоциируясь между собой, приобретают новое значение, отличное от суммы значений ее частей.** Благодаря этому возникшая конструкция обретает способность выполнять новую функцию, например репрезентировать особую сущность реальности. Долговременная устойчивость и возможность повторного появления в сознании также являются важными качествами психических конструкций.

Человек способен формировать новые сущности, которые его сознание репрезентирует с помощью создаваемых им психических конструкций. Р. Пенроуз (2010, с. 362), например, цитирует В. А. Моцарта (см. Примечание 5), который описывает, как у него в голове формируется произведение. Оно может быть довольно длинным, тем не менее ум изобретателя охватывает его единым взглядом, как красивую картину. Причем это не последовательный процесс, при котором различные части произведения

прорабатываются до мелочей и стыкуются друг с другом. Композитор мысленно слышит свое новое произведение целиком и сразу в одном акте сознания. По-видимому, В. А. Моцарт описывает полимодальную чувственную психическую конструкцию, так как наверняка она включала в себя и образы партитуры.

Выше мы уже сравнивали сущности, обозначаемые в литературе понятиями *схема*, *фрейм*, *когнитивная карта*, *психический конструкт*, *личный конструкт*, *идеальный тип* и *идеальная когнитивная модель*, с одной стороны, и сущность, обозначаемую понятием *психические конструкции*, — с другой. Главное различие между ними заключается в том, что создатели первых в большинстве случаев не рассматривают их в качестве ментальных сущностей и тем более особых психических феноменов. Тогда как **психические конструкции рассматриваются их автором в качестве особой новой формы сложных психических феноменов человека.**

Для облегчения понимания наших представлений попытаемся схематически изобразить отношения между некоторыми рассмотренными выше сложными психическими феноменами и психическими конструкциями. Начнем, естественно, с психических конструкций и концептов (см. рис. 1).

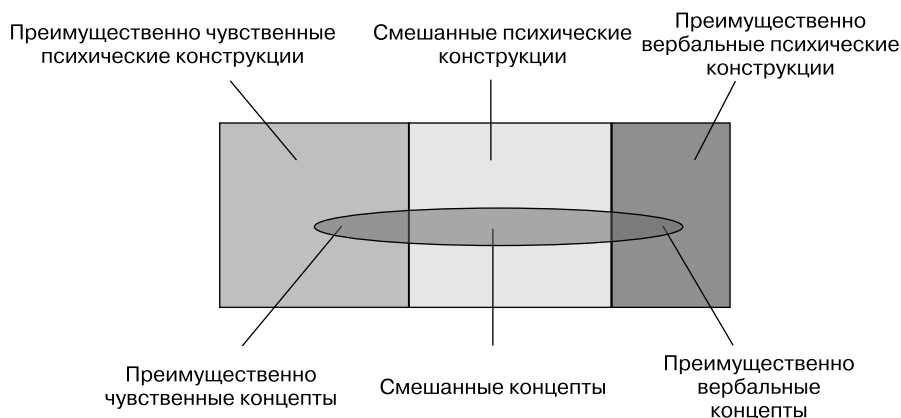

Рис. 1. Схема соотношения психических конструкций и концептов

Как видно, психические конструкции разделены на три вида: преимущественно чувственные, преимущественно вербальные и смешанные. Кроме того, одни из них (концепты) репрезентируют сущности, обозначаемые словами, а другие (прочие психические конструкции) не репрезентируют сущности и не обозначаются словами. Первых меньше, чем вторых. Концепты также бывают трех типов: преимущественно чувственные, смешанные и преимущественно вербальные.

Феноменология схем и фреймов сильно зависит от позиции авторов, занимавшихся их описанием. Эти сущности лишь частично пересекаются между собой и с преимущественно вербальными психическими конструкциями. На рис. 2 видно, что сложные сущности, обозначаемые понятиями *схемы* и *фреймы*, частично накладываются друг на друга. В то же время *схемы* и *фреймы* являются более широкими понятиями, чем вербальные психические конструкции, а потому включают их в себя, но не исчерпываются ими.

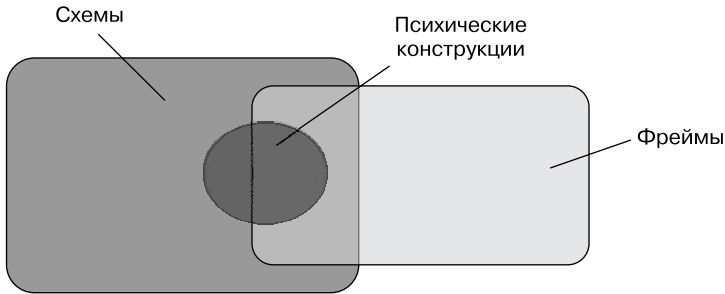

Рис. 2. Схема соотношения схем, фреймов и преимущественно вербальных психических конструкций

На рис. 3 представлено соотношение личных конструкторов Дж. Келли и психических конструкций.

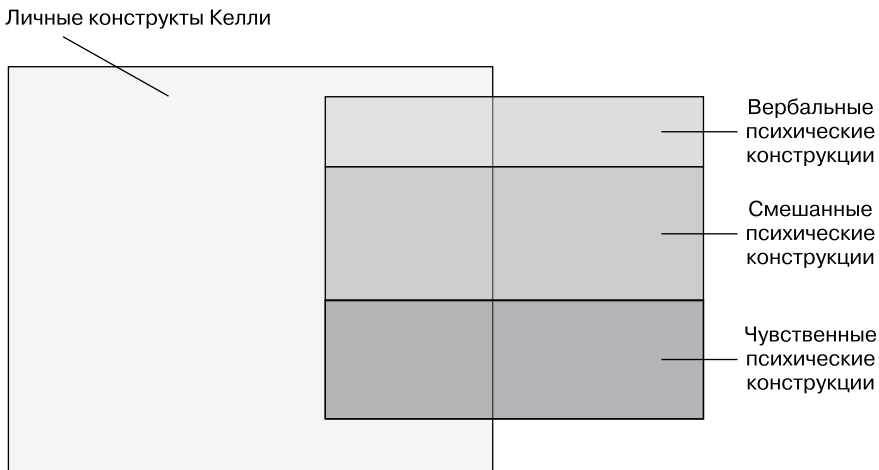

Рис. 3. Схема соотношения психических конструкций и личных конструкторов Дж. Келли

Здесь показано, что психические конструкции частично совпадают с личными конструкторами, но в то же время эти сущности довольно сильно различаются.

2.3.2. Не является ли психическая конструкция очередным конструктом исследователя?

Обозначает ли понятие психическая конструкция реально существующие в психике феномены? Может быть, это просто конструкт автора данного понятия?

Дж. Келли (2000, с. 157), например, прямо пишет, что его личные конструкты (которые, как мы считаем, во многом сходны с психическими конструкциями) являются абстракцией, что, по-видимому, следует понимать как то, что их нет в психике в качестве психических феноменов. С. Э. Поляков же рассматривает психические конструкции в качестве сложных психических феноменов.

Нам кажется, что вопрос о конструктах не может быть поставлен в отрыве от обсуждения механизмов формирования человеческим сознанием сущностей окружающего нас мира с помощью репрезентирующих эти сущности смешанных и вербальных концептов. Еще раз повторим, что при обсуждении конструктов большинство исследователей традиционно исходят из позиции объективизма: в окружающем мире существуют предметы и другие объекты, доступные наблюдению, которые репрезентируются человеческим сознанием и обозначаются понятиями. Если же вновь созданное исследователем понятие репрезентирует нечто не существующее в окружающем мире, то данное понятие представляет собой конструкт.

Мы исходим из иной позиции. Из того, что, во-первых, человеческое сознание произвольно чувственно репрезентирует доступные восприятию элементы «реальности в себе», которые, связываясь с образами обозначающих их слов, превращаются для человека в предметы. Во-вторых, сознание повторно репрезентирует, но уже вербально, те же предметы и по образцу вербальных репрезентаций предметов создает смешанные и вербальные репрезентации иных в принципе недоступных восприятию сущностей, в том числе конструктов. Все конституированные и сконструированные сознанием сущности — порождения человеческого сознания и «реальности в себе», но практически все они имеют выраженные в разной степени чувственные референты в физической реальности.

Одни сформированные сознанием с помощью смешанных и вербальных концептов сущности представляются нашему здравому смыслу несомненной частью окружающего мира. Присутствие других — гипотетических — сущностей кажется ему вполне вероятным. В отсутствии третьих он не сомневается. Эти-то третьи сущности в научной литературе и приня-

то называть «теоретическими конструктами». Однако все большее число исследователей замечают, что вероятные, или гипотетические, сущности и даже сущности, в наличии которых в окружающем мире вроде бы нет оснований сомневаться, ничем не отличаются от теоретических конструктов. И это действительно так, потому что у всех трех видов сущностей механизм формирования один и тот же. Все они формируются сознанием с помощью вербальных или смешанных концептов на основе явных или не очень явных чувственных референтов, присутствующих в физической реальности.

Обсуждая вопрос, не являются ли психические конструкции теоретическим конструктом, мы с тем же основанием можем поставить даже более общий вопрос: *не являются ли все известные нам психические феномены, например ощущения и ментальные образы, конструктами исследователей, которые сформировали их в прошлом, а затем гипотезировали и поместили в человеческое сознание в качестве его явлений?*

Согласно данным интроспекции, психика представляет собой поток почти непрерывно сменяющихся друг друга психических явлений. При этом достаточно сложно определить, где кончаются одни из них и начинаются другие. К тому же одни наши психические феномены гораздо менее четко очерчены и менее субъективно очевидны для нас, чем другие. Психические феномены восприятия (образы восприятия и ощущения) несравнимо более четки и реальны, чем вспоминаемые и представляемые образы и ощущения. Недаром в когнитивизме в течение десятилетий продолжались дискуссии о том, существуют ли вообще ментальные образы — образы представления и воспоминания.

Интроспекция позволяет нам наблюдать собственные психические явления подобно тому, как мы наблюдаем внешние предметы и явления. Используемые исследователями механизмы конституирования собственных психических феноменов на основе интроспекции сходны с механизмами конституирования и конструирования сущностей предметной физической реальности. **Конституированные или сконструированные сознанием физические сущности, могут казаться нашему здравому смыслу реальными** (птица, стол, молекула, атом), **гипотетическими** (темная материя, квантовая струна) **или вымышленными** (кентавр, вампир, эфир). Также и формируемые сознанием исследователей психические сущности также могут казаться нам реальными, возможными и вымышленными.

К реальным мы бы отнесли ощущения, образы (восприятия, воспоминания, представления), желания и некоторые другие психические феномены; к гипотетическим, например, волю и черты характера; к вымышленным, или конструктам, — бессознательные психические явления. Первые как бы непосредственно доступны восприятию. Как принято

говорить, они «воспринимаются внутренним взором», или переживаются в процессе рефлексии. То есть мы можем, говоря метафорически, «видеть» их или непосредственно чувственно переживать и фиксировать факт их наличия в сознании. По аналогии с конституированием предметов сознанием, можно сказать, что и их оно чувственно конституирует в процессе интроспекции. Гипотетические и вымышленные сущности человек конструирует вербально. Он приходит к выводу об их существовании на основе косвенных данных интроспекции и даже на основе наблюдения за поведением других людей.

Формирование, например, концепта (и понятия) *ментальный образ*, репрезентирующего образы воспоминания и представления в качестве особой психической сущности, примерно соответствует по уровню сложности данного психического действия формированию такого обобщающего концепта (и понятия), как *предмет* физического мира. В основе первого концепта тоже лежит вербальная конструкция, иллюстрируемая собирательной моделью-репрезентацией, объединяющей в данном случае множество разных ментальных образов.

Мы с рождения приучены к тому, что окружены предметами, и никогда не обсуждаем в обыденной жизни образы восприятия этих предметов. Обычный человек не удваивает сущности. Для него есть лишь предмет, а не образ восприятия, который и является предметом. Концепт, обозначаемый словосочетанием «образ восприятия предмета», гораздо менее реален для здравого смысла, чем чувственно репрезентируемый теми же образами восприятия предмет, например стул. Обычный человек не может обнаружить в собственном сознании перцептивный психический феномен так же легко, как обнаруживает в окружающем мире предмет.

Многие сущности, вербально конституированные и кажущиеся здравому смыслу вполне реальными, например обозначаемые понятиями *надежность, контроль, критерий* и т. д., являются не менее умозрительными, чем типичные конструкты сознания. Сущности, обозначаемые, например, понятиями *продолжительность* или *будущее* не могут присутствовать в «реальности в себе» хотя бы потому, что последняя существует лишь в краткое настоящее мгновение. Данные же сущности нуждаются в длящемся времени, которого нет в «реальности в себе». Прошлой «реальности в себе» вокруг нас уже нет, а будущей нет еще. Вне человека есть только актуальная, мгновенная «реальность в себе». Время же длится лишь в глобальной психической репрезентации «реальности в себе», представленной только в человеческом сознании в форме меняющегося окружающего физического мира.

Точно так же **сложные психические феномены, возникающие в сознании, требуют для своего развертывания длящегося времени.** В каж-

дый конкретный момент мы можем обнаружить в собственном сознании лишь какой-то фрагмент психической конструкции, например. Конструкция же в целом может быть реконструирована только в рефлексирующем ее длящемся сознании. Говоря метафорически — в продольном разрезе психики. Более того, сама психика со своими психическими процессами и сущностями не может быть конституирована в качестве особой сущности, если мы попытаемся рассматривать ее в отдельное очень короткое мгновение (в поперечном «разрезе» психики), в котором лишь и существует «реальность в себе», а следовательно, и наше физическое тело, и наш мозг, ответственный за психику, а в конечном счете и сама наша психика.

Итак, с одной стороны, мозг и психическая активность существуют лишь в «реальности в себе», соответственно, в настоящее, краткое мгновение, которое мы постоянно переживаем и которое все время сменяется новым мгновением. Опять же, говоря метафорически, психика существует вместе с телом лишь в кратком настоящем, то есть как бы в своем «поперечном разрезе». С другой стороны, сознание в своем потоке благодаря наличию памяти строит психические репрезентации психики и ее феноменов, в которых и они, и психика развернуты во времени, то есть в том виде, в котором они могут существовать лишь в собственных психических репрезентациях человека.

Таким образом, мы должны различать собственную актуальную, существующую лишь здесь и сейчас психику и ее же репрезентации в ней самой, которые предлагают нам уже совсем другую психику, развернутую во времени. В итоге получается, что **пребывающая в «реальности в себе» лишь в «поперечном разрезе» реальная психика трансформируется в ее собственных репрезентациях, представленных в памяти, в психику, длящуюся во времени, психику «в продольном разрезе».** В том же длящемся, или разворачивающемся, периоде времени конституируются сознанием и субобъекты психики — психические явления, психические процессы, психические состояния и т. д., способные существовать и стать «полностью видимыми» для внутреннего взора только в конституируемом сознанием «продольном разрезе» психики.

Простые психические феномены, например мгновенные образы (см. Примечание 4), непосредственно доступны интроспекции в кратком психическом настоящем¹, так как способны «помещаться» в нем. Большинство же сложных психических феноменов не могут существовать целиком и сразу в психическом настоящем, так же как не могут существовать в физическом настоящем физические сущности, пребывающие во времени, обозначаемые, например, понятиями *увядание*,

¹ О субъективном психическом настоящем времени см. с. 532.

действие, сохранение, измерение, интерференция, производство, утилизация и т. п. В то же время возникающие в сознании фрагменты психической конструкции способны полноценно замещать собой всю конструкцию в целом, что приводит к субъективному ощущению существования ее в сознании в данный конкретный момент времени.

Из-за того что психические конструкции разворачиваются во времени, обнаружить их в сознании, естественно, сложнее, чем, например, ментальные образы. Их выявление сродни выявлению четырех времен года, которые проявляются в физической реальности только в длительной временной перспективе (в течение года). С одной стороны, всех времен года сразу нет в физической реальности в данный конкретный момент времени, так как там всегда существует только одно время года. С другой стороны, они все же есть, если рассматривать ту же физическую реальность на протяжении года. Что, однако, можно сделать лишь в сознании.

В сознании времена года способны существовать даже одновременно. Данное обстоятельство лишний раз свидетельствует о том, что они представляют собой лишь психические репрезентации, или психические сущности, привычно относимые, однако, здравым смыслом к окружающему физическому миру. Возникает очередной вопрос: *что, кроме сформированных человеком понятий, доказывает реальность времен года и вообще их наличие в окружающем мире?* Для правильного ответа важно лишь одно — имеют ли эти и подобные им сущности референты в чувственно репрезентируемой физической реальности. Если они имеют референты, значит, они уже не конструкты, а сформированные сознанием сущности реальности, имеющие право на самостоятельное бытие, пусть и в человеческом сознании.

Появление новых конституированных кем-то психических сущностей зависит не только от самой психической реальности, но и от людей, которые пытаются «обнаружить» и «описать» новые феномены, от их взглядов, установок, способностей. То есть от того, как они концептуализируют реальность. Данный факт подтверждается, например, тем, что американская психология не признает наличия образов восприятия, а российская психология активно ими оперирует. При этом ни русские, ни американские исследователи не сомневаются в реальности предметов, репрезентируемых самими образами восприятия. Следовательно, ответ на вопрос: *«Существуют ли образы восприятия?»* — зависит от глобальных подходов к пониманию мира или от особенностей концептуализации реальности в конкретном научном сообществе.

Подход, предполагающий однозначный (да или нет) ответ на вопрос: *Присутствуют ли психические конструкции в нашей психике?* — неприемлем, так как сами наши концепты, репрезентирующие психиче-

ские феномены, не «отражают», как зеркало, реальность, в данном случае психическую. Они тоже сформированы исследователями, которые с их помощью лишь пытаются ее конституировать или даже конструировать. Безусловно, *психическая конструкция* — это умозрительное понятие. Но этот концепт (и понятие) имеет реальные референты в человеческой психике, как и привычные нам психологические понятия. К тому же признаваемые нами психические феномены тоже когда-то были сформированы психологами с помощью выстроенных ими концептов, но мы не относим их к психическим конструктам, хотя имеем для этого не меньше оснований.

В предыдущих главах С. Э. Поляков неоднократно высказывал мысль о том, что человек не открывает в окружающем его мире даже физические сущности; что **сознание конституирует и конструирует в том числе и те физические сущности, в независимом от человека существовании которых не принято сомневаться**. Если это так, и сознание конституирует даже то, что мы потом считаем физическими сущностями, странно было бы отрицать наличие сущностей психических, то есть психических феноменов. Нам надо спрашивать не о том, есть ли в сознании психические феномены, например ощущения, образы восприятия или психические конструкции, а о том, существуют ли в сознании референты этих психических сущностей, выстроенных исследователями, и что может дать психологии признание наличия этих сущностей.

Даже если отбросить отвлеченные рассуждения, доказывающие факт существования психических конструкций, не следует забывать о том, что все наши концепты, например, — это и есть психические конструкции. А уж отрицать существование концептов было бы странно. К тому же мы только что в предыдущих главах подробно рассмотрели сложные психические сущности, наличие которых признает большинство исследователей.

Сделаем вывод: концепт, обозначаемый словами «психическая конструкция», репрезентирует психические сущности, не менее реальные, чем, например, сущности, обозначаемые словами «ощущение», «ментальный образ», «желание» или «эмоция».

Оппоненты могут возразить, что подобный подход позволит «узаконить» даже существование таких психических конструктов, которые обозначаются, например, понятиями *психические процессы*, *черты характера* или *психические состояния*.

И тем не менее еще раз подчеркнем, что **не существует сущностей, независимых от человеческого сознания, а формируемые сознанием сущности отличаются друг от друга лишь наличием либо отсутствием оснований для их выделения, своей субъективной очевидностью для людей,**

а также полезностью этих сущностей. В качестве таких оснований выступают лишь референты — обычно какие-то чувственные репрезентации, которые дают исследователю повод выделить новую сущность в реальности, в том числе в собственной психике.

Критерий адекватности у новой сущности лишь один — практическая целесообразность ее использования. Если она признается членами общества и ее использование помогает им решать какие-то задачи, то на данном этапе развития науки данная сущность обоснованно рассматривается ими как элемент реальности.

Что уж говорить о психических сущностях, если даже применительно к физической реальности часто трудно сказать, чем именно является репрезентирующий что-то в ней концепт — конструкцией или конструктом. Что, например, обозначает понятие *позиция*¹ — конструкцию или конструкт? Очевидно, что оно обозначает явно нечто существующее, то есть данный вербальный концепт следует считать психической конструкцией, репрезентирующей что-то имеющее чувственные референты в реальности и полезное людям.

Это так хотя бы потому, что вы, например, можете наблюдать что-либо благодаря своей позиции, тогда как другой человек, занимающий иную позицию, не может это наблюдать. И наоборот, он благодаря своей позиции видит нечто невидимое для вас. Следовательно, понятие *позиция* обозначает нечто реально существующее в физическом мире, хотя и явно не очень доступное непосредственному наблюдению. Нам остается лишь признать, что в реальности есть некие трудно определяемые и выделяемые сущности, которые не укладываются в привычные исследовательские категории: *предмет, явление, свойство, действие*, даже *событие* или *ситуация*. В наших попытках квалифицировать и классифицировать создаваемые с помощью вербальных концептов сущности мы в любом случае вынуждены руководствоваться собственными чувственными репрезентациями окружающего мира и полезностью данных сущностей. Других критериев и точек отсчета у нас просто нет.

Мы так долго обсуждали различия между психическими конструкциями и конструктами только для того, чтобы показать, что объективистский подход, согласно которому якобы существуют психические конструкты в сознании и реальные сущности в окружающем мире («конструкты» и «события», по терминологии Н. Смита (2003, с. 63)), неадекватен. **Окружающий мир нельзя разделять на сущности, независимые от человеческого сознания, и псевдосущности, или конструкты, созданные сознанием.**

¹ Позиция — в смысле место расположения.

В сознании есть лишь широкий спектр конструкций, которые репрезентируют все сущности реальности (и максимально реальные для нас, и возможные, и явно вымышленные).

Тезисы для обсуждения

1. Психические конструкции, репрезентирующие новые для человека сущности, могут возникать в его сознании естественным путем, то есть непроизвольно (преимущественно чувственные), а могут произвольно создаваться им, то есть быть продуктами психического творчества (преимущественно вербальные и смешанные).
2. Главной функцией психических конструкций является репрезентирование сущностей окружающего мира и самого сознания.
3. Механизмы конституирования и конструирования исследователями психических сущностей, формируемых на основе интроспекции, аналогичны механизмам конституирования и конструирования исследователями физических сущностей, поэтому создаваемые ими психические сущности, как и сущности физические, могут быть реальными, гипотетическими и вымышленными.
4. И сама психика, и «реальность в себе» наличествуют лишь в кратком настоящем мгновении. Однако сознание, благодаря памяти, конституирует и конструирует некоторые психические сущности, разворачивая их во времени, так же как делает это в отношении многих сущностей физических. Тем самым оно трансформирует существующую только здесь и сейчас актуальную «реальность в себе» и пребывающую в ней психику и представляет их в виде изменяющихся во времени репрезентаций реальности и самой психики.
5. Концепт, обозначаемый понятием *психическая конструкция*, репрезентирует психические сущности, не менее реальные, чем, например, сущности, обозначаемые понятиями *ощущение*, *ментальный образ*, *желание* или *эмоция*.
6. Нет сущностей, независимых от человеческого сознания, а формируемые сознанием сущности отличаются друг от друга лишь наличием или отсутствием оснований для их выделения. В качестве таких оснований выступают референты — чувственные репрезентации, позволяющие исследователям предполагать наличие чего-то в «реальности в себе» и репрезентировать это нечто с помощью нового вербального концепта.
7. Вербальные концепты репрезентируют широкий спектр сущностей, на одном полюсе которого находятся те из них, которые представляются

людям реальными, а на другом — те, которые несомненно отсутствуют в «реальности в себе», хотя и первые и вторые — результат психического творчества людей, опирающийся на данные восприятия.

8. Исследователями создана целая группа сущностей (схемы, фреймы, когнитивные карты, психические конструкты, личные конструкты, идеальные типы, идеальные когнитивные модели, психические конструкции), что свидетельствует о наличии в «реальности в себе» множества референтов, дающих основание выделять эти и подобные им сущности. Однако лишь психические конструкции рассматриваются их автором в качестве сложных психических феноменов.

**ОБЪЕКТИВНАЯ
ПСИХИЧЕСКАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ**

История теорий, имеющих отношение к проблеме объективной психической реальности

Ю. Фримен и Г. Сколимовский (2000, с. 268) справедливо замечают, что в современной философии нет ни одной идеи, которую нельзя было бы проследить вплоть до Древней Греции. Нетрудно разыскать предшественников почти любой «новаторской» мысли или доктрины. У всех значительных доктрин такие же давние корни, как у всей нашей интеллектуальной традиции.

Сказанное в полной мере относится и к тому, что я называю объективной психической реальностью. О ней и ее идеальных объектах, называя ее по-разному, рассматривая ее разные аспекты и в разной связи, писали так много авторов, что невозможно перечислить их всех: мир идей и мир эйдосов (цит. по: Платон, 1949); описываемые им же универсальные совершенные формы Сократа (Платон, 1993): бытие само по себе, равное само по себе, прекрасное само по себе; вещи, которые не истинны и не ложны (Г. Галилей; цит. по: А. В. Койре, 2003, с. 128–153); врожденные идеи (Р. Декарт, 1994); модусы (Б. Спиноза, 1957); априорные категории сознания, чистые априорные суждения, идеи разума, иллюзорные ошибки и видимости разума (И. Кант, 1980; 1994); абсолютная идея, объективный дух и универсум, мировой дух, мировой разум (Г. Гегель, 2000); универсум высказываний в себе и истин в себе, суждения сами по себе (Б. Больцано; цит. по: К. Р. Поппер, 2002, с. 109); мировая воля (А. Шопенгауэр, 2011); коллективный дух, душа народа (В. Вундт, 2002, с. 778); третья область и универсум объективного содержания мысли (Г. Фреге; цит. по: К. Поппер, 1983, с. 440); миры мысли (У. Джеймс, 2000); царство чистых предельных форм, жизненный мир, общий дух, общая воля

народа (Э. Гуссерль, 1995, с. 322); коллективные представления, факты коллективного сознания (Э. Дюркгейм, 1995); объективный дух, исторически-духовный мир (Н. Гартман, 1997); душа культуры (О. Шпенглер, 2006); соборное сознание (С. Н. Трубецкой, 1994); символический универсум (Э. Кассирер, 2002); мир универсалий (Б. Рассел, 2000); единовременное культурное качество (П. Сорокин, 2007); ноосфера (Э. Леруа¹, П. Тейяр де Шарден, 2001; В. И. Вернадский, 1944); космическое сознание (Э. Фромм, 2004); коллективный опыт человечества (Л. Н. Гумилев, 2004); третий мир (К. Поппер, 2002; 1983); космическое бессознательное (Д. Судзуки, 1997); душа толпы (Г. Лебон, 1995); бессознательное как речь «Другого» (Ж. Лакан; цит. по: П. Горностай²); коллективные представления, коллективное сознание (Л. Леви-Брюль, 1999); жизненное пространство (К. Левин, 2000); мир Платона (Р. Пенроуз, 2010); идея мира смыслов как пограничного царства, расположенного между миром ценностей и миром бытия (Г. Риккерт, 1998); коллективное бессознательное (К. Юнг, 1991); логосфера (Р. Барт, 1994); групповая душа, объективный дух, групповой дух, социальная сфера современников и историческая сфера предков (М. Шелер, 2011); бессознательные структуры (К. Леви-Стросс, 2001; М. Фуко, 2004); предрассудки (Х.-Г. Гадамер, 1988); смысловое поле (Л. С. Выготский, 2005); воображаемый музей (А. Мальро, 2005); коллективное верование, социальная вера, мир обычаев, мышление эпохи, идеи эпохи, дух времени (Х. Ортега-и-Гассет, 1997); транссубъективное пространство (Д. Н. Узнадзе, 2004); символический универсум, смысловой универсум, объективная социальная структура (П. Бергер и Т. Лукман, 1995); жизненный мир (Л. Бинсвангер, 1999); интеллигибельная материя (М. К. Мамардашвили, 1998); многомерный мир (А. Н. Леонтьев, 1983); действительность второго порядка (П. Вацлавик (P. Watzlawick, 1977)); семантическая вселенная (В. Налимов, 2007); семиосфера (Ю. Лотман, 2004); мир значений (А. А. Леонтьев, 2001); психосфера (В. А. Звегинцев, 1968); знаемый мир (А. Д. Логвиненко, 1985); глобальная социальная память (М. А. Розов, 2009); мир субъективных категорий (О. А. Корнилов, 2013); надындивидуальные, надсознательные явления (А. Г. Асмолов, 1979); многомерное пространство жизни (В. Е. Ключко, 2012); общественное сознание (советский марксизм); массовое сознание, коллективное сознание, социальное сознание или дух, коллективная душа, народный дух, дух нации, логические предметы, идеальные предметы, идеальная структура вещи, интерсубъективный мир и т. д. и т. п. Очевидно, что этот далеко не полный

¹ Ноосфера: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ноосфера>.

² *Горностай П.* Психологические теории и концепции личности / П. Горностай, Т. Титаренко // Институт психотерапии и клинической психологии. Библиотека [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.psyinst.ru/library.php?id=1886&part=article>.

перечень можно еще долго продолжать. Например, только среди предшественников, создавших теории, сходные с его теорией «третьего мира», К. Поппер (2008, с. 83) указывает Гесиода, Ксенофана, Гераклита, Парменида, Платона, Аристотеля, стоиков, Плотина, Лейбница, Больцано и Фреге.

Трудно напрямую соотносить множество перечисленных мною выше конструкторов разных исследователей с психическими конструкциями, входящими в то, что я обозначаю понятием *объективная психическая реальность*, из-за существенных различий в общеконцептуальной структуре прошлых и современных представлений о мире, то есть из-за разной концептуализации мира разными исследователями. Однако совершенно очевидно, что и эти, и многие другие авторы говорили примерно об одном и том же, понимая это каждый по-своему и рассматривая с разных позиций. Как видно из приведенного выше списка, уже более 2000 лет мыслители обсуждают объективный психический мир, выделяя его наряду с объективным физическим миром и субъективным психическим миром индивидуального сознания. Особенно широко стала обсуждаться эта проблема в XIX–XX вв. Приведу лишь некоторые характерные примеры.

Начну с Э. Кассирера, который, правда, цитирует еще Эпиктета: «То, что мешает человеку и тревожит его, — говорит Эпиктет, — это не вещи, а его мнения и фантазии о вещах» (1988, с. 29).

Сам Э. Кассирер считает (с. 28–29), что человек в отличие от других животных живет не только в физическом, но и в символическом универсуме. Части этого универсума: язык, миф, искусство, религия. Из них сплетается символическая сеть, сложная ткань человеческого опыта. Человек не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника — лингвистических форм, художественных образов, мифических символов или религиозных ритуалов. Даже в практической сфере человек не может жить в мире строгих фактов или сообразно со своими желаниями и потребностями.

Э. Дюркгейм пишет об особой коллективной психической сущности: «Соединяясь в одно целое, проникая друг в друга, сливаясь, индивидуальные души порождают, если угодно, психическое существо, но составляющее психическую индивидуальность нового типа. В природе именно этой индивидуальности, а не в природе составляющих ее элементов нужно искать вероятные и определяющие причины, которые здесь появляются» (цит. по: С. Московичи, 1998, с. 28).

Очевидно, что никакой «коллективной психической сущности» нет и не может быть, так как бывают только индивидуальные психические сущности, но что-то, имитирующее ее наличие, все же есть. *Что?*

Н. Гартман (2003, с. 96) замечает, что мир духа составляет еще одну особую сферу бытия, а жизнь и судьбу объективного духа можно постичь

и описать. Загадочным, однако, остается, по мнению автора, способ его бытия: «Этот загадочный способ бытия невольно склоняет к метафизическим тезисам. ... Речь идет о способе бытия очень известных и важных предметов: языка, права, обычаев, этики, искусства, религии, науки...» (с. 96).

М. Шелер (2011, с. 15) полагает, что повсюду, где мы имеем дело с человеческим обществом, и во все времена мы встречаем нечто вроде «объективного духа» — воплощенный в какой-либо материи или деятельности смысл. Например, орудия труда, произведения искусства, язык, шрифт (письменность), институты, нравы, обычаи, ритуалы (обряды), церемонии. Встречаем изменчивую структуру «духа» группы, духа, обладающего по отношению к отдельному существу значимостью и силой, которые являются более или менее обязывающими или переживаются как «связывающие». Автор говорит об объективных смыслах культуры и комплексах духовных актов, в которых они конституируются, сохраняются и изменяются.

Что же это за «объективный дух» и «объективные смыслы»?

Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 267–268) указывает, что человек живет в мире убеждений. Большинство из них являются общими для всех людей одной с ним эпохи. Автор называет его «значимым миром» и «духом времени», подчеркивая не только его реальность, которую придают ему наши убеждения, но и то, что он навязан нам в качестве «главнейшего ингредиента наших обстоятельств». Подобно тому как любой из нас сталкивается с собственным телом, которое досталось нам случайно, и мы обречены пребывать в нем и жить с ним, человек сталкивается и с идеями своего времени и вынужден жить с ними и в них. Этот значимый мир — дух времени, ориентируясь на который и в связи с которым мы живем, соотнося с ним свои действия, изменяется с каждым новым поколением, поскольку предыдущее оставило в нем какой-то свой след, изменило его в большей или меньшей степени по сравнению с тем, каким оно его застало.

Я полагаю, однако, что мы не просто сталкиваемся с идеями и живем с ними и в них, как пишет автор. Идеи эти буквально создают наш мир, его объекты, его события, его структуры. Предлагая нам готовые репрезентации окружающего мира, они тем самым конституируют этот мир вокруг нас.

М. К. Мамардашвили (2002, с. 21) напоминает о некоем культурном «котле», в котором человек «варится» и в котором продуцируется нечто природой не порождаемое. «Котел» этот — человеческое изобретение. Мифы, ритуалы, символы изобретены человеком. Все это «упаковано» в многотысячелетнюю историю, и «раскрутить» ее почти невозможно. Есть лишь неизменная, уходящая на многие века и тысячелетия вглубь безымянная масса мифа.

Дж. Лакофф утверждает (2004, с. 274–275), что культурные категории реальны. Правительства реальны, но только потому, что люди придумали

их и затем действовали в согласии с этой концептуализацией. Продукты человеческого воображения играют огромную роль в создании реальности. Деревья и скалы могут существовать независимо от человеческого ума, но правительства — не могут.

Это очень важное наблюдение. Действительно, правительства не могут существовать независимо от человеческого ума. Более того, только в нем они и существуют. И, кстати, далеко не только правительства, но и множество других объектов, в физическом существовании которых не принято сомневаться, присутствуют лишь в человеческом сознании. Я лишь дополнил бы слова Дж. Лакоффа тем, что даже предметы, то есть «деревья и скалы», на самом деле далеко не так независимы от человеческого ума, как принято считать.

К. Поппер, больше, чем другие исследователи, преуспевший в описании того, что имеет прямое отношение к объективной психической реальности, пишет о «третьем мире» так: «Обитателями моего третьего мира являются, прежде всего, теоретические системы; не менее важными его жителями являются проблемы и проблемные ситуации. Однако его наиболее важными обитателями... являются критические рассуждения и то, что по аналогии с физическим состоянием или состоянием сознания можно назвать состоянием дискуссий или состоянием критических споров; конечно, сюда относится и содержание журналов, книг и библиотек» (2002, с. 109). «...Третий мир есть естественный продукт человеческого существа, подобно тому как паутина является продуктом поведения паука... третий мир в значительной степени автономен, хотя мы постоянно воздействуем на него и подвергаемся воздействию с его стороны. Он является автономным, несмотря на то что он есть продукт нашей деятельности и обладает сильным обратным воздействием на нас, то есть воздействием на нас как жителей второго и даже первого мира... в результате указанного взаимодействия между нами и третьим миром происходит рост объективного знания, и существует тесная аналогия между ростом знания и биологическим ростом, то есть эволюцией растений и животных» (с. 114).

П. Бергер и Т. Лукман (1995, с. 9–36, 295) утверждают, что реальность социально конструируется, и социология знания должна анализировать процессы, посредством которых это происходит. Они полагают, что человек биологически предопределен к конструированию мира, в котором живет. Сконструированный мир превращается для него в доминирующую и определяющую реальность. Человек творит реальность и тем самым творит самого себя.

П. Вацлавик (2001, с. 106) утверждает, что «действительность второго порядка» является результатом коммуникации. Ни одно высокоорганизованное живое существо не смогло бы выжить, если бы ему предстояло постигать мир в полном одиночестве. Низшие формы жизни снабжены

«генетической инструкцией» и безжалостно уничтожаются, если их генетическая программа утрачивает соответствие миру. У человека в основе всего лежит его социальная природа. Коммуникация обеспечивает человека инструкциями относительно того, как именно следует видеть мир.

В. В. Миронов и А. В. Иванов (2005, с. 267) отмечают, что взгляд на знание и бытие фундаментальных идей как на особую реальность разделяли и разделяют крупнейшие ученые из разных областей научного знания: математик Г. Кантор, логик Г. Фреге, физик В. Гейзенберг, биолог А. А. Любищев и др.

Давайте попробуем последовательно разобраться в том, что же представляет собой сущность, которую я обозначаю понятием *объективная психическая реальность*. Но начать, как обычно, имеет смысл с определения понятий.

Об объективной реальности

3.2.1. Объективность в психологии

Еще раз напомню, что в современной науке преобладает объективистская точка зрения. *Что же такое объективность?*

Г. В. Осипов в Социологическом энциклопедическом словаре определяет объективность как «...1. Действительное, независимое от воли и сознания человека существование мира, предметов, их свойств и отношений; принадлежность к объективной реальности. 2. Содержание знания, соответствующее объекту. 3. Беспристрастность, непредвзятость, соответствие объективной действительности» (1998, с. 216).

А. Ребер предлагает в своем словаре несколько определений: «Объективный. 1. Основное значение здесь происходит из представления об объекте как предмете, который является реальным, очевидным или физическим и, следовательно, состояние или функция которого доступны публичной верификации, имеют внешние проявления и не зависят от внутреннего, психического или субъективного опыта... 2. Характеристика предмета, суть которого определяется с помощью физического измерения. Вес, длина волны и частота звуковой волны — “объективные” характеристики предметов, соответствующие “субъективным” измерениям тяжести, цвета и звука... 4. Внешний по отношению к телу или сознанию...» (2000, с. 541).

В Современном философском словаре читаем: объективный — «свойство реальности быть независимой от субъекта, а также способность субъекта фиксировать реальность как не зависящую от него и его познания» (В. Е. Кемеров, 2004, с. 480–481).

Перечисленные определения характерны для объективистского подхода, согласно которому вне и независимо от человека существует объективный предметный физический мир.

Между тем уже И. Кант, например, относится к этому понятию гораздо осторожнее: «Если нечто верно для всякого, находящегося в своем уме,

значит, это нечто имеет объективные и достаточные основания» (цит. по: Ю. Фримен и Г. Сколимовский, 2000, с. 246).

А. Пуанкаре тоже не столь категоричен: «...что объективно, то должно быть обще многим умам и, значит, должно иметь способность передаваться от одного к другому; а так как эта передача может происходить лишь “дискурсивным” путем... то мы вынуждены сделать заключение: путь к объективности есть путь общения посредством речи (рассуждений, логики)» (1983, с. 275).

Ю. Фримен и Г. Сколимовский (2000, с. 222–225) предлагают рассматривать отдельно то, что они называют «объективностью по отношению к фактам (фактуальной объективностью)» и «объективностью по отношению к правилам (объективностью по правилам)», устанавливающим объективность по общественному соглашению. Первая, по их мнению (с которым можно только согласиться), недостижима, и все ориентируются на достижение межсубъектного согласия, на коллективное подтверждение, обладающее «объективностью по правилам». Причем, по словам авторов, «объективное по правилам» мы принимаем так, как если бы это было истинно по сути, а не только по соглашению. При этом межсубъектное согласие понимается как перевод термина «объективность» на язык практики или действия. Хотя объективность по правилам говорит лишь об общественном соглашении, а не о фактах.

Мы подробно обсуждали выше, что вне человека и без него нет объективного предметного мира. Предмет — это субъективная индивидуальная чувственная репрезентация никак иначе не доступного конкретному человеку элемента объективной «реальности в себе». Следовательно, даже предмет может быть «объективен» только по общественному соглашению.

Дж. Лакофф (2004, с. 343–344) утверждает, что объективность не означает соответствия точке зрения божественного видения. Объективность заключается в том, чтобы подняться выше предрассудков и для начала осознать, что у нас самих есть предрассудки. Главный их источник — наша концептуальная система. Объективизм предполагает, что есть лишь один способ концептуализации. Мы же, чтобы быть объективными, должны осознать, что у нас есть специфическая концептуальная система, хотя могут существовать и альтернативные системы.

Автор (с. 244–245) предлагает еще одно значение термина. Он пишет, что в нашем обществе существует важнейшая народная теория, согласно которой быть объективным — значит быть беспристрастным. Эта теория подразумевает, что решения должны приниматься исходя из максимально «объективных» оснований. Но человеческим суждениям и оценкам свойственно быть ошибочными и часто основываться на

предубеждениях. Для людей, принимающих решения, объективность — лучший способ избежать ответственности. Если решение основывается на «объективных» критериях, тогда тот, кто его принял, прав. К тому же принято считать, что объективистская метафизика эффективно работает. Хотя, по мнению автора, не факт, что она действительно эффективна.

А. Ребер определяет и понятие *субъективный*: «1. ...а) Личный — тот, который является субъективным, то есть внутренним, персональным, недоступным для общественного рассмотрения... б) Мысленный или когнитивный — субъективный — значит ощущаемый или психический в противовес физическому или соматическому... в) Индивидуальный — субъективный, то есть единственный, с участием только одного человека... 2. Не являющийся непосредственно публичным, незнакомый кому-либо еще...» (2000а, с. 329–330).

Это понятие вызывает гораздо меньше возражений у исследователей и дискуссий в литературе.

Парадоксально, но в психологии и сегодня доминирует классический объективизм, который продолжает играть мощную негативную роль там, где, казалось бы, должен был доминировать субъективизм. Надо с удивлением признать, что физики опередили психологов на «чужом» для них «поле», поставив под сомнение даже в собственной науке адекватность объективистского подхода и вовсе отказавшись от него в физике квантовой.

Э. Шредингер, например, в середине XX в. пишет: «Под этим (принципом объективизации. — *Авт.*) я понимаю то, что часто называют “гипотезой реального мира”, который нас окружает. Я утверждаю, что это равносильно определенному упрощению, которое мы приняли с целью решения бесконечно сложной задачи природы. ...Мы исключаем Субъект Познания из области природы, которую стремимся понять. Мы собственной персоной отступаем на шаг назад, входя в роль внешнего наблюдателя, не являющегося частью мира, который благодаря этой самой процедуре становится объективным миром. ...Я, так сказать, помещаю свое собственное ощущающее “Я” (которое построило этот мир в виде ментального продукта) обратно в него — со всем адом катастрофических логических последствий, вытекающих из вышеобозначенной цепочки неверных выводов. ...Пока разрешите лишь отметить две наиболее вопиющие антиномии, возникающие в силу незнания нами того факта, что умеренно удовлетворительная картина мира была достигнута высокой ценой: за счет удаления нас с картины и занятия позиции стороннего наблюдателя» (2000, с. 38–39).

О том же говорит и В. Гейзенберг: «...разделение мира на субъективную и объективную области явилось бы чрезвычайным упрощением действительности» (2004, с. 69).

С учетом такой позиции физиков достаточно странно выглядит основное на сегодняшний день направление развития психологии — когнитивное, которое занимается «объективными» исследованиями самого субъективного предмета из всех возможных — психики. И самая многочисленная на сегодня группа психологов, вооруженных так называемыми «объективными»¹ методами исследования, пытается «объективизировать» эту субъективную сущность и ее столь же субъективные проявления.

К. Поппер (2000, с. 305), обсуждая одно из значений понятия *объективность*, справедливо замечает, что нельзя считать, будто объективность науки зависит от объективности ученого, а позиция представителя естественных наук более объективна, чем позиция представителя общественных наук.

Представления здравого смысла об объективном и субъективном условны. Далеко не все то, что очевидно и реально для нашего здравого смысла, действительно объективно. Например, наша собственная зубная боль субъективна, но она для нас гораздо очевиднее и реальнее, чем некоторые предметы окружающего мира. В то же время не все объективное является физическим. Например, общественное мнение. Характеристика объективного как внешнего по отношению к телу или сознанию тоже достаточно спорная. Так, содержание сознания Петра является внешним по отношению к моему или вашему сознанию. Но из этого не следует, что оно объективно.

Учитывая то, что даже один и тот же элемент объективного физического мира, например цвет конкретного предмета, конституируется сознаниями двух людей по-разному, встает вопрос: *что же такое объективность окружающего нас мира? Если один человек различает зеленое и красное, а другой (дальтоник) не различает это зеленое и красное, то в чем тогда заключается объективность цвета предмета, например? Только в том, что у большинства людей чувственные репрезентации его сходны?*

Объективное — это не то, что двое видят одинаково, и не то, что якобы репрезентируется в их сознании одинаковыми концептами, потому что нет ничего такого, что они видят одинаково, и у них нет совершенно одинаковых концептов. **Объективно то, что двое способны репрезентировать и по поводу чего могут прийти к согласию.** Сами же их чувственные образы и концепты — субъективны и индивидуальны. *Тогда как же люди понимают друг друга и приходят к согласию?*

Существуют ли вообще «объективное наблюдение», «объективный опыт», «объективная наука» и т. д.? Наблюдение, например, — это всегда акт сознания, то есть по своей сути это всегда субъективный акт. Поэтому

¹ Не буду далее использовать в кавычках термины «объективное» и «субъективное», не забывая при этом об условности данных понятий.

нельзя в строгом смысле этого слова говорить об «объективном наблюдении». Однако этот термин широко применяется в тех случаях, когда, например, описывается восприятие одного и того же элемента «реальности в себе» разными людьми. Предполагается, что в этом случае у наблюдателей возникают одинаковые образы его восприятия, хотя любые образы восприятия у наблюдателей всегда уникальны и субъективны, то есть различаются, даже если они похожи. Тем не менее на основании их сходства часто делается ошибочный вывод об объективности наблюдения, то есть его независимости от наблюдателя.

В научной литературе постоянно встречается понятие *объективный наблюдатель*, что вообще нонсенс, так как любой наблюдатель по своей природе субъективен. То же самое верно и в отношении понятий *объективный эксперимент* и *объективный опыт*, обозначающих многократно воспроизводимый однотипный процесс, за которым наблюдают разные наблюдатели. Это же касается и понятия *объективная наука*, которая представляет собой совокупность теорий и гипотез, то есть преимущественно вербальных моделей реальности, созданных исследователями в процессе их наблюдения за экспериментально вызванными изменениями реальности, теорий и гипотез, принятых большинством исследователей в качестве истинных на данном уровне развития знания, то есть, по определению Ю. Фримена и Г. Сколимовского (2000, с. 224–225), истинных не фактически, а по соглашению.

Д. Серл (2002, с. 37) пишет, что с XVII в. образованные люди стали принимать в качестве абсолютной истины предпосылку о том, что реальность объективна. По его словам, это допущение многократно доказало свою полезность для нас, но оно очевидно ложное. Данный факт обнаруживает даже наша рефлексия. Тем не менее это допущение привело к мнению, будто единственно «научным» путем изучения сознания является изучение его как набора «объективных» феноменов.

Я полагаю, что *субъективность* и *объективность* — лишь понятия, обозначающие очередные наши психические конструкции, репрезентирующие некие способы познания, искусственно противопоставленные друг другу. *Но есть ли и то и другое, если все наше познание всегда субъективно и никакого иного познания нет и в принципе быть не может?* Другое дело, что, сравнивая репрезентации окружающего мира у разных людей, мы обнаруживаем в этих репрезентациях либо сходство, либо различие. Понятия *объективность* и *субъективность* обозначают умозрительные, хотя и гипостазированные человеком, сущности. К тому же сущности крайне аморфные, с расплывающимися границами, а потому условно полезные. Это становится еще более очевидно, если мы попробуем определить их по-новому.

Объективное — понятие, обозначающее концепт, репрезентирующий гипотетическое свойство «реальности в себе», позволяющее ей быть чувствен-

но и очень сходно репрезентированной разными наблюдателями (субъектами) одновременно или одним и тем же наблюдателем повторно.

Субъективное — понятие, обозначающее концепт, репрезентирующий свойство психических явлений, заключающееся в их недоступности всем, кроме переживающего их человека (субъекта).

Беспольность этих понятий демонстрирует, например, вопрос: *субъективны или объективны вербальные психические репрезентации окружающего мира, которые существуют в сознании человека, например его знания?* Пока эти знания только его, они субъективны. Но как только и если они становятся частью объективной психической реальности, они превращаются в объективные, то есть доступные всем. Однако, даже становясь объективными, они не обязательно истинны, что противоречит доминирующей сегодня в науке объективистской парадигме.

У нас есть все основания отказаться от понятий *объективное* и *субъективное*. Однако на практике гораздо проще ввести в культуру новый, пусть даже неудачный, концепт (и понятие), чем убрать из нее неудачный концепт (и понятие), поэтому нам придется считаться с фактом наличия в ней концептов (и понятий) *объективное* и *субъективное* и даже пытаться использовать их далее. С понятием *объективное* я буду ниже связывать нечто относительно независимое от конкретного субъекта, хотя и проявляющееся в его субъективных психических репрезентациях, нечто доступное многим людям и чаще имеющее внешнюю по отношению к ним локализацию.

3.2.2. Реальность и ее виды

Что такое реальность?

А. Бергсон (2006, с. 60–61) справедливо полагает, что мы будем в состоянии определить понятие *реальность*, только примкнув к какой-нибудь школе философии, так как проблема получила столько решений, сколько существует оттенков реализма и идеализма. Кроме того, автор указывает, что мы должны учитывать различия между философским и научным подходами. Первый рассматривает реальность как нечто конкретное, обладающее разными качествами. Второй же сосредоточивает свое внимание только на одной из сторон вещи, измеряя величины и отношения между ними.

И. фон Икскуль (цит. по: Э. Кассирер, 1988, с. 27) пишет, что считать возможным существование некой абсолютной вечной реальности, одинаковой для всех живых существ, — значит впадать в наивный догматизм. Реальность не едина и не однородна. Она чрезвычайно разнообразна. В ней столько различных вариантов, сколько организмов. У каждого организма есть свой собственный мир. Реальности разных биологических видов

несоизмеримы друг с другом. Автор замечает, что в мире мух мы найдем только «мушинные вещи», а в мире морских ежей — только «ежиные».

Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 546–547) пишет, что жизнь другого не явлена нам как наша собственная. Чужая жизнь — только догадка, гипотеза, но ни в коей мере не радикальная, самоочевидная, исходная реальность. Радикальная реальность, то есть собственная жизнь, включает много реальностей второго порядка, или предполагаемых. По словам автора, нашей жизни явлена бескрайняя перспектива отличных от нее реальностей, предполагаемых или правдоподобных, не имеющих для нас радикального, бесспорного характера. Необходимо поэтому ввести иерархию реальностей. Можно говорить о реальности первой, второй и иных степеней. Дело не в содержании, а в признаках, в характере самой реальности. Бесспорно, мир физики реален. *Но в какой степени?*

По его мнению, реальность мира физики, например, — это как раз одна из предполагаемых реальностей, которая может быть реальностью только четвертого или пятого порядка. Автор понимает под реальностью все, с чем он вынужден считаться. И говорит, что его жизнь включает огромное число предполагаемых реальностей, но это не значит, что они мнимы, — они лишь спорны, то есть не явлены очевидно и радикально. Чтобы не спутать многочисленные предполагаемые реальности с радикальной, он предлагает называть их истолкованиями или идеями о реальностях (предположениями, вероятностями).

П. Бергер и Т. Лукман (1995, с. 40–41) пишут, что среди множества реальностей существует реальность повседневной жизни, привилегированное положение которой дает ей право называться «высшей реальностью». Она не требует никакой дополнительной проверки сверх того, что просто существует как самоочевидная и непреодолимая фактичность. Важнейший ее признак — то, что она существует для человека только здесь и сейчас, и всегда — вокруг его «Я». Кроме того, она включает в себя то, что доступно физической и психической манипуляции, то есть действиям человека с ней.

Реальность повседневной жизни представляется авторам (с. 43–45) как интересубъективный мир, который человек разделяет с другими людьми. Человек знает, что живет с другими людьми в общем мире, что у всех людей есть общее понимание этой реальности. П. Бергер и Т. Лукман полагают, что по сравнению с реальностью повседневной жизни другие реальности оказываются анклавами в рамках высшей реальности. Высшая реальность окружает их со всех сторон, и сознание всегда возвращается к высшей реальности как с экскурсии. Человек переключается с мира повседневной жизни на мир игры, например, в театре. Переход из одной реальности в другую происходит в результате поднимания или опускания занавеса.

П. Фейерабэнд (2010, с. 85–86) пишет, что великое разделение реального/нереального оказалось слишком упрощенным для того, чтобы охватить сложности нашего мира. Следовательно, с четким и однозначным определением реальности лучше распрощаться. Проблема реальности возникает тогда, когда элементы сложных миров подводятся под абстрактные понятия, а затем объявляются реальными либо нереальными. По мнению автора (с. 116–117), современные объективисты — не единственные люди, проецирующие свои фантазии на мир. Для древних греков их боги просто «были». Теперь это считается ошибочным.

С точки зрения современных рационалистов, греческие боги были неотделимой частью греческой культуры, они были воображаемыми и в действительности не существовали, потому что гомеровские боги не могут существовать в научном мире. П. Фейерабэнд (там же) спрашивает, почему это столкновение используется для устранения богов, а не научного мира, хотя и то и другое считается объективным и возникает культурно обусловленным образом. По его словам, ответ предвосхищает то, что должно быть доказано, а именно: что научные законы реальны, а боги — нет. Этот ответ также делает критерием реальности доступность и следование законам. Сам П. Фейерабэнд заключает, что нам остается только одно: либо мы считаем богов и кварки в равной мере реальными, но привязанными к разным обстоятельствам, либо мы вообще прекращаем говорить о реальности вещей и начинаем использовать более сложные схемы порядка.

А. Ребер (2000а, с. 182) выделяет несколько *слоев реальности*. В своем наиболее узком значении это понятие охватывает непосредственно или опосредованно измеримые аспекты физической вселенной, то, что может быть публично и надежно измерено. В более широком смысле это понятие обозначает и конструкты, выводимые или поддающиеся толкованию с помощью теоретического анализа, даже если конструкты эти не являются измеримыми в вышеуказанном смысле. Например, гравитация, естественный отбор, личность и т. д. В еще более широком значении понятие охватывает все, что индивид считает «реальным». Сюда могут войти, например, добрая воля, призраки, бог и т. д., составляющие для некоторых людей непрременную часть реальности.

Мне лично представляется очевидным, что реальность имеет многоуровневую и разветвленную структуру. При этом **реальность образов восприятия резко отличается от реальности образов воспоминания, а та, в свою очередь, от реальности образов представления**. Реальность можно разделять в зависимости от времени (прошедшая, настоящая, или актуальная, и будущая, или потенциальная); в зависимости от философских установок и взглядов (физическая, материальная, или объективная, и психическая,

идеальная, или субъективная). Имеет смысл выделять реальность окружающую, социальную, историческую, игровую, фантастическую, галлюцинозную, реальность сновидений, а также реальность научную, театральную, реальность религиозных верований, реальность коммуникативную, вымышленную (в том числе имеющую смысл и не имеющую смысла) и т. д.

Люди способны изменять реальность естественную и создавать новую искусственную реальность: города и заводы, железные дороги и космические станции, романы и кинофильмы и т. д. Реальность искусственная включает в себя виртуальную, дополнительную, консенсуальную и медиареальность. И все это, по-видимому, не исчерпывает виды и формы реальности. Восприятие и понимание чего-либо в качестве реального может, например, зависеть от возраста человека.

Так, Ж. Пиаже (1994, с. 380–387) не исключает возможности существования у ребенка двух или нескольких реальностей, которые действуют поочередно, вместо того чтобы находиться в иерархических отношениях, как у взрослых. По мнению автора, в первой стадии (до 2–3 лет) реальное — это попросту то, что желательно. Во второй стадии (от 2–3 лет до 7–8) можно наблюдать два одинаково реальных мира: мир игры и мир наблюдения. В третьей (от 7–8 до 11–12 лет) начинается иерархизация, которая завершается в четвертой стадии (после 11–12 лет).

Итак, четко определить реальность мы не можем. Нам остается лишь признать, что **понятие *реальность***, как и понятия *объективное* и *субъективное*, обозначает очередной **аморфный концепт с размытыми границами**.

3.2.3. Объективная предметная физическая реальность

Попробуем теперь разобраться с понятием *физический мир*, или *объективная предметная физическая реальность*. Казалось бы, уж с ней-то все просто. Но нет. Оказывается, далеко не все исследователи готовы принимать даже ее наличие.

Х. Ортега-и-Гассет, например, прямо пишет: «Что такое физический мир — неизвестно, тем более никто не знает, что такое мир объективный, то есть мир не только каждого, а общий для всех» (1997, с. 530). «Ибо последний (объективный, «подлинный» мир. — *Авт.*)... не мой и не твой, а явлен в виде некой грандиозной догадки, которую мы строим в нашем существовании и которую трудно определить» (с. 584). «Ясно одно: мы не живем в физическом мире, а лишь мыслим его, выдумываем... сегодня она (физика. — *Авт.*) воображает мир, отличный от вчерашнего, а завтра выдумает еще какой-то, иной» (с. 537).

Пожалуй, автор слишком категоричен, говоря о том, что мы не живем в физическом мире. Я полагаю, что мы все же живем в нем. Другое дело, что каждый создает свой собственный предметный физический мир в виде своей личной его репрезентации, хотя и похожей на репрезентации других людей, и живет в ней, полагая, что это и есть мир, окружающий всех людей. Кроме того, каждый человек получает в наследство от своих предшественников вербальный концепт, обозначаемый сложным редуцированным понятием *общий объективный предметный физический мир*.

Сказанное не отменяет того факта, что мы действительно обитаем в объективной, то есть независимой от нашего сознания, «реальности в себе».

Х. Ортега-и-Гассет (с. 556) считает, что общий объективный предметный физический мир получает точные очертания в ходе разговоров людей о вещах, которые представляются им более или менее сходными, хотя совпадение человеческих мнений относительно того или иного аспекта мира часто бывает мнимым. По словам автора, детали в поведении других внезапно открывают нам, что мы видим вещи иначе, чем другие люди. Однако совпадений людям хватает, чтобы договориться об основных чертах воспринимаемого ими мира. Благодаря этому возможно, например, научное сотрудничество, и разные лаборатории успешно применяют результаты, полученные другими. Автор полагает, что мы творим истолкования, образы мира, который, не будучи исключительно моим или твоим, представляет собой, в принципе, мир всех, то есть просто мир.

Обращу внимание на принципиально важное положение автора (там же): мы творим общий для всех, то есть объективный, но формируемый нами мир. Он нам не дан в готовом виде, как дан собственный, исключительный мир личного чувственного восприятия. Мы созидаем объективный мир в ходе нашей коммуникации друг с другом.

Х. Ортега-и-Гассет (там же) высказывает парадоксальное, но важное, как мне кажется, положение, противоречащее общепринятым догмам: не этот единственный, объективный физический мир создает возможность нашего сосуществования с другими людьми, а, наоборот, наше общение, социальная коммуникация с другими людьми позволяет появиться между ними и мной чему-то вроде общего для всех нас объективного физического мира. Не моего и не твоего, а мира всех нас.

Из этих рассуждений автора трудно не сделать вывода, что **вне человеческого сознания нет единого для всех людей объективного предметного физического мира. Люди создают его в своем сознании, единообразно строя его в своей субъективной психической реальности.** Я добавил бы, что люди включают в этот формируемый ими объективный физический мир свои субъективные чувственные образы мира, свои истолкования —

вербальные психические конструкции и множество сформированных и гипостазированных ими сущностей с их свойствами, действиями и отношениями.

Почему выстроенный ими объективный физический мир люди считают реальным?

Л. Витгенштейн (цит. по: П. Вацлавик, 2001, с. 106), например, полагает, что из кажущейся нам реальности объективного мира не следует, что это так и есть. Автор сообщает, что лично он обрел свою картину мира не путем подтверждений ее правильности, а как унаследованный опыт. Он считает, что нас учат суждения и их связи с другими суждениями. Убедительной для нас становится совокупность суждений. Мы верим не единичному предложению, а целой системе предложений, системе, в которой следствия и посылки взаимно поддерживают друг друга.

П. Вацлавик (P. Watzlawick) (1977, с. 140–142), обсуждая реальность объективного мира, утверждает, что есть «реальность первого порядка» — это свойства объектов или ситуаций и «реальность второго порядка» — те значения, смыслы и оценки, которые мы придаем этим объектам или ситуациям. В качестве иллюстрации «реальности второго порядка» он приводит¹ известную всем поучительную шутку об оптимисте и пессимисте, рассматривающих бутылку, наполненную наполовину. При этом первый радуется, что осталось еще полбутылки, а второй уныло отмечает, что она уже наполовину пуста. Как констатирует автор, мы имеем здесь одну и ту же «реальность первого порядка» — бутылку с остатками вина, — но две совершенно разные «реальности второго порядка» и, как следствие, два различных видения мира.

«Действительность второго порядка» представляется автору (2001, с. 106) результатом коммуникаций. Основным положением конструктивизма он считает то, что так называемая объективная реальность — это продукт человеческого общения, что знание не обретается пассивным образом, а активно конструируется познающим субъектом. Оно представляет собой обобщение, сделанное на основе фактического материала, добытого рядом конкретных наук. П. Вацлавик (с. 107) высказывает предположение о том, что вера в объективное существование невидимых нам сейчас предметов является одним из важнейших условий всего процесса конструирования действительности.

С автором можно только согласиться. Действительно, на вере в объективное наличие в мире предметов и формируемых затем сознанием по

¹ Вацлавик П. Конструктивизм и психотерапия [Электронный ресурс]: Минская коллекция рефератов: сайт. — Режим доступа: http://library.by/portalus/modules/psychology/referat_show_archives.php?subaction=showfull&id=1107782578&archive=1120045907&start_from=&ucat=27.

их образцу всех прочих сущностей строится все человеческое мировоззрение.

П. Вацлавик (там же) указывает, что в нашем внутреннем мире продолжают свое существование не только объекты (в самом широком смысле), но и характеристики, которые мы им приписываем в качестве смыслов, значений и ценностей. В результате мы живем в некоей воображаемой действительности, в которой тем не менее каким-то удивительным образом оказываются возможными конкретные решения и поступки.

Еще раз повторяю высказанную выше мысль о том, что предметного физического мира вокруг человека, но без человека нет. Вокруг каждого человека есть созданная им своя, личная субъективная предметная репрезентация «реальности в себе». Однако личные репрезентации «реальности в себе» у людей очень сходные. Во-первых, в силу того, что люди воспринимают одну и ту же «реальность в себе». Во-вторых, в силу сходства субъективных чувственных репрезентаций у разных людей, обусловленного их биологическим родством. В-третьих, потому, что люди пользуются общим языком. В-четвертых, в силу того, что вербальные репрезентации «реальности в себе», выстраивающие окружающий человека мир, интериоризируются в сходном виде каждым человеком из общего для всех людей источника — сознания своих предшественников и современников, что обеспечивает всем членам общества сходную концептуализацию «реальности в себе». В-пятых, люди постоянно взаимодействуют друг с другом и с репрезентируемой ими «реальностью в себе», унифицируя в результате коммуникации в процессе общих действий в мире собственные субъективные его репрезентации.

В итоге в каждом обществе формируется сходная вербальная репрезентация того, что принято называть «объективным предметным физическим миром». Того, что здравый смысл каждого человека привычно помещает вовне, отождествляя с собственной глобальной преимущественно чувственной репрезентацией «реальности в себе».

Фактически существует столько же физических миров, сколько на Земле живет людей. Следовательно, утверждения писателей, будто со смертью каждого человека гибнет целый мир, целая Вселенная, — это отнюдь не художественное преувеличение. Это действительно так. Сознание каждого человека конституирует и конструирует благодаря восприятию и с помощью общей для людей объективной психической реальности целый мир, свою уникальную субъективную Вселенную. Сам же так называемый объективный предметный физический мир, рассматриваемый людьми в качестве некоей внешней, независимой от людей и общей для всех их сущности — лишь очередной психический объект, конституируемый

соответствующим понятием, но занимающий, правда, центральное место в объективной психической реальности любого человеческого общества.

Повторю, что возникающие у людей субъективные репрезентации, представленные в их сознании в форме предметов, или вещей, уникальны, даже если множество людей воспринимают одну и ту же часть «реальности в себе». Однако, как только люди приходят к консенсусу в отношении сходства этих уникальных предметов, возникающих в их сознании при восприятии ими одной и той же области «реальности в себе», они тем самым конституируют объективный предмет в собственной психической реальности. Тем не менее, сама объективная предметная физическая реальность существует лишь в человеческом сознании и в качестве очередного его объекта.

Странно поэтому слышать об «объективных вещах» и вообще о чем-то «предметном и объективном», существующем якобы независимо от субъекта, в том числе об «объективной» науке. Исследователи, однако, продолжают разрабатывать критерии объективности (Ю. Фримен и Г. Сколимовский (2000, с. 237–238), В. А. Янчук (2012, с. 140–141), В. В. Нуркова и Н. Б. Березанская (2005, с. 36) и др.).

Мы должны отказаться от идеи объективного предметного физического мира, якобы существующего независимо от нашего сознания, как от вредного заблуждения. Сказанное, однако, никак не противоречит тому, что нас окружает объективная, то есть независимая от нас, данная нам в форме наших психических репрезентаций и целиком определяющая нашу жизнь «реальность в себе».

Г. П. Аксенов (2001, с. 58) задает вопрос: можно ли представить себе Вселенную без человека, а также до или после человека? Сходный вопрос гораздо раньше задавал А. Эддингтон (2003, с. 31). Он пишет, что особенно трудной является задача создать картину мира не с точки зрения определенного наблюдателя, а такую, в которой совсем бы не было отведено места для наблюдателя.

Я полагаю, что такую картину мира вообще нельзя создать, так как всякая картина мира — это субъективная репрезентация конкретного сознания. Мы не можем исключить наблюдателя, так как именно он и создает репрезентацию мира. А без репрезентации и вне человека нет привычного всем физического предметного мира, так как «реальность в себе» доступна нам только в форме этих самых предметных репрезентаций.

При попытке ответа на вопрос Г. П. Аксенова (2001, с. 58) поначалу кажется, что представить мир без человека достаточно просто. Видишь в телевизоре Вселенную и представляешь, что теперь она пустая и там нет людей. Однако проблема заключается в том, что представить ее себе без

человека можно, лишь исключив не только телевизор, но и свой собственный взгляд на нее в телевизоре. А представить себе отсутствие собственного взгляда и то, чем тогда станет Вселенная, невозможно. Как образно пишет Р. Л. Грегори, «пока не возникла жизнь, все было безмолвно, хотя горы рушились» (1970, с. 86).

Итак, **общий для людей объективный предметный физический мир — это очередная сформированная людьми сущность, обитающая лишь в человеческом сознании.** Это не только результат восприятия «реальности в себе» и бытия в ней человека, но и итог межличностной коммуникации в обществе, специфическая психическая конструкция, создаваемая в каждом сознании. Объективный физический мир тем не менее совершенно реален для каждого человека, так как чувственную достоверность и фактичность ему придает собственная субъективная чувственная репрезентация мира, выстраиваемая в каждом сознании и отождествляемая этим сознанием с понятием *предметный физический мир*.

Завершая рассмотрение *объективной предметной физической реальности*, можно с полным основанием в очередной раз повторить, что от этого понятия в его традиционном объективистском смысле тоже правильнее было бы отказаться. Однако если использовать его в ином смысле, то есть для обозначения одного из важнейших психических объектов, созданных людьми, то оно не только имеет полное право на существование, но и просто необходимо.

3.2.4. Психическая реальность

Наш объективистский здравый смысл приучен к тому, что реальность всегда материальна, то есть предметна и объективна, потому она и реальность. К. Юнг даже отмечает, что «дилетантское воззрение постоянно связывает между собой действительность и вещественность» (1995, с. 336).

Тем не менее есть реальность Земли, а есть реальность ее меридианов и параллелей. Есть реальность самолета и реальность его траектории. Есть реальность слова и реальность его смысла. Есть осязаемая реальная тяжесть предмета, а есть реальность его веса в единицах измерения. Есть физическая реальность чувственных репрезентаций мира, а есть реальность вербальных репрезентаций того же самого мира. И эти реальности совершенно разные, хотя и то и другое — реальность.

У. Джеймс (2000, с. 68) пишет, что наилучший ответ на вопрос «Что значит “быть реальным”?» дает прагматическое правило: реальным надо полагать то, с чем мы так или иначе должны считаться. Если мы согласимся с автором, то должны принять и следующую его (там же) мысль о том, что концепты, например, оказываются столь же реальными для нас, как и перцепты, ибо мы не имеем возможности жить, не считаясь с ними. Хотя

присущий им «вечный»¹ характер бытия является, по мнению У. Джеймса (там же), бытием низшего порядка по сравнению со сферой «временного» бытия перцептов, вследствие того что ему не хватает многих свойств, присущих их «временному бытию».

Напомню, что в качестве самого широкого значения термина «реальность» А. Ребер (2000а, с. 182) тоже предлагает считать таковой все, что индивид полагает реальным, в том числе добрую волю, призраки, бога и т. д. Данное его определение тем более можно применить и к понятию *психическая реальность*. Тогда **психическая реальность — это все, что человек способен обнаружить в собственном сознании. Причем все то, что он там находит, обладает для него бесспорной очевидностью и субъективной реальностью.**

Сами психические феномены нашего сознания абсолютно реальны для нас (хотя и по-разному) независимо от того, репрезентируют они «реальность в себе» или представляют собой лишь наши безудержные фантазии. Недаром У. Джеймс пишет: «Не будь перцептуального мира... мир нашего мышления был бы единственным миром и мы верили бы в его абсолютную реальность. Так бывает во сне и в мечтах, пока восприятия не прерывают их» (1997, с. 366).

Для человека реальность не только сенсорных, но любых собственных психических явлений не нуждается в проверке. Она для него вне всяких сомнений. К. Юнг (1995, с. 336) указывает, что психическая реальность содержания сознания — это единственная непосредственно данная человеку реальность, которой приписывается то духовное, то материальное происхождение.

Психические феномены, однако, не просто существуют в нашем сознании, то есть реальны сами по себе. Они еще и репрезентируют нам какую-то дополнительную реальность — внешнего физического предметного мира (образы восприятия и воспоминания) или мира наших фантазий (многие образы представления). Мы можем, например, вообразить себе собственную собаку на лужайке перед домом или прогуливающегося там же кентавра. Оба образа представления совершенно реальны для нас как психические феномены нашего сознания. Но один из них репрезентирует реальную собаку, а второй — фантастическую сущность. **То есть следует различать реальность самих психических явлений и реальность того, что они репрезентируют.**

Общеизвестные специфические особенности образов восприятия, такие, например, как возможность открывать у них новые черты и детали при повторном восприятии или обратимое заслонение одних воспринима-

¹ То есть не связанный с недолго живущим конкретным субъектом.

емых объектов другими, их предметность, константность, интенциональность и т. д. (см.: С. Э. Поляков, 2011, с. 277–300), являются характерными признаками перцептивных репрезентаций доступной восприятию «реальности в себе». Благодаря им возникающие в сознании образы восприятия и ощущения сами по себе рассматриваются человеком как неоспоримые свидетельства реальности воспринимаемого. Можно поэтому сказать, что так называемая физическая реальность¹ связана с особыми качествами нашего сенсорного опыта, то есть перцептов.

Это же подчеркивают многие исследователи. Э. Страус (2001, с. 279), например, пишет, что реальность — это не дополнение к сенсорным данным, а изначальный и неотделимый фактор самого сенсорного опыта. Реальность сенсорного опыта не нуждается в проверке. Она бесспорна. Сенсорный опыт и переживание реальности, по его словам, — это одно и то же.

Можно лишь напомнить, что **различия в субъективной реальности того, что репрезентируют человеку его психические явления, обусловлены специфическими свойствами самих психических феноменов**². Так, перцептивные феномены, содержание которых принято называть внешней, или физической, реальностью, реальны существенно иначе, чем остальные психические явления. Из этого, впрочем, не следует, что испытываемые человеком эмоционально окрашенные переживания — его идеи, теории, цели и желания — не могут быть для него столь же реальными и гораздо более значимыми, чем многие репрезентируемые им чувственно предметы (то есть его образы восприятия).

Порой эмоционально окрашенные вербальные психические конструкции доминируют над актуальными образами восприятия окружающей реальности. Так, например, человек, страдающий от унижения и ревности или переживающий неудачу, может почти не замечать происходящее вокруг него.

Следует поэтому говорить о первичности для человека его психической реальности, а, уже исходя из этого, реальность психическую разделять на перцептивную (воспринимаемую) и неперцептивную (переживаемую).

¹ Я уже определял выше физическую реальность как чувственную репрезентацию «реальности в себе», создаваемую сознанием человека.

² Мои психические феномены одинаково реальны для меня как психические сущности моего сознания, но они же репрезентируют мне разную внешнюю реальность. Так, я считаю реальными и газету, которую читаю сейчас, репрезентируемую моими образами восприятия, и газету, которую читал вчера, репрезентируемую моими образами воспоминания. Хотя вторая газета реальна для меня иначе, чем первая, из-за разных особенностей моих репрезентаций сегодняшней и вчерашней газеты. Третью реальность имеет для меня газета, являющаяся мне в виде образа представления (пожалуй, даже модели-репрезентации) какой-то газеты вообще. Очевидно, что перечисленные три вида реальности различаются свойствами (см. Примечание 9) репрезентирующих их психических явлений.

Очевидные различия психических феноменов, относящихся к двум этим реальностям, позволили исследователям в прошлом даже ввести разные понятия для их обозначения — *физическая* и *психическая реальность*. Хотя нейтральный монизм в лице У. Джеймса (1997, с. 362–363) и его последователей убедительно продемонстрировал, что одни и те же психические феномены (образы восприятия) мы можем с полным основанием отнести одновременно и к физическому, и к психическому миру.

Индивидуальный вариант глобальной репрезентации «реальности в себе» в виде окружающего мира, который имеется в сознании каждого человека, включает в себя две части: то, что П. Вацлавик (P. Watzlawick, 1977, с. 140–142), например, называет «реальностью первого порядка», и то, что он же называет «реальностью второго порядка». Первая часть представлена чувственными репрезентациями «реальности в себе» в виде образов восприятия, воспоминания и представления предметного физического мира.

Вторая часть представлена преимущественно вербальными психическими конструкциями, репрезентирующими «реальность в себе», в том числе и ее часть, репрезентированную уже чувственно. Именно вторую часть П. Вацлавик (там же) называет значениями и смыслами, которые мы придаем физическим объектам и ситуациям.

Огромная часть «реальности в себе» репрезентируется человеком вербально. Причем здравый смысл лишь с большим трудом способен отделить эти ее репрезентации от чувственных репрезентаций «реальности в себе». Хотя, естественно, они различаются. Если в существовании вещей и сущностей, конституированных сознанием чувственно, человек обычно не сомневается, то в наличии сущностей, конституированных и сконструированных с помощью вербальных конструкций, он сомневается достаточно часто. Как говорит Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 422), они не есть для нас «полная и подлинная реальность». По его словам (там же), в такого рода реальности очень много нашей «твердой веры», доставшейся нам от предков.

Х. Ортега-и-Гассет указывает, что человек выдумывает и изобретает свои идеи, пытаясь с их помощью описать и понять окружающую реальность: «...поскольку первичная реальность не откроет по-дружески свои секреты, ему (человеку. — *Авт.*) не остается ничего другого, как прибегнуть к помощи своего интеллекта, главным орудием которого... является воображение. Человек воссоздает в воображении определенный образ, или способ бытия реальности. Он предполагает, что она такая-то и такая-то, выдумывает мир или какой-то его фрагмент. Воображение здесь играет роль не большую и не меньшую, чем в творчестве романиста. Разница лишь в цели этого творчества» (с. 430).

Автор не пользуется психологическими понятиями, но сути дела это не меняет. Он (с. 424) замечает, что человеческие вербальные конструкции, репрезентирующие окружающий мир, со временем трансформируются. Так, человек VI в. до Рождества Христова полагал, что Земля — это богиня-мать Деметра со своей божественной силой, волей и своими прихотями. Мы же сейчас уверены, что Земля — это небесное тело, то есть некая масса космической материи известного нам размера, которая движется вокруг Солнца.

По словам автора, это наше «коренное» верование и есть сама реальность для нас. Мы просто принимаем ее как данность и даже не пытаемся в ней усомниться. Из этого Х. Ортега-и-Гассет (там же) делает вывод, что ни старый, ни современный взгляды на сущность Земли не являются подлинной и первичной реальностью Земли. И Земля-богиня, и Земля — космическое тело вовсе не реальность, а лишь две идеи (истинная и ложная) об этой реальности, сформулированные когда-то какими-то конкретными людьми.

Из приведенного примера можно сделать вывод, что **со временем меняются наши вербальные конструкции, а соответственно, и то, что они репрезентируют, а мы считаем реальностью. Получается, что все репрезентируемое сейчас в качестве окружающего мира нашими вербальными конструкциями, даже если мы верим в реальность этих своих репрезентаций, никакая не реальность, а лишь наше, устраивающее нас в данный момент, сугубо человеческое представление о том, что есть реальность.** Не исключено, что еще через тысячу лет наше представление о Земле, например, то есть наша реальность, касающаяся этой области окружающего нас мира, вновь радикально изменится.

К выводу о том, что реальность, в которой, согласно нашему верованию, мы живем, с которой мы считаемся и с которой связываем свои надежды и страхи, есть результат труда и творчества других людей, а не подлинная и первичная реальность, приходит и Х. Ортега-и-Гассет (там же). По его мнению, чтобы соприкоснуться с реальностью в ее действительной наготе, надо бы «совлечь с нее покровы» всех этих верований, и нынешних, и прошлых, которые он считает лишь придуманными человеком интерпретациями того, что в процессе своей жизни человек обнаруживает в себе самом и вокруг себя.

Однако если мы «совлечем с нее покровы», как предлагает автор, то для нас ничего от реальности и не останется, так как только эти «покровы» и есть для нас сама окружающая нас реальность в ее человеческом, или антропоморфном, варианте. Только в такой форме она и доступна нам, и в такой форме ее сформировало человечество за время своего существования.

Как подчеркивает и сам Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 424–425), до всякой интерпретации Земля даже не «вещь», потому что «вещь» — это уже нечто сконструированное нашим умом для объяснения данной первичной реальности. Подлинная реальность Земли лишена образа, у нее нет определенного способа бытия, это чистая загадка. По словам автора (с. 425–426), на эту первоначальную и доинтеллектуальную загадку человек реагирует, приводя в действие свой интеллект, и прежде всего воображение. Он создает разные миры: математический, физический, религиозный, миры морали, политики и поэзии, которые уже являются «мирами», поскольку имеют образ и содержат в себе некий порядок, некий план. Эти воображаемые миры сопоставляются с загадочной подлинной реальностью и принимаются тогда, когда кажутся максимально приближенными к ней. Но, естественно, они никогда не совпадают с самой реальностью.

Добавлю к словам автора, что мы принимаем за реальность свои вербальные репрезентации «реальности в себе», когда оправдываются построенные на их основе планы наших действий в ней и наши предвосхищения ее изменений.

Репрезентируемая вербально реальность может быть для человека бесспорной или только возможной. Х. Ортега-и-Гассет (с. 412), например, разделяет человеческие идеи и верования. По его мнению, мы независимы от наших понятий и всегда можем отделить себя от своих теорий. Напротив, с нашими верованиями мы связаны неразрывно. И, как считает исследователь (там же), мы ими и являемся. Он замечает (с. 424), что, идя по улице, мы не пытаемся пройти сквозь здания, так как руководствуемся в своей жизни огромным количеством верований, в том числе в то, что стены непроницаемы. По его (с. 422) словам, полная и подлинная реальность для нас — не что иное, как то, во что мы верим.

То, что автор называет верованиями, или убеждениями, я называю устойчивыми вербальными психическими конструкциями, репрезентирующими окружающий мир. Но конструкциями, которые включают в себя компонент убежденности человека в их истинности. То, что автор (с. 422–426) называет идеями, является меняющимися вербальными репрезентациями окружающего мира, не сопровождающимися таким компонентом убежденности в их истинности.

Под это название подпадают идеи самого разного рода: обыденные, научные, религиозные и т. д. Очевидно, что многие наши теперешние верования в своей первооснове — всего лишь ситуативные мысли, или чьи-то вербальные конструкции, с помощью которых кто-то из людей когда-то попытался репрезентировать себе окружающую реальность. И его вербальные конструкции были приняты обществом. Одним из таких системных вербальных построений является, например, наука, скон-

струированная людьми. Некоторые ее идеи мы уже воспринимаем сегодня как верования, тогда как другие остаются для нас лишь сомнительным результатом игры разума исследователей.

Х. Ортега-и-Гассет (с. 417) утверждает, что никакой заранее определенный мир человеку не дан. Человек должен сам фантазировать, выдумывая представления о мире, и большая их часть унаследована человеком от предков и действует в его жизни как система самых прочных его верований. Верования, кажущиеся ему наиболее убедительными, человек называет истиной. Автор (там же) спрашивает: не являются ли человеческими фантазиями наука и философия? И справедливо утверждает, что, например, математическая точка, геометрический треугольник, физический атом не обладали бы теми достоверными качествами, которые их конституируют, если бы они не были чисто умственными конструкциями. Как только мы хотим обнаружить их в реальности, то есть в воспринимаемом, а не в воображаемом мире, мы убеждаемся, что их точность убывает, превращаясь в неизбежное «приблизительно».

Добавлю к сказанному, что то же самое происходит и со всей наукой, если мы пытаемся представить себе чувственно, хотя бы метафорически, недоступную восприятию реальность, репрезентируемую наукой вербально. Это происходит, например, с физикой микромира, когда мы пытаемся наглядно представить себе дуалистические свойства микрочастиц.

Х. Ортега-и-Гассет (с. 430–431) справедливо полагает, что у человека есть лишь один путь — «сочинять», руководствоваться в своем поведении своими фантазиями и проверять свои идеи на практике, накапливая жизненный опыт. Кстати, сходные идеи высказывает К. Юнг: «Душа создает реальность ежедневно. Только одно выражение я могу подобрать для этого — фантазия...» (цит. по: П. Кюглер, 2007, с. 135–136).

Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 430) пишет, что научные идеи обязаны своим существованием реальности. Однако это не должно помешать нам признать, что они — лишь фантазии, и мы должны их так и воспринимать, несмотря на всю их серьезность. Принимая их за реальность, мы будем путать внутренний мир с внешним, то есть делать то, что обычно делает сумасшедший.

Хочу все же справедливости ради добавить, что это делает не только сумасшедший, но и современная наука. Большинство ее представителей не сомневаются не только в истинности собственных теорий, но и в том, что теории эти отражают, копируют, раскрывают истинную структуру окружающей нас реальности. Многие исследователи даже не задумываются над тем, что всякая научная теория способна в лучшем случае лишь как-то соответствовать «реальности в себе». Причем мы не объяснили до сих пор самим себе, что означает термин «соответствовать»,

хотя и понимаем уже, что он не идентичен отражению, копированию, изоморфизму.

Только самые выдающиеся представители самой революционной части науки — квантовой физики — осознали к середине XX в., что традиционные представления классической физики о соотношении реальности и физической науки неверны. Но и их мысли о том, что научные идеи — это только вербальные конструкции исследователей, которые лишь соотносятся, и не вполне понятно как, со структурой «реальности в себе», а не демонстрируют нам эту структуру, якобы открываемую исследователями, не стали очевидной истиной для остальных исследователей. И квантовая физика ограничилась осторожными заявлениями, например, о квантовой неопределенности. Впрочем, и это уже грандиозный прорыв, громадная «трещина в здании» классического мировоззрения, свидетельствующая, что физики глубже, чем психологи, понимают реальность, хотя именно психологи должны быть здесь впереди всех.

Принимая мысль о зависимости окружающего мира от человеческого сознания, об огромной роли в его конструировании населяющих его людей, не следует впадать в другую крайность, сводя на нет значимость «реальности в себе» в формировании наших репрезентаций окружающего мира. Т. Кун (2014, с. 142–143), например, полагает, что метафоры типа «изобретение», «конструирование» или «зависимость от мышления» неверны, так как мир не изобретен и не сконструирован. Существа, которым приписывают изобретение или конструирование мира, рождаются в нем и находят мир уже данным. Кроме того, мир частью непосредственно, а частью — косвенно проявляет себя в чувственном восприятии. Мир не зависит от желаний наблюдателя и способен представить решающие свидетельства против изобретаемых нами гипотез. Рожденные в нем существа должны принимать его таким, как он есть.

Мнения исследователей о роли человека в восприятии либо конструировании мира сильно варьируются, формируя широкий спектр, на одном полюсе которого располагаются объективисты, утверждающие, что предметный физический мир реален, объективен и независим от человека. На другом — конструктивисты, утверждающие, что мир — это конструкция человеческого сознания. Как часто и бывает, правы в чем-то и те и другие. Есть разные части «реальности в себе» и разные их репрезентации. Существует воспринимаемая часть «реальности в себе». Она гораздо менее зависима от человека и в то же время более доступна ему. А есть почти недоступная восприятию часть «реальности в себе». Ее практическая недоступность человеку парадоксальным образом делает ее очень зависимой от него, так как, пытаясь репрезентировать ее с помощью своих вербальных конструкций, он дает простор своему воображению.

Итак, мы должны констатировать, что **огромная часть того, что мы считаем окружающей реальностью, репрезентируется в нашем сознании преимущественно вербальными психическими конструкциями, созданными нашими предшественниками и современниками. Эта часть антропоморфной реальности сконструирована людьми вербально, но рассматривается всеми как достоверные репрезентации окружающего мира и человека в нем**, так как обладает хорошей прогностической эффективностью, а главное, потому, что так принято считать в нашем обществе. Из этого, однако, не следует, что завтра она не будет заменена совершенно другими описательными вербальными конструкциями и в результате этого окружающая нас реальность, представленная в нашем сознании в форме вербальных конструкций, не изменится весьма существенно.

3.2.5. Может ли психическое быть объективным?

На тот факт, что психическое может быть объективным, много раз обращали внимание разные исследователи. Г. Фреге (1987, с. 41), например, заявляет о необходимости признать, что мысль независима от нас, так как та мысль, которую сформулировал я, могут сформулировать и другие люди. Что обладаем мы мыслью не так, как, например, чувственным впечатлением. Но и воспринимаем мы ее не так, как, например, звезду.

На существование идеальных, но при этом объективных сущностей указывает и Э. Гуссерль (2000, с. 572), который пишет, что сознание может создавать «чистые идеальные сущности», например такие фигуры, как прямые отрезки, треугольники или окружности, обладающие объективностью и однозначной определенностью. По его (там же) мнению, такую «идеальную объективность» в форме идеальных предметностей, всегда определяемых для любого человека однозначно — «объективный мир в подлинном смысле слова», создала математика.

Г. Г. Шпет (цит. по: Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко, 2009, с. 517) тоже указывает на объективность форм, порождаемых сознанием, на то, что идея, смысл и сюжет объективны, а идею, например, можно или, наоборот, невозможно «вбить в голову». И это является особо убедительным доказательством ее независимого от людей бытия. И М. М. Бахтин (цит. по: Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко, 2009, с. 517) полагает, что идея — не субъективное, индивидуально-психологическое образование с «постоянным местопребыванием» в голове человека, а живое событие, разыгрывающееся в точке диалогической встречи двух или нескольких сознаний, что идея интериндивидуальна и интерсубъективна и сфера ее

бытия не индивидуальное сознание, а диалогическое общение между сознаниями.

По словам Э. Кассирера (2002, с. 24), наши символы всегда выступают с претензией на объективность, так как выходят за пределы индивидуальных феноменов сознания, являясь общезначимыми. Рассматривая религиозное сознание, автор (с. 17) пишет о «мыслимом объективном», в котором заключается «последнее прибежище объективности».

Обсуждая объективность психических конструктов, Дж. Келли (2000, 176–177) отмечает, что мы считаем наш мир реально существующим, а психологические процессы человека — основывающимися на личных версиях реального мира, то есть личных конструктах. Автор спрашивает, можно ли с этой точки зрения считать наши конструкты реально существующими. И отвечает утвердительно, обосновывая это тем, что конструкт способен в известном смысле передаваться от одного человека к другому.

К. Леви-Стросс (2001, с. 381) полагает, что реальности, которыми занимаются экономическая наука и демография, не менее объективны, чем, например, антропология. А применение социальными науками таких абстрактных понятий, как *стоимость*, *рентабельность*, *рост производительности труда* или *максимальное народонаселение*, сближает их с точными и естественными науками.

Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 374–375) считает, что определенные пласты нашей психической жизни уже не несут в себе индивидуального содержания. Они имеют статус всеобщности и объективны. Не может существовать, например, индивидуальная математика или личный арифметический счет. Когда человек мыслит цифрами, он объективизирует свою субъективную истину, приобщая ее к объективной истине, которая только и делает результат его субъективных арифметических действий истинным.

Е. Ю. Леонтьева (2006, с. 173), обсуждая реализм Х. Патнема, отмечает принципиальную сводимость единичных, ситуативных человеческих мнений к некоей реалии — общему мнению, которое превращается в реальность и в итоге объективизирует содержание субъективных мнений. Само знание превращается в реальность в результате того, что человеческие мнения об одном и том же предмете сходятся к некоторому одному мнению.

Выводы перечисленных выше и многих других авторов свидетельствуют о том, что психическое содержание человеческого сознания, по крайней мере в какой-то своей части, вполне может быть объективным. *Что же представляет собой объективное психическое содержание индивидуального сознания?*

Как это ни парадоксально, но, по-видимому, объективна очень значительная часть содержания человеческого сознания. Тут мы вновь по-

падаем в водоворот противоречий. *Что такое психическое содержание, или содержание психики?* Это множество психических явлений, которые мы можем обнаружить в собственном сознании. Но наши психические явления всегда субъективны. Более того, они никогда не тождественны у разных людей и, как свидетельствует интроспекция, даже не повторяются в том же виде у одного человека. Например, новый образ восприятия одного и того же предмета всегда чуть-чуть отличается от предыдущих. *Тогда как же психические явления могут быть объективными?*

Я уже писал выше, что есть реальность психических феноменов и реальность их содержания. Так же следует различать субъективность психических феноменов и объективность содержания психических репрезентаций, которые и являются психическими феноменами. То есть объективны не психические явления, а то, что они репрезентируют. *Но как их разделить?* Мы знаем, что перцептивные феномены, согласно У. Джеймсу (1997, с. 362–363), — это и содержание индивидуального сознания, и одновременно элементы окружающего предметного физического мира, причем нет смысла, да и невозможно пытаться разделить две эти их грани.

Начнем снова. Объективны не психические феномены и даже не другая их ипостась — психические репрезентации, а «реальность в себе», которую они репрезентируют. Но она может быть нам дана только в виде наших субъективных репрезентаций. В очередной раз возникает парадокс, заключающийся в том, что мы должны дифференцировать психический феномен, например образ восприятия, и то, что он репрезентирует, но не можем сделать этого, так как субъективный психический феномен и есть, например, сам оригинальный физический предмет, то есть нечто объективное. Мы вновь сталкиваемся с неэффективностью и аморфностью понятий *объективное* и *субъективное*. Учитывая эту неопределенность понятий, возможно, следует просто говорить об условно общем для многих людей психическом содержании их индивидуальных сознаний. Но и тут проблема, так как это не общее содержание.

Содержание каких репрезентаций может быть объективным, то есть условно общим? Во-первых, содержание перцептивных репрезентаций доступной восприятию «реальности в себе», то есть содержание всех наших образов восприятия. Во-вторых, содержание вербальных репрезентаций реальности, потенциально доступных передаче в процессе коммуникации.

Объективные, то есть условно общие по содержанию, вербальные психические конструкции, репрезентирующие самые разные (реальные, гипотетические и даже вымышленные) сущности мира, их свойства, действия, отношения и т. д., интериоризируются человеком из сознания других людей в процессе коммуникации с ними. Тот факт, что значительная часть

репрезентаций сознания объективна по содержанию, объясняется тем, что они репрезентируют «реальность в себе», которая не зависит от конкретного человека.

В объективизме принято отождествлять объективность с истинностью, поэтому применительно к реальности, репрезентируемой вербально, нам необходимо, кроме такого качества репрезентации, как ее объективность, ввести дополнительное ее качество — истинность или ложность.

Вербальная репрезентация окружающего мира действительно становится объективной, когда мы экстерииоризируем ее в виде языковой конструкции и высказываем или записываем. Она в результате как бы материализуется, овеществляется в словах языка, которые после этого доступны всем, а потому потенциально она может быть интериоризирована другими людьми. Но она не становится от этого ни истинной, ни ложной. Эти ее качества оторваны от ее объективности. Например, выдуманная журналистом вербальная конструкция, трансформированная им в конструкцию языковую и ставшая известной множеству людей или даже напечатанная в качестве новости в газете, становится объективной, не делаясь от этого истинной или ложной. Следовательно, **психическое может быть объективным по своему содержанию**, причем объективное — это не обязательно истинное.

Тезисы для обсуждения

1. Слова «реальность», «объективное» и «субъективное» обозначают аморфные концепты с неопределенными границами.
2. Общий для людей окружающий предметный физический мир, или объективная физическая реальность, — это сформированная человеческим сознанием сущность, пребывающая только в нем, в отличие от независимой от человека окружающей «реальности в себе».
3. Огромная часть того, что мы привыкли считать окружающим миром, репрезентирована в нашем сознании вербальными психическими конструкциями, созданными нашими предшественниками и современниками. Эти конструкции и представляют нам то, чем, по мнению людей, является «реальность в себе».
4. Психические феномены, которые человек обнаруживает в собственном сознании, обладают для него несомненной очевидностью. Они же имеют разные свойства и репрезентируют разную реальность.
5. Содержание психических репрезентаций может быть объективным, или условно общим для многих людей, поэтому мы можем говорить о наличии объективной психической реальности.

Две стороны окружающей нас физической реальности

Объективную психическую реальность, с которой сталкивается каждый новый член общества, входя в него, формируют две важнейшие составляющие: сходное психическое содержание сознания всех членов общества и обусловленные этим содержанием сходные формы поведения людей, составляющих общество. Сходное психическое содержание репрезентирует три основные области реальности: огромную часть привычного нам окружающего физического мира, мир социальный и психический мир индивидуального сознания. Их, в свою очередь, можно разделить на более мелкие области. Например, на вероятную, или гипотетическую, реальность (представленную научными знаниями); на вымышленную реальность (литературную, религиозную, мифологическую); на якобы реконструируемую человеком реальность (историческую) и т. д. В данной главе рассматривается область ОПР, представляющая нам физический мир.

Репрезентация окружающего физического мира в сознании каждого человека формируется из двух составляющих. Из индивидуальных чувственных предметных репрезентаций доступной восприятию «реальности в себе» и из вербальных репрезентаций всей «реальности в себе», интериоризированных человеком из сознания окружающих его людей, живущих сейчас или живших ранее.

Мы привыкли считать, что живем в чувственно репрезентируемом нашим сознанием, жестко структурированном предметном физическом мире, частью которого является даже человеческое тело. Однако на деле нас окружает не только чувственно репрезентируемая нами в форме этого предметного физического мира «реальность в себе», но и конституированные и сконструированные предшествующими поколениями людей и интериоризируемые нами с раннего детства вербальные репрезентации этой же «реальности в себе», причем как недоступной, так и доступной восприятию. То есть ОПР имеет самое непосредственное отношение даже к тому, что

мы привыкли считать чувственно воспринимаемым нами предметным физическим миром.

Многие исследователи отмечают, что предметы физического мира не вполне совпадают с сущностями нашего сознания, которые оно тоже относит к этому же физическому миру. О. А. Корнилов (2013, с. 283–284), например, пишет, что Л. Вайсгербер, говоря о «языке, творящем мир», имел в виду несовпадение совокупности объектов, реально существующих в мире, и совокупности объектов, которыми оперирует сознание человека, владеющего языком.

И. Пригожин и И. Стенгерс (2003, с. 41) цитируют мемуары В. Гейзенберга, в которых тот вспоминает о совместном с Н. Бором посещении замка Кронберг и о волшебном преображении для него этого замка, как только он узнал, что в этих стенах некогда жил Гамлет. Авторы пишут о неотделимости проблемы реальности от проблемы человеческого существования и отмечают, что камни Кронберга могли бы рассказать нам о молекулах, из которых состоят, о геологических пластах, из которых были извлечены, быть может, ископаемых, отпечатки которых содержат, о культурных традициях, оказавших влияние на архитектора, строившего замок. Те же камни напоминают нам и о вопросах, не дававших покоя Гамлету.

Все перечисленное авторами имеет отношение не к предметному физическому миру, а к ОПР, относящейся, в том числе, к этому предметному физическому миру. Мы привыкли считать, что физический мир во всем его богатстве и глубине представляют в нашем сознании наши чувственные перцептивные репрезентации. Однако это не так. Чувственно физический мир представлен в нашем сознании применительно к замку Кронберг, например, лишь перцептивными репрезентациями камней, из которых он сложен. То есть наши чувственные репрезентации привносят в наше сознание в этом случае лишь нечто твердое, холодное, серо-коричневое, шершавое и т. п. И не более того.

Все остальное, имеющее отношение к физической реальности замка Кронберг, — его история, его архитектура, другие его особенности, связанные с культурными традициями и образом жизни строивших его, обитавших в нем веками и оборонявших его людей, а уж тем более вечные проблемы человека, наконец, сами понятия, замещающие в человеческом сознании чувственные репрезентации камней замка, не говоря уже об описании химической и физической структуры этих камней, — все это ОПР, имеющая самое непосредственное отношение к замку Кронберг и вообще к предметному физическому миру. Именно **знание (преимущественно вербальное) о любом окружающем нас предмете, сформированное нашими предшественниками, удивительным образом видоизменяет для**

нас каждый предмет, как только оно добавляется к нашей чувственной репрезентации этого предмета.

Р. Пенроуз (2010, с. 368) отмечает, например, что теперь сама реальность физического мира кажется менее очевидной, чем она представлялась до появления теорий относительности и квантовой механики. По его словам, точность этих теорий обеспечивает математический, почти абстрактный уровень существованию нашей физической реальности. Конкретная физическая реальность превращается в абстрактную, математическую. С другой стороны, абстрактные математические понятия сами могут становиться почти ощутимо реальными.

Мне кажется, дело здесь, однако, не в трансформациях реальности, а в особенностях феноменологии наших репрезентаций этой реальности. Наши **чувственные репрезентации предлагают нам предметный мир, а наши символические репрезентации — не только те же предметы, хотя и уже в другом виде, но и сконструированную вокруг них сознанием наших предшественников дополнительную часть той же предметной физической реальности (связи, отношения, взаимовлияния и т. д.)**. Причем погружение в ОПР общества неожиданным образом меняет для ребенка и сами его чувственные репрезентации «реальности в себе», превращая, например, блестящее стеклышко (каким оно представляется ему в пять лет) в драгоценный камень (к десяти годам), невзрачное растение — в загадочный и легендарный женьшень, а россыпь светлых точек на ночном небе — в мириады миров, похожих на наш.

П. Вацлавик (2001, с. 104) пишет, что физические свойства золота очень хорошо известны с древности, поэтому совершенно невероятно, чтобы они (как и другие экспериментально установленные бесчисленные естественно-научные факты) были отброшены в результате новых исследований либо вдруг существенно изменились благодаря новым открытиям. И если два человека имеют разные мнения относительно физических свойств золота, то легко можно установить, кто из них прав, с помощью довольно простых приемов. Эти свойства золота автор называет «действительностью первого порядка». Он полагает, что, кроме нее, применительно к золоту есть «действительность второго порядка», а именно — стоимость золота, которая не зависит от физических свойств металла и представляет собой «допускаемую человеком условность».

Автор отмечает (там же), что эта реальность золота «второго порядка» является результатом взаимодействия множества других факторов, например таких, как соотношение предложения и спроса или последние высказывания политиков. Все эти факторы объединяет то, что они являются человеческими конструкциями, а не отражением независимой истины. В результате при одной и той же «действительности первого порядка» могут существовать две принципиально разные «действительности второго порядка».

Проигнорирую даже тот факт, что стоимость золота имеет отношение не к физической, а скорее к социальной реальности.

П. Вацлавик (с. 102) заключает, что «действительность второго порядка», являющаяся нашим мировоззрением, мыслями, чувствами, решениями и поступками, порождается в результате наложения людьми некоторого определенного порядка на фантазмагорическое многообразие мироздания. Она не является результатом постижения какого-то «действительного» мира, а сама конструирует совершенно определенный мир (один из миров). По его мнению, конструирование осуществляется бессознательно, а мы наивно полагаем, что продукт этого конструирования существует независимо от нас.

Рассматривая этот пример с золотом, можно лишь констатировать, что на самом деле автор сильно недооценивает масштабы «действительности второго порядка», так как практически все, что он относит к «действительности первого порядка», и есть уже действительность «второго порядка». Чтобы это мое утверждение не показалось голословным, рассмотрим физические свойства золота, которые П. Вацлавик без особых сомнений относит к «действительности первого порядка». Все эти физические, как принято считать, свойства, а именно: удельный вес, плотность, температура плавления, электропроводность и т. д. — конституированы или даже сконструированы с помощью психических конструкций исследователей, поэтому нам не удастся увидеть эти свойства лежащими на столе или подержать их в руках, как кусок золота.

К «действительности первого порядка» мы можем отнести лишь непосредственные чувственные репрезентации куска золота: желтый, блестящий, прохладный, тяжелый, без вкуса и запаха. Все остальные его физические свойства — это «действительность второго порядка», так как для того, чтобы определить хотя бы самое простое его физическое свойство, вес например, мы должны сконструировать единицы измерения веса, шкалу измерений, инструменты для взвешивания и т. д., а все это уже «действительность второго порядка», то есть ОПР. И это касается любых измерений.

Более того, говоря о непосредственных чувственных репрезентациях золота (*желтый, блестящий, прохладный* и т. д.), я имею в виду исключительно вызываемые объектом ощущения и образы, так как сами эти понятия тоже относятся уже к действительности «второго порядка». Я уже не обсуждаю тот очевидный факт, что без интериоризации соответствующих понятий из ОПР никакие, даже первичные чувственные качества физического предмета не только не могут быть вербализованы, но даже не могут быть выделены и поняты человеком.

Надо сказать, что вообще **вся репрезентируемая нашим сознанием окружающая физическая реальность имеет** такое «двойное дно». То обстоятельство, что большинство концептов, репрезентирующих физическую

реальность, не являются ее чувственными репрезентациями, а конституируются или вовсе конструируются сознанием, породило колоссальный пласт выстроенных сознанием псевдофизических сущностей, имеющих в физической реальности неоднозначные чувственные референты.

Отсюда проистекают усилившиеся в последние десятилетия дискуссии о том, отражает ли сознание окружающий мир или конструирует его. Еще раз повторю очевидный факт: человеческие репрезентации не отражают «реальность в себе», а создают или строят антропоморфный вариант физической реальности. Эти созданные сознанием вербальные репрезентации, формируя для нас привычную картину предметного физического мира, являются на деле важнейшей частью ОНР общества.

Благодаря усваиваемым нашим сознанием вербальным конструкциям — знаниям разного рода, участвующим в формировании ОНР — чувственно воспринимаемые нами сущности достраиваются и превращаются в специфические предметы. Например, нечто небольшое и плоское превращается в мобильный телефон или пульт телевизора. Нечто тяжелое и холодное — в автомат Калашникова. Нечто большое и движущееся — в автомобиль или самолет и т. д. Упрощая сложнейшую картину мира, можно сказать, что чувственно данная нам «реальность в себе», репрезентируемая нами в форме моделей-репрезентаций отдельных сущностей, — это одна сторона создаваемого сознанием физического мира. Другая ее сторона, которая и превращает эти чувственные репрезентации в отдельные и понятные нам предметы физического мира, — это вербальные репрезентации тех же элементов «реальности в себе», достраивающие для нас физический мир до привычной нам предметной физической среды обитания.

Для обычного человека конституция или телеграмма мало отличаются от брошюры с текстом конституции или листка с текстом телеграммы. И то и другое для него совершенно реальные предметы, по крайней мере «нечто вроде» физических объектов. И действует он, исходя из их одинаковой для него реальности. Хотя конституция или телеграмма — это не физические объекты, как брошюра или листок бумаги, а объекты ОНР, репрезентируемые вербально, а не чувственно, как репрезентируются предметы.

Одним из важных элементов ОНР, относящихся к физической реальности, является научная картина мира. Например, описание мира с позиций физики. Л. Уайт (2004, с. 114) цитирует М. Планка, который пишет, что физики заменяют данный нам чувствами мир новым миром. Этот другой мир, называемый «физический образ мира», — всего лишь интеллектуальная структура, своего рода модель или идеальная схема, созданная для того, чтобы избежать присущей всякому измерению неточности и облегчить возможность давать точные определения.

В. Виндельбанд (1995, с. 63) тоже пишет, что из данного нам мира природы мы создаем новый и высший мир. Это, по его мнению, столь самоочевидно, что не нуждается ни в каком пояснении.

Э. Шредингер вспоминает (2000, с. 41–42) высказывание А. С. Эддингтона о том, что мы наблюдаем в физике теневую сторону знакомой жизни, и его же известную метафору о естественной и научной репрезентациях письменного стола. В первой из них стол является старым знакомым элементом мебели, а во второй — научным физическим телом, составленным из атомов. Причем, учитывая строение атомов, мы должны признать, что второе тело самым загадочным образом состоит из дыр, так как большая его часть — пустое пространство — ничто, усеянное неисчислимым количеством крохотных крупинок — кружащимися электронами и ядрами, разделенными расстояниями, которые по меньшей мере в 100 000 раз превосходят их собственный размер.

Думаю, однако, что, во-первых, эддингтоновское сравнение двух взглядов на письменный стол (одного — на экологическом¹ уровне чувственного восприятия, а второго — на уровне вербального конструирования микромира) неправомерно, так как сравниваются сущности разных уровней, что делать в принципе нельзя, ибо они несоизмеримы и стол на уровне микромира — уже и не стол вовсе. Именно такие сопоставления привели некоторых физиков в начале XX в. к идее исчезновения материи. Во-вторых, физика создает в ОПР даже не вторую, а уже третью репрезентацию физической реальности — сверхабстрактную символическую репрезентацию «реальности в себе». То есть создает в ОПР частную научную версию физического мира, доступную только специалистам и почти полностью оторванную не только от чувственных репрезентаций окружающего мира, но даже от версии физического мира, создаваемой в ОПР обыденным сознанием.

Повторю, что даже на уровне обыденного сознания, доступном любому обывателю, физическая реальность и так уже представлена в двух ипостасях — чувственной и вербальной. Первая дается человеку как представителю животного мира от рождения. Вторая становится доступной ему благодаря ОПР общества, в которое он попадает после рождения. Следовательно, обе грани физического мира предъясняются человеку независимо от его воли и даже понимания им этого факта.

Чтобы заметить разницу между ними, достаточно представить себе то, что видят в окружающем мире, например, маленький ребенок и взрослый или увидел бы представитель дикого племени из джунглей и современный человек. То, что для маленького ребенка или дикаря будет просто предметами, не несущими в себе никакого смысла, а оттого бесполезными,

¹ Об экологическом уровне восприятия писал Дж. Гибсон (1988, с. 43–65).

для взрослого современного человека превращается в очки, телефон, компьютер, радиоприемник и т. д. Я уж не говорю о приборах, имеющих в научных лабораториях, или о содержании книг.

Для того чтобы слегка почувствовать, какие проблемы связаны с незнанием иной ОПР, можно представить себе деревенского жителя из российской глубинки, который приехал, например, в иноязычный мегаполис в стране с совершенно иными традициями и образом жизни. Очевидно, что он испытывает серьезные трудности, так как не владеет спецификой местной ОПР, а незнание языка не позволит ему быстро выяснить хотя бы основные ее особенности.

Наиболее ярко две стороны предметов физического мира проявляются в знаках и символах. Например, в словах языка. Слова — это особые искусственные физические объекты (специальные звуки или совокупности линий), имеющие в сознании людей, владеющих языком, два значения. Основное — чувственное, позволяющее узнавать конкретное слово и отличать его от других. И дополнительное, но более важное для нас — символическое значение, в виде которого выступает определенный концепт, репрезентирующий сущность, обозначаемую данным словом.

Если мы не знаем языка, то его слова воспринимаются нами лишь как акустические или графические объекты, то есть являются для нас только чувственно репрезентируемыми специфическими искусственными объектами — словами. Если же мы знаем язык, то есть интериоризировали его ранее из ОПР соответствующего этноса, то мы не только чувственно распознаем объекты-знаки — слова, но и в нашем сознании актуализируется их символическое значение. Дело в том, что вместе со словами этого языка мы уже усвоили огромную часть ОПР данного общества. В результате в том же физическом объекте-слове мы начинаем «видеть» несравнимо больше.

Но не только слова языка имеют двойственную природу. По-видимому, **практически все знакомые человеку предметы имеют для него две стороны: одну — репрезентируемую сенсорно, а потому как бы более материальную, и другую — репрезентируемую вербально, как бы более идеальную.**

Вербальные репрезентации всех известных людям объектов представлены в ОПР их общества. Там присутствуют вербальные конструкции, способные эффективно дополнить индивидуальную чувственную репрезентацию любого известного обществу предмета. В зависимости от объема интериоризированного из ОПР психического содержания разные люди демонстрируют разную степень проникновения в сущность предмета, от полного его непонимания до глубокого понимания. В этой связи вспоминается сообщение В. А. Иванникова (2010, с. 112) о противотанковой гранате, которую пожилая женщина использовала как колотушку для забивания колышков в огороде.

Круглый плоский кусочек металла с рельефом (что можно условно отнести к физической стороне предмета) мы обычно «видим» не в этом качестве, а как монету определенного достоинства, используемую в обороте или уже вышедшую из употребления (что можно условно отнести к психической стороне предмета). А небольшой предмет с двумя стеклышками (физическая его сторона) мы «видим» в качестве очков, улучшающих зрение (психическая его сторона). Чувственные образы восприятия этих объектов прочно связаны в нашем сознании с иным, особым, созданным обществом значением, отличным от первичного непосредственно доступного нам чувственного значения соответствующих предметов. Вспоминается басня И. А. Крылова «Мартышка и очки».

Все наши чувственные репрезентации окружающей «реальности в себе» в процессе нашей социализации были концептуализированы, то есть трансформированы, сегментированы и квалифицированы окружавшими нас людьми, взаимодействовавшими в нашем присутствии с ее элементами как с предметами и пользовавшимися для их обозначения определенными словами. И не будь вокруг нас людей, мы не имели бы потом дела с предметами, их чувственными свойствами и изменениями, которые были концептуализированы человеком задолго до нашего рождения и зафиксированы в языке еще на этапе его становления. Как не имеют дела с предметами животные. Но данные факты я даже не принимаю в расчет с целью упрощения ситуации, так как в основе существования антропоморфных предметов и их чувственных свойств хотя бы лежат сенсорные репрезентации. Вторая же, или психическая, сторона предметов — целиком и полностью результат деятельности вербального мышления людей.

Монета — это и денежная единица, и — столь же бесспорно — холодный и твердый металлический плоский предмет. В то же время такие психические объекты, как долг, кредит или аванс, например, — это только обозначаемые понятиями устойчивые вербальные психические конструкции, репрезентирующие конституированные и сконструированные сознанием умозрительные сущности, не имеющие никакого предметного физического выражения, хотя они и связаны в том числе с деньгами и с определенными действиями людей. Отличие предмета, обозначаемого понятием *монета*, от психического объекта ОПР, обозначаемого понятием *долг*, заключается в том, что предмет представлен в сознании еще и чувственно — в форме модели-репрезентации конкретной сущности (твердой, холодной, округлой, с выпуклостями и вдавлениями, без вкуса и запаха и т. д.). Тогда как психический объект ОПР, обозначаемый понятием *долг*, первичного чувственного значения не имеет вовсе.

Замечательно, однако, то, что на границе между чувственно воспринимаемой физической реальностью и ее же вербальными репрезентация-

ми формируется некая переходная область, которую нельзя уже отнести к перцептивным репрезентациям «реальности в себе», но и вроде бы нельзя еще считать частью ОПР, так как это не чисто вербальные репрезентации «реальности в себе». Обычно это собирательные образы представления, которые позволяют формировать новые умозрительные сущности. Примером такой сущности является, например, плоскость.

Красивый пример сравнительного анализа поверхности и плоскости приводит Дж. Гибсон (1988, с. 69–70). Первая является частью предметного физического мира, и преимущественно чувственный концепт этого понятия представляет собой собирательную модель-репрезентацию¹. Вторая является объектом ОПР, репрезентирована смешанным концептом, образованным из вербальной конструкции² и собирательного образа представления множества плоских поверхностей.

Дж. Гибсон отмечает такие различия поверхности и плоскости: «Поверхность вещественна, а плоскость — нет. Поверхность текстурирована, а плоскость — нет. Поверхность никогда не бывает совершенно прозрачной, плоскость всегда прозрачна. Поверхность можно увидеть, а плоскость можно лишь визуализировать. ...У поверхности только одна сторона, а у плоскости их две. Иными словами, геометрическую плоскость следует представлять себе как очень тонкий лист в пространстве, а не как границу, разделяющую среду и вещество. Экологическая поверхность может быть либо выпуклой, либо вогнутой, тогда как абстрактная поверхность, выпуклая с одной стороны, непременно вогнута с другой. В геометрии поверхностей соединение двух плоских поверхностей образует либо уступ, либо выступ; в абстрактной геометрии пересечением двух плоскостей является линия. Одним из свойств поверхности является то, что она обращена в сторону источника освещения или точки наблюдения; плоскость таким свойством не обладает» (с. 69–70).

Можно добавить, что поверхность представлена в нашем сознании образами восприятия, воспоминания и представления конкретных предметов окружающего нас физического мира. Плоскость же репрезентирована вербальной конструкцией и собирательными образами представления плоской поверхности. Это некая сконструированная сознанием умозрительная сущность. Данный пример свидетельствует о том, что даже в построении объектов ОПР активное участие могут принимать и чувственные репрезентации.

А. Д. Логвиненко (1985, с. 5) обращает внимание на различие между воспринимаемым и знаемым (как он его называет) мирами. Он отмечает,

¹ Дж. Гибсон, конечно, использует иную терминологию.

² «Плоскость — это поверхность, образованная кинематическим движением образующей линии по направляющей линии, представляющей собой прямую» (Т. Ф. Ефремова, 2000).

что в известном мире есть явления, которые не могут быть восприняты без специальных приборов (например, микробы и прочие микроорганизмы). Некоторые из этих явлений нельзя себе даже представить (например, электромагнитное поле).

Хорошие примеры, иллюстрирующие различие между чувственно и вербально репрезентируемой нами «реальностью в себе», приводит Ф. де Соссюр (2006, с. 109–110), обсуждающий, например, тождество и различия двух скорых поездов Женева — Париж, 20:45, отходящих один за другим через 24 ч. Автор пишет, что, с одной стороны, это тот же самый скорый поезд, а между тем и паровоз, и вагоны, и поездная бригада — все в них разное. Он проводит аналогию с реконструированной улицей. После слома всех старых домов на ней и постройки новых мы говорим, что это та же улица, хотя материально от старой, быть может, ничего не осталось.

Автор справедливо указывает, что можно перестроить улицу без того, чтобы она перестала быть самой собой, потому что ее сущность не чисто материальна. Сущность ее, по его мнению, заключается, например, в ее положении относительно других улиц. То же самое касается и скорого поезда, сущность которого образована часом его отбытия, его маршрутом и вообще всеми обстоятельствами, отличающими его от прочих поездов. Всегда, когда осуществляются те же условия, получается та же сущность. В то же время, как отмечает автор, эта сущность не абстрактна, ибо и улица, и скорый поезд — материальны.

Таким образом, можно сказать, что сам поезд, его вагоны и бригада относятся к чувственно репрезентируемой реальности, тогда как номер поезда, время его отправления, маршрут и расписание движения относятся к ОПР, которая в данном случае имеет для нас главное значение, а потому и определяет, тот же сегодня поезд, что и вчера, отбывает в 20:45 по известному маршруту или нет.

Ф. де Соссюр приводит (2006, с. 111) и другие примеры, которые, как мне представляется, хорошо демонстрируют разницу между непосредственно воспринимаемой нами «реальностью в себе» и той же реальностью, выступающей как часть ОПР. Он спрашивает, является ли шахматный конь, сам по себе элементом игры. И отвечает, что, конечно, нет, так как вне своего места и прочих условий игры шахматный конь ничего для игрока не представляет и неразрывно связан с игрой. Если конь потеряется, то его можно будет заменить другой фигурой, изображающей коня, или даже любым предметом, ничего общего с ним не имеющим, если мы в уме придадим ему ту же значимость.

Автор прав, так как любой другой предмет: пробка от шампанского, катушка из-под ниток, запонка, колпачок от авторучки — может быть произвольно связан в нашем сознании с моделью-репрезентацией шахматно-

го коня и легко способен заменить его собою в процессе игры в шахматы. *Но с чем мы отождествляем в этом случае такой новый предмет?* Очевидно, что не с физическим предметом в форме головы коня, а с соответствующей фигурой в игре. Как совершенно справедливо указывает И. Гоффман, «игра в шахматы, содержит два принципиально различающихся основания: одно полностью принадлежит физическому миру, где происходит пространственное перемещение материальных фигурок, другое относится непосредственно к социальному миру противоборствующих в игре сторон» (2003, с. 84).

Я уточню: не к социальному миру, а к ОПр, выступающей здесь в качестве важной части физического мира. **Окружающие нас предметы представляют собой нечто вроде «двойных» объектов. С одной стороны, они существуют в физической реальности в качестве физических предметов. С другой стороны, они же присутствуют в ОПр в качестве психических объектов той же физической реальности:** поезд Женева — Париж, отправляющийся в 20:45; улица с конкретным названием в городе; конь в шахматной игре; номерок в гардеробе и т. д.

С. Московичи описывает, как постепенно формировалось понятие *деньги* и как оно содержательно трансформировалось из физического объекта в нечто иное — то, что я называю объектом ОПр. По словам С. Московичи (1998, с. 343–344), вплоть до Возрождения общество видело в деньгах лишь субстанцию, переходящую из рук в руки. Оно доверяло деньгам лишь как звонкой и весомой монете, предпочтительно золотой. По мере распространения денежной экономики стоимость денег отделилась от их физической основы, начала фиксироваться на кусках бумаги и в итоге стала цифрой. Деньги теперь оцениваются по услугам, которые они оказывают, по ритму их обращения и накопления. Они приобретают все более безличный и абстрактный характер. Деньги перестали быть ценной вещью и стали знаком цены вещей. По словам автора, экономическая метаморфоза денег, превращение из субстанции в меновую стоимость, идет параллельно с интеллектуальной эволюцией индивидов.

Итак, кусочек золота трансформируется сначала в монету, которая, в свою очередь, трансформируется в бумажную банкноту, а последняя вообще превращается в электронную цифровую запись. Однако мы теперь понимаем, что деньгами является для нас не кусочек металла, листок бумаги или совокупность цифр, а то значение, которое в ОПр вкладывается людьми в эти предметы.

Я практически не встречал в психологической литературе (исключая И. Гоффмана, который, впрочем, тоже социолог, а не психолог) специального обсуждения одной важной проблемы. Дело в том, что **наша субъективная психическая реальность постоянно удивительным образом дополняет для нас реальность физическую и, наоборот, последняя непрерывно воздействует на реальность психическую.** Например, мы

продолжаем видеть самолет в удаляющейся от нас в небе точке, если он только что взлетел на наших глазах. Происходит это потому, что в нашем сознании сохраняется еще образ воспоминания взлетающего самолета, который никак не может быть тождественен воспринимаемой нами сейчас и исчезающей в небе точке. Вероятно, поэтому в других похожих точках, оставляющих расплывающийся белый след в небе, мы тоже «видим» самолеты, а в движущихся по ночному небу звездочках — космические спутники.

Я уже писал выше о важной роли «погружения» индивидуального сознания в ОПР общества для понимания им мира. Мы начинаем «видеть» многое, лишь когда узнаем о том, что именно мы воспринимаем. Помню, насколько безуспешными были первоначально мои попытки распознать под микроскопом срезы разных тканей человеческого тела. И только со временем, усвоив предварительно все их отличительные признаки, я научился делать это. В прозрачных палочках и овалах под микроскопом мы видим бактерии, а в упорядоченных прозрачных структурах — разные клетки организма. В здании, по которому одни люди ходят в белых халатах или синих костюмах, а другие — в домашней одежде, мы «видим» (распознаем) больницу, а в похожем здании, наполненном детьми, — школу.

В процессе интериоризации человеком из ОПР знаний о «реальности в себе» значение окружающих его элементов этой реальности может сильно меняться, далеко выходя за пределы их чувственных восприятий. Последние наделяются особыми сложными символическими смыслами, которые трансформируют окружающий мир. Как замечает М. Вартофский, «то, чем мы научились видеть тот или иной объект, становится, в свою очередь, руководством для нашей внешней практической деятельности» (1988, с. 207).

Символизация реальности, сопровождающаяся трансформацией множества окружающих человека предметов в знаки чего-то совершенно иного, играет важную и совершенно необходимую роль в жизни общества. В результате этого процесса одни раскрашенные листочки бумаги превратились, например, в деньги, другие — в личные документы, третьи — в свидетельства на собственность, четвертые — в поздравительные открытки, пятые — в акции и т. д. Множество предметов (порой странных или даже забавных) превратились в символы власти, государства, отдельных его структур, положения человека в общественной иерархии и т. д. Это цепи, жезлы, мантии, короны, штандарты, флаги, головные уборы, ордена, значки, особые балахоны, нарукавные повязки, ленточки, татуировки, галстуки, даже заколки для галстуков и т. д.

Оппоненты могут сказать, что область, называемая мною второй частью физического мира, — это социальная реальность. Но это лишь спор о терминах. Безусловно, эта область создана обществом, но она имеет не-

посредственное отношение именно к чувственно репрезентируемому нами физическому миру.

Надо отдать должное социологам, которые первыми описали двойственную психофизическую сущность вещей. И. Гоффман (2006, с. 116–117), например, обращает внимание на то, что к флагам или любым другим предметам ритуального характера люди относятся как к священным только до тех пор, пока используют их в торжественной церемонии. В период же изготовления и хранения на складе в ожидании церемониального действия к ним относятся как к обыкновенным бытовым предметам. Однако, несмотря на то что с флагами и тому подобными предметами, когда они не используются в ритуалах, обращаются относительно «материалистически», все-таки некоторые «маленькие предосторожности» в обращении с ними продолжают соблюдаться. И этот осторожный характер обращения (с ритуальными предметами) навязан нам, по мнению автора, нашими представлениями о них, так как священные реликвии, сувениры, подарки и локоны волос на память поддерживают некую физическую непрерывность связи с тем, о чем они напоминают. Как полагает автор, наши культурные верования и наши представления придают таким реликвиям известное эмоциональное значение и личностное звучание.

Г. Зиммель (2006а, с. 48–54) (G. Simmel (1985, p. 52–56)) вообще посвятил несколько работ отдельным предметам: мосту, раме картины, ручке вазы. Он (2006а, с. 43–44) пишет, что в качестве осязаемого, имеющего вес, включенного в действия и связи окружающего мира куска металла ваза представляет собой часть предметного мира, тогда как ее художественная форма ведет совершенно отдельное существование. И для этого существования материальная форма вазы является всего лишь носителем.

Картину Г. Зиммель рассматривает (2006, с. 51) и как предмет, и как произведение искусства. Он полагает, что предмет мебели, в отличие от картины, не имеет права на «для-себя-бытие». Напротив, мы его постоянно касаемся и он вмешивается в нашу жизнь. Хотя некоторая современная мебель, будучи непосредственным выражением индивидуальности ее создателя, кажется униженной, когда на нее садятся. Она прямо-таки требует рамы. Автор говорит о нахождении предмета в двух мирах, правда, будучи социологом, второй он считает социальным, а не психическим. Он рассматривает этот мир лишь с точки зрения художественной формы, хотя психологические смыслы применительно к вариантам использования любого предмета человеком являются в этом втором мире приоритетными.

Мне нравится идея автора о том, что «материальная действительность предмета» лишь носитель для его «художественной формы» (2006а, с. 43–44). Но я сказал бы шире: **чувственная репрезентация предмета — носитель части ОПР, связанной с этим предметом.**

И. Копытофф тоже обсуждает двойственность вещей. Он (2006, с. 137) рассказывает, что в заирском племени суку продолжительность жизни хижины составляет около десяти лет. Сначала она служит домом для пары или — в случае полигамной семьи — для жены с детьми. Со временем хижина последовательно становится гостевым домом или жилищем для вдовы, местом встреч подростков, кухней и, наконец, курятником или хлевом для коз — до тех пор пока не развалится, подточенная термитами. На каждом этапе ее «биографии» физическое состояние хижины соответствует ее конкретному применению. Если хижина используется не так, как диктует ее состояние, это смущает людей суку и говорит им о многом. Так, если гостя селят в хижине, которой положено быть кухней, это свидетельствует о низком статусе гостя, а если на участке нет хижины для гостей, это говорит о лени, негостеприимности или бедности хозяина участка.

Рассказ автора хорошо иллюстрирует два аспекта предмета — хижины: с одной стороны, ее чувственно воспринимаемую физическую сущность, а с другой — ее же «прописанное» в ОПР общества суку функциональное предназначение. С этим примером перекликается характерное для современного мира отношение к автомобилю, наручным часам, разного рода аксессуарам и даже к одежде не как к средству передвижения и необходимыми в быту предметам, а как к показателям социального статуса и уровня финансового благополучия их владельца.

И. З. Зубец (2008, с. 363) пишет, что предмет в традиционной русской культуре всегда выполнял и роль знака. Например, в Ярославской губернии верили, что если на ходу распряжется лошадь, то кто-то из супругов неверен. Женщине, уличенной в неверности, вешали на шею упряжь. Для определения места, благоприятного для строительства дома, на ночь клали на него перевернутый горшок с куском шерсти. Если шерсть отсырела, то место считали хорошим, если оставалась сухой — плохим. Влага на шерсти расценивалась как благоприятный признак добавления, прибыли. Хомут в свадебном обряде символизировал невесту. Оглобли в похоронном обряде символизировали судьбу. На них выносили гроб и до самого конца не ставили на землю.

Автор (с. 365) отмечает, что одним из важнейших символов традиционной русской культуры является стол. Он всегда стоял в красном углу горницы. С ним были связаны важнейшие события в жизни семьи: крестины, свадьба, похороны, всегда завершающиеся застольем. Он был символом единения семьи, а также символизировал церковный алтарь, так что именно над ним висели образа. Было запрещено даже поднимать веник выше стола.

Отношение к зеркалу как месту нахождения нечистой силы наблюдается во многих верованиях и фольклорных текстах. Традиционно зеркала

ло — необходимый атрибут гаданий, которые проводились в нежилых помещениях, воспринимаемых народом как место встречи с иным миром. В России до сих пор в доме умершего завешивают зеркала. В то же время семантика зеркала как оберега от нечистой силы проявляется в свадебных обрядах.

Р. Харре (2006, с. 121), рассматривая вторую сторону вещей, связывает «социальность» вещи с нарративом, с тем, насколько вещь включена в то или иное повествование. Он (там же) пишет, что из простого куска вещества, не обладающего собственной предысторией, предмет способен превращаться в социальный объект благодаря включению его в нарратив.

Я добавлю, что сам предмет появляется для человека исключительно благодаря погружению его сознания в ОПР общества.

По мнению Р. Харре (2006, с. 120), алкоголь не попадает в категорию «социальная сущность», а вино для причащения, безусловно, является социальной сущностью. Такие предметы, как флаг, доллар или магазин, отличаются от воды, песка, руки и им подобных. Последним не требуется какого-либо социального контекста, тогда как первым такой контекст необходим.

Трудно согласиться с автором, что вода, песок, рука и им подобные вещи «могут реализовываться вне социального контекста», то есть выпадают из него. Они точно так же, как и все прочие физические объекты, имеют «две стороны». Более того, немного найдется физических сущностей, столь же значимых для человека, как вода или рука, а потому ОПР любого общества до предела «нагружена» знаниями о них. Другое дело, что эти объекты, в отличие от флага, доллара и короны, например, не выполняют для нас столь же очевидных знаковых функций. Хотя с ними тоже связана масса символов: «не оскудеет рука дающего», «живая — мертвая вода» и т. д.

Кстати, «социальная сущность»¹, в понимании Р. Харре, — не что иное, как то, что я называю объектом ОПР. Например, вино для причащения — это типичный объект ОПР. Однако и алкоголь (который Р. Харре (2006, с. 120) не относит к «социальным сущностям») представлен в ОПР своей «социальной», а точнее, «психической гранью», например, как то, что влияет на психическое состояние человека, вызывает со временем зависимость, болезнь, деградацию, ломает человеческие судьбы и т. д.

Следует вспомнить слова П. А. Сорокина (1992, с. 41–42), который гораздо раньше всех перечисленных авторов писал, что храм, дом, музей, картина, кокарда и другие «материальные вещи» — лишь символы, значки психических переживаний, постольку они явления социальные. Храм становится храмом не потому, что кирпичи и бревна в нем соединены особым образом. Статуя Венеры Милосской — явление социальной категории не

¹ По словам Р. Харре, «социальные сущности определяются по наличию выражений, полный смысл которых может быть уяснен только внутри конкретного потока социальных действий, конкретного социального мира» (2006, с. 120–121).

потому, что мрамор принял определенную форму, а картина Рафаэля — художественная ценность не благодаря соединению холста и красок. По словам автора, все они «социальные ценности» лишь благодаря тому, что объективируют собой субъективную психику: определенные чувства, мысли, переживания, настроения и т. д. Он полагает, что в этом смысле правильно определение их как «застывшей психики».

Действительно, ОПР наполняет смыслами чувственно репрезентируемый нами окружающий физический мир. В результате ее наличия не только предметы, но и даже окружающие нас люди приобретают как бы «две стороны».

Странно, но некоторые исследователи критикуют «гиперсоциализацию материальных вещей». Б. Латур (2006, с. 343), например, иронизирует, что, если велосипедист, наткнувшись на камень, слетел с велосипеда, обществоведам нечего сказать по этому поводу. Но как только на сцену вступает полицейский, страховой агент, любовник или добрый самаритянин, сразу же рождается социологический дискурс, потому что здесь мы получаем ряд общественно значимых событий, а не только причинно-следственную связь явлений.

Автор (с. 344) против того, чтобы давать природным феноменам социальную интерпретацию. Он против попыток показать, что кварк, микроб, закон термодинамики, инерциальная система наведения и т. п. в действительности не то, чем они кажутся, то есть не подлинно объективные сущности природы, а хранилища чего-то еще, что они преломляют, отражают, маскируют или скрывают в себе. Хранилища неких социальных функций и факторов. Он против попыток заместить природный объект другим объектом, принадлежащим обществу, и показать, что именно второй является истинной сущностью первого. Б. Латур (2006, с. 343) требует опять вернуться к природной сущности вещей, полагая, что общественные науки «должны выйти за пределы той сферы, которая считалась сферой общественного» и им следует заняться природными феноменами.

Это предложение автора сродни призыву забыть язык и вернуться к чувственному уровню психического функционирования. Он не замечает того, что нет никаких «природных» предметов, что элемент «реальности в себе» становится предметом только в сознании человека и что только там он постепенно становится все более и более сложной физической сущностью. И не социологи виноваты в том, что вещи действительно имеют двойственную природу и что они, собственно, и становятся «человеческими» (антропоморфными) предметами для ребенка только после того, как тот усвоит их второе, а возможно, и третье, и четвертое вербальные, а значит, социальные значения, интериоризировав их из ОПР общества. До этого воспринимаемые и чувственно репрезентируемые ребенком окружающие его элементы «реальности в себе» просто еще не являются для него теми же предметами, что и для окружающих его взрослых.

Каждый элемент «реальности в себе», репрезентируемый обществом в качестве предмета, в разной степени нагружен дополнительными смыслами. Многие предметы вообще превращаются в итоге в знаки иных сущностей. Поэтому ребенок в процессе собственной социализации и погружения в ОПР своего общества постепенно усваивает разные значения, связываемые людьми с каждым элементом окружающей его «реальности в себе». Сначала монета достоинством десять рублей — это для него нечто твердое, блестящее и безвкусное, нечто, чем можно стучать, зажав в ладонь. Через год-два он узнает слова, которым это нечто обозначается, — «денежка», «монета».

Ребенок еще не понимает значения данных слов, но его сознание уже конституирует чувственно данный предмет на самом простом уровне значения. Еще через несколько лет ребенок узнает, что это «десять рублей», и поймет значение понятия *деньги*. На этом этапе физический предмет, обозначаемый словом «монета», превращается в его сознании в объект ОПР, что открывает для ребенка новые возможности использования данного предмета. Процесс добавления смыслов продолжается и дальше. Например, ребенок узнает, что конкретная монета номиналом десять рублей была отчеканена в 2010 г. в Чеченской Республике (тираж — всего 100 000) и стоит у коллекционеров сейчас 10 000 рублей.

Повторю, что при отсутствии в сознании человека понятия, репрезентирующего на новом, символическом уровне уже чувственно репрезентированный им элемент «реальности в себе», антропоморфный предмет даже появиться не может. Без понятий то, что мы называем миром материальных вещей или предметным физическим миром, превратилось бы в нечто вроде мира, окружающего животных. **Нет и не может быть предметов без антропоморфной ОПР.** И камень, о который споткнулся конь, вовсе не камень для него. Это камень и предмет только для всадника.

Что видят вокруг ребенок и взрослый, когда смотрят на, казалось бы, один и тот же окружающий их мир? Один видит черную гору с плоской вершиной, другой — еще и дремлющий вулкан, уничтоживший в XVIII в. ближайший город. Один видит солдат за забором, другой — еще и военную базу НАТО. Один видит полосу вспаханной земли, другой — еще и полосу отчуждения вдоль границы. Один видит необычный красивый дом, другой — императорский дворец, строительство которого подорвало бюджет страны два века назад. Один — большущую пирамиду из камней, другой — церемониальное сооружение начала первого тысячелетия давно исчезнувшей индейской цивилизации.

Следовательно, взрослый и ребенок совершенно по-разному «видят» (понимают) мир, потому что первый уже интериоризировал огромную часть ОПР общества, а второй — еще нет. Я уже не обсуждаю то, что каждый из них «видит» в книге или понимает из речи окружающих.

Значит, для того, чтобы понимаяще воспринимать мир, как воспринимают его взрослые, ребенок должен интериоризировать существенную часть ОПР своего общества. Без этого он не понимает мир и даже не «видит» (не замечает) в нем того, что замечает взрослый. Следовательно, человеческий мир — это не то, что «видит» собака или даже маленький ребенок. Это то, что может увидеть вокруг себя только человек, интериоризировавший хотя бы часть ОПР.

Более того, по-разному «видят» мир даже взрослые люди, интериоризировавшие ОПР разных обществ. Например, европеец видит, как сотни и тысячи людей приезжают и зачем-то в одежде входят в не очень чистую реку. Индус видит, как множество его соплеменников окунается в чистые священные воды великого Ганга и смывают с себя все грехи. Даже граждане одного общества, интериоризировавшие, казалось бы, общую ОПР, часто в итоге видят одну и ту же часть окружающего мира по-разному. Один видит в правителе страны, например, циничного мерзавца и вора, разворовавшего вместе со своими приближенными полстраны. Другой видит в нем же сильного политика, удерживающего страну от развала. *Почему? Ведь ОПР у них одна?* Видимо, каждый из них интериоризирует лишь какую-то свою ее часть или интерпретирует ее иначе.

Итак, мир воспринимаемый отличается от того же мира — воспринимаемого, но понимаемого в результате интериоризации знаний о нем из ОПР. То есть мир воспринимаемый и мир «видимый» — это разные физические миры.

Часть ОПР, представляющая нам огромную область окружающего физического мира, может быть неплохо проиллюстрирована этнической спецификой человеческих концептов. Я уже писал в разделе 1.3.3, что в разных культурах процесс концептуализации одной и той же грани «реальности в себе», даже доступной восприятию, может протекать по-разному. Он зависит от свойств окружающей среды, образа жизни, особенностей национального быта конкретного общества и многих других факторов.

Поэтому смешанные и даже преимущественно чувственные концепты, репрезентирующие окружающие физические сущности и предметы, могут заметно различаться у представителей разных этносов, так как различаются вербальные включения, присутствующие в этих концептах. Как мы уже убедились на примере концептуализации цвета (см. Примечание 7), даже такие относительно простые, казалось бы, физические объекты, как цвета спектра, концептуализируются в разных культурах по-разному, хотя все они легкодоступны восприятию любого здорового человека.

Еще более важно то обстоятельство, что даже с почти тождественными чувственными концептами, репрезентирующими предметы, свя-

заны порой очень разные вербальные конструкции, репрезентирующие эти же предметы и все, что с ними связано в культуре данного этноса. Дело в том, что каждый предмет репрезентируется в сознании не просто чувственной моделью-репрезентацией. К ней добавляется со временем нечто вроде чувственно-вербальной надстройки, которая представляет собой этноспецифические и личные знания человека о данном предмете, его особенностях, возможностях и области использования, его свойствах, выходящих за рамки чувственного восприятия, его символическом значении и т. д. Это та часть репрезентации предмета, которая относится к ОПР. Знания о предмете зависят от множества обстоятельств. Например, от присутствия и распространенности данного предмета в среде обитания этноса, характера и частоты его использования, его важности, ценности, включенности в культурные традиции народа и т. д. и т. п.

Мы уверены, что всех нас окружают одни и те же физические объекты. Однако мало того, что даже доступные восприятию и чувственно конституируемые людьми элементы «реальности в себе» разные этносы могут концептуализировать по-разному. Мало того, что к сходным чувственным концептам, репрезентирующим одни и те же предметы в разных культурах, добавляются уже существенно различающиеся вербальные концепты тех же сущностей. Так еще и с самими концептами, репрезентирующими данные предметы, ассоциируются множества разных чувственно-вербальных и вербальных психических конструкций.

В результате получается, что **целостные репрезентации одних и тех же предметов, то есть сами эти предметы, сильно отличаются друг от друга в ОПР разных обществ**, так как включают в себя разные вербальные психические конструкции. Например, верблюд для араба или слон для индуса, которые живут рядом с этими животными и активно их используют, — это совсем не то же самое, что верблюд и слон для русского или шведа, которые видели данных животных только в зоопарке или по телевизору. Так же корова для доярки, которая за ней ухаживает, и для дачницы, которая дала той же корове яблоко, впервые ее увидев, — разные физические объекты.

В этой связи имеет смысл вспомнить влияние национальной культуры на формирование вербальных репрезентаций доступных восприятию, то есть чувственно репрезентируемых людьми физических объектов. О. А. Корнилов (2013, с. 241) отмечает, например, что русские увидели в осле глупость и упрямство, а испанцы — глупость, покорность, но и трудолюбие. В курице русский видит глупость, а испанец — трусость. Для китайцев собака ассоциируется с подхалимством, для русских — со злостью или преданностью, а для испанцев — с настойчивостью и упорством. Русские видят в медузе что-то неприятное, а японцы — красоту и гармонию. Автор (с. 242) ссылается на Н. Г. Комлева, который пишет, что одно и то же животное — крыса — имеет разные коннотации в разных языках.

В английском языке крыса — предатель, доносчик, шпион; во французском — скупой человек, скряга; в немецком — с увлечением работающий человек; в русском — ничтожный, приниженный человек.

О. А. Корнилов (с. 150) отмечает, что названия множества объектов чужой культуры остаются для иностранца пустым звуком без соответствующих экскурсов в этнографию. Русские блины, например, предполагают рассказ о Масленице, а та, в свою очередь, — знакомство с языческими истоками русской культуры и т. д. По данным Р. Ладо (цит. по: О. А. Корнилов, 2013, с. 177), латиноамериканские студенты жаловались на то, что североамериканская кухня якобы злоупотребляет сахаром, в то время как диетологи, напротив, констатировали факт чрезмерного потребления сахара латиноамериканцами. Это противоречие объяснялось тем, что сладким вкусом обладали те североамериканские блюда, которые, по мнению латиноамериканцев, не должны были им обладать.

В. Корочанцев¹ пишет, что белый цвет африканцы воспринимают негативно, так как он вызывает у них мысли о смерти и потустороннем мире, черный, напротив, — о жизни и плодородии. У белых все наоборот: белый цвет — жизнь, добро, а черный — зло, смерть.

Из сказанного следует, что один и тот же физический объект может быть в каком-то обществе очень нагружен одними дополнительными смыслами, тогда как в другом он же может быть нагружен совсем иными смыслами или быть почти свободным от них.

Каждый предмет репрезентируется в сознании понятием, но и само понятие вызывает у человека множество ассоциаций, а вся совокупность таких ассоциаций, связанных с определенным понятием, выступает как та самая чувственно-вербальная надстройка, основанием которой является модель-репрезентация определенного предмета. Все эти ассоциации появляются в конкретном сознании при взаимодействии с определенным предметом, связывая его с огромной частью этноспецифической и индивидуальной картины мира. Такие, казалось бы, максимально простые и репрезентируемые чувственно физические объекты, как бабочка, волк, дерево, кольцо и т. д. (см. Примечание 10), вызывают в человеческом сознании самые разные культурно-исторические ассоциации и другие дополнительные смыслы.

Если даже окружающие предметы могут трансформироваться человеческим сознанием в нечто далекое от их чувственно репрезентируемой физической сущности, то что уж говорить о различиях в репрезентациях недоступных восприятию физических объектов или причин и след-

¹ Корочанцев В. А. Африка — земля парадоксов / Владимир Корочанцев. — М.: Армада-пресс, 2001 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ereading.club/book-reader.php/1033582/Korochancev_-_Afrika_-_zemlya_paradoksov.html.

ствий человеческих поступков. Тем более о различиях в репрезентациях действий коллективных, социальных или психических, то есть действий, репрезентируемых главным образом вербально. Даже преимущественно чувственная репрезентация совместного приема пищи людьми — трапеза — с древности являлась непременным элементом самых разных магических, религиозных и бытовых обрядов и ритуалов: сватовства, крестин, свадеб, погребальных пиров, мирских братчин и т. д. У каждого народа она имеет свои неповторимые особенности и черты, без учета которых нельзя понять концепт, обозначаемый данным понятием.

Одни и те же или по крайней мере сходные ситуации представители разных этносов могут воспринимать по-разному вследствие особенностей своей концептуализации реальности и тех самых вербальных «надстроек» над чувственными репрезентациями окружающего. В результате, например, естественная для корейцев, вьетнамцев или китайцев языковая конструкция «вкусная собачатина» будет плохо понятна русским или европейцам, не говоря уже о том, что вызовет у многих из них негативные эмоции. А естественная для русских, европейцев или американцев языковая конструкция «вкусная говядина» может вызвать, например, сходные реакции у индусов.

З. Д. Попова и И. А. Стернин (2007б, с. 68–69) считают, что национальный менталитет нередко обуславливает то, что человек видит одно и не замечает другого. Русские, к примеру, обращают внимание на покорность азиатских женщин и не замечают повышенной активности собственных. В то же время азиаты удивляются активности и даже агрессивности русских женщин, не расценивая своих как покорных и пассивных. Понимание ситуации также во многом зависит от менталитета. Авторы отмечают, что, например, карикатуру в китайской газете, где девушка и юноша целуются на скамейке, европейцы трактуют как изображение распущенности молодых людей, а китайцы — как критику недостатка жилплощади у китайцев. Небольшое опоздание в гости русские считают проявлением уважения к хозяевам, а немцы, наоборот, — неуважением. Повторное объяснение учителем материала русские рассматривают как его стремление добиться лучшего понимания, а финны могут подумать, что учитель невысокого мнения об их интеллектуальных способностях.

В. З. Демьянков (2007, с. 619–620) обращает внимание на то, что по-русски говорят «в ресторане хорошо кормят», а по-немецки — «в ресторане можно хорошо поесть» (кормление — удел беспомощных людей). Это различие в построении фраз отражает особенности национального менталитета, а следовательно, и восприятие множества объектов, в том числе ресторана.

Между этим наблюдением автора и мнением Анны Вежбицкой (см. § 2 раздела 1.3.3) можно провести параллели. Подобные языковые национальные особенности выражают различия в национальных менталитетах.

В частности, в особенностях миропонимания и мировоззрения, в том числе в ощущении своего места в мире и важности или неважности своей личной роли в нем. Можно, пожалуй, согласиться с Анной Вежбицкой (там же), что русский менталитет склонен преуменьшать роль личности, что, как мне кажется, обусловлено традиционно общинным укладом жизни русского народа, более характерным для восточных обществ.

Мощное влияние на концептуализацию, а следовательно, на «видение» человеком даже физических объектов, оказывают особенности языка. Так, в одних языках есть грамматический род, а в других, например в английском, японском или армянском, — нет. Но и в тех языках, которые имеют род, одни и те же сущности могут быть разного рода. Так, смерть в русском — женского рода, а в немецком — мужского. Соответственно этот концепт и понятие иллюстрируются в этих культурах разными метафорическими образами — жуткая старуха и ужасный старик. Это ведет к разному пониманию русским и немцем, например, картины, на которой изображен старик, подкрадывающийся к девушке.

О. А. Корнилов (2013, с. 105) осуждает мнение Э. Сепира (1993а, с. 242–243) о том, что наличие в языке грамматического рода не имеет никакого отношения к пониманию социальной организации, религии или фольклора соответствующего народа, а потому род может быть уничтожен. По словам О. А. Корнилова (2013, с. 105), подобное мнение мог высказать только человек, в родном языке которого категория рода отсутствует. Род для него — нечто ненужное и затрудняющее изучение языка, содержащего эту категорию. В то же время для носителя языка, в котором эта категория присутствует, род — ценнейшее духовное наследие, запечатлевшее неповторимую образность мышления далеких предков, обязательная и неотъемлемая часть всего образного строя языка, источник естественных и понятных человеку национально-специфических олицетворений и метафор.

Автор (там же) замечает, что носитель русского языка понимает, почему «матушка зима; дедушка мороз; мороз красный нос». При исчезновении понятия *род* эти образы потеряют свою естественность и органичность. Попытка перевести эти выражения, например, на испанский язык (*La madre* («мать») — ж. р.; *el invierno* («зима») — м. р.; *El frío* («холод») — м. р., *La nariz roja* («красный нос») — ж. р.) сразу уничтожает естественность и гармонию, которая уходит вместе с рифмой и родовой симметрией, на которой и держатся столь близкие и понятные русскому человеку с детства образные выражения.

Я совершенно согласен с автором и могу лишь добавить, что для русского столь же странно и не имеет никакого смысла, более того, кажется нелепой необходимость указания на то, имеем мы дело с определенным или с неопределенным предметом. Для англичанина же отсутствие такого указания неприемлемо.

Таким образом, целостные репрезентации даже доступных восприятию одних и тех же элементов «реальности в себе» приобретают в разных обществах то, что можно метафорически назвать разным вербальным «психическим ореолом». В то же время присутствующие в определенной культуре вербальные концепты (и понятия), репрезентирующие сущности, малодоступные или совсем недоступные восприятию, вообще могут быть непонятны представителям другой культуры. Вербальные концепты, конструирующие подобные умозрительные сущности в рамках какой-то культуры, часто просто не имеют аналогов в иных культурах, хотя и могут быть инкорпорированы в них. З. Д. Попова и И. А. Стернин (2007, с. 86) пишут, например, о том, что в русском сознании нет концепта «уединенное молчание на природе, сопровождаемое слушанием одного звука» (яп. *саби*).

Структура целостной репрезентации предмета у взрослого человека состоит по крайней мере из чувственного концепта этого предмета (его модели-репрезентации) и его же вербального концепта (или даже «пучка» концептов). К тому же репрезентация предмета имеет сложнейшую сеть ассоциативных связей с множеством других предметов и явлений, их действий и свойств. Причем эту совокупность ассоциаций не во всех случаях можно рассматривать даже в качестве чего-то внешнего по отношению к предмету. Правильнее во многих случаях рассматривать ее как внешнюю часть репрезентации самого предмета. Таким образом, у предмета есть репрезентирующие его концепты — то, что можно назвать ядром его репрезентации, и то, что можно назвать внешней сферой его репрезентации, которая обволакивает это ядро и способна распространяться далеко за его пределы.

К этой внешней сфере репрезентации предмета можно отнести, например, многочисленные дополнительные вербальные значения предмета, так как большинство предметов человеческое сознание наделяет такими дополнительными значениями. В результате почти каждый предмет становится носителем множества смыслов, некоторые из которых могут даже превратить его в знак совершенно иной, нередко далекой от физического мира сущности.

Попробуем условно разграничить чувственные репрезентации физического объекта и его же вербальные репрезентации, представленные в той части ОПР, которая ответственна за окружающий физический мир, на примере физического объекта «огонь». Сама возможность подобного разграничения может исходить лишь из желания проиллюстрировать две условно разные стороны окружающего нас физического мира.

Наш здравый смысл привычно относит к физической¹ реальности все то, что доступно восприятию и репрезентируется нашим сознанием

¹ Я называю «физическим» то, что репрезентируется чувственно. Такой подход облегчает понимание физического мира, хотя он и не вполне верен. Но проблема здесь не столько во мне, сколько в неправомерности разделения реальности на физический и психический мир.

чувственно. Хотя, разбирая реальность физики, мы уже убедились в том, что физическую реальность, даже доступную восприятию (тем более не только ее) человеческое сознание широко репрезентирует вербально.

Надо понимать, что на чувственном уровне репрезентирования «реальности в себе» еще нет понятий. Но даже для того, чтобы описать этот уровень репрезентирования, мы вынуждены использовать человеческие понятия. Реальность на чисто чувственном уровне представлена лишь в сознании животных и маленьких детей в форме образов восприятия и моделей-репрезентаций окружающих элементов «реальности в себе». Огонь здесь лишь нечто внешнее, светящееся, теплое или горячее, красно-желто-сине-белое. Нечто, что нельзя схватить. Нечто вызывающее страх, боль, но и способное приносить состояние комфорта. Этой совокупностью ощущений и образов чувственный уровень репрезентирования огня фактически исчерпывается, и далее начинается вербальное репрезентирование данной сущности.

На начальном этапе вербального репрезентирования в сознании ребенка происходит концептуализация этой сущности. Огонь здесь получает обозначение и превращается для ребенка в особый объект окружающего мира, становясь для него чем-то, например угрозой. Со временем он приобретает разные качества: «сильный/слабый», «опасный/безопасный», «греющий/обжигающий» и т. д. — и начинает действовать: «горит», «гаснет», «шипит», «охватывает» и т. д.

Ребенок, наблюдая за действиями окружающих, начинает понимать, что с огнем можно взаимодействовать: добыть, разжечь, погасить, перенести, поддерживать и т. д., и вступает с ним в отношения: опасается, боится, почитает, использует и т. д. Он последовательно усваивает предлагаемые окружающими слова и вербальные концепты, репрезентирующие огонь. От самых простых и ранних, например, такого: «Это ах!», «Это бобо!», «огонь», «огонь — это опасность!» — до научных, например такого: «Огонь — интенсивный процесс окисления, сопровождающийся излучением в видимом диапазоне и выделением тепловой энергии...»¹

В процессе социализации ребенок интериоризирует имеющиеся в ОПР знания, предположения и заблуждения в отношении явления, обозначаемого понятием *огонь*. В том числе мифы, религиозные культы, притчи, исторические события, научные данные, гипотезы и т. д., а также знания, заблуждения и вымыслы. Например, то, что человек получил огонь от богов и с этого момента начал процветать. Что огонь — это не только разрушение. Что он способен очищать предметы и душу от негатива, накопленного в них.

¹ Огонь [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Огонь>.

Что огонь — животворящий, он согревает тело и дарит тепло душе, вселяя надежду.

Человек усваивает многочисленные связи данного объекта с прочими объектами физического мира («пожар», «пламя», «костер», «дым», «вода», «дрова», «тепло», «камин», «спички», «печь», «жар», «факел», «искра», «солнце», «горение», «очаг», «ожог», «свеча» и т. д.) и объектами ОПР («свет», «спасение», «гибель», «трагедия», «жизнь», «страсть», «стихия», «окисление» и т. д.). А также связи объекта «огонь» с ситуациями, состояниями, процессами и действиями в ОПР в виде переносного смысла жестких конструкций языка — пословиц и поговорок: «огонь страсти», «вытаскивать каштаны из огня», «днем с огнем не сыщешь», «идти в огонь и в воду» и т. д.

В конечном счете человек интериоризирует значительную часть вербальных конструкций ОПР своего общества, репрезентирующих объект, обозначаемый понятием *огонь*. И в его сознании появляется целостная комплексная чувственно-вербальная репрезентация данной сущности, соединенная тысячами связей с другими сущностями окружающего его физического мира.

В последние десятилетия появилась и стала приобретать важное значение в жизни общества искусственно имитируемая, или суррогатная, реальность. Она занимает промежуточное положение между ОПР и физической реальностью. До изобретения письменности, а тем более средств массовой коммуникации человек жил в естественной смысловой среде, представленной только звуками устной речи окружающих и их осмысленными действиями. Сейчас мы живем и в естественной, и в искусственной «смысловой среде». Последняя перенасыщена специально созданными человеком видео- и аудиозаписями реальности разного рода. В этой искусственной среде окружающий мир заменяется его имитацией.

В результате огромная часть жизни людей приходится сейчас на восприятие таких записей. Записи, имитирующие реальность, подменяют собой потенциально доступную восприятию окружающую реальность. Причем они обычно подаются средствами массмедиа в качестве документальной фиксации реальности с места очередного актуального события. Однако записи эти в большинстве своем не только не документальные, но часто просто извращающие реальность. Это подделки, порой противоположные реальности по смыслу. Современные технические возможности, которыми располагают средства массовой информации, позволяют им создавать ложную реальность и тиражировать ее в глобальных масштабах с целью формирования ОПР, искаженной в нужном властью имущим виде.

Ж. Бодрийяр красочно описывает этот новый культурный феномен, характерный для современного мира, как синтетическую реальность, создаваемую массмедиа с помощью новых технологий. Он обозначает ее

понятием *гиперреальность*: «...в настоящее время мы имеем дело с тотальным гиперреальным... Этот наш новый — информационный, цифровой, виртуальный и т. п. — мир... существует как реальность частиц, сегментов, как реальность расчлененного... Мы погрузились в интегральное и, на мой взгляд, совершенно невыносимое реальное...» (2006, с. 115–116).

Ссылаясь на то, что массмедиа производят тотальную замену реальных событий видеопозаказом «реальности», Ж. Бодрийяр¹ (там же) даже объявляет, например, войну США в Персидском заливе, которая целиком демонстрировалась в режиме «виртуальной реальности» телекамерами Си-эн-эн, «несостоявшейся». Так как в результате этой непрерывной демонстрации зрителю было непонятно, состоялось ли увиденное им, или это лишь созданное операторами представление.

Создаваемые массмедиа искаженные версии текущих событий социальной жизни, общественно-политической ситуации в стране и мире, репрезентации актуальных политических событий прошлого и т. д., предлагаемые ими идеи и мнения, то есть вербальные психические конструкции разного рода, мощно влияют на ОНР конкретного общества, трансформируя ее в нужном направлении.

Тезисы для обсуждения

1. Можно воспринимать мир, но не «видеть» его. Для того чтобы «видеть» мир, то есть понимающе воспринимать его, человек должен интериоризировать существенную часть ОНР своего общества.
2. В ОНР можно выделить несколько больших областей. Одна из них относится к физическому миру, вторая — к социальному, третья — к психическому миру индивидуального сознания.
3. ОНР дополняет и достраивает уже репрезентированную человеком чувственно, доступную его восприятию часть «реальности в себе». Формирующие ОНР вербальные репрезентации не только вновь и на новом уровне репрезентируют уже представленный в его сознании, то есть чувственно репрезентированный им, физический предметный мир, но и раскрывают человеку его внутренние связи и отношения.
4. В сознании человека предмет представлен в форме чувственных репрезентаций и интериоризированных человеком вербальных кон-

¹ Автор скорее публицист, чем строгий исследователь, поэтому в большинстве случаев сложно проследить его мысль до конца. Она, лишь обозначив контур какой-то проблемы, немедленно рассыпается яркими сверкающими «брызгами». И все же для нашего рассмотрения важно то, что Ж. Бодрийяр описал факт подмены естественной реальности синтезированными массмедиа суррогатными заменителями реальности — гиперреальностью по его терминологии.

струкций, созданных его предшественниками и современниками. Следовательно, каждый знакомый человеку предмет имеет для него две стороны, репрезентируемые им по-разному — сенсорно и вербально. Причем вторая обычно является для человека основной.

5. Репрезентирующие предмет чувственные и вербальные концепты ассоциированы с множеством психических конструкций, представляющих собой этноспецифические и личные знания и заблуждения людей, относящиеся к данному предмету, его особенностям, возможностям и областям использования, его свойствам, выходящим за рамки чувственного восприятия предмета и т. д. Концепты, репрезентирующие предмет, ассоциированы с множеством концептов, репрезентирующих другие сущности.
6. Недоступный восприятию физический мир целиком и полностью представлен в ОПР общества, откуда его интериоризирует каждый человек.

Социальная реальность как еще одна часть ОПР

3.4.1. Что такое социальная реальность?

Если первая часть ОПР, как мы только что рассмотрели, представляет нам реальность физическую, то вторая ее часть — реальность социальную. Социальная реальность и ОПР соотносятся как часть и целое. Множество исследователей привычно и много пишут о том, что мы живем в обществе, в социальной реальности, в социальной среде, социальном окружении, связаны друг с другом социальными связями и социальными взаимодействиями, а социальные механизмы играют важнейшую роль в нашей жизни. *Что все это значит? Что это за загадочные «социальные связи», «механизмы» и «взаимодействия»?*

Особенно часто в литературе употребляется термин «социальная реальность». *Может быть, понятие ОПР — это лишь другое название реальности социальной?*

Чтобы ответить на этот вопрос, надо попытаться разобраться в том, что же все-таки такое социальная реальность. Е. Ф. Губский, Г. В. Коралева и В. А. Лутченко в «Философском энциклопедическом словаре» определяют «социальное» как «название всего межчеловеческого, то есть всего того, что связано с совместной жизнью людей, с различными формами их общения, в первую очередь того, что относится к обществу и общности, что имеет общественный и общностный характер» (1998, с. 429–430).

Подобных определений в литературе множество, однако отождествление социального с общественным ничего не добавляет к нашему пониманию этой сущности, так как определение сводится к замене терминов.

А. Ребер (2000а, с. 292) называет слово «социальный» прилагательным с удивительно широким значением, позволяющим смело использовать

его для обозначения любой ситуации, если в ней имеется два и более члена одного вида. Автор отмечает, что, хотя обычно при использовании этого слова подразумевается человек, оно без ограничений применяется сравнительными психологами, этологами и социобиологами.

Х. Ортега-и-Гассет замечает: «Нас не удовлетворяют основные понятия социологических систем, поскольку ни один из обществоведов так и не удосужился обратиться к сути, к элементарным явлениям, из которых состоит общественная реальность» (1997, с. 582).

В процессе знакомства с литературой и так не вполне ясный исходно смысл понятия *социальный* совершенно расплывается и теряется, но огромная и аморфная масса разных объектов, обозначаемая им и вызывающая вопросы, остается. Одна из главных проблем — невозможность отличить во многих случаях психическое от социального. С. Московичи (1988, с. 19) прямо говорит, что у нас нет никакой причины думать, что мы смогли бы отличить в общественной жизни психический аспект от социального. Автор (с. 38) справедливо утверждает, что в психике индивидов не существует ничего или почти ничего, что не зависело бы от общества и не несло бы на себе его печать.

С этим трудно не согласиться. Но, с другой стороны, все интериорируемое индивидуальной психикой из ОПП общества было создано ранее отдельными людьми, входившими в это общество. Следовательно, сама ОПП была создана множеством индивидуальных сознаний, которые формировали ее в процессе взаимодействия друг с другом. Другими словами, социальное — это нечто по крайней мере тесно связанное с психическим, зависимое от него и само влияющее на него.

С. Московичи (там же) полагает, что можно найти социологическое объяснение социальным явлениям или «человеческим явлениям в целом», в том числе и психическим феноменам. Мне кажется, однако, что многочисленные попытки объяснить социологию, исходя из нее самой, а не из психологии, так ни к чему и не привели. И это вполне ожидаемо. Впрочем, и сам С. Московичи (с. 40) замечает, что социологические теории не объясняют социальных явлений и не открыли их причин.

Справедливости ради добавлю, что и психология пока не совершила революции в социологии.

Э. Сепир (1993а, с. 587) пишет, что те мысли, поступки, мечты и бунты личности, которые оказывают хоть какое-то влияние на множество типовых реакций, именуемых культурой, мы называем социальными явлениями. Другие ее же мысли и действия, которые с точки зрения психологии никак не отличаются от первых, мы называем индивидуальными и оставляем без внимания, как не имеющие отношения к социальному. Различение этих двух типов реакций совершенно произвольно

и полностью зависит от философии, исповедуемой интерпретатором. Для автора совершенно неприемлемо подобное разделение. По его (с. 589) словам, социология не является психологией не потому, что изучает результирующие суперпсихических или суперорганических сил, а лишь потому, что ее пределы очерчены иначе.

Э. Дюркгейм (1995, с. 32, 35–37) рассматривает социальную реальность как мощное внешнее принуждающее давление, которое оказывает на индивида окружающее его общество, как могущественную силу, систему, обладающую непреодолимой силой принуждения по отношению к индивиду.

Обсуждая аргументы своих критиков, Э. Дюркгейм (с. 9–10) пишет, что выдвинутое им положение, согласно которому социальные факты должны рассматриваться как вещи, вызвало у критиков больше всего возражений. Его утверждение, что мы уподобляем реальность социального мира реальностям мира внешнего, современники нашли парадоксальным и возмутительным. Хотя он, по его словам, ставил перед собой цель не низвести высшие формы бытия до уровня низших форм, а, наоборот, предоставить социальной реальности уровень, по крайней мере равный тому, который всеми признается за внешним миром. Автор пишет, что не утверждает, будто социальные факты — это материальные вещи, а лишь считает, что это вещи того же ранга, что и материальные вещи, хотя и на свой лад.

Из этого можно сделать вывод о приоритете Э. Дюркгейма в установлении того, что социальная часть ОНР столь же реальна для нас, как и окружающий физический мир.

А. Шюц (2006, с. 739) понимает под социальной реальностью мир культурных объектов и социальных институтов, в котором мы родились, живем и с которым должны поладить. Мы, действующие и живущие в социальном мире, изначально воспринимаем его так же, как мир природы и культуры, и не как свой собственный, то есть как интересубъективный, общий для всех людей мир, потенциально доступный каждому. Мир, включающий в себя коммуникацию и язык. По словам автора (с. 740), социальная реальность содержит не поддающиеся чувственному наблюдению, но вполне реальные верования и убеждения. Например, для обитателей Салема XVII в. колдовство было не самообманом, а элементом их социальной реальности и в качестве такового даже доступно наблюдению социального ученого.

Ю. Г. Волков и В. Н. Нечипуренко (2010, с. 388) пишут, что в символическом интеракционизме Ч. Кули, Дж. Мида и Г. Блумера социальная реальность рассматривается как динамичная сеть символических значений, которая творится людьми в процессе их социального взаимодействия. Эта изменчивая реальность ежеминутно возникает заново, прекращается,

течет в потоке времени вслед за изменениями в символических значениях, происходящими спонтанно по ходу взаимодействия людей.

М. Шелер (2011, с. 56) указывает, что люди убеждены в реальности общества намного больше, чем в реальности какого-либо иного предмета из других сфер бытия и знания. В любой другой реальности мы еще можем «сомневаться», оставляя вопрос о ней открытым, в то время как в этой реальности мы сомневаться не можем.

П. Бергер и Т. Лукман (1995, с. 147), соглашаясь с тем, что социальный мир создан людьми и может быть ими переделан, полагают, что объективность социального мира заключается в его противостоянии человеку в качестве чего-то внешнего по отношению к нему. Они считают человека творцом мира и возражают против распространенной точки зрения, согласно которой человек воспринимается как продукт мира.

Мне представляется, что авторы здесь переоценивают одну сторону — творческие возможности человека, недооценивая другую — обратное влияние на него социального мира. Тогда как это обратное влияние ОНР общества на конкретного человека несравнимо больше, чем его личный творческий вклад в социальную реальность.

Э. Гидденс (2005, с. 94) пишет, что в социологии предлагается множество теоретических схем объяснения социальной реальности. Большинство из них строятся на общей посылке, согласно которой социальная реальность существует независимо от того, что люди говорят о ней либо каким образом живут в ней. Сторонники социального конструктивизма полагают, однако, что реальность есть не что иное, как творение, созданное в процессе социального взаимодействия людей.

Мне не совсем понятно, почему автор противопоставляет эти два подхода. Ведь ничто не мешает людям участвовать в создании той части ОНР, которую принято называть социальной, и одновременно жить в ней. При этом созданная человечеством среда становится фактически независимой от конкретного человека и мощно влияет на каждого члена общества, определяя всю его жизнь.

Но вернемся к понятию *социальная реальность*.

Р. А. Смирнова¹ пишет, что это понятие рассматривалось в индивидуалистской социологии (феноменологическая, экзистенциалистская, волюнтаристская, конвенционалистская) как результат целенаправленного, или осмысленного, человеческого поведения, а в позитивистской социологии (дюркгеймовская, марксовская, структуралистская, функционалистская,

¹ Смирнова Р. А. Социальная реальность // Социология: энциклопедия / А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин и др. — Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2003 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://sociology_encyclopedia.academic.ru/991/Социальная_реальность..

бихевиористская и др.) как общая сумма объектов и явлений социального мира, каким он представляется обыденному сознанию людей, живущих среди других людей и связанных с ними многообразными отношениями взаимодействия.

Кстати сказать, с обоими этими подходами можно согласиться, так как с одной стороны, социальная реальность — это действительно совокупность социальных объектов и явлений, или сущностей, конституированных и сконструированных человеческим сознанием. С другой стороны, социальная реальность — это специфическая среда¹, формируемая поведением членов общества и их отношениями друг с другом.

И все же для того, чтобы глубже понять эту конституированную людьми сущность, нам необходимо, как советовал Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 582), «обратиться к сути» и рассмотреть элементарные явления, из которых она состоит.

3.4.2. Главные компоненты социальной реальности

ОПР объективна и реальна, потому что мы с ней постоянно сталкиваемся и взаимодействуем независимо от своих желаний и намерений. *Но с чем именно мы сталкиваемся? Как ОПР может мощно воздействовать на нас, будучи психической? Неужели только слова окружающих или тексты, которые мы видим, обеспечивают ее влияние на нас?*

Обсуждая идеи, доминирующие в обществе, Х. Ортега-и-Гассет (с. 258) указывает, что они сохраняют значимость, даже если мы их не приемлем. Их категорическую требовательность мы чувствуем, сколько бы ни отрицали ее. По словам автора, эти идеи стоят перед нами с неотвратимостью стены, которую мы должны волей-неволей учитывать, поскольку нам не пройти сквозь нее, а нужно безропотно искать дверь или же посвятить жизнь ее прошибанию.

Действительно, доминирующие в ОПР идеи с неотвратимостью стены встают перед нами. *Но как и почему? Они же всего лишь чьи-то мысли, часто «замшелые»? Каким образом они стали частью окружающей нас объективной реальности, воздействующей на нашу жизнь?*

Дело в том, что они были интериоризированы нашими современниками, живущими рядом с нами, и приняты ими в качестве несомненной истины. В результате идеи эти определяют их поведение, а вот с ним-то мы уже и вынуждены считаться. И именно поведение окружающих

¹ Социальная реальность — это сфера обитания, сотканная из социальных действий и взаимодействий (Общая социология, 2000, с. 128).

создает для нас те самые «стены», требующие «поиска дверей». Оно является важной активной частью ОПП и воздействует на нас наиболее мощно и непреодолимо. Особенно отчетливо это прослеживается в социальной сфере.

Получается, что социальная реальность складывается из двух основных элементов. Первый — это присутствующие в сознании всех членов общества, сходные, преимущественно вербальные психические конструкции, одинаково репрезентирующие людям то, что принято считать социальной реальностью. В том числе само общество, в котором они живут, его структуры и институты, их функции и цели, а также отношения, сложившиеся в нем, и приемлемые для общества формы взаимодействия людей. Второй — это сходное поведение людей в обществе, обусловленное их сходными представлениями о мире и о себе.

Поведение — это некая промежуточная область, которую нельзя однозначно отнести ни к предметному физическому миру, ни к психике. Нельзя потому, что, с одной стороны, для индивида, воспринимающего поведение окружающих людей и чувственно его репрезентирующего, оно мало чем отличается от движений и прочих изменений предметов физического мира. С другой стороны, поведение людей явно обусловлено содержанием их сознания и не может рассматриваться в отрыве от него. Недаром бихевиоризм, пытаясь изучать психику, исследовал поведение.

Образно говоря, именно поведение людей в обществе и формирует доступную восприятию, то есть чувственно репрезентируемую людьми, ткань социальной реальности.

Давайте, однако, обратимся к сути, как советовал Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 582), и рассмотрим элементарные явления, из которых она состоит. Чтобы понять, что такое социальная реальность, надо прежде понять, что такое социальный институт¹ и его многочисленные разновидности — организации. Буду дальше называть их все социальными объектами.

Есть разные социальные институты: экономические (производство, распределение, потребление, обмен материальных благ и т. д.), политические (власть, государство, парламентаризм, самоуправление, суд, армия, полиция,

¹ «Социальный институт — исторически сложившаяся или созданная целенаправленными усилиями форма организации совместной жизнедеятельности людей, существование которой диктуется необходимостью удовлетворения социальных, экономических, политических, культурных или иных потребностей общества в целом или его части. Институты характеризуются своими возможностями влиять на поведение людей посредством установленных правил» (Социальный институт: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Социальный_институт). Выделяются институт семьи, институт образования, институт здравоохранения, институт государственной власти, институт парламентаризма, институт частной собственности, институт религии и т. д. (там же).

партия и т. д.), духовные (наука, образование, искусство, религия и т. д.), семейные (брак, отцовство, материнство, усыновление, воспитание и т. д.). Они включают в себя множество более мелких объектов ОНР, обозначаемых, например, такими понятиями, как *завод, фирма, колхоз, администрация президента, парламент, полк, собрание, лаборатория, университет, ученый совет, архитектура, конклав, опека, детский сад, школа, музей, театр, художественная галерея, церковь, монастырь, банк, биржа, рынок* и пр.

Объяснение, что социальный институт — это «форма организации совместной жизнедеятельности людей»¹, мало добавляет нам к пониманию данной сущности. Я рассматриваю социальный институт и организацию как часть общества, или группу людей, совместно выполняющую специфические действия для достижения поставленных им целей. То есть социальные институты представляют собой фактически группы людей, осуществляющих совместные действия, развернутые во времени и направленные на достижение общих целей. А конституировали их в форме объектов социальной реальности исследователи.

Люди сталкиваются с фактом наличия социальных объектов в процессе собственной социализации, то есть они интегрируются в социальную реальность, в которой эти объекты появились задолго до них самих. Естественно, люди воспринимают их как часть окружающего мира, как то, что было всегда, по крайней мере до их собственного появления на свет, как то, существование чего следует принять как независимый от людей и очевидный факт. Соответственно, **репрезентации социальных институтов и организаций, возникающие в сознании, изначально рассматриваются людьми как безусловная и всем очевидная часть окружающего физического мира, независимая от людей.**

Повторю, что все члены общества абсолютно уверены в несомненном наличии социальных объектов и в их принадлежности к независимой от людей внешней реальности. Эта всеобщая уверенность придает в глазах членов общества легитимность² функционированию социальных объектов как части окружающего физического мира. Более того, всеобщая вера в реальность социальных объектов приводит к соответствующему поведению абсолютного большинства людей, которое, в свою очередь, вынуждает не только «верующих», но даже и «сомневающихся» принять реальность социальных объектов как факт.

Социальные институты репрезентируются в сознании членов общества как объекты физической реальности, хотя фактически представляют собой лишь периодически возникающие или постоянно осуществляемые

¹ Социальный институт: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Социальный_институт.

² «Легитимность — ...признание, объяснение и оправдание социального порядка, действия, действующего лица или события» (С. А. Радионова, 1999, с. 360).

группами людей их совместные целенаправленные действия. Эти действия и их цели строго регламентированы специальными вербальными конструкциями, которые распространены в сознании людей и рассматриваются ими как адекватные и необходимые формы должного поведения.

Таким образом: 1) социальные институты и организации представляют собой группы людей, осуществляющих совместные действия, направленные на достижение определенных общих целей; 2) действия этих групп в обществе возможны лишь благодаря всеобщей уверенности людей в реальном наличии в окружающем физическом мире данных социальных сущностей и именно такого их устройства, а также того, что они выполняют в жизни общества в целом позитивную роль; 3) действия этих групп в обществе были когда-то конституированы людьми в качестве особых социальных объектов, независимых от конкретного человека.

Самое замечательное то, что члены общества правы в том, что социальные объекты, как и прочие объекты ОПП, действительно не зависят от конкретных людей и реально существуют. Однако существуют они не в физическом мире, а лишь в ОПП. К тому же они все же зависят от общества и легко могут быть упразднены или трансформированы им.

Главное то, что **социальные институты и организации существуют лишь в сознании людей и в ОПП**. В физической (чувственно репрезентируемой предметной реальности) их нет. К ней можно отнести лишь доступные восприятию действия групп людей, формирующие эти социальные объекты. Например, человек А отобрал кошелек у человека Б. Люди В и Г схватили человека А, надели на него наручники и посадили за решетку. Все происходящее доступно восприятию людей. Однако все основания данных действий, в том числе их легитимность, находятся лишь в сознании людей. Там же присутствуют и сами социальные объекты, в частности социальный объект под названием «полиция» и выступающие как ее сотрудники люди В и Г — полицейские.

Существование объекта, обозначаемого понятием *полиция*, обусловлено наличием в сознании людей психических конструкций, репрезентирующих факт присутствия в обществе большой группы людей, занимающихся обеспечением государственной безопасности, охраной общественного порядка и защитой существующего государственного строя. Эти репрезентации, а следовательно, и сама данная группа людей, действующих определенным образом, рассматриваются всеми в качестве безусловно имеющегося в обществе социального объекта. Однако если бы данные психические конструкции не присутствовали в сознании большинства людей, то никакой полиции в обществе не было бы.

Возникновению этого института предшествует появление и распространение в сознании членов общества идей (вербальных конструкций),

репрезентирующих особую социальную структуру, способную выполнять функции защиты общества. Воплощение этих идей в реальность, а главное, признание обществом реальности новой формируемой социальной структуры в виде группы людей, выполняющих специфические действия, становится возможным только в результате наделения ее легитимностью со стороны общества. То есть определенный социальный институт возникает, когда в сознании большинства членов общества распространится и получит статус реальной сущности репрезентация данного социального объекта. При этом неважно, признают люди этот статус добровольно или будут вынуждены признать его в результате внешнего давления.

Я не обсуждаю здесь причины, заставляющие людей задумываться о формах защиты себя и общества от отдельных асоциальных индивидов. Совершенно очевидно, что у них появляется такая необходимость. Меня интересуют лишь сами структуры, механизмы их возникновения и функционирования.

В формировании социального объекта всегда участвует группа людей и даже предметы. Например, социальная организация, называемая «детский сад», — это, как представляется здравому смыслу, группа детей, специальное здание, персонал, оборудование, игрушки и т. д. Тем не менее **основное в социальной организации — это ее функция, то есть совокупность совместных действий людей, направленных на решение конкретной задачи**. В данном случае задачи по наблюдению и уходу за группой детей и их воспитанию. И лишь вера членов общества в адекватность существующих в их сознании репрезентаций данного социального объекта и действия группы взрослых людей, ведущих себя определенным образом тоже вследствие наличия у них аналогичной веры, порождает данный социальный объект.

Рассмотрим и некоторые другие сущности, которые принято называть социальными институтами и организациями, например фирму, биржу, семью, министерство, организацию. «Фирма — предпринимательская единица, наделенная экономической и юридической самостоятельностью» (Г. С. Вечканов, 2002, с. 722); «Биржа — предприятие с правами юридического лица, участвующее в формировании оптового рынка...»¹; «Семья — малая социальная группа и социальный институт» (А. И. Пьянов²); «Министерство — орган государственного управления отдельной сферой деятельности...» (В. И. Кузин, 2010, с. 9); «Организация — социальная группа, ориен-

¹ Биржа [Электронный ресурс]: History Forex: сайт. — Режим доступа: <http://history-fx.com/threads/birzhevaja-terminologija.3571/#post-3978>.

² Пьянов А. И. Семья как объект и предмет социологического анализа // Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. — № 132. — С. 169–179. См. также электронную версию: Научная библиотека КиберЛенинка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/semya-kak-obekt-i-predmet-sotsiologicheskogo-analiza#ixzz4SsPVcLPe>.

тированная на достижение взаимосвязанных специфических целей и на формирование высокоформализованных структур» (О. И. Лаптева, 2005, с. 293) и т. д.

Определяют их, как мы видим, по-разному. Однако на деле все перечисленные и множество прочих социальных сущностей — не что иное, как группы людей, действующих совместно для достижения тех или иных целей. Причем одна и та же группа конкретных людей может быть, например, и семьей, и фирмой, и бандой, и еще чем-нибудь, то есть ее социальная форма определяется лишь поведением ее членов и целями, на достижение которых направлено данное поведение. Подтверждается тот факт, что социальные институты и структуры — это лишь конституированные человеком в виде социальных объектов группы людей, реализующих разные варианты поведения, направленного на достижение разных, но общих для них целей.

Одним из социальных объектов является *семья*. Это понятие репрезентирует совокупность предлагаемых обществом форм поведения людей, которых должны придерживаться мужчины и женщины общества в своем стремлении к продолжению рода, воспитанию детей и удовлетворению сексуальных потребностей. Конкретные формы семьи, жизни в семье, отношений в семье и т. д. регулируются и регламентируются доминирующими в сознании людей психическими конструкциями (законами, правилами, традициями, обычаями и т. д.), либо жестко предписываемыми, либо рекомендуемыми определенными последовательности их действий.

Мы уверены в том, что правительство, полиция, суд и армия чиновников существуют вне нашего сознания в окружающем физическом мире, и поэтому мы принимаем их наличие как факт. Хотя на самом деле мы приняли лишь представления наших предшественников о том, что правительство, полиция, суд и армия чиновников существуют, и только поэтому они и существуют. Лишь вера большинства людей в обществе в несомненность их существования и соответствующее их же собственное поведение и делают данные социальные объекты реальными.

В предыдущей главе рассматривалась репрезентация физического объекта «огонь». Имеет смысл рассмотреть по аналогии репрезентацию объекта социальной реальности. Например, объекта, обозначаемого понятием *президент страны*. Президент — это исторически сложившийся, то есть созданный целенаправленными усилиями людей, социальный объект ОПР. С этим объектом отождествляется обычно конкретный человек, на время наделяемый в сознании всех членов общества правами и обязанностями президента, то есть верховной властью в стране. Объект «президент» существует только в ОПР общества, то есть в сознании членов общества, а конкретный человек, отождествляемый с этим объектом, существует и действует в физическом мире.

Именно в ОНР президент издает указы, подписывает договоры, накладывает вето, объявляет о начале военных действий, отдает приказы министрам и чиновникам и т. д. При этом конкретный человек, отождествляемый в сознании людей с объектом «президент», выполняет в это же время иные действия в физической реальности — физические: пишет на листах бумаги и подписывает их, зачитывает тексты (выступает), общается с людьми и т. д. Конкретный человек остается президентом ровно до тех пор, пока общество и доминирующие в нем группы, либо его силовые структуры готовы отождествлять этого человека с объектом ОНР, обозначаемым понятием *президент*.

Таким образом, объект, обозначаемый этим понятием, в отличие от объекта, обозначаемого понятием *огонь*, даже не существует в физической реальности. В последней существует иной объект — конкретный человек, лишь выполняющий функции президента. Президент же существует только как социальный объект ОНР, хотя это его существование там оказывается в итоге более чем реальным для людей.

Огромную роль в построении социальной реальности играют психические конструкции, присутствующие в сознании большинства членов общества и устанавливающие приемлемые и неприемлемые для общества формы поведения людей. Причем сходное поведение людей в сходных ситуациях, обусловленное сходным содержанием их сознания, подтверждает для каждого члена общества достоверность его собственных репрезентаций социальной реальности. Видя, как полиция применяет средства принуждения, а большинство людей подчиняются ей, человек убеждается в адекватности собственных представлений о социальном институте, обозначаемом понятием *полиция*.

Между тем реальность этого института зиждется исключительно на готовности и желании большинства членов общества признавать факт его наличия. То есть держится на вере людей в то, что полиция — это реальная внешняя сущность, наличие которой им следует учитывать в своей жизни. Если бы у людей отсутствовала эта вера, обычные действия полиции вызвали бы у них возмущение, ответную агрессию и привели бы к исчезновению из социальной жизни данной сущности.

Поведение окружающих является для каждого человека воспринимаемой и репрезентируемой им чувственно реальностью, как и предметный физический мир. Но в отличие от него оно приобретает понятный людям смысл только благодаря имеющимся в их сознании сходным репрезентациям общей социальной реальности.

Отклонения поведения кого-либо из людей от общепринятой линии немедленно становятся заметными всем и воспринимаются ими как невоспитанность человека, его болезненная неадекватность или вызов обществу.

Психические конструкции, формирующие социальную часть ОНР, присутствуют в сходной форме в сознании каждого члена общества и определяют адекватность его поведения с точки зрения других людей, пребывающих в аналогичной ситуации.

Общество регламентирует все поведение человека, даже его поведение в одиночестве. Что-то он может делать, а что-то делать не должен, даже оставаясь один. Например, употреблять неумеренно алкоголь, наркотики, валяться целыми днями в постели и т. д. Идеи, нормы, правила и законы, представленные в ОНР, прямо принуждают всех членов общества действовать строго определенным образом. Они не только касаются важных сфер жизни общества, но и распространяются на все его сферы.

Э. Дюркгейм (1995, с. 38–39), например, замечает, что мы не можем выбирать ни форму наших жилищ, ни фасоны нашей одежды. И то и другое обязательно. Тип нашего жилища отражает лишь способ, которым привыкли строить дома все вокруг нас и отчасти предшествующие поколения.

Следовательно, **важным элементом социальной реальности является готовность и способность общества принудительно навязывать своим членам доминирующие в ОНР общества представления об окружающей реальности и тех вариантах поведения, которые кажутся обществу правильными.**

Если кто-то отказывается принимать и признавать реальность установленных обществом смыслов, социальных ролей или институтов, общество заставляет его сделать это с помощью психологических (уговоры и убеждения) и физических (грубая сила) рычагов воздействия. То есть общество принуждает несогласных и «сомневающихся» признать факт присутствия в мире социальных сущностей, по крайней мере учитывать их наличие в своем поведении.

Мы верим в реальность социальных институтов и в определенное их устройство так же, как верим в реальность домов, в которых эти институты располагаются. Наше поведение зависит от присутствующих в нашем сознании сходных психических конструкций, репрезентирующих устройство, функции и цели разного рода общественных институтов и структур. Именно поэтому мы не пытаемся покупать продукты в больнице, заказывать обед в читальном зале или регистрироваться на авиарейс у стойки администратора в ресторане.

Мы рассматриваем социальные институты и организации как объекты, имеющие структуру столь же постоянную и устойчивую, как и предметы. Мы знаем об их особенностях, поэтому мы достаточно спокойно отнесемся к тому, что нас не пустят в какое-то учреждение, так как понимаем, что во многие учреждения нет свободного доступа. Но мы удивимся и возмутимся, если нас вдруг не пустят в учреждение, где мы работаем, в магазин или в метро.

В нашем сознании имеются представления об устойчивых связях и отношениях предметов и других сущностей окружающего мира. Поэтому нас не удивляет то, что, например, одно письмо, которое мы бросаем в ящик на улице (почтовый), доходит до своего адресата даже в другой стране, а другое такое же письмо, которое мы тоже бросаем в другой ящик на улице (мусорный), оказывается на свалке. Эти специфические перемещения предметов происходят исключительно потому, что в сознании всех людей присутствуют психические конструкции, репрезентирующие существующие в социальной жизни структуры и механизмы, а также правила привычных и последовательных действий людей с определенными предметами.

Сходные вербальные психические конструкции, распространенные в сознании большинства членов общества, позволяют разным людям формировать индивидуальные, но похожие картины мира, и создают в сознании людей общие для них социальные сущности ОПР. Чтобы лучше понять, о чем я говорю, давайте представим себе комнату, в которой собрались и расселись на стульях два десятка незнакомых друг с другом людей. Все они ждут начала действия. Характер ситуации и предстоящего действия определяется полученной ими ранее информацией, то есть интериоризированными ими ранее вербальными конструкциями, репрезентирующими окружающую их реальность и ее будущие изменения.

Мы не знаем, чего они ждут: обмена опытом по технологии продаж, обсуждения проблем жителей микрорайона, заседания общества анонимных алкоголиков, первого занятия по изучению иностранного языка или чего-то еще. Они готовы к ожидаемому и даже примерно представляемому ими действию. Та понятная им ситуация, в которой они сейчас находятся и к которой готовы, и есть фрагмент их ОПР, а для них — просто окружающая реальность.

Или представьте себе другую ситуацию. Для жителей Европы и США реальностью является то, что на юго-востоке Украины сепаратисты с помощью России захватили власть и стремятся отторгнуть эту часть страны, чтобы в перспективе присоединить ее к России. Для жителей России реальностью является то, что на Украине в результате государственного переворота власть захватили ультранационалистические группы, поддерживаемые Евросоюзом и США, первым законопроектом которых стал запрет на использование на Украине русского языка, хотя миллионы людей в этой стране — этнические русские. В результате этого русскоязычное население юго-востока Украины потребовало автономии. Однако центральная власть Украины бросила войска на подавление выступлений населения и стала обстреливать из тяжелого вооружения города юго-востока страны, что привело к многочисленным жертвам среди мирного

населения, а Россия стала оказывать военную помощь населению этих регионов.

Обе описанные версии развития событий представляют собой не что иное, как варианты ОПР. Причем у каждой из конфликтующих сторон имеется своя реальность. Разные общества и даже группы людей конструируют свои версии ОПР и пытаются навязать их всем остальным. Причем делают они это не только с помощью массированного использования медиаресурсов, но часто и с применением военной силы.

Наглядно проявляется влияние на поведение людей различий в ОПР, когда, например, туристы попадают в другие страны. Они вдруг замечают, что местные жители почему-то верят в реальность того, чего на самом деле, с точки зрения туристов, в окружающем мире нет. Странно, а порой и нелепо выглядят, например, для неверующих туристов, часто незнакомых даже с сущностью местных религиозных культов и таинств, действия местных приверженцев этих религий. Хотя для последних они имеют глубокий сакральный смысл и отражают их видение окружающего мира.

Вербальные конструкции, возникающие в сознании многих членов общества в форме нового знания, меняют ОПР общества и мощно влияют на поведение его членов, если это знание о мире воспринимается людьми как достоверное. Американское общество перед Уотергейтом не знало, например, что президент Р. Никсон одобрил прослушивание политических противников, и продолжало жить как обычно. Но вдруг в обществе распространилось новое знание — преимущественно вербальные психические конструкции, репрезентирующие факт санкционированного президентом прослушивания штаба политических конкурентов. Эти конструкции, интериоризированные сознанием большей части членов общества, вызвали у людей негативные эмоции и протестное поведение, что привело в итоге к импичменту и смене президента.

ОПР навязывает людям множество сущностей. Люди признают их наличие и в своем поведении учитывают их присутствие в окружающем мире. В конечном счете уже само это **поведение множества людей, подтверждающее реальность сущностей ОПР, выступает в качестве объективного физического, то есть воспринимаемого и чувственно репрезентируемого людьми фактора окружающего мира, доказывающего всем несомненный факт нахождения данных сущностей в мире.**

Именно поведение окружающих в буквальном смысле заставляет каждого человека признать наличие во внешнем мире сущностей ОПР, в частности ее социальных институтов и организаций. Мне возразят, что социальные институты и организации — это в том числе вполне «физические» объекты, которые имеют известную всем локализацию, занимают определенные здания в городе, представлены определенными людьми,

выполняют конкретные функции и т. д. Однако если задуматься, то легко обнаруживается, что локализация, наличие зданий, другого имущества и тем более конкретных людей — совсем не главные элементы социальных организаций.

Рассмотрим, например, объект ОПР, который называется «суд». Это не здание, на котором висит вывеска со словом «Суд», и не определенные люди. Это социальный объект — институт, выполняющий определенную функцию в обществе. И здание, и людей можно заменить, как и большинство их действий. Можно вообще обойтись без здания и проводить заседания суда, например, на площади. Можно даже не проводить заседаний суда, а обмениваться письмами или репликами по телефону. Можно проводить суд в форме видеоконференции, а участвующие в нем люди могут при этом находиться где угодно. Главное — выполнить социальную функцию суда. Необходимо установить степень виновности человека и при наличии вины назначить ему наказание или оправдать его.

Данные действия, во-первых, осуществляются в психической реальности, то есть в сознании людей, участвующих в судебном процессе или наблюдающих за ним. Во-вторых, действия эти возможны лишь при наличии у людей уверенности в том, что определенные лица имеют право устанавливать степень вины человека и назначать ему наказание. То есть при наличии в сознании людей вербальных конструкций, репрезентирующих легитимность (законность и допустимость), с точки зрения членов общества, подобных действий. Согласно доминирующим в обществе представлениям такие действия легитимны, если их совершают специально уполномоченные на это обществом люди, то есть люди, выполняющие определенные социальные роли: судья, защитник, обвинитель и т. д. В-третьих, результаты суда в форме приговора — особого решения суда об оправдании или о форме наказания осужденного — сохраняются в ОПР общества.

И все же поведение людей не может рассматриваться как главный элемент социальной части ОПР, потому что поведение производно, вторично. Оно обусловлено сходными психическими репрезентациями окружающего мира, в том числе репрезентациями сущностей социальной реальности, присутствующими в сознании каждого члена общества.

Все дополнительные смыслы, значения и социальные роли конкретные предметы, люди и их действия получают только в результате принятия этих смыслов, значений и ролей большинством членов общества и только в сознании людей. Лишь их интериоризация и распространение в сознании членов общества приводят к превращению, например, палки с куском материи во флаг, мяча, оказавшегося в сетке ворот, — в победу на чемпионате мира, а обычных людей, — в полицейских, чиновников, генералов, министров и т. д.

Итак, первым главным элементом социальной реальности является всеобщая уверенность членов общества в реальном наличии социальных объектов в окружающем их мире и их независимости от конкретных людей, хотя объекты эти присутствуют лишь в сознании членов общества.

Вторым важнейшим элементом социальной реальности является чувственно репрезентируемое людьми сходное поведение всех членов общества, обусловленное объективным психическим содержанием их сознания и являющееся для всех несомненным доказательством реальности наличия во внешнем мире социальных объектов. В том числе поведение людей, принуждающее каждого человека следовать правилам и нормам, существующим в ОПР общества. В результате чего человек не может не считаться с ОПР так же, как не может не считаться с «реальностью в себе».

3.4.3. Морально-нравственные конструкции¹ человеческого сознания

Одним из наиболее типичных и в то же время активно дискутируемых объектов социальной части ОПР являются мораль и нравственность. П. Я. Чаадаев пишет: «Народы в такой же мере существа нравственные, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как отдельных людей воспитывают годы» (2006, с. 5).

Может ли такое быть?

Может и объясняется тем, что каждое общество очень внимательно и бережно относится к альтруистическому поведению людей, способствующему выживанию и процветанию общества, а соответственно, и к вербальным конструкциям, репрезентирующим такое поведение. Общество сохраняет и распространяет вербальные конструкции, репрезентирующие подобное поведение и положительно оценивающие его. Они составляют то, что принято называть «моралью» и «нравственностью» общества.

Э. Дюркгейм (1995, с. 201) определяет мораль как совокупность склонностей и привычек, которые социальная жизнь развивает в отдельных сознаниях. Р. Г. Апресян и М. В. Колпытина (2007, с. 188) полагают, что мораль — это система ценностей, норм и правил, регулирующих поведение людей, приближенная, с одной стороны, к этикету (правилам хорошего тона), а с другой — к обычаям и праву. Другие исследователи² рассматривают мораль как принятые в обществе представления о хорошем и плохом,

¹ Эти вербальные конструкции отличаются от прочих вербальных конструкций, участвующих в формировании социальной части ОПР, только своим содержанием. И я рассматриваю их отдельно исключительно в силу их особого социального значения.

² Мораль: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Мораль>.

правильном и неправильном, добре и зле, а также как совокупность норм поведения, вытекающих из этих представлений, как систему самосохраняющихся и идеологически установленных линий поведения, поощряющую человеческое сотрудничество.

Категории *добро* и *зло* характеризуют только человеческие поступки. Природные события могут иметь благие или злые последствия для человека, но они лежат по ту сторону добра и зла. Э. Шредингер (2000, с. 64) пишет, что природное событие не является ни хорошим, ни плохим, ни красивым, ни уродливым. Хорошего и плохого не существует, лишь наши размышления делают вещи такими. Ценности и цели в природе отсутствуют. В ней существует лишь одна причинная связь.

Думаю, что и этой связи в ней нет. Ее «находит» в природе лишь человеческое сознание.

Собственно, мораль и нравственность — это сконструированные людьми психические сущности — объекты ОПР, представляющие собой совокупности умозрительных душевных качеств, якобы присущих человеку и вынуждающих его всегда вести себя так, чтобы не только не делать людям зла, но даже не совершать действий, которые могли бы быть осуждены другими людьми.

Сущности эти, как уже сказано, умозрительные. Они конституированы нашими предшественниками, но, во-первых, имеют референты в реальности. Встречаются люди, поведение которых высокоморально и нравственно, а большинство людей стараются вести себя так, чтобы это позволяло им считать свои действия хотя бы примерно соответствующими морально-нравственным нормам. Во-вторых, в человеческой психике существуют вербальные конструкции, которые можно связать с моралью и нравственностью.

В основе морального поведения лежат созданные нашими предками моральные нормы и правила¹, присутствующие в сознании большинства членов общества и влияющие на поведение людей, хотя и не обязательно определяющие его. Эти нормы и правила представляют собой вербальные психические конструкции, регулирующие поведение. Данные конструк-

¹ Моральные нормы — «...нравственные императивы, требования определенного поведения, основанные на принятых в обществе представлениях о добре и зле, о должном либо непозволительном» (Социологический энциклопедический словарь, 1998, с. 204). Нормы (социальные) — «...правила поведения, выполнение которых ожидается от члена группы или общества и поддерживается с помощью санкций» (там же).

«Правило — требование для исполнения неких условий... всеми участниками какого-либо действия (игры, правописания, судебного процесса, организации, учреждения), за выполнение которого предусмотрено поощрение, а за невыполнение — наказание» (Правило: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Правило>).

ции, во-первых, репрезентируют приемлемые для конкретного общества формы поведения. Во-вторых, соотносят человеческое поведение с объектами ОПП, обозначаемыми понятиями *добро* и *зло*¹.

Моральное поведение если и не должно всегда приносить людям добро, то никогда не должно приносить им зло. Нравственное поведение связано дополнительно с объектами ОПП, обозначаемыми понятиями *стыд* и *совесть*. Оно не должно вызывать у человека стыда и мук совести, по крайней мере не должно расцениваться как постыдное и бессовестное другими людьми и им самим.

По словам Б. Рассела (2001, с. 232–233), после принятия Европой христианства различие между моралью и другими достоинствами стало значительно более резким, чем было в Древней Греции. Мораль стали связывать с актами воли, то есть с умением правильно произвольно выбрать должное действие среди всех возможных. Ортодоксальная точка зрения такова, что везде, где возможны два образа действия, совесть подсказывает мне правильный путь и что избрать другой путь — значит согрешить. Добродетель заключается скорее в избегании греха, чем в чем-либо положительном. Нет оснований ожидать, что образованный человек будет в моральном отношении лучше, чем необразованный, или умный — лучше глупого.

Вербальные конструкции, регулирующие поведение и квалифицирующие некоторые человеческие действия в качестве моральных, интериоризируются им из ОПП в процессе социализации. Но далее они могут либо развиваться, достраиваться и включаться в структуру его личности как ее важная часть, реально влияющая на поведение, либо не включаться в структуру его личности и не участвовать или почти не участвовать в регуляции его поведения.

Э. Гидденс (2005, с. 181) полагает, что обычно мы следуем социальным нормам просто потому, что в процессе собственной социализации привыкли поступать именно так. Невыполнение человеком социальных норм приводит к применению обществом предусмотренных законом мер наказания (санкций), которые стимулируют его подчиняться нормам и защищают общество от их нарушений.

¹ «Добро — ...намеренное, бескорыстное и искреннее стремление к осуществлению блага, полезного деяния, например помощи ближнему, а также незнакомому человеку или даже животному и растительному миру. В житейском смысле этот термин относится ко всему, что получает у людей положительную оценку либо ассоциируется со счастьем, радостью, любовью тех или иных людей, то есть становится близким релевантному понятию “хорошо”» (Добро: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Добро>).

«Зло — ...намеренное, умышленное, сознательное причинение кому-либо вреда, ущерба, страданий» (Зло: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Зло>).

Мне представляется, что регулирующие поведение людей вербальные конструкции со временем у многих (хотя и далеко не у всех людей и в разной степени) становятся частью их личности. На основе этих регулирующих поведение конструкций возникают психические структуры, ответственные за морально-нравственные качества личности и совесть.

Г. К. Триандис (2007, с. 79–80) сообщает, что Л. Колбергом (L. Kohlberg, 1969–1981) была предложена теория морального развития личности, постулирующая существование шести стадий, последовательно сменяющих друг друга. На первой люди не нарушают установленные правила, подчиняются требованиям и не наносят вреда другим лишь из стремления избежать наказания. На второй они соблюдают правила тогда, когда видят, что это в их интересах. На третьей они ведут себя «благопристойно» потому, что это соответствует ожиданиям значимых других, а подчиняться правилам и «быть хорошим» выгодно. На четвертой стадии люди выполняют свой долг, действуют в интересах общества, своей группы или социального института, поскольку считают поддержку социальной системы справедливой формой поведения. На пятой люди признают существование общечеловеческих ценностей, но в то же время придерживаются ценностей и правил собственной группы в силу соблюдения «социального контракта». К тому же они убеждены в необходимости руководствоваться универсальными ценностями (ценность жизни и свободы), присущими любому обществу вне зависимости от мнения большинства. На шестой люди следуют универсальным этическим принципам, которые выбрали сами. И, когда законы входят в противоречие с этими принципами, не подчиняются им.

Из этого следует, что человек в процессе личностного становления проходит множество этапов, или ступеней, своего развития. Интериоризируя в процессе первичной социализации вербальные конструкции, определяющие моральное и нравственное поведение с точки зрения общества, он поначалу учитывает лишь отношение общества к его поведению. И только на завершающих этапах становления его личности эти конструкции превращаются в его собственные убеждения и верования, то есть приобретают для него статус несомненных репрезентаций должного поведения. Он уже не может их не учитывать и предпочитает им следовать, даже если они противоречат, например, его соображениям о сиюминутной выгоде или угрожают его благополучию.

Р. Г. Апресян и М. В. Колпытина (2007, с. 195–196) пишут, что следование моральным ценностям воспринимается человеком как долг. Неисполнение долга воспринимается как вина и переживается как укоры и муки совести. По их мнению, долг — это необходимость следовать по пути добродетели, делать добро и противостоять злу. Несмотря на то что

моральное требование может предъявляться окружающими лишь в форме рекомендации или ожидания, совестливый человек относится к нему как к установленному им самим. Право, закрепленное в законах, напротив, основано на внешнем принуждении.

По словам авторов (с. 197), в литературе присутствуют два противоположных мнения о природе совести. В соответствии с первым совесть — это голос бога. В соответствии со вторым совесть — это обобщенный и интериоризированный голос значимых других.

Мне представляется, что понятие *долг* обозначает концепт, репрезентирующий преобладающее влияние на поведение человека его собственных вербальных конструкций моральной направленности. Они заставляют его действовать морально в том числе в ситуациях, когда такие действия не только идут вразрез с интересами человека и способны принести ему явный вред, но даже могут угрожать его жизни. Человек тем не менее ведет себя именно так, потому что в противном случае переживания, вызванные нарушением его собственных моральных норм, будут для него мучительны, либо он рационально решает, что иной путь для него неприемлем.

Я полагаю, что в данном случае в психике человека присутствуют вербальные конструкции, которые относятся к регулирующим поведение, но приобрели некое новое качество. Это качество похоже на то, что делает собственные вербальные репрезентации реальности несомненно верными для человека. То есть это нечто вроде субъективной веры в их истинность. Хотя в данном случае речь идет не о репрезентациях реальности, а лишь о репрезентациях правильного поведения в ней. Можно сказать, что эти регулирующее поведение конструкции жестко встраиваются в личностную структуру человека. И он уже не может просто игнорировать их, так как они тесно связаны с его личностью и являются уже ее частью. Действия, противоречащие им, вызывают у него внутренний эмоциональный конфликт.

Понятия *муки совести* и *чувство стыда* как раз и обозначают концепты, репрезентирующие переживания человека и негативные эмоции, вызванные этим внутренним конфликтом между его морально-нравственными психическими конструкциями, которые рассматриваются им как обязательные для исполнения его собственные правила поведения, с одной стороны, и репрезентациями совершенных им противоположных действий — с другой.

К. Поппер (2005, с. 77) сообщает, что критический дуализм, восходящий еще к Протагору, утверждает: нормы и нормативные законы могут вводиться и изменяться человеком, поэтому человек несет за них моральную ответственность. Автор уточняет, что ответственность человек несет не за те нормы, которые обнаруживает готовыми в обществе, а за те, которые он согласился соблюдать, когда у него были средства для их

изменения. К. Поппер (с. 80) указывает, что, по словам Протагора, в природе нет норм, они созданы человеком и в этом состоит одно из величайших его достижений.

Действительно, нормы, причем разные, порой диаметрально противоположные, создаются человеком. В. Виндельбанд (2007а, с. 123) отмечает, что сегодня и здесь нравственным признается одно, а завтра и там — другое.

Однако остаются без ответа вопросы Э. Кассирера (1995, с. 114): существует ли в действительности то, что прежние поколения называли идеалами нравственности и человечности? Существуют ли объективно некие общие этические требования, связывающие всех людей поверх представления об индивидуальности, государстве, национальности?

Можно было бы добавить еще вопрос: *если и существуют, то где и в каком виде существуют эти морально-нравственные идеалы?*

Думаю, что ответ должен звучать так: **общие морально-нравственные идеалы, связывающие всех людей, безусловно, существуют объективно, но лишь в сознании членов общества, то есть в ОПР.** Там же присутствуют психические конструкции, репрезентирующие предпочтительное для общества поведение его членов. И эти конструкции участвуют в формировании ОПР, представляя собой мораль и нравственность данного общества.

Моральные и нравственные нормы не имеют под собой божественного основания. Они **лишь специфическая для каждого общества часть ОПР, созданная конкретным обществом.** Другое дело, что следует признать важную роль, которую сыграли и продолжают играть мировые религии в распространении и сохранении общих для всех людей морально-нравственных норм.

Тезисы для обсуждения

1. Социальная реальность — это часть ОПР. В ее формировании участвуют сконструированные нашими предшественниками и современниками вербальные психические конструкции, репрезентирующие социальные сущности: структуры, институты и другие социальные объекты нашего общества, а также вербальные психические конструкции, регламентирующие формы поведения людей в нем.
2. Реальность социальных структур и институтов поддерживается твердой верой всех членов общества в несомненность и очевидность наличия данных социальных сущностей в окружающем мире и их независимость от конкретных людей, а главное — поведением всех членов общества, обусловленным этой их верой.
3. Поведение окружающих людей, в том числе мощное принуждающее воздействие на индивидуума со стороны как окружающих людей, так

и социальных институтов принуждения, выступает в качестве важного материального фактора окружающего мира, с несомненностью подтверждающего для индивидуума очевидность наличия социальных объектов, и является важнейшим компонентом социальной реальности как части ОНР.

4. Социальные институты, являющиеся сущностями ОНР, репрезентируются в сознании членов общества в качестве объектов окружающего физического мира, хотя фактически представляют собой лишь функцию, то есть совокупности периодически возникающих или постоянно осуществляемых группами людей совместных действий, направленных на решение конкретных задач.
5. Психические конструкции, формирующие социальную часть ОНР, присутствуют в сходной форме в сознании каждого члена общества и определяют адекватность его поведения с точки зрения других людей, пребывающих в аналогичной ситуации.
6. Общие морально-нравственные идеалы, связывающие людей, существуют объективно, но лишь в социальной части ОНР. Они созданы обществом для его выживания и специфичны для каждого общества.

Представления о психике и индивидуальном сознании как о третьей части ОПР¹

Я исхожу из того, что психика — это, говоря метафорически, особый орган, или инструмент, необходимый организму для репрезентирования специфическими психическими средствами окружающей «реальности в себе» и самого организма в ней. Психическое репрезентирование резко увеличивает возможности адаптации, а следовательно, и выживания организма. **Возникающие в сознании человека психические феномены являются репрезентациями «реальности в себе», человеческого тела и самих психических феноменов.**

Уже вскоре после рождения ребенка образы его восприятия и ощущения начинают ассоциироваться и оформляться в первые чувственные конструкции — модели-репрезентации. Последние репрезентируют выделяемые и дифференцируемые ребенком элементы «реальности в себе» и их изменения, спонтанные или возникающие в процессе взаимодействия с ним. В сознании ребенка начинается формирование того, что превратится в будущем в предметный физический мир. Модели-репрезентации позволяют ребенку не только выделять элементы «реальности в себе» из потока прочих чувственных репрезентаций и взаимодействовать с ними, но и оперировать репрезентациями будущих предметов мысленно, в отсутствие их

¹ Как я уже писал выше, ОПР включает в себя три части. Одна относится к миру физическому. Другая — к миру социальному. Третья представляет мир индивидуального человеческого сознания. Правильнее было бы сказать, что третья часть ОПР предъявляет нам представления наших предшественников и современников о человеческой психике и сознании. Учитывая то, что вся данная книга посвящена конкретным вопросам психологии, странно было бы пытаться обозреть в рамках одной главы столь глобальную проблему, как современные представления о человеческой психике и сознании. Поэтому в данной главе хочу изложить лишь собственные представления о человеческой психике..

актуального восприятия. Формируются простые чувственные репрезентации элементов реальности, их приятных и неприятных для новорожденного сторон, его позитивного и негативного опыта взаимодействия с ними, связей разных элементов друг с другом.

К шести месяцам жизни в сознании многих новорожденных модели-репрезентации элементов «реальности в себе» начинают ассоциироваться с образами обозначающих их слов, которые ребенок слышит от окружающих людей. Образы слов не только связываются в сознании с ними, но и начинают постепенно замещать модели-репрезентации этих действующих или подвергающихся воздействию элементов реальности, а также их свойств и отношений между ними. Все это происходит благодаря коммуникации ребенка с окружающими и было бы невозможно без нее. Связывание образов слов и моделей-репрезентаций элементов «реальности в себе» приводит к формированию первых понятий, а соответственно, и к появлению в сознании ребенка чувственных репрезентаций предметов, их действий, свойств и отношений.

Примерно к 2,5–3 годам, а у некоторых детей раньше, формируется чувственная репрезентация собственного «Я». По-видимому, после этого ребенок начинает связывать с «Я» свои действия с окружающими предметами. Данное обстоятельство, вероятно, объясняет сохранение в его памяти последующих событий его жизни. Представляется, что именно «Я»¹ ребенка, постепенно осознающее факт своего наличия в мире, играет организующую, контролирующую и вообще определяющую роль в процессе консолидации в нечто целостное и глобальное возникающих в его сознании все новых и новых психических конструкций.

Важной особенностью психических феноменов является тенденция к их усложнению и символизации в процессе онтогенеза человека. Так, например, из ощущений и мгновенных образов воспоминания и представления формируются модели-репрезентации, а образы отдельных объектов, в первую очередь слов, приобретают дополнительное символическое значение. Можно поэтому говорить о разных тенденциях в развитии психики. С одной стороны, простые психические явления ассоциируются, формируя сложные психические феномены, или психические конструкции. С другой стороны, сознание стремится заместить сложные психические феномены более простыми психическими явлениями, например образами слов.

Человек репрезентирует «реальность в себе» и свою психику сущностно. То есть он сначала выделяет в потоке своих чувственных репрезентаций окружающего мира, а позже даже создает из отдельных чувственных

¹ Подробно о «Я» см.: С. Э. Поляков (2004, с. 224–254).

репрезентаций и собственных вербальных конструкций некие отдельные и условно самостоятельные части мира, или сущности, которые обозначает новыми для него словами, усвоенными в процессе коммуникации с окружающими.

Важной особенностью человеческой психики является ее стремление к символизации собственного содержания, то есть приобретение образами многих предметов дополнительных значений. В результате значением образов одних предметов становятся образы других предметов, а сложные психические конструкции, репрезентирующие недоступные восприятию сущности, заменяются в сознании образами простых предметов, главным образом слов, и начинают выступать в качестве дополнительных, но более важных для человека значений этих слов. Так в сознании человека появляются концепты и понятия.

Усвоение родного языка в буквальном смысле превращает ребенка в человека. Язык включает в себя сотни тысяч слов, значениями которых являются концепты — чувственные и вербальные репрезентации сущностей окружающего мира. Следовательно, сам по себе язык — это грандиозная и подробнейшая репрезентация реальности, которую почти каждый человек способен достаточно легко усвоить еще в детстве. Само усвоение родного языка обеспечивает ребенка глобальной вербальной репрезентацией реальности.

Воспринимая речь окружающих, ребенок интериоризирует образы слов и языковых конструкций, с помощью которых начинает вербально мыслить. То есть **через язык и благодаря коммуникации с другими членами общества ребенок обзаводится новыми для себя вербальными психическими феноменами — слуховыми, а затем и зрительными образами слов, которые, постепенно обретая для него значение, начинают репрезентировать ему не только предметы, но и гипотетические, и даже вовсе вымышленные сущности окружающей реальности.** Простое изучение ребенком родного языка превращает его в обладателя и хранителя предоставленной ему в языке совокупности знаний о мире, накопленных поколениями предков.

Множество вербальных конструкций, репрезентирующих реальность и формирующих ОПР общества, негенетически наследуется каждым новым поколением людей уже в процессе усвоения ими родного языка в форме значений его слов. Они накладывают узнаваемый специфический для данного общества отпечаток на индивидуальную картину мира, строящуюся в сознании каждого нового члена общества. Постоянное использование человеком своих вербальных конструкций в процессе коммуникации с окружающими обеспечивает непрерывное совершенствование их структуры, а следовательно, и структуры его собственной картины мира.

Повторю, что одним из основных принципов функционирования психики является построение устойчивых и все более усложняющихся психических образований из относительно простых элементов. Создавая сложные сенсорные конструкции, например модели-репрезентации предметов и явлений, их свойств и действий, и связывая с ними модели-репрезентации обозначающих эти сущности слов, психика, говоря метафорически, «маркирует» эти чувственные концепты, а затем и вовсе замещает их гораздо более простыми феноменами — образами соответствующих слов. Вербальные образы (редуцированные понятия) как бы «помечают» возникающие у человека новые чувственные, а затем и вербальные концепты, репрезентирующие все более сложные и все более отвлеченные сущности реальности.

Становление и развитие психики можно рассматривать метафорически как своего рода процесс кристаллизации и роста кристаллов, в роли которых выступают психические конструкции разной степени сложности. В качестве больших блоков психической структуры у человека со временем формируются его мировоззрение, убеждения, знания, моральные и этические нормы, верования, «Я»-конструкция, самооценка, цели, ценности и т. д.

Человек есть то, что было выстроено в его психике за годы его жизни. Та единая психическая суперструктура, которая возникла и стала в конечном счете доступной его сознанию, собственно, и определяет, какой личностью стал человек. Эта суперструктура, которую можно отождествить с человеческой личностью, на первых этапах своего развития возникает не только и даже не столько за счет спонтанного формирования сознанием новых психических конструкций, сколько за счет интериоризации сознанием из ОПР общества множества готовых вербальных конструкций. В первую очередь — вербальных концептов.

Таким образом, **выстраивая на протяжении жизни уникальную психическую структуру конкретного человека, его сознание интегрирует в нее множество вербальных психических конструкций, участвующих в формировании ОПР его общества.** Например, конструкций, репрезентирующих сущности ОПР, приемлемые и неприемлемые для общества формы поведения человека в социуме и т. д.

Образованная в итоге индивидуальная психическая суперструктура и делает человека конкретной уникальной личностью, так как именно от нее зависит то, как воспринимается окружающими конкретный человек, и именно она оказывает решающее влияние на его поведение. У кого-то она, говоря метафорически, представляет собой убогий шалаш из веток или типовую пятиэтажку, а у кого-то — небоскреб или потрясающий воображение Тадж-Махал. Формирование ее может

продолжаться до глубокой старости. Однако обычно в результате возрастных органических изменений в центральной нервной системе индивидуальная психическая суперконструкция подвергается регрессу и распаду, нередко превращаясь в руины еще при жизни человека.

Дж. Келли (2000, с. 78) тоже пишет о некоей иерархической суперсистеме или системной организации конструкторов: «Личными являются не только конструкторы; личной становится и та иерархическая система, в которую они организуются. Эта системная организация конструкторов характеризует личность даже больше, чем различия между отдельными конструкторами» (с. 78).

Автор (с. 79) совершенно справедливо говорит о многоуровневой системе отношений порядка, где одни конструкторы подчиняют себе другие, которые, в свою очередь, подчиняют себе еще какие-то, и т. д.

В сознании человека постоянно возникают не только относительно стабильные психические конструкции, но и создаваемые заново, обновляемые и заменяемые человеком динамические психические конструкции (его планы, мнения, оценки, выводы, предположения и т. д.).

Содержание сознания каждого человека можно условно разделить на три части. Первая — это актуальные чувственные перцептивные репрезентации окружающего мира, которые сознание постоянно создает самостоятельно, пока человек бодрствует. Вторая — это образы воспоминания и представления лично пережитого. Третья — это преимущественно вербальные репрезентации мира, выстраиваемые им самостоятельно, но чаще интериоризированные человеком, то есть полученные им в готовом виде извне — от других людей, с которыми он сталкивался в течение жизни. Они были интериоризированы им непосредственно в процессе коммуникации или опосредованно — через разного рода носители языковых конструкций. Можно говорить также о горизонте восприятия мира человеком и о его горизонте представления и воспоминания мира, или о горизонте его индивидуальных знаний о мире. Индивидуальная картина мира определяет пределы доступного человеку на данный момент мира.

Еще раз повторю, что личность в значительной степени и есть та психическая суперструктура, которая сформировалась в психике человека за годы его жизни и которая придает ему уникальность. В ней человек аккумулирует не только то, что выстроило его собственное сознание, но и все то, что оно интериоризировало из ОНР окружающего его общества.

Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 470) пишет, что сегодняшний тигр такой же тигр, как и живший тысячу лет назад. Каждый тигр всегда первый тигр, тогда как каждый родившийся человек «аккумулирует в своей человечности уже установленный способ быть человеком» (там же). Для него бытие начинается не с нуля, как для тигра, а с некоторого позитивного баланса,

к которому он добавляет свое собственное бытие. Родившийся сейчас человек — это не первый человек и не вечный Адам, а второй человек, третий и т. д.

Автор хочет сказать, что в новом тигре нет ничего сверх того, что определяется тигриной биологией, тогда как главную часть человеческого существа в каждом новом человеке создает не человеческая биология, а человеческая психология, то есть то психическое содержание человеческого сознания, которое передается новому человеку не генетически. Оно передается ему через человеческое общество в виде «багажа», созданного и накопленного его предшественниками и современниками. Именно поэтому каждый новый тигр — это всякий раз первый тигр, а каждый новый человек — это то, что он наследовал от всех прочих людей, живших до него.

Х. Ортега-и-Гассет (с. 470–471) полагает, что человек таков, каким он является, потому что таково общество, в котором он живет сегодня, таков «коллективный человек». В свою очередь, общество «сегодня» именно такое, потому что ему предшествовало определенное общество «вчера», «позавчера» и т. д.

Рассмотрим еще одно важное качество психики. **Человеческая психика нуждается в поддержании некоего постоянства собственных сформированных в завершенном виде психических конструкций, особенно вербальных.**

Г. Оллпорт (2002, 312) обращает внимание на то, что любое незаконченное задание как бы заставляет испытуемого продолжать работу над ним. Это своего рода психический закон. Автор (там же) указывает также, что маленький ребенок, например, не позволяет вносить вариации при повторном рассказе известной ему истории. Он предпочитает знакомые игрушки, знакомую пищу, известные ему семейные обычаи и т. д. *Но почему это так?*

То, что ребенок не позволяет вносить коррективы в уже известную ему и рассказываемую повторно с изменениями историю, возможно, как раз и представляет собой проявление склонности психики к поддержанию постоянства своих завершенных психических конструкций, причем не только вербальных. А. Маслоу (цит. по: Г. Оллпорт, 2002, с. 313) тоже отмечает, например, что у людей быстро развивается предпочтение к произведениям искусства, даже к иностранным именам, которые они раньше встречали. Люди считают, что иноязычное имя, раз-другой встречавшееся им раньше, более благозвучно и нравится больше, чем совершенно новое имя.

Мы знаем, как упорно люди отстаивают свое мировоззрение, как исто-вово борются за свои убеждения, как жестко они готовы навязывать их

окружающим. Некоторые готовы за них даже умереть, впрочем, многие предпочитают убить.

Все это явно свидетельствуют о том, что **человек совершенно отчетливо стремится к сохранению по крайней мере значимых для него собственных сформировавшихся и особенно приобретенных компонент субъективной веры в их правильность психических конструкций, а попытки их изменения извне вызывают у него негативные эмоции и активное противодействие.**

По мнению Р. Рорти (цит. по: Е. Я. Режабек, А. А. Филатова, 2010, с. 176–177), каждый человек обладает своим собственным неповторимым набором концептов, который автор называет «конечным словарем». Концептуальные пространства людей пересекаются, но полностью совпадающих «конечных словарей», по его мнению, не существует.

Выше (см. § 2 раздела 1.3.3) мы уже обсуждали, что концептосферу человека метафорически можно представить в виде семантической (или понятийной) сети¹.

Индивидуальная концептосфера — это совокупность взаимосвязанных универсальных, цивилизационных, этнических, макро- и микрогрупповых концептов, которая представляет собой интегрированное знание человека о реальности. Если представить себе метафорически индивидуальную концептосферу как трехмерную «семантическую сеть», то каждый ее «узел» будет участвовать во множестве субсетей, которые после пересечения в данном узле распространяются в этой трехмерной конструкции дальше в разных плоскостях и направлениях. Строительство индивидуальной концептосферы происходит на протяжении всей человеческой жизни. Оно начинается с первых чувственных концептов ребенка, репрезентирующих для него ближайший окружающий мир, и продолжается до репрезентирующих тайны бытия вербальных концептов старика. У каждого человека формируется своя уникальная концептосфера, репрезентирующая реальность и его в ней.

Почему понятия объединены или связаны друг с другом? Понятия ассоциированы в сети потому, что репрезентируют сущности единого мира, то есть элементы его единой структуры, а потому не могут не быть объединены между собой. Следует, правда, специально отметить, что многих сконструированных человеческим сознанием сущностей нет в окружающей реальности, и это очевидно. Однако они создаются сознанием с помощью тех же механизмов, что и прочие сущности, в отношении существования которых в окружающем мире у большинства людей не возникает сомнений. И даже явные конструкты сознание проецирует на ту или иную область реальности, а обозначающие их

¹ См. Примечание 10.

редуцированные понятия ассоциируются с другими понятиями в глобальной семантической сети человека.

В сознании представлены выполняющие функцию репрезентирования реальности, но феноменологически отличающиеся друг от друга простые и сложные психические явления: ощущения, мгновенные образы (восприятия, воспоминания и представления), модели-репрезентации, концепты, понятия и вербальные конструкции. *Можно ли найти между ними что-то общее, кроме выполняемой ими функции?* На первый взгляд, они настолько сильно отличаются друг от друга, что в гуманитарных науках сложилось даже ошибочное мнение о принципиальных феноменологических различиях понятий, например, и чувственных психических явлений. С легкой руки таких авторитетных исследователей, как Дж. Фодор (J. A. Fodor, 1983), Н. Хомский (цит. по: Р. М. Фрумкина (2001, с. 145)), распространилось даже мнение о том, что у человека существует некий особый языковой модуль, якобы независимый от прочих его когнитивных функций.

Мне, однако, всегда представлялось странным отсутствие в психологии теории, объединяющей все эти разнородные феномены. Кажется очевидным, что психические явления не могут не иметь общей природы. По моему мнению, они не должны были быть независимы друг от друга. Это противоречило бы и логике строения человеческого организма как единой структуры, и общей логике эволюционной теории развития жизни. И действительно, чем внимательнее я анализировал психические явления, тем очевиднее для меня становились их связь между собой и их общее происхождение.

И все-таки что может быть общего между такими, казалось бы, разными психическими явлениями, как, например, ощущение жжения или ощущение кислого, с одной стороны, и вербальные психические конструкции, с другой стороны?

Тем не менее общее есть. И разнообразные ощущения, и вербальные психические конструкции являются с точки зрения психической феноменологии вариантами чувственных репрезентаций. Только первые представляют собой их простой вариант, а вторые — сложный, а к тому же еще и символический. Но давайте рассмотрим это подробнее. Самой типичной и достаточной для конституирования предмета формой чувственных репрезентаций являются образы (восприятия, воспоминания и представления). Образы и ощущения — это психические явления, различающиеся лишь степенью своей дифференцированности (подробнее см.: С. Э. Поляков, 2011, с. 105–112). И те и другие — чувственные психические феномены. Однако ощущения репрезентируют лишь множества сходных в определенной сенсорной модальности предметов, а образы репрезентируют уже

отдельные предметы в этих множествах. Можно предположить поэтому, что различия между образами и ощущениями обусловлены лишь разной степенью развития соответствующих анализаторов и мозговых структур, участвующих в формировании соответствующей чувственной репрезентации.

Следующий по сложности психический феномен — модель-репрезентация объекта — это множество ассоциированных между собой мгновенных образов и ощущений, репрезентирующих некий доступный восприятию элемент «реальности в себе», который сознание чувственно выделяет в качестве самостоятельной сущности. Но модель-репрезентация — это уже нечто большее, чем просто сумма образов и ощущений. Это новая самостоятельная форма сложных психических явлений, состоящая тем не менее из тех же простых чувственных репрезентаций — образов и ощущений.

Понятие же — это, например, модель-репрезентация предмета, ассоциированная с образом слова, обозначающего данный предмет. Другим вариантом понятия является вербальная конструкция, то есть конструкция из образов известных слов, репрезентирующая некую новую сущность и ассоциированная с образом нового слова, обозначающего данную сущность. Редуцированное понятие — это чувственный образ особого объекта — слова, которое является знаком, или символом, иной обозначаемой данным словом сущности. Данное обстоятельство позволяет образу слова репрезентировать в сознании любую сущность — от предмета до максимально умозрительного объекта. Получается, что редуцированное понятие — это все тот же чувственный образ, отличающийся лишь тем, что он имеет два значения. Исходя из сказанного, мы можем расстаться с необходимостью обсуждать нередко встречающиеся в литературе «мысленные слова», «мысленную речь», «мышление с помощью слов» и т. п.

Мышление и на чувственно-образном, и на понятийном уровне протекает в виде потока чувственных образов разного вида. Другое дело, что вербальные образы (то есть образы слов), в отличие от прочих чувственных образов, утрачивают свое прямое значение, приобретая дополнительное, конвенциональное, или символическое, значение, которое становится для человека главным. А раз редуцированные понятия — это лишь особая разновидность образов, то на них распространяются все закономерности, которые характерны для сенсорных образов.

Рассматривая последовательность возникновения и развития концептов, следует отметить, что первыми появляются чувственные концепты, в максимально возможной для человека степени соотносимые с элементами «реальности в себе». Это касается уровня конкретных и некоторых общих понятий («категорий базового уровня»). В процессе дальнейшего

формирования психических структур концепты человека, репрезентирующие окружающий мир, как бы «отрываются» от непосредственно воспринимаемой им «реальности в себе», превращаясь во все более отвлеченные ее же вербальные модели. Но и они тем не менее сохраняют легко прослеживаемую связь с чувственными репрезентациями воспринимаемой человеком реальности.

Как очевидно следует из сказанного, **все перечисленные выше психические явления тесно взаимосвязаны и имеют единую природу, так как все они — разновидности чувственных репрезентаций, или образов.** Повидимому, все они возникли из общего «корня» — чего-то вроде протощущения. В результате теперь в человеческой психике прослеживается явная и прямая связь между, например, ощущением и самой отвлеченной вербальной психической конструкцией.

Тезисы для обсуждения

1. Человеческая психика предназначена для репрезентирования реальности и ее возможных будущих изменений. Возникающие в сознании человека психические феномены являются репрезентациями «реальности в себе», человеческого тела и самих психических феноменов. Благодаря им он понимает окружающее и разумно планирует свои действия в мире.
2. Основными принципами функционирования психики являются построение все более сложных психических конструкций из относительно простых психических явлений и символизация — замена сложной репрезентации основного (важного для человека) объекта образом другого, гораздо более простого и специально создаваемого для такой замены искусственного объекта-символа. В качестве последнего обычно выступают слова.
3. Выстраивая индивидуальную психическую суперструктуру, сознание интегрирует в нее на протяжении жизни человека множество интериоризированных им вербальных психических конструкций, участвующих в формировании ОПР общества, в котором человек живет. В основе суперструктуры лежит множество концептов — вербальных значений известных человеку слов родного языка.
4. Формирующаяся в процессе социализации человека психическая суперструктура включает в себя его мировоззрение, убеждения, знания, нормы, верования, «Я»-конструкцию, самооценку, цели, ценности и т. д. и превращает человека в конкретную уникальную личность.
5. Язык включает в себя сотни тысяч слов, значениями которых являются концепты — чувственные и вербальные репрезентации сущностей

окружающего мира. Следовательно, язык — это созданная обществом грандиозная и подробнейшая репрезентация реальности. Усвоение родного языка позволяет ребенку негенетически наследовать огромную часть ОПР окружающего его общества.

6. Через язык и благодаря ему ребенок обзаводится новыми символическими психическими феноменами — образами слов, или редуцированными понятиями, которые, обретая для него значение, начинают репрезентировать ему и окружающие предметы, и даже отвлеченные сущности реальности.
7. Человеческая психика нуждается в поддержании постоянства собственных структур, поэтому человек стремится к сохранению тех собственных вербальных конструкций, которые представляются ему верными репрезентациями реальности, а попытки их изменения извне вызывают у него негативные эмоции и активное противодействие.
8. Мышление и на чувственно-образном, и на понятийном уровне протекает в виде потока чувственных репрезентаций, то есть ментальных образов разного вида. Вербальные образы, или редуцированные понятия, — это тоже чувственные репрезентации, или образы, но образы особых физических объектов — слов. Вербальные образы отличаются тем, что утрачивают свое прямое значение, приобретая дополнительное, конвенциональное, или символическое, значение, которое становится для людей главным.
9. Феноменологически вербальная конструкция — это конструкция из образов особого вида. Следовательно, все психические явления (от ощущения до самой умозрительной вербальной конструкции) тесно взаимосвязаны и имеют единую природу.

Объекты и другие сущности ОПР

3.6.1. Объекты ОПР

ОПР, как и предметная физическая реальность, имеет свои объекты¹, которые в ней же действуют, обладают свойствами, попадают в разного рода ситуации, участвуют в событиях ОПР и т. д. В ОПР присутствуют не только объекты, но и их свойства и действия, события, ситуации и другие сущности.

Объекты ОПР известны людям давно, и о них часто пишут исследователи, хотя и не квалифицируют их в качестве объектов ОПР. Ф. Бэкон (1978, с. 25–26), например, указывает: несмотря на веру людей в то, что их разум повелевает словами, нередко слова обращают свою силу против разума. «Идолы», которые навязываются разуму словами, бывают двух родов. Одни — имена несуществующих вещей. Другие — имена существующих вещей, но неясные, плохо определенные и необдуманно отвлеченные от них. Имена первого рода: «судьба», «перводвигатель», «круги планет», «элемент огня» и другие подобные выдумки — происходят из пустых и ложных теорий. Для искоренения таких «идолов» достаточно постоянного опровержения и устаревания теорий. Другой род «идолов» сложен и глубоко укоренился. Он происходит из плохих абстракций. Например, то, что обозначается словом «влажность». По мнению автора, в словах имеют место «различные степени негодности и ошибочности».

¹ «Объект... то, что воспринимается, мыслится, обсуждается и обрабатывается, в отличие от субъекта (того, кто это воспринимает, мыслит, обсуждает и обрабатывает)» (*Крылов С.* Объект: кр. справка [Электронный ресурс]: Онлайн-энциклопедия. — Режим доступа: http://encyclopaedia.bigaru/enc/liberal_arts/ОБЕКТ.html).

Дж. Локк (цит. по: Л. Уайт, 2004, с. 61) тоже утверждает, что люди спорили бы гораздо меньше, если бы слова принимались за то, чем они являются, — «всего лишь за знаки наших идей, а не за сами по себе вещи». Эта его мысль, однако, до сих пор не понята большинством исследователей, по крайней мере не принята ими к сведению.

У. Джеймс (2000, с. 70) замечает, что добрая половина наших понятий являются понятиями о невозможных или проблематических сущностях — нулях, бесконечностях, четвертом измерении, абсолютном совершенстве, силе, отношениях и т. д.

Б. Рассел (2009, с. 86) обсуждает обнаруженную им странную сущность — отношение между объектами, в частности между Эдинбургом и Лондоном, которое «вроде бы и есть, но которого в то же время как бы и нет». Так, по его словам, отношение «к северу от» не существует в том же самом смысле, в каком существуют Эдинбург или Лондон. На вопрос, где и когда существует это отношение, ответ может быть только один — нигде и никогда. Нет такого места или времени, где мы могли бы найти отношение «к северу от». Б. Рассел полагает, что оно не находится ни в пространстве, ни во времени, не является ни материальным, ни ментальным и все же оно есть нечто.

Автор ошибается лишь в том, что отношение это не ментальное. Такие сущности, как отношения (в пространстве, во времени, эмоциональные и пр.), репрезентируются психическими конструкциями, формирующими особые психические объекты, или объекты ОПР. Впрочем, Б. Рассел (там же) и сам приходит в итоге к признанию отношения ментальной сущностью. Все сущности, рассматриваемые перечисленными выше авторами: «судьба», «влажность», «четвертое измерение», «абсолютное совершенство», «сила», «отношение» и многие другие — являются объектами ОПР.

По поводу объектов ОПР можно сказать словами М. Мамардашвили: «Сами эти вещи не существуют, например душа. А что-то ведь с ней происходит. И происходящее имеет следствия, которые потом наблюдаемы на уровне бытия» (2002, с. 108).

Дж. Лакофф (2004, с. 384) тоже полагает, что многие из наиболее важных человеческих истин не являются истинами, относящимися к материальному, физическому миру, но возникают в результате деятельности людей в соответствии с их концептуальной системой, которая не вполне соответствует реальности и зависит от человеческого опыта. Сам человеческий опыт в конечном итоге столь же реален, как скалы и деревья, кошки и коврики. И поскольку люди действуют в соответствии со своей концептуальной системой, а их действия реальны, концептуальная система играет главную роль в создании реальности.

Разновидностью объектов ОНР являются и математические объекты, обозначаемые, например, понятиями *ноль*, *бесконечность*, *число*, *вероятность*, *равенство*, *тождество*, *десять*, *максимум* и т. д. По словам А. В. Коганова (2009, с. 73), существование математического объекта определяется теорией, которая его описывает, а не реальным миром. При этом объект может существовать в одной теории и не существовать в другой. Например, в теории целых чисел нет числа между единицей и нулем, а в теории рациональных чисел таких объектов много: 0,5; 0,9 и т. д. Существенно, что в обеих теориях соответствующий факт можно строго доказать. А. В. Коганов (там же) отмечает, что если свойства объекта противоречат аксиомам теории, то этот объект точно не существует в данной теории. Если же эти свойства несут в себе противоречие с точки зрения логического анализа, то такой объект не существует ни в одной теории. Но тем не менее его можно описать (определить математически) и анализировать, например, на наличие такого противоречия.

Другими словами, объекта может даже не быть в известной людям математической реальности, но мы тем не менее его конструируем в своей ОНР, а затем анализируем.

О. Е. Баксанский (2009а, с. 48) пишет, что объекты математики существуют «идеально и объективно, то есть в сознании человека, но независимо от него». Будучи созданными людьми и выступая «продуктом» многовековой культуры человечества, они для каждого нового поколения предстают как «готовые и данные извне». Они противостоят отдельному человеку как явление не менее объективное, чем язык.

Обсуждая сущности, обозначаемые понятиями *требование* и *обязательство*, А. Райнах (2006, с. 552) утверждает, что они не могут быть подведены ни под одну из привычных категорий. По его мнению, они не могут быть отнесены к чему-то физическому и располагаются ближе к чему-то психическому. Но в то же время требование или обязательство в неизменном виде может длиться годами, а столь длительных психических явлений не бывает. К тому же требования и обязательства не пропадают, когда субъект не имеет никаких переживаний или не должен их иметь. Например, находясь во сне или в глубоком обмороке. Автор не может отнести их и к «идейным предметам», имеющим, по его мнению, вневременной характер, к которым он относит, например, числа. И причисляет их к «темпоральным предметам совершенно особого вида», так как требование и обязательство появляются и длятся в течение определенного периода времени, а затем исчезают.

Итак, на протяжении веков многие исследователи упоминают о неких сущностях, которые не относятся к физическому миру, но тем не менее совершенно очевидно присутствуют в окружающей человека реальности

и обозначаются словами языка. Эти сущности столь же независимы от конкретного человека, как и предметы, но присутствуют лишь в человеческом сознании.

Напомню, что даже доступные восприятию объекты и предметы чувственно конституируются сознанием ребенка в качестве таковых только в результате интериоризации им обозначающих их слов¹. Интериоризация эта протекает параллельно восприятию ребенком элементов окружающего его мира. Психические же объекты ОПР всегда и только интериоризируются человеком из ОПР в форме вербальных концептов, обозначаемых соответствующими словами: «потребление», «наука», «менталитет», «инновация», «структура», «порядок», «устройство», «фонд» и пр.

Типичными объектами ОПР являются сущности², сконструированные с помощью вербальных концептов и обозначаемые, например, понятиями *календарь*³ или *секунда*⁴.

Все объекты ОПР имеют свойства и могут действовать, то есть обладают многими особенностями, характерными для предметов, так как были построены сознанием по образцу доступных восприятию физических сущностей. Однако объекты ОПР обладают свойствами и могут действовать исключительно в самой ОПР.

Объекты ОПР всегда репрезентируются вербальными концептами. Мы уже рассматривали такие объекты ОПР, как «президент» и «суд». Рассмотрим более сложные сущности ОПР. Вернемся, например, к обсуждаемым А. Райнахом (2006, с. 552) понятиям *требование* и *обязательство*. Однако сначала рассмотрим, что собой представляет сущность, обозначаемая понятием *обещание*. Например, обещание человека А подарить человеку В некую вещь.

¹ Гораздо реже в результате создания неологизмов самим ребенком.

² Я рассматриваю отношения между предметом, объектом и сущностью как отношения между конкретным, частным и общим понятиями.

³ «Календарь... — система счисления больших промежутков времени, основанная на периодичности движения небесных тел: Солнца — в солнечных календарях, Луны — в лунных календарях и одновременно Солнца и Луны в лунно-солнечных календарях. Также календарем называется список дней года с разделением на недели и месяцы и обозначением праздников и периодическое справочное издание с последовательным перечнем дней, недель, месяцев данного года, а также другими сведениями различного характера» (Календарь: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Календарь>).

⁴ «Секунда есть время, равное 9 192 631 770 периодам излучения, соответствующего переходу между двумя сверхтонкими уровнями основного состояния атома цезия-133» (Секунда: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Секунда>). Хотя ничто не мешало человеку выбрать в качестве секунды другой период времени и установить в сутках не 24, а 20 или 30 часов, а в часе и минуте — не 60, а, например, 50 или 100 минут и секунд соответственно.

В сознании всех людей, знающих об этом обещании и воспринимающих его как реальность, существует психическая конструкция, моделирующая будущий факт передачи данной вещи от человека А человеку В. Это своего рода чувственно-вербальная модель будущей реальности. Будучи зависимой от личности человека, дававшего обещание, и ситуации, в которой он это делал, она воспринимается ее обладателями как репрезентация, вероятная в разной степени.

Таким образом, конкретное *обещание* — это понятие, обозначающее особую психическую сущность, репрезентируемую смешанной психической конструкцией, которая присутствует в сознании группы людей. Людей, знающих об уже совершенном человеком А действии. Действие это заключается в создании человеком А вербальной репрезентации своего будущего действия и передаче окружающим репрезентации этого своего будущего действия в форме языковой конструкции. В результате сущность, обозначаемая понятием *обещание* человека А, уже сейчас имеется (в сознании людей) как репрезентация будущего особого действия человека А в будущей физической реальности. И эта репрезентируемая психической конструкцией сущность будет присутствовать в сознании людей до выполнения человеком А соответствующего действия.

Обязательства и требования — это тоже объекты ОПП, конституируемые с помощью особых психических конструкций, сходных у людей, знающих о конкретных обязательствах и требованиях. *Обязательство* — понятие, обозначающее психическую конструкцию, репрезентирующую ситуацию ожидания людьми того, что человек А должен совершить некое действие, полезное для человека В или других людей. *Требование* — понятие, обозначающее психическую конструкцию, репрезентирующую ситуацию объявления человеком В или группой людей о том, что человек А должен совершить определенное действие. Данные объекты ОПП могут иметь в физической реальности референты, например бумажный документ, в котором описывается обязательство или требование.

Другими объектами ОПП являются, например, сущности, обозначаемые понятиями *вина* и *прощение*. Вина — это репрезентация психического состояния человека А, которое возникает у него, например, всякий раз при встрече с человеком В или при воспоминании о нем. Это состояние возникает у него потому, что он сделал в прошлом что-то нехорошее человеку В и теперь сожалеет об этом. Прощение — это репрезентация ситуации, в которой человек В объявляет человеку А, что больше не испытывает по отношению к нему отрицательных эмоций за совершенное им в прошлом нехорошее действие и не собирается предъявлять к нему каких-либо требований.

Объекты и другие сущности ОПП различаются степенью своего гипостазирования, или «погружения» в физическую реальность. Менее

гипостазированы, например, объекты сознания (мысль, идея, образ), литературные герои (Наташа Ростова, Обломов), фантастические сущности (ангел, тролль, дракон) и т. д. Более гипостазированы, например, объекты ОПР, к которым относятся жившие в прошлом известные личности (Наполеон), прошлые события (Бородинская битва), исчезнувшие физические объекты (Бастилия), социальные объекты (полиция, религия, аппарат президента, правительство, пресса, школа, пенсионная система, больница, рынок, цензура, каста, производство, деньги), научные сущности (теория, гипотеза, закон, тождество) и т. д.

Объекты ОПР могут гипостазироваться с течением времени. Например, такая сущность, как химера, изначально отсутствовавшая в физической предметной реальности, после своего создания человеком «поселилась» не только в ОПР, но и в искусственной части физического предметного мира. Появились ее изображения на картинах, гравюрах, гобеленах, в книгах, фигуры химер на соборах и т. д. В результате для вновь рождающихся поколений людей химеры стали несколько более реальными объектами, чем были для современников их неизвестного нам создателя.

Объектами ОПР, которые наш здравый смысл ошибочно относит к физической реальности, являются все сущности, представленные в любой естественно-научной теории. Они обозначаются, например, понятиями *материя, электрический потенциал, масса, сила, скорость, вещество, энергия, гравитация, ускорение, длина, количество, импульс, работа, мощность, плотность, заряд, напряжение, сопротивление, трение, площадь, период* и т. д.

Относительно небольшую группу объектов ОПР составляют психические сущности, которые человек конституировал в качестве элементов собственного сознания. Они обозначаются, например, понятиями *образ, ощущение, идея, эмоция, переживание, внимание, чувство, мысль, восприятие, влечение, психический феномен, психическое состояние, психическое свойство* и т. д.

Концепты, репрезентирующие сущности ОПР, относящиеся к социальной сфере, обозначаются, например, понятиями *правительство, республика, курс, товар, услуга, работа, зарплата, власть, сословие, класс, бюджет, капитал, труд, культура, заработная плата, население, абитуриент, правило, доярка, пользователь, продолжительность жизни, прожиточный минимум, курс обмена, элита, потребление, прогресс, упадок, культура, эволюция, порядок, валовой продукт, доход, бедность, благосостояние* и т. д. Огромную часть социальной реальности составляют, например, такие ее объекты, как должности, чины, звания, ранги, профессии, обязанности и т. д.

Многие сущности, которые мы привыкли считать объектами или явлениями окружающего физического мира, представляют собой объ-

екты ОПР. Причем наше заблуждение в отношении них носит чуть ли не универсальный характер. В любой области естествознания и гуманитарных знаний существует множество объектов биологических, географических, медицинских и т. д., которых нет в доступном нашему восприятию окружающем мире. Они «обитают» лишь в ОПР, но у нас не возникает особых сомнений в том, что это именно объекты окружающей реальности, пусть и какие-то особенные и отличающиеся от прочих ее предметов. Например, в биологии и экологии есть много подобных объектов ОПР. Они обозначаются такими понятиями, как *адаптация, активность, жизнь, организм, наследственность, размножение, среда, экология, экосистема, биосфера, круговорот, эволюция, жизнедеятельность, сезонный ритм* и т. д.

Примерами новых объектов ОПР, которые принято относить, например, к трансформируемой или заново создаваемой человеком, то есть искусственной физической (чувственно репрезентируемой) реальности, являются сущности, обозначаемые понятиями *стереоэффект, трехмерная графика, киберпространство, телеприсутствие, технология* и т. д.

Многие объекты ОПР были сконструированы сознанием в виде новой, например, социальной сущности из больших групп разных предметов, людей и даже психических объектов, связанных сложными отношениями и совместно выполняющих какие-то функции. Например, *холдинг, университет, союз писателей, психологическое общество, олигархия* и т. д. В создании таких сущностей участвуют множество чувственных репрезентаций других предметов. В результате объекты, обозначаемые, например, такими понятиями, как *правительство, парламент, префектура* и т. д. представляются здравому смыслу более «материальными», чем, например, объекты ОПР, обозначаемые понятиями *сделка, независимость, обман, услуга, компромисс* и т. д.

Нам поэтому порой трудно отличить некоторые объекты ОПР от репрезентаций сложных физических объектов. Это касается, например, сущности, обозначаемой понятием *префектура*. Мы привыкли так называть конкретный физический объект — здание с флагом на крыше, наполненное людьми (чиновниками и просителями). Хотя *префектура* — это нечто совершенно иное, так как в городе много зданий с флагами, наполненных людьми. Это в первую очередь организация, предназначенная для разработки совокупности решений и организации действий, направленных на оптимизацию жизни людей в городе.

Объекты ОПР в отличие от предметов нельзя обнаружить в воспринимаемой человеком окружающей реальности, так как они не репрезентируются чувственно сразу и в целом, здесь и сейчас. Мне немедленно возразят, что суд, школу, больницу или деньги мы видим очень часто в окружающем мире. Однако не следует смешивать бытовое и научное «видение» этих

социальных объектов. Очевидно, что здание, даже похожее на типичную больницу, в котором собраны больные люди, а присутствующие там же здоровые люди одеты как медицинский персонал, не больница, если в нем не занимаются лечением больных.

Школа — это тоже не привычное нам здание с классами, наполненными детьми. Это в первую очередь особая социальная организация, создаваемая обществом с целью обучения детей. Школа, как и любая другая социальная организация, не может ни возникнуть, ни существовать без наличия в сознании членов общества смешанной психической конструкции, репрезентирующей специфическую структуру и функции данной социальной организации в качестве объекта социальной реальности и ее необходимость для общества.

Психическая конструкция, репрезентирующая социальную сущность, обозначаемую понятием *школа* (общеобразовательная), была сформирована нашими предшественниками, гипостазирована ими и присутствует в человеческом сознании на протяжении тысячелетий. Школа — типичное изобретение человеческого разума, частично материализованное в форме особого места для пребывания детей, оснащенного специальными предметами, сутью которого, однако, по-прежнему остается выполнение особой функции — передачи обучающими знаниями обучаемым.

Можно спорить о том, что первично — социальный объект (организация) или идея его создания. Но это спор о первичности курицы и яйца. Мне представляется, что организация не может возникнуть без чьей-то идеи ее создания для выполнения той или иной функции.

3.6.2. Прочие сущности ОПР

Исследователи давно обратили внимание на наличие особого вида неясных и дискутируемых действий, которые одни называют социальными актами, другие — психическими, социальными или идейными действиями¹. Мое понятие *действие в ОПР* следует отличать от этих понятий.

¹ Впервые понятие *социальное действие* ввел в научный оборот М. Вебер: «Социальное действие — действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится к невмешательству или к терпеливому принятию), которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей или ориентируется на него» (1990, с. 625).

В настоящее время трактовка этого понятия несколько видоизменилась. Например, Р. Харре (2006, с. 121) в качестве «социального конструирующего действия» рассматривает действие отнесения некой сущности к определенной категории, например причисления определенного жеста к разряду приветственных или произнесенной словесной формы — к акту вынесения смертного приговора. С. С. Новикова полагает, что «социальные действия — это определенная система поступков, средств и методов, используя которые индивид или социальная группа стремятся изменить поведение, взгляды или мнение других индивидов или групп» (Новикова С. С. Социология: история, основы,

А. Райнах справедливо замечает: «Если отдается распоряжение или высказывается просьба, то вместе с тем что-то изменяется в мире» (2006, с. 572). Но хочется спросить: *что же изменяется в мире и где именно?*

Сама по себе прозвучавшая фраза — это, конечно, определенное изменение в физической реальности, но изменение слишком ничтожное и малосущественное. Автор, однако, явно имеет в виду что-то гораздо более важное, что-то происходящее в сознании людей, слышащих данную фразу. Он говорит о распоряжении или просьбе, которые заведомо касаются других людей, а не просто репрезентируют им окружающую реальность. Кстати, не только распоряжение или просьба могут вызвать значительные и долговременные изменения в сознании многих людей. И если они вызывают такие изменения, то мы можем говорить о событии в ОНР.

Объекты ОНР не просто существуют, но и действуют, причем действуют именно в ОНР. Иллюстрируют данный факт, например, следующие вербальные конструкции: *Электропроводность выросла, Генофонд сократился, Климат ухудшился, Громадный государственный долг уменьшился, Взвешенное решение ФРС повысило курс доллара, Временное правительство девальвировало рубль, Депутаты рассматривают закон* и т. д. Объекты ОНР, обозначаемые понятиями *электропроводность, генофонд, климат, долг, решение* и *правительство*, не только действуют (*выросла, сократился, ухудшился, уменьшился, повысило, девальвировало*). К тому же они еще и имеют в ОНР свойства (*громадный, взвешенное, временное*).

В физической реальности объекты ОНР могут иметь воспринимаемые людьми и чувственно репрезентируемые ими референты. Например, в виде колебаний стрелок приборов, изменений погоды, записей разного рода и физических действий конкретных людей, собирающихся вместе и обсуждающих что-то вслух, пишущих или дающих другим людям распоряжения. Однако ни показатели приборов, ни записи, ни конкретные люди не являются объектами ОНР, то есть электропроводностью, генофондом, климатом, долгом, ФРС или правительством. Эти показатели и прочие сущности являются иными физическими объектами. Цветные бумажки — банкноты, например, не являются деньгами нигде, кроме как в ОНР общества.

Конкретные люди тоже не являются объектами ОНР. Но общество может отождествлять их с объектами ОНР. Тогда они превращаются, например, еще и в студента, жениха, дипломата, абонента, директора, военнообязанного и т. д. Их действия, совершенные в ОНР, могут не только

институционализация в России. — М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. — Из содерж.: Разд. 1.4.2. Социальные действия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/novikova_soc/soc_nov41.aspx.

иметь последствия в ней самой, но и в конечном счете могут затрагивать множество конкретных людей в предметной физической реальности. Например, главнокомандующий приказал привести войска в состояние повышенной боеготовности. То есть социальный объект ОНР — главнокомандующий — совершил действие в ОНР, которое отозвалось множеством реальных физических изменений в мире: кто-то звонит, кто-то едет, кто-то ругается, кто-то начал чинить технику и т. д. Это естественно, так как ОНР тесно переплетается для нас с физическим предметным миром. Сам человек, отождествляемый с объектом ОНР — главнокомандующим, тоже совершил некое действие в физической реальности (что-то сказал окружающим людям), но это его действие не тождественно действию объекта ОНР в ней.

Можно выделить разные сферы ОНР в зависимости от количества вовлеченных в них людей: внутрисемейная часть ОНР, групповая (университетская, корпоративная, профессиональная и т. д.) часть ОНР, национальная ОНР, территориальная, глобальная ОНР. Каждая из них может иметь свои собственные объекты и события: день рождения ребенка, присуждение научной степени, референдум в Греции, выход Великобритании из ЕС, наложение вето на резолюцию Совета Безопасности ООН. В этих разных по количеству охваченных людей сферах ОНР конкретные люди, отождествляемые с локальными объектами ОНР (сын, ректор, университет, население страны, члены Европарламента, представитель страны в ООН), могут в ней действовать и даже ее менять.

Например, обращаясь к членам семьи, самый старший и уважаемый ее представитель заявляет: «Я нарекаю этого новорожденного Иваном!» Обращаясь к собранию работников автозавода, директор объявляет, что новая модель автомобиля будет называться «Лада». Обращаясь к парламентариям, спикер объявляет о закрытии очередной сессии парламента. Президент Турции приносит свои извинения за сбитый российский самолет. Начиная с каждого подобного момента, ОНР изменяется, в ней появляется что-то новое, то, что влияет на жизнь людей. Заключение пари или сделки, подписание договора или нотариальный акт, свадьба и развод — все это действия, совершаемые людьми в разных по охвату сферах ОНР. Даже смерть обычного человека сопровождается изменениями в локальной ОНР. Аннулируются его обязательства и обещания, его моральный долг по отношению к кому-то. Исчезают обязательства и обещания по отношению к нему и т. д.

Действия, происходящие в ОНР, обычно сопровождаются физическими действиями конкретных людей, а нередко и изменениями предметов. Например, стороны подписали договор купли-продажи (конкретные люди поставили подписи под текстом), президент пообещал принять меры

(конкретный человек сказал несколько фраз), наступил Новый год (часы пробили 12 раз). Однако говоря здесь о действиях в ОНР, я не имею в виду акты письма или речи. Я подразумеваю особые психические действия человека, очевидные для других людей и отличающиеся для них от физических актов письма или речи. То есть следует различать разные виды действий: индивидуальное психическое действие (подумал), психомоторное действие (сказал, написал), физическое действие (упал, поехал на велосипеде, съел) и действие в ОНР (расторг соглашение, потерял лицо, удостоверил, унизил, пообещал, отказал и т. п.).

Все люди отождествляются членами общества с разными объектами ОНР соответственно выполняемым ими в обществе ролям. Следовательно, действия людей, отождествляемых с разными объектами ОНР, по-разному ее меняют или не могут ее изменить вовсе. Для того чтобы ее изменить, человек должен иметь в ОНР определенный и общепризнанный статус, должен, например, быть отцом, полицейским, врачом, чиновником, командиром и пр. Поэтому выкрики из зала суда «Виновен!» мало что меняют в ОНР, тогда как заявление присяжных или судьи «Виновен!» резко и радикально изменяет ее.

Не всякая произнесенная или записанная человеком языковая конструкция становится действием в ОНР. Например, человек может заявить: «С этой минуты я президент России». Но никакого действия в ОНР не произойдет, потому что оно происходит только в сознании окружающих людей и лишь тогда, когда они восприняли чье-то высказывание в качестве достоверной репрезентации изменения окружающей реальности, то есть изменения их общей ОНР. Без этого нет действия в ОНР. **ОНР меняется, только если общество, восприняв чью-то языковую конструкцию, принимает ее как истинную репрезентацию прошлой, настоящей или будущей реальности.** Новый президент появляется тогда, когда люди признают, например, результаты выборов, осуществившихся в ОНР, на которых конкретный человек победил, или вынуждены принять силовой захват власти кем-то.

Являются ли, например, выборы событием, происходящим в физической реальности, как очевидно вытекает, казалось бы, из здравого смысла?

Выборы, безусловно, сопровождаются сложными изменениями именно в физической предметной реальности. Люди приходят в определенные места и совершают некие физические действия со специальными листами бумаги. Тем не менее данные физические манипуляции не являются собственно выборами. Последние происходят в ОНР. Появление нового парламента или президента — это в первую очередь акт, происходящий в ОНР, и во вторую очередь это уже событие реальности материальной, в которой группа людей собирается в определенном месте и начинает

что-то обсуждать. Только в ОНР эта группа людей превращается в парламент, действующий в ОНР и принимающий законы, которые тоже являются сущностями ОНР.

К действиям в ОНР относятся, например, победа в шахматном матче на звание чемпиона мира, интронизация патриарха, женитьба короля, импичмент президента, объявление о разрыве дипломатических отношений, объявление о начале войны (даже без ее фактического начала), подписание мирного договора и т. д. Такое физическое действие, как рождение или смерть человека, тоже может превратиться даже в событие глобальной ОНР, если вызывает всеобщий интерес или приобретает социальную значимость. Например, рождение наследника престола или смерть видного политического деятеля.

Определенные понятия и действия могут иметь смысл лишь в рамках ОНР. Например, понятие *приказ*. *Можно ли приказывать, не находясь в рамках действия конструкций ОНР?* Очевидно, что нет. Потому что приказывать может либо старший по званию, либо авторитетный человек, но само это старшинство является результатом наличия в сознании людей специфических конструкций ОНР, структурирующих окружающий их социальный мир.

Многие будущие события устанавливаются обществом в ОНР и затем воспринимаются всеми как ожидаемое будущее. Например, может быть законодательно установлено, что выборы в парламент состоятся такого-то числа, а выборы президента — через три месяца после этого. Или, например, Международный олимпийский комитет постановил, что следующие летние Олимпийские игры пройдут в Японии в 2020 г. Для всех членов общества, знающих об этом репрезентированном в ОНР будущем, данные обстоятельства превращаются в ожидаемые события.

Пожалуй, **важнейшими сущностями ОНР, кроме ее объектов, их свойств и действий, являются так называемые факты реальности¹. Человеческое сознание репрезентирует факты с помощью вербальных конструкций.** Эти конструкции, в отличие, например, от вербальных кон-

¹ Факт реальности, или факт ОНР, в моем понимании, — это совсем не то же самое, что социальный факт Э. Дюркгейма (1995) или «социальный факт» в современном значении этого термина. Э. Дюркгейм пишет: «Им (термином «социальный факт». — *Авт.*) зачастую обозначают почти все происходящие в обществе явления, если только последние представляют какой-либо общий социальный интерес» (с. 29). Понятие *социальный факт*, в понимании автора (с. 8–9, 40–41, 52–53), скорее соответствует тому, что я описываю под названием *объект ОНР*, но и это последнее понятие не вполне с ним совпадает, так как автор (с. 39) вкладывает в свое понятие дополнительные смыслы. «Факт социальный — единичное общественно значимое событие или некоторая совокупность однородных событий, типических для той или иной сферы общественной жизни или характерных для определенных социальных процессов...» (Б. Б. Прохоров, 2005, с. 195).

цептов, обычно не повторяются и не обозначаются редуцированными понятиями. То есть каждый факт уникален. Хотя некоторые наиболее распространенные и регулярно повторяющиеся факты могут репрезентироваться концептами (и понятиями). Например, происходящий сейчас заход солнца (факт) обозначается специальным понятием *закат*.

Факт — это некая обычно уникальная вербальная репрезентация элемента «реальности в себе». Например, *Небо заволокло тучами* (1-й факт), *Стал моросить дождь* (2-й факт), *Женщина закрыла окно* (3-й факт). Факты никогда не конституируются только чувственными репрезентациями. Факт — это всегда нечто большее, чем то, что репрезентируется образами восприятия. Это уже некий вывод из чувственных репрезентаций в виде вербальной репрезентации. Фактом может быть самая простая вербальная репрезентация — пропозиция, созданная на основе чувственных репрезентаций. Так, фактом, например, может являться свойство объекта (лист высохший), действие объекта (солдат упал) или отношение между объектами (Иван любит Марью), если эти репрезентируемые людьми свойства, действия или отношения соответствуют реальности.

Б. Рассел (2009, с. 224–225) пишет, что факты — это не фразы, в которых мы утверждаем факты. Это те особенности в устройстве мира, которые делают наши утверждения истинными (если они соответствуют миру) или ложными (если они ему не соответствуют). Когда идет дождь, это факт; когда светит солнце, это факт. Расстояние от Лондона до Эдинбурга, как и то, что все люди умрут, а планеты движутся вокруг Солнца, — факты. Автор (с. 126) полагает, что факт — это то в окружающем мире, что делает нашу пропозицию, репрезентирующую его, истинной или ложной. Например, погодные условия, которые делают наше высказывание о них истинным или ложным в зависимости от погоды за окном, и есть то, что он называет фактом.

По его мнению (2009, с. 127), факты принадлежат объективному миру. Они не создаются человеческими мыслями или убеждениями (за редким исключением). Факты выражаются посредством предложения, но они в такой же степени, как и отдельные стулья и столы, являются частью реального мира. Б. Рассел пишет: «Под “фактом” я имею в виду нечто, имеющееся налицо, независимо от того, признают его таковым или нет. ...Большинство фактов не зависят от нашего воления, поэтому они называются “суровыми”, “упрямыми”, “неустрашимыми”. Физические факты в большей своей части не зависят не только от нашего воления, но даже от нашего опыта» (2001а, с. 159).

Ясно, что автор хочет сказать. *Но прав ли он и действительно ли факты, как он утверждает, «суть то, что они суть, независимо от того, что мы предпочитаем о них думать» (2009, с. 126)?*

Мне представляется, что ситуация относительно проста, лишь когда факт касается чего-то репрезентируемого чувственно, например того же дождя, о котором пишет Б. Рассел. Но если факт касается реальности, которая сама репрезентируется людьми только вербально, ситуация резко усложняется. *Существуют ли факты в «реальности в себе» независимо от наших вербальных конструкций, которые ее репрезентируют?*

Казалось бы, положительный ответ на него очевиден. Однако следующее высказывание Л. Витгенштейна демонстрирует сложность проблемы: «...поскольку объект нашей мысли не является фактом, он является тенью факта. Для этой тени есть разные имена, например, “пропозиция”, “смысл предложения”. Но это не устранил наших затруднений. Ибо вопрос теперь в следующем: “Как может нечто быть тенью факта, который не существует?”» (2008, с. 63).

Уточню: не существует, потому что сам факт конституируется именно нашей вербальной репрезентацией. Если же мы вспомним о том, что многие наши понятия, из которых мы выстраиваем факты, сами обозначают другие наши же вербальные психические конструкции, то многие факты превратятся для нас в двух-, а то и трехуровневые вербальные конструкции нашего же сознания. Рассматривая даже научные факты, М. Бунге (2003, с. 286) замечает, что они являются всем чем угодно, только не данными, что они производятся и интерпретируются с помощью теорий.

Обсуждая то, что наука понимает под своими «трезвыми эмпирическими основами» и «обоснованием высказываний фактами», К. Хюбнер (1998, с. 256) тоже считает, что большинство научных фактов или по крайней мере важнейшие из них являются продуктом истолкования. По словам автора, для того, чтобы исследователи вообще поняли, что собой представляет конкретный факт, в его основании должны лежать теории. Например, когда говорят о физических измерениях (электрического тока, длины волны, температуры и т. д.), фактически говорят не о том, что непосредственно можно воспринимать, а о том, что прежде всего предполагает наличие гипотез об электромагнитных, оптических, термодинамических и прочих законах.

О том же пишут М. Голдстейн и И. Ф. Голдстейн (2009, с. 618–619), указывая, что большинство научных фактов содержат в себе существующие знания и теории. Авторы доказывают, что факт (или простое утверждение) «Данный камень весит три фунта (1,2 кг)» невозможен без знания и предварительного принятия ряда научных законов и согласованных процедур. Они поясняют процесс конституирования данного факта. Сначала мы испытываем субъективное ощущение тяжести при поднятии предметов. За-

тем мы узнаем, что тяжесть представляет собой свойство большинства твердых тел, то есть важный научный принцип — сохранение массы. После этого мы устанавливаем критерий равенства «тяжести», замечая, что одинаково «тяжелые» (на основании мышечных ощущений) предметы, если их расположить на одинаковых расстояниях от оси рычага, будут уравниваться, вводим понятие рычага и конструируем весы. Потом мы выбираем некоторый объект в качестве единицы измерения и называем его, скажем, один фунт. То, что уравнивает его на весах, также весит один фунт. Затем мы определяем вес двух фунтов как то, что уравнивает два объекта по одному фунту весом, помещенные вместе на одну чашу весов, и т. д. В итоге, по словам авторов, получается, что утверждение «Данный камень весит три фунта» уже содержит ряд физических понятий.

То, что камень весит три фунта, является объективным фактом, который легко проверяется любым наблюдателем, способным осуществить процедуры измерения. Однако авторы делают справедливый вывод, что было бы неправильно назвать его фактом природы, так как он — результат мысленных построений человека. Этот факт не существовал до тех пор, пока мы не изобрели его. Поэтому и говорят, что факты «нагружены теорией», а общепринятый взгляд на факты как на жесткие, неизменные и независимые от человека сущности не соответствует реальному положению дел в науке, где эти факты совсем не столь ясные, жестко определенные и независимые от человека. Факты имеют обусловленный культурой компонент и до некоторой степени создаются имеющимися у нас теориями, а поэтому подвержены изменениям, если меняются сами теории.

Так же считает, например В. Л. Лекторский (1998, с. 84), полагающий, что отличие науки Нового времени от науки античности состоит в том, что факты не столько описываются, сколько производятся, конструируются. В. А. Иванников (2010, с. 17) тоже отмечает очевидную зависимость фактов от мировоззрения или веры людей, потому что факт должен быть включен в их общую картину мира. Так, для ученых движение Солнца по небосклону — следствие вращения Земли, для житейского сознания — это прямой факт движения Солнца вокруг Земли. Один и тот же результат исследования превращается в разные научные факты в разных мировоззренческих теориях. Автор вспоминает старую байку об атеисте и верующем, которые, придя домой, застают в собственном кресле кого-то с рогами и хвостом. Убедившись, что это не розыгрыш, каждый из них делает собственный вывод. Верующий полагает, что его посетил сатана, а атеист — что у него галлюцинация и ему надо лечиться.

Я рассматривал пока только формальные основания наличия и отсутствия фактов, но есть и более глубокие — антропогенные основания

для сомнений в объективном наличии фактов, в существовании которых убежден наш здравый смысл.

Так что же, фактов нет? Думаю, нам не следует это утверждать. Они есть, но мы должны понимать, что они собой представляют и что они не существуют даже так, как существуют для нас предметы. **Факт — это вербальная конструкция, правильно (с нашей сегодняшней точки зрения) моделирующая реальность, уже репрезентированную нами чувственно.** И не более того. Вообще, для нас **важно здесь лишь то, что факты связаны с конкретной ОНР.** И то, что является фактом для нас, например круглая форма Земли или вращение планет вокруг Солнца, не было фактом для европейцев в Средние века или для древних греков, так как у тех и других была иная ОНР.

Э. В. Ильенков (1999, с. 220–222) отмечает, что хочет того человек или нет, но каждое новое определение факта образуется им в свете той или иной системы понятий. И тот, кто полагает, что он выражает факты «абсолютно непредубежденно», без всяких «заранее принятых» понятий, — тот вовсе не свободен от понятий, а, напротив, неизбежно оказывается рабом как раз самых плоских и вздорных из них.

Л. Н. Любинская и С. В. Лепилин (2002, с. 243) отмечают, что в центре внимания дискуссии о фактах находится вопрос о том, куда следует поместить факт — в «сферу Бытия» или в «сферу Мысли»? Авторы вслед за другими исследователями помещают факт «на границе» «локуса Бытия» и «локуса Мысли», так как, по их мнению, невозможно определить, какая «часть» в понятии *факт* — от объективных данных, а какая — от теории. В этот же локус авторы предлагают поместить понятия *событие* и *ситуация*.

Действительно, **кроме объектов, свойств, действий и фактов, в ОНР присутствуют и другие сущности¹, например события, состояния, ситуации** и т. д. Причем они есть лишь в ОНР. События ОНР обозначаются, например, понятиями *вечеринка, собрание, заседание, утренник, бал, выборы, ратификация, присуждение награды или звания, голосование, референдум, опрос* и т. д. Состояния человека и окружающей его реальности (физической и социальной) обозначаются, например, понятиями *переутомление, бодрость, перемирие, равновесие* и т. д.

Одни сущности ОНР можно назвать гипотетическими, другие — даже вымышленными. Подобных конструктов много в науке, в том числе и в психологии. А. Дж. Айер (2010, с. 219), например, обвиняет психоло-

¹ В ОНР есть множество сущностей, которые трудно отнести к более общей категории. Они обозначаются, например, понятиями: *адаптация, развитие, справедливость, безопасность, активность, вектор, вопрос, ранг, выборка, гарантия, данные, защита* и т. д. Следовательно, перечисленными выше категориями не исчерпывается все то, что представлено в ОНР.

гов в неспособности избавиться от метафизики и употреблении неточно определенных слов вроде «интеллект», «эмпатия» или «подсознательное». Автор полагает, что теории психоаналитиков особенно полны метафизическими элементами, которые были бы устранены философским прояснением их терминов.

Некоторые сущности ОПП можно назвать странными или в максимальной степени неопределенными. Они обозначаются, например, понятиями *некто*, *нечто*, *что-то*, *это* и т. п. Ж. Делез, цитируя К. Леви-Стросса, пишет, что в случае подобных понятий мы имеем дело со значимостью, «лишенной самой по себе смысла и, следовательно, способной принять на себя любой смысл...» (1995, с. 70).

В. В. Морковкин и А. В. Морковкина (1997, с. 50–51) пишут, что сознание человека содержит огромное количество понятий, для которых в окружающем мире нет соответствующих объектов, но без которых сам этот мир становится непроницаемым для человеческого разума. В окружающем мире нет, в частности, объектов, обозначаемых словами «вера» и «неверие», «возвышенное» и «низкое», «прекрасное» и «безобразное», «добро» и «зло», «дух», «свобода» и т. д. По словам авторов, ментальные сущности, именуемые множеством подобных слов, расширяют эмпирическую ограниченность предметного мира и фиксируют связи, выстроенные человеком за тысячелетия умствования. Мир, «населенный» такими сущностями (наряду с чувственно воспринимаемыми вещами), — это качественно другой мир по сравнению с дочеловеческим (или внечеловеческим) окружающим миром. Именно этот другой мир является единственной реальностью для социализированного человека.

Действительно, наша ОПП наполнена множеством сущностей, которых нет нигде, кроме как в ней самой, но нам было бы крайне сложно обходиться без этих сущностей, если бы мы вдруг решили произвести «инвентаризацию» и избавиться от них.

Подобные сущности сразу и целиком невозможно непосредственно воспринять в окружающем мире в конкретный момент времени, как, например, предметы. Они обычно расцениваются людьми как не совсем обычные физические сущности. Сущностями такого рода являются, например, заболевания. Конкретную болезнь нельзя «увидеть» без специальных знаний. Увидеть можно лишь иные сущности, в частности имеющиеся у больного симптомы болезни: побледнение кожи, высыпания на ней, искаженное страданием лицо, вынужденную позу и т. п., но не болезнь.

Для того чтобы поставить диагноз, человек должен научиться не просто наблюдать симптомы, но и «видеть», то есть распознавать известные медицине их специфические сочетания и изменения состояния

больного, характерные для разных болезней. Следовательно, в его сознании должны сформироваться смешанные репрезентации доступных и недоступных восприятию проявлений разных болезней на разных этапах их течения. На основе восприятия симптомов человек, владеющий специальными знаниями, способен «обнаружить», точнее, распознать болезнь. Он может заключить, что в организме больного происходят определенные события, которые человечество в прошлом конституировало и гипостазировало в качестве особой сущности — отдельного заболевания.

М. Хант (2009, с. 722–723) пишет, ссылаясь на работу П. Э. Джонсона и его коллег, что, имея очень немного фактов, эксперты ставят верный диагноз. Опытный кардиолог, например, по двум или трем неярко выраженным симптомам может поставить правильный диагноз. В то же время только что закончивший обучение врач в аналогичной ситуации задает больному множество дополнительных вопросов, медленно приближаясь к подходящему диагнозу. Авторы объясняют это наличием у экспертов, в отличие от новичков, упорядоченных знаний, организованных в схемы.

Я сказал бы, что решение многих задач — это достраивание психических конструкций, моделирующих окружающую или экспериментальную ситуацию или даже лишь возможную, а то и вовсе вымышленную реальность. При восприятии больного и симптомов его болезни в сознании врача появляются фрагменты репрезентации имеющегося у пациента заболевания. По этим фрагментам репрезентация соответствующей болезни актуализируется сознанием врача целиком. У опытных специалистов достраивание модели по отдельным фрагментам происходит быстрее благодаря наличию в их сознании детальнейших репрезентаций известных им заболеваний. Поэтому опытный врач порой может поставить диагноз, лишь увидев входящего в дверь пациента.

Тезисы для обсуждения

1. ОПР, как и предметная физическая реальность, имеет свои объекты, которые в ней же действуют, обладают свойствами, попадают в разного рода ситуации, участвуют в ее событиях и т. д. Объекты и другие сущности ОПР различаются степенью своего гипостазирования, или «погружения» в чувственно репрезентированную физическую реальность.
2. Многие сущности, которые мы привыкли считать объектами или явлениями окружающего физического мира, являются объектами ОПР.

3. Важнейшими сущностями ОПР, кроме ее объектов, их свойств и действий, являются факты реальности, формируемые сознанием с помощью вербальных конструкций. Факты связаны с конкретной ОПР.
4. Объекты ОПР могут действовать в ней и менять ее. Однако ОПР меняется, только если общество принимает чью-то вербальную конструкцию в качестве новой достоверной репрезентации реальности.
5. Действия, совершаемые людьми в физической предметной реальности, приобретают в ОПР дополнительный смысл. Психические действия, совершаемые людьми в ОПР, оказывают на предметную физическую реальность сложное опосредованное влияние.

Знание и ОПР

3.7.1. Определение знания и соотношение знания с ОПР

М. Шелер (2011, с. 49) пишет, что знание определяется обществом и его структурой. По его словам, великим завоеванием XIX–XX вв. стало понимание того, что знание обусловлено обществом. Многие авторы отмечают неопределенность этого понятия. Например, Л. А. Микешина (2008, с. 20) пишет, что, хотя категория *знание* исследовалась тысячи лет, она остается феноменом, не имеющим единственного исчерпывающего определения.

Попытаемся все же определить, что такое знание и где оно пребывает.

Б. Рассел (2001а, с. 530–531) рассматривает знание как подкласс истинных верований. Он (2009, с. 108) называет «знанием» то, во что мы твердо верим, если оно истинно, а ошибкой — то, во что мы твердо верим, несмотря на то что оно не является истинным. То, во что мы твердо верим, если оно не является ни знанием, ни ошибкой, а также то, в отношении чего мы колеблемся, он рассматривает как вероятностное мнение. Большую часть из того, что принято считать знанием, автор относит как раз к более или менее вероятностному мнению. По его словам (2009, с. 105), *знание* не является точным понятием, так как между ним и вероятностным мнением нет четкой границы.

Автор (2001а, с. 406) пишет, что согласно доктрине, пришедшей к нам из древности, все человеческое знание в большей или меньшей степени сомнительно. В современном мире эта доктрина подкрепляется прогрессом науки. В качестве ее подтверждения автор вспоминает слова У. Шекспира, иронизировавшего по поводу крайнего скептицизма: «Сомневаюсь, что звезды — огонь, сомневаюсь, что солнце действительно движется».

По словам Б. Рассела (там же), когда У. Шекспир приводил это в качестве примера нелепости сомнений скептиков в «очевидных вещах», данные «несомненные факты» уже были поставлены наукой под сомнение, а вскоре были вовсе опровергнуты. То есть многое, кажущееся людям безусловно истинным, оказывается в итоге ложным. И ни один разумный ученый сейчас не чувствует той уверенности в истинности любой новой научной теории, какую чувствовали, например, по отношению к теории Птолемея на протяжении многих веков. И все же, по мнению автора, даже учитывая, что любая часть того, что мы рассматриваем как знание, может быть в некоторой степени сомнительной, что-то в знании почти достоверно.

М. Борн (1973, с. 130) отмечает, что сегодня самой наукой разрушена вера в возможность четкого отделения объективного знания от процесса его поисков. Теперь стало невозможным сохранение старого идеала служения знанию ради него самого, идеала, в который верило поколение автора.

У. Куайн (2010, с. 75) констатирует, что вся совокупность нашего так называемого знания или убеждения, начиная от случайных фактов географии и истории до глубочайших законов атомной физики и даже математики, — это сооружение, созданное человеком и только краями соприкасающееся с опытом. Говоря образно, вся совокупность науки подобна силовому полю, пограничными условиями которого является опыт. Конфликт с опытом на периферии ведет к изменениям внутри самого поля.

М. Шелер (2011, с. 56) утверждает, что социологический характер всякого знания не подлежит сомнению. П. Бергер и Т. Лукман (1995, с. 110) тоже определяют знание как совокупность общепринятых истин относительно реальности. Н. Смит (2003, с. 79), ссылаясь на К. Гергена, пишет, что знание целиком и полностью связано с социальным дискурсом. Знание — это то, что считает истинным определенная социальная группа в конкретный момент времени. И за пределами данной группы социально конструируемое знание не может претендовать на истинность. С этой точки зрения закон всемирного тяготения не является универсальным. Это лишь закон, который признала группа ученых, придав ему математическую форму.

В конце 70-х гг. XX в. один из основоположников радикального конструктивизма, направления, которое произвело радикальный пересмотр понятий *знание, истина, понимание* и др., Э. фон Глазерсфельд (2001, с. 59–81) формулирует основные положения своей концепции: знания не приобретаются пассивно через органы чувств или средства коммуникации, а активно строятся познающим субъектом; знания лишь позволяют субъекту

организовать мир своего опыта, а не предназначены для открытия объективной онтологической реальности; познание выполняет адаптивную функцию в биологическом смысле этого слова, то есть служит приспособлению к миру и поддерживает жизнеспособность организма, обеспечивает его выживание; понятие *истинность* должно быть заменено понятием *жизнеспособность*.

Э. фон Глазерсфельд (2000, с. 82) пишет, что понятие *знание* в конструктивизме больше не соотносится с объективной, онтологической действительностью, а определяется только как устанавливаемый порядок и организация опытного мира, формируемого в процессе жизни. Он полагает (с. 77), что если в традиционной теории познания и в когнитивной психологии соотношение знания и действительности трактуется как в большей или меньшей мере образное (иконическое) соответствие, то радикальный конструктивизм придает ему значение приспособленности в функциональном смысле.

С. А. Цоколов цитирует Э. фон Глазерсфельда: «Его (радикального конструктивизма. — *Авт.*) базовое положение говорит о том, что знание содержится в головах людей и что мыслящий субъект не может поступать никаким другим образом, как только конструировать то, что он или она знает, опираясь на свой собственный опыт» (2001, с. 40).

Э. фон Глазерсфельд (E. von Glasersfeld, 1996, с. 156) справедливо указывает, что идея соответствия знаний реальности должна быть замещена идеей их пригодности. Знание является хорошим, если оно вписывается в рамки экспериментальной действительности, не вступая с ней в противоречие. Такого рода пригодность должна достигаться не только удерживанием жизнеспособности когнитивной структуры, схемы, теории перед лицом нового опыта или новых экспериментов, но и доказательством.

Другие сторонники конструктивизма, У. Р. Матурана и Ф. Х. Варела (2001, с. 153), понимают под словом «знание» эффективное действие в той области, в которой ожидается ответ. По их словам, мы ожидаем эффективного поведения в контексте, который сами задаем своим вопросом. Таким образом, два наблюдения, произведенные над одним и тем же субъектом в одних и тех же условиях, но при различной постановке вопроса, могут привести к различным когнитивным оценкам его поведения.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что знание представляет собой правильную, то есть адекватную, или соответствующую определенному аспекту «реальности в себе» его репрезентацию, созданную когда-то конкретными людьми и использованную затем обществом для формирования соответствующей части своей ОПР.

Что представляет собой знание феноменологически?

А. Шюц (2006, с. 742) пишет о солидарности всех мыслителей в том, что любое знание о мире, как обыденное, так и научное, включает ментальные конструкты, синтез, обобщения, формализации и идеализации. То есть автор полагает, что знание — это «ментальные конструкты» и совокупность психических процессов.

Г. Риккерт (1997, с. 127) считает всякое знание суждением¹.

Из мнений этих и других авторов следует, что понятие *знание* обозначает разные сущности. С одной стороны, это некие ментальные феномены. С другой — это языковые конструкции, которые могут существовать в форме фраз, предложений и даже храниться на материальных носителях разного рода. Сущности эти способны как бы переходить из психической формы в материальную и обратно. Главное то, что все они репрезентируют или описывают реальность и представляются обществу правильными.

В литературе не дифференцируют знание, представленное в виде языковых конструкций, и знание, существующее в форме конструкций психических. Нас же здесь интересует только последнее, так как языковыми конструкциями занимаются смежные с психологией науки. В сознании знание может присутствовать в качестве чувственных и вербальных психических конструкций. В связи с ОНР нас интересует главным образом знание, существующее в форме вербальных² психических конструкций.

Вербальные репрезентации реальности становятся знанием, лишь подтвердив на практике свою полезность для людей и приобретя в результате этого в их сознании некое новое качество. Данное качество представляет собой субъективную веру людей в истинность определенной репрезентации реальности. Множество вербальных репрезентаций реальности первичны, то есть возникают не на основе чувственных репрезентаций

¹ «Суждение — форма мышления, представляющая собой сочетание понятий, из которых одно (субъект) определяется и раскрывается через другое (предикат)» (С. И. Ожегов, 1981, с. 692); «Суждение — 1. Мнение о чем-л. // Заключение, решение. 2. Форма мышления, представляющая собою сочетание понятий, одно из которых — субъект — определяется и раскрывается через другое — предикат (в логике)» (Т. Ф. Ефремова, 2000, с. 727). Я лично предпочитаю использовать это слово лишь в одном из его значений — как то, что высказывается. Тогда суждение — это конструкция языка.

² В формировании ОНР участвует и невербальное, например процедурное, знание, существующее в форме чувственных репрезентаций реальности, изменяющейся в процессе действий в ней человека. Например, визуальное профессиональное знание, которое приобретает подмастерье, наблюдая за действиями мастера. Однако его значение в человеческой жизни, а главное — возможности его передачи следующим поколениям ограничены по сравнению со знанием вербальным.

«реальности в себе», так как соответствующая ее часть, например, недоступна восприятию. В этом случае вопрос об обоснованности веры в истинность таких вербальных репрезентаций решается только практикой.

Как знания соотносятся с ОПР?

Знания не совпадают с ОПР, но они участвуют в формировании большей ее части. Есть знания, не связанные с ОПР. К ним относятся, например, знания, приобретаемые индивидуумом в процессе непосредственного восприятия им окружающего мира. Они представлены в его сознании в форме преимущественно чувственных репрезентаций реальности. Чтобы было понятнее, что я имею в виду, проведу аналогию между этими знаниями и знаниями, приобретаемыми в течение жизни высшими животными. Например, собаки или приматы легко узнают друг друга, людей, пищу, другие окружающие объекты, опасные ситуации и т. д. Подобные формы личного знания, формирующегося и у человека преимущественно на чувственном уровне, относятся в основном к практическому знанию. К этой же группе относится так называемое имплицитное знание¹. Оно чрезвычайно важно для выживания субъекта, и его никак нельзя считать несущественным.

Множество чувственных репрезентаций приобретает человек в качестве личного знания, но в результате наблюдения за действиями окружающих людей. Поведение окружающих я отношу к ОПР, следовательно, такие чувственные репрезентации имеют отношение к ОПР, хотя и не наследуются человеком негенетически.

Человек интериоризирует и накапливает вербальные знания, которые участвуют в формировании окружающей его ОПР. Через них он познает ОПР, в которой живет. Однако в образовании ОПР участвуют не только вербальные знания об окружающем мире. Ее формируют также многочисленные вербальные конструкции, представляющие собой заблуждения, предположения и фантазии людей о том, как устроена «реальность в себе». В формировании ОПР принимают участие и вербальные конструкции, которые вообще нельзя отнести к знанию. Это скорее многочисленные и разнообразные результаты деятельности человеческого разума. Изначально они представляют собой фантазии, которые, однако, порождают в итоге новую антропоморфную реальность.

Последняя включает в себя древнюю мифологию, вымышленные человеком литературные миры, весьма условные исторические реконструкции прошлого, прогнозы будущего, сильно различающиеся в разных странах конвенционально установленные и выстроенные людьми социальные

¹ Имплицитное или неявное знание — это особый вид знания, не выраженного в словах. Например, умение ездить на велосипеде или автомобиле, играть на пианино, забивать гвозди молотком и пр.

структуры, их правила, требования и порядки (то есть сконструированную людьми социальную реальность), некие универсальные морально-нравственные нормы, изобретенных и принятых людьми и многое другое.

В формировании ОНР участвуют, например, вербальные конструкции, которые изначально не относятся к знанию, так как они лишь создают новые формы реальности, например, социальной или игровой. Нельзя не вспомнить о созданных идеологами коммунизма, социализма, социал-национализма разнообразных теориях, в соответствии с которыми в XX в. были осуществлены глобальные социальные эксперименты по созданию нового общественного устройства. То есть в соответствии со своими вербальными конструкциями люди многократно выстраивали новую социальную реальность.

Сейчас ежемесячно появляются новые онлайн- и настольные игры со своими особыми правилами и своей игровой реальностью. Сконструирована и построена глобальная сеть Интернет со своей виртуальной реальностью. В итоге, конечно, все это превратится со временем в особые формы знания, но лишь для будущих поколений людей.

Важной частью ОНР, связанной со знанием, является поведение членов общества, обусловленное присутствием в их сознании того, что можно считать социальным знанием. Но поведение не является знанием.

Огромная часть окружающего мира дана человеку в форме вербального знания о мире. Здесь мы вновь сталкиваемся с проблемой невозможности разграничения объекта и его образа, хотя и на другом — вербальном уровне. Мы не можем разграничить окружающую реальность и ее репрезентации в собственном сознании, то есть свои знания о ней, так как часто только в форме этих знаний она для нас и существует. Мы сталкиваемся с ОНР в процессе коммуникации с другими людьми, получая от них уже в готовом виде ее вербальные репрезентации и воспринимая их поведение.

В результате вербальные знания об окружающей реальности составляют большую часть объективного психического содержания сознания взрослого человека. Они включают в себя не просто репрезентации «реальности в себе», но и все способы и варианты взаимодействия человека с ней, помогающие его адаптации и выживанию в ней. Все вербальное знание общества участвует в формировании его ОНР и, безусловно, играет в этом процессе определяющую роль.

Хочу акцентировать внимание на том, что лишь малую часть индивидуальных знаний сознание конкретного человека формирует самостоятельно и в основном в виде чувственных репрезентаций окружающего мира. Большую часть индивидуальных знаний, тем более участвующих в формировании ОНР, каждый индивидуум интериоризирует в процессе коммуникации с другими людьми в готовом виде, то есть люди являются лишь потребителями этих уже «готовых» конвенциональных знаний.

С античности и до настоящего времени в научной литературе активно обсуждают так называемое «врожденное» знание. Не вдаваясь в детали этой проблемы, хочу сказать, что **наличие ОНР, благодаря которой осуществляется негенетическое наследование знания, как мне кажется, навсегда закрывает вопрос о «врожденном» знании, так как легко объясняет все феномены, которые в литературе связывают с его наличием.**

3.7.2. Вербальные репрезентации, являющиеся научным знанием

Научное знание — это знание, сформированное в процессе научных исследований. Данные наблюдения и экспериментальные данные — это возникающие у исследователя чувственные и вербальные репрезентации реальности, воспринимаемой или конструируемой им в ходе наблюдения и эксперимента. Описания и объяснения полученных данных, а также гипотезы, теории и формируемые исследователем законы представлены в его сознании смешанными и вербальными психическими конструкциями.

В науке до сих пор преобладают ошибочные представления, согласно которым правильно организованные наблюдения и эксперименты — источник объективных, свободных от влияния наблюдателя научных данных, позволяющих построить объективную научную теорию. Это, однако, не так хотя бы потому, что для планирования эксперимента и даже целенаправленного наблюдения необходимо сначала выделить в окружающем мире сущности, подлежащие исследованию, а для этого конституировать или сконструировать соответствующие концепты и затем сформулировать некую гипотезу об отношениях и взаимодействиях выделенных сущностей, которую следует проверять в эксперименте.

Но концепты, репрезентирующие новые сущности и связывающие эти сущности с ними элементарные теории, и есть уже предшествующие всякому наблюдению вербальные психические конструкции, то есть предварительные теории, которые изначально влияют на ход наблюдений, разработку и проведение экспериментов, а в конечном итоге — на выводы и вид окончательной теории. Таким образом, новаторское научное исследование начинается не с нового эксперимента и даже не с его плана, а с концептуализации части реальности, которая подлежит исследованию.

В. Гейзенберг (2006, с. 171) приводит слова А. Эйнштейна о том, что никогда не удастся построить ни одну теорию на одних только наблюдаемых величинах. Автор (с. 339–340) вспоминает слова А. Эйнштейна о том, что желание строить физическую теорию только на наблюдаемых величинах совершенно нелепо. Лишь теория решает, что именно можно

наблюдать. Кроме того, вместо утверждения, что мы наблюдаем нечто новое, следовало бы выразаться точнее: хотя мы собираемся сформулировать новые законы природы, не согласующиеся с ранее известными, мы все же предполагаем, что прежние законы природы на всем пути от наблюдаемого явления до нашего сознания функционируют так, как мы ожидаем, и мы можем на них полагаться, а следовательно, говорить о «наблюдениях».

М. Бунге (2003, с. 306) тоже замечает, что научное наблюдение пронизано гипотезами и ожиданиями, иногда явными, иногда скрытыми. Э. Мах (2003, с. 247–248) обращает внимание на то, что знания экспериментатора, полученные им в ином опыте или от других исследователей, способны изменять его трактовку полученных им в эксперименте результатов.

Х. Патнэм (2002, с. 76–78) указывает, что даже создаваемые нами описания результатов собственной интроспекции не избавлены от влияния наших концептов и теорий. Наши описания собственных ощущений, которые были исходной точкой знания для целых поколений эпистемологов, испытывают мощное воздействие множества наших концептуальных предпочтений. По его словам, сами исходные данные, на которые опирается наше знание, являются концептуально «инфицированными». Автор, впрочем, полагает, что лучше иметь «инфицированные» исходные данные, чем вообще не иметь никаких.

Итак, не бывает данных, существующих вне какой-либо научной теории и ее концептов. Всякие экспериментальные данные исходно «нагружены» теорией, которая помогла их получить, и немислимы вне ее. **Новаторский эксперимент начинается с создания теории, а она, в свою очередь, — с построения основных концептов, репрезентирующих сущности той части реальности, которая подлежит изучению в эксперименте.**

Более того, планирование и интерпретация любого эксперимента, как замечает М. Бунге (2003, с. 177), включают не только связанную с ними теорию, но и некоторое количество дополнительных (вспомогательных) теорий, относящихся к различным аспектам экспериментальной установки. Например, чтобы спроектировать и настроить телескоп, астроному нужна оптика, а физику, изучающему элементарные частицы, нужна теория функционирования детекторов (с. 55). Любой ученый, пользующийся прибором или даже просто шкалой, доверяет теории своего инструмента. Следовательно, инструментальная теория экспериментальной установки всегда предшествует проверяемой теории.

Другими словами, для проведения эксперимента мало концептуализировать исследуемую часть реальности, то есть создать основные концепты, репрезентирующие главные ее сущности и теорию их отношений и взаимодействий, надо создать еще и теорию эксперимента, а также теорию

измерения. А измерение обычно — это целый ряд дополнительных теорий с их сложным инструментарием. Возможно, исследователю придется, например, провести прежде аналогию между изучаемой частью реальности и другой, уже изученной ее частью. Так, например, сделал Г. Галилей, который, по словам В. С. Степина (1998, с. 74), провел аналогию между закономерностями движения природных объектов — небесных тел и движениями искусственных устройств (ядер орудий венецианского арсенала). В. С. Степин (там же) пишет, что это была «сумасшедшая» идея Г. Галилея, которая, однако, определила магистральную линию развития механики. Она допустила возможность открытия законов движения небесных тел, используя эксперименты с искусственно создаваемыми механическими системами.

В. С. Степин (там же) полагает, что в последующие века традиция, идущая от Г. Галилея и Х. Гюйгенса к Р. Гуку и И. Ньютону, была связана именно с попытками моделировать в мысленных экспериментах с механическими устройствами силы взаимодействия между небесными телами. Например, Р. Гук рассматривал вращение планет по аналогии с вращением тела, закрепленного на нити или привязанного к вращающемуся колесу, а И. Ньютон, исследуя вращение Луны вокруг Земли, в качестве аналогии использовал инерциальное движение шара внутри полой сферы.

Надо, наконец, предварительно мысленно спланировать и произвести эксперимент. В. Л. Лекторский (1998, с. 86), например, полагает, что реальный эксперимент невозможен без идеального.

Странно, но нередко даже серьезные исследователи не замечают очевидного, казалось бы, обстоятельства — **основные понятия любой теории обозначают концепты (и сущности), созданные экспериментатором (наблюдателем), и представляют собой его психические конструкции, а потому не могут быть «свободны от наблюдателя». Следовательно, ни теорию, ни результаты эксперимента нельзя «освободить» от автора данного исследования.**

Некоторые исследователи полагают тем не менее, что экспериментальной науке следует обходиться при проведении экспериментов и обсуждении их результатов без всяких концептов и теорий. А. Райнах (2006а, с. 371), например, заявляет, что мы должны, преодолевая себя, научиться «чисто схватывать феномены», «усваивать себе их сущность без предварительных понятий и предрассудков — сущность цвета, протяженности или материи, света и тьмы, звуков и т. д.». Мы должны также «исследовать конституцию феноменальных вещей, самих по себе, в соответствии с их сущностной структурой».

Но мы не можем «чисто схватывать феномены» «без предварительных понятий и предрассудков», потому что это в принципе невозможно.

Сами наши феномены — это в том числе понятия и вербальные конструкции, то есть те самые «предрассудки», так как именно в такой форме «феномены», о которых говорит А. Райнах (2006а, с. 371), только и могут существовать. Мы способны «схватывать феномены» только на двух уровнях: на чувственном (где мы «схватываем» их сенсорно в виде образов восприятия и чувственных моделей-репрезентаций, или предпонятий, когда даже о предметах как таковых еще и говорить-то невозможно) и на уровне понятий и вербальных конструкций (который только и подразумевает появление собственно человеческих «феноменов»).

Нельзя понять новую область «реальности в себе» без формирования понятий. Но на понятийном, или вербальном, истинно человеческом уровне репрезентирования реальности нелепы рассуждения об отсутствии «предварительных понятий и предрассудков». Само человеческое репрезентирование сущностей реальности происходит только с использованием специально сконструированных сознанием понятий и вербальных концептов, сразу же и превращающихся в те самые «предварительные понятия и предрассудки». Никакой альтернативы этому просто не существует, и рассуждать на эту тему бессмысленно.

М. Бунге (2003, с. 36–37) тоже не замечает определяющей роли наблюдателя (экспериментатора) в любом исследовании. Он пишет, что в хорошо построенной теории каждый возможный референт (тело, поле или квантово-механическая система) упоминается в начале и содержится в списке основных, или неопределяемых, понятий. По его мнению, в подобной ситуации введение в рассматриваемую физическую систему наблюдателя становится логически невозможным. Какое бы понятие ни использовалось в теории, оно должно быть введено либо как первичное, либо как логически определяемое с помощью первичных понятий. Так как наблюдатель не является первичным, или определяемым, понятием в специальной теории относительности и квантовой механике, он не входит в эти теории.

Здесь и далее М. Бунге (с. 116) пишет о наблюдателе, который, по его мнению, совершенно не нужен, поскольку нигде в формулах он не встречается. Автор, как и другие исследователи, не замечает того, что, хотя наблюдатель и не присутствует в формулах в виде специального символа, все первичные, или неопределяемые, понятия создает именно он. Следовательно, на деле **наблюдатель находится в каждой создаваемой им сущности, которых нет без него, в каждом символе, который он наполняет смыслом.** И именно наблюдатель исходно оказывает определяющее влияние как на теорию, так и на эксперименты, в которых его роль якобы никак не отражается. **Ни одна теоретическая формула не свободна от наблюдателя,** и не учитывать этого нельзя. Это ошибка, которую пока не замечают.

Научные знания, представленные в форме вербальных конструкций, репрезентирующих окружающий мир, активно участвуют в формировании ОПР. Это многочисленные описания элементов мира, а также теории о его устройстве.

Э. Мах (цит. по: П. Дюгем, 2007, с. 48) полагает, что физические теории должны рассматриваться только как обобщенные описания, а не как объяснения. М. Бунге (2003, с. 43–44) пишет, что любая физическая формула является утверждением, выраженным с помощью предложения некоторого языка.

В. Гейзенберг (2006, с. 223) утверждает, что выражение «описание природы» потеряло уже свой первоначальный смысл — изображение, дающее максимально живую и яркую картину природы. Теперь под ним большей частью стали понимать математическое описание природы, то есть максимально точную, краткую и вместе с тем всеобъемлющую сводку информации о природных закономерностях.

Переводя перечисленные мнения на язык психологии, можно заключить, что описание — это вербальная (или языковая) конструкция, репрезентирующая тот или иной аспект возможной, гипотетической или даже вымышленной исследователем реальности. Описание может быть представлено и в максимально обобщенной форме — в виде математических формул. Оно может касаться объекта, его свойства и действия, а также факта. С помощью вербальных конструкций обычно описываются первичные чувственные репрезентации «реальности в себе». Но в науке нередко пытаются по аналогии «описывать» и те области «реальности в себе», которые вообще недоступны восприятию.

При этом исследователи создают с помощью вербальных концептов гипотетические сущности «реальности в себе» и помещают эти сформированные ими новые сущности в окружающий мир. Их использование дает возможность объяснить получаемые в эксперименте данные и даже выстроить специальные вербальные конструкции (гипотезы и теории), описывающие взаимодействие этих сущностей друг с другом и с другими, уже известными науке сущностями.

Чем гипотеза феноменологически отличается от теории?

По словам М. Бунге (2003, с. 41), гипотезы представляют собой предположения о реальной действительности независимо от того, наблюдаема она или нет.

В. А. Штофф (1978, с. 192–193) полагает, что гипотеза возникает как один из возможных ответов на возникшую проблему. Эмпирическое исследование, сбор и изучение фактов не могут даже начаться до тех пор, пока не возникнет противоречие между существующей теорией и возможностью ее приложения к некоторой новой предметной области. Автор (с. 190–201) напоминает, что гипотеза не должна противоречить из-

вестным и проверенным фактам. Ценность гипотезы определяется тем, насколько она способна объяснить всю совокупность известных фактов и предсказать новые, неизвестные ранее. Новая гипотеза, объясняющая явления и законы данной предметной области, не должна вступать в противоречие с другими теориями, истинность которых уже доказана. Условием научного характера выдвигаемой гипотезы является ее доступность практической проверке.

Научной гипотезой я называю вербальную психическую конструкцию, репрезентирующую отношения и взаимодействия сущностей, конституированных или сконструированных людьми в исследуемой ими части «реальности в себе». Нередко гипотеза иллюстрируется метафорическими чувственными психическими репрезентациями. Гипотеза имеет шанс превратиться в будущем в научную модель соответствующего аспекта реальности, то есть в общепринятую теорию. Научная теория — это гипотеза, доказавшая на практике свою полезность людям. Феноменологически **теория отличается от гипотезы тем, что рассматривается людьми в качестве достоверной репрезентации реальности, то есть она приобретает в их сознании дополнительный компонент — субъективную веру¹ в ее истинность.** Одновременно с основной гипотезой могут существовать конкурирующие гипотезы и группы описываемых ими альтернативных сущностей. Например, свет может рассматриваться как волна, как поток фотонов или как нечто третье, обладающее и волновыми, и корпускулярными свойствами.

Еще совсем недавно перед наукой ставилась задача открытия тайн окружающего объективного мира. Научные теории рассматривались как объяснения этого мира, открывающие присущие миру объективные законы. Однако уже к концу XIX в. у многих физиков появились сомнения в том, что даже успешные научные теории действительно описывают физическую реальность. Это отмечает П. Дюгем (2007, с. 32–34), который пишет, что физическая теория не открывает реальностей, скрывающихся за доступными восприятию явлениями. Но чем больше она совершенствуется, тем больше нам кажется, что логический порядок, который она устанавливает, отражает порядок онтологический, а связи, которые она устанавливает между данными наблюдения, соответствуют связям, существующим между вещами.

По его словам, теория стремится стать естественной классификацией. Физик бессилен чем-нибудь подтвердить свое убеждение в том, что порядок, установленный экспериментальными законами, отражает порядок реальных связей между вещами. Но он не может и поколебать его. Он не может заставить себя думать, что система, способная столь просто и легко упорядочить огромное множество законов, есть система чисто искусственная. Поэтому Б. Паскаль, например, и провозгласил свою веру в то, что его

¹ См. Примечание 12.

теория является образом естественного порядка, который с каждым днем становится все более ясным и верным.

П. Дюгем (2007, с. 36) обращает внимание на то, что искусственная классификация вносит удивительный порядок в необъятный арсенал химии, порождая в нас уверенность, что это не чисто искусственная система. Связи, которые устанавливаются между химическими соединениями, имеют смысл только в нашем уме. И тем не менее мы убеждены, что эти связи соответствуют реальным отношениям между вещами, природа которых остается глубоко скрытой, но реальность которых нам, однако, не кажется сомнительной. По его словам, это убеждение превращается в уверенность, когда мы видим, как химическая теория способна заранее писать формулы множества тел, и синтез, руководствуясь ее указаниями, на самом деле создает множество вещей, состав и даже своеобразие которых мы знали до их существования.

Р. Л. Солсо (1996, с. 45) придерживается иной точки зрения. Обсуждая периодическую систему элементов, он пишет, что Д. И. Менделеев взял набор карточек и написал на каждой по одному названию всех известных тогда элементов с их атомным весом. По-разному располагая эти карточки, он в итоге получил осмысленную схему, известную сегодня как периодическая таблица элементов. То, что он сделал, — пример того, как естественная, природная информация структурируется мыслью человека, так что она одновременно точно изображает природу и поддается пониманию. Автор, однако, напоминает, что периодическое расположение элементов имело много интерпретаций. Интерпретация Д. И. Менделеева была не единственной из возможных и, вероятно, даже не лучшей. По не вполне удачному выражению автора, «в ней даже могло не быть естественного расположения элементов, но предложенный Д. И. Менделеевым вариант помог понять часть физического мира и был, очевидно, совместим с “реальной” природой» (там же).

Р. Л. Солсо, однако, не учитывает того, что Д. И. Менделеев создал не только искусственную символическую схему — вариант специальной вербальной конструкции, в которой расположил в виде групп сходные химические элементы на основе роста их атомного веса. Такое их расположение позволяет нам теперь группировать элементы, предвидеть их свойства и даже обнаруживать в этой системе пустые места, в которых следует расположить пока неоткрытые химические элементы. Главное, данная схема позволила ее автору сформировать свой периодический закон: «Свойства простых тел, а также формы и свойства соединений элементов, а потому и свойства образуемых ими простых и сложных тел, стоят в периодической зависимости от их атомного веса» (Д. И. Менделеев, 1958, с. 111).

Безусловно, созданной Д. И. Менделеевым схемы нет в «реальности в себе» и даже в наших чувственных репрезентациях химических

элементов. Она является результатом психического творчества исследователя, сформированным им психическим объектом. Таблица, созданная Д. И. Менделеевым, — это один из важных объектов ОПР, пребывающий лишь в ней. В «реальности в себе» нет не только таблицы, но даже периодического закона Д. И. Менделеева, так как это просто вербальная психическая конструкция исследователя. Более того, и сам закон-то сейчас выглядит уже иначе: «Свойства химических элементов, а также формы и свойства образуемых ими простых веществ и соединений находятся в периодической зависимости от величины зарядов ядер их атомов» (Л. Н. Блинов и др., 2010, с. 38). Тем не менее созданная исследователем вербальная модель «реальности в себе», несомненно, доказала свою полезность, так как соответствует определенной области «реальности в себе».

В. Гейзенберг (2006, с. 130) замечает, что теория никогда не является точным отображением природы. Она есть лишь некая идеализация опыта, осуществляемая с помощью понятийных оснований теории и обеспечивающая определенный успех. Н. Бор (1961, с. 52) тоже рассматривает классические физические теории как идеализации.

Я уже писал выше (см. разд.1.4.5.), что, развивая идеи Э. Маха, А. Эйнштейн (1967, с. 200–203, 226) перечисляет шаги, ведущие к созданию научной теории:

1. Из многообразия наших чувственных восприятий мы произвольно выделяем определенные часто повторяющиеся чувственные комплексы.
2. Мы обозначаем чувственные комплексы определенными первичными понятиями и провозглашаем телесными объектами (предметами или вещами) физической реальности.
3. Эти понятия оправданы только в той мере, в какой они связаны с чувственными восприятиями.
4. Мир нашего чувственного опыта познаваем. Сам факт этой познаваемости представляется чудом.
5. Понятие не тождественно совокупности ощущений. Отношения между ними скорее аналогичны отношению гардеробного номера к пальто, а не бульона к говядине.
6. Понятие — это свободное творение человеческого разума, свободный вымысел.
7. Мы приписываем обозначаемому понятием телесному объекту «реальное существование».
8. Тем не менее они (понятия) представляются нам более прочными и нерушимыми, чем даже сами по себе отдельные чувственные восприятия.

9. Остальные создаваемые исследователями понятия с помощью теорем связаны с первичными понятиями.
10. Частично теоремы представляют собой определения понятий, частично — выражают соотношения между «первичными понятиями», то есть между чувственными восприятиями, и являются «утверждениями относительно реальности» или «законами природы».
11. «Вторичные», «третичные» и т. д. понятия обладают смыслом, только будучи связанными с «первичными» понятиями.
12. На основе понятий и соотношений «первого слоя» изобретается система с меньшим числом понятий и соотношений — физическая теория.
13. Эта новая, «вторичная» система содержит только собственные элементарные понятия (понятия «второго слоя»), прямо не связанные с комплексами чувственных ощущений.
14. Далее мы переходим к «третичной системе» понятий, еще более бедной первичными понятиями и соотношениями. Это абстрагирование будет продолжаться до тех пор, пока мы не достигнем наибольшего мыслимого единства и наименьшего числа понятий в теории, которая еще совместима с наблюдениями наших чувств.
15. Истинность физической теории основана на ее предсказательной эффективности в области чувственного опыта.

Я вынужден с сожалением сообщить, что ничего подобного этому, простому, казалось бы, но очень содержательному анализу механизмов конструирования в человеческом сознании понятий и все более усложняющихся репрезентаций реальности не было предложено психологией за последующие 100 лет. Да и сам этот анализ А. Эйнштейна был ею проигнорирован совершенно, как и более ранние работы другого великого исследователя — Э. Маха — на ту же тему. Я и сам случайно наткнулся на эти мысли, пытаясь разобраться, что собой представляют сущности физики.

Продолжая исследование образования физических теорий, М. Планк (1975, с. 569–572) подчеркивает, что в процессе построения физической теории физическая картина мира все больше удаляется от мира ощущений и лишается наглядного характера. Например, в физической оптике о человеческом глазе уже вовсе нет речи. Сущность физической картины мира все больше абстрагируется, формальные математические операции начинают играть все более значительную роль, а качественное различие сводится к различию количественному.

Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 476) согласен с тем, что сегодня физика всего лишь умственная комбинация, что сами физики открыли чисто символический, сугубо человеческий характер своего знания. Что никто не ожидает, будто прогресс физических теорий когда-нибудь приведет к вы-

ходу за пределы символического горизонта. Так называемая «природа», или то, что под этим названием исследует физик, оказывается его собственным изобретением, которое он помещает между собой и подлинной реальностью. То, что характеризует физику как реальность, — это полезность.

Хочу отметить, что для каждого следующего периода развития физики характерно направление внимания исследователей на новую область «реальности в себе» и создание для ее осмысления принципиально новой совокупности концептов, многие из которых обозначаются тем не менее старыми понятиями. Интересно то, что инерция человеческой психики настолько велика, что даже не все выдающиеся физики, внесшие огромный вклад в развитие этой науки и ее классических понятий, были согласны использовать новые понятия физики. В. Гейзенберг (2006, с. 54) вспоминает, например, что А. Эйнштейн, М. Планк, М. фон Лауэ и Э. Шредингер были просто не готовы принять вместо привычных для классической физики понятий *измерение, положение, энергия, температура* и т. д. нечто иное. В частности, революционный тезис, что подобное объективное описание в мире атомов невозможно и мы можем определять здесь состояние только через вектор в пространстве Гильберта.

М. Бунге (2003, с. 11–12) пишет, что теории не являются фотографиями, они не имеют сходства со своими референтами, а представляют собой символические конструкции, которые в каждую эпоху создаются с помощью имеющихся в наличии понятий. Научные теории — это творения, подлежащие эмпирической проверке, но не становящиеся от этого чем-то менее творческим.

Обобщая все сказанное выше, мы должны заключить, что автор научной теории вынужден создавать первоначально набор новых вербальных психических конструкций — базовых концептов, или «основных понятий», которые репрезентируют новые, сформированные им сущности, например *капитал, эксплуатация, неравенство* и т. д. Сущности, созданные исследователем, не присутствуют в окружающем мире, но, используя их, он строит затем вербальную конструкцию, с помощью которой ему удобнее и проще объяснять тот или иной аспект реальности. И, возможно, уже завтра эти сущности будут отброшены наукой, как отсутствующий в мире и более не нужный ей реквизит. Это касается всех без исключения рассматриваемых в современной науке сущностей, если уж даже такие основополагающие, как абсолютное время и абсолютное пространство, введенные И. Ньютоном, были удалены из физики после появления теории А. Эйнштейна.

По словам П. Фейерабенда (2007, с. 90–91), теории проверяются и опровергаются посредством фактов. Но сами факты содержат в себе

идеологические компоненты, например старые воззрения, которые, возможно, никогда и не были сформулированы в явном виде. Такие компоненты в высшей степени подозрительны в силу того, что их собственная природа защищает их от критического анализа. Поэтому в случае противоречия между новой интересной теорией и совокупностью твердо установленных фактов лучший способ действий заключается не в устранении теории, а в использовании ее для обнаружения скрытых принципов, ответственных за это противоречие.

Автор (с. 57) указывает, что факты и теории тесно связаны друг с другом. Не только описание каждого отдельного факта зависит от некоторой теории, но существуют также факты, которые нельзя обнаружить без помощи альтернативных теорий. Они сразу же оказываются недоступными, как только мы исключаем альтернативы из рассмотрения.

П. Фейерабенд (с. 58–59) считает, что решающие для подтверждения правильности теории факты можно обосновать только с помощью альтернативных теорий, поэтому их изобретение и разработка предшествуют производству опровергающих фактов. Следовательно, изобретение альтернатив обсуждаемым точкам зрения составляет существенную часть эмпирического метода. По словам автора (с. 60), отказ от рассмотрения альтернатив будет иметь результатом устранение потенциально опровергающих фактов. В частности, не будут получены факты, открытие которых продемонстрировало бы общую и неустранимую неадекватность конкретной теории.

Другими словами, при рассмотрении реальности с позиции одной теории факт А можно обнаружить, а при рассмотрении ее же с позиции другой теории факт А обнаружить нельзя, но можно обнаружить факт В. Мы уже обсуждали выше (см. раздел 3.6.2), что факты — это вербальные репрезентации реальности, выстраиваемые на основе имеющихся уже в сознании людей теорий и гипотез, то есть других вербальных психических конструкций. Факты, таким образом, не «абсолютны и объективны», как принято считать, а изначально зависимы от имеющихся у людей вербальных репрезентаций реальности.

П. Фейерабенд (с. 80) справедливо полагает, что даже самая тщательная проверка результатов наблюдения не касается понятий, с помощью которых они выражены. И чтобы подвергнуть критике привычные понятия, следует выйти за пределы того круга сущностей¹, который мы используем.

Из этого положения автора следует, что настоящей проверкой научной теории является лишь достойная альтернативная теория. Но для ее создания необходимо предложить новую концептуальную систему, изо-

¹ Терминология моя.

брести новые сущности и понятия, построить из них новую теорию, которая может быть несовместима с наиболее тщательно обоснованными результатами наблюдения в рамках прежней теории и может нарушать наиболее правдоподобные теоретические принципы старой теории.

П. Фейерабенд (с. 77) утверждает, что едва ли какая-либо теория вполне совместима с фактами. При этом факты и теории не только постоянно расходятся между собой, но они никогда четко и не отделены друг от друга.

О. Е. Баксанский (2009, с. 15–16) сообщает об исследованиях Г. Тригга (1978), который, проанализировав девять «решающих экспериментов» квантовой механики, обнаружил, что экспериментаторы заранее знали, какие результаты получат, и даже могли оценить их количественно. Следовательно, исследователь заранее «видит» то, что ожидает «увидеть», так как интерпретационная структура настраивает его на определенное «чтение» фактов. Ссылаясь на И. Лакатоса, О. Е. Баксанский (2009, с. 17–18) пишет, что под давлением фактов ученые никогда не отказываются от теории, даже если эти факты общепризнаны противоречащими ей. Только новая теория, лучше объясняющая эти факты и имеющая более широкую область применения, может вытеснить свою предшественницу.

Несмотря ни на что, некоторые теории приобретают со временем статус научного закона. До сих пор так и не определено, однако, что же такое научный закон, или закон природы. В. Депперт, например, пишет: «Подобно тому как провалились попытки определить во всей полноте понятия пространства или времени, до сих пор не удавалось представить во всей полноте и понятие закона природы» (1998, с. 271).

Тем не менее существует множество определений закона.

Закон (научный) — «фактологически доказанное утверждение (в рамках теории, концепции, гипотезы), объясняющее объективные факты; либо некое явление, обладающее общностью и повторяемостью, зафиксированное и описанное»¹.

Закон (физический) — «эмпирически установленная и выраженная в строгой словесной и/или математической формулировке устойчивая связь между повторяющимися явлениями, процессами и состояниями тел и других материальных объектов в окружающем мире»²; «необходимая, существенная, постоянно повторяющаяся взаимосвязь явлений реального мира, определяющая этапы и формы процесса становления, развития явлений природы, общества и духовной культуры» (Социологический энциклопедический словарь, 1998, с. 82).

¹ Закон: справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Закон>.

² Закон (физика): справ. ст. [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Закон_\(физика\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Закон_(физика)).

Г. Г. Шпет (2006, с. 176) считает научным законом суждение, выражающее постоянные отношения между явлениями, подлежащими ведению этой науки. Он (2010, с. 147, 152–153) считает законы описаниями окружающего мира и выделяет (2006, с. 176) разные законы: всеобщие, или аксиомы; эмпирические; вероятные; приблизительные обобщения; гипотезы; эмпирические обобщения и т. д.

В. Гейзенберг (2006, с. 66) полагает, что понятие *закон природы* постепенно меняет свое значение. Закон превращается в программу технического применения. Важнейшей его чертой считается теперь возможность делать на его основании предсказания о том, что получится в результате того или иного эксперимента.

С. И. Гришунин (2009, с. 174) полагает, что законы, сформулированные на основе наблюдения, — всего лишь общие утверждения, суммирующие какие-то совокупности надежно установленных фактических данных. Однако наука содержит не только законы, установленные на основе наблюдения, но и теоретические законы. Последние представляют собой высокоабстрактные предложения, не являющиеся непосредственными выводами из наблюдений. Автор отмечает, что теоретические законы могут пересматриваться или заменяться, а законы, построенные на основе наблюдения, — никогда.

Тем не менее А. Эйнштейн (1967, с. 143), например, указывает, что закон не может быть точным хотя бы потому, что понятия, с помощью которых мы его формулируем, могут развиваться и в будущем оказаться недостаточными.

Итак, **теория, или вербальная конструкция, репрезентирующая «реальность в себе» и приобретающая в обществе в результате своей практической полезности статус неоспоримой истины, превращается в закон.** Следовательно, вербальная конструкция, репрезентирующая реальность, может проходить три этапа в своем развитии: гипотеза, теория, закон.

Если научные законы — это то, что репрезентируется нашими вербальными психическими конструкциями, которые мы же помещаем в окружающий мир, а затем гипостазуем, то, по-видимому, И. Кант прав (1965, с. 140), полагая, что рассудок не черпает своих законов из природы, а предписывает их ей.

Принимая это, важно не впасть в другую крайность и не провозгласить, а тем более поверить в то, что не природа предписывает нам законы, а мы предписываем законы ей. **Наша роль в концептуализации природы, конечно, очень велика, но это отнюдь не роль творца законов в «реальности в себе», так как там нет законов в нашем их понимании.** Роль человека — это скорее роль творца правил для себя самого, которые следует учитывать, чтобы успешно существовать в окружающем мире.

Тезисы для обсуждения

1. Знание — это соответствующая определенному аспекту «реальности в себе», то есть подтвердившая на практике свою полезность людям ее чувственная или вербальная репрезентация.
2. В форме преимущественно вербальных конструкций, которые легко экстериоризируются сознанием как конструкции, а затем интериоризируются иным сознанием в виде новых вербальных конструкций, знание распространяется в сознании многих членов общества и формирует огромную часть его ОПП.
3. Наличие ОПП, благодаря которой осуществляется негенетическое наследование знания, закрывает вопрос о *врожденном знании*, так как легко объясняет все феномены, которые исследователи связывают с этим понятием.
4. Новаторский эксперимент и даже наблюдение невозможны без предварительного создания исследователем базовых концептов (и понятий), репрезентирующих присутствующие, с его точки зрения, в рассматриваемой им области «реальности в себе» сущности, а также без предварительного построения им некоей гипотезы о соотношениях и взаимодействиях этих сущностей.
5. Вербальные концепты, репрезентирующие новые сущности, и теория, репрезентирующая их отношения между собой, являются построенными исследователем (наблюдателем) вербальными репрезентациями реальности, поэтому ни теорию, ни даже результаты эксперимента нельзя «освободить» от их автора.
6. Люди не открывают законы «реальности в себе» и тем более не создают их. Они лишь формируют и сохраняют затем в ОПП свои умозрительные антропоморфные вербальные репрезентации, способствующие их пониманию мира, которые называют «законами природы».

Верификация вербальных конструкций, участвующих в формировании ОПР

3.8.1. Объективизация¹ субъективного психического содержания

Ни одна вербальная психическая конструкция не дается людям свыше в качестве божественного откровения. Любая конструкция возникает в какой-то момент в сознании конкретного человека. Неизбежно встает вопрос: *как субъективная вербальная конструкция индивида может превратиться в конечном счете в объективные психические репрезентации реальности, присутствующие в сознании множества людей?*

П. Бергер и Т. Лукман (1995, с. 35–36) даже считают вопрос о том, каким образом «субъективные значения» становятся «объективной фактичностью», главным для социологической теории.

М. Х. Мамардашвили (2002, с. 82) пишет, что объективизация предполагает вынесение вовне в качестве объекта чего-то такого, о чем возможны контролируемые и проверяемые на опыте суждения. К. Поппер (2002, с. 34) справедливо считает, что мы объективизируем свои мысли тогда, когда высказываем их, а тем более записываем или печатаем.

Действительно, **субъективная вербальная конструкция, например созданная исследователем теория, объективизируется, когда он превращает ее в конструкцию языковую и предлагает, таким образом, всеобщему вниманию.** Она может никого не заинтересовать и быть забыта. Или

¹ Учитывая проблемность понятия *объективность*, правильнее было бы, наверное, говорить не об объективизации субъективных психических явлений, а о повышении степени сходства психических репрезентаций одних и тех же элементов «реальности в себе» у разных людей.

может быть признана другими исследователями и интегрирована в ОПР общества в качестве перспективной гипотезы либо даже нового знания о реальности. С этого момента можно говорить о ее подлинной объективизации.

Большая часть вербальных конструкций и даже уже конструкций языка остаются лишь субъективным творчеством отдельных людей, и только некоторые из них становятся достоянием общества.

Человек способен объективизировать с помощью своих вербальных конструкций даже собственные чувственные репрезентации. Сначала он трансформирует чувственные репрезентации в вербальные, создавая модели «второго уровня», а затем трансформирует уже вербальные конструкции в конструкции языковые. Кстати, открытие одного из механизмов объективизации субъективного чувственного психического содержания опять принадлежит не психологам, а физику М. Борну. Он (1973, с. 110) рассказывает, как однажды понял, что нет никакого способа пережить ощущения другого и что даже само утверждение «он ощущает то же самое, что и я» лишено ясного смысла. Исследователь заинтересовался вопросом: как объективное знание возникает из чувственных ощущений индивида? Позже он даже обнаружил, что эту проблему сформулировал еще Платон в своем учении об идеях.

М. Борн (с. 117–118) пишет о невозможности доказательства того, что я вижу такой же зеленый цвет, что и вы. Но два собственных впечатления легко можно сравнить и сделать вывод об их равенстве или неравенстве. Например, двум наблюдателям легко прийти к согласию насчет того, что два листа, которые, по мнению одного, имеют тот же оттенок, другому тоже кажутся одинаковыми. Автор замечает, что, кроме «равенства», существуют и другие доступные сравнению парные отношения: «больше — меньше», «ярче — темнее», «сильнее — слабее», «горячее — холоднее», «тверже — мягче» и т. д. В физике этот принцип экспериментальной объективизации хорошо известен и систематически применяется. Цвета, звуки, даже формы рассматриваются не поодиночке, а парами¹.

М. Борн (с. 118–119) проводит здесь параллель с аналогичными особенностями восприятия символических знаков людьми: каждый, кто

¹ Например, в оптике исследование начинается с методики так называемого нулевого отсчета, где настройка измерительного прибора ведется до тех пор, пока не исчезнет воспринимаемая разница (по яркости или оттенку насыщенности) между двумя полями зрения. Показание шкалы прибора при этом означает наблюдение геометрического «равенства» — совпадения стрелки с нулевым делением шкалы. Главная часть экспериментальной физики состоит в такого рода регистрациях показаний на шкалах приборов, а объективные утверждения становятся возможными в результате сравнения данных измерения.

произносит или воспринимает свое собственное «А» или чужое «А», оценивает их как одинаковые, как одну и ту же букву «А», будь они хоть оптические, хоть акустические. При этом важно лишь соблюдение хотя бы грубого равенства или некоторого подобия без соблюдения одинаковости в таких частностях, как особенности голоса, размашистость почерка, типографский шрифт и т. д.

Автор, как исследователь, далекий от психологии, не обсуждает определяющую роль в указанных интеллектуальных операциях ОПР. Однако очевидно, что для того, чтобы воспринять свое собственное «А» и чужое «А» как одинаковые, как одну и ту же букву «А», причем неважно, оптическую или акустическую, надо раньше интериоризировать из ОПР знак «А» и основное значение данного символа, которое не зависит от того, что собой представляет конкретный объект «А» (оптический он или акустический и какой именно он формы, тона, цвета, величины и пр.). Следовательно, прежде в сознании человека должна сформироваться полимодальная модель-репрезентация объекта-символа — буквы «А». **Главную роль в объективизации субъективной репрезентации любого знака, например слова, любой вербальной конструкции играет факт их появления в ОПР,** позволяющий потом каждому человеку их оттуда интериоризировать, но уже в качестве элемента объективной внешней реальности.

При восприятии знакомых нам знаков для нас несущественны их перцептивные особенности и даже их основное значение (см. подробнее: С. Э. Поляков, 2011, с. 363–366). Важно только их дополнительное значение — та сущность, которую знак репрезентирует, а эта сущность при создании знака конвенционально принимается всеми людьми в качестве одной и той же и не зависит от конкретных физических особенностей знака. В сознании людей, которым известно символическое значение знака, сохраняется лишь связка — собирательная модель-репрезентация знака, включающая множество его образов в разных модальностях (визуальные, акустические и т. д.) и формах, плюс главное (символическое) значение знака. Данное обстоятельство и позволяет использовать знаки (в первую очередь слова языка) для объективизации субъективного психического содержания.

Итак, созданные кем-то уникальный вербальный концепт или вербальная конструкция (гипотеза, теория) объективизируются первый раз, когда трансформируются их создателем в конструкцию языковую. Подобная трансформация вербальной конструкции утверждает ее безусловную реальность для людей, так как они имеют дело теперь с материальной сущностью, которую можно воспринимать, которая появилась в окружающей физической реальности, стала для всех людей чем-то внешним, общедоступным и независимым от конкретного субъекта.

Затем языковая конструкция интериоризируется другими людьми, превращаясь уже в их вербальную конструкцию. Тем самым она дополнительно объективируется и унифицируется. Этому способствуют совместные действия людей в общем мире и использование соответствующей языковой конструкции в процессе коммуникации. Далее эта вербальная конструкция может распространиться в сознании большинства членов общества и принимает участие в формировании ОПР данного общества.

Благодаря общей «реальности в себе» и общей ОПР возможна унификация и объективизация вербальных конструкций, репрезентирующих даже самые умозрительные сущности, что подтверждается достаточно хорошим взаимопониманием, возникающим, например, между исследователями, разрабатывающими совершенно новые области науки.

3.8.2. Истинность вербальных конструкций

Что обозначает понятие *истинный*? Словарь А. Ребера дает два совершенно разных определения: «Истинный. 1. В логике — характеристика суждения, которое логически следует из используемых аксиом и предыдущих суждений, истинность которых известна. 2. Характеристика суждения, утверждения или убеждения, которые соответствуют “действительности”, насколько это известно» (2000, с. 333).

Автор (там же) подчеркивает, что истинный в логике¹ вовсе не означает истинный вообще, то есть, например, истинный в науке. Следовательно, языковая конструкция может быть логически истинной², но ложной с точки зрения науки, рассматривающей ее в качестве репрезентации реальности, и наоборот.

Может ли быть истинным что-то, кроме вербальных (и языковых) конструкций? Г. Фреге, например, полагает, что «истинность может быть свойственна изображениям, представлениям, предложениям и мыслям» (1987, с. 20).

Думаю, автор слишком расширяет значение данного понятия. Наши чувственные репрезентации соответствуют «реальности в себе» (иначе мы не выжили бы в мире), и сами они являются единственными «оригиналами» предметов окружающего мира, в форме которых нам и дана «реальность в себе». То есть перцептивные образы не копии чего-то еще, поэтому вопрос об их истинности или ложности в принципе неадекватен.

Б. Рассел (2009, с. 94) тоже указывает, что чувственные данные не являются ни истинными, ни ложными. По его словам, конкретное цветное пятно, которое мы видим, просто существует. Это не того рода вещь,

¹ Имеется в виду наука логика.

² См. Примечание 13.

которая может быть истинной или ложной. Истинно, что имеется такое пятно; истинно, что оно имеет определенную форму и яркость; истинно, что оно окружено другими цветными пятнами. Но само пятно, как и все в мире чувств, не может быть названо собственно истинным. Автор (с. 98) полагает, что истинность и ложность — «это свойства вер и утверждений».

Я полагаю, можно сделать вывод, что истинны или ложны лишь вербальные (и языковые) конструкции, которые описывают пятно.

Еще до Б. Рассела о том же самом говорил Дж. Локк: «...истина относится только к высказываниям. А высказывания бывают двух видов — мысленные и словесные, так же как двух видов бывают и наши обычные знаки, а именно идеи и слова» (1985а, с. 52).

М. Шелер (2011, с. 56) отмечает, что первым объявил «истинное» и «ложное» существующим лишь в человеческой речи Т. Гоббс. О том же пишет В. Г. Кузнецов: «Истина является оценкой высказываний, то есть она присуща особому рода языковым конструкциям — повествовательным предложениям естественного языка...» (2004, с. 220).

Х. Патнэм (2002, с. 78) также полагает, что истина считается свойством высказывания.

Итак, истинность и ложность присущи лишь вербальным и языковым конструкциям и применимы лишь к ним. Рассмотрим другой вопрос. *Если истинность — это свойство вербальной репрезентации, заключающееся в ее соответствии действительности, то что такое вообще «соответствие действительности» и чему именно соответствуют наши вербальные репрезентации реальности, недоступной восприятию?*

Многие исследователи-объективисты полагают, что независимо от человека объективно существует некая «абсолютная истина», отождествляемая ими с объективной физической реальностью, которую человек якобы способен познать как она есть. Г. Зиммель пишет: «...все исходят из такого подразумеваемого предположения: существует объективная истина, на содержание которой никак не влияют практические потребности познающего. Эта истина познается только из-за своей полезности, потому что правильные понятия приносят больше пользы, чем неправильные. Этот взгляд присущ разным эпистемологическим школам — и реализму, где знание означает неизбежный прорыв к абсолютной реальности, и идеализму, где знанием управляют априорные формы мышления» (цит. по: Д. Т. Кэмпбелл, 2000, с. 121).

В качестве объективной, или абсолютной, истины этими исследователями понимается объективно существующий независимо от человека предметный физический мир. П. А. Флоренский, например, так понимает истину: «Наше русское слово “истина” лингвистами сближается с глаголом “есть”. ... Так что “истина”, согласно русскому о ней разумению, закрепила в себе понятие абсолютной реальности: истина — “сущее”, подлинно

существующее. ...В отличие от мнимого, недействительно бывающего» (1990, с. 15–16).

Из данного определения в итоге все же неясно, что же такое в понимании автора истина. Это «абсолютная реальность», то есть «реальность в себе», или «точные, подлинные, самотождественные» ее репрезентации, создаваемые сознанием.

В очередной раз повторю мысль, которую я пытался доказать выше, о том, что у нас нет двух сущностей: предмета и его психической репрезентации. Мы имеем только одну сущность — психическую репрезентацию части «реальности в себе», сразу данную нам в физической форме оригинального предмета. Мы не знаем и не можем никак узнать, что собой представляет «реальность в себе», так как она может быть дана нам только в форме наших же психофизических предметных ее репрезентаций. Следовательно, ни о каком «самотождестве» мы не можем говорить применительно к этой своей чувственной репрезентации. Именно она конституирует первичный и единственный в своем роде антропоморфный, то есть существующий только для человека и в специфической форме человеческих чувственных репрезентаций, физический оригинал — предмет.

Получается, что **соответствовать или не соответствовать (чтобы быть истинными или ложными) могут лишь наши вербальные репрезентации и лишь нашим же чувственным репрезентациям тех же элементов «реальности в себе»**. Никакой «абсолютной реальности», о которой пишет П. А. Флоренский (там же), или «объективной истины», которую обсуждает Г. Зиммель (цит. по: Д. Т. Кэмпбелл, 2000, с. 121), нам дополнительно к нашим репрезентациям не дано. Тем не менее даже выдающиеся исследователи не готовы к такому релятивизму.

К. Поппер (2002, с. 53), например, полагает, что высказывание истинно, если оно соответствует фактам, что, как он же говорит, ссылаясь на слова А. Тарского, есть объективное, или абсолютное, понятие истины.

Но как я отмечал выше (см. раздел 3.6.2), сами факты конституируются наблюдателем и зависят как от «реальности в себе», так и от особенностей ее концептуализации человеком.

Г. Фреге (1997, с. 105) указывает, что истинное неопределимо. П. Фейерабенд (2007, с. 232) тоже замечает, что слово «истина», безусловно, волнует людей, но ничего большего не дает.

Необходимо добавить, что **истинность вербальной конструкции может рассматриваться только в рамках более общей репрезентации реальности**. Нет вербальных конструкций, абсолютно истинных самих по себе. Одна и та же вербальная конструкция может быть истинной в одном случае и ложной в другом. Следовательно, истинность вербальной конструкции жестко связана с контекстом, то есть с более глобальной репрезентацией, в рамках которой она возникает. Недаром В. О. Куайн (2008,

с. 28) предлагает привязывать истинность и ложность даже не к предложению, а к случаю его произнесения.

К. Поппер отмечает: «Я пишу это, поскольку чувствую, что признание того, что истина — стандарт, созданный человеком, что все мы погрешимы и не имеем никакого критерия истинности, может облегчить понимание того, что моральные стандарты (обычно обозначаемые словом “добро”) также не произвольны, хоть и здесь мы погрешимы и не имеем критерия добра. Доказать здесь ничего нельзя. Ведь даже Бертран Рассел чувствовал, что релятивизм морали (против которого он тщетно искал аргументы) — типичная проблема философов и что его вряд ли можно принять» (2000а, с. 361).

Получается, что, с одной стороны, автор вроде бы признает, что и истина, и мораль — стандарты, созданные человеком. Но, с другой стороны, апеллируя к Б. Расселу, он (там же) говорит о том, что моральные стандарты не произвольны. Могу согласиться с тем, что они действительно не произвольны, но лишь в том смысле, что для того, чтобы выжить в обществе, человеку пришлось их создать и начать им следовать.

К. А. Свасьян эмоционально отстаивает право на существование «объективной истины», ссылаясь на судьбу гениальных творцов: «Ведь усомнись на секунду Джордано Бруно в этой истине, прими он ее за “как если бы” истину, разве взмошел бы он на костер, разве не отрекся бы он от нее! ...Истина не сводима к манифестирующему ее знаку, она отражается и проявляется в нем, но отнюдь не идентифицируется с ним. Если бы это было так, если бы истина была без остатка редуцирована в репрезентирующий ее символ, можно без всякого сомнения полагать, что никто из творцов культуры не отдал бы не то что жизнь, но и ломаного гроша за нее. ...Но истина есть, а значит, есть и объективная, безусловная реальность...» (2010, с. 38).

В. Н. Порус высказывается осторожнее: «Абсолютная истина — философская химера... Но те истины, на достижение которых ученые тратят свою жизнь: почему они все-таки истины, а не что-то другое?» (2010, с. 583).

Однако я готов настаивать, что даже наши чувственные репрезентации не отражают и не копируют, а репрезентируют и конституируют физический предметный мир. Наши вербальные концепты могут конституировать и конструировать физическую реальность, только уже хотя бы отрывочно чувственно репрезентированную нами. Причем люди нередко создают альтернативные вербальные концепты и теории, эффективно репрезентирующие одну и ту же грань реальности. Следовательно, эти разные теории является в определенной степени истинными.

Кстати, авторы таких «истинных» альтернативных вербальных конструкций, создавая свои концепты или теории, уверены не только в их ис-

тинности, но и в их исключительности. Нередко они готовы жизнь отдать за то, чтобы их теории, были приняты другими людьми. И объясняется такое поведение авторов разными причинами, но отнюдь не объективной истинностью их вербальных конструкций. Свои ложные теории люди навязывают окружающим с не меньшим рвением, чем истинные.

Отдаст автор за свои изобретения жизнь, как Дж. Бруно и Н. Коперник, или предпочтет отказаться от них, как Г. Галилей, зависит и от его личностных особенностей, и от особенностей ситуации, в которой он находится. Эта его готовность никак не связана с истинностью его вербальных конструкций, а психиатрия знает массу примеров потрясающего упорства и самопожертвования среди психически больных, отстаивающих свои бредовые идеи. Из этого, конечно, не следует, что жизнь отдать за свои убеждения способны только неадекватные люди. Но человеческую готовность жестко отстаивать собственные психические конструкции и распространять их среди других людей, нередко навязывая их силой, следует рассматривать как очевидный психологический факт.

Д. Майерс (2001а, с. 132) приводит данные исследований, демонстрирующих, что человеческие убеждения могут жить собственной жизнью и сохраняться даже после дискредитации доказательств, которые их породили. И чем тщательнее мы проверяем свои теории и объясняем, почему они могли бы быть истинными, тем меньше мы готовы воспринимать информацию, которая может пошатнуть наше мнение. Автор (с. 133) пишет, что мы часто становимся пленниками моделей собственного мышления, и цитирует Л. Росса и Н. Леппера, полагающих, что для того, чтобы изменить убеждение, нам часто требуются более убедительные доказательства, чем для того, чтобы создать его.

Исходя из этого, можно высказать предположение, что, по крайней мере, некоторые наши вербальные конструкции способны жить в нашем сознании как относительно самостоятельные сущности. Они воздействуют на наше поведение и на другие вновь возникающие у нас вербальные конструкции. При этом не всегда разрушаются под влиянием новых, даже более адекватных вербальных репрезентаций той реальности, которую репрезентируют. Следовательно, жизнь вербальных конструкций в сознании нуждается в специальном изучении.

Но вернемся к истинности наших вербальных репрезентаций. М. Борн пишет: «Я убежден, что такие идеи, как абсолютная определенность, абсолютная точность, конечная и неизменная истина и т. п., являются призраками, которые должны быть изгнаны из науки. ...Вера в то, что существует только одна истина и что кто-то обладает ею, представляется мне корнем всех бедствий человечества» (1973, с. 124–125).

Я лично вообще считаю, что слово «истина» обозначает очередной вербальный аморфный, а потому негодный концепт, по-разному

конструируемый разными исследователями и, естественно, вызывающий бесконечные дискуссии. Еще раз повторю, что истинность и ложность — это свойства исключительно вербальных (и языковых) конструкций. Истинно не то, что сейчас день, светит солнце, а за окном стоят дома и деревья. Истинны лишь мысль или утверждение об этом, если наши чувственные репрезентации свидетельствуют нам, что действительно сейчас день, светит солнце, а за окном стоят дома и деревья.

Истина и ложь не в реальности, то есть не в наших чувственных репрезентациях «реальности в себе», а во «вторичных» вербальных репрезентациях этих наших «первичных» чувственных репрезентаций «реальности в себе». Причем альтернативные вербальные репрезентации могут соответствовать (или адекватно моделировать) «первичные» чувственные репрезентации реальности, то есть быть истинными.

Могут ли существовать истины, знанием которых не обладает никто? Истин не существуют в «реальности в себе». Они существуют лишь в ОПР. Следовательно, не может быть истин, которых никто не знает. Может быть лишь не познанная человеком и еще не смоделированная им вербально реальность. Истина — это гипотетическое качество наших вербальных моделей реальности, заключающееся в их максимальном соответствии нашим же чувственным репрезентациям той же реальности.

Применимы ли термины «истина» и «ложь» к вербальным конструкциям, репрезентирующим реальность, недоступную восприятию?

В этом случае вербальные репрезентации не являются даже моделями чувственных репрезентаций «реальности в себе». Они и есть сама единственно доступная человеку и построенная его же сознанием на основе косвенных чувственных данных и аналогий репрезентация «реальности в себе», доступная человеку только в такой форме, поэтому вопрос об истинности или ложности этих вербальных репрезентаций неправилен. Тем не менее он часто встает, и весьма остро. Некоторые исследователи готовы рассматривать такие создаваемые ими репрезентации в качестве истинной картины реальности, если они позволяют им строить, например, эффективные прогнозы будущих ее изменений.

Мне, однако, больше импонирует точка зрения конструктивизма. Э. фон Глазерсфельд (цит. по: С. А. Цоколов, 2001, с. 48), например, указывает, что в рамках конструктивизма понятие *жизнеспособность*, применяемое в отношении опыта, замещает теперь собой существующее в традиционной философии понятие *истина*.

А. М. Улановский (2010, с. 280–298) отмечает, что в соответствии с позицией конструктивизма истина принципиально множественна, альтернативна, культурно-исторически локальна, контекстуальна и ситуативна, и не существует всеобщих, универсальных истин вне отношения к позиции наблюдателя, социальным соглашениям и культурно-историческому контексту. Никто не может претендовать на позицию, которую Х. Патнэм

метко назвал «видением мира глазом Бога», а Т. Нэйджел — «взглядом из ниоткуда» — взглядом независимого наблюдателя, лишённого какой-либо точки отсчета, то есть истинно объективным видением мира.

С этими утверждениями можно только согласиться и констатировать, что **репрезентации «реальности в себе», недоступной восприятию, не могут быть истинными или ложными. Они могут быть только полезными или бесполезными.**

Логик А. Дж. Айер (2010, с. 127–128) полагает, что концепт, обозначаемый понятием *истинность*, бесполезен. По его мнению, сказать, что пропозиция истинна, — значит лишь ее утверждать; а сказать, что она ложна, — значит лишь утверждать ее противоречие. Следовательно, термины «истинная» и «ложная» ничего дополнительно не обозначают и функционируют в предложении как знаки утверждения и отрицания, поэтому бессмысленно требовать от нас анализа понятия *истина*. Согласно автору, традиционное понятие истины относится к философским ошибкам. Слово «истина» лишь кажется обозначающим нечто реальное, что ведет склонного к умозрительному теоретизированию философа к бессмысленному исследованию того, чем это нечто якобы является.

Л. В. Максимов (2008, с. 189) пишет, что понятие *истина* (точнее, *объективная истина*) относится к числу ключевых лишь в классической философии познания. Тогда как неклассическая эпистемология заменяет это понятие другими, например *солидарность*, *общепринятость* и т. п.

Думаю, нам действительно следует признать, что **значением слова «истина» является неудачный концепт.** Это слово применимо лишь к вербальным моделям наших же чувственных репрезентаций. В остальных случаях правильнее было бы говорить об эффективности, успешности или пригодности вербальной конструкции, репрезентирующей реальность.

3.8.3. Вербальные конструкции не истинные и не ложные

Есть огромное количество вербальных конструкций, к которым вообще неприменимо определение «истинные — ложные». Например, как я уже отмечал, не могут быть ни истинными, ни ложными вербальные конструкции, в соответствии с которыми люди пытаются сформировать новую социальную реальность, или конструкции, регулирующие человеческое поведение.

Г. Бейтсон (2000, с. 446) задает вопрос, существуют ли истинные идеологии, и сам же дает отрицательный ответ, обосновывая это тем, что разные люди имеют различные идеологии, и если бы в этих вопросах существовала истина, то стабильными были бы только те социальные группы,

чье мышление соответствует этой истине. И наоборот, если в мире нет культур, мыслящих в соответствии с этой истиной, то стабильных культур не было бы вообще.

Я, пожалуй, добавил бы, что даже понятие *стабильность* применительно к обществу и укладу его жизни весьма относительно, так как не только империи, но и ни один социальный строй не могут похвастаться своей стабильностью в очень длительной исторической перспективе.

В разных обществах формируются разные ОНР с разными социальными структурами, институтами и идеологией. В результате различий своих ОНР общества часто вступают в жесткое противостояние друг с другом. Рассмотрим реальную ситуацию столкновения двух обществ — западного (Северная Америка и Западная Европа) и советского (СССР). Советское отвергало, например, частную собственность на средства производства и эксплуатацию человека человеком. Западное объявляло частную собственность священным правом каждого человека. В каждом из них вызывали возмущение и неприятие представления альтернативного общества, которые рассматривались как недопустимые и ужасные, а само иное общество, его устройство и жизнь его членов оценивались в каждом обществе как низшие по сравнению с собственными.

Оба общества находили друг у друга массу недостатков, но при этом отказывались признавать и даже замечать собственные. Оба общества сумели обеспечить неплохую жизнь для своих граждан, впрочем, с очень разными плюсами и минусами, но вполне привлекательную в целом для прочих обществ, наблюдавших за их противоборством. Само наличие альтернативного общества несло в себе угрозу каждому из двух обществ, так как альтернатива самим своим существованием наглядно демонстрировала, что форма, структура, ценности и идеология одного из обществ не единственны и не столь уж неизбежны. Что можно жить в обществе с совершенно иным устройством, целями и приоритетами, и эта жизнь будет не хуже.

Я не собираюсь обсуждать положительные и отрицательные стороны устройства данных обществ, так как хочу лишь показать, что их создают люди на основе собственных вербальных конструкций, репрезентирующих лучшие, по их мнению, варианты устройства общества. И можно создать еще множество других общественных структур, ни одна из которых не будет идеальной и будет иметь как сильные, так и слабые стороны. Хочу повторить, что нет идей, или вербальных конструкций, способных «открыть людям глаза» и дать им истинное понимание того, как им следует жить.

Человеческие идеи, или вербальные конструкции, формирующие социальную реальность как часть ОНР, не могут быть ни истинными, ни

ложными. Они либо удачные, то есть эффективные и полезные, либо не очень удачные, либо даже вредные. Оппоненты возразят мне, что вербальные психические конструкции лишь репрезентируют социальную реальность, которая исходно якобы возникла по своим объективным законам. И что эти социальные законы определяются объективными физическими причинами, например условиями жизни людей и экономическими факторами, и все это давно открыли объективные науки.

Думаю, однако, что существует аргумент, который опрокидывает все эти возражения. Им является сама история человеческой цивилизации. В частности, многочисленные примеры того, как разные группы людей и их вожди с разной степенью успешности строили в своих и даже чужих странах «справедливое общество» и «светлое будущее». Мы хорошо знаем и о позитивных, и о негативных (чаще) результатах такого социального строительства. Особенно хорошо мы помним о многочисленных катастрофах, которыми часто заканчивались социальные эксперименты, проводившиеся в соответствии с «самыми гуманными и справедливыми» теориями, доминировавшими в сознании людей, удерживавших власть в обществах. То есть в соответствии с теориями люди строят общество, но эти теории могут быть лишь полезными или вредными, но не истинными.

Также не истинны и не ложны вербальные конструкции, регулирующие человеческое поведение.

П. Фейерабенд (2010, с. 55–56) приводит рассказ Геродота. Царь Дарий во время своего правления спросил у эллинов, за какую цену согласны они съесть своих покойных родителей. Те ответили, что ни за что на свете не сделают этого. Тогда Дарий спросил индийцев, так называемых каллатиев, которые едят тела покойных родителей, за какую цену они согласятся сжечь на костре своих покойных родителей. Те просили царя не кощунствовать. Геродот делает вывод, что обычай определяет поведение людей. Но если предоставить народам возможность выбрать наилучшие обычаи и нравы, то каждый народ, внимательно рассмотрев их, выберет свои собственные, так как убежден, что его собственные обычаи и образ жизни наилучшие.

П. Фейерабенд (с. 56) подтверждает, что законы, религиозные убеждения и обычаи правят народами. Их правление опирается на двойной авторитет — на их власть и на тот факт, что эта власть в данной области признается правильной. Он (2009, с. 10) полагает, например, что нет «объективных» оснований для выбора между антисемитизмом и гуманизмом. Однако расизм будет казаться отвратительным гуманисту, в то время как гуманизм покажется банальным расисту.

Все это лишь подтверждает, что нет и не может быть истинных и универсальных вербальных конструкций, регламентирующих человеческое

поведение в обществе, то есть традиции, нравы и обычаи общества. Есть лишь множество альтернативных и примерно в равной мере приемлемых для людей вариантов поведения, которые регламентируются специфическими для каждого общества вербальными конструкциями.

Итак, еще раз повторю, что понятия *истина* и *ложь* применимы лишь к группе вербальных (и языковых) конструкций, моделирующих чувственные репрезентации «реальности в себе», доступной восприятию. В случае вербальных конструкций, репрезентирующих «реальность в себе», недоступную восприятию, следует применять термины «полезность» и «эффективность». К большому числу вербальных конструкций, репрезентирующих, например, теоретически возможное новое социальное устройство общества или новую искусственную физическую реальность, а также конструкций, регулирующих поведение людей, понятия *истина* и *ложь* неприменимы.

Тезисы для обсуждения

1. Субъективная вербальная конструкция, например научная теория, объективизируется, когда превращается в конструкцию языка, распространяется в обществе и многократно интериоризируется сознанием других людей. Однако окончательная ее объективизация происходит, когда она начинает участвовать в формировании ОПР общества и даже негенетически наследуется новыми поколениями людей.
2. Понятие *истина* обозначает гипотетическое свойство тех вербальных (и языковых) конструкций, репрезентирующих реальность, которые соответствуют ее же чувственным репрезентациям. Нет независимой от человека «абсолютной истины».
3. Существует большая группа вербальных конструкций, к которым неприменимы понятия *истина* и *ложь*. Не могут быть ни истинными, ни ложными вербальные конструкции, репрезентирующие лишь возможную в теории реальность (искусственную физическую или социальную), а также конструкции, регулирующие человеческое поведение.
4. Вопрос об истинности или ложности вербальных конструкций, репрезентирующих «реальность в себе», недоступную восприятию, неправомерен. В этом случае правильнее говорить об эффективности или жизнеспособности соответствующих вербальных репрезентаций.

ОПР и время

3.9.1. Время и концептуализация реальности

Множество концептов репрезентируют сущности, способные пребывать лишь в более продолжительных, чем настоящее мгновение, периодах времени. Сущности эти, с одной стороны, как представляется здравому смыслу, вроде бы и присутствуют в данный момент времени, но, с другой стороны, явно выходят за пределы этого настоящего времени. К ним относятся разного рода процессы, обозначаемые, например, понятиями *перестройка, реконструкция, революция, коллективизация, индустриализация, электрификация, социализация* и т. п. В каждый данный конкретный момент времени этих сущностей в окружающем физическом мире нет.

Там можно обнаружить лишь референты каких-то составляющих их событий и других сущностей, например людей, что-то делающих, какие-то предметы и т. д. «Очертания» таких конструируемых во времени сущностей четко появляются в сознании лишь по истечении продолжительного периода времени, когда в формирующем их сознании накопились уже в достаточном количестве репрезентации более простых и менее продолжительных специфических изменений реальности, то есть накопились развернутые во времени репрезентации некоего процесса.

Многие явления человеческой психики тоже обнаруживаются только при рассмотрении ее репрезентаций во времени, то есть при интроспективном рассмотрении функционирования психики за продолжительный период. В текущем настоящем мгновении жизни конкретного сознания, которое продолжается доли секунды и секунды, некоторые психические феномены не могут развернуться целиком, так как требуют большего времени для своего развертывания и существования. В настоящем мгновении они представлены лишь отдельными своими элементами. Например, широко обсуждаемый в отечественной психологии образ восприятия представлен,

как мне кажется, множеством последовательно сменяющих друг друга мгновенных образов восприятия, воспоминания и представления сходных элементов «реальности в себе». Эти мгновенные образы участвуют в микрогенезе образа восприятия (см. об этом подробнее: С. Э. Поляков, 2011, с. 301–330).

Следовательно, если мы станем рассматривать в качестве настоящего мгновения отрезки времени продолжительностью менее 2–3 мс, то психика вовсе «исчезнет», так как сами наши психические явления невозможно переживать даже интроспективно в промежутках времени, более коротких чем десятки миллисекунд. Говоря метафорически, в меньшие периоды времени психические явления просто «не укладываются». Так, например, даже мгновенным образам восприятия требуются, как свидетельствуют психологические эксперименты (см. Примечание 4), периоды времени продолжительностью миллисекунды и даже десятки миллисекунд.

Мы не можем непосредственно измерить продолжительность существования психических явлений. Мы способны делать только косвенные выводы об их продолжительности, например, на основании интроспективных наблюдений, которые, однако, слишком приблизительны¹. Можно также делать косвенные выводы на основе психологических экспериментов, в которых изучается скорость восприятия, и истории становления кино (см. об этом подробнее: С. Э. Поляков, 2011, с. 177–209). Если испытуемый в состоянии запомнить последовательно сменяющие друг друга объекты, которые экспонировались в его поле зрения в течение 10–40 мс, то, следовательно, в его сознании за это время не только формировались, но и сохранялись образы восприятия, которые я назвал мгновенными. Другими словами, десятков миллисекунд достаточно для формирования в сознании мгновенных образов восприятия простых предметов².

Для чего я это обсуждаю? Мы репрезентируем себе реальность в двух формах — в непосредственно воспринимаемой (перцептивной) и во воспоминаемо-представляемой.

¹ На основе собственной интроспекции я могу лишь сказать, что продолжительность возникающих в моем сознании мгновенных образов воспоминания существенно меньше секунды. Например, я легко вспоминаю кадры фильмов 60–70-х гг. XX в., которые возникали на экране кинотеатра в момент окончания очередной бобины с пленкой. На этих последовательно и очень быстро пронесившихся образах были представлены черные кресты, круги, полосы и т. д. на белом фоне.

² Мне могут возразить, что мгновенных образов не существует и психологические эксперименты доказывают не факт их существования, а лишь потенциальную возможность этого. Действительно, они не доказывают факт их существования. Таким фактом для меня являются результаты моей интроспекции, демонстрирующие мне наличие в моем сознании мгновенно сменяющих друг друга образов воспоминания и представления.

Наши великие предшественники утверждают, и с ними трудно в этом не согласиться, что «реальность в себе» существует только сейчас, в данный, ускользающе краткий настоящий момент времени. Действительно, мы пребываем физически только в настоящем мгновении «реальности в себе». Ни в каком другом времени самой «реальности в себе» нет, так как прошлого нет уже, а будущего нет еще. Данное открытие люди сделали еще в глубокой древности, а потом многократно обсуждали Аристотель (цит. по: Л. Н. Любинская, С. В. Лепилин, 2002, с. 248), Марк Аврелий (цит. по: Ф. Зимбардо, Дж. Бойд, 2010, с. 104), Святой Августин (цит. по: Е. И. Головаха, А. А. Кроник, 2008, с. 17), Н. А. Бердяев (2003, с. 108) и др.

Однако благодаря памяти и воображению наша психика репрезентирует «реальность в себе» не только в ее кратком настоящем. Она репрезентирует и все то, что было и уже прошло, и то, что есть, и то, что еще только будет. Наши образы воспоминания и представления репрезентируют реальность как нечто непрерывно текущее в форме потока психических феноменов из прошлого через настоящее в будущее. Но такая **«развертка» реальности во времени — явно вторичная психическая репрезентация нашей же первичной перцептивной репрезентации «реальности в себе», существующей только в кратком настоящем мгновении.**

Таким образом, реальность, якобы перетекающая из прошлого в будущее через настоящее, — очевидная антропоморфная репрезентация «реальности в себе», развернутая во времени наша смешанная психическая конструкция. Она не соответствует существующей сейчас, тем более вокруг нас, «реальности в себе», так как преподносит нам окружающий мир уже в трансформированном виде. Нельзя, впрочем, не отметить, что глобальная репрезентация окружающего нас мира, развернутая во времени, дает нам гораздо более полную картину мира.

В сознании мы имеем две репрезентации окружающей реальности — 1) текущую перцептивную репрезентацию «реальности в себе», существующую сейчас вокруг нас в форме воспринимаемого нами окружающего мира, и 2) глобальную вспоминаяемо-представляемую репрезентацию трех реальностей: прошлой, настоящей (в том числе удаленной от нас в пространстве, например мира, который находится за пределами нашего поля восприятия, — другие города, страны, микромир, Космос и т. д.) и даже будущей (той, о грядущих событиях которой мы знаем наверняка или с очень большой долей вероятности: завтра с утра люди встанут, оденутся... Солнце взойдет, начнется новый день...).

Лишь в рамках второй — глобальной вспоминаяемо-представляемой — репрезентации, состоящей не из образов восприятия, а из образов представления и воспоминания и вербальных конструкций, возможно существование

множества сущностей, помещаемых человеческим сознанием в физическую, социальную и психическую реальность, но способных существовать только во времени.

Например, наличие таких сущностей, как старение, рост, изменение, распад, эволюция и т. п., возможно лишь на протяжении времени и невозможно в настоящем, перцептивно репрезентируемом моменте времени «реальности в себе». **Множество созданных человеческими концептами сущностей, привычно относимых нашим здравым смыслом к психической и даже физической реальности, пребывают лишь в человеческом сознании, где только и есть время.** Они просто не могут существовать ни в актуальном настоящем «реальности в себе», ни даже в субъективном настоящем времени нашего сознания (см. далее раздел 3.9.2). Для своего функционирования им требуются периоды времени, которые могут быть развернуты лишь в глобальной вспоминаемо-представляемой репрезентации реальности. Следовательно, подобные сущности не стоит искать в окружающем мире, хотя наше сознание привычно помещает их именно туда.

3.9.2. Сущности ОПР, которые могут пребывать только во времени

Только в сознании и в ОПР возможно существование разворачивающихся во времени событий физической, то есть доступной чувственному репрезентированию, реальности. Это лишний раз свидетельствует о том, что сущности, обозначаемые, например, категориями *действие* или *процесс* сконструированы человеческим сознанием.

Репрезентации существовавших когда-то в прошлом людей, предметов, их действий, а также многих объектов ОПР (речь идет об уже исчезнувших даже из окружающего мира людях, предметах, действиях и объектах) тоже способны присутствовать только в прошлом времени индивидуального сознания и ОПР, так как **только в сознании и в ОПР существует прошлое и будущее даже предметной физической реальности.** Например, вербальная конструкция *Деревянный кремль сгорел в 1701 г.*, репрезентирует в настоящем времени прошлое действие конкретного предмета, которого давно нет в физической предметной реальности. Получается, что, несмотря на исчезновение данного объекта, его репрезентация продолжает сейчас пребывать в прошлом времени ОПР. То же самое справедливо в отношении сущностей, репрезентируемых, например, вербальными конструкциями: *Карета Наполеона сломалась* или *Бастилию разрушили*.

Сознание репрезентирует окружающий мир в динамике времени, хотя в самой «реальности в себе» есть лишь краткое настоящее и нет ни прошлого, ни будущего.

Мы легко манипулируем репрезентациями прошлого и будущего, можем помещать репрезентации людей и объектов, существующих сейчас в окружающем нас мире, в разное время и в разные реальности. Это возможно не только благодаря наличию у нас памяти и воображения, но и потому, что в ОНР репрезентации окружающего мира уже расположены во времени. ОНР предоставляет нам развернутую во времени панораму событий и объектов, сменяющих друг друга и текущих из прошлого через настоящее в будущее. Каждое индивидуальное сознание лишь интериоризирует уже сформированную нашими предшественниками в ОНР, изменяющуюся во времени картину окружающего мира.

Сознание способно чувственно репрезентировать изменения предметов. Наш здравый смысл трактует это как восприятие течения времени. Однако перцептивные репрезентации представляют нам не время, а именно последовательные изменения окружающих предметов. Это даже нечто более важное, чем время. Время — это конституированная сознанием сущность ОНР. Интериоризировав из ОНР панорамную репрезентацию реальности, развернутую в прошлом, настоящем и будущем времени, человек приобретает возможность понять такие, например, вербальные конструкции, как *Вчера мы ходили в театр, Иван купит хлеб завтра, Через шесть часов «Прогресс» отстыкуется от космической станции и т. п.*

Конструкция *Иван купит хлеб завтра* репрезентирует некое будущее действие существующего сейчас человека. Иван есть в предметной физической реальности сейчас, но сейчас в ней нет завтра. Действие состоится в будущем времени, которое есть лишь вследствие интериоризации нами этого будущего времени из общей ОНР. Сущность, обозначаемая понятием *завтра*, сама является объектом ОНР, и ее нет в окружающем физическом мире, хотя ее репрезентация существует уже сегодня в нашем сознании благодаря ОНР.

В прошлом и будущем времени, которое существует только в сознании и в ОНР, происходят не только физические, но и социальные события, и даже события индивидуального сознания. Объекты ОНР действуют в ОНР, в ее прошлом, настоящем и будущем времени. Рассмотрим, например, следующие вербальные конструкции: *Пресса сообщает, что президент примет решение завтра, Поименное голосование начнется в пятницу, Выстрел крейсера «Аврора» открыл новую эру в истории человечества, Дума отказалась ратифицировать соглашение, Со временем эти неприятные воспоминания стерлись и т. п.*

В вербальной конструкции *Пресса сообщает, что президент примет решение завтра*, социальный объект ОПР — пресса — действует в ОПР сейчас. Она сообщает, что другой объект ОПР — президент — создаст в ОПР в будущем новый объект ОПР — решение президента.

В конструкции *Поименное голосование начнется в пятницу* объект ОПР — голосование — имеет свойство (поименное) и будет действовать (начнется) в будущей реальности. Мы узнаем об этом сейчас из ОПР.

Конструкция *Выстрел крейсера «Аврора» открыл новую эру в истории человечества* репрезентирует существовавший в прошлом физический объект — выстрел, присутствующий сейчас лишь в ОПР и имеющий теперь символическое значение. Он стал в ОПР российского общества символом начала огромных перемен в окружающем мире. Он способствовал появлению другого объекта ОПР — новой эры в истории, которая существует тоже только в ОПР. Причем и тот и другой объекты присутствуют в ОПР сейчас.

Физический объект-символ — холостой выстрел крейсера «Аврора», явившийся сигналом к началу вооруженного захвата власти в России в 1917 г., действительно изменил многое в прошлом социальной, физической и даже индивидуальной психической реальности множества людей в XX в. И несмотря на то, что самого объекта давно нет в физической предметной реальности, он по-прежнему существует в ОПР. Более того, через ОПР выстрел «Авроры», точнее революция 1917 г. в Российской империи, которую он символизирует, продолжает оказывать воздействие на людей.

Конструкция *Дума отказалась ратифицировать соглашение* репрезентирует социальный объект ОПР — Думу, так как Дума — это не просто несколько сотен человек с конкретными фамилиями, а орган власти. И он в прошлом ОПР действовал определенным образом (Дума отказалась ратифицировать).

Конструкция *Со временем эти неприятные воспоминания стерлись* репрезентирует психические объекты — образы воспоминания, которые существуют лишь в ОПР и в сознании (литературного героя). Данные объекты ОПР действовали в прошлом ОПР, которое присутствует в ней даже сейчас.

Отдельную разновидность сущностей ОПР составляют те, которые сознание может конституировать, только рассматривая множества репрезентаций «реальности в себе», возникших за достаточно продолжительные периоды времени, то есть формируя нечто вроде репрезентаций второго уровня, объединяющих и обобщающих многие уже имеющиеся репрезентации первого уровня.

Например, рассмотрев чувственные репрезентации множества сходных объектов — галапогосских выюлков, сознание исследователя делает

вывод о наличии такой сущности, как эволюции, то есть трансформации живых организмов во времени в результате их приспособления к изменяющейся среде обитания. Рассмотрев чувственные репрезентации множества найденных археологами останков и орудий труда, сознание другого исследователя делает вывод о наличии в прошлом времени такой сущности, как палеолит — исторический период каменного века, длящийся с момента начала использования каменных орудий гоминидами (около 2,5 млн лет назад) до появления земледелия (приблизительно в 10 тыс. до н. э.).

К таким вербальным репрезентациям второго уровня относятся, например, сущности ОПР, обозначаемые понятиями *эволюция*, *путешествие*, *социализация*, *разоружение*, *смута* и т. п., а также сущности ОПР, представляющие собой продолжительные периоды времени, характеризовавшиеся некими специфическими особенностями: палеолит, конкиста, средневековье, античность и т. д.

Может показаться, что в любой момент протекания этих процессов можно констатировать, что путешествие или эволюция, например, именно сейчас и происходят, то есть соответствующие вербальные концепты репрезентируют не только процесс, но и каждый его момент. Однако не единичный момент превращает каждое из этих событий в специфический процесс изменения окружающей реальности, в собственно путешествие, эволюцию или социализацию, а именно четко структурированная последовательность разных ее изменений — последовательность, имеющая связанные друг с другом по смыслу начало и конец и протекающая по особому сценарию.

Есть ли, например, в физической реальности такая чувственно репрезентируемая сущность, как мелодия? Очевидно, что ее там нет, так как, во-первых, звук появляется лишь в сознании и в качестве специфического психического феномена. Во-вторых, сознание способно чувственно конституировать мелодию только во времени, используя для этого строго определенные последовательности первичных чувственных репрезентаций — разных звуков.

Мелодия требует для своего развертывания по крайней мере десятки секунд. Это время намного превышает не только вербально репрезентируемое сознанием минимальное время, используемое в физике¹, то есть физическое время как бы соотносимое с настоящим мгновением времени «реальности

¹ «Аттосекунда — 10^{-18} с (период ЭМ-колебаний рентгеновского диапазона, динамика электронов внутренних оболочек многоэлектронных атомов).

Зептосекунда — 10^{-21} с (динамика ядерных реакций).

Йоктосекунда — 10^{-24} с (рождение/распад нестабильных элементарных частиц)» (Время [Электронный ресурс]: QuestHint: энциклопедия шифров online. — Режим доступа: <http://questhint.ru/vremya>).

в себе», но и гораздо более продолжительное «субъективное психическое настоящее»¹ время, в течение которого в сознании возникает репрезентация одного звука, например.

Получается, что мелодии нет даже в субъективном психическом настоящем, так как оно слишком непродолжительно и его недостаточно для развертывания мелодии — обобщающей чувственной репрезентации следующего уровня по сравнению с репрезентацией звучащей ноты и даже аккорда. Сущность, которая обозначается понятием *мелодия*, представляет собой жестко фиксированную последовательность мгновенных слуховых образов, репрезентирующих разные звуки, то есть особую чувственную психическую конструкцию. И уже эта сложная чувственная психическая репрезентация конституируется сознанием в качестве новой сущности внешнего мира — мелодии.

Мелодия не просто появляется только в человеческом сознании, но и там ей для своего развертывания необходим период времени. Она может существовать только в сознании, потому что лишь в нем сохраняются чувственные репрезентации того, что уже исчезло из окружающего мира, наряду с новыми образами того, что только что в нем возникло. Благодаря длящемуся потоку сознания в нем может развернуться не только мелодия,

¹ А. Н. Гусев (2007, с. 248) пишет о так называемом «пороге нерасчленной длительности», который в классической психологии сознания называли «временной продолжительностью внимания». По его словам, это то время, в течение которого испытуемому может быть предъявлено некоторое количество стимулов, еще воспринимаемых им как некая целостность. Порог нерасчленной длительности зависит от природы стимулов, тем не менее для простых тональных и световых стимулов тот интервал, в пределах которого испытуемые воспринимают его как настоящий момент времени, простирается от 2,3 до 12 с (при некоторых условиях даже дольше).

Я рассматриваю этот промежуток времени в другом ракурсе. Как максимальную длительность промежутка времени, в пределах которого последовательность мгновенных образов восприятия изменяющегося объекта и окружающего его изменяющегося фона еще рассматривается человеком как нечто неизменное, то есть в качестве единичного, а главное, неизменяющегося образа восприятия. Следует ответить на два вопроса: *сколько времени продолжается то, что можно рассматривать как субъективно единичный и неизменный образ восприятия изменяющегося объекта? Какое количество мгновенных образов восприятия образует то, что мы привыкли считать единичным и неизменным образом восприятия?* Мне представляется, что вопрос о реальной продолжительности субъективного психического настоящего еще ждет своего исследователя, но уже сейчас кажется очевидным, что этот период времени составляет десятки миллисекунд.

Понятно, что физики не установили, да и не могли установить продолжительность условного настоящего мгновения. Тем не менее можно проводить некие параллели между этой умоглядной сущностью и минимальными отрезками времени, имеющими вполне конкретный смысл в физике. В качестве настоящего мгновения физической реальности, репрезентируемого сознанием вербально, может рассматриваться, например, время распада элементарной частицы. Для топ-кварка, в частности, оно составляет 3×10^{-25} с. Таким образом, субъективное психическое настоящее по продолжительности на десятки порядков превышает такое условное настоящее мгновение физической реальности, репрезентируемое сознанием вербально.

но и другие чувственные репрезентации сущностей ОНР, наличие которых возможно только в периоде времени.

Многие из них представляют собой жестко выстроенные во времени последовательности чувственных репрезентаций разного вида. Сознание превращает эти последовательности репрезентаций в новые целостные психические объекты, в гештальты, например в звучащие слова. При этом связь и единство составляющих гештальт психических феноменов существуют лишь в сознании. Изменение строго определенной последовательности репрезентаций сразу разрушает гештальт.

Окружающий мир, развернутый во времени, присутствует исключительно в человеческом сознании и в ОНР, а все его длящиеся сущности — процессы (действия и изменения) — являются объектами ОНР. В «реальности в себе» нет ничего изоморфного сущностям, пребывающим во времени, то есть процессам и изменениям, так как в ней нет времени.

Оппоненты возразят, что дело здесь не в особенностях «реальности в себе», а в специфике наших психических репрезентаций этой реальности, что наши репрезентации настоящего мгновения не дают-де полного и адекватного представления о «реальности в себе», и лишь те репрезентации «реальности в себе», которые благодаря нашей памяти могут быть развернуты во времени, способны давать адекватное представление о ней.

Я не хотел бы возвращаться к бессмысленным рассуждениям о том, что собой представляет «реальность в себе» и есть ли в ней, например, движение и изменение. Моя задача гораздо проще — показать, что даже воспринимаемые нами движения и изменения — это лишь результаты нашего чувственного повторного и последовательного репрезентирования «реальности в себе» и создаваемые человеческим сознанием важные сущности развернутой во времени ОНР.

Мне кажется очевидным по крайней мере то, что в «реальности в себе», существующей лишь в настоящее мгновение, нет процессов, растянутых на дни, месяцы, годы и века. И лишь человеческое сознание конституирует их, создавая, например, из чувственно репрезентируемых им телесных трансформаций, протекающих в организме женщины в течение девяти месяцев, сущность, обозначаемую понятием *беременность*. Тем более только сознание способно конституировать биологические связи между бабушкой и ее внуками, например. Хотя бы потому, что не только в «реальности в себе», но даже в выстраиваемом сознанием физическом мире нет прошлого, а есть только конкретное нынешнее состояние, которое в следующее настоящее мгновение может слегка измениться.

Лишь сознание человека и ОНР хранят репрезентации связей между поколениями людей, репрезентируемых понятиями *бабушки, дедушки,*

матери, отцы и дети. В «реальности в себе» нет связей между предками и потомками. Они представлены лишь в истории, существующей тоже только в индивидуальном сознании и в ОПР.

Итак, **сознание, обобщая более простые сущности, сменяющие друг друга во времени, создает на их основе новые более сложные сущности, которые репрезентируют уже изменяющийся во времени окружающий мир**. Так появляются «обитающие» лишь во времени сущности, обозначаемые, например, понятиями *взросление* или *старение*. Каждая из них конституируется из множества чувственных репрезентаций более простых сущностей физического мира, ни одну из которых нельзя отождествить прямо с *взрослением* или *старением*.

На данные объекты ОПР, существующие во времени, во многом похожи сущности, обозначаемые такими понятиями, как *свадьба, полет, извержение, наводнение, кинофильм, спектакль* и т. п. Однако последние отличаются тем, что в каждый момент их существования в окружающем мире можно обнаружить чувственные репрезентации, из которых сознание их конституирует. Говоря метафорически, на одной фотографии можно обнаружить признаки, позволяющие нам квалифицировать некое событие как свадьбу, но на единственной фотографии мы не найдем признаков взросления ребенка.

Многие объекты ОПР, привычно представляющиеся нам существующими здесь и сейчас, на самом деле тоже существуют лишь во времени. Так, с одной стороны, университет — это, казалось бы, множество существующих в данный момент физических объектов: земельный участок, ряд построек определенного вида, множество людей, работающих, обучающихся и проживающих там. С другой стороны, университет — это все же не совокупность физических объектов, а некая функция. Это обстоятельство становится более очевидным, если мы вспомним слова М. Шелера (2011, с. 28) о том, что университет как социальное учреждение является в первую очередь институтом передачи традиции «учености». Следовательно, о реальном, а не формальном существовании университета мы можем говорить лишь тогда, когда он рассматривается нами в длительном периоде времени и в качестве реализуемой специфической функции.

Наличие ОПР позволяет нам легко объяснить свои знания не только о событиях прошлого, но и о некоторых ожидаемых событиях будущего. Мы знаем, например, что с большой вероятностью и завтра утром, и первого января 2030 г. взойдет Солнце, а мы, если будем живы, будем совершать привычные действия. Мы знаем, что 11 марта 2018 г. состоятся выборы нового президента России. Мы даже точно знаем, что 16 октября 2126 г. в Москве будет полное солнечное затмение, а затем полных солнечных затмений в Москве не будет аж до 4 мая 2972 г., тогда как коль-

цеобразное солнечное затмение произойдет в Москве 13 июля 2075 г. и 10 февраля 2195 г.¹

Как мы можем знать о таких вещах, а главное — где располагаются эти будущие события?

А. Эддингтон (2003, с. 52) раскрывает представления части исследователей, полагающих, что все в мире предопределено и когда-то было задано раз и навсегда. Он пишет, что с точки зрения полного детерминизма прошлое и будущее как бы нанесены на карту и так же доступны для исследования, как отдаленные места пространства. События не происходят, они существуют, и мы, образно говоря, натываемся на них. То, что они совершаются, — это как бы только выполнение некоторой формальности, указывающее на то, что наблюдатель попал в будущее рассматриваемого события.

Мне представляется, что все, что мы знаем о будущем, легко объяснить благодаря ОПР и без привлечения фантастической гипотезы предначертанности событий на карте бытия. Наше сознание просто способно строить достаточно точные предсказания будущих изменений реальности, а порой там, где они касаются циклических событий реальности, точность этих предсказаний, осуществляемых с помощью математических расчетов, приближается к абсолютной. В результате этого люди строят в ОПР модель будущего, которая оправдывается с удивительной точностью, но существует лишь в ОПР и сознании людей. И для объяснения этого не требуется ни привлечения чудес, ни введения фантастических гипотез.

3.9.3. Разное понимание и «видение» времени в ОПР разных обществ

Поскольку время существует только в ОПР, именно ОПР объединяет для нас прошлое, настоящее и будущее. Она связывает нас с прошлым и будущим, с нашими предками, нашими современниками и нашими потомками. Она делает всех живших, живущих и будущих людей фрагментами единого человечества. Она позволяет нам конструировать в ней нашу историю, жизнь других людей, их свершения и ошибки. Она дает нам возможность связывать причину и следствие событий, анализировать свои поступки и планировать новые. Она помогает нам искать и находить смысл в нашей жизни.

Сама ОПР — это панорамная антропоморфная реальность, включающая в себя сразу прошлое, настоящее и будущее. Начинается она с фантазий исследователей о Большом взрыве, якобы имевшем место 14 млрд

¹ Астрономические наблюдения. Солнечные затмения в Москве с 1975 по 2075 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.astrogalaxy.ru/141.html>.

лет назад, продолжается в виде всей совокупности человеческих знаний и заблуждений, репрезентирующих известный нам мир, и заканчивается фантазиями футурологов о том, что произойдет на Земле в последующие века. Особый интерес представляют для человека реконструируемая в прошлом времени ОПР история его биологического вида и репрезентации конструкций социальной реальности.

Оказывается, отношение людей к прошлому и будущему зависит от особенностей их ОПР. Х. Ортега-и-Гассет (1997, с. 141) сообщает, например, что, согласно мнению О. Шпенглера, греки и римляне были не способны ощущать время, то есть видеть свою жизнь в ее временной протяженности. Они жили в настоящем. Х. Ортега-и-Гассет (с. 142), однако, считает данное мнение ошибочным. Он согласен, что греки и римляне страдали удивительной слепотой по отношению к будущему. Они его не различали, как дальтоник не различает красный цвет. Жизнь их во всем опиралась на прошлое. Прежде чем что-то совершить, они делали шаг назад, отыскивая в былом подобие возникшей ситуации, и, отыскав, защищенные, погружались в настоящее. Их жизнь была архаизирована, и, по словам автора, такой она была почти у всех людей древности. Но это вовсе не означает, что они были лишены чувства времени. У них был лишь «некоторый перекося» — «недоразвитое чувство будущего» и «преувеличенное — прошлого».

Современные европейцы, по мнению Х. Ортеги-и-Гассета (там же), напротив, тяготеют к будущему и верят, что там лежит главное пространство времени, которое начинается с того, что будет, а не с того, что было. Он (с. 151–152) полагает, что античный человек и современный европеец равно озабочены грядущим, но греки и римляне подчиняли современность власти прошлого, а мы предоставляем наибольшую автономию будущему, новизне как таковой. Этот антагонизм позволяет называть современного европейца футуристом, а античного человека — архаистом.

Если это действительно так, а авторитет данных исследователей заставляет очень внимательно прислушиваться к их мнению, то можно сделать вывод, что разные цивилизации по-разному относятся к своему прошлому и будущему. По крайней мере, их прошлое и их будущее, говоря метафорически, имеют разный удельный вес в их ОПР.

Х. Ортега-и-Гассет (с. 465) тем не менее указывает, что и в наших современных политических отношениях вечно живет все известное нам человеческое прошлое. Прошлое образует часть нашего настоящего. Прошлое имеется как настоящее и воздействующее на нас сейчас. Наша жизнь, которая всегда есть жизнь настоящего, или актуального, момента, состоит из того, чем мы были ранее индивидуально или коллективно. Автор (с. 472) считает, что прошлое находится не где-то там, в своем времени, а здесь, в нас. Прошлое — это мы, это наша жизнь. Но он не отвечает на

вопрос: *где сейчас находится то самое прошлое, которое влияет на нашу жизнь?*

Однако очевидно, что оно находится в ОПР нашего общества, то есть в сознании всех его членов.

Думаю, Х. Ортега-и-Гассет согласился бы со мной в том, что особенности прошлого и будущего и вообще отношение людей к времени зависят от ОПР общества, в котором они живут. Ведь время находится исключительно и только в человеческом сознании и в ОПР общества. Неудивительно поэтому, что **общества, выстроившие разную ОПР, могут по-разному относиться к прошлому и будущему.**

Оказывается, однако, что разные общества могут не только по-разному относиться к прошлому и будущему. **Разные общества могут даже по-разному репрезентировать время в своих объективных психических реальностях.** Б. Уорф (2003, с. 166–167) первым обратил внимание на то, что понятие *время* зависит от языка, например, хопи¹ иначе концептуализируют время, чем англоязычные американцы. Глаголы в языке хопи не имеют времени, привычного для английской ментальности. Вместо них употребляются иные формы. По словам Б. Уорфа (с. 171–173), английский язык не различает, как язык хопи, чисел, используемых для подсчета реально существующих предметов, и чисел «самоисчисляемых».

Например, с понятиями, относящимися ко времени: *лето, зима, утро, сентябрь* и т. п., англоязычные американцы оперируют так же, как и с понятиями, обозначающими реальные предметы. Эти слова образуют в языке множественное число и исчисляются, подобно существительным, обозначающим предметы материального мира. В английском языке формы: *at sunset* и *in winter* («на закате» и «зимой») образуются по той же схеме, что и формы: *at a corner* и *in an orchard* («на углу» и «в саду»). Автор замечает, что таким образом объективизируются представления о явлениях, обозначаемых этими терминами.

Действительно, в английском языке, да и в русском, кстати, тоже, понятия, репрезентирующие специфические отрезки времени, например *лето, зима, утро, сентябрь* и т. п., образуются и используются по аналогии с понятиями, репрезентирующими предметы окружающего мира. И это отражает специфическую концептуализацию времени в указанных культурах, где время является очередным пусть и уникальным, но физическим объектом. Недаром и И. Ньютон определил его как особую физическую сущность. У хопи время концептуализируется иначе. Это не предмет, а что-то иное.

¹ Хопи — индейский народ, проживающий на площади 12 635 км² в резервации Хопи на северо-востоке Аризоны.

Б. Уорф (2003, с. 183 и 193) отмечает, что в языке хопи в отличие от английского «несколько дней» воспринимаются не так, как «несколько людей», а как последовательное появление одного и того же человека. Тогда как в английском «субстанция» времени рассматривается как нечто однородное и легко делимое на любое число пропорциональных единиц. Даже стоимость товара мы вычисляем пропорционально времени, затраченному на его производство. Однообразие и регулярность, присущие нашему представлению о времени (как о разделенной на равные отрезки безграничной ленте), заставляют нас переносить это однообразие даже на события.

По мнению Б. Уорфа (с. 199), понятие *время* не дано из опыта всем людям в одной и той же форме. Оно зависит от природы языков. Причем Вселенную можно описать, не прибегая к понятию измеряемого времени. Физическая теория, построенная без t (время) в своих уравнениях, будет действовать превосходно, хотя, несомненно, она потребует иного мировоззрения и, вероятно, иной математики (с. 216).

Я могу только согласиться с автором, так как не считаю время физической сущностью, и еще вернусь к этому вопросу. Многие исследователи критикуют представления Б. Уорфа, доказывающие разную концептуализацию времени в культурах хопи и европейцев. Я, однако, не вижу ничего странного и необычного в возможности разной концептуализации такой проблемной и максимально умозрительной сущности, как время, если даже цвета спектра разные этносы концептуализировали по-разному (см. Примечание 7).

Добавлю, что человеческие психические конструкции довольно инертны, а при длительном доминировании в сознании имеют способность «зашоривать» наше мышление, каждый раз направляя его в известное, привычное русло. В этом есть определенные плюсы, но и слабость человеческого мышления. Поверить поэтому в то, что **понятие *время* обозначает всего лишь одну из наших, пусть и важнейших, психических конструкций, репрезентирующую не физическую сущность, а объект ОПР**, так же трудно, как трудно было поверить людям после полутора тысяч лет господства теории Птолемея в то, что Земля вращается вокруг Солнца. Тем более что все собственными глазами «видели», как Солнце ежедневно движется по небу над их домом.

Так и сейчас, мы буквально «видим», «чувствуем бег времени» и то, как мир «меняется во времени», потому что сознание чувственно репрезентирует изменения и движения предметов. И нам трудно поверить, что время — это совсем не то, что нам «видится» в бегущих стрелках часов, например. Однако, как пишет М. Планк (M. Planck, 1950), «новая истина в науке прокладывает дорогу к триумфу не посредством убеждения оппонентов и принуждения их видеть мир в новом свете, но скорее потому,

что ее оппоненты рано или поздно умирают и вырастает новое поколение, которое привыкло к ней» (с. 33–34).

К чему я все это говорю? Не хочу ли я заявить, что времени нет в физической реальности?

Да, там **нет времени в том виде, в каком мы привыкли его себе представлять, то есть в форме особой линейной объективной физической сущности, включающей в себя прошлое, настоящее и будущее, в которой мы живем, как и в пространстве, и которую даже можем измерять. Время есть лишь в нашей антропоморфной репрезентации «реальности в себе» как созданная людьми сущность ОПР.**

То, что мы привыкли считать «объективным физическим временем», — всего лишь особая психическая, архиважная и эффективно способствующая нашей адаптации к миру психическая конструкция, репрезентирующая некую шкалу, или координатную ось, лишь позволяющую нам фиксировать постоянное и тотальное изменение «реальности в себе». **Вот это-то глобальное изменение, представляющее собой нечто гораздо более сложное и грандиозное, чем просто самостоятельная физическая сущность, и присуще «реальности в себе».** Оно даже непосредственно репрезентируется каждым человеком чувственно. А созданная сознанием сущность, обозначаемая понятием *время*, — лишь удобный психический инструмент, своего рода заменитель, сформированный человеческим сознанием для репрезентации этого всеобъемлющего и непрерывного изменения «реальности в себе».

Тот факт, что время — это лишь конституированная нашим сознанием сущность, лишней раз подтверждается, например, изменением с возрастом субъективной скорости течения времени. В детстве время ползет, порой невыносимо долго. В молодости оно уже идет. В зрелости время начинает бежать и нам его уже часто не хватает. В старости оно начинает скакать от одного Нового года к другому. Вроде только что праздновали 2000 г., а уже пришел 2017-й. *Но как же так, ведь объективная физическая сущность не может зависеть от субъекта?*

Сейчас наш здравый смысл привычно рассматривает время как глобальную физическую сущность того же уровня, что и пространство, и согласно общепринятым в физике психическим конструкциям «добавляет» время в виде четвертой оси координат к трем осям пространственных координат, формируя особую физическую сущность, называемую «пространство-время». Из принятой людьми модели «потока времени» с очевидностью следует, что в этом потоке теоретически можно перемещаться вперед и назад. **Но осознав, что время — лишь созданный человечеством психический инструмент, шкала, иллюстрирующая и позволяющая нам измерять нечто иное — тотальные изменения «реальности в себе», мы сможем освободиться от многих вредных иллюзий.**

Например, нам придется понять, что **путешествие во времени — это бессмысленная фантазия, так как путешествовать по шкале измерения, которая существует лишь в человеческом сознании, можно только в сказке**. Если мы поймем, что время — это выдуманная человечеством удобная психическая сущность, условная координатная ось, предназначенная для регистрации и архивирования в нашем сознании непрерывного вселенского изменения «реальности в себе», нам станет совершенно очевидно, что «путешествие во времени» невозможно.

Путешествие назад во времени — не что иное, как инверсия тотальных и постоянно протекающих в масштабах Вселенной изменений «реальности в себе», то есть их движение вспять, а «путешествие в будущее» — ускорение этих изменений.

Тезисы для обсуждения

1. Понятие *время* обозначает одну из важнейших психических конструкций человека. Время существует лишь в сознании и в ОПР, где конституировано в виде особой линейной объективной физической сущности, включающей в себя прошлое, настоящее и будущее, — сущности, в которой мы якобы живем, как и в пространстве, и которую можем даже измерять.
2. Объект ОПР, обозначаемый понятием *время*, создан сознанием как удобный психический инструмент для измерения, точнее, даже для индикации всеобъемлющего и непрерывного изменения «реальности в себе», которое представляет собой нечто гораздо более сложное и грандиозное, чем просто самостоятельная физическая сущность.
3. Сознание репрезентирует существующую лишь в краткое настоящее мгновение «реальность в себе» как мир, изменяющийся во времени, непрерывно переходящий из прошлого в настоящее и стремящийся в будущее.
4. В сознании представлены две глобальные репрезентации «реальности в себе»: 1) текущая перцептивная в виде последовательно возникающих образов восприятия изменяющегося предметного физического мира, существующего в настоящий момент вокруг субъекта; 2) глобальная вспоминая-представляемая репрезентация того же мира, интериоризированная из ОПР и развернутая уже в историческом времени, которая включает в себя и лично пережитое субъектом, и интериоризированную им часть ОПР.
5. Референты многих сущностей, созданных сознанием и помещенных им в окружающий мир, распространяются за пределы настоящего мгновения, в котором только и существует «реальность в себе», а сле-

довательно, эти сущности не могут пребывать нигде, кроме сознания и ОПР.

6. Все сущности, разворачивающиеся во времени, являются объектами ОПР.
7. Наличие ОПР позволяет нам легко объяснить происхождение своих знаний не только о событиях прошлого, но даже о некоторых возможных событиях будущего.
8. Путешествовать во времени невозможно, так как нельзя путешествовать по шкале измерения, которая существует лишь в человеческом сознании.

Роль ОПР в жизни человека

Сразу после рождения человек оказывается в ОПР, созданной обществом задолго до его появления. Отныне именно ОПР обеспечивает процесс познания мира ребенком и направляет его в строго определенное русло. Она определяет даже то, в каком виде он будет чувственно конституировать предметы в процессе восприятия окружающего мира. Подрастая, ребенок замечает, что окружающие люди действуют с предметами строго определенным образом и называют каждый предмет строго определенным словом. Усваивая названия предметов и конкретные образы действия с ними, ребенок познает мир в жестко и однозначно структурированном ОПР виде.

В. А. Иванников пишет (2010, с. 112), что ребенок, входя в мир, должен прежде всего освоить значения предметов и употреблять их так, как принято в обществе. Незнание этих значений приводит к использованию предметов культуры лишь как физических объектов. Автор напоминает про описанный в романе М. Твена «Принц и нищий» способ использования королевской печати мальчиком-бедняком — для раскалывания орехов.

Дополню, что даже такое (нецелевое) использование печати уже предполагает усвоение мальчиком, то есть интериоризацию им из ОПР, определенных форм действий с предметами. Например, того, что орехи следует раскалывать чем-то тяжелым. Почти любое разумное человеческое действие предполагает первоначальную интериоризацию из ОПР и самого действия, и его целей не только в форме визуальных, но желательно и в форме вербальных их репрезентаций.

Для того чтобы стать членом общества, ребенку необходимо социализироваться, то есть интериоризировать из ОПР хотя бы объем психического содержания — концептов (и понятий) и других вербальных конструкций, соответствующий запасу бытовых слов родного языка. В противном случае он просто не станет полноценным человеком. Именно поэтому каждый человек остро нуждается в обществе. Оно ему необходимо для его психического развития.

В процессе своей социализации ребенок интериоризирует из ОНР концепты и понятия своего общества, усваивает вербальные конструкции, репрезентирующие окружающий мир и его самого в нем. Роль ОНР в жизни человека невозможно переоценить, потому что именно она превращает неразумное существо, обладающее от рождения лишь чувственными репрезентациями реальности и лишь предрасположенное к специфически человеческому развитию, в разумного человека, способного мыслить с помощью понятий и вербальных конструкций.

Именно ОНР превращает сознание ребенка в полноценное сознание взрослого человека, легко оперирующее понятиями и вербальными конструкциями. Без ОНР была бы невозможна эта трансформация, так как был бы невозможен переход с уровня чувственных репрезентаций на уровень символических репрезентаций. ОНР участвует в формировании важнейшей части индивидуальной картины мира — глобальной вербальной репрезентации реальности, которая органично дополняет у каждого человека его собственные чувственные репрезентации окружающего мира и конституирует их.

Вербальные репрезентации, интериоризируемые человеком из источников, вызывающих у него доверие, почти столь же достоверны для него, как и его собственные чувственные репрезентации. Древний грек поэтому был одинаково уверен в очевидности существования как его собственного поселения, так и жилища богов на горе Олимп, а современные люди одинаково уверены в существовании как лежащих на столе яблок, так и электронов, перескакивающих на атомных орбитах в этих яблоках.

Благодаря коммуникации с множеством других людей, которые не сомневаются в присутствии в окружающем их мире сущностей, относимых мною к ОНР, человек тоже не сомневается, например, в реальном наличии объектов, обозначаемых такими понятиями, как *гипотеза* и *капитал*, *компромисс* и *уступка*, *сделка* и *соглашение*, *реформа* и *отсталость*, *век* и *месяц*, *дискриминация* и *двоевластие*, *гротеск* и *доктрина*, *связь* и *дисфункция*, *добро* и *зло*, *давление* и *вина*, *измерение* и *инерция* и т. д. и т. п.

Вербальные репрезентации окружающего, расцениваемые обществом как истинные, автоматически превращаются в истину и для новых его членов. Более того, эти вербальные репрезентации мира, получившие статус объективных в силу своего присутствия в сознании множества людей и независимости от индивидуума, включаются новыми членами общества в их картину мира в качестве «всем очевидных» элементов окружающей реальности. Хотя в действительности они являются лишь версиями, возможными вариантами «реальности в себе», а то и вовсе фантазиями.

Изучая родной язык, ребенок тем самым приобретает глобальную вербальную репрезентацию окружающей реальности, созданную обществом до его рождения.

ОПР постоянно воздействует на каждого члена общества. С момента рождения человека она начинает формировать его психику и делает это до его смерти. **ОПР из новорожденного «лепит» человека своей эпохи.** Недаром Х. Ортега-и-Гассет пишет, например: «...дух времени, значимый мир сильнее всего воздействует на жизнь каждого не просто потому, что он налицо, что я пребываю в нем и в нем же вынужден двигаться и существовать, но потому, что на самом деле большая часть моего мира, моих верований коренится в коллективном их наборе, совпадает с коллективными верованиями. Дух времени, идеи эпохи по существу и в подавляющем большинстве живут во мне, стали моими. Человек с малых лет впитывает убеждения своего времени, иначе говоря, включен в общеобязательный мир» (1997, с. 258).

Я добавил бы, что, даже если «идеи эпохи» не стали моими, они стали идеями окружающих меня людей, которые ведут себя в соответствии с ними. Эти **идеи окружающих людей и их поведение, обусловленное ими, воздействуют на меня, трансформируя мою жизнь и заставляя меня считаться с ними.** Даже если я не разделяю эти идеи, они все равно задают малозаметные для моего сознания трафареты и рамки, сквозь которые я воспринимаю мир, в которых его концептуализирую, понимаю и оцениваю. Именно из-за ОПР каждый из нас — лишь чуть лучшее или чуть худшее продолжение существовавшего до нас человечества. Мы лишь листья колоссального вечнозеленого дерева — живущего и мыслящего человечества. Выстраиваемые нами собственные психические конструкции чаще всего не способны выйти за границы данной нам от рождения ОПР — кроны дерева. Мы можем лишь совершенствовать и развивать то, что получили от общества. И лишь в рамках того, что нам исходно дано. Чтобы выйти «за границы» ОПР, надо быть гением.

Мы не просто «сталкиваемся с идеями и живем с ними и в них», как пишет Х. Ортега-и-Гассет (с. 267). **Идеи, участвующие в формировании ОПР, буквально создают окружающий мир в нашем сознании, конституируют его объекты, его события и структуры.**

П. Бергер и Т. Лукман (1995, с. 245) считают, что главными агентами поддержания субъективной реальности в сознании человека являются значимые другие (прочие другие функционируют как своего рода хор). Так, жена, дети и секретарша человека торжественно подтверждают каждый день, что он успешен или безнадежный неудачник. Различную степень поддержки обеспечивают незамужние тетушки, повара и лифтеры. Индивид либо принимает поддерживающие эту реальность отношения, либо прекращает их.

Авторы (с. 248) подчеркивают, что общение является важнейшим средством поддержания реальности мира, постоянно и немногословно подтверждая ее. Например, обмен репликами типа: «Ну, мне пора на станцию», — «Хорошо, дорогой, успешного тебе дня в конторе» — предполагает целый мир, наполняющий смыслом эти предложения, которые, в свою очередь, подкрепляют субъективную реальность мира. По словам авторов, разговор четко очерчивает контуры ранее расплывчато и неясно понимаемых предметов. Можно, например, иметь сомнения относительно чего-то, но эти сомнения обретают совсем иную реальность в ходе их обсуждения. В процессе разговора сомнения объективизируются как реальность даже в рамках собственного сознания. По словам авторов, язык объективизирует мир, а объективизации языка становятся во время общения объектами индивидуального сознания. Все люди, использующие общий язык, поддерживают общую реальность.

Л. Витгенштейн (1994, с. 343) пишет, что, еще будучи детьми, мы узнаем разные факты и принимаем их на веру. Например, что каждый человек имеет мозг. Что Австралия имеет такую-то форму. Что у нас были пра-родители. Что люди, считающие себя нашими родителями, действительно являются ими и т. д. Эта наша вера не обязательно должна быть ясно выражена. Даже сама мысль, что дело обстоит именно так, может никогда и не прийти нам в голову. Будучи детьми, мы учились благодаря тому, что верили взрослым. Сомнения приходят после веры. Автор задает вопрос: почему мы считаем в общем истинным то, что входит в учебники? И объясняет этот факт тем, что все эти факты подтверждались многократно.

Могут лишь добавить, что ребенок интериоризирует представления своего общества о мире в качестве безальтернативной версии окружающей его реальности, так как интериоризируемое им знание представляет собой совокупность общепринятых истин относительно окружающего мира.

Вербальные конструкции не просто регулируют поведение людей в реальности, но создают особые области реальности и сами новые формы поведения человека в них. Такими конструируемыми людьми с нуля областями реальности являются, например, все игры людей, в том числе спорт. Футбольные или хоккейные правила, к примеру, не просто регулируют соответствующую игру, но создают саму возможность данной человеческой деятельности, формируя особые формы человеческой реальности.

Итак, роль ОНР в жизни каждого человека не менее важна для него, чем роль «реальности в себе». И если «реальность в себе» определяет возможности его биологического выживания, то ОНР делает из него человека разумного.

Тезисы для обсуждения

1. Овладевая родным языком, ребенок усваивает понятия и вербальные конструкции своего общества и приобретает глобальную вербальную репрезентацию окружающего мира, созданную обществом. Вербальные концепты и другие конструкции, интериоризируемые ребенком, буквально формируют в его сознании огромную часть окружающего мира, множество объектов, событий, структур и других сущностей.
2. Без ОПР была бы невозможна трансформация сознания ребенка в полноценное сознание взрослого человека, легко оперирующего понятиями и вербальными конструкциями, то есть был бы невозможен переход с уровня чувственного репрезентирования на уровень символического репрезентирования. С момента рождения и до смерти человека ОПР участвует в формировании его психики. Она создает человека, принадлежащего к конкретному обществу.
3. ОПР оказывает на каждого члена общества влияние, определяющее его поведение и жизнь, независимо от того, разделяет он доминирующие в обществе идеи или нет и что думает по поводу этих идей и обусловленных ими действий окружающих.

Вместо заключения. Что же все-таки такое объективная психическая реальность?

Трудно даже предложить однозначное определение понятия *объективная психическая реальность* в силу огромной сложности и многомерности репрезентируемой им сущности. В любом случае ОНР следует рассматривать с разных сторон и в разных аспектах. Во-первых, это созданная конкретным обществом за время своего существования всеохватывающая преимущественно вербальная репрезентация окружающего мира, или глобальная антропоморфная, по большей части описательная картина мира. Во-вторых, это сам мир, своеобразная психофизическая среда, в которой живет каждый член общества. В-третьих, ОНР можно рассматривать как то, что репрезентируется сходными вербальными психическими феноменами, присутствующими в сознании множества живущих сейчас людей. В-четвертых, ОНР почти не зависит от конкретного человека, хотя он и может что-то изменить в ней на протяжении собственной жизни. В-пятых, ОНР — это некая сущность, наличие которой каждый человек должен учитывать и с которой вынужден взаимодействовать. В-шестых... Этот список можно продолжать, но правильнее перейти к конкретному рассмотрению ее структур, элементов, свойств, взаимоотношений и взаимодействий с другими реальностями и с человеком.

Что есть ОНР?

Р. Пенроуз (2007, с. 850) приводит утверждение физиков, что вопрос «Что есть реальность?» вообще поставлен неправильно и следует спрашивать: «Как реальность проявляется?»

Думаю, что по аналогии вопрос *Что есть ОНР?* лучше вообще заменить несколькими вопросами: 1. *Из репрезентаций чего складывается ОНР?* 2. *Как соотносятся «реальность в себе», ОНР, воспринимаемый предметный физический мир и окружающий мир?* 3. *Какие психические феномены*

участвуют в формировании ОПП? 4. Где локализуется ОПП и ее сущности? 5. Относятся ли конструкции языка и многочисленные носители информации к ОПП? 6. Как сформировалась ОПП? 7. Можно ли считать ОПП своего рода психической средой, окружающей человека? 8. Не обозначает ли понятие ОПП психический конструкт? 9. Применимы ли к вербальным психическим конструкциям, участвующим в формировании ОПП, понятия истина и ложь? 10. Различается ли ОПП разных обществ современного мира? 11. Какое определение можно было бы дать ОПП?

Начнем по порядку.

1. *Из репрезентаций чего складывается ОПП?*

ОПП включает в себя огромную часть физического мира, мир социальный и даже представления людей о мире индивидуального сознания.

Часть ОПП, относящаяся к физическому миру, включает в себя не только недоступный или почти недоступный восприятию физический мир, мир, по большей части формируемый наукой и малодоступный обычному человеку в силу своей специфики, но и огромную часть доступного восприятию предметного мира. ОПП дополняет и как бы достраивает уже репрезентированный человеком чувственно предметный физический мир и раскрывает постигаемые лишь с помощью мышления связи, отношения и взаимовлияния разных частей предметного мира. ОПП представлена также и теми сторонами и аспектами физического предметного мира, которые раскрываются только при анализе изменений, выявляемых в нем за периоды времени или, например, только при абстрагировании отдельных элементов его предметов и явлений. Отдельной областью ОПП является социальная реальность. Ее формируют психические конструкции, присутствующие в сознании всех членов общества и создающие у всех людей общие представления о структуре общества, социальных сущностях разного рода, их свойствах, отношениях и изменениях. Например, о разных видах человеческой общности (семья, племя, этнос), о структуре, функциях и формах деятельности самых разных социальных институтов: экономических, политических и духовных.

Психические конструкции, присутствующие в сознании всех членов общества и репрезентирующие сущности ОПП, обеспечивают единообразное поведение людей, обусловленное всеобщей уверенностью в несомненном наличии в окружающем мире данных сущностей. В свою очередь, само сходное поведение членов общества выступает в качестве материального фактора, образующего социальную реальность и поддерживающего всеобщую уверенность в ее

несомненном наличии, независимо от содержания сознания конкретных людей.

Важное место в ОПР занимают идеи людей о содержании человеческого сознания, рефлекслируемого человеком. Например, человеческие представления о собственных психических феноменах, процессах и состояниях, одни из которых доступны интроспекции, например ментальные образы и ощущения, а другие являются лишь гипотетическими сущностями, возможно, присутствующими в психике, например воля. Третьи представляют собой конструкты исследователей, обозначаемые, например, понятием *бессознательное психическое*¹.

Таким образом, ОПР — это представления общества о микромире и Космосе, физических полях и их взаимодействиях, межчеловеческих контактах и общественных отношениях, человеческой психике и поведении, это человеческие законы и традиции, мифы и верования, установления и заблуждения. Это, наконец, самые разные интерпретации чувственных репрезентаций доступной восприятию «реальности в себе».

2. *Как соотносятся «реальность в себе», ОПР, воспринимаемый предметный физический мир² и окружающий мир?*

«Реальность в себе» независима от человека, и мы ничего не можем сказать о ней, кроме того, что она дана нам лишь в виде наших же психических репрезентаций, которые не изоморфны ей. **ОПР является вербальной репрезентацией «реальности в себе» и человека в ней, которую общество сформировало за время своего существования. И эта репрезентация существует в сознании всех его членов. Она предстает перед индивидуумом в результате его взаимодействия с сознанием множества окружающих его людей, живых и уже ушедших.**

ОПР почти независима от конкретного человека, но полностью зависит от человеческого общества в целом и не существует вне общества. **И «реальность в себе», и ОПР пребывают вне сознания конкретного субъекта и окружают его с момента рождения. То есть обе эти сущности внешние по отношению к конкретному человеку, хотя их глобальные репрезентации присутствуют в его сознании в виде его личных копий «реальности в себе» и ОПР общества, в котором он живет.** Существование сходного психического содержания в множе-

¹ Подробнее об этом см.: С. Э. Поляков, 2004, с. 325–372.

² «Воспринимаемым предметным физическим миром» я называю совокупность чувственных репрезентаций, в виде которых человеку дана «реальность в себе».

стве конкретных сознаний делает ОНР объективной и независимой от конкретного индивидуума.

Возникает естественный вопрос: *как ОНР может быть внешней по отношению к конкретному человеку, если она же существует в сознании всех членов общества, а следовательно, и в его собственном сознании?*

Дело в том, что, с одной стороны, ОНР активно влияет на формирование индивидуальной картины мира в сознании каждого члена общества, и в его сознании постепенно возникает нечто вроде индивидуальной копии ОНР общества. С другой стороны, постоянно образующиеся индивидуальные представления новых поколений людей, составляющих общество о мире, участвуют в формировании новой ОНР общества. Следовательно, каждого человека окружает внешняя для него ОНР, но содержание его собственного сознания тоже участвует в формировании ОНР.

Собственные уникальные чувственные репрезентации «реальности в себе» тесно переплетаются в сознании человека с ее же вербальными репрезентациями, интериоризированными им в процессе коммуникации с окружающими. В свою очередь, вербальные репрезентации часто иллюстрируются чувственно, поэтому ОНР расценивается здравым смыслом в качестве доступной восприятию, само собой разумеющейся, независимой от человека, объективной и столь же достоверной для него реальности, как непосредственно воспринимаемая им «реальность в себе».

Воспринимаемый предметный физический мир представляет собой индивидуальную чувственную репрезентацию «реальности в себе», возникающую в сознании человека в форме совокупности образов восприятия, воспоминания и представления. Этот воспринимаемый, вспоминаемый и представляемый мир вместе с индивидуальной копией ОНР формирует в сознании человека глобальную психическую репрезентацию реальности, или окружающий мир.

Таким образом, окружающий мир, или целостная глобальная репрезентация «реальности в себе», складывается для человека из создаваемых его собственным сознанием образов восприятия, воспоминания и представления предметов, явлений и других сущностей физического мира и из усвоенных им в готовом виде понятий и вербальных конструкций, репрезентирующих те же самые предметы и явления и прочие сущности «реальности в себе», как непосредственно воспринимаемой им, так и недоступной его восприятию.

Если воспринимаемый мир можно назвать миром предметным, видимым, ощущаемым, доступным человеку непосредственно и понимаемым им даже на чувственном уровне, то индивидуальная копия

ОПР — мир вербальных репрезентаций в том числе тех же предметов и явлений, их свойств и связей, отношений и изменений и других сущностей, конституированных и сконструированных сознанием предков и современников. Это мир знаемый, предоставляемый человеку другими людьми, передаваемый ему ими, наследуемый и понимаемый им на вербальном, то есть разумном специфически человеческом уровне.

Мне могут возразить, что ОПР мы тоже воспринимаем, например слышим речь окружающих, видим слова, написанные на бумаге, и т. д. Однако в том-то и дело, что мы воспринимаем не ОПР, а символы, которые актуализируют свое значение лишь в нашем сознании. И только в нем появляются и начинают действовать сущности ОПР.

Итак, **ОПР — созданная обществом репрезентация «реальности в себе», главная часть которой негенетически наследуется каждым новым членом общества. Воспринимаемый предметный физический мир — это индивидуальная чувственная репрезентация «реальности в себе», которая вместе с личной копией ОПР выстраивает в сознании человека глобальную репрезентацию «реальности в себе», или окружающий его мир¹.**

3. *Какие психические феномены участвуют в формировании ОПР?*

ОПР формируют главным образом вербальные репрезентации реальности, и без них она не существовала бы. Однако сейчас, когда средства коммуникации способны одновременно легко донести визуальный ряд практически до каждого человека, чувственные репрезентации начинают играть гораздо более активное участие в формировании ОПР. Сотни миллионов людей одновременно наблюдают, например, за создаваемой телекомпанией и подаваемой ею в качестве

¹ Феноменологически целостная глобальная репрезентация «реальности в себе», возникающая в индивидуальном сознании в качестве окружающего мира, включает в себя и индивидуальные образы восприятия непосредственно доступной восприятию сейчас «реальности в себе» (мир воспринимаемый), и индивидуальные образы воспоминания и представления ранее воспринятой человеком «реальности в себе» (мир, воспринятый ранее), и интериоризированную человеком часть ОПР — преимущественно вербальные и смешанные конструкции, достраивающие «реальность в себе», доступную, малодоступную или даже вообще недоступную восприятию (мир интериоризированный). Соответственно, огромная часть того, что принято называть окружающим миром, представлена в человеческом сознании вербальными репрезентациями, которые он интериоризировал в готовом виде. Думаю, поэтому Э. Шредингер (2005, с. 96), например, указывает, что лишь ничтожная часть того, что каждый из нас называет своей картиной мира, восходит к нашему собственному чувственному опыту. Несравнимо большая часть восходит к чужому опыту и сообщениям, причем львиная ее доля приходится не на сообщения живых людей, а на «законсервированные» в рукописях и книгах языковые сообщения. Я полагаю, что данное утверждение автора верно в отношении того, что относится к нашим знаниям о мире.

реальности картинкой с места военных действий на Ближнем Востоке или выборов в США. Миллионы людей смотрят так называемые документальные фильмы, созданные конкретными группами людей. Все это хранится на материальных носителях и в любое время может быть предъявлено тем же и другим людям. Следовательно, мы должны говорить уже о том, что ОНР формируют не только вербальные, но и смешанные психические конструкции.

Итак, в формировании ОНР участвует множество присутствующих в сознании всех членов общества сходных вербальных и смешанных психических конструкций, которые, как представляется людям, достоверно репрезентируют окружающий мир, его структуру, свойства и изменения.

4. Где локализуется ОНР и ее сущности?

Это не такой простой вопрос, как может показаться на первый взгляд. Очевидно, что ОНР находится в сознании. Но в сознании множества людей. К тому же **ОНР не существует где-то целиком и сразу. Она как бы складывается из множества фрагментов, которые формирует сходное объективное психическое содержание¹ сознания всех членов общества.** Эти фрагменты являются индивидуальными, но сходными репрезентациями огромной области окружающего мира, присутствующими в сознании множества конкретных людей. Такие сходные репрезентации бесчисленное количество раз и с вариациями повторяются в сознании людей, создавая в итоге то, что, собственно, и превращается в ОНР для конкретного человека. Метафорически это можно сравнить с множеством зеркал, отражающихся в каждом отдельном зеркале, которое само входит в данное множество.

Одной из важнейших сущностей ОНР является сходное поведение всех членов общества, воспринимаемое каждым человеком как ма-

¹ Что такое объективное психическое содержание человеческого сознания?

В сознании всех членов общества присутствует множество сходных, преимущественно вербальных психических конструкций, участвующих в формировании ОНР, которые были интериоризированы ими из сознания других людей, в том числе давно ушедших. Эти конструкции составляют существенную часть психического содержания любого индивидуального сознания. Они рассматриваются всеми как достоверные репрезентации окружающего мира и практически не зависят от конкретных индивидуумов, поэтому их можно назвать не только общим психическим содержанием сознания членов общества, но и объективным психическим содержанием их сознания. Таким образом, объективное психическое содержание индивидуального сознания — это множество преимущественно вербальных психических конструкций, которые в более или менее сходном виде присутствуют в сознании большинства членов общества и играют основную роль в формировании его ОНР.

териальный внешний фактор окружающего предметного мира. Эта часть ОПР, естественно, локализуется для человека вовне, хотя и репрезентируется его сознанием.

ОПР складывается из двух важнейших составляющих — наличия в сознании всех членов общества сходных психических репрезентаций окружающего мира и сходного поведения людей в нем, обусловленного этими репрезентациями. Если первая часть недоступна восприятию, то вторая, наоборот, доступна восприятию каждого человека.

Сущности ОПР конституированы и сконструированы сознанием множества людей и, естественно, локализируются в нем. Это, впрочем, не мешает им находиться вне человеческого тела. В психологии до сих пор не определено, где локализованы само пространство сознания и психические явления, как соотносятся воспринимаемое, воображаемое и вспоминаемое пространство окружающего мира и что следует считать пространством внутренним, а что — внешним.

В литературе часто пишут о так называемом «интерсубъектном пространстве», окружающем людей. Можно сказать, что ОПР и ее сущности присутствуют в этом интерсубъектном пространстве. Однако я уже писал, что ОПР создается сознанием людей и существует в нем. Следовательно, интерсубъектное пространство само существует лишь в сознании людей. Это кажущееся противоречие тут же исчезает, как только мы вспомним, что пространство сознания до сих пор не локализовано. Оно может быть и внутренним (по отношению к телу), и внешним, и не имеющим локализации. То, что воспринимаемый нами предметный физический мир существует для нас во внешнем по отношению к нашему телу пространстве, не мешает ему одновременно представлять собой репрезентации нашего же сознания.

Итак, сущности ОПР создаются сознанием людей, но располагаются им (за исключением сущностей самого сознания, например психических феноменов) чаще во внешнем по отношению к человеческому телу пространстве или вовсе не имеют локализации. Нельзя забывать и о том, что ОПР развернута во времени, то есть многие ее сущности относятся к прошлому и будущему и пребывают в воображаемом пространстве, которое просто невозможно локализовать.

5. *Относятся ли конструкции языка и многочисленные носители информации¹ к ОПР?*

¹ Об определении информации см. с. 15.

Рассмотрим конкретный пример: в правительственной газете напечатали новый закон о введении платных парковок в городе. Закон сразу стал для людей, прочитавших газету, вербальным описанием новой социальной реальности, то есть частью ОНР. ОНР существует только в сознании человека, и лишь сознание способно интериоризировать языковые конструкции, то есть трансформировать их в собственные вербальные психические конструкции.

Языковые конструкции не относятся к ОНР и не формируют ее, но они легко трансформируются в сознании людей в вербальные конструкции, которые могут участвовать в формировании ОНР. В свою очередь психические конструкции, формирующие ОНР, потенциально способны экстериоризоваться в форме конструкций языка и передаваться затем от человека к человеку, распространяясь в сознании многих членов общества. Интериоризируясь новыми членами общества, такие языковые конструкции вновь трансформируются в их сознании в вербальные психические конструкции.

Конструкции языка играют поэтому важнейшую роль в распространении вербальных конструкций. Материальные носители, содержащие знаки разного рода, в том числе языковые конструкции, тоже являются всего лишь носителями знаков, которые должны быть восприняты и интерпретированы сознанием, способным понять эти знаки для того, чтобы превратиться в нем в репрезентации окружающей реальности. Даже звуки речи людей, которые слышит человек, — это не ОНР, а только необходимая для ее появления предпосылка.

Нельзя жить в обществе и не взаимодействовать с окружающими людьми тем или иным образом. Не обязательно даже пользоваться для этого обычным языком. Для погружения в ОНР своего общества подходит любой язык, например жестовый язык глухонемых. Даже слепоглухонемые люди (см.: О. И. Скороходова, 1990) благодаря сохраненной тактильной чувствительности взаимодействуют с окружающими и способны освоить дактильную речь и специфический письменный язык, основанный, например, на алфавите Брайля, благодаря чему у них появляется доступ к ОНР.

Итак, самой **ОНР нет ни в устной речи, ни в текстах, ни в иных знаках, ни тем более в их носителях.** Участвующие в формировании ОНР вербальные психические феномены присутствуют только в сознании. Знаки и их носители бесполезны без человеческого сознания, не способного воспринять и понять их, то есть трансформировать знаки в понятные сознанию психические феномены. Значение знаков раскрывается лишь в подготовленном сознании и только в форме психических феноменов. Любые носители потенциально доступного людям психического содержания являются лишь искус-

ственными материальными объектами и не способны сами по себе актуализировать специфическое психическое содержание в сознании даже воспринимающего знаки, но неподготовленного человека.

Тем не менее материальные носители информации способствуют распространению вербальных конструкций, участвующих в формировании ОПР. И если субъект овладел уже языком, предложения которого записаны на материальных носителях, то знакомство с информацией, хранящейся на этих носителях, эквивалентно для него общению с окружающими людьми и позволяет ему интериоризировать соответствующие вербальные конструкции.

Таким образом, **ОПР — это совокупное представление общества об окружающем мире, существующее лишь в сознании его членов, но как бы присутствующее в потенциально доступном для подготовленного сознания виде в форме разного рода знаков, созданных когда-то людьми и хранящихся на материальных носителях информации.**

6. Как сформировалась ОПР?

ОПР начала формироваться на этапе возникновения человеческого языка и появления в результате этого в сознании людей, составлявших архаичное общество, сходного вербального психического содержания, потенциально доступного передаче от человека к человеку. Потенциальная доступность такого психического содержания всем, в том числе новым членам общества, обеспечивает его объективность для индивида, то есть почти полную независимость от конкретного человека.

Сходное поведение большинства членов сообщества, которое воспринимает, а со временем и начинает понимать индивид, тоже участвует в формировании ОПР. Но одного его недостаточно для формирования ОПР. Об этом свидетельствует, например, опыт наблюдения за сообществами животных. Детеныши даже учатся у взрослых особей адекватному поведению. Но в стае нет полноценного символического общения, так как нет развитого языка. Соответственно, невозможно накопление символических конструкций в сознании членов сообщества и их негенетическое наследование, поэтому ОПР не формируется.

Для появления ОПР необходимо наличие символического мышления и развитого языка, позволяющего членам сообщества осуществлять коммуникацию между собой, так как именно в процессе общения человек интериоризирует языковые конструкции, передающие ему содержание сознания других людей и участвующие в формировании их

общей ОНР. Наблюдение за поведением окружающих убеждает индивида в правильности приобретенных им в результате общения с членами своего общества представлений об окружающем мире.

П. Бергер и Т. Лукман указывают (1995, с. 113), что лишь небольшая часть человеческого опыта сохраняется, да и то лишь тогда, когда она объективизирована в какой-то знаковой системе. То есть лишь тогда, когда возникает возможность повторного обращения людей к общему опыту и когда этот опыт можно передавать от одного поколения другому, от одной общности — другой. По мнению авторов (там же), практически невозможна передача другим поколениям общих форм деятельности, не выраженных в знаковой системе. Знаковая система придает анонимность передаваемому опыту, отделяя его от индивидуальных биографий и делая общедоступным для всех, кто владеет или может овладеть в будущем данной знаковой системой. Таким образом, этот опыт становится пригодным к передаче другим поколениям.

С мнением авторов о невозможности передачи новым поколениям общих форм деятельности, не выраженных в форме слов, можно поспорить, так как широко распространено, например, обучение по принципу: «Делай как я!». К тому же даже у животных наблюдается обучение в процессе наблюдения за действиями других особей. Более того, возможно даже межвидовое обучение. Например, вороны и приматы подсматривают за поведением людей, а потом повторяют их действия. Но, безусловно, для того, чтобы превратиться в нечто доступное надежному негенетическому наследованию, знание о реальности должно быть вербализовано. После этого вербальные конструкции должны трансформироваться в конструкции языковые, то есть фразы и предложения. Только языковые конструкции доступны передаче между людьми, что и обеспечивает негенетическое наследование потенциально содержащейся в них вербальной информации о реальности.

ОНР непрерывно изменяется в результате создания членами общества новых репрезентирующих окружающую реальность вербальных конструкций и их последующей трансформации в конструкции языковые — мнения, гипотезы, теории, фантазии и т. д. Если общество признает их полезными, то они распространяются среди людей, интегрируются ими и становятся частью ОНР, а затем негенетически наследуются.

7. Можно ли считать ОНР своего рода психической средой, окружающей человека?

Я уже писал выше, что в процессе социализации каждый человек интегрирует из речи окружающих людей множество вербальных кон-

струкций, участвующих в формировании ОНР. И в его собственном сознании со временем возникает нечто вроде его личной копии ОНР общества, в котором человек живет. Эта копия изоморфна ОНР и, говоря метафорически, в буквальном смысле как зеркало отражает ее.

ОНР является для конкретного человека чем-то вроде специфической психической среды, создаваемой сознанием людей, среди которых он живет. Однако важной частью ОНР является поведение окружающих человека людей, а это вполне материальный фактор. Следовательно, если говорить об ОНР как о среде, то это не психическая, а психофизическая¹ среда. Возвращаясь опять к метафорам, можно сказать, что эта среда играет для индивидуального сознания роль, сходную с ролью воздушной среды для живого организма. Без нее невозможно формирование человеческого сознания и его нормальное функционирование.

Формирующаяся в индивидуальном сознании копия ОНР данного общества в конечном счете сама включается в общую ОНР. Получается, что **ОНР, с одной стороны, создает в сознании конкретного человека нечто вроде своего нового фрагмента. С другой стороны, данный фрагмент со временем превращается для взаимодействующих с человеком людей в маленькую часть окружающей их ОНР.**

8. *Не обозначает ли понятие ОНР психический конструкт?*

Сущность, обозначаемая понятием *ОНР*, сходна с сущностями, обозначаемыми такими понятиями, как *природа, общество, мир, Вселенная, язык, литература, наука* и т. п. Ни одну из них человек не может увидеть сразу и в целом. Он всегда имеет дело лишь с какой-то частью любой из этих сущностей. ОНР — сущность даже более трудная для наблюдения и понимания. Формирование сознанием сущности, обозначаемой понятием *ОНР*, а также создание таких сущностей, как *природа* или *наука*, является результатом выполнения сознанием особой интеллектуальной процедуры.

В случае ОНР это мысленная «экстракция» из сознания множества людей сходных, преимущественно вербальных репрезентаций «реальности в себе» и объединение их всех в новую сущность — всеобъемлющую репрезентацию этой реальности, выстраиваемую целым обществом. Следовательно, сущность, обозначаемую понятием *ОНР*, действительно

¹ Здесь мы опять сталкиваемся с неприемлемыми для нас ограничениями, в которые нас помещает дуалистическая парадигма — либо психическая, либо физическая реальность. Между тем, сама ОНР — это и психические репрезентации реальности, и физическое поведение окружающих нас людей, хотя и репрезентируемое нами в нашей психике. Такая же неоднозначность возникает в отношении языковых конструкций, которые, с одной стороны, как я писал выше, не ОНР, но с другой стороны, имеют к ней самое прямое отношение.

можно назвать умозрительной. Но природа, наука или литература ничуть не менее умозрительные сущности, однако никто не высказывает сомнений в их реальности и не считает их конструктами.

Все перечисленные сущности, несомненно, имеют референты в реальности. ОНР же не просто имеет референты в реальности. Она сама и есть реальность для каждого человека. Более того, она образуется из индивидуальных фрагментов, присутствующих в сознании каждого человека. Причем она не просто представлена в сознании людей. Она оказывает определяющее влияние на развитие любого индивидуального сознания, воздействует на поведение людей, включает в себя это поведение и в конечном счете определяет жизнь каждого человека.

Очевидно, что ОНР нет в окружающем мире в виде некоего предмета или явления, доступного восприятию. Но с ОНР можно взаимодействовать. От нее зависит жизнь человека и ее нельзя проигнорировать, поэтому у нас **есть все основания не считать концепт, репрезентирующий ОНР, конструктом.**

9. *Применимы ли к вербальным конструкциям, участвующим в формировании ОНР, понятия истина и ложь?*

К вербальным конструкциям, участвующим в формировании ОНР и моделирующим чувственные репрезентации «реальности в себе», термины «истина» и «ложь» применимы. Чтобы быть истинными, такие вербальные репрезентации элементов «реальности в себе» должны по крайней мере соответствовать чувственным репрезентациям тех же ее элементов. К вербальным конструкциям, представляющим нам «реальность в себе», недоступную восприятию, или новую искусственную реальность, которую люди только пытаются построить, то есть создают с нуля, эти понятия неприменимы. Подобные конструкции могут быть только эффективными и полезными или неэффективными и бесполезными. Многие вербальные конструкции, участвующие в формировании ОНР, вообще регулируют поведение людей, а потому также не могут быть ни истинными, ни ложными.

Итак, понятия истина и ложь могут быть применены только к некоторым вербальным конструкциям, участвующим в формировании ОНР.

10. *Различается ли ОНР разных обществ современного мира?*

Существует столько же вариантов ОНР, сколько имеется человеческих обществ. Их количество соответствует как минимум количеству языков. Впрочем, в последние 100 лет в результате процесса глобализации набирает скорость образование глобальной ОНР на

базе английского языка и европейской культуры. Тем не менее даже в Европейском союзе сейчас по-прежнему существуют разные этнические варианты ОПР. Что уж говорить о различиях ОПР, которые существуют, например, между Западной Европой и Северной Кореей, Индией и Россией, Китаем и США. Окружающий мир репрезентируется в этих ОПР, то есть «видится», трактуется и оценивается людьми, принадлежащими к разным обществам, во многом по-разному.

Ж. Бодрийяра (2000, с. 169) удивляет, например, то, что в Америке не существует никакой заслуги в неподчинении закону, нет престижа в нарушении закона или в несогласии с ним, тогда как в Европе широко распространено чуть ли не ритуальное неподчинение собственной системе ценностей. Автор рассматривает это как следствие пакта, заключенного на уровне нравов, как следствие наличия совокупности правил и норм, предполагающих в качестве принципа функционирования общества добровольное согласие его членов.

Кстати, в России, по-видимому, даже больше, чем в Европе, распространено игнорирование собственных законов. П. А. Вяземский (1963, с. 24) еще в начале XIX в. писал, ссылаясь на других авторов, что от дурных мер, принимаемых правительством, есть одно спасение — дурное их исполнение.

Мне представляется, что тотальное неприятие законов населением России обусловлено тем, что российское общество воспринимает их как нечто навязанное ему сверху, а не принятое им в результате добровольного и сознательного выбора народа.

Народы живут в разных ОПР, и нас — людей, принадлежащих к разным культурам, окружают разные психические миры, создаваемые этими культурами. Точнее, мы живем в мире, по-разному репрезентируемом каждым из наших обществ.

11. *Какое определение можно было бы дать ОПР?*

ОПР можно дать следующее обобщающее определение. **Объективная психическая реальность — это: 1) доступная сразу всем людям и почти независимая от конкретного человека, созданная сознанием и в сознании же людей, всеобъемлющая, существующая во времени, то есть охватывающая сразу прошлое, настоящее и будущее, антропоморфная психическая репрезентация «реальности в себе», выстроенная множеством поколений людей, живших до нас, и непрерывно корректируемая нашими современниками, сформированная преимущественно вербальными конструкциями, присутствующими в сознании всех членов общества, и постоянно подтверждаемая**

их сходным поведением, обусловленным их непоколебимой верой в факт наличия ее сущностей; 2) огромная часть того, что конкретное общество считает на данный момент своего развития окружающей реальностью, включая значительную часть предметного физического мира, всю социальную реальность и представления общества об индивидуальном психическом мире человека; 3) создаваемая сознанием всех членов общества и их поведением психофизическая среда, в которой живет каждый человек, совершенно необходимая для формирования и нормального функционирования его сознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечание 1

Х. Шиффман, например, пишет: «Мы живем в мире предметов и событий и ощущаем их присутствие без напряжения» (2003, с. 22). «...Наше осознание физической реальности — окружающих нас объектов и происходящих событий — представляется нам столь осязаемым, конкретным и реальным, что мы обычно верим в то, что мир должен существовать именно в том виде, в каком мы его воспринимаем, либо в крайнем случае в то, что наше восприятие лишь немного не соответствует реальности. Однако сколь велико в действительности соответствие физического мира субъективному, внутреннему миру, созданному нашими ощущениями?» (с. 23).

М. Вартофский полагает, что «объект перцепции представляется реальным объектом — пространственно-временным материальным объектом или процессом, который мы воспринимаем» (1988, с. 18).

Дж. Гибсон тоже уверен, что «мы живем не в “пространстве”, а в окружающем мире, который состоит из более или менее телесно оформленного вещества, воздушной среды и поверхностей, отделяющих вещества от среды» (1988, с. 65).

Автор полагает (с. 75), что объект — это просто устойчивое вещество с замкнутой или почти замкнутой поверхностью. Он может быть изолированным или прикрепленным. Объекты всегда конкретны, а не абстрактны. Свойства позволяют отличать один объект от другого.

И все же большинство авторов зарубежных учебников высказываются более осторожно или предпочитают вообще не касаться общих, тем более философских, вопросов, концентрируя внимание исключительно на проблемах своей области. Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг, например, пишут более чем кратко: «Основная функция восприятия — помогать организму постигать внешний мир таким, каков он есть на самом деле» (2001, с. 294).

А. Ребер замечает в своем словаре: «Конечно, в мире существуют вещи, которые являются стульями, но понятие стула “находится в голове”, а не во внешнем мире. ...Для того чтобы понятие “оказалось в голове”, должен иметься комплекс объектов, наделенных свойствами, которые в конечном счете представлены когнитивно» (2000а, с. 81).

В «Большом психологическом словаре» Б. Г. Мещерякова и В. П. Зинченко читаем: «...восприятие... субъективный образ предмета, явления или процесса, непосредственно воздействующего на анализатор или систему анализаторов (употребляются также термины “образ восприятия”, “перцептивный образ”)» (2009, с. 83). «Образ восприятия (синоним “перцептивный образ, перцепт”) — отражение в идеальном плане внешнего объекта (сцены), воздействующего на органы чувств» (с. 342).

О том же пишет И. М. Кондаков в «Психологическом иллюстрированном словаре»: «Образ восприятия — субъективная представленность предметов окружающего мира или их свойств» (2007, с. 389); «восприятие — отражение целостного предмета, непосредственно воздействующего на анализаторы...» (с. 107).

В. В. Нуркова и Н. Б. Березанская уверены, что «окружающий мир по своей природе предметен...» (2005, с. 239).

В. А. Иванников считает, что «когда мы говорим об образах вещей, то должны признать их как верное, хотя и неполное отражение реальных объектов» (2010, с. 38). «...Мы с вами воспринимаем реально существующие объекты, занимающие данное место в пространстве в момент восприятия и находящиеся в каких-то взаимоотношениях с другими объектами нашего поля действия, то есть открывающегося нам предметного пространства, в котором мы действуем» (с. 43). «Объекты науки существуют реально (часто говорят: объективно) и доступны либо прямому наблюдению, либо наблюдению с помощью приборов, либо через регистрацию наблюдаемых следов их взаимодействия с другими объектами» (с. 322).

Л. В. Максимов (2008, с. 173–174) отмечает, что отечественная психология советского периода (да и современная тоже) безоговорочно приняла «теорию отражения» в качестве мировоззренческого и методологического базиса психологического исследования. Практически все дефиниции психики и ее элементов, приводимые в изданных в этот период научных трудах, словарях и учебниках, так или иначе отдают дань этой теории.

С. В. Воронин пишет: «В философии данный принцип (принцип отражения. — *Авт.*) представляет собою важнейшую составную часть материалистической теории познания, исходящей из признания первичности внешнего мира и воспроизведения его в сознании, мышлении человека. ...Категория отражения и сам принцип отражения весьма полно исследованы как в общепhilософском плане, так и в плане многих конкретных наук (таких, например, как биология, психология, семиотика)» (2004, с. 116–117).

Действительно, я помню, как еще совсем недавно принималось как аксиома, что сознание «копирует», «отражает» окружающий нас мир. По крайней мере, каких-то 40 лет назад, когда я учился в институте, мы усиленно изучали ленинскую «теорию отражения». Теперь чаще вслух от нее отказываются, хотя немало исследователей в своих работах по-прежнему высказывают сходные мысли. Б. А. Сосновский, например, пишет в 2005 г. в учебнике по психологии: «С помощью мышления человек переходит от непосредственного отражения единичных предметов или явлений действительности к ее опосредствованному отражению. ...Слово, таким образом, стало средством обобщенного отражения основных свойств объектов. ...Мышление — это высший уровень психической, познавательной деятельности человека, в процессе которой происходит обобщенное опосредствованное речью и прошлым опытом отражение действительности в ее существенных связях и отношениях» (2005, с. 206).

И этот автор далеко не одинок. В. В. Нуркова и Н. Б. Березанская, например, тоже пишут в своем учебнике психологии: «...ощущение — это психическое отражение изолированных свойств предметов объективного мира, возникающее при их непосредственном воздействии на органы чувств» (2005, с. 240). «Восприятие (перцепция) — это целостное отражение предметов, ситуаций и событий, возникающее при непосредственном воздействии адекватных физических раздражителей на органы чувств» (с. 259).

В. А. Иванников полагает, что «понимание психики как одной из форм отражения позволяет говорить, что психика не появляется в мире неожиданно... но является одной из форм отражения и имеет свои аналоги в живом и неживом

мире (физическое и биологическое отражение). Психическое отражение можно рассматривать как трансформацию вторичных следов в субъективное переживание... Мы видим, что в основе психического отражения лежит первичное взаимодействие с окружающим миром, но для психического отражения нужна особая дополнительная активность живого существа по построению образов объектов в поле поведения субъекта» (2010, с. 32). «...Сознание ...обеспечивает новый уровень отражения мира...» (с. 132).

В «Большом психологическом словаре» читаем: «Отражение чувственное — субъективный познавательный процесс (а равно результат этого процесса), в котором объект познания выступает в чувственной форме, то есть в форме ощущений, восприятий, представлений. У человека отражение чувственное — психическая деятельность, направленная на образование адекватного объекту образа. Последний является результатом и формой отражения... Специфика человеческого отражения... проявляется в сознательном характере чувственных образов» (Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко, 2009, с. 363).

Теория отражения по-прежнему неплохо чувствует себя и в смежных с психологией науках. З. Д. Попова и И. А. Стернин, например, пишут: «Концепт и значение в равной мере представляют собой отражение действительности (объективной и субъективной). Оба явления — значение и концепт — когнитивной природы, оба представляют собой результат отражения и познания действительности сознанием человека» (2007, с. 92).

До сих пор в науке и, естественно, в психологии доминирует парадигма «объективной физической реальности», которую человеческое сознание если и не «отражает» и не «копирует», то которой «строго соответствует» в своих репрезентациях. Причем никто вразумительно не может объяснить, что означает словосочетание «строго соответствует». Просто подразумевается, что «строго соответствовать» означает «отображать» максимально точно предметный мир». Так, В. А. Иванников пишет: «...главным в психическом отражении является возможность открытия мира, существующего независимо от живого существа, которое обладает способностью или свойством психического отражения, то есть способностью формировать знание о мире. ...Психика как субъективный образ объективного мира всегда есть знание о мире (полное, адекватное или частичное и условное)» (2010, с. 35).

Более осторожная и адекватная точка зрения репрезентантизма предполагает, что мир не отражается, а репрезентируется. Но на вопрос о том, что означает соответствие репрезентаций репрезентируемому, тоже ответа не дает.

Многие отечественные исследователи по-прежнему склонны считать, что репрезентации существующих в физической реальности предметов не только в большей или меньшей степени соотносятся с ними, но и изоморфны им. О. Е. Баксанский пишет, например: «Образ... согласуется с оригиналом не во всех аспектах. Однако всегда сохраняется определенная частичная изоморфия. Если известен только образ, то можно попытаться выполнить обратное преобразование, то есть объяснить его на основе предположений о самом предмете... проецируемый предмет соответствует действительности (реальный мир)...» (2009, с. 166).

В. А. Иванников даже находит своеобразное решение вопроса о пространственном соотношении «физического предмета» и его психического образа: «Наши

образы оказываются слитыми с реальными предметами, занимающими свое место в пространстве нашего поведения. ...Некоторые исследователи задавали вопрос о механизмах проекции (выноса) образов, сформированных в мозге, на сам предмет, расположенный вне воспринимающего его субъекта. Теперь мы знаем, что образ всегда формируется в месте взаимодействия субъекта с объектом... (2010, с. 43).

Автор (с. 325) убедительно доказывает факт наличия образов восприятия, ссылаясь на то, что если мы наденем очки, сдвигающие образ стула в сторону, то сядем мимо стула. Хотя в норме наши образы всегда совпадают с объектами, поэтому мы всегда уверены, что имеем дело с реальными объектами.

В. А. Иванников излагает привычные для отечественной психологии соображения: в окружающем мире находится физический предмет, а в сознании — психический образ его восприятия. Тут, правда, сразу возникает «неувязка», с которой большинство исследователей, впрочем, легко мирятся. Она заключается в том, что, с одной стороны, физического предмета в соответствии, например, с представлениями И. Канта (вроде бы принятыми наукой) нет, а есть лишь некая «вещь в себе». С другой стороны, здравый смысл психологов убеждает их в наличии предмета в физическом мире. Сущности удваиваются?

Цитирование объективистских постулатов можно продолжать долго. Тем более что приведенные выше цитаты типичны для психологической и вообще научной литературы. Ничего нового и неожиданного в них нет. Напротив, все совершенно привычно и естественно: нас окружает физический мир, наполненный предметами, которые мы воспринимаем с помощью собственных психических репрезентаций. Не зря У. Матурана и Ф. Варела утверждают, что «мы стремимся жить в мире уверенности, несомненности, твердокаменных представлений: мы убеждены, что вещи таковы, какими мы их видим, и не существует альтернативы тому, что мы считаем истинным. Такова ситуация, с которой мы сталкиваемся изо дня в день, таково наше культурное состояние, присущий всем нам способ быть человеком» (2001, с. 13–14).

Примечание 2

Основоположником дуализма сознания и материи традиционно считается Р. Декарт. В качестве основополагающего им используется понятие *субстанция*. Р. Декарт (1994, с. 3–72) делит сущее на две разных субстанции: 1) неметрическую мыслящую (*res cogitans*) и 2) протяженную (*res extensa*) материальную. Коренным свойством (атрибутом) материи является, по его мнению, трехмерное протяжение, а свойством духовной субстанции — мышление. Будучи пассивной протяженной субстанцией, материя делима до бесконечности, заполняет все пространство и остается повсюду тождественной себе.

Понятие *материя* — одно из основных понятий античной, а затем и европейской философии. По словам Т. Ю. Бородай (Новая философская энциклопедия, 2001, с. 514) основными значениями этого понятия являются: 1) субстрат — то, из чего возникают и состоят вещи и Вселенная (Аристотель); 2) бесконечно делимый континуум — пространство (Платон), или протяжение (Декарт); 3) условие множественности (Платон, Аристотель, Прокл, Лейбниц); 4) вещество, или тело,

обладающее инертностью, то есть массой, и непроницаемостью, то есть упругостью или твердостью (античные стоики, новоевропейские материалисты). Материя исторически противопоставляется духу, разуму, сознанию. На этой оппозиции основывается противостояние материализма и идеализма.

Д. В. Пивоваров (Современный философский словарь, 1998, с. 473–475) выделяет сходные направления понимания материи в философии: «1) в субстанциальном аспекте — то беспредельное..., из чего возникают... любые определенности, вещи и качества; первичный хаос, бесформенный и безвидный; материнское начало мира; 2) в субстратном плане: а) либо предельно пластичное и элементарное строительное сырье, условно-наглядно сравнимое с глиной..., б) либо относительно элементарная и протяженная часть того или иного уровня мироздания (элементарные частицы, атомы, молекулы, белковые тела и пр.); 3) в феноменальном смысле — совокупность оформленных и пространственно ограниченных объектов, твердость, упругость, непроницаемость и сопротивляемость которых внешним воздействиям обнаруживается органами чувств субъекта и запечатлевается в восприятиях; объективная реальность, независимая от человеческого сознания и данная человеку в его внешних ощущениях; 4) в восточно-мистическом смысле — майя, источник иллюзии, видимости, средство маскировки абсолюта (Брахмана) от людей и иных существ» (там же, с. 473).

Автор отмечает (там же), что среди философов разных школ и направлений не достигнуто единогласия в трактовке понятия *материя*, что остается актуальной проблемой.

Л. И. Василенко (Краткий религиозно-философский словарь, 1996, с. 56) отмечает, что у Аристотеля материя — то, что способно обретать форму, возможность бытия; у Плотина — предел распада всякого бытия, его полного «распыления» до состояния, не поддающегося никакому положительному описанию; у Фомы Аквинского — «чистая потенция», которая нуждается в форме, чтобы давать вещам бытие.

Подобные философские определения сближают такое понимание материи с тем, что я называю «реальностью в себе». Кстати, отнюдь не все великие даже признавали существование материи. Так, по словам Т. Ю. Бородай (2001, с. 514) Дж. Локка (1985, кн. 3, с. 556–557), Дж. Беркли (1978, с. 149–247), Д. Юм (1996) и другие считают материю абстракцией.

С. А. Лебедев в своем словаре выделяет следующие основные значения термина «материя»: «1) любая объективная реальность ... все то, что находится вне человеческого сознания; 2) такая объективная реальность, которая принципиально может быть зафиксирована (отражена, дана) с помощью человеческих ощущений...; 3) объективный субстрат в виде вещества, то есть то, что обладает свойствами иметь химическую структуру, вес, протяженность, способность к превращениям, движению и т. д.; 4) содержание сознания, полученное в результате внешнего опыта, в ходе взаимодействия... с внешним миром, с миром «не-Я»; 5) физическая реальность, то есть аспект бытия, знание о котором может быть получено с помощью использования физических методов и средств познания» (2004). Автор подчеркивает (там же), что «каждое из этих значений термина “материя” одинаково закономерно, однако должно всегда оговариваться в конкретном контексте во избежание философской путаницы».

По словам Т. Ю. Бородай (2001, с. 514) научное понимание материи начинает складываться в XVII веке параллельно со становлением экспериментального естествознания как под влиянием философских представлений, так и ради нужд эксперимента. Автор пишет, что в современной физике не сохранилось ни одного из классических определений *материи*, и исследователи предпочитают обходить это ставшее неопределенным и темным понятие, заменяя его другими — *пространство-время, хаос, система* и т. д.

Перечисленные выше философские определения материи действительно сильно отличаются от представлений о материи в современной науке, которые «приземляют» материю, помещая ее в окружающий нас мир. Так, например, в Оксфордском словаре читаем: «Материя — физическое вещество, в отличие от психического и духовного; (в физике) то, что занимает пространство и обладает массой покоя...»¹.

Исследователями предлагается множество сходных определений, расширяющих или несколько сужающих понятие материя: «Материя — ... вещество; субстрат, субстанция; содержание»².

«Материя — 1. Объективная реальность, существующая вне и независимо от человеческого сознания. ... 2. Вещество, из которого состоят физические тела. ...»³.

«Материя — ... 1. Объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отображаемая им (филос.). ...Материя есть то, что, действуя на наши органы чувств, производит ощущение... (Толковый словарь русского языка, с. 160).

«Материя... — основное понятие физики, общий термин, определяющийся множеством всего содержимого пространства-времени и влияющее на его свойства»⁴.

«С точки зрения современной науки основные формы материи — это: 1) системы неживой природы (элементарные частицы и поля, атомы, молекулы, макроскопические тела, космические системы различных порядков); 2) биологические системы (вся биосфера, от микроорганизмов до человека); 3) социально организованные системы (человек, общество). Но материя не сводится только к этим формам, так как в бесконечном мире существуют и качественно иные виды материи как объективной реальности, например, кварки или другие возможные микрообъекты в структуре “элементарных” частиц» (Философский словарь, с. 317).

«Материя — это вся совокупность вещей, физических полей, а также других образований, имеющих субстрат (материал) из которого они состоят. Понятия “материя”, “материальный мир”, “космос”, “природа”, “объективное материальное бытие” условно считаются тождественными. Основные виды материи: вещество, поле, физический вакуум. К существенным свойствам материи относятся:

¹ Matter [Электронный ресурс]: English Oxford Living Dictionary. — Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/matter>.

² Материя [Электронный ресурс]: Большой энциклопедический словарь. — Режим доступа: <http://www.vedu.ru/bigencdic/37230>.

³ Материя [Электронный ресурс]: Словарь иностранных слов. — Режим доступа: <http://www.вокабула.рф/словари/словарь-иностранн-слов/материя>.

⁴ Материя [Электронный ресурс]: Энциклопедия. — Режим доступа: [http://wiki-org.ru/wiki/Материя_\(физика\)](http://wiki-org.ru/wiki/Материя_(физика)).

субстратность; бесконечность, несотворимость и неуничтожимость совокупного материального; конечность, возникаемость (сотворимость) и уничтожаемость конкретных материальных объектов; движение; пространство...»¹.

Материя — общенаучный термин, обозначающий «существующие относительно объективно структурные единицы, предметы, формы, элементы, носители бытия, взятые вместе со своими свойствами, связями, отношениями друг к другу»².

«Материя ... В классическом значении всё вещественное, “телесное”, имеющее массу, протяженность, локализацию в пространстве, проявляющее корпускулярные свойства. ... Материя отражается нашими ощущениями, существуя независимо от них (объективно)»³.

Приводить дополнительные определения бессмысленно, так как уже очевидно, что в современной науке материя — это то, из чего состоит окружающий нас физический мир, в том числе предметы, поля и даже вакуум. Это то «физическое вещество», которое «отличается от психического и духовного»⁴.

Понятно, что философские определения существенно отличаются от научных. Первые, как я уже отметил, близки к тому, что я понимаю под «реальностью в себе». Вторые же имеют скорее отношение к тому, что я называю «предметным физическим миром».

Примечание 3

В данной книге слова «предмет» или «вещь» я употребляю в значении всякой самостоятельной и завершенной для сознания физической сущности. Сущности, которая благодаря образу ее восприятия, создаваемому моим сознанием, выступает для меня как нечто противостоящее мне, принадлежащее к внешнему, воспринимаемому, то есть чувственно репрезентируемому мною, а потому физическому миру, и отдельное от его прочих «нечто». Предмет является частным случаем объекта. Объект — это более широкое, чем предмет, понятие, обозначающее отдельный элемент любой реальности (физической, психической, вымышленной, настоящей, прошлой и т. д.). Он репрезентируется сознанием в качестве чего-то отдельного, необязательно физического, самостоятельного, самодостаточного и подлежащего в этом виде рассмотрению.

Вещественное — это все то, что дано нам в форме наших чувственных репрезентаций, то, что мы можем воспринять: увидеть, почувствовать, ощутить (подробнее см.: С. Э. Поляков, 2011, с. 629–633).

¹ Материя [Электронный ресурс]: Студопедия: лекционный материал для студентов. — Режим доступа: http://studopedia.su/11_28840_materiya-i-ee-atributi.html.

² Материя в науке [Электронный ресурс]: Традиция: русская энциклопедия. — Режим доступа: https://traditio.wiki/Материя_в_науке.

³ Материя (философия) [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Материя_\(философия\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Материя_(философия)).

⁴ Matter [Электронный ресурс]: English Oxford Living Dictionary. — Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/matter>.

В качестве основных видов объектов можно выделять: 1) физические объекты, в том числе предметы, или вещи; 2) психические объекты конкретного сознания: мысль, образ, понятие и пр.; 3) социальные объекты: образование, суд, власть и пр. Все эти и другие виды объектов даны человеку только в его сознании и только в форме его психических феноменов, которые, однако, сильно отличаются друг от друга. Именно различия психических феноменов привели к тому, что исследователи разделили физический и психический мир.

Физическое — это созданная человеческим сознанием гипотетическая сущность, представляющая собой некое общее качество, присущее всей непосредственно воспринимаемой человеком части окружающей его «реальности в себе». Оно репрезентируется человеком чувственно и включает в себя совокупность более частных характеристик, которые имеет любая чувственная репрезентация, возникающая в сознании человека в процессе восприятия: предметность, константность, реальность, тождественность, инвариантность и пр. (подробнее см. С. Э. Поляков, 2011, с. 278–300).

Реальность физическая — чувственная репрезентация доступной восприятию «реальности в себе». Она имеет перечисленные выше ярко выраженные специфические перцептивные признаки, которые заставляют наш здравый смысл верить в независимость от человека и безусловную реальность окружающего физического предметного мира.

Психический объект — сущность, создаваемая сознанием и помещаемая им в реальность, в том числе физическую, как нечто присущее ей, при том что ее нет без и вне человеческого сознания.

Примечание 4

Образ, как и любое психическое явление, разворачивается во времени и существует в нем, поэтому, рассматривая психический образ, мы вынуждены учитывать такой его параметр, как время существования. В противном случае понятие *образ* теряет определенность. Если рассматривать вслед за У. Джеймсом (2003) сознание и психику как поток, то можно условно говорить о двух видах «срезов психики»: поперечном (мгновенном) и продольном — за продолжительный период времени. В первом случае многие психические феномены не удастся даже выделить. Например, нельзя говорить о мгновенном¹ образе восприятия слова, состоящего из нескольких слогов, так как процесс произнесения, а соответственно, и восприятия слова обычно продолжается около секунды, а нередко и дольше. Следовательно, лишь в развернутом во времени психическом содержании можно отчетливо квалифицировать многие психические феномены.

Скорость протекания психических процессов определяет способности организма воспринимать и фиксировать разворачивание изменений в окружающей среде. Эту скорость можно представить, например, как количество психических явлений, возникающих в сознании за период времени. Если мы рассмотрим период,

¹ Под мгновенным я понимаю здесь интервалы времени, составляющие от нескольких миллисекунд до нескольких десятков миллисекунд.

продолжительность которого составляет лишь 1 мс, то не обнаружим в сознании никаких феноменов, которые можно было бы квалифицировать. Понятие *мгновение* — условное, так как в любом «мгновении» можно выделить более мелкие «мгновения».

Что такое это субъективное «мгновение», сколько оно продолжается в единицах измерения времени? А. Н. Гусев (2007, с. 247–248), ссылаясь на Г. Вудроу, говорит например, о том, что световые стимулы длительностью около 12 мс воспринимаются как мгновенные вспышки. Для звуков эта длительность колеблется в диапазоне от 10 до 50 мс. И. Бидерман, Р. Мезанот и Дж. Рабинович (I. Biderman, R. J. Mezzanotte & J. Rabinowitz, 1982) приводят данные о том, что мы способны узнавать практически любое изображение всего лишь за десятую долю секунды. Из этого следует, что образы могут возникать, опознаваться и исчезать (то есть «укладываться») в очень непродолжительное время.

Интроспекция, а также многочисленные экспериментальные данные, имеющиеся в литературе, свидетельствуют о том, что если объект предъявлялся испытуемому меньше критического для его восприятия отрезка времени, то образ восприятия у испытуемого либо вообще не возникает, либо, возникнув, сопровождается сомнениями испытуемого в том, видел (слышал) ли он что-то. При незначительном увеличении времени предъявления объекта у испытуемого появляется ясное понимание факта наличия вонне чего-то воспринятого им без понимания того, какой именно предмет был им воспринят. При дальнейшем увеличении времени предъявления объекта испытуемый успевает его узнать, то есть зрительное впечатление превращается в нечто большее, чем мгновенно промелькнувший в сознании и исчезнувший бесследно непонятный образ чего-то. Это большее представляет собой понятный зрительный образ восприятия конкретного, пусть даже и не до конца ясного пока испытуемому предмета.

«Мгновенными зрительными образами» восприятия я называю сенсорные феномены, существующие в сознании минимальное время и субъективно оцениваемые как факт наличия конкретного узнаваемого внешнего объекта. В качестве субъективного мгновения я условно рассматриваю применительно к перцептам отрезок времени, необходимый и минимально достаточный для формирования ощущения или образа восприятия, хотя бы минимально понятного¹ воспринимающему. Каждый такой образ восприятия способен уложиться в субъективное мгновение, а затем смениться новым, который, в свою очередь, тоже может немедленно смениться следующим образом.

Мгновенный образ восприятия или мгновенное ощущение всегда осознанны, хотя и не всегда до конца понятны субъекту. Они могут быть понятны воспринимающему в разной степени: 1) нечто существующее; 2) нечто округлой формы; 3) круглый предмет с хвостиком; 4) яблоко; 5) красное яблоко с темным черенком и т. д. Наблюдатель может рефлексировать их как: 1) появление чего-то непонятного — неузнанный внешний объект; 2) появление конкретного, вполне понятного или хотя бы частично понятного объекта; 3) понимание факта наличия в собственном сознании психического явления — образа или ощущения; 4) понимание факта наличия внешнего объекта

¹ Понятного хотя бы в качестве безусловного факта восприятия чего-то существующего вонне.

и/или психического явления и т. д. При этом сам образ восприятия или воспринимаемое ощущение могут в последующем быть либо сохранены в памяти с возможностью повторного их «извлечения», либо немедленно забыты, что может создавать у исследователей ошибочное предположение о «подпороговом восприятии» объекта.

Мгновенные образы восприятия превращаются во все более понятные субъекту предметы обычно в том случае, если повторяются в виде последовательностей, или серий. Это происходит при увеличении продолжительности времени восприятия и сопровождается все более полным пониманием сущности воспринимаемого предмета. На первом этапе лишь регистрируется сам факт наличия чего-то воспринятого. На втором — происходит «грубое» опознание объекта, например, предъявленный объект относится к категории *слово*, но расценивается как непонятное слово. На третьем этапе возникает понимание значения воспринятого слова и т. д.

Какова продолжительность мгновенных образов восприятия, то есть сколько длится минимально необходимый для осознания возникшего ощущения или образа период времени?

Данные литературы демонстрируют, что продолжительность мгновенных образов восприятия фактически давно установлена экспериментально, хотя исследователи, по-видимому, никогда не ставили специально задачи изучения мгновенных образов восприятия как таковых и даже не обсуждали их.

Наиболее важные для исследования мгновенных образов восприятия эксперименты были проведены Дж. Сперлингом (1967; G. Sperling, 1960; G. Sperling, J. Budiansky, J. G. Spivak & M. C. Johnson, 1971). Автором фактически показано, что даже 10 мс достаточно для формирования полноценного мгновенного зрительного образа восприятия.

Очевидно, что ни опыты Дж. Сперлинга, ни опыты других исследователей не доказывают самого факта наличия мгновенных образов восприятия. Они лишь доказывают способность психики формировать за 10–40 мс чувственные репрезентации, позволяющие человеку воспринимать и распознавать элементы «реальности в себе». Выводы о наличии мгновенных ментальных образов (образов воспоминания и представления) я сделал на основе собственной интроспекции. Более подробную информацию о мгновенных образах и экспериментальных исследованиях, связанных с ними, можно найти в работе: С. Э. Поляков, 2011, с. 177–208.

Примечание 5

Р. Пенроуз пишет: «Подобный удивительный случай очень живо описан Моцартом: «...когда у меня возникает тема, сразу же приходит следующая мелодия, соединяясь с первой согласно требованиям композиции в целом: контрапункт, партия каждого инструмента — и, наконец, все музыкальные фрагменты складываются в завершённое произведение. Тогда моя душа горит вдохновением. Произведение растёт; я постоянно дополняю его, прорабатываю все более мелкие детали, пока в один прекрасный момент композиция не оказывается полностью сформирована у меня в голове, хотя она может быть и довольно длинной. Тогда мой ум охватывает её единым взглядом, как красивую картину или прекрасную девушку. Это не последовательный процесс, при котором различные части произведения прорабатываются

до мелочей и стыкуются друг с другом (так, как это будет сделано в дальнейшем), — нет, я слышу его целиком, как это позволяет мое воображение» (2010, с. 362).

Чем являлась музыкальная композиция, рождающаяся в сознании автора? Чувственной психической конструкцией или более сложной — чувственно-символической конструкцией, так как наверняка она включала в себя и образы партитуры? Трудно сказать. Для нашего обсуждения интересной является способность Моцарта «охватывать единым взглядом» всю музыкальную композицию, даже когда «она бывает довольно длинной» (там же).

Р. Пенроуз продолжает: «Исходя из описания самого Моцарта, можно предположить, что этот “взгляд” охватывал все существенные стороны произведения — и что тем не менее интервал времени (в обычном физическом смысле), необходимый для подобного сознательного восприятия композиции, оказывался заведомо короче того, который потребовался бы для ее исполнения. Кто-то может считать, что все воспринималось совсем по-другому и Моцарт “видел” свое будущее произведение в форме пространственно-распределенных образов или, допустим, готовой музыкальной партитуры. Но и для внимательного прочтения партитуры таких размеров необходимо довольно много времени...» (2010, с. 278).

Как бы то ни было, чувственный образ музыкального произведения — это сложное целостное психическое явление, которое можно отнести к примерам чувственных психических конструкций. Наиболее распространенным и типичным примером психических конструкций являются модели-репрезентации предметов окружающей нас реальности.

Примечание 6

Т. Кун пишет: «Мне нужны понятия о видах, которые выходят далеко за рамки того, что обычно называют “естественными видами”. По тем же причинам не годятся и “научные виды” Яна (Яна Хакинга. — *Авт.*), ибо здесь требуется общая характеристика видов и терминов, обозначающих виды. В своей книге я высказываю предположение: эту характеристику можно извлечь из эволюции механизмов переопределения того, что Аристотель называл “субстанциями”, то есть линии жизни вещей, проходящей через пространство и время. Отсюда возникает некий ментальный модуль, позволяющий нам учиться опознавать не только виды физических объектов (например, элементов, полей и сил), но также и виды мебели, политических режимов, личностей и т. д. ...Его (Яна Хакинга. — *Авт.*) номиналистический вариант моей позиции, исходящий из того, что существуют реальные единичные объекты, а мы подразделяем их на виды, не позволяет разглядеть мои проблемы. Причин много, я упомяну лишь одну: как можно построить в качестве индивидов референты таких терминов, как “сила” или “волновой фронт” (не говоря уже о “личности”)? Мне нужно такое понятие “видов”, включая социальные виды, которое относилось бы к видам, населяющим мир и одновременно подразделяющим ранее существовавшую популяцию» (2014, с. 314–315).

«Из общего числа английских слов их (имена видов. — *Авт.*) можно выделить благодаря грамматическим критериям: например, большинство из них являются именами существительными...» (с. 316).

Примечание 7

Л. Ельмслев (2005, с. 13) пишет, что, рассматривая систему обозначения цвета в разных языках, можно обнаружить, что бесформенная непрерывность, которую представляет собой цветовой спектр, произвольно делится каждым языком на определенное число отдельных областей — синюю, зеленую, желтую и т. д. И области эти в разных языках не совпадают. Автор (с. 76) приводит схему, демонстрирующую несовпадение границ концептов, репрезентирующих цвета в английском и уэльском языках — табл. 3.

Табл. 3. Несовпадение границ концептов, репрезентирующих цвета в английском и уэльском языках

Русский	Английский	Уэльский
Зеленый	Green	Gwyrdd
Синий	Blue	Glas
Серый	Gray	Hwyd
Коричневый	Brown	

По данным Л. Ельмслева (там же), латинские и греческие концепты (и понятия), репрезентирующие цвета объектов, точно так же не совпадают с соответствующими концептами (и понятиями) современных европейских языков.

Й. Л. Вайсгербер (2004, с. 114–115) тоже отмечает, что в латинском языке, например, нет понятийных соответствий для немецких blau (синий), braun (коричневый) и grau (серый), а исследователями даже высказывалось предположение о том, что римляне были физически невосприимчивы к синему цвету. Автор (с. 93–94) указывает, что в латинском языке слова albus — niger, соответствуют немецким weiss (белый) и schwarz (черный), но промежуточное между ними звено — немецкое grau (серый) — отсутствует в качестве равноправной абстрактной категории. Вместо нее здесь можно найти множество конкретных понятий: canus, gauus, caesius и т. д.

Слово canus служит почти исключительно для обозначения седых волос, а также используется лишь в качестве поэтических метафор для обозначения цвета моря, снега и т. д.; caesius — для серого цвета глаз, сходно с gauus. Но универсальное обобщающее понятие (как немецкое — grau) отсутствует. По мнению автора, еще более наглядно это в литовском языке, где вместо общего понятия, аналогичного немецкому grau, присутствуют пять конкретных слов: одно — для серого цвета лошади, другое — для крупного рогатого скота, третье — для шерсти и гусей, четвертое — для седого цвета волос и т. д. Так что и здесь нет единой обобщающей категории.

По словам Й. Л. Вайсгербера (с. 114–115), несовпадения греческих цветовых понятий с современными привели даже к известной дискуссии 70-х и 80-х годов прошлого столетия о восприятии цвета, в ходе которой одни исследователи считали, что на примере таких несовпадений можно проследить развитие восприятия цвета, а другие серьезно отстаивали точку зрения, что греки были дальтониками,

и в качестве доказательств этого публиковали подробные исследования с перечнем старых источников. Автор указывает, что на основе имеющихся фактов можно прийти лишь к заключению, что греческая система концептуализации цветов отличалась от привычной нам системы.

Й. Л. Вайсгербер (с. 115–116) полагает, что греческий язык очень сильно отличался от немецкого в понятийном отношении. Система понятий, обозначающих цвета в греческом языке, находилась на промежуточной ступени между цветовыми обозначениями, связанными с конкретными предметами, и абстрактными цветовыми категориями. Автор пишет, что существуют три возможности обозначения цветов: 1) предметные обозначения, где предмет является как бы источником цвета; например, *rosenfarbig* — «цвета розы» (например, в русском — лимонный, шафрановый, фисташковый); 2) обозначения, привязанные к определенным предметам, то есть служащие только для обозначения именно этих предметов; например, *blond* — белокурый — применительно только к волосам (соответственно в русском — блондин); 3) наконец, абстрактные понятия, обозначающие цвета; например, *rot* — красный.

Первый вид обозначений часто не связан с определенным цветовым тоном; так, существуют розы различного цвета. Этим можно объяснить «многозначность» греческого слова *πορφύρεος* (порфиреос). Что касается обозначений цвета, ограниченных определенными предметами, то применительно к мертвому языку сложно точно определить их значения. По словам автора (там же), промежуточная ступень обозначения цветов, располагающаяся между обозначениями цветов, связанными с конкретными предметами, и создаваемыми специально для обозначения цветов абстрактными понятиями, характерна для многих языков Земли.

Например, в языке арабских племен слово для самого густого черного цвета *azlam* используется только для обозначения самцов страуса, непроглядной ночи и глубокой дыры. Автор сообщает также о необычайном богатстве обозначений отдельных цветовых тонов, обнаруженном в языке негритянского племени, живущего в коричневой пустыне. В этом языке существует 500–800 слов для обозначения самых разных оттенков коричневого цвета. Выделяются мельчайшие оттенки, так что кажущийся нам однотонно коричневым окружающий мир должен представляться носителям этого языка чрезвычайно разнообразным.

Й. Л. Вайсгербер (с. 62) считает ошибочным распространенное мнение, будто обладание понятиями, репрезентирующими цвета, является для ребенка, да и для человека вообще, чем-то вполне естественным, проистекающим из объективной действительности или духовно-физических задатков человека. Он полагает, что ребенку присуща тонкая восприимчивость к отдельным цветам, но концептуализация цветового мира — деление спектра на 6–7 классов типа «красный», «желтый» и т. д. — это результат духовного развития, фрагмент усвоения языка. И автор, безусловно, прав.

В. Г. Богораз (W. G. Bogoras) (цит. по: Е. Я. Режабек, А. А. Филатова, 2010, с. 107) изучал в конце XIX в. особенности зрительного восприятия у чукчей. Исследователь с трудом научил испытуемых обозначать и сортировать обычные для европейца основные цвета, так как названия цветов были почти не представлены в их языке. Вместе с тем чукчи легко сортировали олени шкуры по узору и окраске, используя при этом более 20 названий, что самому исследователю сделать не удавалось, так как он не мог обнаружить критерии для их дифференциации.

С. Харгрейв (S. K. Hargrave, 1982), Р. Джоунс (R. Jones, 1978) и С. Л. Дейвис (S. L. Davis, 1982), исследовавшие языки австралийских аборигенов, установили наличие в некоторых из этих языков только двух цветов: светлого (включающего белый) и темного (включающего черный). Четыре дополнительных слова, служащих для обозначения иных цветов, оказались названиями минеральных красителей, способными обозначать очень ограниченный класс объектов. Дети аборигенов поначалу делят все цвета на светлые и темные, но по мере взросления усваивают слова, позволяющие различать цвета в соответствии с их тоном, насыщенностью и яркостью. При этом общих понятий для обозначения хотя бы центральных цветов, представленных во всех европейских языках, нет.

Пытаясь опровергнуть теорию лингвистической относительности Сепира — Уорфа, исследователи потратили много сил на изучение формирования концептов, репрезентирующих цвета в языках разных народов и их влияние на восприятие. Классической принято считать работу Б. Берлина и П. Кей (B. Berlin, P. Kay, 1969) «Базисные наименования цвета». Изучив около 20 языков, авторы выявили 11 базисных цветов, обозначаемых понятиями: black (черный), white (белый), red (красный), yellow (желтый), green (зеленый), blue (синий), brown (коричневый), purple (фиолетовый), pink (розовый), orange (оранжевый), gray (серый). Базисный цвет должен относиться к множеству объектов, а не к нескольким и не должен содержаться внутри другого цвета (как, например, scarlet (алый) содержится внутри red (красный)). Он должен обозначаться одной морфемой, например green (зеленый), а не двумя, например dark green (темно-зеленый) или grass-colored (цвета травы). Он должен быть обычным и общеизвестным, как, например, yellow (желтый), в отличие от saffron (шафрановый).

Авторы установили, что все люди способны воспринимать и дифференцировать все базисные цвета, но не во всех языках имеются обозначающие все базисные цвета понятия. Во многих языках есть понятия, объединяющие два и более базисных цвета, например синий + зеленый, красный + оранжевый + желтый и т. д. Есть языки, в которых имеются все 11 понятий, обозначающих базисные цвета, но есть и такие языки, в которых их всего два. Если их всего два, то это черный и белый, точнее, холодный (включающий в себя черный, синий, зеленый и серый цвет) и теплый (включающий белый, желтый, оранжевый и красный). Если язык имеет три базисных понятия, обозначающих цвета, то это черный, белый и красный. Если в языке четыре базисных наименования цвета, то к указанным добавляется желтый, синий или зеленый. Дальнейшее увеличение числа обозначающих цвет понятий происходит в таком порядке: зеленый, желтый, голубой, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый и серый.

Предлагая испытуемым в разных частях мира выбирать цвета на стандартной таблице, состоящей из 320 различных цветовых образцов участков спектра, Б. Берлин и П. Кей (там же) открыли центральные цвета. Оказалось, что вне зависимости от того, какие именно понятия, обозначающие базисные цвета, присутствуют в их родном языке и имеются ли они вообще, испытуемые выбирают практически одни и те же лучшие примеры базисных цветов. Даже если, например, в языке испытуемого имелось понятие, обозначающее сразу две области базисных цветов (синий и зеленый), то наилучшим примером его оказывался не бирюзовый, например, находящийся в середине сине-зеленого участка спектра, а либо центральный синий,

либо центральный зеленый. Наличие центральных цветов, во-первых, демонстрирует, что члены категорий, обозначающих цвет, неравноправны. Например, некоторые члены категории *синий* (а именно, центральный синий) являются лучшими ее примерами, чем другие. Во-вторых, наличие центральных цветов позволяет сравнивать понятия, обозначающие цвета, в разных языках.

Отвергая теорию лингвистической относительности Сепира — Уорфа, Б. Берлин и П. Кей (там же) в качестве доказательства приводят отсутствие отличий в восприятии разных цветов у носителей разных языков, несмотря на разную концептуализацию цветов в разных культурах. Однако модель, которую они изучали, непригодна для исследования лингвистической относительности, то есть влияния языка этноса на особенности его восприятия и мышления.

Мне представляется, что эти исследователи установили на самом деле следующее: 1) цветовое восприятие у представителей разных народов на физиологическом уровне практически идентично, по крайней мере выявить значимые различия не удалось; 2) все люди, независимо от этнической принадлежности, способны распознавать 11 базисных цветов и выбирают практически одни и те же лучшие их примеры; 3) несмотря на это, в разных языках существует разное количество понятий, репрезентирующих цвета; 4) количество существующих в конкретном языке понятий, обозначающих выделяемые в данной культуре цвета, не влияет на восприятие разных цветов у представителей данной культуры.

Из этого, однако, не следует, что исследователям удалось опровергнуть теорию лингвистической относительности. Не следует потому, что для проверки теории лингвистической относительности требовалось изучать этническую специфику вербальных концептов, а Б. Берлин и П. Кей выбрали в качестве предмета исследования влияние на человеческое восприятие этноспецифических чувственных концептов. Между тем именно чувственные концепты максимально зависимы от биологических особенностей человеческого зрительного анализатора, который у всех людей на Земле можно считать практически идентичным. Следовательно, при данном предмете исследования можно было заранее ожидать получения именно этих результатов. Таким образом, теория лингвистической относительности в принципе не могла быть опровергнута подобными исследованиями.

Более того, надо подчеркнуть тот удивительный факт, что, несмотря на общие для всех людей психофизиологические механизмы и сходные психические результаты восприятия, в разных культурах формируются тем не менее разные чувственные концепты (и понятия) и в разном количестве для обозначения базисных цветов спектра, доступных восприятию.

О. А. Корнилов (2013, с. 171–173) пишет, что практически тотальное несопадение цветообозначающих концептов в языках мира обусловлено, вероятно, неодинаковым выбором так называемых точек референции, то есть выбираемых конкретным обществом наиболее типичных образцов для того или иного цветового концепта. Разные сообщества выбирают в своем окружении собственные референты, что предопределяет расхождения их национальных прототипов на уровне «фокусов», то есть «лучших образцов» цветов. Например, несопадение фокусов тайского концепта, обозначаемого понятием *faa* («небо», то есть небесный цвет), и английского концепта, обозначаемого понятием *blue*, испанского — *azul*, русских — *синий* и *голубой* объясняется тем, что прототипическое тайское небо скорее белесое, чем голубое или синее. Поэтому *faa* значит «более светлое, чем небесно-голубое».

Автор (с. 175–176) уверен, что у нас нет оснований говорить о тождестве категоризации чувственного опыта в разных культурах, хотя бы потому, что blue (англ.) не = «синий» (рус.), blue не = «голубой» (рус.); blue = «синий» + «голубой»; azul (исп.) не = «синий» и не = «голубой», azul = «синий» + «голубой». Также японское *aoi* не = ни английскому blue, ни испанскому azul, ни русским «синий» или «голубой»; *aoi* = «синий» + «голубой» + «зеленый» (для объектов, характеризующихся непостоянством этого признака) + «бледный».

О. А. Корнилов (с. 174–175) подчеркивает, что различия в проведении границ между концептами, репрезентирующими цвета в разных культурах, даже более существенны, чем различия в определении фокусов. Концепт *aoi* (яп.) покрывает весь спектр синего и много оттенков зеленого цвета плюс признак бледности и тусклости. Причем в японском языке есть еще самостоятельный концепт, репрезентирующий только зеленый цвет — *midori*. Следовательно, один и тот же оттенок зеленого цвета может быть назван и *aoi*, и *midori*. Дело, оказывается, в том, что для японцев очень важен признак «постоянство — недолговечность». Например, цветок тем прекраснее, чем короче его жизнь. Слово «*aoi*» подразумевает элемент кратковременности зеленого цвета (зеленый цвет светофора, трава после дождя, море при определенном освещении т. п.), тогда как слово «*midori*» — наоборот, постоянство «зелености». Автор отмечает неожиданность подобной концептуализации цвета с учетом признака его постоянства.

Примечание 8

Структурный метод должен был возникнуть в психологии, но первоначально появился в лингвистике, хотя лингвистические структуры языка лишь отражают вербальные психические конструкции человеческого сознания. С другой стороны, в языке они заметнее, чем в несравнимо более сложном и трудном для анализа объекте — психике. Нельзя не отметить еще раз то обстоятельство, что лингвистика, теснейшим образом смыкаясь с психологией, во многом опережает ее в области исследования психических конструкций. Она давно изучает языковые и вербальные конструкции. Так, уже в 1928 г. В. Пропп впервые проанализировал структуру текста в своей работе «Морфология сказки». В последующие десятилетия структурализм был перенесен в смежные науки благодаря исследованиям К. Леви-Стросса (2001), Ж. Лакана (2009), М. Фуко (1994), Р. Барта (2009) и других авторов. Структуралисты активно использовали психические конструкты, обозначаемые понятиями *структура* (К. Леви-Стросс, 2001, с. 213–241), *эпистема* (М. Фуко (1994, с. 39–40)), *символический порядок* (Ж. Лакан, 2009, с. 290–308) и др.

Понятие *конструктивизм*, как сообщает А. М. Улановский (2010, с. 280), впервые было использовано при обсуждении проблем теории познания в работах Ж. Пиаже (2004) и Дж. Келли (2000) в 50-е гг. XX в. А. М. Улановский (2010, с. 280–298) полагает, что конструктивизм в узком смысле (Ж. Пиаже, 2004; Дж. Келли, 2000; Дж. Брунер, 1977; П. Бергер и Т. Лукман, 1995, и др.) — это разнородная группа психологических, социологических и философских теорий, подчеркивающих идею неотражательной, конструктивной природы познания, языковой и культурно-исторической обусловленности сознания, опосредствованности познания и понимания мира индивидуальными конструктами, формируемыми в онтогенезе,

плюрализма истины и идею конструктивного альтернативизма, то есть множества способов концептуализации событий. Центральная идея конструктивизма — представление о познании как об активном построении в сознании человека образа познаваемых предметов и событий, а не как о пассивном отражении мира.

А. М. Улановский (2010, с. 287) отмечает, что конструктивисты не утверждают, будто мы конструируем мир. Они говорят о том, что мы по-особому выстраиваем и классифицируем объекты в силу особенностей нашего организма, когнитивных структур, наших действий и категорий языка, используемого нами для осмысления воспринимаемого. Когда конструктивисты говорят, что мы конструируем мир, себя и объекты собственного научного исследования, то имеют в виду, что мы разделяем и связываем, комбинируем и структурируем для себя определенным образом объекты мира и собственные переживания. Кроме того, мы создаем различные конвенциональные социальные реальности, которые руководят нашим поведением, формируют нашу идентичность и на которых стоят все институты нашей общественной жизни — брак, мораль, закон и т. д.

Наряду с конструктивизмом существует радикальный конструктивизм. Считается, что понятие *радикальный конструктивизм* было впервые использовано Э. фон Глазерсфельдом в работе «Радикальный конструктивизм и концепция познания Пиаже» (1978) (E. von Glasersfeld, 1979). Статус определенного эпистемологического направления радикальный конструктивизм приобрел после публикации в 1981 г. сборника «Изобретенная действительность» под редакцией П. Вацлавика (P. Watzlawick, 1981) и его работы (P. Watzlawick, 1981a). В качестве основного положения конструктивизма П. Вацлавик (2001, с. 102; P. Watzlawick, 1981a) рассматривает постулат, в соответствии с которым так называемая «объективная реальность» является продуктом человеческого общения, знание не обретается пассивным образом, а активно конструируется познающим субъектом.

Э. фон Глазерсфельд (1998) пишет, что познание больше не понимается как поиск абсолютного (иконического) соответствия действительности, а видится лишь как поиск подходящего образа действия и способа мыслить. Живой организм конструирует собственное знание таким образом, чтобы упорядочить, насколько это возможно, бесформенный эмпирический поток, превратив его в воспроизводимые события и в более или менее надежные связи между ними. Реальный же мир обнаруживает себя исключительно в том месте, где наши конструкции терпят неудачу. Причем наше конструирование — это не предмет специального внимания, то есть мы не знаем, как мы это делаем.

Точка зрения Э. фон Глазерсфельда, согласно которой «мир, где мы живем, является таковым исключительно благодаря нам же самим...» (1998), представляется нам излишне радикальной и не может быть принята без коррекции. Эта коррекция могла бы выглядеть так: мир, где, как мы полагаем, мы живем, является таковым в том числе в значительной степени благодаря нам самим.

Так как представления радикального конструктивизма касаются главным образом смежных с психологией наук, здесь они могут нас интересовать лишь как дополнительное подтверждение факта реального существования психических конструкций, который стал уже очевиден широким кругам исследователей, работающих не только в области психологии.

Примечание 9

Психиатрическая клиника наглядно демонстрирует, что любое изменение феноменологии перцептивных феноменов меняет их субъективную оценку, делая уже не вполне реальными (в смысле не вполне «внешними» и «объективными»), но сохраняя присущий им характер перцептивных феноменов. Известный русский психиатр В. Х. Кандинский, талантливо описавший свои (как принято считать) болезненные переживания, так рассказывает о них: «Совсем другое дело — псевдогаллюцинации слуха, где субъективное явление представляет резко сенсорильный характер. Здесь больной имеет именно слуховое субъективное восприятие: он действительно слышит своим внутренним ухом, а потому в большинстве случаев он именно так и говорит. Но так как здесь слуховые восприятия не обладают тем характером объективности и действительности, который одинаково существенен как для настоящей галлюцинации слуха, так и для восприятий из реального мира, то иногда “для самого больного представляется неясным, слышит ли он надоедливый говор своих преследователей действительно извне, или же этот говор имеет место лишь в его голове”(Schüle, 1880)» (2001, с. 81).

В. Х. Кандинский определяет псевдогаллюцинации как «весьма живые и чувственно до крайности определенные субъективные восприятия, характеризующиеся всеми чертами, свойственными галлюцинациям (истинным. — *Авт.*), за исключением существенного для последних характера объективной действительности; только в силу отсутствия этого характера они не суть галлюцинации. Псевдогаллюцинации возможны в сфере каждого чувства... ..Я нахожу, что они отличаются от обыкновенных воспроизведенных чувственных представлений (образов представления. — *Авт.*) некоторыми весьма характерными чертами (как то: рецептивное отношение (в фехнеровском смысле) к ним сознания; их независимость от воли, их навязчивость; высокая чувственная определенность и законченность псевдогаллюцинаторных образов; неизменный или непрерывный характер чувственного образа при этого рода субъективных явлениях)» (с. 146). «...К патологическим псевдогаллюцинациям сознание относится рецептивно, но тем не менее они никогда не бывают смешиваемы с действительными восприятиями и резко отделяются сознанием от настоящих галлюцинаций. Отсюда ясно, что сущность галлюцинаций заключается не в одной их независимости от воли воспринимающего лица, а в чем-то другом...» (с. 120).

В. Х. Кандинский подчеркивает очень важное обстоятельство: «...разница в интенсивности отчетливости не имеет существенного значения для различения субъективных и объективных чувственных восприятий. Взглянув на свое отражение в зеркале и отвернувшись затем, я могу вызвать в моем сознании весьма живой, по очертаниям и краскам весьма отчетливый “последовательный образ воспоминания” (фехнеровский термин...) моего лица. Находясь вечером в моем освещенном кабинете и приблизив свое лицо к выходящему на темную улицу окну, я вижу, вследствие отражения в стекле, смутный, весьма мало определенный образ моего лица. Второй из этих образов несравненно менее интенсивен, чем первый, но он имеет характер объективности и есть результат непосредственного зрительного восприятия. Напротив, последовательный образ воспоминания, гораздо

более интенсивный и отчетливый, характера объективности не представляет и есть не что иное, как живая зрительная репродукция» (там же).

Автор дифференцирует здесь собственные психические явления (образ воспоминания и образ восприятия) на основании всей совокупности их феноменологических особенностей (см., например: С. Э. Поляков, 2011, с. 114–120), а не только по их интенсивности и отчетливости.

Примечание 10

«Бабочка — символ души, бессмертия, возрождения и воскресения, способности к превращениям, к трансформации, так как это крылатое небесное существо появляется на свет, преображаясь из мирской гусеницы.

Волк — олицетворяет свирепость, коварство, жестокость, зло, но также храбрость и победу. Кроме того, при определенных обстоятельствах волк мог стать могучим защитником беспомощных созданий. Связан с нижним миром, в некоторых мифологиях выступает как проводник душ.

Дерево — является одним из самых универсальных символов духовной культуры человечества. Символизировало центральную ось мира, соединяющую Небо и Землю; человека и его путь к духовным высотам; циклы жизни, смерти и возрождения; Вселенную и ее процессы вечного обновления; сокровенную Мудрость и таинственные законы бытия.

Жемчужина — олицетворяет лунное начало, силу вод, женское начало океана, свет, посвящение, справедливость. Соединение огня и воды (двух оплодотворяющих начал), символ рождения и возрождения. Символизирует явление Бога во Вселенной.

Кольцо — как замкнутая окружность, символизирует целостность и единство. Оно не имеет ни начала, ни конца, поэтому часто ассоциируется с вечностью и бесконечностью. Его центральное отверстие — это место прохождения небесной силы, божественного дыхания. Кольцо символизирует связь, союз или обет.

Меч — символизирует силу, власть, достоинство, лидерство, высшую справедливость, свет, мужество, бдительность. На метафизическом уровне он олицетворяет всепроникающий разум, силу интеллекта, пронизательность. Обоюдоострый меч — важный образ божественной мудрости и правды. Символ непобедимой небесной истины.

Орел — солярный символ, являющийся атрибутом солнечных богов во многих культурах, полуденное солнце, духовное начало, высота, вознесение, освобождение от уз, отвага, победа, гордость, апофеоз, величие, царственное происхождение, власть, сила.

Свеча — символизирует свет во тьме жизни, озарение, живительную силу Солнца. Краткостью своего существования свеча символизирует одинокую трепетную человеческую душу, мимолетность жизни, которую так легко погасить. Аналог человеческой жизни, души, пребывающей в теле»¹.

¹ Символы [Электронный ресурс]: Новый акрополь: философская школа: сайт. — Режим доступа: <http://www.newacropol.ru/Alexandria/symbols>.

Примечание 11

Семантическая сеть, семантические пространства, пропозициональная сеть, сетевые модели, семантические деревья и проч. — это удачные метафорические модели, с помощью которых исследователи пытаются репрезентировать содержание человеческого сознания и механизмы его функционирования в процессе актуализации в нем того, что хранится в памяти.

П. Андерсон (2002, с. 155) сообщает, что М. Квиллиан первым выдвинул гипотезу о хранении человеком информации о различных категориях, таких, например, как *птицы*, *рыбы*, *канарейки*, *акулы* и т. д., в особых сетевых структурах или семантических сетях. М. Квиллиан предположил, что семантическая память устроена в виде иерархически организованных сетевых структур, которые состоят из узлов, связанных между собой. Узлы представлены понятиями. Специфические понятия (например, *канарейка*) хранятся ниже, чем категории более высокого порядка (например, *птица*).

П. Андерсон (с. 215) указывает, что семантическая организация по большей части представлена четырьмя основными моделями: кластерной, групповой, моделью семантических признаков и сетевой моделью. Он пишет (там же), что в соответствии с кластерной моделью (ее основные авторы — Бусфилд и Бауэр) понятия объединяются в кластеры, или скопления сходных элементов. В соответствии с групповой моделью (основной автор — Мейер) понятия представлены в памяти в виде групп, включающих в себя элементы некоторой категории (например, группа «птица» может включать элементы «малиновка», «выюрок», «орел» и т. д.), а также атрибуты или свойства этой категории (например, группа «птица» характеризуется наличием таких атрибутов, как «крылья», «перья», «может летать» и т. д.). В соответствии с моделью сравнительных семантических признаков (основные авторы — Смит и Рош) понятия представлены в памяти в виде наборов семантических признаков: 1) определяющих и 2) характерных. В соответствии с сетевой моделью понятия существуют в памяти как независимые единицы, объединенные в сеть. Например, понятия *птица* и *малиновка* хранятся в связи друг с другом: «малиновка есть птица».

Обсуждая сетевые модели, Г. Глейтман, А. Фридлунд и Д. Райсберг (2001, с. 358) отмечают, что слова и понятия связаны в сложную сеть отношений, дающую возможность перейти от одного понятия к другому, связанному с ним. Слова и понятия образуют ячейки сети, а отношение между понятиями — ассоциативные связи.

Если не обращать внимания на неудачную формулировку, используемую авторами, — так как слова (материальные объекты) и понятия (психические явления) не могут быть связаны в сеть, то вполне можно принять, что образы слов (понятия) и их значения (чувственные и вербальные конструкции) действительно связаны в нашей психике в одну грандиозную психическую суперконструкцию, говоря метафорически — в нечто вроде сети, элементы которой поочередно всплывают в нашем сознании по мере их актуализации.

По мнению Г. Глейтмана, А. Фридлунда и Д. Райсберга (с. 359–360), недостатки иерархической модели привели к созданию других систем, например модели распространения активации. Данная модель также рассматривает понятия

как ячейки, соединенные между собой ассоциативными связями. Но их связи позволяют дифференцировать типы отношений между понятиями. Например, отношения, основанные на иерархии (*канарейка — птица*), на принадлежности объектов к одной категории (*яблоко — апельсин*) или на часто встречающихся ассоциациях (*хлеб — масло*). Модель предусматривает также то, что связи между понятиями могут различаться по силе. Например, два часто соединяемых понятия (*белый — дом*) будут иметь сильную связь, а редко встречающиеся вместе понятия (*отец — племянник*) будут иметь слабую связь или вообще могут быть связаны через третье понятие (*отец — дядя и дядя — племянник*).

Авторы (с. 360) указывают, что раньше сетевые модели использовали систему «локальных представлений». Каждое понятие, например понятие *пожарная машина*, было представлено конкретной ячейкой или их набором. Эти ячейки активировались, когда человек думал о пожарной машине. В последние годы были разработаны сетевые модели, основанные на «распределении представлений». В данных моделях активация каждого понятия выражается в специфическом алгоритме активации всей сети.

Примечание 12

Одной из важнейших характеристик вербальных конструкций, репрезентирующих реальность окружающую, прошлую, будущую, возможную или вымышленную, является отношение к ним человека — его вера в то, истинны они, ложны или же вероятны, то есть возможно истинны. Вместо понятия *вера* здесь можно использовать понятия *понимание* или *убежденность*. Одни вербальные психические конструкции, которые наше сознание интериоризирует из окружающего мира, мы сразу принимаем как истинные. В достоверности других мы сомневаемся. Третьи же мы сразу оцениваем как ложные. *Почему так происходит и от чего это зависит?*

Есть основания полагать, что в психике существует некий механизм сверки каждой вновь интериоризированной сознанием вербальной репрезентации реальности с существующей уже в памяти глобальной репрезентацией той же или сходной реальности (окружающей, прошлой, даже будущей или вымышленной). Благодаря ему одни вербальные конструкции представляются нам соответствующими имеющимся репрезентациям и мы принимаем их как истинные, другие — как возможные или даже сомнительные, а третьи — как ложные. В результате этого сравнения у нас сразу после возникновения новой вербальной репрезентации появляется некое отношение к ней, которое можно выразить в форме вербальной оценки: правда, похоже на правду, маловероятно, ложь. *Что представляет собой этот механизм? Что вообще есть наша вера в адекватность, истинность, правдивость наших вербальных конструкций, репрезентирующих реальность?*

Субъективное отношение к собственной вербальной репрезентации, например вера в ее истинность, — это в первую очередь специфическое переживание. Д. Юм (1994, с. 65–66) пишет, что каждый раз, когда вспоминается или воспринимается какой-либо объект, он немедленно в силу привычки вызывает в воображении представление другого объекта, который обычно соединен с ним. В этом состоит при-

рода веры. Вера, по мнению автора, — это более яркое, принудительное и устойчивое представление объекта, чем то, которое обеспечивается одним только воображением.

То, что Д. Юм называет привычкой, а психологи — ассоциацией, есть лишь свойство одних входящих в психические конструкции явлений вызывать другие психические явления, входящие в те же психические конструкции. Именно имеющиеся у нас психические конструкции, репрезентирующие прошлые изменения реальности, побуждают нас ожидать и в будущем хода событий, подобного тому, с которым мы имели дело в прошлом. Если раньше за объектом или событием А всегда следовали объект или событие Б и это зафиксировано в наших репрезентациях прошлой реальности, то, как только в окружающей нас в данный момент реальности появляется объект или событие А, в нашем сознании актуализируется сформировавшаяся ранее психическая конструкция, включающая образы представления объекта Б. В результате мы немедленно начинаем ожидать появления объекта или события Б.

Б. Рассел (2001а, с. 126–127) полагает, что понятие *вера* обозначает состояние, в котором животное действует в отношении чего-то чувственно ему не данного. Например, поход человека на станцию с намерением попасть на поезд выражает его веру в наличие поезда. Так же выражает веру действие собаки, возбужденной запахом лисы. По мнению автора (с. 159), в наиболее развитой форме вера проявляется в виде утвердительного предложения. Например, понюхав воздух, вы восклицаете: «В доме пожар!» Или, посмотрев на тучи, вы говорите: «Будет дождь». Такие замечания выражают веру. Б. Рассел (с. 160) предлагает трактовать веру как нечто такое, что может иметь «доинтеллектуальный», то есть невербальный, характер и что может проявляться даже в поведении животных.

Получается, что феноменологически такая вера — это нечто порождаемое возникающей в сознании чувственной репрезентацией объекта, явления, действия. Это нечто возникает в сознании с принудительной силой почти живого восприятия. Такое бывает, например, при актуализации ощущениями одной модальности образов представления и воспоминания другой модальности, входящих в модель-репрезентацию соответствующего объекта, явления, ситуации и т. д.

Собака, например, учуяла запах лисы, или человек ощутил запах дыма в доме, но ни собака, ни человек еще не видят ни лисы, ни огня. Модели-репрезентации лисы или пожара в доме естественным образом включают в себя и зрительные образы лисы или огня, и специфические запахи, и ощущения тепла или жара, исходящих от огня и т. д. Поэтому, появляясь в сознании, специфические запахи даже при реальном отсутствии визуальных образов восприятия немедленно актуализируют соответствующие образы представления и воспоминания и другие связанные с ними психические явления. И репрезентируемый ими объект как бы появляется в восприятии в форме своей целостной модели-репрезентации, хотя он еще не воспринимается визуально. Поэтому почувствовать запах лисы для собаки или запах дыма для человека — то же самое, что увидеть лису или пожар.

Вопросы веры и истинности, но уже применительно к вербальному знанию, обсуждает и Л. Витгенштейн. Он пишет (1994, с. 356–357), что знает о том, что Земля существовала задолго до его рождения, о том, что она представляет собой

большое тело и т. д. Обо всем этом написаны книги, которые не лгут, и во все это он верит. Эти знания были ему переданы, и у него нет никаких оснований в них сомневаться, напротив, эти знания имеют разнообразные подтверждения. В их истинность верит не только он, но и другие люди. Точнее, он убежден, что и они в это верят. И если все они уверены в чем-то, это означает и то, что они принадлежат к сообществу, объединенному наукой и воспитанием.

Рассуждения автора приводят нас к вербальному знанию, участвующему в формировании ОПР. Сам факт того, что знание составляет часть ОПР и квалифицируется людьми как знание о реальности, обеспечивает для нашего здравого смысла достаточную степень объективности соответствующих вербальных конструкций и делает их вполне достойными нашей веры. Хотя на самом деле трудно сказать, чего в ОПР больше: знаний или ложных человеческих представлений. Не так давно из ОПР люди черпали знания о неделимости атома, а чуть раньше — о том, что Солнце вращается вокруг Земли, а мыши и тараканы появляются из мусора.

Л. Витгенштейн указывает (с. 341), что ребенок приучается верить множеству вещей и учится действовать согласно этим верованиям. Кое-что в его постепенно оформляющейся системе верований закрепляется незыблемо, а кое-что — более или менее подвижно. Незыблемое является таковым не потому, что оно очевидно или ясно само по себе, а потому, что надежно поддерживается тем, что его окружает. Ребенок узнает о том, что рассказчики бывают достойны или недостойны доверия, много позже, чем усваивает факты, о которых ему поведали.

Итак, еще будучи детьми, мы усваиваем сложнейшую систему вербальных психических конструкций, которые представляют собой модели настоящей, прошлой, вымышленной и даже будущей реальности. Мы узнаем множество фактов о своем собственном строении и функционировании, об устройстве и изменениях окружающего мира и принимаем их на веру. Рассматривая это с точки зрения психической феноменологии, нам следует сказать, что, будучи детьми, мы интериоризируем из окружающего мира множество чужих вербальных конструкций, которые в нашем обществе принято считать знанием, то есть правильными репрезентациями этого мира и его истории.

Мы усваиваем эти конструкции без всякой критики к ним, то есть принимаем их на веру. Мы сразу верим в их истинность и постепенно начинаем выстраивать с их помощью собственные глобальные репрезентации реальности. Позже мы начинаем сверять каждую вновь интериоризируемую сознанием вербальную психическую конструкцию с уже имеющимися у нас глобальными репрезентациями миров: прошлого, окружающего, возможного, будущего, фантастического и т. д. Сама глобальная репрезентация каждой реальности после своего формирования начинает выступать в нашем сознании в качестве эталона и точки отсчета для вновь интериоризируемых нами вербальных конструкций, которые должны «вписаться» в эту нашу глобальную картину соответствующей реальности, чтобы приобрести статус достоверных репрезентаций.

Как говорит Л. Витгенштейн (с. 350), если я попробую усомниться в том, что Земля существовала задолго до моего рождения, мне придется усомниться во всем, что для меня несомненно. А то, что для меня нечто несомненно, основывается не на моей глупости или легковерии.

Получается, что разные вербальные психические конструкции прямо или косвенно подтверждают друг друга, будучи включенными в глобальную репрезентацию соответствующей реальности. И для того, чтобы отвергнуть одну из них, может потребоваться отвергнуть еще множество других вербальных конструкций. И наоборот, чтобы принять в качестве достоверной одну из психических конструкций, может потребоваться отвергнуть или принять десятки других вербальных конструкций.

Л. Витгенштейн указывает (с. 343–344), что он сам многое выучил и принял, доверившись авторитету людей, а затем многое нашло подтверждение или опровержение в его собственном опыте. Он говорит о том, что у него есть некая картина мира, которая лежит в основе всех его исследований и утверждений. Не все описывающие ее предложения подлежат проверке в равной мере. И он просто верит в то, что люди ему передают. Например, в географические, химические, исторические факты и т. д.

Можно ли сказать, что все наши вербальные знания — это лишь наши верования, так как они в основном не подкреплены нашим личным опытом? Они ведь просто некритично интериоризированы нами из ОПр в качестве бесспорных фактов, в качестве знания об окружающем мире. Причем за счет авторитета источника знание, почерпнутое в учебнике, воспринимается нами гораздо менее критично, чем что-то прочитанное, например, в бульварной газете.

Л. Витгенштейн пишет: «На чем основывается вера в то, что у всех людей есть родители? На опыте. А как можно обосновывать эту непоколебимую веру своим опытом? Ну, я основываю ее не только на том, что я знал родителей некоторых людей, но и на всем том, что я узнал о половой жизни людей, их анатомии и физиологии; а также на том, что я слышал и видел в животном мире. Но разве все это действительно является доказательством? 241. Разве это не является некоей гипотезой, которая, как я верю, вновь и вновь полностью подтверждается? 242. Разве нам не следовало бы говорить на каждом шагу: “Я определенно верю в это”?» (с. 351).

В итоге автор делает вывод: «Стало быть, предложение “Я знаю...” выражает здесь готовность верить в определенные вещи» (с. 360).

Действительно, я тоже говорю: «Я знаю», — тогда, когда я верю в истинность интериоризированных или выстроенных мною на основании личного опыта вербальных конструкций, репрезентирующих реальность, когда я полагаю, что они правильно ее репрезентируют, когда они «вписываются» в структуру имеющихся у меня глобальных репрезентаций реальности разного рода.

Существует множество вербальных конструкций, в истинность которых люди верят только потому, что эти конструкции осеяны многовековой традицией общества, к которому люди принадлежат, то есть потому, что в их истинность верят другие люди, рассматриваемые первыми в качестве авторитетов. Следовательно, люди в эти вербальные конструкции верят потому, что интериоризируют их в качестве «достоверных знаний» из окружающей ОПр, которая воспринимается ими как высший авторитет. Однако существуют в то же время вербальные репрезентации реальности, например религиозные предания, в истинности которых уверена лишь часть людей, при том что другая часть уверена в их ложности.

Л. Витгенштейн (с. 361), например, замечает, что весьма умные и образованные люди верят в библейскую историю творения, тогда как, по мнению других, доказана ее ложность, причем аргументы вторых известны первым. Автор (с. 371) выражает сомнение в целесообразности отношения к слову «знание» как к самому почитаемому философскому слову, полагая, что оно не менее субъективно, чем выражение «быть уверенным», а такая его гипертрофированная роль объясняется доминирующей в логике в течение тысячелетий логической конструкцией: из «я знаю, что Р» следует «Р». «165. Он (с. 344) поясняет, что, когда один ребенок говорит другому: “Я знаю, что Земля существует уже столетия”, это означает лишь: “Я это выучил”». По словам автора (там же), самое трудное состоит в том, чтобы понять безосновательность такого верования.

После того как человек интериоризировал из окружающего мира знания — множество вербальных конструкций и в их числе вербальную конструкцию, декларирующую, что не всем знаниям можно и следует верить, что есть люди, ставящие их под сомнение, а то и опровергающие их, он начинает задумываться об истинности знаний.

Итак, убеждение, или верование, — это качество субъективных вербальных психических конструкций, которое делает их для человека безусловно верными репрезентациями реальности. Благодаря этому качеству одни вербальные конструкции он считает достоверными репрезентациями реальности, а другие, не имеющие данного качества, но, казалось бы, такие же, он не считает достоверными.

Б. Рассел (1999, с. 117) прав, когда пишет, ссылаясь на Д. Юма, что наши убеждения — это слепая вера, за которой нет никакой рациональной основы.

Нам следует принять тот факт, что никакие наши верования, как и знания, не только не могут, но и не должны быть абсолютно достоверными и бесспорными. И это совершенно нормально.

Примечание 13

Здравый смысл в науке трансформировал за многие века сам концепт, обозначаемый понятием *логика*. Теперь логика в быту и даже в науке — это отнюдь не формальная логика самих логиков, а последовательный, хорошо обоснованный ход рассуждений, в том числе научных. Это грамотно выстроенная и четко аргументированная вербальная конструкция, например научная теория, которая никакого отношения к формальной логике, то есть к логике как науке, не имеет. Именно поэтому А. Ребер (2000, с. 416), например, предлагает два разных значения понятия *логический*: 1) имеющий отношение к логике; 2) характеризующий рассуждение, которое является здравым, правильным. Причем автор указывает, что здравый и правильный с бытовой и даже научной точки зрения — это вовсе не обязательно логичный с точки зрения логики.

В результате появления двух значений у слова «логика» два значения появились и у выражения «логическое мышление». В первом, историческом значении это мышление в соответствии с правилами науки логики, целью которого является получение обоснованного вывода из имеющихся посылок. Во втором,

новом, сформировавшемся в последние два века практическом (и научном) значении этого понятия *логическое мышление* — это последовательное, непротиворечивое и доказательное выстраивание в сознании человека вербальных конструкций, упорядоченно и взаимосвязанно репрезентирующих ту или иную грань «реальности в себе». Например, достраивающих по аналогии неполную репрезентацию чего-то.

Хочу еще раз обратить внимание читателя на тот факт, что на возникновение мыслей в собственном сознании человек может оказывать влияние лишь косвенно. Он способен лишь удерживать в сознании некую вербальную конструкцию, редуцированное понятие или ментальный образ, которые формируют «тему» или задают некие «рамки». И уже в этих заданных границах произвольно рождаются мысленные ассоциации — новые мысли, то есть новые чувственные и символические образы и конструкции из них. В русле произвольно заданной, точнее, удерживаемой темы произвольно возникают по ассоциативным механизмам новые ментальные образы, редуцированные понятия и вербальные конструкции. Любая возникающая в сознании мысль произвольна.

Наше произвольное влияние на процесс возникновения собственных мысленных ассоциаций (назовем их «первичными» мыслями) сводится лишь к удержанию в сознании психического феномена, вызывающего эти произвольные ассоциации. Произвольно человек способен также перестраивать свои «первичные» вербальные конструкции, удерживая их путем повторения их и переделывая в иные последовательности, которые можно назвать «вторичными» вербальными мыслями. Причем в процессе построения этих «вторичных» цепочек в его сознании обычно произвольно рождаются новые «первичные» мысли. Процесс перестройки «первичных» конструкций удобно наблюдать в процессе работы с конструкциями языка.

Мышление и процессы вербализации разработаны в психологии недостаточно, и неясно, как следует называть эти разные психологические процессы спонтанного возникновения психических феноменов-мыслей и произвольного формирования человеком стройных вербальных конструкций из них. Может быть, первые следовало бы назвать собственно мышлением, а вторые, например, вербализацией или как-то иначе. Главное — то, что первые произвольны, тогда как вторые произвольны, но они уже предопределены содержанием первых.

У здорового человека мысли, спонтанно возникающие в рамках некой произвольно удерживаемой его сознанием «темы», по определению взаимосвязаны, последовательны и «логичны» в обыденном значении этого термина. Поэтому понятие *логическое мышление* применимо лишь к процессу вербализации или формирования вторичных вербальных конструкций, которые упорядочивают и перестраивают в более стройную и взаимосвязанную последовательность первичные вербальные мысли.

Литература

1. *Абушенко В. Л.* Конструкт // Новейший социологический словарь: понятия и персоналии, направления и школы, тексты и их анализ, методы сбора и анализа данных: около 1300 аналитических статей / Сост. А. А. Грицанов и др. — Минск, 2010. — С. 451–452.
2. *Айер А. Дж.* Язык, истина и логика / Пер. с англ. В. А. Суровцева, Н. А. Тарабанова; под общ. ред. В. А. Суровцева. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. — 239 с. — (Библиотека аналитической философии).
3. *Аксенов Г. П.* Причина времени. — М.: Эдиториал, URSS, 2001. — 300 с.
4. *Аллахвердов В. М.* Экспериментальная психологика. — СПб.: Изд-во ДНК, 2000. Т. 1: Сознание как парадокс. — 517 с. — (Серия «Новые идеи в психологии» / С.-петерб. психол. о-во).
5. *Андерсон Дж. Р.* Когнитивная психология / Пер. с англ. С. Комарова. 5-е изд. — М. и др.: Питер, 2002. — 492 с. — (Мастера психологии).
6. *Апресян Р. Г.* Общее понятие духовной культуры / Р. Г. Апресян, М. В. Колпытина // Культурология: для высших учебных заведений: Учебник по дисциплине «Культурология» блока ГСЭ Государственного образовательного стандарта / Б. А. Эренграсс (рук.) и др., под ред. Б. А. Эренграсс. — М., 2007. — С. 172–241.
7. *Аристотель.* Категории: с приложением «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля / Пер. с древнегреч. А. В. Кубицкого. 2-е изд. — М.: URSS, 2011. — 75 с. — (Из наследия мировой философской мысли: философия античности).
8. *Аскольдов А. С.* Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / Ин-т народов России и др.; под общ. ред. В. П. Нерознака. — М.: Academia, 1997. — С. 269–279.
9. *Асмолов А. Г.* Деятельность и установка. — М.: Изд-во МГУ, 1979. — 151 с.
10. *Баксанский О. Е.* Когнитивные репрезентации: обыденные, социальные, научные / Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: URSS, 2009. — 220 с.

11. *Баксанский О. Е.* Физика и математика. Анализ оснований взаимоотношения: методология современного естествознания / Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: Книжный дом «Либроком», 2009а. — 183 с.
12. *Барсалу Л.* Системы перцептивных символов // Когнитивная психология: история и современность: Хрестоматия: Пер. с англ. / Сост. М. Фаликман, В. Спиридонов. — М., 2011. — С. 125–138.
13. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. [с. 3–45] Г. К. Косикова. — М.: Прогресс; Универс; Рея, 1994. — 615 с.
14. *Барт Р. S/Z* / Пер. с фр. Г. К. Косикова и В. П. Мурат; общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — М.: Акад. проект, 2009. — 373 с. — (Философские технологии. Структурализм).
15. *Басов М. Я.* Метод наблюдения в психологии // Психология ощущений и восприятия / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Любимова, М. Б. Михалевской и Г. Ю. Любимовой. 3-е изд., перераб. и доп. — М.: АСТ: Астрель, 2009. — С. 621–631.
16. *Бейтсон Г.* Разум и природа: неизбежное единство / Пер. с англ. и предисл. Д. Я. Федотова. — М.: URSS, 2007. — 244 с.
17. *Бейтсон Г.* Экология разума: Избр. ст. по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. с англ. Д. Я. Федотова, М. П. Папуша. — М.: Смысл, 2000. — 476 с. — (Золотой фонд мировой психологии).
18. *Бергер П. Л.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социол. знания: Перевод / П. Бергер, Т. Лукман. — М.: Моск. филос. фонд; Academia-Центр; Медиум, 1995. — 323 с. — (Первые публикации в России).
19. *Бергсон А.* Длительность и одновременность. — М.: Добросвет; КДУ, 2006. — 160 с.
20. *Бергсон А.* Творческая эволюция / Пер. с фр. В. А. Флеровой. — М.; Жуковский; Кучково Поле, 2006а. — 380 с.
21. *Бердяев Н. А.* Дух и реальность / Вступ. ст. и сост. В. Н. Калужного. — М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. — 679 с.
22. *Бердяев Н. А.* Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н. А. Философия свободного духа: Сборник / Вступ. ст. А. Г. Мысливченко; подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой. — М., 1994. — С. 248–288.
23. *Беркли Д.* Сочинения / Сост., общ. ред. и вступ. статья И. С. Нарского; АН СССР, Ин-т философии. — М.: Мысль, 1978. — 556 с. — (Философское наследие).
24. *Би Х.* Развитие ребенка / Пер. с англ. А. Ершова, Н. Зуева. 9-е изд. — М. и др.: Питер, 2004. — 767 с. — (Мастера психологии).

25. *Бинсвангер Л.* Бытие-в-мире: Избр. ст. с крит. введ. в экзистенц. психоанализ Л. Бинсвангера (авт. Джекоб Нидлман). — М.: КСП+; СПб.: Ювента, 1999. — 299 с.
26. *Блинов Л. Н.* Справочник по химии: основные понятия, термины, законы, схемы, формулы, справочный материал, графики / Л. Н. Блинов и др. / С.-Петербург. гос. политех. ун-т. — М.: Проспект, 2010. — 154 с.
27. *Бодрийяр Ж.* Америка (1986) / Пер. с фр. Д. Калугина. — СПб.: Владимир Даль, 2000.
28. *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту. — Екатеринбург: У-Фактория, 2006. — 196 с. — (Серия «Академический бестселлер»).
29. Большая психологическая энциклопедия: самое полное современное издание: более 5000 психологических терминов и понятий / А. Б. Альмуханова и др. — М.: Эксмо, 2007. — 542 с.
30. *Бор Н.* Атомная физика и человеческое познание / Пер. с англ. В. А. Фока и А. В. Лермонтовой. — М.: Изд-во иностр. лит., 1961. — 151 с.
31. *Борн М.* Моя жизнь и взгляды / Пер. с англ. А. Арского и В. Белокозня / Введ. проф. Б. Коэна; послесл. чл.-кор. АН СССР М. Э. Омеляновского. — М.: Прогресс, 1973. — 176 с.
32. *Бородай Т. Ю.* Материя // Новая философская энциклопедия: В 4 т. — М. / Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. обществ.-науч. фонд; науч.-ред. совет.: В. С. Степин [и др.]. — М., 2001. Т. 2. — С. 514.
33. *Бозэций А. М. С.* «Утешение Философией» и другие трактаты / Пер. с лат. Т. Ю. Бородай и др.; отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. Г. Г. Майорова. 2-е изд. — М.: Изд-во ЛКИ, 2010. — 413 с. — (Классики науки).
34. *Брагина Н. Г.* Социокультурные конструкты в языке. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта, 2013. — 387 с.
35. *Бронфман В. В.* Пространство, время, взаимодействия. — М.: Физматлит, 2009. — 274 с. — (Библиотека учителя и школьника).
36. *Брунер Дж.* О действенном и наглядно-образном мышлении // Хрестоматия по общей психологии: Психология мышления: по спец. «Психология» / Под ред. и с предисл. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. — М.: Изд-во МГУ, 1981. — С. 87–96.
37. *Брунер Дж.* О перцептивной готовности // Психология ощущений и восприятия / Под. ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. 2-е изд., испр. и доп. — М., 1999. — С. 164–181.
38. *Брунер Дж. С.* Психология познания: За пределами непосредственной информации / Пер. с англ. К. И. Бабицкого; предисл. и общ. ред. чл. АПН СССР А. Р. Лурия. — М.: Прогресс, 1977. — 412 с. — (Обществ. науки за рубежом. Философия и социология).

39. *Бунге М.* Философия физики / Пер. с англ. Ю. Б. Молчанова. 2-е изд., стер. — М.: URSS, 2003. — 319 с.
40. *Буряк Н. Ю.* Национально-культурный компонент лакун в культуре языковой личности // *Инновационная наука*, 2015. — № 3. — С. 267–269.
41. *Бэкон Ф.* Сочинения: В 2 т. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Л. Субботина. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Мысль, 1978. Т. 2 — 575 с.
42. *Бэн А.* Психология // *Ассоциативная психология: Перевод / Вступ. ст., коммент. Е. И. Гарбера, И. Е. Гарбера.* — М.; Назрань, 1998. — С. 209–522.
43. *Вайсгербер Й. Л.* Родной язык и формирование духа / Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. 2-е изд., испр. и доп. — М.: URSS, 2004. — 229 с. — (История лингвофилософской мысли).
44. *Вартофский М.* Модели. Репрезентация и научное понимание: Пер. с англ. / Общ. ред. и послесл. [с. 450–484] И. Б. Новика, В. Н. Садовского. — М.: Прогресс, 1988. — 506 с.
45. *Вацлавик П.* Конструктивизм и психотерапия // *Вопросы психологии*, 2001. — № 5. — С. 101–113.
46. *Вацлавик П.* Хочешь видеть, учишься действовать // *Эволюция психотерапии: В 4 т. / Пер. с англ. Т. К. Кругловой.* — М., 1998. Т. 1: «Семейный портрет в интерьере»: семейная терапия. — С. 249–265.
47. *Введение в психологию: Учеб. для студентов ун-тов / Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др.; ред. В. П. Зинченко и др.; пер. Н. Ю. Спомиора, А. И. Назарова.* 14-е междунар. изд. — СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Олма-Пресс, 2003. — 672 с. — (Психологическая энциклопедия).
48. *Вебер М.* Избранное: Протестантская этика и дух капитализма / Пер. М. И. Левина, П. П. Гайденко, А. Ф. Филиппова и др. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. — 649 с.
49. *Вебер М.* Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост. общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
50. *Вебер М.* «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики / Пер. Н. И. Левиной // *Культурология. XX век: Антология: Перевод / Сост. С. Я. Левит.* — М.: Юристъ, 1995. — С. 557–603.
51. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева / Под ред. Т. В. Бульгиной. — М.: Яз. рус. культуры, 1999. — 776 с. — (Язык. Семиотика. Культура).
52. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. / Отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучевой. — М.: Рус. слов., 1996. — 411 с.

53. *Вейль Г.* Пространство. Время. Материя: Лекции по общей теории относительности / Пер. с 5-го перераб. нем. изд. (1923) В. П. Визгина / Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. 2-е изд., испр. — М.: URSS: Янус-К, 2004. — 455 с.
54. *Величковский Б. М.* Когнитивная наука. Основы психологии познания: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии: В 2 т. — М.: Academia; Смысл, 2006а. Т. 1. — 447 с.
55. *Величковский Б. М.* Когнитивная наука. Основы психологии познания: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии: В 2 т. — М.: Academia; Смысл, 2006. Т. 2. — 431 с.
56. *Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера / Предисл. Р. К. Баландина. — М.: Айрис-пресс, 2009. — 576 с. — (Б-ка истории и культуры).
57. *Вернадский В. И.* Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии, 1944. — № 18. — Вып. 2. — С. 113–120.
58. *Вернадский В. И.* Труды по всеобщей истории науки / Общ. ред. и вступ. ст. [с. 19–41] С. Р. Микулинского; предисл. А. Л. Яншина; АН СССР, Комис. по разраб. науч. наследия акад. В. И. Вернадского и др. 2-е изд. — М.: Наука, 1988. — 334 с.
59. *Вечканов Г. С.* Современная экономическая энциклопедия. — СПб.: Лань, 2002. — 879 с.: ил., табл.
60. *Виндельбанд В.* История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: В 2 т.: Пер. с нем. / Под ред. А. Введенского; вступ. ст. О. Бойцовой. — М.: Гиперборея; Кучково Поле, 2007. Т. 1: От возрождения до просвещения. — 639 с.
61. *Виндельбанд В.* История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: В 2 т.: Пер. с нем. / Под ред. А. Введенского. — М.: Гиперборея; Кучково Поле, 2007а. Т. 2: От Канта до Ницше. — 510 с.
62. *Виндельбанд В.* Философия культуры и трансцендентальный идеализм // Культурология. XX век: Антология: Перевод / Сост. С. Я. Левит. — М., 1995. — С. 57–68.
63. *Витгенштейн Л.* Дневники, 1914–1916 / Под общ. ред. В. А. Суровцева. — М.: «Канон+», 2009. — 399 с. — (Библиотека аналитической философии).
64. *Витгенштейн Л.* Предварительные материалы к «Философским исследованиям», повсеместно известные как Голубая и Коричневая книги / Пер. с англ. В. А. Суровцева, В. В. Иткина. — Новосибирск: Сибирское унив. изд-во, 2008. — 253 с. — (Пути философии).

65. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Языки как образ мира. — М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб.: Terra Fantastika, 2003. — С. 220–548.
66. *Витгенштейн Л.* Философские работы / Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева; сост., вступ. ст., прим. М. С. Козловой. — М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. — XXI, 520 с.
67. *Волков Ю. Г., Нечипуренко В. Н.* Реальность социальная // Социологический словарь / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. — М.: Инфра-М — Норма, 2010. — С. 387–388.
68. *Воркачев С. Г.* Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки, 2005. — № 4. — С. 76–83.
69. *Воркачев С. Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки, 2001. — № 1. — С. 64–72.
70. *Воронин С. В.* Фоносемантика как самостоятельная дисциплина. Исходные теоретические положения // Общая психолингвистика: Хрестоматия: Учеб. пособие / Сост. К. Ф. Седов. — М.: Лабиринт, 2004. — С. 109–121.
71. *Вундт В. М.* Введение в психологию / Пер. с нем. и предисл. Н. Самсонова. 3-е изд. — М.: URSS, 2007. — 167 с. — (Из наследия мировой психологии).
72. *Вундт В. М.* Психология народов / В. Вундт. — М.: ЭКСМО; СПб.: Terra Fantastica, 2002. — 861 с. — (Антология мысли).
73. *Выготский Л. С.* Исследование образования понятий: методика двойной стимуляции / Л. С. Выготский, Л. С. Сахаров // Хрестоматия по общей психологии: Психология мышления: по спец. «Психология» / Под ред. и с предисл. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. — М., 1981. — С. 194–203.
74. *Выготский Л. С.* Мысль и слово // Общая психология: тексты: для студентов факультетов психологии вузов по направлению 521000 — «Психология»: В 3 т. / Отв. ред. В. В. Петухов. 2-е изд., испр. и доп. — М., 2005. Т. 3: Субъект познания. Кн. 1. — С. 404–417.
75. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. — М.: Лабиринт, 2005а. — 349 с. — (Серия ΨΛ).
76. *Выготский Л. С.* Психология. — М.: Апрель-Пресс; Эксмо-Пресс, 2000. — 1006 с. — (Мир психологии).
77. *Выготский Л. С.* Развитие научных и житейских понятий в детском возрасте / Л. С. Выготский // Общая психология: тексты: для студентов факультетов психологии вузов по направлению 521000 — «Психология»: В 3 т. Отв. ред. В. В. Петухов. 2-е изд., испр. и доп. — М., 2005б. Т. 3: Субъект познания. Кн. 1. — С. 412–422.

78. *Выготский Л. С.* Стадия развития значений слов в онтогенезе // Общая психология: тексты: для студентов факультетов психологии вузов по направлению 521000 — «Психология»: В 3 т. / Отв. ред. В. В. Петухов. 2-е изд., испр. и доп. — М., 2005в. Т. 3: Субъект познания. Кн. 1. — С. 399–411.
79. *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1848) / Изд. подг. В. С. Нечаева. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — (Серия «Литературные памятники»).
80. *Гадамер Х.-Г.* Герменевтический аспект философии // Хрестоматия по западной философии: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Философия» / Сост. Н. И. Фокина. — М., 2006. — С. 493–522.
81. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. [с. 5–36] Б. Н. Бессонова. — М.: Прогресс, 1988. — 699 с.
82. *Гайденко П. П.* К предьстории становления новоевропейской науки // Философия, наука, цивилизация / Отв. ред. В. В. Казютинский. — М., 1999. — С. 6–30.
83. *Гайденко П. П.* Познание и ценности // Субъект, познание, деятельность: к 70-летию В. А. Лекторского / Редкол.: И. Т. Касавин (отв. ред. и сост.) и др. — М., 2002. — С. 216–217.
84. *Гарсия Д.* Мироззрение: Новая монадология. 2-е изд., испр. и перераб. — М.: URSS, 2004. — 430 с.
85. *Гартман Н.* К основоположению онтологии / Пер. с нем. Ю. В. Медведева; под ред. Д. В. Скляднева. — СПб.: Наука, 2003. — 639 с. — (Слово о сущем. Т. 41).
86. *Гартман Н.* Познание в свете онтологии / Пер. с нем. А. Лаптева // Западная философия: итоги тысячелетия: Сборник: Перевод / Сост. В. М. Жамияшвили. — Екатеринбург; Бишкек, 1997. — С. 461–540.
87. *Гачев Г. Д.* Национальные образы мира: Курс лекций. — М.: Изд. центр «Академия», 1998. — 429 с.
88. *Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа. — М.: Наука, 2000. — 495 с. — (Памятники философской мысли / Рос. акад. наук. Ин-т философии).
89. *Гедель К.* Расселовская математическая логика // Рассел Б. Введение в математическую философию: избранные работы / Пер. с англ. В. А. Суровцева, В. В. Целищева. — Новосибирск, 2007. — С. 237–261.
90. *Гейвин Х.* Когнитивная психология / Пер. с англ. С. Комарова. — М. и др.: Питер, 2003. — 268 с. — (Концентрированная психология).
91. *Гейзенберг В.* Избранные философские работы. Шаги за горизонт. Часть и целое: беседы вокруг атомной физики / Пер. с нем. А. В. Ахутина, В. В. Бибихина. — СПб.: Наука, 2006. — 571 с. — (Слово о сущем. Т. 65).

92. *Гейзенберг В.* Философские проблемы атомной физики / Пер. с англ. и предисл. ко 2-му изд. Н. Ф. Овчинникова; вступ. ст. И. В. Кузнецова. 2-е изд. — М.: URSS, 2004. — LIV, 2 — 133 с.
93. *Гелен А.* О систематике антропологии / Пер. А. Филиппова // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. — М.: Прогресс, 1988. — С. 152–201.
94. *Геллнер Э.* Слова и вещи / Введ. Б. Рассела / Пер. с англ. И. Добролюбова и В. Швырева; общ. ред. и вступ. ст. [с. 5–23] В. В. Мшвениерадзе. — М.: Изд-во иностр. лит., 1962. — 344 с.
95. *Гельмгольц Г.* О восприятии вообще // Психология ощущений и восприятия / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. 2-е изд., испр. и доп. — М.: ЧеРо, 2002. — С. 21–46. — (Хрестоматия по психологии).
96. *Гельмгольц Г.* О восприятии вообще // Психология ощущений и восприятия: Хрестоматия / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, ф-т психологии / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2009. — С. 25–43.
97. *Гетманова А. Д.* Логика: Учеб. пособие для студентов вузов. — М.: Гаудеамус; Акад. проект, 2007. — 710 с.
98. *Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию / Пер. с англ. Т. М. Сокольской; общ. ред. и вступ. ст. [с. 5–20] А. Д. Логвиненко. — М.: Прогресс, 1988. — 461 с.
99. *Гидденс Э.* Социология / Пер. с англ. Э. Гидденс при участии К. Бердсолл. 2-е изд., выполн. по 4-му англ. изд., перераб. и доп. — М.: URSS, 2005. — 629 с.
100. *Гиппенрейтер Ю. Б.* Введение в общую психологию: Курс лекций: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Психология». — М.: ЧеРо; Юрайт, 2002. — 332 с.
101. *Глазерсфельд Э. фон.* Введение в радикальный конструктивизм // Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма: Традиции скептицизма в соврем. философии и теории познания / Э. фон Глазерсфельд; С. Цоколов (с пер. ориг. работ П. Вацлавика, Э. фон Глазерсфельда, Х. фон Ферстера и др.). — München, 2000. — С. 74–98.
102. *Глазерсфельд Э. фон.* Введение в радикальный конструктивизм // Вестник Московского ун-та. Серия 7: Философия, 2001. — № 4. — С. 59–81.
103. *Глейтман Г.* Основы психологии: Пер. с англ. / Г. Глейтман, А. Фридлунд, Д. Райсберг. 5-е междунар. изд. — СПб.: Речь, 2001. — 1246 с. — (Мэтры мировой психологии).
104. *Годфруа Ж.* Что такое психология: В 2 т. / Под ред. Г. Г. Аракелова / Пер. с фр. Н. Н. Алипова и др. 2-е изд., стер. — М.: Мир, 1999. Т. 1. — 491 с.

105. *Голдстейн М.* Восприятие и понимание / М. Голдстейн, И. Ф. Голдстейн // Психология ощущений и восприятия: Хрестоматия / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, ф-т психологии / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2009. — С. 616–620.
106. *Головаха Е. И.* Психологическое время личности / Е. И. Головаха, А. А. Кроник. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Смысл, 2008. — 267 с.
107. *Голямина И. П.* Звук // Физическая энциклопедия / Гл. ред. А. М. Прохоров. — М., 1990. Т. 2. — С. 69–71.
108. *Горелов И. Н.* Основы психолингвистики: Учеб. пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Лабиринт, 2001. — 303 с.
109. *Гоффман И.* Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ. Р. Е. Бумагина и др. — М.: Ин-т социологии РАН; Ин-т фонда «Обществ. мнение», 2003. — 750 с.
110. *Гоффман И.* Закрепление форм деятельности // Социология вещей: Сб. статей / Под ред. В. Вахштайна. — М., 2006. — С. 54–117.
111. *Грегори Р. Л.* Глаз и мозг: Психология зрительного восприятия / Предисл. и общ. ред. А. Р. Лурия и В. П. Зинченко. — М.: Прогресс, 1970. — 269 с.
112. *Грегори Р. Л.* Знание и иллюзии восприятия // Когнитивная психология: история и современность: Хрестоматия: Пер. с англ. / Сост. М. Фаликман, В. Спиридонов. — М., 2011. — С. 217–228.
113. *Грегори Р. Л.* Разумный глаз: Как мы узнаем то, что нам не дано в ощущениях / Пер. с англ. А. И. Когана. 2-е изд. — М.: URSS, 2003. — 232 с.
114. *Грин Б.* Ткань космоса. Пространство, время и текстура реальности / Пер. с англ. под общ. рук. Б. С. Ишханова; под ред. В. О. Малышенко, А. Д. Панова. — М.: Книжный дом «Либроком», 2009. — 601 с.
115. *Гришунин С. И.* Философия науки. Основные концепции и проблемы: Учеб. пособие / С. И. Гришунин. 2-е изд., испр. — М.: URSS, 2009. — 221 с. — (К экзаменам кандидатского минимума).
116. *Гумилев Л. Н.* Этносфера: история людей и история природы. — М.: АСТ, 2004. — 575 с. — (Историческая библиотека).
117. *Гусев А. Н.* Ощущение и восприятие: Общая психология / Ф-т психологии Московского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, каф. общ. психологии. — М.: Академия, 2007. Т. 2. — 414 с. — (Университетский учебник по психологии).
118. *Гусельцева М. С.* Парадигмы в психологии: историко-методологический анализ // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Рос. акад. наук, Ин-т психологии; отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. — М., 2012. — С. 34–56.

119. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия / Пер. Н. А. Кулаковой и Т. Н. Панченко / Сверка-ред. и примечания В. В. Бибикина // Культурология. XX век: Антология: Перевод / Сост. С. Я. Левит. — М.: Юрист, 1995. — С. 297–330.
120. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука. — Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. — 752 с.
121. Гуссерль Э. Метод прояснения // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия для вузов / Ин-т «Открытое общество»; сост., пер., вступ. ст., ввод. замечания и коммент. А. А. Печенкина. 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1996. — С. 365–375.
122. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — Репр. воспроизведение изд. 1903–1909 гг. / Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. — М.: Кн. клуб ГЕРРА, 1998. Т. 1: А–З. — XIV, 1743, X с.
123. Декарт Р. Возражения некоторых ученых мужей против изложенных выше «Размышлений» с ответами автора. Пятые возражения / Пер. с лат. А. Гутермана // Декарт Р. Сочинения: В 2 т. / Пер. с лат. и фр. С. Я. Шейнман-Топштейн и др.; сост., ред. и примеч. В. В. Соколова; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М., 1994. — С. 200–272.
124. Декарт Р. Возражения некоторых ученых мужей против изложенных выше «Размышлений» с ответами автора... Ответ автора на пятые возражения / Пер. с лат. С. Я. Шейнман-Топштейн // Декарт Р. Сочинения: В 2 т. / Пер. с лат. и фр. С. Я. Шейнман-Топштейн и др.; сост., ред. и примеч. В. В. Соколова; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М., 1994а. — С. 272–302.
125. Декарт Р. Сочинения: В 2 т. / Рене Декарт; [сост., ред. В. В. Соколова; пер. с лат. и франц. С. Я. Шейнман-Топштейн и др.]. — М.: Мысль, 1989. Т. 1. — 654, [2] с. — (Философское наследие, т. 106).
126. Декарт Р. Сочинения: В 2 т. / Рене Декарт; [сост., ред. В. В. Соколова; пер. с лат. и франц. С. Я. Шейнман-Топштейн и др.]. — М.: Мысль, 1994. Т. 2. — 632, [2] с. — (Философское наследие, т. 119).
127. Декомб В. Современная французская философия. — М.: Весь мир, 2000. — 336 с. — (Тема).
128. Делез Ж. Логика смысла: Пер. с фр. — М.: Изд. центр «Академия», 1995. — 297 с. — (Первые публикации в России ППР).
129. Демьянков В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры / В. З. Демьянков // Язык как материя смысла: Сб. статей к 90-летию академика Н. Ю. Шведовой / Российская акад. наук, Отделение историко-филологических наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Ви-

- ноградова, Науч. совет «Русский язык»; редкол.: М. В. Ляпон (отв. ред.) и др. — М., 2007. — С. 606–622.
130. *Деннет Д. С.* Виды психики: на пути к пониманию сознания / Пер. с англ. яз. А. Веретенникова / Под общ. ред. Л. Б. Макеевой. — М.: Идея-Пресс, 2004. — 183 с.
131. *Деперт В.* Мифические формы мышления в науке на примере понятий пространства, времени и закона природы // Наука в культуре / Рос. акад. наук, Ин-т философии; под ред. В. Н. Поруса. — М., 1998. — С. 261–277.
132. *Деррида Ж.* Позиции: беседы с Анри Ронсом, Юлией Кристевой, Жаном-Луи Удбином, Ги Скарпетта / Пер. с фр. В. В. Биbihина. — М.: Акад. проект, 2007. — 158 с. — (Философские технологии. Постструктурализм).
133. *Джеймс У.* Введение в философию // Джеймс У. Проблемы философии / Б. Рассел: Сб. — М., 2000. — С. 7–155.
134. *Джеймс У.* Воля к вере: сборник: Пер. с англ. / Послесл. Л. Е. Павловой и др.; примеч. Р. К. Медведевой, Л. Е. Павловой. — М.: Республика, 1997. — 430 с. — (Мыслители XX века).
135. *Джеймс У.* Научные основы психологии. — Минск: Харвест; Белорусский дом печати, 2003. — 527 с.
136. *Джонсон-Лэйрд Ф.* История ментальных моделей // Когнитивная психология: история и современность: Хрестоматия: Пер. с англ. / Сост.: М. Фаликман, В. Спиридонов. — М., 2011. — С. 344–351.
137. *Добреньков В. И., Кравченко А. И.* Методология и методика социологического исследования: Учеб. — М.: Академ. проект; Альма-матер, 2009. — 537 с. — (Gaudeamus).
138. *Донской Б. Л.* Реальная действительность: что такое свойство? — М.: URSS; Либроком, 2009. — 44 с.
139. *Дюгем П.* Физическая теория: ее цель и строение / Пер. с фр. Г. А. Котляра; предисл. Э. Маха. 2-е изд., стер. — М.: URSS, 2007. — 326 с. — (Из наследия мировой философской мысли. Философия науки).
140. *Дюркгейм Э.* Социология: Ее предмет, метод, предназначение: Сборник: Пер. с фр. — М.: Канон, 1995. — 349 с. — (История социологии в памятниках).
141. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка / Пер. с англ. В. А. Звегинцева и др. — М.: URSS, 2005. — 243 с. — (Лингвистическое наследие XX века).
142. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: св. 136 000 словар. ст., ок. 250 000 семант. единиц: В 2 т. — М.: Рус. яз., 2000. Т. 2: П–Я. — 1084 с.

143. *Зализняк А. А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — М.: Яз. славян. культуры, 2005. — 540 с.: табл. — (Язык. Семиотика. Культура).
144. *Звегинцев В. А.* Теоретическая и прикладная лингвистика: Учеб. пособие для филол. фак. пед. ин-тов. — М.: Просвещение, 1968. — 336 с.
145. *Зимбардо Ф.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь: исправь Прошлое, наслаждайся Настоящим и управляй Будущим / Ф. Зимбардо, Дж. Бойд. — СПб.: Речь, 2010. — 349 с.
146. *Зиммель Г.* Рама картины: Эстетический опыт // Социология вещей: Сб. статей / Под ред. В. Вахштайна. — М., 2006. — С. 48–54. — (Университетская библиотека Александра Погорельского / Сост. В. В. Анашвили, А. Л. Погорельский. Серия «Социология. Политология»).
147. *Зиммель Г.* Ручка: Эстетический опыт // Социология вещей: Сб. статей / Под ред. В. Вахштайна. — М., 2006а. — С. 43–47. — (Университетская библиотека Александра Погорельского / Сост. В. В. Анашвили, А. Л. Погорельский. Серия «Социология. Политология»).
148. *Зинченко В. П.* Преходящие и вечные проблемы психологии: послесловие // Введение в психологию: Учеб. для студентов ун-тов / Р. Л. Аткинсон, Р. С. Аткинсон, Э. Е. Смит и др.; ред. В. П. Зинченко и др.; пер. Н. Ю. Спомиора, А. И. Назарова. 14-е изд., междунар. — СПб.; М., 2003. — С. 649–662, 663–672, 791–805.
149. *Зорина З. А.* Зоопсихология. Элементарное мышление животных: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Биология» и «Психология» / З. А. Зорина, И. И. Полетаева. — М.: Аспект-Пресс, 2001. — 319 с.
150. *Зотов А. Ф.* Вместо предисловия, или Чем интересна эта книга для современного читателя // Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психологическому. — М., 2005. — С. 7–30.
151. *Зубарев Ю. А.* Энциклопедический словарь терминов по менеджменту, маркетингу, экономике, предпринимательству: Учеб. пособие: В 2 т. / Ю. А. Зубарев, А. И. Шамардин. — Волгоград: ВГАФК, 2012. Т. 2. — 607 с.
152. *Зубец И. З.* Символизм предметов в народной культуре // История и культура Ростовской земли, 2007. — Ростов-н/Д, 2008. — С. 361–375.
153. *Иванников В. А.* Основы психологии: Курс лекций для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальностям психологии. — М. и др.: Питер, 2010. — 327 с. — (Мастера психологии).
154. *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении / Сост., предисл., библиогр. А. Г. Новохатько. — М.: Росспэн, 1997. — 464 с. — (Философы России XX века).

155. *Йенссон Б.* Десять размышлений о времени / Пер. со швед. Ю. Колесовой. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. — 133 с.
156. *Каку М.* Параллельные миры: об устройстве мироздания, высших измерениях и будущем Космоса / Пер. с англ. М. Кузнецовой. — М.: София, 2008. — 414 с.
157. *Кандинский В. Х.* О псевдогаллюцинациях. — Н. Новгород: изд-во НГМА; М.: Медицинская книга, 2001. — 157 с. — (Библиотека медицинской классики. Психиатрия).
158. *Кант И.* Критика чистого разума: Пер. с нем. / Примеч. Ц. Г. Арзаканяна. — М.: Мысль, 1994. — 591 с. — (Философское наследие: ФН. Т. 118).
159. *Кант И.* Первое введение в критику способности суждения // Кант И. Трактаты и письма / Вступ. ст. [с. 5–42] А. В. Гулыги. — М., 1980. — С. 65–394. Публикуется по изданиям: *Кант И.* Сочинения: В 6 т. — М.: Мысль, 1966. Т. 5, 6; *Кант И.* Трактаты и письма. — М.: Наука, 1980; СПб.: Наука, 2001. — С. 65–394.
160. *Кант И.* Первое введение в критику способности суждения. Критика способности суждения. О применении телеологических принципов в философии. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. К вечному миру. Предлагаемое начало человеческой истории. 2-е изд., стер. — СПб.: Наука, 2006. — 512 с. — (Слово о сущем. Т. 11).
161. *Кант И.* Прологомены ко всякой будущей метафизике // Кант И. Сочинения: В 6 т. / Вступ. ст. и ред. В. Ф. Асмуса. — М., 1965. Т. 4. Ч. 1. — С. 67–210, 140.
162. *Карасик В. И.* Базовые характеристики концептов в лингвокультурной концептологии / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — М.: Гнозис, 2007. — С. 12–13.
163. *Карасик В. И.* Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. — Воронеж: ВГУ, 2001. — С. 75–80.
164. *Карасик В. И.* Предисловие / В. И. Карасик, И. А. Стернин // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — М.: Гнозис, 2007а. — С. 5–6.
165. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / Науч.-исслед. лаб. «Аксиол. лингвистика». — М.: Гнозис, 2004. — 389 с.
166. *Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: становление и развитие: Антология: Пер. с англ., нем. / Общ. ред. и сост. А. Ф. Грязнова. — М., 1998. — С. 69–89.

167. *Кассирер Э.* Лекции по философии и культуре / Пер. И. А. Лейтес и Е. А. Жуковой // *Культурология. XX век: Антология: Перевод / Сост. С. Я. Левит.* — М.: Юристъ, 1995. — С. 104–162.
168. *Кассирер Э.* Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры / Пер. А. Муравьева // *Проблема человека в западной философии: Сб. пер. с англ., нем., фр. / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова.* — М., 1988. — С. 3–30.
169. *Кассирер Э.* Познание и действительность. Понятие субстанции и понятие функции / Пер. Б. Столпнера и П. Юшкевича. — М.: Гнозис, 2006. — 398 с.
170. *Кассирер Э.* Теория относительности Эйнштейна / Пер. с нем. Е. С. Берловича и И. Я. Колубовского. 2-е изд. — М.: URSS: Книжный дом «Либроком», 2009. — 144 с. — (Физико-математическое наследие: физика (философия физики)).
171. *Кассирер Э.* Философия символических форм / Пер. с нем. С. А. Ромашко. — М.: Универ. кн.; СПб., 2002. Т. 1. — 270 с.
172. *Кассирер Э.* Философия символических форм / Пер. с нем. С. А. Ромашко. — М.: Универ. кн.; СПб., 2002а. Т. 3. — 397 с.
173. *Кассирер Э.* Философия символических форм: Введение и постановка проблемы / Пер. и прим. А. Н. Малинкина // *Культурология. XX век: Антология: Перевод / Сост. С. Я. Левит.* — М.: Юристъ, 1995а. — С. 163–212.
174. *Кафанья А. К.* Формальный анализ определений «культура» // *Антология исследований культуры / Редкол.: отв. ред. и сост. Л. А. Мостова.* — СПб., 1998. Т. 1: Интерпретации культуры. — С. 91–114.
175. *Келли Дж.* Теория личности: Психология личн. конструкторов / Пер. с англ. и науч. ред. А. А. Алексеева. — СПб.: Речь, 2000. — 248 с. — (Мастерская психологии и психотерапии).
176. *Клиническая психология: Словарь / Ред. Н. Д. Творогова.* — М.: PerSe, 2007. — 414 с. — (Психологический лексикон: Энциклопедический словарь: В 6 т. / Ред.-сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского).
177. *Клочко В. Е.* Парадигмальная динамика психологической науки как процесс усложнения психологического мышления // *Парадигмы в психологии: Наукоедческий анализ / Рос. акад. наук, Ин-т психологии; отв. ред.: А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич.* — М., 2012. — С. 106–135.
178. *Князева Е. Н.* Кибернетические истоки конструктивистской эпистемологии / Е. Н. Князева // *Когнитивный подход: Науч. монография / В. А. Лекторский, акад. Рос. акад. наук, д-р филос. наук, проф., Л. А. Микешина, д-р филос. наук, проф., О. Е. Баксанский, д-р филос. наук и др. / Рос. акад. наук, Ин-т философии.* — М., 2008. — С. 227–271.

179. *Коганов А. В.* Математический аспект изучения категории времени // На пути к пониманию феномена времени: конструкции времени в естествознании / Аристов В. В. и др.; под ред. А. П. Левича. — М., 2009. Ч. 3: Методология, физика, биология, математика, теория систем — С. 64–116.
180. *Койре А. В.* Очерки истории философской мысли: О влиянии философских концепций на развитие научных теорий / Общ. ред. и предисл. А. П. Юшкевича; пер. с фр. Я. А. Ляткера. 2-е изд., стер. — М.: URSS, 2003. — 269 с.
181. *Комлев Н. Г.* Слово в речи: Денотатив. аспекты. — М.: Изд-во МГУ, 1992. — 214 с.
182. *Кондаков И. М.* Психология: Иллюстрированный словарь. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. — 783 с. — (Большая университетская библиотека).
183. *Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник / АН СССР, Ин-т философии. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Наука, 1975. — 720 с.
184. *Коплстон Ф. Ч.* История средневековой философии / Пер. с англ. И. Борисовой. — М.: Энигма, 1997. — 500 с. — (История духовной культуры).
185. *Копытофф И.* Культурная биография вещей: товаризация как процесс // Социология вещей: Сб. статей / Под ред. В. Вахштайна. — М., 2006. — С. 134–166.
186. *Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки и специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 4-е изд., испр. — М.: Книжный дом «Университет», 2013. — 347 с.
187. *Косслин С. М.* Мысленные образы // Когнитивная психология: история и современность: Хрестоматия: Пер. с англ. / Сост.: М. Фаликман, В. Спиридонов. — М., 2011. — С. 97–109.
188. *Крайг Г.* Психология развития: Учеб. пособие / Г. Крайг, Д. Бокум / Науч. ред. пер. на рус. яз. Т. В. Прохоренко; пер. с англ. А. Маслова и др. 9-е изд. — СПб.: Питер, 2004. — 939 с. — (Мастера психологии).
189. *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Эксмо, 2007. — 939 с. — (Библиотека словарей / Российская акад. наук, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова).
190. *Куайн У.* С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков / Пер. В. А. Ладова и В. А. Суровцева под общ. ред. В. А. Суровцева. — М.: «Канон+», 2010. — 271 с. — (Библиотека аналитической философии).

191. *Куайн У.* Философия логики / Пер. В. А. Суровцева. — М.: «Канон+», 2008. — 190 с. — (Библиотека аналитической философии).
192. *Кубрякова Е. С.* Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнарович, Л. В. Сахарный; отв. ред. Е. С. Кубрякова; АН СССР, Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1991. — 238 с.
193. *Кузин В. И.* Организационно-правовые основы системы государственного и муниципального управления / В. И. Кузин, С. З. Зуев / Акад. нар. хоз-ва при Правительстве РФ. — М.: Дело, 2010. — 118 с. — (Образовательные инновации).
194. *Кузнецов Б. Г.* Разум и бытие: Этюды о классическом рационализме и неклассической науке. 2-е изд. — М.: URSS, 2010. — 287 с. — (Физико-математическое наследие: физика (философия физики)).
195. *Кузнецов Б. Г.* Эволюция картины мира / Отв. ред. В. П. Зубов. 2-е изд. — М.: URSS; Либроком, 2010а. — 350 с. — (Из наследия философской мысли: философия науки).
196. *Кун Д.* Основы психологии: Большая энциклопедия психологии: все тайны поведения человека / Пер. с англ. А. Кулакова и др. 10-е изд., междунар. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. — 720 с.
197. *Кун Т.* После «Структуры научных революций»: Пер. с англ. — М.: АСТ, 2014. — 443 с. — (Новая философия).
198. *Кэмпбелл Д. Т.* Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д. Г. Лахути и др.; пер. с англ. Д. Г. Лахути; общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского; послесл. В. К. Финна. — М., 2000. — С. 92–146.
199. *Кюглер П.* Психические образы как мост между субъектом и объектом // Кембриджское руководство по аналитической психологии / Под ред. П. Янг-Айзендрат, Т. Даусона; пер.: И. Золотов и др. 2-е изд. — М., 2007. — С. 121–142.
200. *Лайонз Дж.* Лингвистическая семантика. Введение: Пер. с англ. — М.: Языки славян. культуры (Кошелев), 2003. — 397 с. — (Язык. Семиотика. Культура 1727–1630).
201. *Лакан Ж.* Тупики Микаэля Балинта // Лакан Ж. Семинары / Под ред. Ж.-А. Миллера; пер. с фр. М. Титовой, А. Черноглазова. — М., 2009. Кн. 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953–1954). — С. 265–306.
202. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун; пер. с англ. И. З. Налетова и др. — М., 2001. — С. 273–453.
203. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. — М.: Яз. славян. культуры, 2004. — 792 с. — (Язык. Семиотика. Культура, 1727–1630).

204. *Лакишина С. М.* Краткий словарь иностранных слов / Сост. С. М. Локшина. 3-е изд., стер. — М.: Сов. энциклопедия, 1971. — 384 с.
205. *Лаптева О. И.* Организационная психология: Учеб. пособие / О. И. Лаптева; Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации, Сибирская акад. гос. службы. — Новосибирск: Сибирская акад. гос. службы, 2005. — 299 с.
206. *Латур Б.* Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей: Сб. статей / Под ред. В. Вахштайна. — М., 2006. — С. 342–364.
207. *Лебедев С. А.* Философия науки: слов. основных терминов / С. А. Лебедев. — М.: Акад. проект, 2004. — 316, [1] с. — (Учебное пособие для вузов).
208. *Лебон Г.* Душа толпы // Лебон Г. Психология народов и масс: Перевод. — СПб., 1995. — С. 156–185.
209. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. — М.: Педагогика-Пресс, 1999. — 602 с. — (Психология: классические труды).
210. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. — М.: Эксмо-Пресс, 2001. — 510 с. — (Психология без границ).
211. *Левин К.* Теория поля в социальных науках / Пер. Е. Сурпина. — СПб.: Речь, 2000. — 364 с. — (Мастерская психологии и психотерапии).
212. *Лейбниц Г. В.* Третье письмо Лейбница, или Ответ на второе возражение Кларка // Сочинения: В 4 т. / Ред. и сост. В. В. Соколов, пер. Я. М. Боровского. — М., 1982. Т. 1. — С. 441–445.
213. *Лекторский В. Л.* Научное и вненаучное мышление: скользкая граница // Наука в культуре / Рос. акад. наук, Ин-т философии; под ред. В. Н. Поруса. — М., 1998. — С. 82–98.
214. *Леонтьев А. А.* Деятельный ум: Деятельность, Знак, Личность. — М.: Смысл, 2001. — 380 с. — (Фундаментальная психология: ФП).
215. *Леонтьев А. А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. — М.: Просвещение, 1969. — 214 с.
216. *Леонтьев А. Н.* Образ мира // Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. — М., 1983. Т. 2. — С. 251–261.
217. *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. 2-е изд., доп. — М.: Мысль, 1965. — 572 с.
218. *Леонтьева Е. Ю.* Рациональность и ее типы: генезис и эволюция: Учеб. пособие / Российская акад. образования, Московский психолого-социальный ин-т. — М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2006. — 254 с. — (Серия «Библиотека студента»).

219. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 685 с.
220. *Лиотар Ж. Ф.* Феноменология / Пер. с фр. и послесл. Б. Г. Соколова. — СПб.: Лаб. метафиз. исслед. при филос. ф-те СПбГУ: Алетей, 2001. — 150 с. — (Метафизические исследования: прил. к альм.).
221. *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Концептосфера русского языка / Известия РАН. Серия лит. и яз. — М., 1993. Т. 52. — № 1. — С. 3–9.
222. *Лихачев Д. С.* Избранные труды по русской и мировой культуре: Сборник / СПбГУП. — СПб., 2006. — С. 316–329.
223. *Лихи Т. Г.* Бихевиоризм // Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха; науч. ред. пер. на рус. яз. А. А. Алексеева. 2-е изд. — СПб. и др.: Питер, 2006. — С. 59–61.
224. *Логвиненко А. Д.* Психология восприятия: Учеб.-метод. пособие для студентов ф-та психологии гос. ун-тов / Науч.-метод. каб. по заоч. и веч. обучению МГУ им. М. В. Ломоносова. — М.: Изд-во МГУ, 1987. — 81 с.
225. *Логвиненко А. Д.* Чувственные основы восприятия пространства. — М.: Изд-во МГУ, 1985. — 224 с.
226. *Локк Дж.* Сочинения: В 3 т. / АН СССР, Ин-т философии; ред. И. С. Нарский, А. Л. Субботин; пер. с англ. А. Н. Савина. — М.: Мысль, 1985. Т. 1. — 622 с. — (Филос. наследие).
227. *Локк Дж.* Сочинения: В 3 т. / АН СССР, Ин-т философии; ред. И. С. Нарский, А. Л. Субботин; пер. с англ. А. Н. Савина. — М.: Мысль, 1985а. Т. 2. — 560 с. — (Филос. наследие).
228. *Лоренц К.* Год серого гуся / Пер. с нем. И. Гуровой. — М.: Мир, 1984. — 184 с.
229. *Лоренц К.* По ту сторону зеркала / Выборочный перевод Л. Б. Толстова // Эволюционная эпистемология: Антология / Российская акад. наук, Ин-т философии, Ин-т науч. информ. по общественным наукам; науч. ред., сост. Е. Н. Князева. — М., 2012. — С. 75–109.
230. *Лотман Ю. М.* Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992) / Ю. М. Лотман. — СПб.: Искусство, 2004. — 703 с.
231. *Луман Н.* Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. — М.: Практика, 2005. — 253 с.
232. *Лурия А. Р.* Культурные различия и интеллектуальная деятельность // Хрестоматия по курсу «Введение в психологию»: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений по направлению и специальности «Психология» / Ред.-сост. Е. Е. Соколова. — М., 2005. — С. 306–319.

233. *Лутченко В. А.* Социальное // *Философский энциклопедический словарь* / Ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. — М.: Инфра-М, 1998. — С. 429–430.
234. *Любимов В. В.* Психология восприятия: Учебник. — М.: Эксмо; ЧеРо; МПСИ, 2007. — 472 с. — (Психология: университетский стандарт).
235. *Любинская Л. Н.* Философские проблемы времени в контексте междисциплинарных исследований / Л. Н. Любинская, С. В. Лепилин. — М.: Прогресс-традиция, 2002. — 303 с.
236. *Мазилев В. А.* Парадигмы в психологии: от истории к современности // *Парадигмы в психологии: науковедческий анализ* / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич; Российская акад. наук, Ин-т психологии. — М., 2012. — С. 57–94.
237. *Майерс Д. Дж.* Психология / Пер. с англ. И. А. Карпикова, В. А. Старовойтовой / Под общ. науч. ред. В. А. Янчука. — Минск: ООО «Попурри», 2001. — 847 с.
238. *Майерс Д. Дж.* Социальная психология / Пер. с англ. В. Гаврилов и др. 6-е изд., междунар. — СПб.: Питер, 2001а. — 752 с. — (Мастера психологии).
239. *Максимов Л. В.* Когнитивный редукционизм в науках о духе // *Когнитивный подход: Науч. монография* / акад. Рос. акад. наук, д-р филос. наук, проф. В. А. Лекторский, д-р филос. наук, проф. Л. А. Микешина, д-р филос. наук О. Е. Баксанский и др.; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М., 2008. — С. 165–201.
240. *Малиновский Б.* Магия, наука и религия: Перевод / Вступ. ст. Р. Редфилда и др. — М.: Рефл-бук, 1998. — 288 с. — (Созвездия мудрости). — (Загл. пер. и корешка: Магия, наука, религия).
241. *Мальро А.* Воображаемый Музей: голоса безмолвия / Пер. с фр. К. С. Володина. — М.: КРУК-Престиж, 2005. — 253 с.
242. *Мамардашвили М. К.* Лекции по античной философии / Под ред. Ю. П. Сенокосова. — М.: Аграф, 1998. — 309 с. — (Путь к очевидности).
243. *Мамардашвили М. К.* Философские чтения. — СПб.: Азбука-классика, 2002. — 823 с.
244. *Мандлер Д.* Схемы как системы репрезентации // *Общая психология: Тексты для студентов факультетов психологии вузов по направлению 521000 — «Психология»: В 3 т. / Сост. Ю. Б. Дормашев, С. А. Капустин; отв. ред. В. В. Петухов. 2-е изд., испр. и доп. — М., 2007. Т. 3: Субъект познания. Кн. 3. — С. 88–91.*
245. *Мартишина Н. И.* Социально-эпистемологический подход к паранормальному знанию // *Социальная эпистемология: идеи, методы, программы* / И. Т. Касавин, Л. А. Микешина, Н. М. Смирнова и др.; под

- ред. И. Т. Касавина; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М., 2010. — С. 343–362.
246. *Матурана У.* Биология познания / Пер. с англ. Ю. М. Мешенина // Язык и интеллект: Сборник / Сост. и вступ. ст. В. В. Петрова; пер. с англ. и нем. яз. под общ. ред. В. И. Герасимова, В. П. Нерознака. — М., 1995. — С. 412–414.
247. *Матурана У. Р.* Древо познания: Биол. корни чело­веч. понимания / У. Р. Матурана, Ф. Х. Варела. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 223 с.
248. *Мах Э.* Анализ ощущений и отношение физического к психологическому. — М.: Территория будущего, 2005. — 300 с. — (Университетская библиотека Александра Погорельского. Серия «Философия»).
249. *Мах Э.* Механика: историко-критический очерк ее развития / Под ред. Н. А. Гезехуса / Пер. с 6-го нем. изд. Г. А. Котляра. 2-е изд., репр. — М.: КомКнига, 2011. — 448 с. — (Классики науки).
250. *Мах Э.* Познание и заблуждение: Очерки по психологии исслед. — М.: БИНОМ; Лаб. знаний, 2003. — 455 с. — (Классика и современность. Естествознание).
251. *Мах Э.* Популярно-научные очерки / Пер. с 3-го нем. изд. Г. А. Котляра. 2-е изд. — М.: КомКнига, 2011. — 340 с. — (Из наследия мировой философской мысли: философия науки).
252. *Мелюхин С. Т.* Материя // Философский словарь / [Абрамов А. И. и др.]; под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. — М., 2001. — С. 317.
253. *Менделеев Д. И.* Периодический закон / Ред., ст. [с. 771–820] и примеч. Б. М. Кедрова. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. — 830 с. — (Классики науки / Акад. наук СССР, Ин-т истории естествознания и техники).
254. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / Пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. — СПб.: Ювента; Наука, 1999. — 605 с. — (Французская библиотека).
255. *Мерфи Г.* Роль теорий в обеспечении внутренней согласованности понятий / Г. Мерфи, Д. Медин // Когнитивная психология: история и современность: Хрестоматия: Пер. с англ. / Сост. М. Фаликман, В. Спиридонов. — М., 2011. — С. 352–360.
256. *Мещеряков Б. Г.* Большой психологический словарь / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. 4-е изд., расш. — М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. — 811 с.
257. *Мещеряков Б. Г.* Психология: Тематический словарь. — М.: Прайм-Еврознак, 2006. — 448 с.
258. *Микешина Л. А.* Эпистемология и когнитивная наука: базовые категории и принципы взаимодействия // Когнитивный подход: Науч. моногра-

- фия / В. А. Лекторский, Л. А. Микешина, О. Е. Баксанский и др.; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М., 2008. — С. 20–59.
259. *Минский М.* Фреймы для представления знаний / Пер. с англ. О. Н. Гринбаума / Под ред. Ф. М. Кулакова. — М.: Энергия, 1979. — 151 с.
260. *Миронов В. В.* Онтология и теория познания: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению подгот. «Философия» / В. В. Миронов, А. В. Иванов. — М.: Гардарики, 2005. — 447 с.
261. *Можейко М. А.* Универсалии / М. А. Можейко // Всемирная энциклопедия. Философия / Гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. — М.; Минск, 2001. — С. 1111–1112.
262. *Морковкин В. В.* Язык как проводник и носитель знания / В. В. Морковкин, А. В. Морковкина // Русский язык за рубежом, 1997. — № 1/2. — С. 44–53.
263. *Морозов Ф. М.* Схемы как средство описания деятельности: эпистемологический анализ / В авт. ред.; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: ИФ РАН, 2005. — 179 с.
264. *Моррис Ч. У.* Из книги «Значение и означивание». Знаки и действия / Пер. с англ. В. П. Мурат // Семиотика / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. — М., 1983. — С. 118–132.
265. *Московичи С.* Машина, творящая богов: Пер. с фр. / Вступ. ст. А. В. Брушлинского, П. Н. Шихирева. — М.: Центр психологии и психотерапии: КСП+, 1998. — 556 с. — (Библиотека социальной психологии).
266. *Найссер У.* Перцептивный цикл. Схемы и их функции // Общая психология: Тексты для студентов факультетов психологии вузов по направлению 521000 — «Психология»: В 3 т. / Отв. ред. В. В. Петухов. 2-е изд., испр. и доп. — М., 2005. Т. 3: Субъект познания. Кн. 1. — С. 605–623.
267. *Найссер У.* Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии / Пер. с англ. В. В. Лучкова. — М.: Прогресс, 1981. — 230 с. — (Обществ. науки за рубежом).
268. *Налимов В. В.* Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности / В. В. Налимов. 2-е изд. — М.; Томск: Водолей Publishers, 2007. — 367 с.
269. *Неретина С. С.* Концепт // Новая философская энциклопедия: В 4 т / Ин-т философии Российской акад. наук, Национальный общественно-научный фонд; науч.-ред. совет: пред. В. С. Степин и др. — М., 2010. Т. 2. — С. 306–307.
270. *Никитин Е. П.* Объяснение — функция науки / АН СССР, Ин-т философии. — М.: Наука, 1970. — 280 с.
271. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. обществ.-науч. фонд; науч.-ред. совет.; пред. акад. РАН В. С. Степин и др. — М.: Мысль, 2010. Т. 1: А–Д. — 741 с.

272. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. обществ.-науч. фонд; науч.-ред. совет.: пред. акад. РАН В. С. Степин и др. — М.: Мысль, 2010а. Т. 2: Е–М. — 635 с.
273. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии Российской акад. наук, Национальный общественно-научный фонд; науч.-ред. совет.: пред. В. С. Степин и др. — М.: Мысль, 2010б. Т. 3: Н–С. — 692 с.
274. Новейший справочник школьника: Самое полное учебное пособие для учеников 4–11 классов / Сост. Г. П. Шалаева. — М.: Слово; Эксмо, 2005. — 1551 с.
275. Новейший философский словарь / Гл. науч. ред. и сост. А. А. Грищанов. — Минск: В. М. Скакун, 1999. — 877 с.
276. *Норман Д. А.* Память и научение / Пер. с англ. Н. Ю. Алексеенко; под ред. П. В. Симонова. — М.: Мир, 1985. — 159 с.
277. *Нуркова В. В.* Психология: Учеб. для студентов вузов / В. В. Нуркова, Н. Б. Березанская. — М.: Высш. образование, 2005. — 484 с. — (Университеты России / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).
278. *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии: издание стереотипное / Пер. с лат. и коммент. А. Н. Крылова; пер. с лат. предметного указ., сост. именного указ. и прил. С. Р. Филоновича; под ред. и с предисл. Л. С. Полака. — М.: Изд-во ЛКИ, 2013. — 687 с. — (Классики науки).
279. Общая психология: Словарь / Ред. А. В. Петровский. — М.; СПб.: PerSe Речь, 2005. — 250 с. — (Психологический лексикон: энциклопедический словарь: В 6 т. / Под общ. ред. А. В. Петровского; ред.-сост. Л. А. Карпенко).
280. Общая социология: Учеб. пособие для студентов вузов / А. Г. Эфендиев и др.; под общ. ред. А. Г. Эфендиева. — М.: Инфра-М, 2000. — 652 с.: ил., табл. — (Высшее образование).
281. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 13-е изд., испр. — М.: Рус. яз., 1981. — 816 с.
282. *Олпорт Г.* Становление личности: избр. тр. / Пер. с англ. Л. В. Трубицкой и Д. А. Леонтьева; под общ. ред. Д. А. Леонтьева. — М.: Смысл, 2002. — 461 с. — (Серия «Живая классика»).
283. *Олпорт Ф. Х.* Феномены восприятия // Психология ощущений и восприятия / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. 2-е изд., испр. и доп. — М.: ЧеРо, 2002. — С. 67–76.
284. *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды: Пер. с исп. / Сост., предисл. [с. 3–42] и общ. ред. А. М. Руткевича. — М.: Весь мир, 1997. — 700 с. — (Серия Studio et lectio).
285. *Осгуд Ч.* Точка зрения гештальттеории // Психология ощущений и восприятия / Под. ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. 2-е изд., испр. и доп. — М.: ЧеРо, 2002. — С. 144–156.

286. Павлова А. А. Концептосфера внутрисемейных родословных: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Белгород, 2004. — 211 с.
287. Патнэм Х. У. Разум, истина и история / Пер. с англ. Т. А. Дмитриева и М. В. Лебедева. — М.: Праксис, 2002. — 294 с. — (Философия).
288. Пенроуз Р. Новый ум короля: о компьютерах, мышлении и законах физики / Пер. с англ. под общ. ред. В. О. Малышенко. 4-е изд. — М.: URSS; ЛКИ, 2010. — 398 с. — (Синергетика: от прошлого к будущему).
289. Пенроуз Р. Путь к реальности или законы, управляющие Вселенной: Полный путеводитель / Пер. с англ. А. Р. Логунова и Э. М. Эпштейна. — М.; Ижевск: Ин-т компьютерных исслед., 2007. — 911 с.
290. Петренко В. Ф. Основы психосемантики: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям «Психология» / В. Ф. Петренко. 2-е изд., доп. — СПб. и др.: Питер, 2005. — (Классический университетский учебник / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).
291. Пиаже Ж. Генезис элементарных логических структур: Классификации и сериации / Ж. Пиаже, Б. Инельдер / Пер. с фр. Э. М. Пчелкиной; послесл. [с. 425–446] действ. чл. Акад. пед. наук РСФСР проф. А. Н. Леонтьева и канд. пед. наук О. К. Тихомирова. — М.: Изд-во иностр. лит., 1963. — 448 с.
292. Пиаже Ж. Генезис элементарных логических структур: Классификация и сериация / Ж. Пиаже, Б. Инельдер / Пер. с фр. Э. Пчелкиной. — М.: Эксмо-Пресс, 2002. — 408 с. — (Психология. XX век).
293. Пиаже Ж. Генетическая эпистемология / Пер. с фр. М. Малеева / Науч. ред. пер. Е. Б. Одерышева. 5-е изд. — М. и др.: Питер, 2004. — 159 с. — (Концентрированная психология).
294. Пиаже Ж. Психология интеллекта // Общая психология: Тексты для студентов факультетов психологии вузов по направлению 521000 — «Психология»: В 3 т. / Отв. ред. В. В. Петухов. 2-е изд., испр. и доп. — М., 2005. Т. 3: Субъект познания. Кн. 1. — С. 268–317.
295. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / Сост., новая ред. пер. с фр., коммент. Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова. — М.: Педагогика-Пресс, 1994. — 526 с. — (Психология: классические труды).
296. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / Сост., новая ред. пер. с фр., коммент. Вал. А. Лукова и Вл. А. Лукова. — М.: Педагогика-Пресс, 1999. — 526 с. — (Психология: классические труды).
297. Пиаже Ж. Роль действий в формировании мышления // Пиаже Ж.: теория, эксперименты, дискуссии: Учеб. пособие для студентов психол. специальностей и направлений: Сб. ст. / Под ред. Л. Ф. Обуховой и Г. В. Бурменской. — М., 2001. — С. 199–223.
298. Пивоваров Д. В. Материя // Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. — Лондон [и др.], 1998. — С. 473–475.

299. *Пирс Ч. С.* Логические основания теории знаков / Пер. с англ. В. В. Кирющенко и М. В. Колопотина. — СПб.: Лаб. метафиз. исслед. при филос. ф-те СПбГУ; Алетейя, 2000. — 349 с. — (Метафизические исследования: прил. к альм.).
300. *Планк М.* Избранные труды / Отв. ред. Л. С. Полак. — М.: Наука, 1975. — 788 с. — (Классики науки / АН СССР).
301. *Платон.* Полное собрание творений: В 15 т. / Пер. Н. Н. Томасова; Филеб / Пер. Н. В. Самсонова. — Петербург: Academia, 1949. Т. 4: Парменид. — 192 с.
302. *Платон.* Тимей / Пер. С. С. Аверинцева // Платон. Полн. собр. соч.: В 4 т. — М., 1994. Т. 3. — С. 421–500.
303. *Платон.* Федон / Пер. С. П. Маркиша // Платон. Полн. собр. соч.: В 4 т. — М., 1993. Т. 2. — С. 7–80.
304. *Поляков С. Э.* Мифы и реальность современной психологии. — М.: URSS, 2004. — 492 с.
305. *Поляков С. Э.* Феноменология психических репрезентаций. — СПб.: Питер, 2011. — 680 с. — (Мастера психологии).
306. *Поппер К. Р.* Знание и психофизическая проблема в защиту взаимодействия. — М.: URSS, 2008. — 251 с.: ил.
307. *Поппер К. Р.* Логика и рост научного знания: Избр. работы: Пер. с англ. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского. — М.: Прогресс, 1983. — 605 с.
308. *Поппер К. Р.* Логика социальных наук // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д. Г. Лахути и др.; пер. с англ. Д. Г. Лахути; общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского; послесл. В. К. Финна. — М., 2000. — С. 298–313.
309. *Поппер К. Р.* Лорд Бойл о дуализме фактов и решений в «Открытом обществе» // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д. Г. Лахути и др.; пер. с англ. Д. Г. Лахути; общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского; послесл. В. К. Финна. — М., 2000а. — С. 357–363.
310. *Поппер К. Р.* Мир предрасположенностей // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д. Г. Лахути и др.; пер. с англ. Д. Г. Лахути; общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского; послесл. В. К. Финна. — М., 2000б. — С. 176–209.
311. *Поппер К. Р.* Объективное знание: Эволюц. подход / Пер. с англ. Д. Г. Лахути; отв. ред. В. Н. Садовский. — М.: URSS, 2002. — 381 с. ил.
312. *Поппер К. Р.* Открытое общество и его враги: В 2 т. / Пер. с англ. под общ. ред. и с предисл. В. Н. Садовского. — М.: Междунар. фонд «Культ.

- инициатива» — Soros foundation; Открытое о-во «Феникс», 1992. Т. 1: Чары Платона. — 446 с.
313. *Поппер К. Р.* Открытое общество и его враги: В 2 т. / Пер. с англ. под общ. ред. и с предисл. В. Н. Садовского. — М.: Междунар. фонд «Култ. инициатива» — Soros foundation; Открытое о-во «Феникс», 1992а. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. — 525 с. — С. 259–264.
314. *Поппер К. Р.* Открытое общество и его враги / Пер. с англ. под общ. ред. и с предисл. В. Н. Садовского. — К.: Ника-Центр, 2005. — 800 с. — (Серия «Сдвиг парадигмы». Вып. 3).
315. *Попова З. Д.* Когнитивная лингвистика: Учеб. издание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. — 314 с. — (Лингвистика и межкультурная коммуникация: Золотая серия: Лучшие работы ведущих российских специалистов / Федеральное агентство по образованию, Воронежский гос. ун-т).
316. *Попова З. Д.* Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Антология концептов: словарь / Науч. ред. В. И. Карасик, И. А. Стернин. — Иваново, 2007а. — С. 7–9.
317. *Попова З. Д.* Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Социальная психолингвистика: Хрестоматия / Сост. К. Ф. Седов. — М., 2007б. — С. 37–73.
318. *Порус В. Н.* Людвик Флек: От сравнительной к социальной эпистемологии / В. Н. Порус // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / И. Т. Касавин, Л. А. Микешина, Н. М. Смирнова и др.; под ред. И. Т. Касавина; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М., 2010. — С. 566–586.
319. *Пригожин И. Р.* Время, хаос, квант: К решению парадокса времени / И. Пригожин, И. Стенгерс; пер. с англ. Ю. А. Данилова. 5-е изд., испр. — М.: URSS, 2003. — 239 с. — (Синергетика: от прошлого к будущему).
320. *Пропт В. Я.* Морфология сказки. — Ленинград: Academia, 1928. — 151 с. — (Вопросы поэтики: неперiodическая серия, издаваемая отделом словесных искусств / Гос. ин-т истории искусств. Вып. 12).
321. *Прохоров Б. Б.* Экология человека. Понятийно-терминологический словарь. — Ростов н/Д: Феникс, 2005.
322. Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха / Науч. ред. пер. на рус. яз. А. А. Алексеева. 2-е изд. — СПб. и др.: Питер, 2006. — 1094 с.

323. Психология: комплексный подход: Учебник: Пер. с англ. / М. Айзенк, П. Брайант, Х. Куликэн и др.; Под ред. М. Айзенка. — Минск: ООО «Новое знание», 2002. — 829 с.
324. Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б. Д. Карвасарского. 2-е изд., доп. и перераб. — СПб.: Питер, 2000. — 1019 с. — (Золотой фонд психотерапии / Рос. психотерапевт. ассоц.).
325. *Пуанкаре А.* О науке: Сборник: Пер. с фр. / Под ред. Л. С. Понтрягина. — М.: Наука, 1983. — 560 с.
326. *Радионова С. А.* Легитимность // Новейший философский словарь / Гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. — Минск: В. М. Скакун, 1999. — С. 360.
327. *Райнах А.* Априорные основания гражданского права // Антология реалистической феноменологии / Под ред. Д. Атласа, В. Куренного. — М., 2006. — С. 543–613.
328. *Райнах А.* О феноменологии // Антология реалистической феноменологии / Под ред. Д. Атласа, В. Куренного. — М., 2006а. — С. 249–373.
329. *Рамельхарт Д.* Наращивание, настройка и перестройка: три способа научения / Д. Рамельхарт, Д. Норман // Общая психология: Тексты для студентов факультетов психологии вузов по направлению 521000 — «Психология»: В 3 т. / Отв. ред. В. В. Петухов. 2-е изд., испр. и доп. — М., 2005. Т. 3: Субъект познания. Кн. 3. — С. 139–155.
330. *Рамсей Ф. П.* Философские работы / Пер. с англ. В. А. Суровцева. — М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2011. — 366 с. — (Библиотека аналитической философии).
331. *Ранай К.* Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему / Пер. с англ. У. Саламатова. 2-е изд. — М.: Московская шк. упр. «Сколково»; Юнайтед-пресс, 2010. — 166 с.
332. *Рассел Б.* Избранные труды / Пер. с англ.: В. В. Целищев, В. А. Суровцев. — Новосибирск: Сибирское унив. изд-во, 2009. — 257 с. — (Пути философии).
333. *Рассел Б.* Искусство мыслить / Общ. ред., сост. и предисл. О. А. Назаровой; пер. с англ. Е. Н. Козловой и др. 2-е изд., испр. — М.: Идея-Пресс; Дом интеллект. кн., 1999. — 239 с.
334. *Рассел Б.* Исследование значения и истины / Общ. науч. ред. и прим. Е. Е. Ледникова. — М.: Идея-Пресс; Дом интеллект. кн., 1999а. — 399 с.
335. *Рассел Б.* История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней: В 3 кн. — СПб.: Азбука, 2001. — 956 с.
336. *Рассел Б.* Проблемы философии // Джеймс У. Введение в философию. Б. Рассел. Проблемы философии: Сборник: Пер. с англ. — М., 2000. — С. 155–276.

337. *Рассел Б.* Человеческое познание: его сфера и границы / Пер. с англ. Н. В. Воробьева. — М.: Ин-т общегуманит. исслед.; Киев: Ника-Центр, 2001а. — 555 с. — (Серия «Проблема человека». Вып. 2).
338. *Реале Дж.* Западная философия от истоков до наших дней: [пер. с итал.]. [Т. 2]: Средневековье (От Библейс. послания до Макиавелли) / Джованни Реале, Дарио Антисери. — СПб, 1997. — Гл. 7: Декарт — основатель современной философии. — С. 295–333.
339. *Ребер А.* Большой толковый психологический словарь / Пер. с англ. Е. Ю. Чеботарева. — М.: Вече; АСТ, 2000. Т. 1: А–О. — 591 с.
340. *Ребер А.* Большой толковый психологический словарь / Пер. с англ. Е. Ю. Чеботарева. — М.: Вече; АСТ, 2000а. Т. 2: П–Я. — 559 с.
341. *Режабек Е. Я.* Когнитивная культурология: Учеб. пособие / Е. Я. Режабек, А. А. Филатова; Юж. федер. ун-т. — СПб.: Алетейя; Историческая книга, 2010. — 310 с.
342. *Рейхенбах Г.* Направление времени / Пер. с англ. Ю. Б. Молчанова и Ю. В. Сачкова. 2-е изд., стер. — М.: URSS, 2003. — 360 с.
343. *Рикер П.* Время и рассказ / Пер. Т. В. Славко. — М.: ЦГНИИ ИНИОН РАН: Культур. инициатива; СПб.: Университет. кн., 2000. Т. 1. — 313 с.
344. *Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий: Логич. введ. в ист. науки: Перевод / Вступ. ст. [с. 5–50] Б. В. Маркова — СПб.: Наука: С.-Петербург. изд. фирма, 1997. — 532 с. — С. 55–532. — (Слово о сущем).
345. *Риккерт Г.* Философия жизни. Введение в трансцендент. философию. Предмет познания. Философия истории. Философия жизни. О понятии философии: Пер. с нем. / Предисл. А. Юдина. — Киев: Ника-Центр; Вист-С, 1998. — 506 с. — (Серия «Познание». Вып. 6).
346. *Розин В. М.* Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании / Российская акад. наук, Ин-т философии. — М.: URSS, 2011. — 255 с.
347. *Розов М. А.* Инженерное конструирование в научном познании // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Отв. ред. В. А. Лекторский. — М., 2009. — С. 197–215.
348. *Розов М. А.* Знание и коммуникация // Наука в культуре / Рос. акад. наук, Ин-т философии; под ред. В. Н. Поруса. — М., 1998. — С. 116–131.
349. *Рорти Р.* Релятивизм: найденное и сделанное // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст: Сборник / Рос. акад. наук, Ин-т философии; сост. А. А. Сыродеева; отв. ред. А. Рубцов. — М., 1997. — С. 18–33.
350. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии / Послесл. К. А. Абдульхановой-Славской, А. В. Брушлинского. — СПб.: Питер Ком, 1998. — 705 с. — (Серия «Мастера психологии»).

351. Руководство по психиатрии: В 2 т. / А. В. Снежневский, М. Е. Варганиян, К. К. Монахов и др.; под ред. А. В. Снежневского. — М.: Медицина, 1983. Т. 1. — 480 с.
352. *Сартр П.* Воображаемое. Феноменологическая психология воображения / Пер. с фр. М. Бекетовой. — СПб.: Наука, 2001. — 318 с. — (Французская библиотека).
353. *Свасьян К. А.* Проблема символа в современной философии: критика и анализ. 2-е изд. — М.: Альма-матер; Академ. проект, 2010. — 223 с. — (Современная русская философия).
354. *Свасьян К. А.* Философия символических форм Э. Кассирера: критический анализ. 2-е изд. — М.: Альма-матер; Академ. проект, 2010а. — 243 с. — (Современная русская философия).
355. *Сепир Э.* Грамматист и его язык / Пер. Н. Перцова // Языки как образ мира / Сост. К. Королева. — М.; СПб., 2003. — С. 139–156.
356. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Е. Кибрика. — М.: Прогресс: Изд. группа «Универс», 1993а. — 654 с. — (Филологи мира).
357. *Сепир Э.* Статус лингвистики как науки / Пер. Н. Перцова // Языки как образ мира / Сост. К. Королева. — М.; СПб., 2003а. — С. 127–138.
358. *Серл Дж.* Открывая сознание заново / Пер. с англ. А. Ф. Грязнова. — М.: Идея-Пресс, 2002. — 240 с. — (Университетская библиотека. Философия).
359. *Серл Дж. Р.* Что такое речевой акт? // Философия языка / Ред.-сост. Дж. Р. Серл. — М.: Едиториал; URSS, 2010. — С. 56–74.
360. *Скирбекк Г.* История философии: Учеб. пособие для студентов вузов / Г. Скирбекк, Н. Гилье; пер. с англ. В. И. Кузнецова. — М.: Владос, 2003. — 798 с.
361. *Скорородова О. И.* Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир / Предисл. В. Чулкова. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Педагогика, 1990. — 410 с.
362. Словарь философских терминов / Науч. ред. В. Г. Кузнецова. — М.: Инфра-М, 2004. — XV, 1. — 729 с. — (Библиотека словарей «Инфра-М»: БСИ).
363. *Смирнов Г. А.* Оккам, Уильям // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии Российской акад. наук, Национальный общественно-научный фонд; Науч.-ред. совет: В. С. Степин — пред. совета и др. — М.: Мысль, 2010. Т. 3: Н–С.
364. *Смит Н.* Современная система психологии: Пер. с англ. / Под общ. ред. А. А. Алексеева. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. — 384 с. (Серия «Психологическая энциклопедия»).

365. Современный философский словарь / Под общ. ред. В. Е. Кемерова. 3-е изд., испр. и доп. — М.: Академ. проект, 2004. — 861 с. — (Summa).
366. *Солсо Р. Л.* Когнитивная психология: Пер. с англ. — М.: Тривола, 1996. — 598 с.
367. *Сорокин П. А.* Система социологии / Авт. предисл. А. В. Липский; Российская акад. наук, Ин-т социологии. — М.: Наука, 1993. Т. 1. — 688 с.
368. *Сорокин П. А.* Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Пер. с англ. С. А. Сидоренко; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Союмонова. — М., 1992. — С. 32–155.
369. *Сорокин Ю. А.* Этнос, сознание, культура, язык // Социальная психолингвистика: Хрестоматия / Сост. К.Ф. Седов. — М., 2007. — С. 8–36.
370. *Сосновский Б. А.* Психология: Учебник по дисциплине «Психология» цикла «Общепрофессиональные дисциплины» для студентов вузов, обучающихся по пед. специальностям / Ф. Г. Асадуллина и др.; под ред. Б. А. Сосновского. — М.: Юрайт, 2005. — 660 с. — (Университеты России / Моск. пед. гос. ун-т, каф. психологии).
371. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Введение в языковедение: Хрестоматия: Учеб. пособие для вузов / Сост. А. В. Блинов, И. И. Богатырева, В. П. Мурат, Г. И. Рапова. — М., 2001. — С. 5–54.
372. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики / Изд. Ш. Балли и А. Сеше при участии А. Ридлингера; под ред. и с примеч. Р. И. Шор / Пер. со второго фр. изд. А. М. Сухотина. 3-е изд., стер. — М.: URSS, 2006. — 271 с. — (Лингвистическое наследие XX века).
373. Социологический энциклопедический словарь: на рус., англ., нем., фр. и чеш. яз / Ред.-координатор акад. Рос. акад. наук Г. В. Осипов; ред.-сост. З. Т. Голенкова и др.; Ин-т социал.-полит. исслед. Рос. акад. наук, Ин-т социологии Рос. акад. наук. — М.: Инфра-М — Норма, 1998. — 480 с.
374. *Сперлинг Дж.* Информация, получаемая при коротких зрительных предъявлениях. Модель зрительной памяти // Инженерная психология за рубежом / Под ред. А. Н. Леонтьева. — М.: Прогресс, 1967.
375. *Спиноза Б.* Этика / Пер. с лат. Н. А. Иванцова // Спиноза Б. Избранные произведения: В 2 т. / Ред. Ф. Стронгина. — М., 1957. Т. 2. — С. 359–618.
376. *Стародубцева Л. В.* Башня науки, или «Падшая премудрость» // Наука в культуре / Под ред. В. Н. Поруса. — М., 1998. — С. 309–362.
377. *Степанов А. М.* Толковый словарь по эзотерике, оккультизму и парапсихологии / Авт.-сост. А. М. Степанов. — М.: Классикс Стиль; Поматур, 2004. — 476 с.

378. *Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Отв. ред. В. П. Нерознак. 2-е изд. — М.: URSS; Либроком, 2013. — 336 с.
379. *Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. — М.: Академ. проект, 2004. — 991 с. — (Summa). — (Единый гуманитарный мир. Культурология).
380. *Степин В. С.* Основания науки и их социокультурная размерность / В. С. Степин // Наука в культуре / Под ред. В. Н. Поруса. — М.: Эдиториал; URSS, 1998. — С. 65–81.
381. *Страус Э.* Эстеziология и галлюцинации // Экзистенциальная психология. Экзистенция / Под ред. Р. Мэя. — М., 2001. — С. 251–286.
382. *Судзуки Д.* Дзен-буддизм и психоанализ: Сборник: Пер. с англ. / Э. Фромм, Д. Судзуки, Р. де Мартино; авт. послесл. А. Руткевич. — М.: Весь мир, 1997. — 237 с. — (Библиотека психоанализа).
383. *Сусов И. П.* Понятие vs. концепт / И. П. Сусов, А. А. Сусов // Тверской лингвистический меридиан: Теорет. сб. / Твер. гос. ун-т, каф. общ. и клас. языкознания. — Тверь, 2003. Вып. 4. — С. 3–10.
384. *Тейлор С.* Покорение времени: как время воздействует на нас, а мы на время / Пер. с англ. Н. Лисова. — М.: Альпина нон-фикшн, 2010. — 255 с.
385. *Тейлор Ш.* Социальная психология / Ш. Тейлор, Л. Пипло, Д. Сирс; Пер. с англ. Ю. Ахмедова и др.; науч. ред.; пер. на рус. яз. Н. В. Гришина. 10-е изд. — СПб.: Питер, 2004. — 766 с. — (Мастера психологии).
386. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека / Пер. с фр. Н. А. Садовского; предисл. и примеч. А. С. Раутиана. — М.: Устойчивый мир, 2001. — 230 с. — (Устройство мира). — (Библиотека журнала «Экология и жизнь»).
387. *Тихомиров О. К.* Понятие // Общая психология: словарь / Психологический лексикон: энциклопедический словарь в 6 т. / Ред.-сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского. — М.: PerSe; СПб.: Речь, 2005. — 250 с. — С. 169.
388. *Толмен Э.* Когнитивные карты у крыс и у человека // Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П. Я. Гальперина и А. Н. Ждан. — М., 1980. — С. 63–69.
389. *Торн К.* Черные дыры и складки времени: Дерзкое наследие Эйнштейна / Пер. с англ. под ред. чл.-корр. РАН В. Б. Брагинского. — М.: Изд-во физико-математ. лит., 2007. — 616 с.
390. *Триандис Г. К.* Культура и социальное поведение: Учеб. пособие / Пер. В. А. Соснина. — М.: Форум, 2007. — 382 с.
391. *Тригг Г.* Физика в XX веке: ключевые эксперименты / Пер. с англ. Ю. Г. Рудого / Под ред. В. С. Эдельмана. — М.: Мир, 1978. — 376 с.

392. *Трубецкой С. Н.* О природе человеческого сознания // Трубецкой С. Н. Сочинения. — М., 1994. — С. 483–594.
393. *Тулмин С.* Человеческое понимание / Пер. с англ. Э. В. Кагановой / Общ. ред. и вступ. ст. П. Е. Сивоконя. — М.: Прогресс, 1984. — 327 с. — (Для научных библиотек).
394. *Уайт Л.* Избранное: Наука о культуре / Пер. с англ. О. Р. Газизова, П. В. Резвых. — М.: РОССПЭН, 2004. — 959 с. — (Культурология. XX век).
395. *Уайтхед А. Н.* Избранные работы по философии: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. М. А. Кисселя. — М.: Прогресс, 1990. — 716 с. — С. 105–605. — (Филос. мысль Запада).
396. *Узнадзе Д. Н.* Общая психология / Пер. с груз. Е. Ш. Чомахидзе / Отв. ред. И. В. Имедадзе. — М.: Смысл; СПб. и др.: Питер, 2004. — 412 с. — (Серия «Живая классика»).
397. *Улановский А. М.* Новая парадигма социальных наук: линии развития современного конструктивизма // Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под ред. И. Т. Касавина. — М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2010. — С. 279–298.
398. *Уорф Б. Л.* Наука и языкознание: О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление / Пер.: Л. Натана, Е. Турковой // Языки как образ мира / Сост. К. Королева. — М.; СПб., 2003. — С. 202–219.
399. *Уорф Б. Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1960. Вып. 1. — С. 135–168.
400. *Уорф Б. Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку / Пер. Л. Натана, Е. Турковой // Языки как образ мира / Сост. К. Королева. — М.; СПб., 2003. — С. 157–201.
401. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Переработанное издание. — М.: ЛадКом, 2010. — 848 с.
402. Философия: энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. — М.: Гардарики, 2004. — 1072 с. — (Enciclopedia).
403. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. — М.: Сов. энциклопедия, 1983. — 839 с.
404. Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. — М.: Издат. дом «Инфра-М», 1997. — 574 с. — (Библиотека словарей «Инфра-М» БСИ).
405. *Фейерабенд П.* Наука в свободном обществе / Пер. с англ. А. Л. Никифорова. — М.: АСТ, 2009. — 378 с. — (Philosophy).

406. *Фейерабенд П.* Против метода: очерк анархистской теории познания / Пер. с англ. А. Л. Никифорова. — М.: АСТ, 2007. — 413 с. — (Philosophy).
407. *Фейерабенд П.* Против методологического принуждения // Хрестоматия по философии: Учеб. пособие для студентов нефилос. ф-тов вузов / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, филос. ф-т; сост. П. В. Алексеев, А. В. Панин. 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2004. — С. 362–366.
408. *Фейерабенд П.* Прощай, разум / Пер. с англ. А. Л. Никифорова. — М.: АСТ; Астрель, 2010. — 477 с. — (Philosophy).
409. *Флоренский П. А.* Столп и утверждение истины / историогр. очерк игумена Андроника (Трубачева); Ин-т философии АН СССР, Филос. о-во СССР, Комис. по наследию П. А. Флоренского при Фонде культуры СССР / Факс. воспроизведение текста изд. 1914 г. — М.: Правда, 1990. — С. 494–839.
410. *Фолькман П.* Теория познания естественных наук: связь их с духовной жизнью нашего времени / Пер. со 2-го, совершенно перераб. и значительно доп. нем. изд. Г. А. Котляра и П. С. Юшкевича. 2-е изд. — М.: URSS, 2010. — 366 с. — (Из наследия мировой философской мысли: теория познания).
411. *Франк С. Л.* Предмет знания об основах и пределах отвлеченного знания. Душа человека: Опыт введ. в филос. психологию / С. Л. Франк; вступ. ст. И. И. Евлампиева — М.; СПб.: Наука; С.-Петербург. изд. фирма, 1995. — 655 с. — (Слово о сущем).
412. *Фреге Г.* Логические исследования: сборник: Перевод / Сост., общ. ред., вступ. ст. и коммент. В. А. Суровцева. — Томск: Водолей, 1997. — 127 с. — (Библиотека аналитической философии БАФ).
413. *Фреге Г.* Мысль: логическое исследование // Философия, логика, язык: Сб. ст.: Пер. с англ. и нем. / Сост. и предисл. В. В. Петрова; общ. ред. Д. П. Горского, В. В. Петрова. — М., 1987. — С. 18–47.
414. *Фримен Ю.* Поиск объективности у Пирса и Поппера / Ю. Фримен, Г. Сколимовский // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д. Г. Лахути и др.; пер. с англ. Д. Г. Лахути; общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского; послесл. В. К. Финна. — М., 2000. — С. 222–279.
415. *Фромм Э.* Кризис психоанализа. Дзен-буддизм и психоанализ / Пер. с англ. Е. К. Комарова и др.; предисл. П. С. Гуревича. — М.: Айрис-Пресс, 2004. — 292 с. — (Человек и мир).
416. *Фрумкина Р. М.* Концепт, категория, прототип // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сб. обзоров / Редкол.: А. М. Кузнецов (отв. ред.), Н. Н. Трошина. — М., 1992. — С. 33–41.

417. *Фрумкина Р. М.* Психолингвистика: Учеб. для студентов высш. учебн. заведений. — М.: Изд. проект «Академия», 2001. — 320 с.
418. *Фуко М.* Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова; Федер. целевая прогр. «Культура России». — СПб.: Гуманит. акад., 2004. — 412 с. — (Серия «Ars Pura. Французская коллекция»).
419. *Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитар. наук: Пер. с фр. / Вступ. ст. Н. С. Автономовой. — СПб.: А-сад; АОЗТ «Талисман», 1994. — 405 с. — (Для научных библиотек).
420. *Хакинг Я.* Представление и вмешательство: Нач. вопр. философии естеств. наук: Пер. с англ. / Ин-т «Открытое о-во». — М.: Логос, 1998. — 291 с. — (Пирамида: Библиотека журнала «Логос». Вып. 21). — (Философия).
421. *Хант М.* История психологии / Пер. с англ. А. В. Александровой. — М.: АСТ М., 2009. — 864 с. — (Психология).
422. *Харре Р.* Материальные объекты в социальных мирах // Социология вещей: Сб. статей / Под ред. В. Вахштайна. — М., 2006. — С. 118–133.
423. Химическая энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. И. Л. Кнунянц. — М.: Науч. изд-во «Большая российская энциклопедия», 1995. Т. 4: Полимерные материалы — Трипсин. — 639 с.
424. *Хок Р. Р.* 40 исследований, которые потрясли психологию: Секреты выдающихся экспериментов / Пер. с англ. А. Боричева и др. 5-е изд., междунар. — СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Олма-Пресс, 2003. — 416 с. — (Проект «Психология-Best»).
425. *Хольт Р.* Образы: возвращение из изгнания // Психология ощущений и восприятия / Под. ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и др. 2-е изд., испр. и доп. — М.: ЧеРо, 2002. — (Хрестоматия по психологии). — С. 12–20.
426. *Хомский Н.* Вопросы теории порождающей грамматики / Пер. Т. А. Майсака // Философия языка / Ред.-сост. Дж. Р. Серл. — М., 2004. — С. 99–140.
427. *Хомский Н.* Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли / Н. Хомский; пер. с англ. и предисл. Б. П. Нарумова. — М.: URSS, 2005а. — 227 с. — (История лингвофилософской мысли).
428. *Хомский Н.* О природе и языке: с очерком «Секулярное священство и опасности, которые таит демократия» / Пер. с англ. П. В. Феденко. — М.: URSS, 2005. — 285 с.
429. *Хомский Н.* Современные исследования по теории врожденных идей / Пер. Т. А. Майсака // Философия языка / Ред.-сост. Дж. Р. Серл; пер. с англ. И. М. Кобозевой и др. — М., 2004а. — С. 167–177.
430. *Хомский Н.* Язык и мышление / Пер. с англ. Б. Ю. Городецкого / Под ред. В. В. Раскина; с предисл. В. А. Звегинцева. — М.: Изд-во Моск. ун-та,

1972. — 121 с. — (Серия переводов. Публикации Отделения структурной и прикладной лингвистики / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, филол. ф-т. — Вып. 2).
431. *Хоровиц М. Д.* Виды образов // *Общая психология: тексты: для студентов факультетов психологии вузов по направлению 521000 — «Психология»: В 3 т. / Отв. ред. В. В. Петухов. 2-е изд., испр. и доп. — М., 2005. Т. 3: Субъект познания. — Кн. 1. — С. 10–32.*
432. *Хьюстон М.* Введение в социальную психологию: европ. подход: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Психология» и «Педагогика» / М. Хьюстон, В. Штребе / Пер. с англ. Г. Ю. Любимова; под ред. проф. Т. Ю. Базарова. 3-е изд. — М.: Юнити, 2004. — XXVIII, 594 с. — (Зарубежный учебник).
433. *Хьюбнер К.* Прогресс от мифа, через логос — к науке? // *Наука в культуре / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Под ред. В. Н. Поруса. — М., 1998. — С. 250–260.*
434. *Цоколов С. А.* Философия радикального конструктивизма Эрнста фон Глазерсфельда // *Вестн. Моск. ун-та. Серия 7: Философия, 2001. — № 4. — С. 38–59.*
435. *Чаадаев П. Я.* Философические письма: статьи, афоризмы, письма. — М.: Эксмо, 2006. — 541 с. — (Русская классика).
436. *Чанышев А. Н.* Курс лекций по древней философии: Учеб. пособие для филос. ф-тов. и отд. ун-тов. — М.: Высш. школа, 1981. — 374 с.
437. *Швачкин Н. Х.* Развитие фонематического восприятия речи в раннем возрасте / Н. Х. Швачкин // *Возрастная психоллингвистика: хрестоматия: Учеб. пособие / Сост. К. Ф. Седов. — М., 2004. — С. 113–143.*
438. *Шведова Н. Ю.* Русский язык. избранные работы / Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 639 с. — (Studia Philologica).
439. *Шевцов А. А.* Очищение: В 3 т. — СПб.: Тропа Троянова; 2004. Т. 1. Организм. Психика. Тело. Сознание. — 856 с.
440. *Шелер М.* Проблемы социологии знания. — М.: Ин-т гуманитарных исслед., 2011. — 302 с.
441. *Шеррингтон Ч.* Рецепция раздражителей // *Психология ощущений и восприятия / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Любимова, М. Б. Михалевской и Г. Ю. Любимовой. 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2009. — С. 44–50.*
442. *Шиффман Х. Р.* Ощущение и восприятие / Пер. с англ. З. Замчук. 5-е изд. — М.; СПб. и др.: Питер-Принт, 2003. — 924 с. — (Мастера психологии).
443. *Шмелев А. Д.* Русская языковая модель мира: материалы к слов. — М.: Яз. славян. культуры, 2002. — С. 213–218. — (Язык. Семиотика. Культура: Малая сер.) — (Series minor).

444. *Шмелев А. Д.* Русский взгляд на «западные» концепты: языковые данные // Эволюция понятий в свете истории русской культуры / Отв. ред.: В. М. Живов, Ю. В. Кагарлицкий. — М., 2012. — С. 306–324.
445. *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление / Пер. Ю. И. Айхенвальд. — Минск: Харвест, 2011. — 848 с.
446. *Шпенглер О.* Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. / Пер. с нем. И. И. Маханькова. — М.: Айрис-Пресс, 2006. Т. 1: Образ и действительность. — 528 с. — (Библиотека истории и культуры).
447. *Шпет Г. Г.* *Philosophia Natalis*: избранные психолого-педагогические труды / Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. — М.: РОССПЭН, 2006. — 621 с. — (Российские Пропилеи / Гл. ред. и авт. проекта С. Я. Левит).
448. *Шпет Г. Г.* *Философия и наука: лекционные курсы* / Отв. ред.-сост., предисл., коммент., археогр. работа и реконструкция Т. Г. Щедрина. — М.: РОССПЭН, 2010. — 493 с. — (Российские пропилеи / Редакол.: Л. В. Скворцов (пред.) и др.).
449. *Шредингер Э.* Мой взгляд на мир / Пер. с нем. Р. В. Смирнова. — М.: URSS; КомКнига, 2005. — 145 с.
450. *Шредингер Э.* Разум и материя. — Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. — 96 с.
451. *Штофф В. А.* Моделирование и философия / АН СССР, Ленингр. кафедра философии. — М.; Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1966. — 301 с.
452. *Штофф В. А.* Проблемы методологии научного познания. — М.: Высш. школа, 1978. — 271 с.
453. *Шэффер Д.* Дети и подростки. Психология развития / Пер. с англ. А. Богачева и др.; науч. ред. пер. на рус. яз. проф., акад. Рос. акад. образования А. С. Батуев. 6-е изд. — СПб. и др.: Питер, 2003. — 973 с. — (Мастера психологии).
454. *Шюц А. (1899–1959):* Формирование понятия и теории в социальных науках / Сокр. пер. с англ. Н. М. Смирновой // *Философия науки: Эпистемология. Методология. Культура: Хрестоматия: Учеб. пособие для гуманитарных и негуманитарных направлений и специальностей вузов России* / А. Н. Аверюшкин и др. — М.: Междунар. ун-т в Москве, 2006. — С. 736–744.
455. *Эддингтон А. С.* Относительность и кванты / Пер. с англ. С. П. Шубина / Под ред. Б. М. Гессена. 3-е изд., стер. — М.: URSS, 2010. — 144 с.
456. *Эддингтон А.* Пространство, время и тяготение / Пер. с англ., предисл. и примеч. Ю. Г. Рабиновича. 2-е изд., стер. — М.: URSS, 2003. — 215 с.
457. *Эйнштейн А.* Принстонские лекции. — М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2002. — 219 с. — (Интернет-магазин MATHESIS. Физика, математика, биология, техника).

458. *Эйнштейн А.* Работы по теории относительности / Предисл. Стивена Хокинга / Пер. с нем. под ред. В. К. Фредерикса и Д. Д. Иваненко; пер. с англ. С. Г. Суворова. — СПб.: Амфора, 2008. — 328 с. — (На плечах гигантов. Библиотека Стивена Хокинга). — (Библиотека фонда «Династия»).
459. *Эйнштейн А.* Собрание научных трудов: В 4 т.: Перевод / Статьи, рецензии, письма. Эволюция физики / Под ред. И. Е. Тамма и др.; Акад. наук СССР. — М.: Наука, 1967. Т. 4. — 599 с.
460. *Эйнштейн А.* Эрнст Мах // Эйнштейн А. Собрание научных трудов: В 4 т.: Перевод / Под ред. И. Е. Тамма и др.; Акад. наук СССР. — М., 1967а. Т. 4. — С. 27–32.
461. *Эко У.* Роль читателя: исслед. по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Серебряного. — СПб.; М.: Simposium; Изд-во РГГУ, 2005. — 501 с.
462. Экспериментальная психология: Сб. статей: Пер. с фр. / Ред.-сост. П. Фресс и Ж. Пиаже; общ. ред. и предисл. действ. чл. Акад. пед. наук СССР А. Н. Леонтьева. — М.: Прогресс, 1978. Вып. 6. — 300 с.
463. *Юм Д.* Исследование о человеческом разумении: перевод / Примеч. А. Ф. Грязнова. — М.: Прогресс, 1994. — 237 с. — (Библиотека журнала «Путь»).
464. *Юм Д.* Сочинения: В 2 т. / Пер. с англ. С. И. Церетели и др.; вступит. ст. А. Ф. Грязнова; примеч. И. С. Нарского. 2-е доп. и испр. изд. — М.: Мысль, 1996. Т. 1. — 734 с. — (Философское наследие. Т. 125).
465. *Юнг К. Г.* Архетип и символ: перевод. — М.: Renaissance JV EWOSD, 1991. — 299 с. — (Страницы мировой философии).
466. *Юнг К. Г.* К феноменологии духа в сказке / Пер. и прим. В. Бакусева // Культурология. XX век: антология: перевод / Сост. С. Я. Левит. — М.: Юристъ, 1995. — С. 331–377.
467. *Юнг К. Г.* Психологические типы. — СПб.: Ювента; М.: Прогресс-Универс, 1995а. — С. 51–52.
468. *Якобсон Р. О.* Избранные работы: Пер. с англ., нем., фр. яз. / Предисл. [с. 5–29] В. В. Иванова, сост. и общ. ред. В. А. Звегинцева. — М.: Прогресс, 1985. — 455 с.
469. *Якобсон Р. О.* К языковедческой проблематике сознания и бессознательности // Бессознательное: Природа, функции, методы исслед.: В 4 т. / АН ГССР, Ин-т психологии им. Д. Н. Узнадзе; под общ. ред. и с предисл. А. С. Прангишвили и др. — Тбилиси: Мецниереба, 1978. Т. 3. — С. 156–167.
470. *Яковлева Е. В.* Теория референции. Тенденции развития // Язык и мысль: традиции и новые парадигмы в лингвистике и лингводидактике: Сборник научных трудов Международной конференции. —

- Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2007. — С. 88–92.
471. Янчук В. А. Парадигмальное многообразие как ресурс углубления понимания психологической феноменологии // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. — 468 с. (Методология, теория и история психологии).
472. Ярошевский М. Г. История психологии от античности до середины XX в. — М.: Мысль, 1985.
473. Bartlett F. Ch. Remembering: A study in experimental and social psychology / By F. C. Bartlett M. A., F. R. S. and Cyril Burt. — Cambridge: University press, 1932. — 317 p. — (The Cambridge psychological library).
474. Bateson G. A theory of play and fantasy // Bateson G. Steps to an ecology of mind: Collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology. — Chicago: University of Chicago Press, 1972. — P. 177–193.
475. Berlin B. Basic color terms: their universality and evolution / B. Berlin and P. Kay. — Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1969. — 178 p.
476. Biderman I., Mezzanotte R. J. & Rabinowitz J. C. Scene Perception: Detecting and Judging Objects Undergoing Relational Violations // Cognitive Psychology, 1982. — № 14 (2). — P. 143–177.
477. Bogoras W. The Chukchee / Bogoras, Waldemar. — N. Y., 1904–1909. — Part 1–3. — (The Jesup North Pacific Expedition. Second series. Vol. VII).
478. Bower G. H. Scripts in memory for text / G. H. Bower, J. B. Black & T. J. Turner // Cognitive Psychology. — 1979. — Vol. 11. — P. 111–220.
479. Brooks L. R. On the difficulty of noticing features in patient appearance / L. R. Brooks, V. R. LeBlank & G. R. Norman // Psychological Science, 2000. — Vol. 11. — № 2. — P. 112–117.
480. Brooks L. R. Role of specific similarity in a medical diagnostic task / L. R. Brooks, G. R. Norman & S. W. Allen // Journal of Experimental Psychology General, 1991. — Vol. 120. — № 3. — P. 278–287.
481. Brown J. F., Voth A. C. The path of seen movement as a function of the vector-field. — Amer. J. Psychol., 1937. — V. 49. — P. 543–563.
482. Cafagna A. C. A formal Analysis of Definitions of culture // Essays in the science of culture: in honor of Leslie A. White / Ed. by Gertrude E. Dole and Robert L. Carneiro. — N. Y., 1960. — P. 111–132.
483. Davis S. L. Colour classification and the Aboriginal classroom // Application of Linguistics to Australian Aboriginal Contexts / Eds.: G. B. McKay and B. A. Sommers. — Clayton, Victoria: ALAA, 1982. — P. 68–77.

484. *Fauconnier G.* Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language / Gilles Fauconnier. — Cambridge: Cambridge univ. press, 1994. — XLVII, 190 p.
485. *Fillmore Ch.* The Case for Case // E. Bach and R. T. Harms (Ed.): Universals in Linguistic Theory. — N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1968. — P. 1–90.
486. *Fillmore Ch. J.* Towards a descriptive framework for spatial deixis // Speech, place and action: Studies in deixis and related topics / Ed.: R. J. Jarvell & W. Klein. — London, 1982. — P. 31–59.
487. *Finke R. A.* Reinterpreting visual patterns in mental imagery / R. A. Finke, S. Pinker & M. J. Farah // Cognitive Science, 1989. — Vol. 13. — P. 51–78.
488. *Fodor J. A.* Psychological explanation: an introduction to the philosophy of psychology. — N. Y.: Random House, 1968. — 165 p.
489. *Fodor J. A.* Representations. Philosophical essays on the foundations of cognitive science. — Cambridge (Mass.): MIT Press, 1981. — XI, 343 p. — (A Bradford book).
490. *Fodor J. A.* The language of thought. — Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 1979. — X, 214 p. — (The language & thought series).
491. *Fodor J. A.* The modularity of mind: An essay on faculty psychology. — Cambridge (Mass.); London: MIT Press, 1983. — 8 c. — (Bradford books).
492. *Fodor J. A.* The present status of the innateness controversy // J. A. Fodor Representations. Philosophical essays on the foundations of cognitive science / Jerry A. Fodor. — Cambridge (Mass.), 1981a. — P. 257–316.
493. *Glaserfeld E. von.* Radical constructivism and Piaget's concept of knowledge // The impact of Piagetian theory: On education, philosophy, psychiatry and psychology: Based upon the presentations at the plenary sess. of the Fifth annu. symp. of the Jean Piaget soc. / Ed. by B. Frank and Ph. D. Murray; contributors: Millie Almy et al. — Baltimore, 1979. — P. 109–122.
494. *Glaserfeld E. von.* Radical constructivism: a way of knowing and learning / Ernst von. Glaserfeld. — London: Falmer, 1996. — 213 p.
495. *Hargrave S. K.* A report on colour term research in five Aboriginal languages // Language and culture / Ed. by S. Hargrave; Summer Institute of Linguistics, Australian Aborigines Branch. — Darwin, 1982. — P. 201–226. — (Work Papers of SIL-AAB of the Summer Institute of Linguistics, Australian Aborigines Branch. — Series B. — Vol. 8).
496. *Hebb D. O.* The organization of behavior. — N. Y.: Wiley, 1949.
497. *Hebb D. O.* The organization of behavior: A neurophychol. theory / D. O. Hebb. 6th print. — N. Y.: Wiley & Sons, 1967. — 335 c. — (Science ed.; 275).

498. *Heider E. R.* Universale in color naming and memory // *Journal of Experimental Psychology*, 1972. — Vol. 93. — № 1. — P. 10–20.
499. *Hull C. L.* Quantitative aspects of the evolution of concepts: An experimental study. — Lancaster, Psychological review company, 1920. — 85 p. — (Psychological Monographs, 28. — № 123).
500. *Jones R.* Anbarra concept of colour / R. Jones, B. Meehan // *Australian Aboriginal Concepts* / Ed. by L. R. Hiatt. — Canberra, 1978. — P. 30–35.
501. *Kagan J.* Change and continuity in infancy / By Jerome Kagan, with the collaboration of Robert B. McCall and others. — N. Y.: Wiley, 1971. — XIII, 298 p.
502. *Kosslyn S. M.* Can imagery be distinguished from other forms of internal representation? Evidence from studies of information retrieval time // *Memoq and Cognition*. — 1976. — Vol. 4. — P. 291–297.
503. *Kosslyn S. M.* Imagery and Internal Representation // *Cognition and Categorization* / Eds.: E. Rosch, B. B. Lloyd. — Hillsdale, N. J., 1978. — P. 217–257.
504. *Kosslyn S. M.* Information representation in visual images // *Cognitive Psychology*, — 1975. — Vol. 7. — P. 341–370.
505. *Kosslyn S. M.* Scanning visual images: Some structural implications // *Perception and Psychophysics*, — 1973. — Vol. 14. — P. 90–94.
506. *Kosslyn S. M.* Visual images preserve metric spatial information: Evidence from, studies of image scanning // S. M. Kosslyn, T. M. Ball, B. J. Reisser // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 1978a. — Vol. 4. — P. 1–20.
507. *Kroeber A. L.* Culture: a Critical Review of Concepts and Difinitions / By A. L. Kroeber and Clyde Kluckhohn, with the assistance of Wayne Untereiner and appendices by Alfred G. Meyer. — Cambridge, Mass., 1952. — 223 p. — (Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard University. — Vol. 47. — № 1).
508. *Lakoff G.* Metaphors We Live By / George Lakoff, Mark Johnson. — Chicago: University of Chicago Press, 1980. — 276 p.
509. *Langacker R.* The Nature of Grammatical Valence / Ronald Langacker // *Linguistic Notes from La Jolla*, 1981. — Vol. 10. — P. 33–59.
510. *Mandler G.* Cognitive psychology: An essay in cognitive science / George Mandler. — Hillsdale (N. J.); London: Lawrence Erlbaum assoc., 1985. — XI, 143 P. 36–38.
511. *Mandler J. M.* Representation / J.M. Mandler // *Cognitive Development* / Ed.: J.H. Flavell, E.M. Markham. — N. Y.: Wiley, 1983. — Vol. 3. — P. 420–494.

512. *Mandler J. M.* Stories, scripts, and scenes: aspects of schema theory / Jean Matter Mandler. — Hillsdale, N. J. u. a.: Erlbaum, 1984. — XII, 132 p.
513. *Minsky M.* A Framework for Representing Knowledge / Marvin Minsky // The Psychology of Computer Vision / Ed. P.H. Winston. — N. Y., 1975. — P. 211–217.
514. *Moyer R. S.* Comparing objects in memory: Evidence suggesting an internal psychophysics // Perception & Psychophysics, 1973. — Vol. 13. — № 2. — P. 180–184.
515. *Nakagaki Toshiyuki, Hiroyasu Yamada and Ágota Tóth.* Intelligence: Maze-solving by an amoeboid organism (2000). Nature. — Vol. 407. — No. 6803. — P. 470.
516. *Norman D.* Learning and memory. — San Francisco: W. H. Freeman, 1982. — XI, 129 p.
517. *Piaget J.* Origins of intelligence in children. — N. Y.: International Universities Press, 1952. — 419 p.
518. *Planck M.* Scientific autobiography, and other papers / Translated from German by Frank Gaynor. — London: Williams & Norgate, 1950. — 192 p.
519. *Posner M. I.* Cognition: an introduction. — Glenview, Ill, 1973. — 208 p.
520. *Rosch E.* Natural Categories / Rosch, Eleanor (Eleanor Heider) // Cognitive Psychology, 1973. — № 4. — P. 328–350.
521. *Rosch E.* Cognitive Representation of Semantic Categories // Journal of Experimental Psychology, 1975. — Vol. 104. — P. 192–233.
522. *Rosch E.* Cognition and Categorization / Ed. Eleanor Roach, Barbara B. Lloyd; sponsored by the Social Science Research Council. — Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. — 328 p.
523. *Rosch E.* Principles of Categorization // Cognition and categorization / Ed. by Eleanor Rosch, Barbara B. Lloyd; Social Science Research Council (United States), Committee on Cognitive Research. — Hillsdale, 1978a. — P. 27–48.
524. *Rumelhart D.* Notes on a Schema for Stories // Representation and Understanding: Studies in Cognitive Science / Ed.: D. G. Bobrow and A. M. Collins. — N. Y., 1975. — P. 211–236.
525. *Rumelhart D. E.* The representation of knowledge in memory / D. E. Rumelhart, A. Ortony // Schooling and the acquisition of knowledge / Ed by R. C. Anderson, R. J. Spiro & W. E. Montague. — Hillsdale, N. J., 1977. — P. 99–135.
526. *Schank R. C.* Scripts, plans, goals, and understanding: an inquiry into human knowledge structures / Roger C. Schank; Robert P. Abelson. — Hillsdale, N. J.: L. Erlbaum Associates, 1977. — 248 p.
527. *Schutz A.* Concept and Theory Formation in the Social Sciences // Schiitz A. Collected Papers / A. Schiitz — Nijhoff, 1962. — Vol. 1. — P. 48–66.

528. *Simmel G.* Bridge and Door // Lotus International. — Milan: Electa Spa, 1985. — Vol. 47. — P. 52–56.
529. *Sperling G.* The information available in brief visual presentations // Psychological Monographs, 1960. — № 74.
530. *Sperling G., Budiansky J., Spivak J. G. & Johnson M. C.* Extremely rapid visual search: the maximum rate of scanning letters for the presence of a numeral // Science, 1971. — № 174 (6). — P. 307–311.
531. *Tolman E. C.* Cognitive maps in rats and men // Psychological Review, 1948. — Vol. 55. — № 4. — P. 189–208.
532. *Warnock G. J.* English philosophy since 1900. — London: Oxford University Press, 1958. — VIII, 180 p.
533. *Watzlawick P.* Die Erfundene Wirklichkeit: wie wissen wir, was wir zu wissen glauben?: Beiträge zum Konstruktivismus / By Paul Watzlawick. — München: R. Piper, 1981. — 326 S.
534. *Watzlawick P.* How real is real? Confusion, disinformation, communication: An anecdotal introd. to communications theory. — N. Y.: Random house, 1977. — XIV, 266 c.
535. *Watzlawick P.* Selbsterfüllende Prophezeiungen // Die erfundene Wirklichkeit / Watzlawick P. (Hrsg.). — München, 1981a. — S. 91–110.
536. *Woodworth R. S.* Experimental psychology. — N. Y.: Holt, 1938. — XI, 889 p.

Предметный указатель

А

Абстрактный, 225
Абстракция, 124, 225
Актуализация в сознании, 104
Амодальность, 48
Аморфный, 190–196
Анализа плоскость, 14
Антиципация, 306
Апперцепции единство, 59, 65
Апперцепция, 305, 333, 349–350
Ассоциации, 101–111, 348–349, 569

Б

Бессознательное, 22, 295–296, 359
Бихевиоризм, 8
 методологический, 12
 радикальный, 11

В

Вера, 392
Вербализация, 105, 132
Вербальное
 конструирование, 84, 115, 155
 моделирование, 101
Вербальные
 концепты, 103, 122, 193
 модели, 134, 196
 репрезентации, 45, 56
Верификация вербальных
 конструкций, 498
Вещественная реальность, 174
Вещественность, 53
Вещество, 55
Вещь, 48, 55, 64, 141

Восприятие, 37
Восприятия
 двойственность образа, 50
 пространство, 47
Впечатление
 сенсорное, 63
 перцептивное, 72, 88
 чувственное, 79, 395
Время, 19, 132, 525
 интервалы, 555, 558
 путешествие, 526

Г

Гештальт, 36
Гипостазирование, 183
Гипотеза, 339, 488
 лингвистической относительности,
 198
Гомоморфизм, 46
Грамматика
 правила, 147
 универсальная, 145

Д

Движение, 85
Действие, 117, 140
Долг, 445

З

Закон, 181, 495
Здравый смысл, 26
Знание, 66, 479
 вербальное, 400
 врожденное, 484
 научное, 484

Значение,

- вербальное, 483
- слова, 113, 267
- языковых конструкций, 150

И

Идеальный тип, 328

Идея, 392

- врожденная, 145

Изоморфизм, 45, 394

Иконичность, 46, 480, 564

Инвариант, 65, 126

Институт социальный, 431

Интеллект, 12

Интенциональность, 389

Интерриоризация, 114, 274

Интроспекционизм, 129

Интроспекция, 8

Информация, 15, 314

Истина, 479

Истинность

- вербальных
конструкций, 501, 503
- знания, 29

К

Картина мира, 403

Категоризация, 27, 240

Категорий

- иерархия, 246
- теория,

Категория, 238

- базового уровня, 236, 257
- классическая, 241

Класс, 238

Классификация, 248

Когнитивизм, 8

Когнитивная модель идеализированная,
125–126, 344

Когнитивные карты, 321

Коммуникация, 160, 202

Комплекс, 64

Конвенциональный, 456, 483

Константность, 389

Конституирование, 108, 173

- вербальное, 174
- чувственное, 173

Конструирование, 108, 176

- вербальное, 176
- предмета, 109
- чувственное, 176

Конструкт, 187

- гипотетический, 14
- личный, 323
- психический, 331
- типичный, 339

Конструкции психические

- вербальные символические, 3, 109
- смешанные, 348

Конструкция

- адекватная реальности, 161
- вербальная, 109, 150, 153, 154
- вербальная конституирующая, 158
- вербальная конструирующая, 158
- вербальная психическая, 33, 149, 153
- из понятий, 10, 148, 266, 273
- объяснительная вербальная, 157
- описательная, 156
- полимодалная, 103
- понятийная, 153
- психическая, 33, 59, 60, 109, 154, 327,
347
- регулирующая поведение, 162–163,
444
- смешанная, 103
- чувственная, 60
- языковая, 106, 147, 150, 154

Конструкция — гештальт, 61

Контекст, 50–53, 198

- Концепт, 27, 89, 144
 адекватный, 194
 базовый, 144
 вербальный, 144, 152, 155, 179
 вербальный неадекватный, 195
 глобальный, 57
 индивидуальный, 196
 многоуровневый, 172
 научный, 131, 179
 национальный, 203
 преимущественно вербальный, 169
 преимущественно чувственный, 169
 репрезентирующий сущность, 121
 смешанный, 170, 183
 универсальный, 222
 фундаментальный, 220
 чувственный, 63, 152, 180, 250
 чужой, 216
 этноспецифический, 200, 204
- Концепта
 аморфность, 190
 динамика, 187
 классификация, 168
 определение, 98
 ревизия, 144
 смена, 190
 содержание, 166
 структура, 166
 унификация, 104
 форма, 235
- Концептосфера, 208
 индивидуальная, 209
 национальная, 209
- Концептуализация, 43, 125, 144
 альтернативная, 134
 варианты, 125, 144
 реальности, 119, 128
 физической реальности, 134
 цвета, 200
- Концептуальная
 категория, 27
 система, 212
- Культурная принадлежность, 152
- Л**
- Личность, 452
- М**
- Мгновенный образ
 восприятия, 68
 ощущение, 347
 продолжительность, 512
- Метафора компьютерная, 24, 28
- Метонимия, 343
- Микрогенез образа восприятия, 512
- Мир
 антропоморфный, 193
 внешний, 69
 воспринимаемый, 416
 понимаемый, 416
 развернутый во времени, 519
 реальный, 198
 социальный, 198
- Модальность, 40–42
- Моделирование, 31
- Модель, 31
 вербальная, 150
 вербальная альтернативная, 196
 мысленная, 31
 реальности, 157
 реальности адекватная, 160
- Модель-репрезентация
 полимодальная, 151
 предмета, 60, 70, 71, 87, 216
 собирательная, 69, 200
- Модуль лингвистический, 148, 455
- Мозговые структуры, 15
- Мораль, 441

Мысленная речь, 155
Мысленное сканирование, 19
Мысленные фразы, 155
Мышление, 28, 103

Н

Наблюдатель, 14
Наблюдение объективное, 28
Набор понятий, 218
 базовый, 221
Надстройка чувственно-вербальная, 417
Наследование негенетическое, 102, 484
Нейтральный монизм, 390
Необихевиоризм, 12
Норма морально-нравственная, 446
Нравственность, 442

О

Образ
 воспоминания, 43
 восприятия, 33, 50
 иконический, 46, 480
 мгновенный, 361
 ментальный, 15, 113, 359
 мысленный, 19
 предмета, 42
 представления, 19, 37, 43
 психический, 11, 47
 слова, 103, 112
Объект, 14, 64, 117
 двойной, 409
 социальный, 431
 теоретический, 339
Объект-знак, 111, 405
Объективизм, 140
Объективистская
 парадигма, 25, 286
 точка зрения, 25
Объективистский, 130

Объективная наука, 20
 психология, 20
Объективность, 374
Объективный
 мир физический, 16
 наблюдатель, 378
 опыт, 378
 эксперимент, 19, 28, 378
Объект-образ, 516
Объект-символ, 457, 500, 516
Объяснение, 157
Описание, 156
ОПР, 367, 533
 действие, 466
 объекты, 462
 социальная часть, 428
 сущность, 439, 463
Открытие, 130
Отношение, 141
Ощущения, 34

П

Партикулярия, 232
Перцепт, 37, 309
Поведение, 14, 161
 членов общества, 441
Понимание, 8, 479
Понятие, 17, 27, 89
 абстрактное, 225
 базовое, 153
 виды, 224
 значение, 225
 конкретное, 228
 непереводимость, 214
 общее, 228
 определение, 230
 отвлеченное, 229
 полное, 100
 редуцированное, 100, 451

- сложное, 109
 - умозрительное, 229
 - частное, 229
 - Понятийный базис общих, 221
 - Понятия
 - замена фундаментального, 131
 - конкретного формирование, 104, 281
 - механизм формирование, 273, 280
 - образование, 236
 - общего формирование 281
 - развитие, 274
 - содержание, 94
 - усвоение, 268, 271, 280
 - форма, 235
 - формирование, 262
 - Понятия общие, 224
 - Предмет, 33, 42, 140
 - конститулируемый, 52
 - физический, 25
 - Предпонятие, 235, 263
 - Признак, 279
 - Пропозиция, 154
 - Пространство, 132
 - Прототип, 252
 - Прототипичность, 252
 - Процесс материальный, 11
 - Псевдопонятие, 262
 - Псевдоскоп, 38
 - Псевдосущность, 335
 - Психика, 9, 14, 24, 29, 290
 - животных, 30
 - человека, 30
 - Психические
 - явления бессознательные, 359
 - явления простые, 297
 - явления сложные, 289, 297
 - явления сознательные, 299
 - Психическое, 42
 - содержание, 112
 - содержание сознания, 15
 - явление, 11, 290, 296
 - Психология, 9, 11
 - Психология
 - когнитивная, 9
 - физиологическая, 9
- Р**
- Развитие когнитивное, 148
 - Разум, 8, 194
 - Рациональность
 - трансцендентная, 28
 - Реальности
 - адекватное, 141
 - грань, 143
 - неадекватная
 - концептуализация 142
 - сегментирование, 186
 - Реальность, 13, 43, 379
 - антропоморфная, 395
 - в себе, 29, 32, 62, 142
 - недоступная восприятию, 160, 179
 - объективная психическая, ОПР, 367, 533
 - созданная самим человеком, 122
 - социальная, 428
 - социальных институтов, 446
 - Революция, 196
 - Редукционизм, 12
 - Реконструкция, 303, 511
 - Репрезентация, 15, 29
 - антропоморфная, 513
 - вербальная, 33, 70, 153
 - глобальная вербальная, 529
 - глобальная чувственная, 62
 - движений, 85
 - завершенная, 39
 - перцептивная, 33, 36, 47, 55
 - предмета, 47
 - предмета целостная, 417, 421

предметная психическая, 382
 психическая, 33, 387
 реальности, 106
 сенсорная, 69
 символическая, 27
 смешанная, 172
 сущностей реальности, 173
 чувственная, 33, 41, 43
 чувственно-образная, 151
 Репрезентирование, 31, 32
 варианты, 125
 реальности, 105, 355
 эффективное, 278
 Референты, 233, 337
 Рефлексия, 13, 299

С

Самонаблюдение, 13
 Самоотчет, 18
 Свойство, 42, 63, 83, 117, 140
 Семантика универсальная, 149
 Семантическая интерпретация, 148
 Символ, 15, 103, 182
 невербальный, 45
 Слово, 100, 110, 267
 Событие, 124, 515
 Содержание объективное психическое, 396
 объективизация, 500
 Сознание, 13, 23, 51, 194
 Сознания
 вербализованное содержание, 105
 единство, 349
 формирование сущностей, 107
 Соответствие, 46
 Социализация, 194
 Социальный стереотип, 240
 Способность, 150
 Среда психофизическая, 533

Степень категориального членства, 252
 Структура
 ментальная, 145
 предложения глубинная, 145, 149, 150
 предложения поверхностная, 149
 Суждение, 481
 Сущность, 29, 33, 115, 120, 143
 альтернативная, 128, 134
 гипотетическая, 176, 359
 конституируемая, 175, 229, 358
 новая, 131
 обозначаемая универсалиями, 233
 окружающего мира, 114
 психическая, 65, 181, 341
 разворачивающаяся во времени, 527
 реальности, 109
 символическая, 27
 сконструированная, 229, 358
 сконструированная вербально, 178, 179
 созданная сознанием, 122
 социальная, 181, 413, 437
 странная, 179
 умозрительная, 169, 196, 442
 физическая, 132, 251
 Сущностей удвоение, 48
 Сценарий, 314
 Схема, 302

Т

Теория, 489
 альтернативная, 223
 конкурирующая, неперевоидимость, 214
 научная, 130
 основные понятия, 486
 Тожественность, 67, 80, 82
 Трансцендентный, 48

У

Универсалии, 69, 145, 231
языковые, 144, 151

Уровень

репрезентирования, 235
чувственный, 126

Установка, 309

Ф

Факт, 20, 28, 184, 378, 471

Феномен, 33

вербальный психический, 28, 294
психический, 9, 10, 63, 290, 347
чувственный, 28

Феноменология

концептов, 166, 234
психическая, 11

Физическая реальность, 50

Физический мир предметный, 32

Физическое, 42, 56

пространство, 47

Фрейм, 316

Ц

Целостность, 52, 63, 104

Ч

«Черный ящик», 28

Э

Экземпляр лучший, 253

Экземплярный подход, 255

Эксперимент, 11

интроспективный, 13

Экстериоризация, 105

Эпизод, 90

Эпифеномен, 10

Эффективность прогностическая, 160

Я

Явление, 51, 63, 117, 140, 141

Язык, 28, 104

законы, 159

правила, 159

усвоение, 145

Сергей Эрнестович Поляков
Концепты и другие конструкции сознания
Серия «Мастера психологии»

Заведующая редакцией
Ведущий редактор
Литературный редактор
Художественный редактор
Корректор
Верстка

Н. Комиссарова
Н. Гринчик
Е. Рафалюк-Бузовская
С. Маликова
Е. Павлович
О. Богданович

Изготовлено в России. Изготовитель: ООО «Прогресс книга».

Место нахождения и фактический адрес: 191123, Россия, город Санкт-Петербург,
улица Радищева, дом 39, корпус Д, офис 415. Тел.: +78127037373.

Дата изготовления: 06.2017. Наименование: книжная продукция. Срок годности: не ограничен.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014, 58.11.12 —

Книги печатные профессиональные, технические и научные.

Подписано в печать 26.05.17. Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Усл. п. л. 50,310. Тираж 1000. Заказ 0000.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография».

Филиал «Чеховский Печатный Двор».

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ПИТЕР» предлагает профессиональную, популярную и детскую развивающую литературу

Заказать книги оптом можно в наших представительствах

РОССИЯ

Санкт-Петербург: м. «Выборгская», Б. Сампсониевский пр., д. 29а
тел./факс: (812) 703-73-83, 703-73-72; e-mail: sales@piter.com

Москва: м. «Электrozаводская», Семеновская наб., д. 2/1, стр. 1, 6 этаж
тел./факс: (495) 234-38-15; e-mail: sales@msk.piter.com

Воронеж: тел.: 8 951 861-72-70; e-mail: hitsenko@piter.com

Екатеринбург: ул. Толедова, д. 43а; тел./факс: (343) 378-98-41, 378-98-42;
e-mail: office@ekat.piter.com; skype: ekat.manager2

Нижний Новгород: тел.: 8 930 712-75-13; e-mail: yashny@yandex.ru; skype: yashny1

Ростов-на-Дону: ул. Ульяновская, д. 26
тел./факс: (863) 269-91-22, 269-91-30; e-mail: piter-ug@rostov.piter.com

Самара: ул. Молодогвардейская, д. 33а, офис 223
тел./факс: (846) 277-89-79, 277-89-66; e-mail: pitvolga@mail.ru,
pitvolga@samara-ttk.ru

БЕЛАРУСЬ

Минск: ул. Розы Люксембург, д. 163; тел./факс: +37 517 208-80-01, 208-81-25;
e-mail: og@minsk.piter.com

Издательский дом «Питер» приглашает к сотрудничеству авторов:
тел./факс: (812) 703-73-72, (495) 234-38-15; e-mail: ivanova@piter.com
Подробная информация здесь: <http://www.piter.com/page/avtoru>

Издательский дом «Питер» приглашает к сотрудничеству зарубежных торговых партнеров или посредников, имеющих выход на зарубежный рынок: тел./факс: (812) 703-73-73; e-mail: sales@piter.com

Заказ книг для вузов и библиотек:

тел./факс: (812) 703-73-73, гоб. 6243; e-mail: uchebnik@piter.com

Заказ книг по почте: на сайте www.piter.com; тел.: (812) 703-73-74, гоб. 6216;
e-mail: books@piter.com

Вопросы по продаже электронных книг: тел.: (812) 703-73-74, гоб. 6217;
e-mail: kuznetsov@piter.com

ВАША УНИКАЛЬНАЯ КНИГА

Хотите издать свою книгу? Она станет идеальным подарком для партнеров и друзей, отличным инструментом для продвижения вашего бренда, презентом для памятных событий! Мы сможем осуществить ваши любые, даже самые смелые и сложные, идеи и проекты.

МЫ ПРЕДЛАГАЕМ:

- издать вашу книгу
- издание книги для использования в маркетинговых активностях
- книги как корпоративные подарки
- рекламу в книгах
- издание корпоративной библиотеки

Почему надо выбрать именно нас:

Издательству «Питер» более 20 лет. Наш опыт – гарантия высокого качества.

Мы предлагаем:

- услуги по обработке и доработке вашего текста
- современный дизайн от профессионалов
- высокий уровень полиграфического исполнения
- продажу вашей книги во всех книжных магазинах страны

Обеспечим продвижение вашей книги:

- рекламой в профильных СМИ и местах продаж
- рецензиями в ведущих книжных изданиях
- интернет-поддержкой рекламной кампании

Мы имеем собственную сеть дистрибуции по всей России, а также на Украине и в Беларуси. Сотрудничаем с крупнейшими книжными магазинами.

Издательство «Питер» является постоянным участником многих конференций и семинаров, которые предоставляют широкую возможность реализации книг.

Мы обязательно проследим, чтобы ваша книга постоянно имелась в наличии в магазинах и была выложена на самых видных местах.

Обеспечим индивидуальный подход к каждому клиенту, эксклюзивный дизайн, любой тираж.

Кроме того, предлагаем вам выпустить электронную книгу. Мы разместим ее в крупнейших интернет-магазинах. Книга будет сверстана в формате ePub или PDF – самых популярных и надежных форматах на сегодняшний день.

Свяжитесь с нами прямо сейчас:

Санкт-Петербург – Анна Титова, (812) 703-73-73, titova@piter.com

Москва – Сергей Клебанов, (495) 234-38-15, klebanov@piter.com